Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе П. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР

IV—XVIII ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1972

Вступительная статья и составление
Л. Арутюнова и В. Танеева

С
П67

Скан и обработка: glarus63

7-4-3
Подп. изд.

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ ПОЭЗИИ НАРОДОВ СССР

Все стихии вселенной слово мое — не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.

Физули

1

Пятнадцать веков. Полтора тысячелетия, с IV по XVIII век, видевшие рождение и гибель великих мировых держав, возникновение и исчезновение целых народов, подъем, расцвет и упадок культур, десятки поколений, которые прошли по земле, сменяя друг друга. Вся эта безбрежная историческая жизнь, судьбы народов и государств, чаяния классов и отдельных людей надежнее, чем в наскальных надписях царей и культовых постройках, запечатлены в стихах, которые тогда были если не единственной, то преобладающей формой литературного творчества, потому что, как это ни может показаться странным, литература сначала научилась разговаривать языком поэзии, а не прозы. Бессмертные строки армянина Нарекаци и грузина Руставели, азербайджанца Низами и узбека Навои, великих иранотаджикских поэтов и автора «Слова о полку Игореве» стали вечными спутниками человечества, неиссякаемым источником житейской мудрости и нравственного совершенствования, гражданской добродетели и личной морали. Столетиями они передавались из уст в уста, формировали социальные, этические, эстетические идеалы и представления.

Как уместить этот океан поэзии в одну книгу? Как рассказать о писателях, разделенных многими веками и тысячами километров, разгороженных языками, религиями, традициями, историческим типом культур, неодинаковых даже по своему этническому облику? В самом деле, одни из них представляют народ с историей, восходящей к древнейшему цар-

ству Урарту (Армянское нагорье), другие хранят память о Колхиде, Иберии, Албании — легендарных землях Кавказа и Закавказья, третьи принадлежат к племенам, которые еще в V веке образовали в районе Алтая и Семиречья «Тюркский каганат», распространившийся затем на территорию Средней Азии, в Междуречье Сырдарьи и Амударьи, четвертые ведут летосчисление с незапамятных времен иранской древности, пятые — прямые наследники славянских племен, начавших в IV веке продвижение в сторону Балкан, в южную половину Восточной и Центральной Европы, наконец, представители финно-угорской, балтийской, маньчжуро-тунгусской, многих-многих групп, племен и народностей.

Народы нашей страны и их культуры разнятся как по этническому корню, так и по характеру, темпам, «стажу» исторического развития. Одни издавна жили на самых оживленных перекрестках мировой цивилизации, другие сравнительно недавно вступили на путь общей истории. У одних за плечами была многовековая культура, тесно общавшаяся с греческой античностью, искусством «римского круга земель», китайской и арабской цивилизациями, другие получили письменность только при Советской власти. Об иранских народах Гете сказал, что «они назвали великими пять поэтов, тогда как среди прочих, забракованных ими, многие будут почище меня», а кочевники-степняки в это же самое время не знали авторской литературы и создавали только произведения фольклора.

Несоответствия уровней культур, различия между ними столь очевидны, что, казалось бы, во всем этом нет и не может быть никакого единства, общности, соизмеримости. Историку культуры остается исследовать художественное развитие отдельных народов или, в лучшем случае, изучать регионы близких и родственных литератур. Такой вывод был бы, однако, поспешным и неосновательным, потому что существует реальное понятие общности человеческой культуры, которая в своем развитии проходит соизмеримые стадии, переживает соотносимые между собой этапы.

Марксизму, давшему научное объяснение истории, принадлежит также заслуга открытия общих закономерностей развития всемирной культуры. Она осмысляется теперь как часть целостного исторического процесса, а ее развитие рассматривается с точки зрения смены социально-исторических формаций. Яркая, целостная оценка средних веков дана академиком Н. И. Конрадом в его известной книге «Запад и Восток».

Громадный период времени, который охватывает этот том, характеризуется утверждением феодальных отношений. Они знаменовали собою один из самых решительных поворотов в жизни человеческого общества, коренным образом изменили хозяйственный уклад, мировоззрение, идеологию и культуру.

Третий — пятый века отмечены крушением рабовладельческого строя. Падение Римской империи означало для народов Европы, а Парфянского и Кушанского царств — для народов Среднего Востока, что на смену древнему миру идет средневековое общество. Пусть феодализм в разных стра-

нах утверждался разновременно, различны были условия его становления и отдельные черты его развития, пусть он достиг неодинакового уровня у разных народов, но сущность его едина, социально-экономическая природа одна и та же, что обусловило сходные черты развития средневекового мира и его культуры.

Меняется структура населения земного шара, так как на арену выходят новые народы, которые совсем недавно относились к «варварам» или были вовсе неизвестны, а теперь сами стали определять пути мировой истории, «положили начало образованию в дальнейшем современных наций».

Мир, как показано академиком Н. И. Конрадом, приобретает не только новые этнографические, но также идеологические координаты. Всеобъемлющую роль в жизни народов начинают играть мировые религии — буддизм, ислам, христианство, выступившие в роли надстроек феодального экономического базиса, пронизавшие своим воздействием всю духовную жизнь средневековья. Они несли в себе не только оправдание существующего социального положения вещей, но были для своего времени и вместилищами культурных и духовных ценностей, накопленных человечеством за громадный исторический период. Так, армянская и грузинская культура этого периода, опираясь на христианскую религию, самым непосредственным образом могла входить в соприкосновение с византийским и романо-германским миром.

Сама концепция единства мира и ценности человека стала возможна именно на базе мировых религиозных учений.

Наконец, совершенно иной характер сравнительно с древним миром получает и классовая борьба. На смену восстаниям рабов приходят крестьянские движения и войны, равных которым история не знала. Они неизменно кончались поражением восставших — иначе и быть не могло,— но эти движения колебали и расшатывали средневековую иерархию, служили могучими ускорителями исторического прогресса, оказывали первостепенное влияние на идеологию и культуру своего времени.

Таковы, говоря суммарно и очень бегло, новые условия существования человечества в эпоху феодализма, к которой относится поэзия, представленная в настоящем томе. Однако было бы большой ошибкой подходить к литературе средних веков с нашими современными понятиями, не учитывая качественного различия в характере художественного развития человека той и нынешней поры.

Средние века были временем формирования и развития народностей, эта эпоха,— подчеркивает Н. И. Конрад,— не знала столь резко очерченных границ между литературами, как эпоха наций, что и позволяет говорить, например, об общности средневековых литератур народов Средней Азии, Ирана и Северо-Западной Индии.

Значительно более подвижны были также этнические и языковые преграды. Более того, в этот период существовали международные языки:

древнеславянский, персидский, арабский, которые зачастую служили литературам разных народов и несли в себе серьезные возможности для культурного и духовного обмена. Так, например, общность литературного языка грандиозного мусульманского мира, простиравшегося от Кордовы и Севильи до Бухары, Самарканда, Герата и Дели, позволяла людям искусства и науки быть на высоте передовой культуры, усваивать духовные и научные идеи прошлого и настоящего.

Самые древние памятники средневековой литературы на территории нашей родины — армянского и ирано-таджикского происхождения. Они относятся к IV—IX векам и составляют первый раздел этой антологии.

Пятый век в истории армянской литературы, представленный такими именами, как Месроп Маштоц, Иоанн Мандакуни, отличающийся богатством и разносторонностью поэтического творчества, общим подъмом культуры, принято называть «Золотым веком». Именно в то время создавались произведения, которые стали образцами для позднейших авторов.

Армянская литература на первых порах своего развития носила церковно-религиозный характер, она находилась в руках духовенства и процветала в монастырях. Достаточно сказать, что поэты Иоанн Мандакуни и Комитас были католикосами Армении, великий историограф Мовсес Хоренаци — епископом. Но даже в тех случаях, когда к литературному творчеству стали причастны выходцы из мирян, они были преисполнены тем же религиозным чувством, отстаивали те же духовные ценности, создавали произведения в тех же канонических жанрах общехристианской литературы.

Религиозная по форме, литература Армении служила мощным фактором в идеологической борьбе против иноплеменных завоевателей, помогала сохранению целостности народа, который подвергался постоянной экспансии, была рождена потребностями своей бурной эпохи и связана с реальными условиями жизни.

Кроме духовной письменной литературы, существовала и светская изустная поэзия, связанная с традициями народной песни. Однако, подвергаясь в течение долгих веков гонению со стороны духовенства, она почти не сохранилась, хотя наложила свой отпечаток на письменную литературу, давала себя знать в историографии и других жанрах.

Доказательством того, что поэзия не ограничивалась только духовными стихами, но обращалась также к светским темам, к реальным событиям современности, может служить «Плач на смерть великого князя Джаваншира» поэта VII века Давтака Кертога — произведение, отличающееся глубоким, искренним чувством, напряженным лирическим переживанием.

Средневековая таджикская поэзия начинается с VIII—IX веков, когда сложилось независимое феодальное государство Саманидов. Стихи создавались тогда на разговорном языке фарси и, частично, арабском, который был международным языком науки и культуры.

Творчество наиболее ранних представителей таджикской поэзии — Ханзалы Бодгиси, Фируза Машрики, Абусалика Гургани — несло на себе отпечаток фольклорной традиции, отражало существенные стороны жизни средневекового мусульманского общества.

Вместе с тем произведения первых поэтов Армении и Таджикистана готовили почву для творчества гениальных художников Нарекаци и Рудаки, которым суждено было проложить новые пути искусства, стать предвозвестниками восточного Ренессанса.

2

Период X—XIV веков в истории народов Кавказа, Передней и Средней Азии все чаще и со все бо́льшим основанием рассматривают как ренессансную эпоху в их культурном развитии. Действительно, общие экономические, мировоззренческие, художественные процессы, у одних раньше, у других позже, с большей или меньшей степенью интенсивности коснулись стран Средиземноморья, Кавказа, Средней и Передней Азии. Но в данном случае не столь уж существенны точные хронологические рамки ренессансных периодов в каждой культуре, степень их первоначальности по отношению к своим соседям. Исходя из структуры этой антологии, мы вправе рассматривать сходные явления в нескольких региональных культурах, растянувшиеся с X по XIV век, в их суммарной форме.

Десятый — четырнадцатый века для Грузии и Армении и для народов Средней Азии характерны становлением развитого феодализма и торгового капитала, ростом ремесел, искусств, международного обмена.

Именно территории Кавказа и Средней Азии стали в это время местом пересечения великих торговых путей между Востоком и Западом, Китаем, Индией, Константинополем и италийскими торговыми республиками. На этих коммуникациях мирового обмена росли города, создавались царства, усваивались материальные и духовные богатства тогдашнего мира. На этих путях звучали рядом не только языки всех народов Кавказа, Востока и романо-германского мира, но и возникали разнообразнейшие культурные и художественные влияния.

«Ближний Восток передал в X—XIII веках Западной Европе не только переводы с греческого, не только комментарии к Аристотелю, Птолемею, Галену, но и оригинальные научные труды арабских и арабо-еврейских ученых. В Багдаде при дворе Абассидов, в Кордове Омейядов и Альмовидов процветали в VII—XII веках замечательные школы ученых, связанные с математиками и мыслителями мусульманской Средней Азии. Таким образом, от Самарканда до Толедо (перешедшего со всеми арабскими библиотеками в руки христиан при начале «реконкисты») тянулась одна линия культурного развития. Европа до самого XII века была лишь периферийной

областью греко-арабской науки, с которой могла соперничать одна лишь Византия» [1].

Роль науки, «знания» была в это время очень велика на Востоке. Блестящее развитие математики и астрономии в Самарканде и Герате, обсерватория Улугбека, как и расцвет искусства в Средней Азии, были связаны с великой арабской научной традицией, ставшей посредницей между Востоком и Западом, хранительницей эллинистической культуры.

Грузинские и армянские монастыри, как на Кавказе, так и разбросанные по всей Передней Азии и Средиземноморью, служили также посредниками между греко-византийским и восточным миром, были средоточиями культуры и науки.

Этот высокий научно-культурный опыт, в том числе и особенно в области астрономии, географии, космогонии, истории, богословия, философии, находит своеобразное отражение в поэзии, которая не только воспевала человека и природу, но и стремилась познать мир, объяснить суть вещей, представить движение истории. Ссылки на Платона и Ибн Сину, на Аверроэса и Аристотеля, на космогонические и философские учения, как и историко-мифологические параллели, весьма характерны для культуры этой эпохи. Поэзия Руставели, Низами, Джами, Навои, Физули в этом смысле есть не только энциклопедия духа и чувствований тогдашнего человека, но и свод его знаний.

Расцвет культуры был связан с интересом к традициям античности. Армения и Грузия обладали собственной древней культурой, входившей на равных правах в эллинистический мир. Переводятся Аристотель, Платон, многие сочинения и труды их современников и последователей, развиваются самостоятельные научные школы — философы Ефрем Мцире, Иоанэ Петрици, Арсен Икалтоели в Грузии, математик Ширакаци, философ Давид Непобедимый в Армении и т. д. В X—XIII веках интерес к античному наследию возрастает, традиции развиваются далее. Так, в XI веке на армянский язык с греческого переводятся «Начала» Евклида, в то время как латинский перевод, осуществленный на Западе столетием позже, делается с арабского.

По старой привычке Восток до сих пор рассматривается некоторыми как нечто косное и недвижное, однако это мнение справедливо лишь по отношению к позднейшему периоду его истории. Действительно, начиная с XVI века в силу ряда причин наступает «консервация» феодализма во многих странах Востока. Однако в эпоху раннего и высокого средневековья Восток по отношению к Западу, напротив, стоял на гораздо более высоких ступенях материально-технического, научного и культурного развития. Поэтому не лишне напомнить, что те признаки Ренессанса, которые мы обычно связываем с фактами итальянского Возрождения как класси-

---

[1] И. Н. Голенищев-Кутузов, Данте и предвозрождение.— В кн.: «Литература эпохи Возрождения и всемирная литература», «Наука», М. 1967, стр. 60.

ческого образца, не только существовали раньше в странах Востока, но и в процессе общения в той или иной форме предопределили сходные явления на Западе, прежде всего в Средиземноморье.

Развитие городов, ремесел и торговли меняло прежнее миросозерцание, а это имело уже непосредственное отношение к культуре. Из раннефеодальной системы зависимостей, ограниченной связью феодала и крестьянина, вычленяется город как самостоятельная единица. Продукция свободных горожан-ремесленников идет на рынок, который становится символом обмена, движения, взаимосвязей. Ренессансные эпохи, особенно по сравнению с ранним средневековьем, отличаются динамизмом человеческих связей и общений. Идея движения получала реальное воплощение — люди путешествовали, ездили, передвигались, воочию познавая мир, другие народы, сравнивая их жизнь со своим привычным бытом и т. д.

Такие города Кавказа и Средней Азии, как Ани, Двин, Карс, Гори, Тебриз, Шуша, Самарканд, Бухара, были не только центрами ремесел и торговли, но и центрами новой культуры, которая разрушала прежний — статичный, самодовлеющий, замкнутый в себе — принцип миросозерцания и постигала идею разнообразия, связи и единства мира, где человек мог и стремился стать автономной единицей по отношению к догмам церковной и феодальной власти. Не случайно, характеризуя эпоху Возрождения в Италии, Ф. Энгельс говорил, что именно тогда стало «укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие» [1].

Конечно, ремесленник только выделывал шелка и калил булат, а купец торговал, но их деятельность развивала мысль и инициативу, и потому именно город стал той почвой и тем двигателем новой культуры, которую мы знаем по высочайшим образцам художественности во всех видах искусств, основанных прежде всего на новой концепции личности.

Мир феодального человека был всецело или в большей части подчинен универсалиям церкви, которая давала ему миросозерцание по образу и подобию земного подчиненного общественного устроения, но опрокинутого в сферу божественного, в котором личность, казалось, обретала гармонию и компенсацию за земное унижение. Подчиняя себя целому как земной человек на земле, он — человек — приобретал себя как духовную единичность перед богом, но по ту сторону жизни.

Новый гуманизм стремился преобразить эту закономерность на противоположных началах. Человек хотел быть самим собой, как самостоятельная индивидуальность, прежде всего на этой «грешной» и «плотской» земле. Минуя церковь, он общался самостоятельно с богом, который переставал быть всецело организующим его земную жизнь началом.

«Раскрепощение плоти» много значило для поэзии и искусства, и эта антология дает тому блестящие примеры,— лирика Рудаки, Руми, Физули,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 346.

Кучака, Бабура, воспевающая природу и любовь,— как бы первоначальная, хотя и постоянная тема ренессансного мироощущения. Ведь и любовная лирика идет вслед за «раскрепощенным духом», она утверждает жизненную реальность лишь постольку, поскольку ее направляет раскрепощенное сознание, освобожденное от оков догматизма и аскетизма.

Теологи христианства и мусульманства старались доказать преимущества своих религий. Во всяком случае, европейские религиозные идеологи считали, что они убедили человечество в большей духовности христианства. Однако поэзия как мусульманских, так и христианских народов показывает: общность духовных поисков, общность анализа глубочайших тайн человеческого сердца, разума, человеческого существования в целом. И протест против религиозных догматов, и поиск гармонии в мире, и констатация ее невозможности, и порыв в сферу идеала, и драматическое ощущение несоответствия между идеальной и реальной сторонами души, и обожествление человека языком мистического вольнодумства — все это является завоеваниями человеческого сознания и духа, а не религий.

Раннеренессансное мироощущение не порывает с идеей бога, напротив, оно стремится понять ее как непосредственное общение души с всевышним, минуя, однако, церковь. Даже грандиозные крестьянские войны и движения средневековья, в том числе многочисленнейшие ереси — манихейство, павликианство, тондракийство, суфизм,— проходили под флагом религии, были исполнены идеей ее усовершенствования, ее «очеловечивания» и «оземления».

Вспомним, что и германская реформация совершалась на религиозной почве (Лютер, Кальвин, Томас Мюнцер). Во всех этих случаях задача заключалась в секуляризации религии, речь шла об отделении церковной власти от светской, о признании последней равноправной с первой.

Восстание против всеобъемлющей власти церкви было в эпоху средневековья одним из самых существенных моментов развития человеческого сознания, оно означало автономизацию человека в духовном плане. Но было бы упрощением думать, что передовые люди того времени были атеистами. В противном случае нельзя будет понять поэзию этого периода, которая, как правило, исходила из идеи бога, хотя и желала примирить ее с идеей природы (пантеизм) или обожествления человеческой личности (суфизм).

В том-то и состоит великое значение искусства этой эпохи, что, не уходя от идеи общей связи, оно вместе с тем и параллельно с ней раскрывало идею природы и человека, как не только равные, но и равновеликие божественному абсолюту; но именно этот «параллелизм» рождает драматические, а подчас и трагические духовные коллизии, которые и до сих пор потрясают своей человеческой подлинностью, стремлением к духовной гармонии и осознанием ее невозможности.

Григор Нарекаци расчленяет бытие и человеческое сознание на со-

ставные, противоположные, несовместимые части, тем самым лишая их божественного предопределения и заранее предуказанного порядка.

Европейская мысль синтезировала, вернее, стремилась объединить эти части в целое идеей индивидуализма, и, действительно, эпоха Возрождения и ранние стадии буржуазного развития показывают нам не только преимущества, но и относительную гармонию такого синтеза.

Нарекаци, будучи религиозным поэтом, стремится эти «распадающиеся» части бытия объединить идеей бога, заключенной в душе человека. То был громадный шаг в сторону от средневековой схоластики к гуманизму, но путь, ведущий в трагическое состояние человеческой души, поскольку, лишив себя сознания божественного предопределения, но не став на путь индивидуалистического мировосприятия, она, вместив в самое себя высокую идею божественного нравственного идеала, осталась один на один с несовершенствами и противоречиями мира и человеческой природы.

Дело не в том, что такие поэты не могли объяснить противоречия мира и человека, а в том, что они не могли объединить их ни в одной из тогда известных универсалий — ни в идее всемогущей державной церкви, ни в идее индивидуализма, ни даже в идее природы, хотя она, как правило, оказывалась последним убежищем смятенного сознания. Но именно в этой драматической коллизии несоответствия крылись предпосылки для возникновения высокого поэтического искусства, поскольку само расчленение сущего предполагало гуманистический, земной характер восприятия мира и человеческих задач, стремящегося к гармонической идеальности, но и констатирующего невозможность ее воплощения:

И сонмы сил, недобрых и благих —
Любовь и гнев, проклятья и молитвы,—
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!

(Нарекаци)

Но осознание невозможности воплощения идеала, в ту пору могущего быть только религиозным, и есть, если вдуматься, глубоко земное чувствование, ибо церковная догматика видела в аскетическом каноне как раз преимущество и доказательство божественного порядка, допускающего достижение идеальности лишь по ту сторону земного существования.

Нарекаци хочет поднять земного человека до божественного идеала. Уже в этом заключена та свобода по отношению к регламентированной универсальности средневекового бога, которая создает почву для неоплатонизма. Эта свобода рождает самоуглубленность в живую природу, познание противоречивой сущности человека и вещей, с которой божественная универсальность не в состоянии справиться, ибо она уже не в состоянии ни объять, ни объяснить личность. В результате происходит обожествление человека, а не очеловечивание бога. Но не только. Хотя поэт и стремится к божественному идеалу, однако на пути к нему он раскрывает в человеке

такое противоречивое многообразие чисто земных, «плотских», природных качеств и состояний, которые, будучи «греховными», тем не менее начинают играть самодовлеющую роль и значение и в повествовании и в познании мира. В результате, хотя «Книга скорбных песнопений» Нарекаци посвящена всецело богу, хотя каждая глава начинается и кончается «Словом к богу, идущим из глубин сердца», сама реальная панорама человеческого духа и смятенного сознания, созданная поэтом, такова, что получает самостоятельное от него значение; произведение, обращенное к познанию и утверждению идеи божества, есть прежде всего поэма о человеке, о природе его трагического, сомневающегося, ищущего истины духа.

Осознать природу земного человеческого существования армянскому епископу X века помог не только его высокий поэтический дар, но и его способность проникнуть в народную душу, минуя концепции официальной церкви, а в то время это было подвигом.

Грузинские поэты, в противоположность армянским, были больше связаны не с церковью, а с царским двором как центром национально-государственной жизни. Великий Руставели в своем бессмертном «Витязе в тигровой шкуре» воспевает царицу Тамар. Но помимо того, что для патриота XII века она, естественно, представлялась средоточием государственной власти и мудрости, которые, кстати, царица Тамар, как и ее дед и прадед, оправдывали личными достоинствами, само творение Руставели представляет собой прежде всего универсальный целостный свод и кодекс национальной мысли, философии, морали, нравственности, которые сопутствуют грузинскому народу до сих пор. Аналогично этому и воспевания царей и полководцев в поэмах «Тамариани» Чахрухадзе и «Абдул-Мессия» Шавтели являются, по существу, поэтическими историями страны в героический период ее расцвета. Царь, как герой произведения, персонифицирует, в силу своего официального государственного статута, историческую народную сущность.

Христианский пантеизм Нарекаци, основанный на еретическом учении тондракийцев, которое стремилось освободить человека от власти церкви, неоплатонизм Руставели находятся в русле многообразнейших форм пантеизма того времени, в том числе и чисто художественных. Весьма знаменательно, что и суфизм, выступающий как философско-эстетическая ересь по отношению к догматам магометанства, также пришел к идеям пантеизма.

Почвой суфизма была не только философия мистицизма, но и философия неоплатонизма, а главное — народных поисков неофициального, бездогматического общения с богом. Суфизм был направлен против канонических догматов, ограничивающих человеческий поиск истины. И даже если иметь в виду, что европейский рационализм, основывающийся на примате разума в формулировании истины, оказался путем более перспективным в общих судьбах человечества, мы не вправе отбрасывать как несущественный иной поиск познания сущности природы и человека, тем

более в применении к искусству духовного познания, каковым является поэзия. Напротив, суфизм, особенно в его недогматической, оппозиционной форме, надо воспринимать как одно из проявлений раскрепощающегося человеческого духа.

И судьбы многих поэтов, например, Саади, и само время способствовали вызреванию идеи развития, в которую включена — как часть в целое — и человеческая жизнь, в этом случае лишающаяся прямолинейной законченности, завершенности, предопределенности, что всегда настойчиво утверждала церковь, беря под опеку свою паству. Пессимизм и мистицизм в этом случае становятся аналогом свободного духа, а нравы дервишского братства — попыткой освободиться от социальных связей неправедного общества и мира.

Разностороннее развитие личности сказывалось не только в художественном познании мира, но и в познании «знания». Научное знание также ведет к суфийской идее эмансипации творческой личности. Великий Джами был историком, грамматиком, философом, математиком, астрономом. Чрезвычайно характерно, что он отказался от служебной карьеры, вступил в суфийско-дервишский орден, основная заповедь которого заключалась в служении ближнему.

Не только Саади, Джами, но и такие поэты, как Санаи, Аттар, Руми и многие другие, были связаны с идеями суфизма. В их творчестве явно ощутимо осуждение тирании и социальной несправедливости, часты мотивы служения ближнему и отрицания мирских благ.

Сама этимология понятий «суфизм», «суфийствование», «суфий» имеет, как утверждают ученые, двойную природу. Это слово означает и «облаченный в суф» — то есть во власяницу, и «софия» — мудрость; здесь обозначена взаимосвязь идей самоусовершенствования и мирского опрощения человека и мистического, мудрого воссоединения с божественным абсолютом.

Суфизм в начале своего возникновения был формой мусульманского аскетизма, противопоставленного общественному неравенству, самой официальной религии, не оправдавшей надежд на установление социальной гармонии.

Корни суфизма восходят к манихейству, к буддийским и индуистским системам, и особенно к неоплатонизму. Разновидности суфизма включают в себя как догматы ислама, так и идеи пантеизма, которые доходили до границ богохульского вольнодумства и атеизма.

Для суфизма характерен метафорический тип познания мира и человека, поэзия суфизма поэтому строится на интуиции, символе, метафоре, аллегории, откровении.

Поскольку суфизм исходит не столько из идеи рационального постижения божества, сколько из мистического слияния с ним, его главным символом становится идея любви, то есть не покорного подчинения божеству,

а личной влюбленности в него, сублимирующей чувственность в высшие духовные ценности.

Может быть, поэтому лирическое искусство этого ряда, сочетающее жизненную конкретность и гуманистическую идеальность, достигло высочайших вершин искусства.

Суфистская поэтическая символика «возлюбленная» и «друг», «вино» и «кабачок» — заключает в себе идею божества. Но переключенные в поэтическую сферу, эти символы зачастую лишались мистической абстрактности. Сами аллегории, в которых поэзия пыталась уяснить себе взаимоотношения человека и природы, человека и бога, жизни и смерти и т. д., воспринимались в их реальной жизненной оболочке и сущности. И не будет преувеличением утверждать, что суфийская поэзия, изощренная, мистическая, философская, часто скептическая, пессимистическая, не только идеологически основывалась на народном недовольстве засильем религиозной и феодальной власти, на стремлении преодолеть схоластику и догматизм, но и воспринималась не абстрагированно, а как жизненная конкретность высокого поэтического искусства.

Пантеизм, то есть обожествление природы и, следовательно, человека, неоплатонизм и суфизм были формами противопоставления свободной мысли официальной церковной догматике. Пантеизм и суфизм, правда, не разделяли идею индивидуализма, но в них был чрезвычайно развит гуманистический взгляд на природу вещей и человека. Пантеистическая, как и любовная лирика народов мусульманского и христианского Востока, была формой выражения гуманистических идей.

В любовной лирике, в воспевании природы, в мудром познании человеческого сердца восточная поэзия действительно достигла удивительных результатов.

3

Нужно прямо сказать, что членение средневековой поэзии народов Кавказа и Средней Азии — как лирического искусства — по проблемно-тематическим хронологическим этапам, которые столь отчетливы в новейшей литературе, если и возможно, то весьма условно. Конечно, чисто субъективная лирика рождается на рубеже XIV века, до этого поэзия была слишком связана с идеей бога, с разрешением религиозных противоречий, с мифологической образностью. С XIV века поэзия стремится к простоте, к жизненной конкретности, к большей социальной определенности и т. д. Это утверждение будет справедливым, однако, лишь в самой общей форме. В том и состоит особенность предлагаемой антологии, что, представив хронологически развитие многих литератур вне замкнутых в себе национальных рамок как единый процесс, она позволяет обнаружить общность и целостность лирического искусства на протяжении веков.

Конечно, поэт X века Нарекаци более погружен в трагические боренпия своего алчущего истины, смятенного противоречиями духа, но ведь именно ему принадлежат плепительные в своей непосредственности лирические строки, посвященные богоматери-женщине. И эта — одновременно и графическая и живописная, цветовая — картина природы:

Кипарисы, красуясь, кадят
Над чашами роз и лилей;
И в долине чаши лилей
Под солнцем всходящим горят.

Конечно, поэзия позднего средневековья менее отвлеченна, более конкретна и проста. Вот, например, с каким внутренним сдержанным юмором передает ответ непреклонной возлюбленной поэт XIV века Худжанди: «И сказала: «Ресницами ты мой порог обмети, // Увлажни его влагой из глаз».— «Повинуюсь»,— сказал». Здесь «жестокость» возлюбленной передана через конкретный и простой образ. Но вот еще зарисовка:

Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит,
И к тебе из губ раскрытых крик любви не излетит,
Дорогая, сядь на коврик и с улыбкою скажи:
«Как печально! Умер, бедный, не стерпев моих обид!»

Трудно вообразить, что эти стихи — искрящиеся не только страстью и жизнью, но и юмором — написаны в X веке великим Рудаки.

Связь между двумя стихотворениями очевидна, несмотря на расстояния веков и — главное — первоначальность, первозданность поэтического искусства Рудаки. Правда, можно заметить, что у Худжанди говорит сама возлюбленная, в то время как Рудаки передает ее слова. Видимо, в этом и заключен момент развития поэтической образности. Но само это развитие может быть определено, если не впадать в схематичность, в самой общей форме, что не исключает констатации движения поэзии.

Ведь и поэты одной эпохи могут если не различно смотреть на одни и те же явления, то, во всяком случае, делать из них противоположные выводы. Рудаки заключает:

Будь весел с черноокою вдвоем,
Затем что сходен мир с летучим сном.

Ты будущее радостно встречай,
Печалиться не стоит о былом.

У Нарекаци, погруженного в созерцание внутреннего мира более, чем в созерцание мира внешнего, вывод более драматичен: «Грядущее — темно, былое — ложно. // Я хуже всех, моя греховна суть».

Вполне можно допустить, что мировосприятие, отразившееся в этих стихотворениях, связано и со спецификой религиозных представлений христианства и ислама. Последний, видимо, более жизнелюбив, в то время как

христианство более связано с драматической идеей духовной гармонии и свободы человеческой личности.

Но если рассматривать идеи и факты в поэтическом ряду, то нельзя не заметить здесь «сходства противоположностей». В самом деле, когда Нарекаци заклинает, обращаясь к богу:

Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, господь, мне жертву приносить
И знать, что неугодна жертва эта...—

то, с точки зрения художественного познания, он призывает снять с человека все «отрицательные» оковы. Но, сняв с этих конструкций трагические заклинания «не», «не дай», мы получим в итоге, как это и показало дальнейшее развитие средневековой поэзии, «формулу» Рудаки:

Подобен облаку и ветру мир неверный.
Так будь что будет! Пей кипящую струю.

Наконец, если христианский поэт X века сосредоточивает все противоречия мира в себе самом, пытаясь их решить пред ликом духовного абсолюта, то мусульманские поэты этого же времени гораздо более свободно членят мир на «составные» части, каждая из которых имеет свою «природу» в общей взаимосвязи целого. Поэтому «знание», «мудрость» у них если и не противопоставлены человеческой «плотско-духовной» природе, то и не совпадают с последней. «Мудрость» становится спасительным берегом в «океане жизни», к которому свободно — и зная предопределенность бытия — плывет «челнок» «бренного человека».

Нарекаци воспринимает мир в себе, в своей духовной единичности («О господи, я сын — преступный твой»). Абу Али ибн Сина — вовне. Ибн Сина — ученый, мудрец, поэт; такого рода фигура весьма характерна для восточной культуры. Знание, казалось бы, постигает мир, оно спасает человека от бездн противоречий и сомнений:

Душа вселенной — истина: то бог А мир есть тело.
А чувства тела — ангелы, верны душе всецело,
А члены тела — вещества, стихии, элементы.
Единство мира таково, я утверждаю смело.

Все, что сокрыто в словах, мне подвластно.
Тайны вселенной постиг я прекрасно.
Ну, а себя хорошо ли познал я?
Стало мне ясно, что все мне неясно.

Таким образом, и на этом частном примере мы обнаруживаем, что, с точки зрения искусства, «крайности сходятся». Ибн Сина приходит — через всесильное, всемогущее «знание» — к драматической мысли о непостижимости человека: «О, если бы познать, кто я!» Мир человеческого духа не так-то просто, оказывается, объяснить логическим «знанием», и поэзия удостоверяет это. С другой стороны, и Нарекаци, подчиняясь, не растворяется в духовном господстве христианского бога: «Я грешен, я упрям в грехе своем!» Упрямый в гордыне, в грехе, в жизнелюбии, в познании!

Средневековые поэты видели изменчивость мира, одни хотели объять его мыслью и мудростью, другие — духовным самоуглублением, но во всех случаях и независимо от религиозной принадлежности поэзия констатирует драматическую невозможность объять бытие в целом, в гармонии.

Хагани как будто создает в некотором смысле классическую формулу примиренного с жизнью миросозерцания: «А сердцу, любящему правду, пусть покровительствует разум». Но эта спокойная созерцательность взрывается изнутри страждущим истины поиском поэта:

Где яд, чтоб другом я его назвал.
Где меч, чтоб счастьем я его считал.

Где смерть, которую как избавленье
Потусторонний мир мне б даровал?

Ничто — ни христианский, ни мусульманский религиозный универсализм — не в состоянии ни утолить, ни воплотить эту жажду идеала:

О ночь одиночества! Ночь, пощади!
Я брошен. Закован я... Тьма впереди...
О ночь, если даже ты жизнь,— уходи.
О утро! Пусть гибель ты — вспыхни! Приди!

(Бейлакани)

И может быть, потому, что средневековый человек не мог обрести полноту гармонии и истины, поэзия утверждает универсализм — поистине титанический и преисполненный гордыни! — творческой индивидуальности.

При всем пиетете «мудрости» и «знания» в те времена, поэтическое слово, сам творец обладают, кажется, демиургическими атрибутами. Тот же Бейлакани мог противопоставить «ночи» только душу творца: «Душа моя подобна океану, // Мне жемчуга дарует вдохновенье...» И, с презреньем обращаясь к придворным, от которых он, как и многие поэты тех времен, не мог не зависеть, гордо провозглашал: «Что ж, муравьи, потопом темным хлыньте — // Один мой бейт растопчет вас в мгновенье!» Низами вторит ему: «И перо бежит по миру, словно стяг завоеванья». Идея творческой гордыни рождает раскрепощающее человека ощущение свободы, полноты жизни. Оно касается пока взаимоотношения поэта и его художественного мира, но, поскольку последний является моделью и отражением реального мира, свобода творца становится аналогом свободы и могущества человека,

как это видно из поистине царственных строк Асади: «Я царствую, Земля — мой трон, дворец мой — небосвод. // Мои вельможи — сонмы звезд, и месяц их ведет». И эта метафора рождает не только образ поэтического творчества, но и образ созидающего человека вообще: «Я превращаю небо в сад, и звезды в нем цветы».

Идея творчества как аналога созидающего человека была не только поэтической метафорой, не только привилегией художественного мира. Навои был не только гениальнейшим поэтом, но и мудрым правителем, составившим блестящую эпоху средневекового Герата, он был, кроме того, крупным ученым, музыкантом, художником, был личностью великой и всесторонне развитой, находящейся на самом высоком уровне культуры своего времени. Образ Навои неотделим от его государственной и научной деятельности, от культурной среды, которую он создавал в течение многих лет вокруг себя в Герате. Под сенью его высокой дружбы творили и его учитель — классик таджикско-персидской поэзии Абдуррахман Джами, и «Рафаэль Востока» — живописец Бехзад, и каллиграф Султан Али Мешхеди, и многие другие.

Бабур — сын властителя Ферганы — был не только великий поэт, но и полководец, ученый, государственный деятель, основатель знаменитой империи Великих Моголов в Индии.

Личная универсальность выдающихся творцов обогащала и искусство, и другие избранные ими поприща. В творениях Навои мы явственно ощущаем его философию мира, его представления об идеальном государственном устройстве.

Судьба Бабура накладывает отпечаток на его поэзию. Бесстрашный воин, даже с явными элементами ренессансного авантюризма, он вносит в свое искусство мощную стихию волевого, личностного, императивного начала, подымая поэзию от созерцательности и аллегорического мистицизма до уровня бурных, поистине шекспировских страстей. Его поэзия в этом смысле индивидуалистична, исходит из собственного опыта и направлена на свое «я». Отсюда и новое чувство драматизма, пронизывающее его творчество, драматизма личной судьбы могучей индивидуальности. И даже такой обычный поэтический мотив, как тоска по «родине милой», оставленной ради нового царства, потрясает именно своим субъективным характером, ощущением изгнания — ведь это пишет и чувствует «владыка мира».

Творческая гордость чрезвычайно присуща поэтам средних веков. Поэзия — это служение знанию и искусству, служение правде и народу. Несоответствие этим принципам осмеивалось и отвергалось. «В поэте-рабе нет нужды никому...» — утверждал Анвари. «Коль тебе ради хлеба заниматься пришлось,/ / Так носи лучше мусор, а поэзию брось!»

Именно в утверждении свободы и ответственности творческой индивидуальности более всего раскрывается гуманистическая природа тогдашних представлений о человеческих возможностях, хотя бы и в логически-философском плане, как это видно у Несими:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места — и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет,— все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь...

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной,— но в сотворенье не вмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?..

Я меньше, чем моя же слава,— но я и в славу не вмещусь.

Но эта «надмирность» предопределяла, с другой стороны, то, что все идейно-социальные противоречия осмысливались и разрешались как бы не в самой жизни и с ее помощью, а в духовно-философском мире творца, представая реалиями сознания и бытия, а не общественной практики и жизни. Титанический спор с богом, как христианским, так и мусульманским, позднее сменяется констатацией реальных социальных противоречий, которые предстают как противоположности, навсегда данные в своей несовместимости, как извечные свойства человека и мира.

Поэт XI века Носир Хисроу в «Споре с богом» констатирует: «Семя древа искушения в сердца // Сам ты кинул, сотворив людей,— давно». Вывод: «Я пучиною сомнений поглощен» — есть в некотором роде божественное предуказание для ищущего истины духа. Поэты XIII—XIV веков Фрик или Ованес Ерзнкаци констатируют жизненные противоречия уже как статичные данности, с которыми как будто никто не в состоянии совладать — и прежде всего сам бог, на которого раньше были все надежды: «Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву свином, // Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом». В этой статике не только упрек богу, но и обвинение самой жизни. Но в этом случае бог заменяется понятием судьбы, понятием, ближе стоящим к человеческой земной природе. Именно здесь рождается тот пессимизм относительно возможностей человеческих усилий, который столь часто связывают с восточной поэзией. Контрастное восприятие несовершенств мира кончается мыслью о вечных свойствах природы бытия, не подвластных не только человеку, но уже и самому богу, и в этом нельзя не видеть, конечно, шага вперед в художественном осмыслении социальной сущности мира:

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба;
Верх, падает, и вновь ему взнестись настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

(Ованес Ерзнкаци)

Поэзия в средние века отмечена тотальным критицизмом по отношению к общественному жизнеустройству. Он абстрактен с точки зрения социальной, но всеобъемлющ и довольно тонок с точки зрения свойств чело-

веческой природы, которые и в последующие века осознанного общественного существования не раз ставили в тупик апологетов чистого рационализма.

Необходимо, однако, отметить неуклонное движение поэтической мысли к осознанию социальных обусловленностей. Если Закани (XIV в.) видит своего первого врага в невежестве, как в антиподе разума, пред которым последний бессилен, причем к невежественным силам причисляются и владыки земли и неба:

Невежество — всесильный царь вселенной:
Различья умных от глупцов не видно.

Такие-то дела, Убайд.. Спасенья
Ни от владык, ни от богов не видно...—

то Физули и Саидо Насафи уже непосредственно социальны.

В философскую лирику Физули проникает острое ощущение неблагополучия мира. И хотя образная система остается как будто прежней, сквозь нее явственно проступает социальная направленность, в ней звучит не общефилософская, а именно общественная коллизия:

Бессилен друг, коварно время, страшен рок,
Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк,

Лишь страсть, как солнце, горяча, но безнадежна.
Кто честен — на землю упал, зато подлец высок.

Я чужд своей стране, без родины, без правды.
Исчерчен этот мир витьем коварных строк.

У Саидо Насафи социальная направленность конкретна, более того, она диктует и видоизменяет традиционную образность — даже в пейзажной зарисовке чувствуется не только новый демократизм, но и принципиальная политическая заостренность. «Кипарисы на стрелы, пропзившие луг, похожи... // Слушай, Саидо, повсюду стон ищущего правды существа!» — вот главная мысль поэта.

Так истина становится правдой. Отсюда вызывающий демократизм и сарказм поэта: «Простонародье, голытьба великодушнее, чем знать!.. // Нужней небесных эмпирей сей жернов мельничный вертится!» Поэзия превращается в сатиру, идеал утверждается через отрицание, инвективу, столь характерную для поэзии и сознанья средневековья.

И все-таки для восточной поэзии более свойственна не чистая социальность, а всепримиряющий и всевидящий мудрый стоицизм, переходящий в скептицизм. Примером могут служить строки бессмертного Навои:

Пускай святыня далека, ступай в суровый путь,
А не достигнешь — все равно ей благодарен будь.

Слепец, кто вечности искал среди забот мирских,
Глупец, кто верности искал среди сердец людских.

Поэзия средних веков дает примеры социальных мотивов, но социальность творчества как художественная задача есть продукт более позднего времени, предпосылки для нее возникают в XVIII веке, и закрепляется она вместе с реализмом XIX века. Для средневековой лирики характерна сатира, инвектива или философское постижение противоречий человеческого существования,— ярким примером последнего является творчество Навои, как и многих других поэтов, представленных в этой антологии.

И именно лирика, особенно любовная лирика, сосредоточивает в себе все реальные проблемы средневекового человека как положительная давность, как позитивная — человеческая, земная, плотская, духовная — альтернатива религиозной односторонности.

Средневековая лирика всегда колеблется, во всяком случае у христианских поэтов, между двумя полюсами сознания — религиозным и земным: «Меж двух огней моя свеча,— и тот и этот жжет», «Две воли властвуют во мне, я раб у двух господ»,— жалуется Константин Ерзнкаци.

Меня всех четырех стихий стремит круговорот:
Огонь меня возносит ввысь, земля к себе влечет,
То угасает пламень мой под влажной пылью вод,
То ветра мощного струя его опять взметет.

Но само это противопоставление двух начал возникло в силу того, что человеческие чувства обрели в поэзии жизненную конкретность. Непосредственность реальности у Нарекаци связана с эффектом искусства, с точки зрения сознания поэт здесь постольку реален, поскольку религиозен. Потом движет чувство любви к богоматери. Но ее «небесные черты» оказываются, как и у Рафаэля, чертами земной прекрасной женщины — и это результат скорее искусства, чем идеи.

К XIII—XIV векам драматическое ощущение двойственности человеческой природы достигает кульминации. Затем оно постепенно ослабевает, лирика превращается в чисто субъективную поэзию, делая духовной земную сущность человеческих страстей. В поэзию входит не только отвлеченное воспевание любви, но и сама свободная, торжествующая любовь, сама женщина-любимая как персонаж произведения.

Драматизм возникает теперь в градациях самого любовного чувства, в неистовствах страсти и ревности, в страхе нелюбви как антитезы человеческой сущности. Но последнее означало, что поэзия для того, чтобы отобразить любовь как человеческий мир, уже не нуждалась в преувеличениях и пышности. Напротив, она стремится к простоте, но в этой простоте таится еще больший заряд эмоций. Стихотворение перестает быть ясно-спокойной фреской богоматери или черно-белым, контрастным, слепящим изображением «греховного» переживания, утверждающим наперекор религиозному сознанию право «плоти» на свое существование, оно становится сюжетным, передающим развитие чувств как объективированных персонифицированных реальностей. Поэты могут передать уже не только «обобщенную» любовь — бурю ревности, стенания «обиженных жалоб»,

но и «персонифицированную» любовь,— они могут вспомнить картины прошлого, надеяться на будущее, слать проклятия счастливым соперникам и т. д.

Кучак освобождает лирическую поэзию от отвлеченности внешнего изображения, его чувства — земные и простые — передаются как авторско-личные переживания, что вовсе не лишает их страсти или драматизма:

Не нужна ты мне, не нужна,
Мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
И осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою,—
Пить не буду, губ не омою,
Словно та вода солона.
Если скажут: ты стала лозою,—
Не коснусь твоего вина.

Поэты мусульманских народов, как правило, были лишены любовного дуализма, даже художественный результат суфийской поэзии, переключенный в план жизненной конкретности и свободно воспринимаемый в нем, не несет в себе раздвоения, поскольку подразумевал в итоге именно высокую, но и земную любовь. Напротив, символом бездуховности, посягающим на прекрасную жизнь, становится нелюбовь, а его носителем ханжа, проповедник, служитель культа. Любовь в такой поэзии не только одухотворена, но становится символом и смыслом жизни.

Именно поэтому изображение всех аспектов земной жизни, освобожденное от дуализма духовных сомнений и осеняемое скептицизмом «мудрости знания», ведающее о конечности бренного человеческого существования, получает в восточной поэзии столь всеобъемлющий характер.

Физули взывает: «О душа моя, четок не трогай, на молитвенный коврик колен не склоняй», ибо «...преклоняя главу на молитве, ты уронишь корону свободы своей...». Это не просто антиклерикальность, ведущая к сатирической иронии, а призыв к познанию естественной природы человека и связанного с ней комплекса живых ощущений и впечатлений. «Я свободен во всем!», «Будь собою самим!» — заключает Физули.

Восточная поэзия блистает роскошью красок и созвучий, хитросплетениями изысканных образов, сравнений, уподоблений, передающих красоту мира и человеческих чувств. Но преклонение перед прекрасной природой и прекрасной любовью создает тот внутренний трагический подтекст, который пронизывает это высокое искусство, делая его и для нас, и для последующих поколений неисчерпанным и неисчерпаемым до конца в своей конечной сути. Трагический «подтекст» предстает и как невозможность объять всецело земную красоту, и как невозможность бессмертия, ибо человек бренен и должен покинуть этот прекрасный мир. Причем это драматическое ощущение возникает не в силу декларации, а в силу пол-

ного, абсолютного, самозабвенного приятия бытия. Может быть, поэтому здесь соседствуют рядом и восторг перед жизнью, и сомненья, проклятья и презрение к ней. Это не обожествление природы и не идеальность, взывающая к будущему, это жизненная данность, но представленная в столь «концентрированном» воплощении, что она, с одной стороны, рождает впечатление условности, с другой — щемяще-тоскливое чувство печали, вызванное ощущением, что такая реальность — при всем том, что она перед нами,— есть мираж. Восточная поэзия как бы многократно «останавливает прекрасное мгновенье» — отсюда и статичность и трагизм ее. А поскольку она преисполнена «знания» — также фатализм и скептицизм. Оказалось, что, когда человек останавливает прекрасные мгновенья, он остается один на один с вечностью, которую не в состоянии преодолеть, и он это осознает.

Презренье к жизни и к роду человеческому в средневековой поэзии не есть социально или психологически детерминированная величина. Фигули признается: «Хламиду безумия я надел, // Мир этот жалкий отчизной своею назвал»,— но было бы ошибкой понимать эту скорбную тираду буквально. Средневековый поэт свободен по отношению к жизни не только потому, что он в ней всецело растворен, но и потому, что он связан с идеей целого, с идеей абсолюта. В этом смысле средневековая поэзия контрастна — она или принимает жизнь, или отрицает ее, но и в приятии заключен трагизм бренного человеческого существования, и в отрицании есть признание любви к прекрасной жизни.

Великие поэты средних веков находят синтез земного и абсолютного, и этот синтез человечен, он построен по образу и подобию человеческой природы: «Дай посох! Настало время для посоха и сумы»,— просто может сказать старый Рудаки, но в этой простоте таится великое. Навои дает одновременно и трагический и оптимистический образ мира, примиренный в воле,— абсолютом становится человеческая судьба.

В этом смысле внутренний драматизм лирики заключен не столько в утверждении бренности человека и жизни («Вращается мир, забывая ушедших, //Бесстрастно встречая стучащихся в дверь...» — Бейлакани; «Смотрящий видит, ведающий знает — // Бессмертен мир, где смертный умирает» — Юсуф Хас-Хаджиб), сколько во всеобъемлющем приятии радостей бытия, в максимализме которого, как во всякой безмерности, уже заключена идея самоотрицания. И чем внешне «проще» и «безыскуснее» воплощена эта идея, тем больший в ней внутренний драматизм. «Готова молодость твоя откочевать, схвати ее. // Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?» — горестно спрашивает Низами: здесь драматизм заключен в самой возможности вопросительной интонации. «Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась завеса теней. // Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым днем зеленей!» — восклицает Несими, но почему в освежающей картине ранней весны есть элемент печали?! Картины природы в средневековой поэзии, кажется, адекватны самой при-

роде, но ее созерцание рождает мысль о конечности человека в ее вечности («И равнодушная природа красою вечною сиять»,— как заключил эту идею столетиями позже Пушкин, один из тех немногих поэтов, искусство которого могло соперничать в воссоздании мира с природой). В самом деле, когда мы читаем строки Фаррухи: «Встают облака голубые над синей равниной морской: // Плавучие думы влюбленных, забывшие сон и покой»,— то возникает не просто поэтический образ, не просто сравнение, а как бы живая картина океана, рождающая в душе человека мысль о любви и смерти, о вечности и бренности природы и любви.

Может быть, и не следует преувеличивать этих моментов, но что они существуют и определяют образный строй средневековой лирики — несомненно. Иначе трудно почувствовать и объяснить, в чем обаяние и какая-то внутренняя лирическая и драматическая напряженность «обычных» строк, каких тысячи в этой антологии, хотя бы того же Фаррухи: «Звучат среди зелени струны, все поле напевов полно, // И звонко сдвигаются чаши, и кравчие цедят вино»,— картины весны у которого заключают в себе нечто большее, чем обозначают реалии природы, ее составляющие.

Поэзия с течением времени становится проще, жизненнее. Конкретность входит в поэтический образ. «Ты мне душу растрепала, словно прядь своих волос»,— может сказать Саккаки. Высокая простота заменяет вычурность. Атаи уже может позволить себе простодушно обратиться к возлюбленной:

Этот раб сто раз в печали умирал.
Раз бы в радости родиться,— тем живу!

Атаи болел разлукой сотни раз.
Раз бы встречей излечиться,— тем живу!

Но мы не должны преувеличивать степени простоты и конкретности этой лирики, а, напротив, находить в сложности и отвлеченности ее достоинства, ее, если говорить о восточной поэзии, специфику. Так, Лутфи пишет: «Если в вине заблестят отраженья сияющих рук, // Станет серебряной влагой пурпурное это вино». В этом сложном образе есть не только смысл, не только изощренная завершенность, но и глубокий душевный порыв, искреннее возвышенное чувство; образ можно не только оценить, но и принять в душу.

Высокая простота, но и изощреннейшая сложность более всего характерна для средневековой лирики, как и мудрость всеведения, и одновременно простодушие, почти детское.

Величайшим мастером предстает перед нами Алишер Навои, вобравший в свое творчество достижения арабо-персидской поэзии, открывший, подобно Данте, возможности национального языка, создав на нем свои нетленные творения.

Его лирике свойственны все те качества, которые характерны для средневековой поэзии в целом, но как бы в «усилении», в двойной «кон-

центрации», рождающей новое качество поэтического искусства. Лирика Навои многозначна, она фиксирует одновременно многие и разные состояния мира и человека и сводит их в единство своею гуманистической позицией. Дисгармония разнонаправленных человеческих чувств, порывов, состояний получает в поэзии Навои гармоническую завершенность, и не как отвлеченный идеал, а как сама жизнь, отраженная в искусстве, но и перевоссозданная им. Эти особенности гения Навои пронизывают все его творчество, вплоть до первоклеточки художественного поэтического образа. Навои, подобно Шекспиру и Пушкину, обрел власть над природой и духом, он «примирил» их в своей поэзии, равновеликой бытию.

Поэзия Навои не знает никаких условностей и ограничений, она воссоздает мир как целостность — противоречивую, многоликую, многошумную, драматическую,— но именно как гармоническую целостность. И поэт в самом течении лирического повествования как бы наглядно демонстрирует и разнонаправленность жизненных и душевных состояний, и их примиряющий художественный синтез. Вот маленькая картинка: «Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,// А я ей чашу протянул, с мольбой держась за стремена»,— реальная картина, сопрягающая противостояния в единое жизненное целое. Любовные сюжеты Навои построены в некотором смысле по драматургическому принципу, давая картину пластического и духовного движения чувства.

Средневековая поэзия при всем ее «открытом цвете», если использовать терминологию из области живописи, тем не менее способна (хотя и не ставит себе целью) к психологической нюансировке, к волевой императивности, к символическому подтексту, то есть художественным возможностям, которые мы обычно связываем с новейшим периодом развития европейской поэзии.

Так, поэтесса Зебуннисо имеет блестящие образцы психологической лирики. Чего стоит, например, ее признание: «К чему, к чему мои глаза грозу изображали, // Когда в душе моей в тот миг одни мольбы дрожали?» Правда, в отличие от современных нам поэтесс, Зебуннисо заключает стихотворение открытием, связанным с природой художнического переживания: «Страдай, страдай, чтобы для всех стихи твои звучали!» В свое время эта мысль, видимо, объясняла саму возможность вторжения в поэзию непосредственного личного опыта.

Непосредственность личного опыта пронизывает творчество Бабура. Его поэзия поражает именно индивидуально-императивным характером. Это страстный монолог, воззвание, обращение, требующее ответа здесь и сейчас. Бабур не сопрягает, как Навои, противоположности мира в гармонии мудрого примирения, но, констатируя их, пытается «прорвать» их необходимость мощным волевым усилием. Это создает ощущение могучего темперамента, но и трагической невозможности преодолеть жизненные обстоятельства лишь властной силой индивидуализма. Но этот динамизм

создает характеры и самого автора, и его оппонентов — неверных возлюбленных, вероломных друзей, жестоких врагов.

На исходе средних веков, более всего в поэзии христианских народов, возникают мотивы символического, духовного мистицизма, не связанного, однако, с идеей религии. В реальную, пленительную картину мира вплетается тревожный, навязчивый зов; он исходит не от бога, а как бы из самого человека, он разрушает гармонию, он зовет, но куда? Поэзия как будто отошла от ортодоксальной идеи бога, она создала прекрасный мир человеческой реальности, но остановилась, не рискуя идти дальше, прислушиваясь к духу, который не позволяет сосредоточиться на одной идее земного благополучия. Эти настроения особенно показательны в «Песне об одном епископе» Григориса Ахтамарци, заставляющей вспомнить мистические видения раннего Блока.

Опустошил я горный скат,
Камнями защитил свой сад,
Собрал колючки для оград
И слышу: «Встань, покинь свой сад!..»

В точиле мнется виноград,
Вином меня утешит сад;
Хочу я пить в тиши прохлад
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

В этом навязчивом мотиве: «И слышу: «Встань, покинь свой сад!» — звучит не только голос бога и смерти, но и голос человеческого рока, голос «очеловеченной души», взыскующей новых духовных ценностей, но уже поверх небесных и земных абсолютов. Поэт IV—V веков Маштоц полностью растворен в идее реальности бога: «Царь мой и бог мой», «Добрый кормчий, ты — оборони меня!» Поэты позднего средневековья полностью растворены в идее земной реальности. «Как хорош Тбилиси в мае,— в розах весь, как небо в звездах!// Склоны скал — в росе небесной, горы — в зелени, как в гроздьях!» — пишет Вахтанг VI. Поиск Ахтамарци связан с идеей духовной природы человека, которая не может ограничиться абсолютами чисто небесного или чисто земного плана. Однако мистический символизм Ахтамарци не получает широкого развития, он замирает вместе с угасанием лирики средних веков, с тем, однако, чтобы зародиться вновь в XX веке.

Отмеченные нами новые моменты в поэзии Бабура, Ахтамарци, Зебуннисо не являются характерными для лирической поэзии всей эпохи в целом, это в каждом случае — а их не так мало — индивидуальные исключения, хотя, конечно, и закономерные.

Осознание бренности человеческого существования в поэзии средневековья, в том числе и перед ликом религиозного абсолюта, хотя и ведет к трагическому приятию и воспеванию реальной жизни, способствует (как и живописи) двухмерному воплощению мира. Миросозерцание остается все-таки мистическим, в нем отсутствует идея индивидуализма и соци-

альпо-общественного детерминизма. Средневековая поэзия народов Кавказа и Средней Азии развивает гуманистическую сущность человеческого мирочувствования. оставляет незавершенной идею общественной личности, вместо которой развиваются идеи фатализма и мистицизма, поскольку, повторяем, она не довела идею личности до таких пределов индивидуализма, на которых стоит европейское художественное сознание ренессансной эпохи.

Но почему? Тому много причин и оснований. Обладая собственной мудростью и духовным опытом тысячелетий. она, похоже, видела опасность отчуждения личности в индивидуализме и в ее одиночестве. то есть видела конечные, последующие пределы идеи ренессансного человека.

Можно задаться вопросом: почему Гете считал классиков персидской поэзии гораздо выше себя. при всем том, что он вполне осознавал не только величие, но и европейскую (а в те времена, следовательно, и мировую) типичность своего гения? Может быть, потому, что автор «Фауста» хотя и ощущал себя олимпийцем в чисто европейском смысле, не мог не чувствовать, тем более на склоне лет, обдумывая финал своего великого творения, необходимости равновеликой рационализму идеи бренности человеческих усилий. Восточная поэзия не отрицает стремления к идеалу, не отвергает рационалистического начала, но она — может быть, в силу иного типа отношения человека и мира — менее преисполнена иллюзий по поводу человеческих возможностей, она исходит из идеи конечной, а потому трагической, мистической природы человеческого существования. Да ведь и Гете, хотя и привел своего героя к рациональной формуле гармонии, вынужден был показать и ее неустойчивость — слепой Фауст полагает, что стук лопат означает работу по возведению дамбы, что осуществляется его мечта о счастье созидания и творчества, позволяющая наконец остановить прекрасное мгновенье, в то время как лемуры рыли ему могилу, то есть Гете предвидел и возможность кризиса рационалистического мышления.

В одном из стихотворений «Западно-восточного дивана» Гете есть типичный для средневековой восточной поэзии образ самосожжения мотылька, влюбленного в свечу. Ромен Роллан истолковал призыв поэта «умри и возродись!» не как мистическую идею саморастворения в божестве, а как метафору, выражающую идею бессмертия человека, идущего на гибель во имя идеала. По существу, та же идея движет финалом «Фауста», но нельзя не отметить, что она осуществляет себя как бы перед контроверзами восточной художественной мысли. Последняя исходила все-таки из мистического трагического постулата, который затем мог быть переосмыслен в виде земной сущности свободного и совершенного человеческого духа. Однако величие европейского гения заключается в том, что он все-таки ведет своего героя, пусть и путем логики, к поиску и обретению земного идеала. Восточные поэты трагический финал видят и ставят уже в прологе бытия,— это не отсутствие гуманистической цели, а духовно-мистическое понимание предопределенности человеческого бытия.

Период X—XV веков знаменовал собою интенсивнейшее взаимовлияние религиозных, региональных культур. И именно в процессе этого активного, небывалого до того в истории взаимодействия, позволяющего говорить о культурной общности многих народов, населявших обширнейшие территории тогдашнего мира, именно в этом процессе складывались основы национальной самобытности местных культур, формировались сами национальные литературы, их национально своеобразные черты. Совершенствование и обретение собственной человеческой, как и национальной, сущности происходило, таким образом, в процессе взаимодействия со многими культурными мирами.

Этот процесс протекал, конечно, далеко не равномерно. Общность религии и мощь культурного воздействия арабо-персидской учености и литературы были причиной, например, того, что великий азербайджанский поэт Низами не только писал на языке персо-таджикской литературы, но и определил дальнейшее развитие последней, став одним из преобразователей и новаторов в системе этой великой поэтической цивилизации. Лишь гений Навои три века спустя оформил и дал тюркским народам национальное поэтическое слово на уровне этой цивилизации.

Возражая против деления Востока по религиозному принципу на «христианский Восток» и «мусульманский Восток», исследователь В. К. Чалоян справедливо замечает, что в этом случае в общий религиозный (христианский или мусульманский) мир включается весь Восток, в то время как последний представляет совокупность самобытных национальных культур, на основе которых складывалась всеобщность культуры Востока, независимо от причастности к тому или другому религиозному миру. Последний, конечно, не мог не накладывать своего отпечатка на местные культуры, но и не в силах был, с другой стороны, ни всецело подменить национальную самобытность, ни тем более помешать всеобщности культур народов Востока — как христианских, так и мусульманских. В этой связи нельзя не согласиться с мнением В. К. Чалояна, который пишет: «Всеобщность культуры Востока не отрицает, а, наоборот, предполагает оригинальность и самостоятельность культур отдельных стран, и потому неверно приписывать культурное творчество отдельных народов только арабам, персам или византийцам. Та культурная общность, которая существовала благодаря преемственности культурных начал между различными странами, не дает нам права превратить культуру какого-то отдельного народа в придаток византийской, или арабской, или иранской цивилизации. Мы подчеркиваем мысль о том, что всеобщая культура Востока не только не исключает множества национальных культур, но как раз предполагает его».

Если культуры Армении и Грузии с самого начала развивались как культуры близкие и дружественные, не всегда самостоятельные и самобытные, то народы Средней Азии и Азербайджана, входя в один языковый и религиозный регион, имеют общее наследство, основанное на единстве арабо-персидского культурного мира. Национальные литературы как таковые здесь вычленяются гораздо позже.

Расцвет поэзии народов Кавказа и Средней Азии этого периода связан также с формированием народного литературного языка. Среднеазиатский регион, находившийся в пределах перео-арабской языковой «империи», к XV веку окончательно разрабатывает национальный, то есть тюркский, язык как язык литературный. Навои, подобно Данте или поэтам Плеяды, писал о возможностях и преимуществах своего языка, до того считавшегося, как и итальянский и французский, «варварским» языком, на котором, однако, оказалось возможным передать все оттенки чувств и мыслей в высоком искусстве поэтического слова. Руставели писал на языке, который до сих пор, то есть восемь веков спустя, почитается всеми грузинами мерилом совершенства — ясности, точности, народности. Аналогичные процессы происходили во всех литературах. Так, после Джами «отделяется» от общего ирано-таджикского корня таджикская литература и поэзия. Расцвет Ренессанса связан в Армении с формированием нового литературного народного языка — ашхарабара, заменившего древний грабар.

Эпоха высокого средневековья характерна складыванием классических местных национальных стилей, прежде всего в поэзии. Когда мы называем имена Нарекаци, Руставели, Низами, Навои, Джами, их ближайших соратников, то перед нами возникают не только могучие творческие индивидуальности, создавшие великие художественные миры, но и нечто большее,— они предстают, по существу, как создатели и творцы национальных литератур, классических стилей, наиболее полно воплотивших в слове национальное художественное мышление, определившие на столетия вперед пути развития поэтического искусства, подобно тому как в других странах и литературах это сделали Данте, Сервантес, Шекспир, Рабле, Расин, Гете, Пушкин... И не случайно именно социалистическое возрождение советских наций вновь и по-новому открыло многим национальным литературам их собственное классическое наследие, заставив «работать» его на сегодняшний день.

Эпоха Ренессанса была связана с интересом к народу и народному творчеству, прежде всего к устной поэзии, героическим сказаниям. У одних — например, у армян — сам народ сложил эпос о сасунских богатырях. Причем между взглядами на мир безымянных авторов эпоса и профессиональных поэтов есть идейно-художественная связь. У таджиков гениальный Фирдоуси, используя народные сказания, явился создателем эпоса о систанских богатырях — «Шах-наме». Эти особенности присущи многим культурам данной эпохи.

В этой связи разделение поэзии на «дворцовую» и «народную», разделение, которое особенно часто применяли по отношению к литературам народов Средней Азии, Азербайджана, к ирано-таджикской поэзии, представляется в наше время, и особенно в свете построения этой антологии, явно устаревшим. Некая отрешенность от конкретной жизненной практики и изощренность поэтической формы, погруженность в абстрактные вопросы бытия и одновременно гедонизм действительно свойственны так называемой «дворцовой поэзии». Но в наше время мы воспринимаем некоторую разницу между дворцовой и недворцовой поэзией в единстве противоположностей. Они не противостоят друг другу, а одно дополняет другое. И «дворцовая поэзия» учит «чувству поэзии», «чувству прекрасного», она «возбуждает эстетический восторг и чувство красоты», если использовать мысль Достоевского по поводу фетовской поэзии, которой сперва отказывали в праве представительства в национальном пантеоне поэзии.

Что касается стран Востока, то это разделение тем более условно, ибо собственно народная (фольклорная) поэзия здесь столь совершенна, изощренна и усложненна, что противопоставление по формальному принципу теряет существенный смысл.

С другой стороны, высочайшее поэтическое искусство, связанное с именами Наркаци, Руставели, Низами, Навои, Саади, Хафиза, Физули народно не только по духу и миропониманию, но во многом и по формальным моментам.

Внутри самой «дворцовой поэзии» были аристократическое и народное направления, которые, конечно, следует различать и отмечать.

Глава газневидской придворной поэзии, автор блестящих касыд Унсури владел титулом «царь поэтов». «Царем поэтов», главой панегирической поэзии считался также и Анвари. Однако эти наименования явно устарели, они сейчас не несут в себе той полноты содержания, которая заключалась в них в свое время, кроме признания того факта, что это были блестящие мастера поэтического искусства, находившиеся, по традиции, при дворцах султанов-покровителей. Недаром азербайджанский поэт Хагани, современник и друг Низами, считавшийся придворным поэтом, как бы в назидание потомству, писал:

Султан ничтожен — недостоин он
Души моей широкой океана!

Слово «хагани» означает — царский, но Хагани, как и Низами,— родился в семье ремесленника. Поэзия «царя поэтов», даже по традициям своего времени находящегося при дворе царя, может быть только другом народа, его наставником, учителем мудрости, добра и правды.

«С падением Константинополя связан упадок феодального мира,— пишет исследователь В. К. Чалоян,— системы его производственных отношений, достигших в своем развитии первоначального накопления, распад системы внешних отношений и связей между странами Востока и Запада. Рушилось единство мира, Восток в результате турецких завоеваний был оторван от Запада и подвергнут насильственной деградации. Запад в силу тех же причин пережил экономический кризис, он, будучи оторван от Востока, также пережил экономическую деградацию. В результате и Восток и Запад оказались вне столбовой дороги исторического развития. Получилось так, что на первом плане исторического развития выступили новые страны: вначале Нидерланды, Англия, затем Франция, позднее Германия. На базе капиталистических отношений возникла новая система единства мира, новые связи и общения во всеобщем движении и развитии».

Общий кризис феодальных отношений дает себя знать повсюду в XVIII веке — при всем громадном разнообразии исторических условий и неравномерности развития народов. В истории России этот период обычно определяется как начало разложения феодально-крепостнического строя, существенно ослабленного крестьянской войной под руководством Пугачева, в которой наряду с русскими принимали активное участие представители других народностей нашей страны.

Иными путями шел процесс у народов Средней Азии, характеризуемый застоявшимися формами феодализма, экономической отсталостью, политической децентрализацией, обострением междоусобной борьбы. Разрозненность племен, вечные тяжбы ханов ослабляли братские народы, делали их добычей иноземных захватчиков.

По-прежнему томились под властью чужеземцев народы Закавказья. Иранские и турецкие правители стремились рассматривать небольшие страны Кавказа как свои провинции. Политику ассимиляции проводили, в свою очередь, немецкие бароны и пасторы среди коренных жителей Прибалтики, делая ставку на то, чтобы вытравить у них всякую самостоятельность и национальную память.

В этих условиях литература становится активной общественной силой, она осознает свою национальную самобытность как идейно-художественную необходимость, развиваясь на путях реализма и гражданственности, порывая со старыми традициями.

«Давид Гурамишвили... освободил грузинскую поэзию от налета восточной экзотики и книжной вычурности... Смелый новатор, Гурамишвили черпал вдохновляющие идеи непосредственно из народных недр, причем не только родных ему грузинских, но и русских и украинских. С именем Гурамишвили связана демократизация грузинской поэзии. Особое значение Давида Гурамишвили состоит в том, что он реалистически изображает исто-

рические события родной страны и социальный быт»,— читаем мы на страницах книги А. Барамидзе и Д. Гамезардашвили «Грузинская литература».

Прямо перекликаются с ними литературоведы Азербайджана, отмечая, что для национального художественного творчества XVIII века характерно значительное укрепление и расширение произведений, близких народу, ориентированных на поэтику фольклора. В частности, с творчеством Видади и Вагифа связывается новое течение поэзии, родственное жизни и ее реальным потребностям...

О новом направлении поэзии XVIII века, «во многом отличной от поэзии прошлых веков», пишут и туркменские исследователи С. Каррыев и Х. Кор-оглы, которые обоснованно считают самым крупным его представителем Махтумкули.

М. Рыльский отмечает в творчестве «странствующего» философа и поэта Григория Сковороды такие черты, как борьба с официальной церковью и богословской ортодоксией, отчетливые начатки материалистического познания мира, гуманизм и демократизм, позволяющие говорить о нем как о первом украинском поэте нового времени.

Литовский исследователь Л. Гинейтис, анализируя «Времена года» К. Донелайтиса, в свою очередь, приходит к выводу, что «живая, реальная действительность не укладывалась в заранее установленные рамки правоучения и не могла быть изображена иллюстративно. Талант поэта повел Донелайтиса по пути реалистического изображения действительности... Жизнь со своей правдой и логикой врывается в поэму».

Творчество всех этих художников знаменует крупный шаг в сторону реальной действительности, несет чувства личного достоинства и духовной независимости общественного человека. Нужно было чувствовать себя личностью и гражданином, чтобы, подобно Д. Гурамишвили, поставить собственные злоключения в один ряд с горестями родной страны, чтобы писать стихи, опираясь на увиденное и пережитое, чтобы превратить их «в дневник своей души», как сделал Вагиф, чтобы уделять пристальное внимание оттенкам индивидуальных чувств и общественных переживаний, которые определяют строй поэзии Бесики.

Утверждение прав и достоинства общественного человека — существенные черты поэзии XVIII века, которые проявляют себя и в народной ашугской поэзии, что с наибольшей наглядностью проявилось в творчестве Саят-Новы, который, по словам В. Брюсова, «мощью своего гения превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта».

Судьба Саят-Новы зависела от царя и церкви, поэт постригся в монахи, провел в монастыре значительную часть жизни. Эти биографические приметы как будто целиком относятся к феодальной эпохе. Но за внешне традиционной драмой, которую пришлось пережить также многим предшественникам Саят-Новы, стоял характер исторически новый, остроконфликтный, трагический смысл которого целиком принадлежал новому времени.

Статичность изображения чувств, олеографическая неподвижность переживаний взорваны, декларативность однолинейной страсти преодолена раскрытием внутреннего мира человека. Недаром В. Брюсов в восхищении писал: «Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков».

Песни Саят-Новы, сложенные на армянском, азербайджанском, грузинском языках, повсюду распевались вольным людом: на тифлисских майданах и дорогах, ведущих в Шушу, Баку, Тебриз, за скудной крестьянской трапезой в Араратской долине и в мастерских ремесленников, в духанах, кабачках и караван-сараях всего Кавказа. В этих песнях был сосредоточен духовный мир крестьян и ремесленников, их чаяния и надежды, обиды и скорби, раскрыты, опоэтизированы такие стороны личности, которые подрывали мертвенный покой подчинения, оказывались абсолютно несовместимыми с феодальной и религиозной властью.

Гуманизм лирики Саят-Новы не просто возвеличивал человека, но и утверждал общественный характер личности, осознавшей свою независимость по отношению ко всей системе средневековых регламентаций, почувствовавшей свое высокое назначение в мире.

Все его творчество направлено против феодального деспотизма. И полно глубокого смысла, что именно народный ашуг, певец городского демоса, завершил великое течение Ренессанса, зародившееся еще в глухую ночь средневековой схоластики, и поднял поэзию на новую высоту, определил ее развитие надолго вперед.

С творчеством Саят-Новы связан, в частности, рост авторитета ашугской поэзии, усиление воздействия народного творчества на классическую литературу, которая все больше сближается со стихией родного языка, очищается от чужих влияний, укореняется на почве собственной национальной жизни.

Туркмен Махтумкули (Фраги) — поэт иного географического региона; тем значительнее, что в его произведениях намечаются сходные процессы, свидетельствующие об общем кризисе средневековой поэзии, о демократизации художественного творчества и его сближении с реальной жизнью народа, понимаемой как общественное, гражданское бытие.

Махтумкули, как и его современники, сохраняет верность назидательной традиции, остается в кругу привычных тем и мотивов, однако внутри этой художественной системы он производит решительную перестройку образности и стиля, открывшую дорогу современной поэзии.

Исследователи туркменской литературы С. Каррыев и Х. Кор-оглы отмечают, что Махтумкули всегда был чужд аскетизма, отрешенного от земли и устремленного в «потусторонний мир», что его творчеству ближе направление суфизма, связанное с мистическим пантеизмом. Но даже в мистических стихах поэта сквозь условные мотивы фатальной обреченности бытия и экстаза опьянения вином и любовью проступают живые чувства, реальные переживания. «Дервиш озаренный», как Махтумкули называл себя в стихах, не может удовлетвориться «образом дивных

строений», «обителью чудных видений». Он вновь и вновь возвращается на грешную землю с ее межплеменной враждой и захватническими походами иноземцев, радостями и страданиями, вторгается в жизнь современников патриотическими призывами, вдохновенными гражданскими стихами, едкими сатирическими инвективами.

Социальная активность произведений Махтумкули была так велика, а их политическая направленность столь очевидна, что мусульманское духовенство запрещало вплоть до революции чтение его стихов в туркменских мектебах, в то время как народ слагал многочисленные легенды о любимом поэте. Строки Махтумкули прочно вошли в репертуар народных певцов-бахши и до сих пор повсеместно исполняются в республике.

Если Махтумкули взрывает изжившую себя художественную традицию изнутри, то поэзия таджикского ткача Саидо Насафи связана с миром ремесленников, с демократической литературой города, которая противопоставляла себя дворцовой. Насафи подчеркнуто посвящает касыды не царям и вельможам, а простым ремесленникам. В его аллегорической поэме «Слово о тварях» самым ловким, умелым и смекалистым оказывается муравей, ибо муравьи, объединившись, одолевают и льва.

Близок Насафи по характеру творчества узбек Турды. Его поэзия насквозь пронизана антидеспотическим пафосом, сочувствием к тяжелой доле тружеников:

Губит отчизну нашу стадо тупых ослов,
Шах с этим сбродом дружит, бекам подносит плов.
Есть ли герой в подлунной, пусть он услышит зов,
К нам он придет на помощь — грянет, как сто громов,
Пусть он чумную свору с нашей земли сотрет!

С творчеством поэтов XVIII века обычно связывают начатки просветительского реализма, который получил мощное развитие в XIX веке, просуществовав вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Критика феодальных установлений всегда и всюду велась просветителями с позиций разума, опиралась на естественное чувство, раскрепощающееся от средневековых догм. Становление просветительских идей в литературах нашей страны этого периода неотделимо также и от подъема патриотических настроений, потому что освобождение человека было невозможно без объединения родного народа, избавления от гнета чужеземных захватчиков, выхода нации на просторы новой истории.

Причем чрезвычайно существенно, что в творчестве наиболее крупных художников понятие патриотизма не разграничивает, а сближает народы, предполагая дружбу и расширяющееся сотрудничество между ними. Не будет преувеличением утверждать, что художественный мир Д. Гурамишвили, в котором своеобразно побратались Грузия, Россия и Украина, или Саят-Новы, равно близкий всем народам Закавказья, моде-

лирует, пользуясь языком современной науки, реальную дружбу народов, которая становилась и стала могучей движущей силой истории.

Патриотический и гражданский акценты творчества были, пожалуй, главными в XVIII веке. Махтумкули неустанно призывал к объединению туркменских племен «в один поток». Турды напоминал:

Внемлите, бек! О других хоть раз подумать вы должны,
Народ узбекский разобщен — друг другу роды не равны.

Один зовется кипчаком, другой уйгур, а третий — юз,—
Мы неделимая семья, с душой единой рождены.

Одна нам голова дана, один халат на всех надет,
Должны мы в общем доме жить, как равноправные сыны.

Патриотизм Гурамишвили и Вагифа — это основной пафос их творчества, объединяющий всю сложную гамму человеческих чувств и переживаний в художественное единство.

Вся поэзия XVIII века кипит политическими страстями, активно участвует в борьбе за единство и свободу своих народов.

Поэты XVIII века, как правило, были политиками и воинами, дипломатами и государственными деятелями, неизменно стояли в самом центре событий своего времени, стремясь практически реализовать собственные общественные и патриотические идеалы.

Вместе с братьями совсем еще юный Махтумкули бился против иранцев, попал в плен, а вырвавшись на волю, предпринимал героические попытки сплочения родного народа. Турды был в рядах повстанцев против кровавого Субханкули-хана. Бесики состоял при имеретинском царе Соломоне и вел внешнеполитические дела его государства. Легендой стала в памяти народной жизнь Вагифа — поэта и государственного деятеля.

Сын крестьянина, Вагиф не только перенял искусство народных певцов-ашугов, но сумел также получить всестороннее образование. За его ученость к имени поэта Панах народ прибавил почтительное — Молла, что значит учитель. И действительно, он отличался поразительной одаренностью во многих областях. Став визирем карабахского государя, Вагиф взял в свои руки все дела государства, стремился сплотить народы Кавказа в оборонительный союз против Ирана. Он же был инициатором переговоров с Россией, имевших целью заручиться ее поддержкой. Жизнь его, как и многих современных ему поэтов, оборвалась трагически. Вместе с сыном, тоже поэтом, он пал жертвой междоусобной вражды, был казнен по повелению нового правителя Карабаха.

Совершенно естественно, что бурная жизнь Вагифа, полная опасностей, величественных раздумий, общественных страстей, не могла не отразиться в стихах. Здесь и мухаммасы, написанные во время поездки в Тбилиси, пронизанные дружелюбием к братскому грузинскому народу, и вдохновенные лирические газели, и философские гимны.

Слитность творчества с биографией писателя — черта художественного творчества нового времени, когда автор почувствовал себя личностью, эстетически осознал право на самовыражение и значительность индивидуального опыта. Даже по сравнению со стихами великого Физули произведения Вагифа отличаются более отчетливым личностным началом, заметной индивидуализацией характеров.

Восемнадцатый век характеризуется укреплением связи России с соседними народами, знаменует начало процесса их воссоединения в едином государстве, что было исторически и неизбежным и прогрессивным.

В. И. Ленин, который на протяжении всей своей жизни был неизменно внимателен к национальному вопросу, постоянно призывал «учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них...»[1].

Один из главных уроков истории нашей страны состоит в том, что народы, ее населяющие, объединились вокруг России в силу действия объективных законов, коренных потребностей собственной национальной жизни. И естественно, что литература — зеркало жизни народов — не могла не обратить свои взоры в сторону России, понимая, что без ее помощи невозможно одолеть иноземных захватчиков, избавиться от междоусобиц, восстановить единство племен и народов.

«Спасение мыслимо лишь в том случае, если русское правительство протянет Грузии руку помощи против врагов, которых еще много»,— заявили грузинские послы в Петербурге, и слова эти стали пророческими для многих народов.

Как уже отмечалось, активную роль в этих событиях играли поэты: Вагиф, Бесики, возглавивший посольство царя Соломона в Россию, наконец, Давид Гурамишвили, вся жизнь которого тесно связана с Россией и Украиной.

После смерти своего высокого покровителя Гурамишвили перешел в русское подданство, принимал участие в нескольких европейских походах, был пленен пруссаками во время Семилетней войны, заключен в Магдебургскую крепость, а освободившись из плена, поселился в Миргороде.

Судьба поэта, в которой тесно переплелись судьбы трех братских народов, символична. Полно глубокого смысла и его творчество, которое благодаря высокой простоте и народности, напряженному драматизму и музыкальности оставило неизгладимый след в грузинской литературе, повлияло на многих поэтов XIX и XX веков, в том числе таких, как Н. Бараташвили, Важа Пшавела, С. Чиковани.

Наследие Д. Гурамишвили известно под названием «Давитиани», что значит «Давидово». Оно состоит из поэм «Бедствия Грузии» и «Пастух Кацвия», а также включает в себя лирические стихи, написанные в манере грузинских народных романсов, русских и украинских песен.

---

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 419.

Наиболее значительное из произведений Д. Гурамишвили — поэма «Бедствия Грузии», своеобразная панорама трагической истории страны в первой половине XVIII века, наполненная описаниями опустошительных нашествий персов и османов, феодальных междоусобиц. Если патриотизм его младшего современника Бесики утверждался славой грузинского оружия, находил опору в победах над врагом, и в частности в победоносной битве с турками под Аспиндзой, которая дала материал для знаменитой одической поэмы «Аспиндза», то патриотическое чувство Д. Гурамишвили мужало и закалялось горечью неудач и поражений: родная земля — в огне, разбиты надежды молодости, окончательно разложилась феодальная знать, некогда грозная врагу.

Слово для Гурамишвили, как и для остальных просветителей, было серьезным делом, способным переформировывать человеческие души и менять ход истории. Поэт освобождает его от классицистической нормативности, придает большую жизненную емкость и разнообразие. События истории эстетически уравнены в слове с переживаниями человека, народные чаяния — с чувствами поэта. Оно открыто навстречу реальной жизни, которая сама осмыслена на уровне героического свершения.

Еще поэт-царь Арчилл II противопоставлял «сказочности» и «надуманности» «былевое», реалистическое, пользуясь современным языком, повествование. С наибольшей полнотой и последовательностью этот принцип осуществлен в творчестве Д. Гурамишвили — поэта, для которого носителем нравственных основ бытия был простой народ, крестьяне, романтически изображенные в поэме «Пастух Кацвия».

Автор «Давитиани» был здесь не одинок, так как рост национального самосознания обострял внимание к народной жизни. С нею связывалась уверенность в бессмертии родного народа, способного выдержать любые исторические испытания, надежды на будущее.

Знаменательно, что литературы, позже других вступавшие в круг всемирной литературы, как правило, начинались эпическими произведениями о народе. Именно такова поэма Кристионаса Донелайтиса «Времена года», знаменующая новое летосчисление литовской поэзии.

Классик литовской литературы Майронис утверждал, что его народ может «смело гордиться перед всеми просвещенными народами Европы поэмой Донелайтиса».

Традиция «сельских поэм»,— справедливо замечает Л. Гинейтис,— берет начало у Вергилия и получает особое распространение в эпоху сентиментализма. Ученый-пастор К. Донелайтис не проходит мимо этой традиции, но художественную мощь и смысл его поэмы составляет широкая панорама народной жизни, жизни крепостного крестьянства, трудов и дней литовских хлебопашцев.

Крестьянский мир Донелайтиса далек от пасторальной идилличности. Острые общественные противоречия, социальная несправедливость, постоянное угнетение, нужда — вечные спутники «бедняков-горемык», которым,

однако, «писатель ничего не может посоветовать, кроме христианского смирения». Но поэма близка нам не этими нравоучениями, отошедшими в прошлое и ставшими достоянием истории. Ее значительность в том, что «Времена года» — подлинная энциклопедия жизни литовского крестьянства, пронизанная сочувствием к народу, просветительской убежденностью в естественном равенстве всех людей.

Самое значительное произведение зачинателя, «батька» украинской литературы И. Котляревского тоже восходит к Вергилию, но в его «Энеиде» совсем иной колорит и тональность, чем в эпическом творении Доналайтиса. За различиями в данном случае стоит не только несходство творческих индивидуальностей, но и нечто большее — различие национальных эстетических вкусов и представлений двух народов.

Героическая поэма древнеримского классика «травестирована» Котляревским, события ее переиначены на современно-иронический лад. В украинской «Энеиде», по проницательному наблюдению академика А. Белецкого, бушует неудержная стихия смеха, родственная той, что запечатлена в картине И. Репина «Запорожцы, пишущие письмо турецкому султану». Смеха, веселого и жизнерадостного, грубоватого и озорного — целая симфония смеха, которая помогает утвердить значимость, полнокровность, весомость материального мира, стихию народной жизни.

Герои Котляревского выступают под диковинными латинскими именами, путешествуют по мифологическим странам, но все это дюжие украинские парубки, и автор не очень озабочен тем, чтобы маски, взятые напрокат у Вергилия, надежно прикрывали их лица.

«Энеида» Котляровского стала памятником украинской вольности и культуры, который, с одной стороны, завершал традицию старинной поэзии, а с другой — служил прологом новой демократической литературы XIX века.

Если говорить суммарно, то XVIII век во многих литературах народов СССР открывает новые идейно-эстетические принципы отношения искусства к действительности, которые получат развернутое и полное осуществление в литературе следующего столетия, станут известны под названием реалистических. Особое положение XVIII века в истории культур народов СССР позволяет завершить им изложение пятнадцативекового процесса развития литературы, связанной со становлением, расцветом и упадком феодально-средневекового общества.

Это великое художественное наследие было в полной мере открыто и освоено, став частью духовной жизни многомиллионных масс и многих народов и наций лишь в советское время.

Это великое наследие, будучи живой частью современных национальных культур, в то же время способствует взаимопониманию и взаимопознанию, став достоянием всех народов.

Оно само создавалось в процессе широкого, дружеского духовного обмена и взаимодействия, и сейчас, открытое и доступное, особенно через посредство русских переводов, способствует делу гуманистического, нрав-

ственного, эстетического воспитания, делу воспитания интернационализма и братской солидарности.

Это великое наследие, став общенародной, общенациональной культурной традицией, будет теперь сопровождать нас всегда.

О постепенном постижении этого великого наследия, этой «великой книги», раскрытой для нас социалистическим культурным возрождением, хорошо написал еще в 1947 году Илья Сельвинский:

Восстаньте из праха, поэты,— вам эта книга!
Эпохой вы заново спеты,— вам эта книга.
Вмурованным в свое слово, но безъязыким!
Вам, каторжанам запрета, вам эта книга!
Шлифуя стиха граненья,— жили вы молча.
Казалась игрой самоцвета нам эта книга.
Насыщенная безмолвьем, вся из намеков,
Казалась в туман одетой нам эта книга.
Но вот поднялось над миром пламя свободы!
Явилась в огнях расцвета нам эта книга,—
И мы увидали — упрятанное в страницах
Знамя бунтарского цвета! О, эта книга!
Так по рукам столетий, в эру коммуны
Прибыла эстафетой к нам эта книга.
Восстаньте из мрака, поэты, восстаньте из праха,
Примите слово привета — вам эта книга.
Гремите же в старых строфах новою речью!
Как трубы нашей победы — нам эта книга!

Л. АРУТЮНОВ и В. ТАНЕЕВ

IV—IX ВЕКА

МЕСРОП МАШТОЦ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

361—440

* * *

Море жизни всегда обуревает меня.
Воздвигает враг валы на меня.
Добрый кормчий, ты — оборони меня!

* * *

Рано утром предстану пред тобой,
Царь мой и бог мой!
Рано утром преклонишь к мольбе моей слух,
Царь мой и бог мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и бог мой!

* * *

Надежда моих младенческих дней,
Не оставь меня, господи!
Опора дряхлеющей жизни моей,
Не оставь меня, господи!
Заступник на Страшном суде, пожалей,
Не оставь меня, господи!

* * *

Вседержитель, греховность мою сокруши,
Ты ведь бог кающихся.
Благословенья меня не лиши,
Ты ведь бог кающихся.
В геенну не брось моей скорбной души,
Ты ведь бог кающихся.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

V век

ШАРАКАН

Отец милосердный, заботливый,
Создатель всего живого,
Щедро мир оделяющий
Своими благодеяньями,
Прими в предзакатный час
Мольбы твоих слуг.
О владыка вселенной
И церкви нашей святой,
Будь милосерден к больным,
И к удрученным печалью,
И к тем, кто в дороге,
И к тем, кто в море,
И к тем, кто в исповедальне,
И к тем, кто кается горько,
И к душам усопших.
Ведь ты, о господь всемогущий,
О наших избытках и нуждах
Знаешь лучше, чем мы —
Благодарные или просящие...
Слава, и Власть, и Любовь тебе
И сыну, которого ты породил,
И духу святому
Отныне, на веки и присно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

V век

ШАРАКАН

Свет, и света создатель, и первый светоч,
Обитающий в горнем свете,
Благословляемый сонмами ангелов,
Отец небесный!
Когда утренний свет забрезжит,
Сделай так, чтобы в душах у нас
Забрезжил твой свет,
Снизошедший к нам.

Свет, беспорочное солнце, рассвет пречистый,—
Сын, отцом порожденный,
Ты, кого славили мы,
Славя отца до восхода солнца.
Когда утренний свет забрезжит,
Сделай так, чтобы в душах у нас
Забрезжил твой свет,
Снизошедший к нам.

Свет, порожденье Отца и Сына, родник доброты,—
Дух святой лучезарный,
Ты, кому мальчики, певчие в церкви,
Вторя небесному хору, славу поют.
Когда утренний свет забрезжит,
Сделай так, чтобы в душах у нас
Забрезжил твой свет,
Снизошедший к нам.

Свет, триединый свет, трое в одном лице —
Троица пресвятая,
Ты, кого черви земные, вслед за сынами неба
Славят денно и нощно.
Когда утренний свет забрезжит,
Сделай так, чтобы в душах у нас
Забрезжил твой свет,
Снизошедший к нам.

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

АРМЯНСКИЙ ИСТОРИК
ок. 410—493

РОЖДЕНИЕ ВААГНА

Небеса и Земля были в муках родин,
Морей багрянец был в страданье родин,
Из воды возник алый тростник,
Из горла его дым возник,
Из горла его пламень возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,
Была у него брада из огня,
И, как солнце, был прекрасен лик.

О ЦАРЕ АРТАШЕСЕ

Отрывки

* * *

Храбрый царь Арташес на вороного сел,
Вынул красный аркан с золотым кольцом,
Через реку махнул быстрокрылым орлом,
Метнул красный аркан с золотым кольцом,
Аланской царевны стан обхватил,
Стану нежной царевны боль причинил,
Быстро в ставку свою ее повлачил.

* * *

К тебе обращаюсь, прославленный царь Арташес,
К тебе, победитель могучего племени храбрых аланов.
Поверь словам, что скажу тебе
Я, черноокая дочь алапов,
И возврати мне брата.
Не подобает богатырям
Для утоления мести
Жизни лишать малолетних наследников
Таких же богатырей
Или в слуг обращать их

И держать наравне с рабами,
Делая вечной вражду
Двух вольных и храбрых народов.

* * *

Кто возвратит мне дым моего очага
И утро наставшего Навасарда,
И гордых оленей прыжки,
И трепетных ланей бег,
И меня самого
Среди тех, кто трубит в рога
Или бьет в барабаны,
Как пристало на царской охоте.

* * *

Когда поскачешь ты на охоту,
По склону Азата
К вершине Масиса,
Пусть бесы поймают тебя
И потащат
По склону Азата
К вершине Масиса,
Пусть не найдешь ты пути обратно
И никогда не увидишь света.

О ПОСТРОЕНИИ ВАРДГЕСА

Отделился, пошел Вардгес-юноша
Из области Тухов к Касах-реке.
Он пришел и сел на Шреш-холме,
Близ города Артимед у Касах-реки,
Тесать да ваять Еруанда врата.

ИОАНН МАНДАКУНИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
V век

* * *

Преображеньем твоим на горе
Ты божественную силу явил,—
Тебя славим, о мысленный свет!

Луч славы твоей ты явил,
Воссиял и свою твердь осветил,—
Тебя славим, о мысленный свет!

Ужаснулись ученики твои,
Явление чудесное зря.
Тебя славим, о мысленный свет!

Но, восстав от тяжелого сна,
К твоей славе приленились сильней,—
Тебя славим, о мысленный свет!

КОМИТАС

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
VII век

* * *

Жены, славны страной и народом своим,
Предлагали жемчуг, незнакомый дотоль,
За многих себя оставляли в залог,
Выкупом став для чуждой земли.

Вам — корабль вести, ваш опытен дух,
Стремительна мысль, безбременна плоть,
По долгим путям житейских пучин
Невредимо неслись и дошли до Христа.

Вы — ветви лозы виноградной Христа.
Виноградарь небес сберет ваш сок;
Вы дали себя в точиле топтать,
Чтоб вечных блаженств чашу испить.

От житейских нужд отвратились вы,
Ибо все здесь сон и прикрасы лжи,
Оболыценью нег вы не предали душ,
Убедясь, что величье — одна суета.

Завиден чрез вас стал девства чертог,
Ваша кровь и огонь обновили его,
Вы предали плоть мечу и костру,
Неугасимый свет вы в чертог внесли.

Тридцать семь — число тех блаженных дев
Венчанных вовек невянущим венком,
Высоко взнесенных над всем земным,
Блаженствующих здесь во славе творца.

ДАВТАК КЕРТОГ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
VII век

ПЛАЧ НА СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДЖАВАНШИРА

О всеведущий дух, ниспошли благодать,
Дай мне силы на песню, на плач, на проклятье,
Разумение дай, чтобы внятно сказать
Слово скорбное о невозвратной утрате!

Горе тяжкое плакать заставило нас,
Стон печали над нами пронесся, как пламя.
Пусть все сущее в мире услышит наш глас,
Все живущее слезы прольет вместе с нами.

Нас стена защищала, но пала стена.
Скалы, нас укрывавшие, ныне разбиты.
Нам светила луна — закатилась луна,
Слово твердое рухнуло — нет нам защиты!

Мы не ждали беды, но пришла к нам беда.
Власть добра и надежд победило безвластье.
Свет чудесного царства угас навсегда,
Счастья сад превратился в пустыню несчастья.

Эти беды и горести нашего края,
Может, те, что предрек многомудрый Исайя,
Ибо светлого крестовоздвиженья день
Омрачила беда и страдания тень.

И грядущее стало темно и безвестно,
Дух вражды и безверья туманит нам путь.
Нечестивые вырыли черную бездну,
Чтобы нашего пастыря в бездну столкнуть.

Словно лев, был он грозен, не будучи злым,
Для старейшин родов был опорой и властью,
Ликовали друзья от любви и от счастья,
И от страха враги замирали пред ним.

Был он первым по мужеству и по уму.
К самым дальним пределам неслась его слава,
Поклониться спешили соседи ему,
Восхваляли его все края и державы.

Даже греческий царь, даже юга князья
Домогались с властителем нашим свиданья
И, гордясь, что они Джаванширу друзья,
Принимали с почтеньем его назиданья.

И в гордыне забыли, что люди — мы прах,
Что во власти господней и счастья и беды.
Бога мы прогневили, погрязнув в грехах,
И правителя нашего смерти он предал.

Ангел, что охранял его душу и плоть,
От него отдалившись, обрек на страданье.
В горький час отвратился от князя господь,
Оставляя насильникам на поруганье.

Лицемер потаенно свой меч навострил,
К убиенью коварно готовясь заране,
И смертельный удар Джаваншира сразил —
Темной ночью погиб он, как моавитяне.

Джаваншир, надо всеми возвысился ты!
Исходили завистники злобой безмерной.
Ты убит был тайком средь ночной темноты,
Ты скончался, израненный немилосердно.

Лишь вошла злая смерть в государеву грудь —
Солнце вмиг изменило извечный свой путь.

На земле пусть убийца живет нелюдим,
Словно Каин, для всех ненавистен и страшен.
Птицы певчие пусть не щебечут над ним,
Пусть лишь черные вороны крыльями машут.

Звери хищные пусть поджидают его,
Пусть вовек не найдет он ночлега под крышей.
Пламя Ирода пусть настигает его,
Пусть его пожирают и черви и мыши!

Пусть огонь пожирает его, разгорясь,
Пусть убийцу ничто не спасет от заразы,
И рука, что на светоч земли поднялась,
Пусть покроется струпьями смрадной проказы!

Пусть в презренного жабы вливают свой яд,
По ночам пусть с убийцею змеи грешат.
Пусть умрет окаянный, терзаясь жестоко,
Будь он проклят, исчадие зла и порока!

Наш водитель, наш кормчий, наш князь Джаваншир,
Посмотри, что с твоими сиротами стало.
Разум твой озарял наш неправедный мир,
Нас отвага твоя от беды ограждала.

Как жемчужины, с уст обронял ты слова,
И блистал ты отвагой, носитель величья,
Ото сна пробуждался детенышем льва,
Расправлялся с трусливою утренней дичью.

И разбрасывал кромки овечьих ушей,
Славя господа истовой жертвой своей.

На охоте ты был всех смелей, всех быстрее.
Возрастил ты цветок вечнодышащих дум.
Ночью плоть почивала, но зоркий твой ум
И во сне управлял колесницей Арея.

Ты лишь взглядом единым умел отличать
Мудреца от глупца и героя от труса.
Нисходила обильно к тебе благодать,
Как священная кровь из ребра Иисуса.

Ты при жизни божественной притчею стал.
Дух бессмертья над смертным тобою витал.

Мир был светел, но темень взяла его в плен,
Как, лишенным тебя, нам поверить в удачу?
В опустевшей стране я потомков сирен,
А не страусов стаи сегодня оплачу.

Сколько дней и недель, сколько б лет ни прошло,
Мы не сможем забыть о великой утрате.
И тебя погубившее черное зло
Тяготеет над нами как бремя проклятья.

Ты, наш пастырь великий, был светел, как день.
Без тебя нам во тьме никуда не пробиться.
И ложится на наши угрюмые лица,
Словно пыль на дороги, бесславия тень.
Буду вечно взирать я на трон опустевший,
Бесконечно в мученьях рыдать, безутешный.

Слезы нас ослепляют, померкнул наш свет,
Перед нами пути утешения нет.
Только пламень печали, любовью зажженный,
Не погаснет в сердцах безутешных друзей.
Нам дымиться бы, как фимиам благовонный,
Чтоб сгореть без следа на могиле твоей.

Ибо здесь без тебя все темно и туманно.
Нашей светлой надеждою был ты один.
Пред тобой прояснялись вершины Ливана,
Волны бурные тивериадских глубин.

Если ты, наш заступник, не жил бы на свете,
Пред врагами давно бы мы пали без сил.
Без тебя одолел бы нас северный ветер,
Гунн жестокий гранаты бы наши срубил.

Без тебя опускаются руки в бессилье.
Тьма сгущается, нам не дождаться зари.
Покрываются брачные комнаты пылью,
Облачаются в траур земные цари.

Даже тем, кто короной увенчан по праву,
Мишура золотая теперь не нужна.
Тщатся сбросить владыки презренную славу,
Ибо суетность славы им стала ясна.

Всем уйти суждено — никому не остаться,
Нам одно лишь даровано счастье судьбой:
Слезы лить по тебе, по тебе убиваться,
Лечь в могилу когда-нибудь рядом с тобой.

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
VII—VIII века

* * *

Неувядаемый цветок, высот свободных светлый крин,
О ладоносный стройный ствол, о пальма выжженных долин,
Ты золотой сосуд, что полн небесных манн для злых годин.
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Ты как жемчужина горишь, как светозарный ты чертог,
Ты благовония родник, ты золотых лучей поток,
Мария, о, блаженна ты, и у твоих пречистых ног,
Благословенная, тебе мы славословие поем.

Чтут все архангелы тебя и славит весь небесный мир,
Всех небожителей чреда, всех серафимов пышный клир,
Все те, что троице святой возносят звон нездешних лир.
Благословенная, тебе мы славословие поем,

СААКДУХТ СЮНЕЦИ

АРМЯНСКАЯ ПОЭТЕССА
VIII век

ПРЕСВЯТАЯ МАРИЯ

Пресвятая Мария, пречистый храм,
Матерь живого божьего слова.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Нива духа, дивный цветок,
Дождем пролившийся от отца,
Оплодотворенный;
Людям явленная.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Небес и земли основа,
Жизни подательница,
Луч господнего света, сошедший к нам,
Чтоб удержать от грехопадения.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Лик прекраснейшего серафима
Миру явившая,
Во чреве носившая
Повелителя сонмов ангельских.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Для нас растворившая посохом жизни
Врата, охраняемые херувимами,
Из рук у них взявшая огненные мечи.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Рая врата и сошествие божье;
Посредница между землей и небом,
Познавшая муку праматери нашей Евы
И победившая смерть.

Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Счастливица, радуйся,—
Всевышний с тобой,
Ангелов хоры прелестными голосами
Славу тебе поют, в небесах,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Обитель еще небывалого божьего слова,
Во чреве таившая жар господня огня,
Неопалимая, как купина;
Мать для всех порожденного бога,
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Таинство жизни бренной и вечной,
Давшее миру новые крылья,
Сон земнородных вознесший на небо
И в святых обративший их.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

Светлую славу поют небеса
Властителю вечности и беспредельности,
Тому, кто пришел порожденный пречистой
И искупил первородный грех.
Благословенна ты среди жен,
Дева и богородица.

ХАНЗАЛА БОДГИСИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
? — ум. ок. 836

* * *

Быть может, первенство и слава сокрыты в алчной пасти льва,
Так что же: вырви их у зверя и утверди свои права.
Иль обрести и власть и славу, или, как следует бойцу,
Бесстрашно ринуться в сраженье и встретить смерть лицом к лицу!

* * *

Милая в костер бросала руту на закате дня,
Чтоб горела ярко рута, от заботы злой храня.
Но зачем ей, право, рута, для чего огонь ей нужен —
Той, чья родинка — как рута, а лицо алей огня?

ФИРУЗ МАШРИКИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

? — 895

* * *

Злее птицы кровожадной эта хищная стрела,
Закогтит она любого, не минует никого-о!
Видно, коршун быстролетный отдал ей свои крыла,
Чтоб гнездо его разрушив, унесла птенца его-о!

АБУСАЛИК ГУРГАНИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

IX век

* * *

Мой совет: в неравной битве лучше кровь свою пролей,
Но не дай иссякнуть чести в тайниках души твоей.
Лучше пасть пред истуканом, чем пред гордым человеком,
Смелой доблести дорога к цели выведет быстрей.

* * *

Ты сердце унесла своим единым взглядом,
Твои уста — судья, но дерзкий тать твой взор.
Чем награжу тебя за похищенье сердца?
И кто ж видал,— о диво! — чтоб награжден был вор?

X—XIII ВЕКА

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
951—1003

АЛМАЗНАЯ РОЗА

Алмазную розу одел
Алыйі свет покрывалом благим,
А над тем покрывалом благим
Жемчугом нунуфар просиял.

В огромном просторе морском
Отразилось сверканье цветка,
И зарделся сверканьем цветка
На ветке пылающий плод.

Сочный шафрановыйі плод
Густая скрывала листва,
Создателя арфа — листва,—
Тобоій петого, дивный Давид!

В рое торжественном роз
Зазвучала стоцветность цветов;
Молодых тонкоствольных дерев
Заалели побеги вокруг.

Кипарисы, красуясь, кадят
Над чашами роз и лилей;
И в долине чаши лилей
Под солнцем всходящим горят.

На алмазную лилию с гор
Сладкий подул ветерок;
С полночной горы ветерок
Лилею росой окропил.

Росой и красой жемчугов
Покрылась лилея в долу;
Цветы оросились в долу
Росой с золотых облаков.

И звезды пошли в небесах,
Огнями луну окружив
И алмазный крест водрузив
Над кругом своим в небесах.

ПЕСНЬ НА ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Телега идет с Масиса-горы,
На телеге той — высока́ скамья,
А на той скамье — золотой престол,
А на том столе — пурпуро́ва ткань,
А на том тканье — сидит царский сын,
А по праву с ним — шестикрылые,
А по леву с ним — многоокие,
А пред самым ним — отроки-краса,
А в объятьях их — то господень крест,
А в руках у них — лира да псалтырь,
Воспевают те, славословят те:
Слава всемогущему Христову воскресению!

Телегу ведут с Масиса-горы,
Ведут да ведут, устанавливают,
Вот телега стоит и не движется,
Колесо-то ее не вертится.
Проса шесть снопов, да сто клевера,
Да фиалок сноп наваливают,
Что по праву-то от Масиса-горы,
Наваливают, устанавливают.
А телега стоит и не движется,
Колесо-то ее не вертится.
У телеги той нити шелковы,

Серебряна́ шлея, золото ярмо,
А постромки виты жемчугом.
Но телега стоит и не движется,
Колесо-то ее не вертится.

Впряжены волы черные да белые,
Волы в яблоках, быстроногие,
И рога-то их крестовидные,
Так и шерсть у них — без конца жемчуг.
Вот телега стоит и не движется,
Колесо-то ее не вертится.
Возчик у нее ловок и велик:
Стан — что ивы ствол, широки плеча,
Перву пару он вот понукивает,
На вторую он вот покрикивает,
И телега тут с места сдвинулась,
С места сдвинулась, покатилася.

Покатилася вся телега тут,
Что по праву-то от Масиса-горы,
Покатилася, заскрипела ось,
И, поскрипывая, в Ерусалим въехала,
И Сиона нового воспели сыны
Песню хвалебную:
Слава всемогущему Христову воскресению!

КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

Отрывки

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 1)

I

Я обращаю сбивчивую речь
К тебе, господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадильницы души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,

Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.
Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К тебе, всемилосердный, вознесется!
Когда перед тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неугодной,
Как стон Иакова в краю глухом
Иль попиранье твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в Писании святом.
Мой дар тебе пусть будет, всеблагому,
Угоден.
Пусть тебя он ублажит,
Как дым кадильниц в скинии Силома,
Которую воссоздал царь Давид.
Кивот, освобожденный от пленения,
Давид поставил там на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

II

Час настает, и громкий судный глас
Уже гремит в ущелиях отмщенья.
Он нас зовет и порождает в нас
Страстей противоборных столкновенье.
И сонмы сил, недобрых и благих —
Любовь и гнев, проклятья и молитвы,—
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!
И снова дух смятен мой, как вначале,
Когда я благодати не обрел,
Которую апостол Павел счел
Превыше Моисеевых скрижалей.
Мне ведомо, что близок день суда,
И на суде нас уличат во многом,
Но божий суд не есть ли встреча с богом?
Где будет суд — я поспешу туда!
Я пред тобой, о господи, склонюсь

И, отречась от жизни быстротечной,
Не к вечности ль твоей я приобщусь,
Хоть эта вечность будет мукой вечной?
Я грешен был, я преступал закон,
Я за грехи достоин наказанья
Страшней, чем мука варварских племен,
Поверженных твоею гневной дланью.
Для филистимлян и едомитян
Годами ты отмерил наказанье,
Но вечный огнь в удел мне будет дан
За все мои сомненья и деянья.
Ждет Страшный суд меня, но до тех пор
Удел при жизни выпал мне не лучший:
При жизни обречен я на позор
И ожиданье кары неминучей.
Нас вознести иль превратить во прах,
Низвергнуть в ад иль даровать спасенье —
Во всем ты властен, все в твоих руках,
Приявший муки в наше искупленье!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА
(Гл. 2)

I

Взывал ты, повторял священный стих,
Склонялся пред отцом своим небесным,
Судящим по делам сынов своих,
Не обольщаясь рвеньем их словесным.
Страдал твой род в египетском плену,
Но не дал ты ему лишиться веры.
С кем, Моисей, сравнить тебя дерзну,
Найду ли я достойные примеры?

Я грешен, я упрям в грехе своем,
Я — варвар, недостойный божья слова.
Та кара, коей предан был Содом,
И по моим грехам не столь сурова.
Как Ханаан, грехом я осквернен,
Я — Амалик, меня нельзя наставить,
Как идолообитель Вавилон,
Меня разрушить легче, чем исправить.
Обломком жалким я встаю из мглы,
На мне лежит проклятье, грех Иудин.

Как древний Тир, достоин я хулы,
Я, как Сидон, порочен и подсуден.
Я старца одряхлевшего слабей
От дней развратных и от жизни шумной.
Я — голубь, кроткий в глупости своей,
А не в своей смиренности разумной.
Я как яйцо, где скрыт змеиный яд.
Ехидна я, что львицей почиталась.
Я — Иерусалим, старинный град
Пред тем, как от него лишь пыль осталась.
Я — человек, чья сущность не чиста.
Шатер пустой, не избежавший бедствий.
Я — крепость, чьи сокрушены врата,
Наследникам ненужное наследство.
Я — дом, но дом забытый испокон.
И чтоб его избавить от проклятья,
Он должен быть очищен, обновлен,
Обмазан глиной божьей благодати.

А у меня нет для спасенья сил,
Я слаб, я сломлен тяжкими грехами,
И справедливейший определил
При жизни место мне в зловонной яме.
Я изгнан, я отвержен, я забыт,
Смятен я духом, жалок я обличьем.
Я — тот талант, который был зарыт
Рабом лукавым, как глаголет притча.

II

Всех душ и всякой плоти созидатель,
Многоусердный в милости своей,
Дай верить мне, как верил Моисей-
Пророк, твоей достойный благодати.
Дай завершить мне книгу песнопений
Достойною твоих благословений.

В обитель, где ты должен нас принять,
Я начал путь свой, плача и стеная,
Дай грех мне искупить и злаком стать,
Возликовать при сборе урожая.
И как грехи мои ни велики,
Не дай иссякнуть слез моих истоках,

И, как гонимых, ты не обреки
Мой дух и сердце засухе жестокой,
Пред тем как мы услышим неба глас,
А небо — глас земли, где сонмы нас...
Пусть чистая молитва и елей,
Все, что тебе святыми воздается,
Проникнет в суть души моей скорей,
Чем тела оскверненного коснется.
О господи, я — глина, ты — творец,
Спаси меня, небесный мой отец.
Чтоб на земле мне духом укрепиться,
Чтоб в час, когда вступлю я в мир иной
И небо ты разверзнешь предо мной,
Я б мог его сияньем насладиться,
Чтоб под небесным этим светом впредь,
Как воску, не растаять, не сгореть.

Дай, боже, силу мне, изнеможенному,
Дай духом мне воспрянуть, обделенному.
Перед концом моим, возможно скорым,
Сведи меня с порочного пути,
Хоть я истерзан совести укором,
А не усилием тебя найти.
Меня, земною тронутого скверной,
Услышь, о боже, со своих высот.
Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать своих щедрот.
Своим небесным светом освети
Мой слабый стон, глухое покаянье,
И слово из Священного писанья,
Что в эту книгу тщусь я привнести.
Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей,
И вместо меди звонкой, но презренной,
Даруй мне злато милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх,
Ты не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах,
Как пахаря на почве неродящей.

Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,

За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, господь, мне жертву приносить
И знать, что неугодна жертва эта.
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть, лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды!

И до того, как мой услышишь зов,
Услышь мои, о боже, покаянья
И соразмерно с тяжестью грехов
Не назначай покуда наказанья.

Щадящий, пощади, спаси, спасающий,
Освободи меня, освобождающий.
Не дай сойти с пути; прости, прощающий;
От бед оборони, обороняющий.
Недуг мой исцели, всеисцеляющий,
И путь мой озари, всеозаряющий.
За прегрешенья не карай, карающий.
Прости мой долг, от долга избавляющий,
С врагами примири, всепримиряющий.

Когда в последний раз, в последний миг
Я подниму слабеющие вежды,
Пусть мне случится твой увидеть лик,
Дарующий спасенье и надежды.
И мой последний вздох в последний час
Пусть мне минувшей жизни будет слаще.
Пусть ангел твой с меня не сводит глаз,
Ведя дорогой страшной, но манящей.
Когда умру, моей душе яви
Дух небожителей, дух бестелесный
Тех, кто дорогой веры и любви
Пришел, о боже, в твой чертог небесный.
Не воздавай мне за мои грехи.
Пусть будет принят дух мой в мире лучшем.
Не дай, спаситель, волка в пастухи
Твоей больной овце, овце заблудшей.
Погрязшему в долгах даруй прощенье,
Погибшему в грехах пошли спасенье.

III

Ты, жаждущим дающий утоленье,
Ужели в мире не рассеешь тьму,
Ужель меня лишишь благоволенья,
Изменишь милосердью своему?
Ужели мне откажешь в состраданье,
Ты, тот единый, в ком оно живет?
Цветок, утратишь ли благоуханье,
Засохнешь ли, о благодатный плод?
Ужель животворящие деянья
Ты прекратишь, о, наше упованье?
О ты, который кроток и велик,
Ужель пренебрежешь извечной славой,
Ужели омрачишь, о боже правый,
Пречистый свой, неомраченный лик?
Ты ль не даруешь, о, мое спасенье,
Кровоточащим ранам исцеленье?
Бальзам на язвы не положишь мне?
Слепому, не пошлешь мне озаренье,
Свет предо мною не зажжешь во тьме?

Я твой проситель, раб твой дерзновенный,
Молю тебя: меня ты не покинь.
Нетленный, жизнь дарующий вселенной,
Ты, славословленный, благословенный,
Ты был и есть — твердыня всех твердынь.
Ты был и остаешься вездесущим,
Как в прошлом, так и ныне, и в грядущем,
И за пределом вечности.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 3)

I

О повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас дарящий,
Господь, творящий все из ничего,
Неведомый, всезнающий, страшащий,
И милосердный, и неумолимый,
Неизреченный, и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий, и благодатный,

Непроницаем ты, неослзаем,
И безначален ты, и нескончаем,
Ты — то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты — то, что нам дает благословенье.
Ты — полдень без заката, свет без тени,
Единственный для нас родник покоя,
Что просветляет бытие мирское.
И безграничный ты, и вездесущий,
Ты и сладчайший мед, и хлеб насущный,
Неистощимый клад, пречистый дождь,
Вовек неиссякающая мощь.
Ты и хранитель наш, и повелитель,
Недуги наши знающий целитель,
Опора всех, всевидящее зренье,
Десница благодатного даренья,
Величьем осиянный, всем угодный,
Ходатай неустанный, царь беззлобный,
Всевидящий, и днем и ночью бдящий,
Судья, по справедливости судящий,
Взгляд негнетущий, голос утешенья,
Ты — весть, несущая успокоенье.
Твой строгий перст, всевидящее око
Остерегают смертных от порока.
Судья того, что право, что неправо,
Не вызывающая зависть слава.
Ты — светоч наш, величие без края,
Незримая дорога, но прямая.
Твой след невидим, видима лишь милость,
Она с небес на землю к нам спустилась.

Слова, что я изрек тебе во славу,
Беднее слов, которые бы мог
Услышать ты, о господи, по праву,
Когда б я не был речью столь убог.
Господь благословенный, восхваленный,
Восславленный всем сущим во вселенной,
Все то, что нам достигнуть суждено,
Твоим внушеньем мудрым рождено.
О господи, дорогу очищенья
Ты мне в моих сомненьях указуй
И, приведя меня к вратам спасенья,
Ты удовлетворись и возликуй.

Цель песнопенья твоего раба —
Не славословье и не восхваленье,
Мои слова ничтожные — мольба,
Которой жажду обрести спасенье.

II

Собранье песен сих, где каждый стих
Наполнен скорбью черною до края,
Сложил я — ведатель страстей людских,—
Поскольку сам в себе их порицаю.
Писал я, чтоб слова дойти могли
До христиан во всех краях земли,
Писал для тех, кто в жизнь едва вступает,
Как и для тех, кто пожил и созрел,
Для тех, кто путь земной свой завершает
И преступает роковой предел.
Для праведных писал я и для грешных,
Для утешающих и безутешных,
И для судящих, и для осужденных,
Для кающихся и грехом пленешных,
Для добродетелей и злодеев,
Для девственников и прелюбодеев,
Для всех: для родовитых и ничтожных,
Рабов забитых и князей вельможных,
Писал я равно для мужей и жен,
Тех, кто унижен, тех, кто вознесен,
Для повелителей и угнетенных,
Для оскорбителей и оскорбленных,
Для тех, кто утешал и кто утешен.
Писал равно для конных и для пеших.
Писал равно для малых и великих,
Для горожан и горцев полудиких
И для того, кто высший властелин,
Которому судья лишь бог один,
Для суетных людей и для благих,
Для иноков, отшельников святых.

И строки, полные моим страданьем,
Пусть станут для кого-то назиданьем.
Пусть кающийся в горьком прегрешенье
Найдет в моих писаньях утешенье.
Пусть обратит мой труд, мое усердье

Себе во благо человек любой.
И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит господне милосердье!

III

Всем тем, кто вникнет в сущность скорбных слов,
Всем, кто постигнет суть сего творенья,
Дай, боже, искупление грехов,
Освободи от пагубных оков
Сомненья, а значит, преступленья.
Желанное даруй им отпущенье.
Пусть слезы их обильные текут,
И голосом моим они моленья
Тебе угодные да вознесут.
К тебе да вознесется их мольба
И за меня, за твоего раба.
Пусть, боже, на рабов твоих покорных,
На всех, раскаявшихся, кто прочтет
С участьем книгу этих песен скорбных,
Твой свет и благодать да снизойдет!

И если примешь тех, кто вслед за мной
Придет к тебе с моей мольбой усердной,
Врата своей обители святой
Открой и мне, о боже милосердный!
И если слезная моя мольба
Прольется, словно дождь, грехи смывая,
То и меня, ничтожного раба,
Омоет пусть его вода живая.

И если ты спасешь, о боже, всех,
Согласных с мыслью, мною изреченной,
Ты и меня, простив мой тяжкий грех,
Спаси, о господи благословенный!
И если песнь моя в душе иной
Родит тебе угодные понятья,
Ты и меня, отец небесный мой,
Не обдели своею благодатью!
И если те, кто мой постигнет стих,
Возденут ввысь дрожащие десницы,
Пусть боль стенаний горестных моих
С молитвой чистой их соединится.
И если сказанные в книге сей

Тебе мои угодны будут речи,
То в многощедрой милости своей
Будь милосерден и к моим предтечам.
И если поколеблется, скорбя,
В священной вере некто, духом нищий,
Пусть он, воспрянув, в книге сей отыщет
Опору, уповая на тебя!

Коль маловер однажды устрашится,
Что храм его надежд не устоит,
Пусть этот шаткий храм твоя десница
Строками книги скорбной укрепит.
Когда недугом мучимый жестоко
Почти утратит кто-то с жизнью связь,
Пусть обретет он силу в этих строках
И возродится вновь, тебе молясь!

И если смертный страх или сомненье
Вдруг овладеют кем-то из людей,
Пусть в книге он найдет успокоенье,
Найдет покой по благости твоей!

И если груз грехов неискупленных
Потянет в пропасть грешника, пусть он
Всей сутью слов, тобою мне внушенных,
Спасен навечно будет и прощен!

И если где-то грешник есть, который
Не минет сатанинской западни,
Дозволь, чтоб труд мой был ему опорой
И сам безумца светом осени.
И если кто-то в гибельной гордыне
Слова святых молитв забыть готов,
Дозволь, чтоб я вернул его к святыне
Могуществом тобой внушенных слов.
И тех, кто в сатанинском ослепленье
Уверует в презренную тщету,
Мне книгой скорбных этих песнопений
Дозволь вернуть к причастью и кресту.
И ураган неверия, взметенный
Как над водой, над душами людей,
Смири моею песней, вдохновленной
Божественною милостью твоей!

IV

Сей труд, что начинал я с упованьем
И с именем твоим,
Ты заверши,
Чтоб песнопенье стало врачеваньем,
Целящим раны тела и души.

И если труд мой скромный завершится
С твоим благословением святым,
Пусть дух господень в нем соединится
Со скудным вдохновением моим.

Тобой дарованное озаренье
Не погаси.
Мой разум не покинь,
Но вновь и вновь приемли восхваленья
От твоего служителя.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 9)

I

И наступает срок сказать мне честно
О прегрешеньях дней моих и лет.
Но в час, когда пора держать ответ,
Моя душа робка и бессловесна.

И если я припомню все, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю,
То и тогда при помощи письма
Я перечислю, господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.
И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю я, сделав рычагом весов,
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов.

II

Я — древо, на котором веток много,
Но зрелых я плодов не оброню.
Как та смоковница, по воле бога
Бесплоден я, засохший на корню.
Смоковница, украшенная кроной,
Манит шумящею листвой зеленой
Усталых путников издалека.
Но подойдет к ней путник изнуренный,
И ни плода не сыщет, ни цветка.
Она — предмет презрения и брани,
Оставленная, как напоминанье,
Как некий тусклый образ душ людских,
Запятнанных греховностью и ложью,
Подвергнутых навек проклятью божью,
Погрязших в омуте грехов мирских.

Бывает, потом политые пашни,
Зерно приемля, хлеба не родят,
И пахарь, труд оплакавши вчерашний,
Уходит прочь, куда глаза глядят.

Душа, храня пристойности обличье,
Ты, как смоковница, листвой шуршишь,
Но, как смоковница в старинной притче,
Бесплодия и ты не избежишь.

Душа моя, как выгребная яма.
Ты вобрала, чтоб погубить меня,
Грехи всех смертных — со времен Адама
Свершенные до нынешнего дня.
Ты копишь то, что богу не угодно,
И потому презренна и бесплодна.

III

Я сам отяготил себя грехами,
Я над собой самим свершаю суд.
Я буду побивать себя словами,
Как из пращи камнями зверя бьют.
Я в мире жил и нагрешил премного,
И ныне я вступаю в смертный бой,—
Как некий враг с врагом во имя бога,

Я насмерть биться буду сам с собой.
В сокрытых мной пороках, и желаньях,
И помыслах, в которых был лукав,
Винюсь, как в совершенных злодеяньях,
Перед тобою на колени пав.

Молюсь тебе, живу единой верой,
Что ты, который милосердней всех,
Свою отмеришь милость той же мерой,
Которой мерю я свой тяжкий грех.
Ты не откажешь дать мне подаянье,
И чем неизлечимей мой недуг,
Тем большее искусство врачеванья
Ты явишь мне, и я воспряну вдруг.

Чем больший долг простишь ты мне с любовью,
Чем милосердней будешь и щедрей,
Тем истовей польется славословье
Мое, как в притче праведной твоей.

О господи, в тебе одном спасенье,
Даешь ты справедливость нам в даренье.
Лишь от твоей десницы обновленье,
И силы нам от твоего перста,
От милосердия нам искупленье,
От лика — вся земная красота,
От твоего чела — нам озаренье,
От твоего дыханья — вдохновенье,
От твоего участья — доброта,
От твоего елея — умиленье,
От знаменья — благое разуменье,
Что наши скорбь и радость — все тщета.
Лишь ты даруешь нам освобожденье
От страха, от преступного сомненья,
Ты вкладываешь слово нам в уста.
Достоин ты земного восхваленья,
Молитв, небесного благословенья.
Лишь ты один вселенной лепота,
Все в мире сущее, все поколенья
Возносят к небесам тебе моленья.
Молитва наша свята и чиста.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 21)

I

С тех пор, как гибели себя обрек,
Уже я не восстал как человек,
Вновь не обрел в себе я человека,
Как сказано в Писании святом.
Сойдя с пути, что праведен от века,
На этот путь я не вступил потом.

Хоть рассказал я в предыдущих главах
Про все грехи мои, но, стыд поправ,
Напомню вновь я о делах неправых,
О злодеяньях, о путях лукавых,
Не изменяя слогу прежних глав.

II

О господи, я — грешник, я — злодей,
Я заслужил твой лютый гнев и кару.
Ничтожностью, греховностью своей
Себя я уподобил Велиару.
Своею нерадивостью и ленью
Я сам себя подвергнул осужденью,
Обрек себя на горе и позор.
И демоны мои возликовали,
В бесовском хороводе заплясали,
И пляшут и ликуют до сих пор.
Удары тайные я принял, боже,
Предуготованные мне судьбой.
Я не отверг отвергнутых тобой,
Наоборот, их силы приумножил.
Бесовской я и сам грешил игрой,
И сам плясал я с бесами порой.
Они же имя божье поносили.
Но я греха не отвергал в бессилье,
Себе не говорил я — не греши!
Я грех творил,
И черви подточили
Поникнувший цветок моей души.

Я погубителей моих незримых
Не вскармливал, но не уничтожал.

Я сам невольно силы умножал
Гонителей моих непримиримых.
Я разрушителям, исчадью ада,
Был преданнее, нежели творцу.
Не сладость я вкушал, а горечь яда,
И вот приходят дни мои к концу.

Я устрашен греховностью моей.
О, горе мне, позор и поруганье!
Как перед взором праведных людей
Предстать мне после моего признанья?
Всех лучше знаю, сколь мой грех велик,
Мне горло сжал отчаяния крик.
Когда способность мне была б дана
То видеть, что никто узреть не может,
Узрел бы я: душа моя черна,
Как идолопоклонник в храме божьем.
Понеже грехородной силы страсть
И идолов богопротивных власть
Сказать воистину — одно и то же.
В кромешной тьме, у жизни на краю,
По гибельной тропе иду и ныне,
Мой дух бессмертный — благодать твою
Я превратил в бесплодные пустыни.

III

Могу ли человеком я считаться,
Когда причислен я к творящим зло,
И существом разумным называться,
Когда в меня безумие вошло?
Хоть я и зрячий, но слепого хуже.
Внутри себя свет погасив, теперь
Я не могу прослыть ученым мужем —
К познанью сам себе закрыл я дверь.
Слыть многомудрым, свыше просветленным
Я, погубивший душу, не могу,
И, просто существом одушевленным
Себя назвавши, я и то солгу.
Среди кувшинов я — кувшин негодный.
В гранитной кладке — камень инородный.
Я в сонме избранных — избранник ложный.
Я в сонме призванных — глупец ничтожный.
И, устрашенный смертью, ибо грешен,

Покинут всеми я, а кем утешен?
Пророк Иеремия говорил,
Что некий древний град падет в бессилье,
Так и меня страданья истощили,
Погиб я, потеряв остаток сил...
Как дерева червями, ткани молью,
Изъеден я своей сердечной болью.
Я истончился, словно паутина.
Моя греховность этому причина.
Я прекращаю век свой, исчезая,
Как утренний туман, роса ночная.
Я на людей надеялся, но ложно:
Надежда лишь на господа возможна.

И ныне, о содеянном скорбя,
Я, проклятый и очерненный скверной,
Надеюсь, боже, только на тебя,
Исполненного милости безмерной.
И на кресте ты никого не клял,
Терпя страданья, не ожесточился,
Когда к отцу небесному взывал
И за своих мучителей молился.
Подай мне весть, чтоб мой услышал слух,
Даруй надежду в жизни быстротечной
И в час, когда тебе свой жалкий дух
Я возвращу,
Даруй мне дух свой вечный.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 23)

I

Непостижимый взору и уму,
Ты, без кого ни слова нет, ни дела,
Определяющий предел всему
И только сам не знающий предела.
Нам без тебя ни света нет, ни тьмы,
Ты слышишь наши стоны, зришь несчастья.
Невидим ты, но все, что видим мы,
Померкло бы без твоего участья.
Ты — недоступен для рабов своих,

Но близок в вышине своей нездешней.
Целитель жесточайших ран людских
И утешитель боли неутешной!

II

Узри, о боже, взор мой безутешный
И сердце, что раскрыл я пред тобой.
На путь наставь мой разум многогрешный,
Но будь целителем, а не судьей.
Неверью и сомненьям нет предела,
Но, чтоб греха избегнуть, дай мне сил.
Мой дух еще не отрешен от тела,
И страшен грех, что тело осквернил.
Скорблю, что дух и разум не едины,
Что на добро надежды нет в сердцах.
Скорблю, что создан человек из глины,
Замешанной на низменных страстях.
Скорблю, что нас, людей, наш ум усердный
Не сделал совершеннее скотов,
И грязью мы отмечены, и скверной,
И памятью содеянных грехов.
Что каждый совершил и что утратил,
Мутит молитву нашу, застит взгляд,
И мы, сжимая плуга рукояти,
Дрожа от страха, все глядим назад.
Мы, смертные, пленяемся ничтожным,
И не умеем мы глядеть вперед,
И в поединке истинного с ложным
Неистинное чаще верх берет.
И боль утрат идет вослед за нами,
И всюду тьма, и пелена у глаз.
И приговор возмездья пишет память
В суде сознанья каждого из нас.
О, горе, если бог наш отвернется
И поразит нас гром его речей
И вечное величие столкнется
С мгновенною ничтожностью людей.
Растратил я, гонясь за наслажденьем,
Свой драгоценный дар, пропал мой труд.
Пусть божьей справедливости каменья
Меня, греховного, нещадно бьют.
Я путь прошел, но свет моих трудов
В потемках неусердья был не ярок.
Я не оставил по себе следов,

И свет погас, и догорел огарок.
Мой слабый ум немногое постиг
И потерял способность постиженья,
И онемел греховный мой язык
Без права отвечать на обвиненья.
Чадит лампада тусклая моя,
Мое напоминая нераденье,
И стерто имя в книге бытия,
И вписаны укор и осужденье.

III

Я вижу воина — и смерти жду,
Церковника я вижу — жду проклятья,
Идет мудрец — предчувствую беду,
Идет гонец — могу лишь горя ждать я.
Кто сердцем чист — порог мой обойдет,
Благочестивый горько упрекнет,
Навстречу мне не сделает и шага.
Водой испытан буду — захлебнусь,
От испытанья зельем не очнусь,
Услышу тихий шорох — устрашусь,
Протянут руку — в страхе отшатнусь,
Учую зло во всем сулящем благо!
На пир я буду позван — не явлюсь,
На суд твой буду призван — онемею.
Ниц упаду, слезами обольюсь,
Как будто говорить я не умею.
Мне стрелы изнутри пронзили грудь,
Слились в большую рану все сомненья,
Терплю я муку, не могу вздохнуть,
Ни днесь, ни впредь не жду отдохновенья.
Услышь, о боже, вопль души моей,
Последний стон мой, ставший песнопеньем,
Стон, слившийся со стонами людей,
Тебя молящих о моем спасенье.
Нас, жалких обитателей земли,
Ты сам из праха сотворил земного,
Что делать нам, наставь и повели!
Услышь мое беспомощное слово!
Ты, сущий в каждой твари, что живет,
Превозносимый каждой тварью сущей,
Покой душевный от своих щедрот
Даруй нам в жизни сей быстротекущей!

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 26)

I

И я один из тех, чья жизнь сурова,
Чьи слезы льются, как весной поток,
И кто стенанья превращает в слово —
В песнь с однозвучным окончаньем строк.
И стих, певучий от таких созвучий,
Щемит сердца, когда звучит в тиши.
Единозвучье раскрывает лучше
Невидимую миру боль души.
Я жил на свете горестно и сиро
И, как гласят Писания слова,
Душа, что не вполне мертва для мира,
Для бога не вполне еще жива.

Не знаю — эта песня хороша ль,
Но строки ныне с самого начала
Я рифмовал, чтобы моя печаль
Еще сильней и горестней звучала.

II

Сокровищ царских жалкий расхититель,
Я наказанью предан с давних лет,
И призовет меня казнохранитель,
Чтоб, казнокрад, я дал ему ответ.
Томлюсь в темнице без воды и пищи,
Томлюсь, мои печали велики,
Мой долг — пятьсот талантов, но я, нищий,
Давно растратил и золотники.
И чтобы сердцу в песне изливаться,
Я здесь избрал особый лад строки,
Чтоб каждый стих вершился звуком «и»,
Что означает также цифру «двадцать».
Бушует нищета, как пламень горна,
В закладе сердце и душа моя,
За всю вину моих деяний черных
Сурово спросит грозный судия.
И подступает страх, меня пронзая
Своим мечом безжалостным, когда
Задумываюсь я и понимаю

Неотвратимость Страшного суда.
Я, суетный, подверженный сомненьям,
Уже сегодня слышу божий глас
И мучусь, будто в огненной геенне
Мой дух и плоть горят уже сейчас.

Все, чем владел, растратил я и прожил,
А что копил я столько лет подряд,
Презренно, и в сокровищницу божью,
Что я стяжал, того не поместят.
Плоть нечиста моя и взгляд мутится,
Но, взор молящий устремивши ввысь,
Прошу тебя, небесная царица:
Ты за меня пред господом вступись!
Моим грехам да будет отпущенье,
Пусть мне вина простится, умоли,
И пусть вовек дымятся воскуренья,
К тебе от нас летящие с земли.

III

Что, кроме щедрых слез и жалких строк,
В дар милостивцу принести я мог?
Как мне содеянное мной измерить?
Я быстрой мысли торопил крыла,
Но мысль моя размер моей потери
Все ж охватить собою не могла.
Нет края, нет конца перечисленью
Грехов, в которых я повинен сам.
Я чашу малодушья и сомненья,
Как чашу смерти, подношу к губам.

Боль нестерпимая во мне таится,
Рождаясь, я не в силах разродиться,
И стрелы в сердце мне вонзают яд.
Жар лихорадки почки мне сжигает,
Мои мученья печень разрывают,
И желчь, скопившись, к горлу подступает,
Мою гортань стенания теснят.
Все члены тела, хоть они едины,
Друг с другом, словно смертные враги,
Меня губя, вступают в поединок,
О пресвятая дева, помоги!

О матерь божья, я твой раб презренный,
Я грешник, чьи сомненья велики,
И все же я молю тебя смиренно:
Из тьмы грехов меня ты извлеки.

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 30)

I

О милосердный, ниспошли мне сил,
О всеблагий, пусть будет мне примером
Заблудший раб, что многожды грешил,
Но все ж ступил на путь добра и веры.
Пусть лишь в преддверье рокового дня,
Пред самой смертью встал на путь он правый,
Творивший зло, он праведней меня,
В ком дремлет соучастник — дух лукавый.
Тот дух могуч, а сам я духом слаб,
Мой искуситель у меня под боком.
Двойник мой, он — не твой смиренный раб,
А потакатель всем моим порокам.
Ведя меня дорогой суеты,
Со мною искуситель неразлучен.
Мой враг, исток моих сомнений жгучих,
А сколь их много,— знаешь только ты!
Но кто грешит, тот кается потом,
И платим мы за радости страданьем.
И я склоняюсь пред тобой челом,
Согбенный прегрешеньями в былом
И просветленный поздним покаяньем.

II

Я повтореньем истины грешу,
И оттого моя не легче участь,
Но я не царства божьего прошу,
Мне б жизнь влачить, немного меньше мучась.
Не пребывать мне в райской тишине,
Причисленному к сонму вознесенных,
Среди безгрешных душ не место мне,
Мне место средь живых, но сокрушенных.
Я улыбаюсь, будто свету рад,
А про себя свою стезю кляну я,

Лицо мое спокойно, только взгляд
Горит, смятенье духа доказуя.
Со сладкою и горькою едой —
Перед собою я держу два блюда.
Держу перед собою два сосуда:
Один с отравой, с благостью другой.
Две печи есть: одна красна от жара,
Пока другая стынет без огня.
Две длани надо мною: для удара
И для того, чтоб отстранить меня.
На небесах два облака застыло —
Одно несет нам огнь, другое — град.
Тому, что будет, и тому, что было,
Две укоризны с уст моих летят.
Две жалобы летят незаглушимых —
В одной мольба, в другой укора знак.
И в сердце слабый свет надежды мнимой
И горькой скорби безнадежный мрак.
Два ливня хлещут: ливень стрел свистящий
И кампепад, грозящий всей земле.
Восходит солнце — жжет нас зной палящий,
Заходит солнце — нам темно во мгле.

III

Карающую занесешь десницу,
Я возмолюсь: «Казни меня скорей!»
Рука дарующая мне примнится —
Приблизиться я не посмею к ней.
Речь о грехе зайдет — приду в смятенье,
О святости — пойму свою вину.
Открыто мне дадут благословенье —
Украдкою себя я прокляну.
Я похвалу услышу — опровергну,
В ней заподозрю ложность и тщету.
Подвергнусь я хуле немилосердной —
Я слишком малою ее сочту.
Пусть осмеют, пусть предадут позору —
Сочту возмездье правым и смирюсь.
Мне пожелают люди смерти скорой,
Чтоб их слова сбылись,— я помолюсь!
Когда б небесный гром меня сразил,
Я принял бы его, как избавленье.
Я книгу прав своих давно закрыл —

Ни оправданья нет мне, ни спасенья!
В тот лучший мир я поспешил бы сам,
Когда бы не страшился наказанья.
Беда идущему по двум стезям,
Как говорит Священное писанье.

IV

Ужели ты не слышишь, всеблагой,
Рыданий и мольбы моей усердной?
Ужели ты не видишь, милосердный:
Я — пленник зла — стою перед тобой?
Я жду, в своем погрязши заблужденье,
Твое добро на зло мое в ответ.
Я, обреченный, жду благословенья.
Слепой, я жажду твой увидеть свет.
Протянется ль твоя десница, боже,
Чтоб тонущего грешника спасти?
Когда персты на раны мне возложишь,
Когда с неверного сведешь пути?
Научит ли твое долготерпенье
Усердью неприлежного меня,
И будет ли твое благоволенье,
Чтобы очистить грешного меня.
Заблудший раб, найду ли я покой
Под милосердною твоею дланью,
Чтоб, грешному, спрямить мне путь кривой,
Забрезжит ли вдали твое сиянье?
Я человек, чья совесть нечиста,
И лишь в тебе надежда очищенья.
Я проклят, и твоя лишь доброта
В меня вселяет веру во спасенье.
Я ныне приобщаюсь тайн святых
И в них ищу, рыдая, утешенье.
Я вижу: в поднятых перстах твоих —
Мне, многогрешному, благословенье,
Лишь ты один способен даровать
Мне, угнетенному, освобожденье
И молвить слово, чтобы ниспослать
Рабу смятенному успокоенье.
Очищен я твоею чистотой,
Твой взгляд — моим страданьям облегченье,
И капля крови, пролитой тобой,
Освобождает душу от мученья.

Без помощи господней кто я есмь?
Мне мощь твоя дарует свет надежды,
Твой мир, смятенному,— мне светоч здесь
Днесь и покуда не смежу я вежды.
И нет в тебе и малой доли тьмы,
Как вне тебя нет ни добра, ни света.
Ты — надо всем, тебе подвластны мы.
Тебе, господь, да будет слава спета.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 39)

I

Подталкиваем дьявольской рукой
И соблазняем леностью привычной,
И я утратил прежний облик свой,
Свое первоначальное обличье.
А если так, то ныне мне пристало
Сказать, в чем грешен, как я прожил век,
Сказать пред миром, что со мною стало,
На что, ничтожный, я себя обрек.

II

Себе кажусь я книгою сейчас.
Я — книга воплей, стонов и сомнений,
Похожая на книгу тех видений,
Что Иезекииль узрел в свой час.

Я — город, но без башен и ворот.
Я — дом, где нету очага зимою.
Я — горькая вода, и тех, кто пьет,
Я не способен напоить собою.

Я — сад, который высох и заглох.
Я — поле, тучное травою сорной.
Я — нива, что предуготовал бог,
Но почву дьявол распахал проворно.

Я — древо, потерявшее плоды,
Годящееся только для сожженья.
Я — саженец, засохший без воды,
Светильник, потерявший дар свеченья.

И новые стенанья, плач глухой
Я облекаю в прежние созвучья.
Беспомощен зубовный скрежет мой,
И горек мой позор, и слезы жгучи.

Гнев над моей душой неумолимый,
Над грешной плотью огнь неугасимый.
Печать греха легла мне на чело.
Достоин казни я, творящий зло.
Боль, посланную с неба, на земле
Приемлю я, погрязнувший во зле.
Что ждет меня — заранее известно:
Как кучи плевел, превращусь я в дым.
И возвещает снова глас небесный
О том, что мой недуг — неисцелим.

III

Я каюсь, чтоб меня услышал мир.
И, правда, может, схож я с той блудницей,
О коей у Исайи говорится
Во притче про надменный город Тир.

Но если скорбь блудницы позабытой
Из тьмы времен пророк донес до нас,
Как должен я взывать в свою защиту,
Как должен прозвучать мой скорбный глас?

Мне ведомо,
Пришествие господне
Настанет,
Я дрожу уже сегодня.
И, думая о страшном Судном дне,
Предвижу нескончаемые муки,
И к небесам я простираю руки,
И жду возмездия, и страшно мне.
Что будет — все я знаю наперед.
Но и предвидя все свои страданья,
И зная, что меня в грядущем ждет,
Я все же нерадив на покаянья.

Но в страшный час меня ты не покинь,
О господи, отец наш всемогущий,
Чадолюбивый, добрый, вездесущий,
Прощающий своих сынов.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ИЗ ГЛ. 51)

I

Я, смертный, не обласканный судьбой,
Ужель к себе подобному с мольбой
Мог обращаться, горестно стеная,
Бессилия людей не понимая?

Ужель к тому я обращал моленья,
Кто сам ничтожен силой, речью слаб.
У мыслящих существ искал спасенья
Я, мыслящий, но неразумный раб?

Ужель молил людей, власть предержащих,
Владык, как и дары их преходящих?
Ужели брата я молил родного,
Который сам искал прозренья свет,
Ужели я молил отца земного,
Что сам прощенья ждал на склоне лет?

Ужели мать молил я в тишине?
Ужели ждал от той ответной вести,
Чья нежность и забота обо мне
Оборвались с мгновенной жизнью вместе?

Ужели я молил земных царей,
Не понимая, что цари земные
Способны смертным смерть нести скорей,
Чем блага жизни иль дары иные?
О нет, не к братьям, не к царям земным,
Я обращался лишь к тебе, о боже,
Лишь ты один все можешь дать живым
И после смерти воссоздать нас можешь.

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ИЗ ГЛ. 54)

III

Плывет пловец, захлестнутый волнами,
Его пучина бьет, а он плывет.
Покуда взмахивает он руками,
Но силы кончатся его вот-вот.

Бьют волны и бока его, и спину,
Ест соль глаза, а морю нет конца.
Оно в свою соленую пучину
Сейчас затянет бедного пловца.

Пловец плывет, но нет ему спасенья.
Он не уйдет от вздыбленных валов.
Жалчайшее господнее творенье,
Как бедный тот пловец, и я таков.

Мне говорят — понять я не пытаюсь,
Не слышу, хоть мне голос подают.
Трубит архангел — я не пробуждаюсь,
Недвижим я, хотя меня зовут.

Я позабыл все то, что раньше видел,
Черствее становясь день ото дня,
Бесчувственен я к боли, словно идол,
Хоть люди ранить норовят меня.

Мне лестно даже с идолом сравненье.
Я хуже, ибо совесть не чиста.
Презренный и достойный обвиненья
Дерзаю все ж вымаливать прощенье,
Спасенье у спасителя Христа.

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 55)

I

Парил я на крылах души моей,
Над сонмом живших в мире сем от века,
Но, многогрешного, меня грешней
Покуда я не видел человека.
Все это взвесив на весах ума,
Я обратил к себе как прорицанье
Нетленный стих Давидова псалма:
«Со мною кто сравнится в злодеянье?»
Так что ж скажу я своему врагу?
Чье прокляну и чье ославлю имя?
Я, грешный, лишь себя клеймить могу
Словами беспощадными своими.

И мне, отягощенному виной,
Я верую, даруешь ты прощенье,
Как ныне я прощаю прегрешенья
Всем тем, кто был виновен предо мной.

II

Какие б я моленья возгласил,
Какие б воскурил благоуханья,
Чтоб только ты, о господи, простил
Людей, которых я порочил бранью,
Чтоб осужденного ты оправдал,
Плененному — свободу даровал,
Утешил бы скорбящих, удрученных,
Призрел обманутых и обреченных;
Чтоб скорбных духом ты уврачевал.
Когда добро намерюсь совершать я,
Чтоб ты, великий, мне прибавил сил;
Когда намерюсь произнесть проклятье,
Чтоб ты остановил и вразумил!
Чтобы в моленьях я, страдавший много,
Всем зложелателям своим простил,
Чтоб голос злобы, неугодный богу,
В ожесточенном сердце усмирил;
Чтоб я забыл вчерашние обиды,
Молясь о примиренье всех людей,
И чтоб возрадовался ты, увидев,
Каким я стал по благости твоей.
Вся жизнь — в тебе, лишь ты — бессмертье
смертного,
Упорство человека неусердного.
Ты — сила слабого, богатство — скудного,
Ты — мудрость для меня, для безрассудного.

Я как пловец — ненастье, тьма и ветер
Мне ощутить мешают силу зла,
Я словно птица, что попала в сети
И гибели своей не поняла.
Не понял я, что страшен мир двуликий,
Что губит он, соблазнами маня.
Как псалмопевец говорил великий:
«Постигли беззакония меня».

III

Один мудрец назвал в года былые
Смерть без причины явной злом большим,
Хоть он язычник — я согласен с ним:
Мгновенной смертью правят силы злые.
Как скот бессмысленный и бессловесный,
Мы исчезаем вдруг во мраке бездны,
Не осознав сей жизни пустоту.
Мы умираем — и не ужасаемся,
Мы исчезаем — и не удивляемся,
Мы даже в час последний — не смиряемся,
Отлучены бываем — не терзаемся,
Порокам предаемся — и не каемся,
Соблазнов низких не остерегаемся,
Всему предпочитаем суету.
Смиренный Иов смерть называл покоем.
Я с ним согласен днесь и наперед,
Когда б не зло, содеянное мною,
Что в тайне для меня же сеть плетет.
На свете настоящее — ничтожно,
Грядущее — темно, былое — ложно.
Я хуже всех, моя греховна суть.
В грязи желаний я погряз по горло.
Земные страсти мне сжигают грудь.
Нетвердый разумом, иду нетвердо.
Над глиняной обителью моей
Дожди не утихают проливные,
А слабый дух мой — глины не прочней,
Соблазны мира — не добрей стихии.
Что я скажу пред тем, как умереть?
Мои деянья скудны, страсти — странны.
Из ничего мой скарб, из ветра снедь,
Усилья тщетны, радости обманны.
Когда настигнет смерть, то силы зла
Пред справедливостью должны склониться,
И заповедь, что мне дана была
Для жизни,— лишь для смерти пригодится.

IV

Как сказано о том в Святом писанье,
Пришел посланник зла, мой давний враг,
Он отнял все, и сердца достоянье
Разграблено, и разум мой иссяк.

Я к господу, безумный, не взывал;
Чем шел быстрей, тем глубже увязал;
Стремясь к величию, терял я веру;
К безмерному стремясь — утратил меру.
Терял я большее, чем находил,
Был осторожен — лишь себе вредил.
Идти старался прямо — спотыкался,
Стремясь за лишним — нужного лишался.
Избавился от меньшего из зол,
Но гибельные страсти приобрел.
То, что искал, считал всего дороже —
Не стало оправданием моим.
В тебе одном мое спасенье, боже,
Я пред тобой склоняюсь, всеблагим.
Тебя молю я, раб твой неусердный,
Моей молитвы в гневе не отринь.
Будь милостив, отец наш милосердный,
Прибежище души моей.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 56)

I

Как ядовитый плод на древе ада,
Или враждебной ставшая родня,
Иль сыновья, предавшие меня,
Грехи меня терзают без пощады,
Все неотступнее день ото дня.

II

Я сердцем хмур, устами злоречив.
Мой слух неверен, взор мой похотлив.
Моя рука готова смерть нести,
Моя нога сбивается с пути.
Мой смраден вздох, походка нетверда,
Я не оставлю по себе следа.
И воля к благу у меня шатка,
Зло крепко, добродетель некрепка.
Божественный завет я позабыл,
Указанный запрет я преступил.

Я — дичь, не избежавшая стрелы,
Бежавший раб, упавший со скалы,
Я — узник, чей конец наступит вскоре,
Морской разбойник, что утонет в море.
Я робкий ратник, я свидетель лживый,
Нестойкий латник, пахарь нерадивый,
Священник, презирающий амвон,
Законник, попирающий закон,
Звонарь церковный, невпопад звонящий,
Я — проповедник, смутно говорящий,
Я — взгляд, который неприятен людям,
Ужасен ликом я и сердцем скуден,
Я — прерванная трапеза хмельная,
Я — праздник жалкий, красота смешная,
Я — сад, который высох и заглох,
Я — жнец, который жнет чертополох,
Сажающий крапиву садовод,
Мышам доставшийся пчелиный мед.
Я — без защиты брошенный старик,
В грехе упорствующий еретик,
Болтун пустой, гордец скотоподобный,
Хвастун и лжец, скупец, мздоимец злобный.
Я — леность, я — надменность, я — коварность,
Бесстыдство, черная неблагодарность,
Великолепье, жалкое обличьем,
Ничтожество, надутое величьем,
Величье, что пред низостью склопилось,
Могущество, чья сила истощилась.
Я — управитель-плут, советчик ложный,
Торгаш бессовестный, друг ненадежный,
Сосед злословящий, богатый скряга,
Чьей смерти ждут наследники как блага.
Бесчестный казначей, служитель-бражник,
Глашатай лживый, нерадивый стражник,
Я — нищий, жалкий, но высокомерный,
Правитель алчный, царь жестокосердный,
Я — вестник, с доброй вестью опоздавший,
Посредник, поводом раздора ставший,
Я — царь-изгнанник, царь, лишенный трона,
И царь-тиран, не знающий закона.
Я — воин, побежденный и несчастный.
Я — самовластный князь, судья пристрастный.
Я — полководец, робкий и бесславный,
Слуга лукавый, раб самоуправный.

Я — песня — сочинителя позор,
Для обвинителя я — приговор.

Когда-то раньше не творил я зла,
Мне отовсюду вслед неслась хвала.
Но все прошло, мой мир перевернулся,
И ныне я — носитель многих зол.
К одним пришел я, ибо обманулся,
Другие я по слабости обрел.

III

Изо всего, что ныне перечислил,
Всего, чем ныне утрудил тебя,
Что тягостней тебе и ненавистней,
Каким грехом я погубил себя?

Что совершить и как тебя восславить
Рабу, который скорбию томим?
Как от грехов своих себя избавить,
Представ перед всесвятым величием твоим?

Сколь велико, скажи, твое терпенье
И долго ль будешь ты меня прощать,
И долго ль будешь, господи, молчать,
Мои земные видя прегрешенья?

Тебе совсем мою презреть бы речь,
Тебе б не слушать слов моих ничтожных,
Не для меня ль карающий твой меч?
Я заслужил, чтобы меня обречь
На казнь, что ждет преступников безбожных.

Но ты меня, бредущего во мгле,
И прочих, мне подобных, на земле
Врачуешь добрым светом милосердья,
Чтоб душам нашим обрести бессмертье.
Там, где мерцает неземная синь,
Нас, грешных, не по нашему усердью
Ты одаряешь, господи.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 71)

I

Пребудь счастлив и славен, сонм святых,
Хотя порой иные отступались,
Хотя порой иные колебались,
Но вновь гореньем чистым озарялись,
И находили путь, и утверждались
В неложности молитв и дел своих.

Они являли слабости подчас,
Но отрекались от сует мгновенных
И возвышались в помыслах священных
Над бренной сутью каждого из нас.

Была всегда их чтима чистота,
И не было к мольбе их небо глухо,
Их чтят, как тело господа Христа,
В них — обиталище святого духа.

В них нету ни следа, ни тени тьмы.
Их праведность светла в сиянье божьем.
Они богоподобны, если мы
Кого-то богу уподобить можем.

Была их жизнь чиста и безупречна,
Неколебима воля, вера вечна.
Их истина едина и одна.
Всему, что в мире тленно или мнимо,
Противоборство их необоримо.
Их благочестие несокрушимо,
И мудрость их для нас непостижима,
Сияньем божиим озарена.

Молить их, как создателя молю я,
Деяния их чтить по мере сил
И уповать на помощь их святую —
На это нас всевышний вразумил.

II

А я, ничтожный в мыслях и делах,
Хулы достоин, грешник безнадежный,
Я бодрствую, но сон в моих глазах.

Дремлю, хотя мои открыты вежды.
Молясь, я в мыслях осуждаю близких.
Молясь, я мыслю о деяньях низких.
Иду вперед — и вдруг подамся вспять.
Едва очистившись, грешу опять.
Страстей своих греховных и гордыни
И умиротворяясь не уйму.
Я мед мешаю с горечью полыни,
В сиянье дня предвосхищаю тьму.

Я прячу терния среди цветов.
Едва покаюсь, снова согрешаю.
Мое цветенье не дает плодов.
Я не творю того, что возглашаю.
Даю зарок — и тут же попираю:
Я простираю длань — и опускаю,
Ни с кем своим достатком не делюсь.
Что посулил, того не дать стараюсь.
И снова гнойниками покрываюсь,
Едва от прежней язвы исцелюсь.
Веду корабль я, но с пути сбиваюсь,
Я отправляюсь в путь — и возвращаюсь,
Едва наполнившись — опустошаюсь,
То распадаюсь, то воссоздаюсь,
То сею смуту я, то примиряю,
Виновный сам — другого обвиняю,
Я повинюсь — и тут же отрекусь.

Того, что начал, я не завершаю,
Растрачиваю все, что обретаю,
Что накоплю, немедля промотаю,
Немудрый сам, я мудрых поучаю,
Вражды погасшей пламень раздуваю
И никогда того не постигаю,
Чему учусь и что постигнуть тщусь.

Что сам я разорву, потом латаю,
Я злаки мну, крапиву насаждаю,
Я белым голубем в гнездо влетаю —
И вороном оттуда вылетаю.
Едва поднявшись, вновь к земле стремлюсь.
Я, белый, обернусь мгновенно черным.

Строптивый, притворяюсь я покорным,
От истины в гордыне отвернусь.
Что правою рукой оберегаю,
То левою беспечно разоряю.
Себя считаю правым, хоть не прав.
Я истину устами утверждаю,
А сердцем лгу, все истины поправ.
Сауловы деянья совершаю,
Давидово обличие приняв.

Сначала я заблудшим притворяюсь,
А после откровенно заблуждаюсь.
То я смиренно не подъемлю глаз,
То вместе с бесами пускаюсь в пляс.

Хвалим я грешниками и утешен,
А кто безгрешен, те меня хулят.
«Блажен ты»,— говорят мне те, кто грешен.
«Ты грешен»,— праведники говорят.

Но мнится мне суд праведных пристрастным,
И я не к ним, а к низким духом льну.
Порою перед грешником несчастным,
Пред самым недостойным спину гну.

Не различив, что бренно, что нетленно,
Хожу я в облачении чужом,
Но люди узнают меня мгновенно,
Как чайку в оперении чужом.

Порой многоречив я неуместно,
Когда ж ответить надобно, я нем.
Куда богатство трачу — неизвестно,
Но в день расплаты остаюсь ни с чем.
Бывает, в час восхода я богат,
Но нищим застает меня закат.

Пашу я нерадиво пашню воли.
Боюсь чего-то, что-то сделать тщусь...
Я вечером с тревогой спать ложусь
И просыпаюсь от душевной боли.

И все-таки, беспутный, безрассудный,
Я, господи, твой сын, но сын твой блудный.
Я — пленник, что собою сам пленен,

Прислужник смерти, сам я обречен.
Я — ветвь, что только для огня годится,
Я — огнь погасший, что не возгорится,
Я погибаю, сам себя кляня.
Мне ведомо: моя плачевна участь.
Чем сам я, кто гневней казнит меня?
Я сам уже теперь сухие сучья
Готовлю впрок для адского огня.
И пред тобою, грешный и упрямый,
Стою сейчас с повинной головой,
Как Каин — порождение Адама,
О господи, я — сын преступный твой.

О господи, твой грешный сын, я стражду.
Давно себе я вынес приговор.
Давно мой каждый шаг и вздох мой каждый
Мне самому проклятье и укор.

III

Как мне спастись в греховной жизни сей,
Когда и Авраам мне в осужденье
Мои припоминает прегрешенья,
Когда в меня бросает Моисей
Слова, что тяжелее, чем каменья,
И праведный Навин во гневе мстит,
Весь род карает заодно с Аханом
И выдает на гибель царь Давид
Людей безвинных гаваонитянам,

Когда он царь великий, зло тая,
С Навалом сводит счеты, с сумасшедшим,
Когда ревнитель божий Илия
Людей палит огнем, из туч сошедшим.

И тот, кто, может, праведнее всех,
Апостол Петр людей карает сирых,
Ниспосылая смерть за малый грех
Анании с его женой Сапфирой.
Когда ведун великий душ людских,
Апостол Павел, столп вероученья,
К благим словам в посланиях своих
Примешивает смрадный запах тленья.

Моей вине нет края, нет конца.
Сонм воинов, отважных и суровых,
Блаженных сонм и сонм святых, готовых
Исполнить волю нашего творца.
Земля и твердь, и огнь, и все стихии,
Живая тварь и камни неживые,
Все карою грядущей мне грозят,
Напоминают мне грехи земные
И предрекают мне кромешный ад.

Грешащий, я под стать морской стихии,—
Кто в душу мне пытливый бросит взгляд,
Увидит: маленькие и большие
Внутри меня чудовища кишат.
Увидят, как чудовищ этих сонмы
Меня терзают в жизни сей земной,
И подтвердит свидетель потрясенный
Правдивость слов, произнесенных мной.

О господи, моих грехов премного,
Но ты даришь спасенье нам, живым,
Единородный сын живого бога,
Ты, что всесилен и непостижим.

Господь, неизреченный и нетленный,
Понеже все мы под твоей рукой,
Прости и дух мой, бурею смятенный,
Ты, боже, укрепи и успокой.

Своим мечом, карающим и правым,
Чтобы от них не стало и следа,
Ты отсеки бесчисленные главы
Чудовищ тайных моего стыда.

И этих скорбных песнопений слово
Услышь,
Не усомнись в моей мольбе,
Ты не отвергни, господи, сурово
Молитву, обращенную к тебе.

Мои слова, как ладан благовонный,
Прими, господь, и мир мне принеси,
И, как пророка своего Иону,
От чудищ и от бурь меня спаси!

Услышь, о господи, мои стенанья,
Прими мою молитву покаянья,
Умерь мои бессчетные страданья,
Меня в мой час последний не покинь,
Мое единственное упованье —
Отец, и сын, и дух святой.
Аминь!

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 80)

I

В молитвах многие проведший дни,
О матерь божья, пресвятая дева,
Я днесь тебя молю: оборони
От божьего карающего гнева!
Пречистая, ты — ясный свет дневной,
Сияющая в небесах денница,
Ты, что святей обители святой,
Меня услышь, небесная царица!
Ты, укрепленная творцом земли,
Прикосновением святого духа
И сыном осененная, внемли,
Мой стон пусть твоего достигнет слуха.
Родившая того, кто триедин,
Вскормившая его, кто по рожденью
Любимый и единственный, твой сын
И господин твой, царь по сотворенью,
Я, с праведного сбившийся пути,
Днесь преклонился пред тобой в смиренье.
Услышь мои мольбы и обрати
Ко всеблагому, как свои моленья.

Ты вознеси мольбу мою и с ней
Соедини свое святое слово,
И пусть оно дойдет до всеблагого,
Любовью озаренного твоей.

Пусть не карает он меня сурово,
Хоть я, быть может, худший из людей.
Пусть не казнит, а даст мне силу снова
Ему молиться до скончанья дней.

II

К твоим стопам приникнуть мне дозволь,
Ты, признанная матерью живущих,
Чтоб я без мук покинуть мог юдоль
Пороков и страстей, меня гнетущих.
Пошли спасенье, свет зажги вдали,
Чтоб путь к спасенью стал бы мне приметней,
И всеблагого сына умоли,
Чтоб стал мне торжеством мой день последний.
Меня в молитве слезной помяни,
Открой мне путь, доселе неизвестный.
Пред господом колена преклони,
Дай руку падшему, о, храм небесный!
Снимавшая спасителя с креста,
Мне вымоли, владычица, спасенье,
Ты, матерь Иисуса, так чиста,
Что будут приняты твои моленья.
Стань для меня защитною стеной,
В мою защиту обрати моленья,
Чтоб ныне совершилось надо мной
Таинственное чудо очищенья!

III

Я, грешный раб, до рокового дня
Тебе молиться буду, восславляя,
Когда спасешь, владычица, меня,
Когда ты смилуешься, пресвятая.
Когда ко мне ты снидешь, устрашенному,
И облегчишь мне муку, устыженному,
Когда мои рыдания прервешь
Ты, все неистинное попирающая,
Когда простишь мою тщету и ложь,
Ты, непрощенных грешников прощающая!
Когда меня от зла ты оградишь,
Спасающая нас и ограждающая,
Когда, людские беды отвращающая,
Ты дух мой слабый в вере укрепишь!
О, если ты, заклятия снимающая,
В груди моей волненье укротишь,
И если, благодать все примиряющая,
Меня, владычица, благословишь,

И, если ты, смятенного, меня
К себе приблизишь, о приснoблаженная,
И если сокрушенного меня
На верный путь наставишь, совершенная,
И если ныне успокоишь ты
В моей душе мятежное волнение,
И если недостойного прощения
Своим прощеньем удостоишь ты,
Услышь меня, скорбями удрученного,
Спаси меня, на гибель обреченного!
Быть может, в вышине твоя рука
Благословит земной мой путь тернистый,
И капля девственного молока
Падет мне в душу с губ твоих пречистых!
Творца всего, что суще в мире сем,
Ты, матерь, беспорочно породила,
Неизреченно в нем соединила
Суть бога с человечьим естеством.
Он — судия и наставитель мой,
Создатель зрит души моей поруху.
Хвала единству троицы святой.
Отцу, и сыну, и святому духу.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА (ГЛ. 82)

I

О господи, щедры твои даренья.
Ты — жизни свет, души успокоенье,
Во имя нас страдал ты и скорбел,
Идя путем своим неизреченным,
Спасая нас, ты муки претерпел
Пред тем, как вознестись в иной предел
И слиться с духом наисовершенным.

II

Во имя всех апостолов святых,
Во имя благоизбранных твоих,
Благословляемых твоею дланью,
Создавшей твердь и все, что в мире есть,
Которым я в другом своем писанье
По мере сил воздал хвалу и честь;

Во имя их любви и совершенства
Без милости меня ты не оставь
И на стезю желанного блаженства
Их указаньем пастырским направь.

О господи, надеждой на спасенье
Отметь меня, как тех отцов святых,
Прославленных чредою поколений
И языками всех краев земных.
Наставь меня, как тех святых людей,
Увенчанных венцами светозарными,
И песнопеньями благодарными
И озаренных милостью твоей.

III

Всегда ты, господи, тех отличал,
Кто проповедовал твое ученье,
Их чистые молитвы принимал,
И фимиам, и жертвоприношенья.
И хоть их кровь обильная текла,
Они при жизни были непреклонны.
Неверие в господние законы
Вовек не омрачало их чела.
Пусть им порою не хватало сил,
Они твое несли повсюду слово,
И ты их, милосердный, возродил
Из праха, из ничтожества земного.

Ученики апостолов святых,
Они сумели, претерпев страданья,
Увидеть в слепоте сует земных
Заметное не всем твое сиянье.
И, к пиршествам причастны неземным,
Теперь они блаженствуют, провидцы.
Наставь меня, чтоб я, подобно им,
Спасенье принял из твоей десницы.

IV

Блажен, кто в пламени горел, кто пролил
И кровь и слезы, избранный тобой,
И те блаженны, что по доброй воле
Ушли навек от суеты мирской.

Они попрали все свои сомненья,
И Велиар не смог их побороть
На бранном поле жизни, где в боренье
Извечно пребывают дух и плоть.
В морских волнах они достигли суши,
Обетованный отыскав предел,
И возродились легкие их души
Со скиниями их тяжелых тел.
И заблестели неземной красою
На их главах венцы в сиянье дня...
Поддержанного их мольбой святою,
Причисли к ним и грешного меня.

V

С молитвой старцев, славящих тебя,
С молитвой, что достигнет небосвода,
Свою мольбу соединил, скорбя,
И я, как каплю дегтя с бочкой меда.
Пусть их моления с моей мольбой
Предстанут, как уродство с красотой,
Хоть на мгновенье слившись воедино,
Как с грязью изумруд, со златом — глина
Или с никчемным камнем серебро,
С неправдой правда и со злом добро.
О боже, выслушай, не отстраня,
Молитву нашу!
Не суди сурово
Их слово ради грешного меня
И ради них мое приемли слово.
О совершенный, о благословенный,
Несотворенный, всеблагой, нетленный,
Ты, господи, источник всех даров,
Всех добрых дел начало и причина,
Не осуждаешь ты своих рабов,
В отличье от людей не мстишь безвинно.
Не умерщвляешь их, но оживляешь
И обретаешь их, а не теряешь,
Не изгоняешь ты, а собираешь,
Не предаешь, не губишь, а спасаешь.
Ты оступающихся не толкаешь,
Погрязнувших в грязи — ты поднимаешь,
Не проклинаешь, а благословляешь,
В грех не ввергаешь — веру возвращаешь,

Ты грешных не казнишь, ты их прощаешь,
Ты не колеблешь нас, а утверждаешь,
Не попираешь ты, а возрождаешь,
Спасаешь грешных ты, а не караешь,
Ты безутешных в горе утешаешь,
Жизнь сохраняешь, а не убиваешь,
Не укоряешь ты, а наставляешь.
Мы забываем — ты не забываешь,
Мы отступаем — ты не отступаешь.
В отличие от сущих на земле
Ты милостью вражды не вызываешь,
Презренному злословью и хуле
За доброту себя не обрекаешь.
Тебя не осуждают за терпенье,
Лишь ты не заклеймен за всепрощенье,
Не обречен за кротость на гоненья,
Единственный, кому на все даренья
Ответствует не брань и не хула,
Не слово осужденья и презренья,
А истая молитва и хвала.
Так отпусти, о господи, мой грех,
Спаси, о милосердный, от проклятья.
Прости меня, хоть я грешнее всех,
И долг скости, что не сумел отдать я!
Лишь длань поднимешь ты, и сгинет зло,
Нам к совершенству путь в твоей лишь воле.
Тебе меня спасти не тяжело,
А для меня что можно сделать боле?

Вдохни в меня, о боже, образ твой,
Навстречу протяни свою десницу,
И дух мой грешный обретет покой,
Спасенье обретет и возродится.

VI

Не приближай, господь, мой смертный час,
И мой последний вздох не торопи ты,
Чтоб я без очищенья и защиты
Не вышел в путь далекий, ждущий нас,
Я жив надеждою, как смертный каждый.
Не дай испить мне желчь, когда возжажду.
Пусть не нагрянет смертный час во сне,
Как вражие нашествие ко мне.

Пусть лихорадка не охватит вдруг
Моих корней, не пережжет случайно,
И пусть безумье иль другой недуг
Моей душой не овладеет тайно.

Дай искупить при жизни грех мирской,
Да не умру я, задремав средь ночи,
Пусть не сулит мне гибели покой,
Пусть забытье мне смерти не пророчит.
И пусть во время сна последний вздох
Навеки не прервет мое дыханье,
Пусть не застанет смерть меня врасплох
Без памяти и слова покаянья!

XII

О господи, твое долготерпенье
Спасает от отчаяния нас,
Твое всесилье — наше озаренье,
Спасенье от безумья в черный час.

Ты — от недугов наших исцеленье,
И воскрешенье, и животворенье,
Ты — наша вера, наше искупленье,
Сколь многих ты из темной бездны спас!
Ты слабых духом к жизни возвращаешь,
Нас из драконьей пасти вырываешь,
От гибельных страстей освобождаешь,
Чтоб видеть рядом с праведными нас!

Все в мире павшие и вознесенные,
В грехах погрязшие и возрожденные,
Тобой спасутся, ибо ты — родник
Надежды и раба и властелина.
Сознаньем не постичь, сколь ты велик,
Единственный для всех нас и единый.

Все под тобою: и моря, и реки,
И прах пустынь, и камень всех твердынь.
Да будут прославляемы вовеки
Отец, и сын, и дух святой.
Аминь!

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА
(ГЛ. 95)

I

Свет истины, пречистый Иисус,
В величии своем неизреченный,
К тебе взываю и тебе молюсь,
Царь бытия, мой свет благословенный.
Мой стон невнятный, вопль истошный мой,
Преобрази в свое святое слово
И с этой нашей общею мольбой
Предстань перед творцом всего живого!
Приял ты облик наш, чтоб нас спасти,
Приял за нас проклятье и распятье,
Прости ж мой грех и на моем пути
Не обдели своею благодатью.
Ты грех наш искупил, преобразясь
По нашему подобью, достославный,
Днесь укрепи, моля, со мной склонясь
Пред тем, кому один лишь ты всеравный!

II

Христос, во имя ран твоих святых,
Умилостивь отца всея вселенной,
Да распадется мрак скорбей моих,
Забудется мой долг, мой грех презренный!
Пусть за мои деянья приговор
По воле вседержителя смягчится,
Пусть червь меня не точит с этих пор.
Пусть наш зубовный скрежет прекратится.
И да иссякнут слезы наших глаз,
И сгинет тьма, и ужас отдалится,
Исчезнет все пытающее нас,
Огонь карающий да истощится!

III

Твое сиянье пусть наш мрак рассеет,
И пусть в сердцах людских растопит лед,
Пусть помощь и спасенье подоспеет,
День твоего пришествия придет.
Да снизойдет твоя святая воля

На нас,
И реки милости твоей
Да напоят иссохнувшее поле
Моих в страданье ввергнутых костей!
Пусть кровь из ран твоих кровоточащих
Во имя всех тобой спасенных душ,
И сад моей души, где тлен и сушь,
Преобразует в сад плодоносящий.
В последний день земного бытия
И в первый день святого воскресенья
Пусть возродится вновь душа моя,
Которую убили прегрешенья.
Пусть станет дух мой тверже всех твердынь,
Преображенный силою пречистой...
Господь благословенный днесь и присно,
Всем сущим в мире славимый.
Аминь!

ШАХИД БАЛХИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

?—936

* * *

О знанье мудрое, жемчужина жемчужин!
Неоценимое, ты ценности залог.

К чему сокровища? В тебе моя отрада,
Хотя б мой трудный путь был темен и жесток.

Познанья — мудреца блистательная свита,
А неуч и в кругу придворных одинок.

* * *

Видно, знанье и богатство — то же, что нарцисс и роза,
И одной с другим в соседстве никогда не расцветало.

Кто богатствами владеет, у того на грош познаний,
Кто познаньями владеет, у того богатства мало.

* * *

Когда бы дым валил от горя, как от костра лесного,
Лишился б мир, закрытый дымом, сияния дневного.
Скитаясь, этот мир прошел я от края и до края.
Но видеть мудреца счастливым, увы, мне было б ново.

* * *

Бродил я меж развалин Туса, среди обломков и травы.
Где прежде я встречал павлинов, там увидал гнездо совы.
Спросил я мудрую: «Что скажешь об этих горестных останках?»
Она ответила печально: «Скажу одно — увы, увы!»

* * *

Льет слезы туча, как влюбленный,
И сад смеется, как любимая,
Рыдает гром, как на рассвете
Рыдаю сам неудержимо я.

* * *

Есть два ремесленника в мире, у каждого своя забота,
Один орудует иглою, другой меж тем прилежно ткет.
Великолепные уборы изготовляет шахам этот,
И только черные паласы готовит неимущим тот.

АБУ ШАКУР БАЛХИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

915—?

* * *

Врагу пощады не давай, мой брат,
Враг — древо, источающее яд.
От корней до ветвей он ядовит.
И коль вода иль мед его поит,
Он все равно рождает горький плод
И меда никогда не принесет.

* * *

Кто посвящает жизнь свою ученью и добру,
Слывет наставником людей на жизненном пиру.
Приводит человека в мир познания стезя,
Когда не знаешь ничего — ни ткать, ни прясть нельзя.

* * *

В познаньях я достиг уже того,
Что знаю, что не знаю ничего.

* * *

Заблуждается, кто жемчуг выше всех искусств считает.
Лишь благодаря искусству жемчуг ценность обретает.

* * *

Томим разлукою с тобой, палим безмерною тоской,
Я ниже стал, главой поник, мой стан сгибается дугой.
Из-за коварства твоего я все надежды потерял,
Но есть ли в мире кто-нибудь, кого сравнил бы я с тобой?

АБУ МАНСУР ДАКИКИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
?—977/981

* * *

Есть два властителя — цари земных пирот:
Багряный, словно кровь, и желтый, словно мед,—

То золотой кружок с державною печатью
И обнаженный меч, правителя оплот.

Когда тебя влечет к престолу властолюбье,
Судьбу твою решит один небесный ход.

На помощь призови где ласку, где жестокость,
Где красноречия возвышенный полет.

На власть не кинешься, как лев — на лань степную,
Или на мышь — орел с заоблачных высот.

Две вещи власть дают: одна — клинок индийский,
Другая — золото, источник всех щедрот.

Мечом берешь ты власть, а золото динаров
Ей блеск могущества и прочность придает.

Владенье золотом, удачей и булатом
Важней, чем стройный стан или высокий род.

Правителю нужны отвага, ум и щедрость,
А без заслуг судьба короны не дает.

* * *

Как ты изменчив, мир,— ты суетой зачат!
Всегда и соблазнить и обмануть ты рад.

Для одного подъем, паденье — для другого,
Для одного ты рай, а для другого ад.

Зачем премудрость ты нагой и нищей создал,
Но золотом одел и глупость и разврат?

Зачем недолог век павлина и фазана,
Но долголетен гриф иль ядовитый гад?

Зачем лишь пятьдесят живет мудрец великий,
Но до ста проживет преступный казнокрад?

Превратен разум твой, ты любишь недостойных
И милости свои даруешь невпопад.

* * *

Облекая мир в праздничный наряд,
Облака земле красоту дарят.

Видишь, мой кумир, розы — краше гурий
И цветник расцвел, точно райский сад.

Небо — словно лик синеокой пери,
Как багряный шелк, все поля горят.

Зелень трав темней, чем глаза газели,
Сладостен ручья вкус и аромат.

Вступит и газель в поединок с барсом,
Так прекрасен мир, так цветы манят.

Ныне деву жду, чья спина — как солнце,
Чье лицо — луна, той, кем в плен я взят.

Девы лунный лик, хмель вина багряный,
Ризы тех, кому вечный пламень свят!

Там, где был пустырь выжженный и голый,
Как павлин, земля восхищает взгляд.

Так причудлив мир, словно твой любимый
Мускус и вино пролил наугад.

Розовой водой нежно пахнет глина,
Будто в ней цветок сладостный зачат.

И добро и зло Дакики изведал,
Ныне жаждет он четырех услад:

То — коралл вина, вера Заратуштры,
Чанга нежный стон, алых губ гранат.

* * *

Ничтожен стал я в бытии застойном —
Всегда застой вредит мужам достойным.
Как хороша проточная вода,
Как портится она в пруду спокойном!

* * *

Когда бы все переменилось и в мире вдруг ночей не стало,
Разлуки с нежными губами, с нарциссами очей не стало,—

Моя душа бы не узнала, как ранит жало скорпиона;
Когда бы черных скорпионов ее витых кудрей не стало,

И если б зубы не сияли светлее звезд в устах пурпурных,—
Звезда бы сумрачной подругой немой любви моей не стала.

И если бы не черный локон, не черный взор под черной бровью,
Моя душа не загрустила б, любых чернил черней не стала.

О, если суждено мне, боже, остаток дней влачить без милой,
Я предпочту, чтоб жизнь угасла и этих скорбных дней не стало.

ИМАРО ХОРАСАНИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
Ок. X века

* * *

Я спрячусь тайно в эти строки, едва прочтешь мой звонкий стих,
Тебя в уста я поцелую из-под укрытья слов моих.

* * *

В руке у пери сребролikой сверкает чаша — посмотри!
Не правда ль, то луна и солнце соединились в час зари?
И эта чаша, где искрится рубин вина благоуханный,
Подобна розе белоснежной с тюльпаном огненным внутри...

* * *

Мир серебристым был от снега, и вдруг — какая перемена!
Там изумруды засверкали, где стыли горы серебра.
Весна. Властитель Кашемира преобразил сады и рощи
И вместо савана явил нам узоры пышного ковра.

ХАКИМ ХАББАЗ НИШАПУРИ И ЕГО СЫН

ТАДЖИКСКИЕ ПОЭТЫ
X век

Отец

Ты видишь, сын мой, эти косы? Их озорной взвивает ветер,
Ты скажешь: «То влюбленный бродит, кляня в тоске весь белый свет».

Нет, то привратник полководца нам издали руками машет,
Он говорит: «Не подходите! Вы видите, приема нет».

Сын

Эй, лекарь-пекарь, ты послушай, что говорит простая мудрость!
Пускай больной, к тебе пришедший, здоровым от тебя выходит.
Беда, когда спешит страдалец в надежде скоро исцелиться
И, обманувшись в ожиданьях, от лекаря скорбя выходит.
Отец ответил: «Иль не знаешь, что в день, назначенный судьбою,
На звук рогов и зверь из чащи, чтоб погубить себя, выходит».

АБУ-ЛЬ-ХАСАН КИСАИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
953 — ок. 1002

* * *

Роза — дар прекрасный рая, людям посланный на благо.
Станет сердцем благородней тот, кто розы в дом принес.

Продавец, зачем на деньги обменять ты хочешь розы?
Что, дороже розу купишь ты на выручку от роз?

* * *

Трехсотсороковой к концу. Свершился дней круговорот.
Среда. Еще четыре дня, а там Шавваль — и минул год.

Зачем пришел я в этот мир? Что совершить и что сказать?
Пришел я песнь любви пропеть, пришел изведать жизни мед.

А стал рабом своих детей и пленником своей семьи,
И жизнь я прожил, как верблюд, трудился, словно вьючный скот.

К чему? Мои богатства я по пальцам сосчитать могу,
А бедствия начну считать — до гроба не окончу счет.

Чем завершу я долгий путь? Его истоком ложь была,—
По суете он пролегал и в суете конец найдет.

За деньги жадность я купил, а жадность принесла мне зло,
Я — многих горестей мишень, мне только беды небо шлет.

О, жаль мне юности моей, и жаль прекрасного лица,
И жаль мне прежней красоты и прошлой жизни без забот.

Где безмятежность юных лет, отвага пламенной души?
Где упоение страстей, мечты безудержный полет?

Мой волос бел, как молоко, а сердце, как смола, черно.
В лице индиговая синь, и слабость мне колени гнет.

От страха смерти день и ночь дрожу, как пожелтевший лист,
Как нашаливший мальчуган, когда отцовской плетки ждет.

Мы проходили, и прошли, и стали притчей для детей,
Забыты все, кто жил до нас, и нас забудут в свой черед.

О Кисаи! Твой полувек заносит лапу над тобой,
Как ястреб, он тебя когтит, твои крыла на клочья рвет.

И если от надежд ушел и разлюбил богатства ты,
Так время осуди свое и без надежд иди вперед.

АБУ-ЛЬ-КАСИМ УНСУРИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
961—1039

ОТРЫВКИ ИЗ КАСЫД

* * *

Ее уста, как лепестки росой омытых роз,
Вчера дарили мне ответ на каждый мой вопрос.

Сказал я: «Только по ночам очам доступна ты?»
Сказала: «Днем встречать луну еще не довелось».

Сказал я: «Кто сокрыл тебя от солнечных лучей?»
Сказала: «Тот, кто сон ночной и у тебя унес».

Сказал я: «Ведь нельзя желать, чтоб ночь как день была!»
Сказала: «Щек не обжигай напрасно током слез».

Сказал я: «Сладок аромат волны густых кудрей».
Сказала: «Амброй напоен поток моих волос».

Сказал я: «Кто зажег огонь на коже нежных щек?»
Сказала: «Сердце и твое его огнем зажглось».

Сказал я: «Глаз не оторву от твоего лица».
Сказала: «На михраб взглянуть другим не удалось!»

Сказал я: «От любви к тебе сгораю в муке я!»
Сказала: «От любви страдать давно уж повелось».

Сказал я: «Где мне обрести моей душе покой?»
Сказала: «Юный лик царя всегда усладу нес».

* * *

Водой в нем становится пламя, в нем шелк переходит в булат.
Он строен, как юная дева, и чист, как невинности взгляд.

Коснешься его — как вода он, метнешь его — это стрела,
Согнешь — это лук, а взмахнешь им — так молнии в тучах блестят.

Он разумом сам не владеет, но в мозг, словно разум, войдет.
Чужда ему зависть, но в сердце войдет, словно зависти яд.

Ты видел осколки алмаза, нашитые ровно на шелк?
Ты видел на зеркале светлом жемчужин мерцающих ряд?

И разум ответить не может — он сад или красный огонь,
Затем что в нем алое пламя, и в нем — расцветающий сад.

Холодной водой орошенный, он зелен и тверд, как самшит.
Красна им рожденная рана, как пламя иль алый гранат.

По шелку его непрестанно струится блестящая ртуть,
А в стали таится жемчужин бесценный и царственный клад.

Кто видел, как льется по шелку сверкающей ртути ручей?
Кто видел, как полосы стали жемчужины миру дарят?

Он создан из темного праха, но в битве он — яркий цветок,
Он полю сражения дарит цветущего сада наряд.

АБУ АЛИ ИБН СИНА

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

Ок. 980—1037

РУБАИ

* * *

Плохо, когда сожалеть о содеянном станешь,
Прежде чем ты, одинокий, от мира устанешь.
Делай сегодня то дело, что выполнить в силах,
Ибо возможно, что завтра ты больше не встанешь.

* * *

Душа, ты связана с желанием и страстью.
Спеши: мгновению обязана ты властью.
Любви не покупай, богатств, чинов не требуй,
Кто счастья не ценил, тот близится к несчастью.

* * *

О солнце! Странник ты, повсюду знаменитый.
Из этих странствий мне подарок принеси ты:
Кого ты на путях любви нашло сегодня
С печалью на лице и болью, в сердце скрытой.

* * *

Мы к богу-истине прибегли, когда пошли путем прямым.
Теперь благое и дурное в самих себе искореним.
Когда божественная правда судить нас будет с добротой,—
С дурным отожествит благое, благое уравнит с дурным.

* * *

Душа вселенной — истина: то бог. А мир есть тело,
А чувства тела — ангелы, верны душе всецело,
А члены тела — вещества, стихии, элементы.
Единство мира таково, я утверждаю смело.

* * *

Вино враждует с пьяницей, а с трезвым дружит, право.
Немного пьем — лекарство в нем, а много пьем — отрава.
Не пейте неумеренно: вам будет вред безмерный.
А будем пить умеренно — вину и честь и слава!

* * *

Пьешь изредка вино — мальчишкою слывешь,
И грешником слывешь, когда ты часто пьешь.
Кто должен пить вино? Бродяга, шах, мудрец.
Ты не из этих трех? Не пей: ты пропадешь!

* * *

Мой друг с моим врагом сегодня рядом был.
Не нужен сахар мне, что смешан с ядом был!
С подобным другом впредь не должен я дружить:
Беги от мотылька, когда он с гадом был!

* * *

О кравчий, скажи, где сосуды из глины, где?
То зеркало, кравчий, где бог наш единый, где?
Омыть сокровенное хочется нам сейчас.
С отломанным горлышком где же кувшины, где?

* * *

Кто стар, тот молодым огнем пылать не может.
Творца хулит старик, но юным стать не может.
То дело, что творил, творил ты темной ночью:
Оно при свете дня существовать не может.

* * *

Все, что сокрыто в словах, мне подвластно.
Тайны вселенной постиг я прекрасно.
Ну, а себя хорошо ли познал я?
Стало мне ясно, что все мне неясно.

* * *

Пройти пустыню мира ты, сердце, торопилось,
Но мира не познало, хотя познать стремилось.
В конце концов не знаю дороги к совершенству,
Хотя в пытливом сердце сто тысяч солнц светилось.

* * *

О, если бы познать, кто я! Хотя бы раз
Постигнуть, для чего скитаюсь я сейчас?
Спокойно зажил бы, отраду обретя,
А нет — заплакал бы я тысячами глаз.

* * *

От праха черного и до небесных тел
Я тайны разгадал мудрейших слов и дел.
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел.

* * *

Когда к невеждам ты идешь высокомерным,
Средь ложных мудрецов явись ослом примерным,
Ослиных черт у них такое изобилье,
Что тот, кто не осел, у них слывет неверным.

* * *

Мое неверье — не игра, не слов пустых убранство.
Я верю в истину одну: вот веры постоянство.
Сейчас таких, как я,— один, и если я — неверный,
То, значит, правоверных нет, нет в мире мусульманства.

АБУ-ЛЬ-ХАСАН ФАРРУХИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
?—1038

ОТРЫВКИ ИЗ КАСЫД

* * *

Встают облака голубые над синей равниной морской:
Плавучие думы влюбленных, забывшие сон и покой.

Ты скажешь: нежданные льдины помчались по тихой реке.
Взревели там черные вихри, там вздыбился смерч золотой.

Дождем облака разразились, и в небе распалась их цепь.
Смотри: не слоны ли пасутся в далекой степи голубой?

Они — словно ржавые пятна на глади китайских зеркал
Иль беличий мех на атласе, горящем живой бирюзой.

Как будто цветные лужайки, как будто гряды островов
Поплыли по влаге зыбучей, пленяясь беспечной игрой.

Ты скажешь: здесь небо, как море, и в синем просторе его
Симург обучает полету весь царственный выводок свой.

Бредут по небесному своду то мрачно, то вдруг засветясь,
То явят прозрачное небо, то солнце заслонят собой.

Они — как узор из сандала поверх бирюзовой доски,
Иль будто на гладь полировки лег амбры рассыпанной слой.

Они — словно дым, восходящий, коль брызнуть водой на огонь,
Иль словно влюбленного очи, узревшего лик дорогой.

Как будто задернутый пылью, стал сумрачен воздух от них,—
Так жизнь угасает неверных, сраженных державной рукой.

* * *

Так свежа земля родная, так душиста зелень луга,
Так вино мое прозрачно, так светла моя подруга:

Первая подобна раю, с бурной страстью схож второй,
Третье — с Балхом розоструйным и четвертая — с весной.

Мир — от влаги поднебесной, луговина — от рейхана,
Ветвь — от прелести зеленой, лес — от чашечек тюльпана:

Первый — шелк, вторая — амбра, третья — юная жена,
А четвертый — взгляд подруги, чье лицо — сама весна.

Алый выводок фазаний, треугольник журавлиный,
Стадо нежных робких ланей, грозный рык из пасти львиной:

Первый спит, вторые правят свой заоблачный полет,
Третье знает, убегая: смерть четвертый им несет.

Соловью приснилась радость, горлинке приснилось горе,
Слышно иволги рыданье, стон скворца в пернатом хоре;

Роза — первому подруга, ива скорбная — второй,
Третьей — пихта, а четвертой — ветвь чинары молодой.

* * *

Когда в переливы атласа оденется луг молодой
И пышно покроются горы сквозной семицветной фатой,—

Земля, словно царственный мускус, бесценный струит аромат,
И пестрой семьей попугаев блестящие ивы стоят.

Вчерашний предутренний воздух поведал о близкой весне.
Хвала тебе, северный ветер, за радость, врученную мне!

Развеянной мускусной пылью ты снова затеял играть,
А сад — цветоносных красавиц повсюду расставил опять.

Чубучника белые бусы вновь блещут из важных долин,
И вновь на иудином древе горит бадахшанский рубин.

И розы, как рдяные чаши, приподняты в светлую рань,
И тянет к земле сикомора свою пятилапую длань.

На ветках стоцветные перстни, в стоцветных покровах сады.
Жемчужины — в ливнях небесных, жемчужины — в струях воды.

И нежными красками неба стоцветно пылающий мир
Подобен почетным одеждам, что дал нам великий эмир.

И стан пробужденный эмира готов к выжиганью тавра.
Любви, песнопений и хмеля настала благая пора.

Как звезды средь чистого неба, сверкая в щелку луговом,
Войска развернулись на воле и встали шатер за шатром.

Ты скажешь: в любой из палаток влюбленная дремлет чета
И каждая в поле травинка любовной игрой занята.

Звучат среди зелени струны, все поле напевов полно,
И звонко сдвигаются чаши, и кравчие цедят вино.

Смущенных красавиц упреки, объятья, любовные сны,
Певцами разбуженный воздух несет дуновенье весны.

Зеленая степь необъятна, как некий второй небосвод,
Ее травяная равнина — пространство безбрежное вод.

В том море виднеется судно, но дышит оно и бежит!
А в небе звезда полыхает и по небу мчаться спешит,

Гора ль повстречается, судно возносится на гору ту,
А встретится солнце — набросит звезда свою тень на лету.

Ужели не чудо природы, что солнце закрыто звездой?
Ужели не чудо и судно, что степью плывет, как водой?

Костры, словно желтые солнца, горят у широких ворот,
Ведущих к шатру золотому, где шах многославный живет.

Мирьядом светящихся копий щетинится пламя костров:
Червонным текучим расплавом то пламя назвать я готов.

Орудья тавра багрянеют, в огне раскалившись давно:
Так в пламенно-зрелом гранате багряно пылает зерно.

Вот — дикие кони степные: не мыслят они о тавре.
Вот — юношей зорких отряды: дивлюсь их отважной игре.

Но им ли соперничать с шахом? Хвалю его доблестный жар:
Он скачет с петлей наготове, как юноша Исфандиар.

Петля изгибается, вьется, подобно прекрасным кудрям.
Но помни: крепка ль ее хватка — ты скоро изведаешь сам.

Всечасно иные изгибы в искусной петле узнаю:
Как будто жезлом Моисея ее превратили в змею.

Она, исхищренная, краше девических юных кудрей
И крепче испытанной дружбы старинных и верных друзей.

Коня за конем приводили, готовясь им выжечь тавро,
И наземь валили ретивых, арканом опутав хитро.

На каждом коне ожерелье, как горлицы дикой убор,—
Аркан венценосца, который над миром державу простер.

Кто б ни был веревкой охвачен, петлей перекручен вдвойне,
Носить ему знак падишаха на лбу, на плече, на спине!

* * *

Я сказал: «Только три поцелуя, солнце прелести, мне подари».
Отвечала: «От царственных гурий поцелуев не жди на земле».

Я сказал: «Иль расстаться мне с миром, чтоб вкусить поцелуи твои?»
Отвечала: «Бесплатного рая не добудешь, рожденный во зле».

Я сказал: «Что же, гурия рая, все скрываешь свой лик от меня?»
Отвечала: «В обычае гурий укрываться, как искра в золе».

Я сказал: «Но тебя невозможно увидать, молодая луна!»
Отвечала: «Луна своенравна, но ее ли предашь ты хуле?»

Я сказал: «Укажи мне, кого же расспросить о приметах твоих?»
Отвечала: «Узнается солнце, не имея примет на челе!»

Я сказал: «Видишь, как меня сгорбил стан твой стройный,
подруга моя?»
Отвечала: «Отныне подобен будешь луку, мой друг,— не стреле».

Я сказал: «Неужели нельзя мне каждый день любоваться тобой?»
Отвечала: «Снижаются ль звезды, если небо исчезло во мгле?»

Я сказал: «Нет звезды, о подруга,— только слезы остались в очах».
Отвечала: «Слеза не нужна мне, как цветочная влага пчеле».

Я сказал: «Ты лицом посвежеешь от ручьев, что из глаз я пролью».
Отвечала: «То сад расцветает от воды, что таится в скале».

Я сказал: «Дай, лицо я приближу к молодому лицу твоему».
Отвечала: «Приблизь, ведь тоскует и шафран о весеннем тепле».

* * *

Я видел блеск Самарканда, луга, потоки, сады,
Я видел дивные блага, что он рассыпал кругом.

Но сердце ковер скатало, покинув площадь надежд,—
Как быть, коль нет ни дирхема в моем кармане пустом!

Хоть райских садов и восемь, в раю лишь один Ковсар —
От мудрых в городе каждом услышишь рассказ о том.

Садов здесь тысяча тысяч, Ковсары здесь без числа,—
Что пользы? Жаждой томимый, вернусь я назад в свой дом.

Смотреть на блага земные, когда в руке ни гроша,—
Отрубленной головою на блюде лечь золотом!

АБУНАДЖМ МАНУЧЕХРИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

? — 1041

ОТРЫВКИ ИЗ КАСЫД

* * *

Обитатель шатра, время вьючить шатер —
Ведь глава каравана скатал свой ковер,

Загремел барабан, и верблюды встают,
И погонщики гасят ненужный костер.

Близко время молитвы, и солнце с луной
На одной высоте замечает мой взор.

Но восходит луна, солнце клонится вниз,
За грядой Вавилонских скрывается гор.

И расходятся чаши весов золотых,
Разрешается света и сумрака спор.

Я не знал, о моя серебристая ель,
Что так скоро померкнет небесный простор.

Солнце путь не прервет в голубой высоте.
Но нежданно прервать мы должны разговор.

О красавица, движется время-хитрец,
Всем влюбленным желаниям наперекор,

И рожденная ныне разлуки тоска
Зрела в чреве судьбы с незапамятных пор.

Увидала любимая горе мое,
И ресницы надели жемчужный убор,

И ко мне подошла, припадая к земле,—
Словно к раненой птице я руки простер.

Обвились ее руки вкруг шеи моей,
И со щек ее нежных я слезы отер.

Мне сказала: «О злой угнетатель, клянусь,
Ты, как недруг, в жестоких решениях скор!

Верю я, что придут караваны назад,
Но вернешься ли ты, сердце выкравший вор?

Ты во всем заслужил от меня похвалу,
Но в любви заслужил ты лишь горький укор!»

* * *

Твоя золотая душа дрожит над твоей головой,
Душою питаем мы плоть, ты плоть поглощаешь душой,

И с каждым мгновеньем на часть твоя уменьшается плоть,
Как будто бы тело душа все время сливает с собой.

Коль ты не звезда, то зачем лишь ночью являешься ты?
А если не любишь, зачем роняешь слезу за слезой?

Хоть ты — золотая звезда, из воска твои небеса,
Хоть бьешься в тенетах любви, подсвечник — возлюбленный твой.

Твое одеянье — в тебе, но всех одевает оно.
Покровы скрывают тела, но ты остаешься нагой.

Когда умираешь, скорбя, тебя оживляет огонь,
И голову рубят тебе, чтоб ты не угасла больной.

Ты — идол, ты — идола жрец, влюбленные — он и она.
Смеешься и слезы ты льешь. О, в чем твоя тайна, открой!

Безглазая, слезы ты льешь, смеешься, лишенная рта,
Весной не всегда ты цветешь, и вянешь не только зимой.

Со мною ты сходна во всем, во всем я подобен тебе.
Враги мы с тобою себе, веселье мы любим с тобой.

Мы оба сжигаем себя, чтоб счастливы были друзья,
Себе мы приносим печаль, а им мы приносим покой.

Мы оба в слезах и желты, мы оба одни и горим,
Мы оба сгораем дотла, измучены общей бедой.

И скрытое в сердце моем блестит на твоей голове,
И блеск на твоей голове горит в моем сердце звездой.

И слезы мои, как листва, что осенью сбросил жасмин,
Как золото, слезы твои струятся на круг золотой.

Ты знаешь все тайны мои, подруга бессонных ночей,
И в горести, общей для нас, я — твой утешитель, ты — мой.

Лицо твое — как шамбалид, расцветший на ранней заре,
Лицо мое — как шамбалид, увядший вечерней порой.

В обычае — спать по ночам, но так я тебя полюбил,
Что ночь провожу я без сна и в сон погружаюсь с зарей.

За то, что с тобой разлучен, на солнце я гневаюсь днем,
Соблазнам сдаюсь по ночам — ты этому также виной.

Друзей я своих испытал, и знатных, и самых простых:
Не верен из них ни один и полон коварства любой.

При свете дрожащем твоем тебе я читаю диван.
С любовью читаю, пока рассвет не придет голубой.

Его начертала рука затмившего всех Унсури,
Чье сердце и вера тверды и славны своей чистотой.

Стихи и природа его в своем совершенстве просты,
Природа его и стихи приятной полны красотой.

Слова, что роняет мудрец, нам райские блага дарят,
И «клад, что ветра принесли», за них был бы низкой ценой.

Читаешь касыды его — и сладостью полнится рот,
А бейты его — как жасмин, весенней одетый листвой.

АБУ МАНСУР АСАДИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

Начало XI века — конец 80-х годов XI века

СПОР ДНЯ И НОЧИ

Послушайте, как спор вели однажды день и ночь,
Рассказ мой позабавит вас и грусть прогонит прочь.

Был спор о том — ему иль ей воздать по праву честь.
Слов похвальбы и слов хулы, пожалуй, мне не счесть.

«Ведь знают все,— сказала ночь,— что первенствую я!
С тех пор, как заложил господь основы бытия,

Ему, кто мудро отделил от тьмы твои лучи,
Милей молящегося днем — молящийся в ночи.

И ночью видел Мухаммад, как раскололась твердь,
И ночью он вознесся в рай, поправ навеки смерть.

Я царствую. Земля — мой трон, дворец мой — небосвод.
Мои вельможи — сонмы звезд, и месяц их ведет.

Печали синею фатой скрываешь небо ты.
Я превращаю небо в сад, и звезды в нем — цветы.

Арабы месяцам ведут по лунным фазам счет,
И потому их год печать архангела несет.

Здоровый и веселый смех являет всем луна,
В усмешке солнца только злость и желчь заключена,

Луне, чтоб завершить полет, потребны тридцать дней,
А солнце ровно год летит орбитою своей».

Но день прослушал эту речь и гневом воспылал:
«Тебе подобный где-нибудь найдется ли бахвал?

Всевышний ночи повелел склониться перед днем,
Так чем же возгордилась ты в безумии своем?

Все праздники проходят днем перед лицом моим,
И днем свершает в Мекку путь смиренный пилигрим.

Мужчину создал из земли господь при свете дня.
С рассветом оживает мир, чтобы хвалить меня.

Влюбленных разлучаешь ты, пугаешь ты детей
И отдаешь сердца в полон диавольских сетей.

Вся нечисть от тебя пошла: мышь, нетопырь, сова.
Ты — покровитель грабежа, помощник воровства.

Рожден я солнцем, а тебя могила родила.
Мне люб веселый, яркий свет — тебе печаль и мгла.

Я освещаю мир, а ты его скрываешь тьмой,
Глаза блестят, узрев меня, но гаснут пред тобой.

Мне дорог честный человек, тобой обласкан вор.
Печальный траур носишь ты, я — праздничный убор.

Как только солнце алый стяг взметнуло в небосвод,
Бледнеют звезды и луна, цветы твоих высот.

Ужели в книге бытия я стану за тобой?
Ужели зрячего милей всевышнему слепой?

Ты скажешь: «Раньше создал смерть, а после — жизнь
господь».
Но возлюбила только жизнь любая в мире плоть.

Хоть по луне ведет араб всех летописей счет,
По солнцу в нашей стороне определяют год.

Хоть солнце желтолико,— что ж! — луну сравню ли с ним?
Сравню ль серебряный дирхем с динаром золотым?

Лишь солнца отраженный свет на землю шлет луна,
Лишь тем, что подарил ей царь, пленяет взор она.

Ты возразишь: луна быстрей свершает свой полет.
Что ж, господина иль слугу с наказом шлют вперед?

Два раза молятся в ночи и три — в теченье дня.
Тебя всевышний обделил, чтоб одарить меня.

А кто качает головой, прослушав речь мою,
Пусть призовет на спор друзей и выберет судью».

НОСИР ХИСРОУ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

1004 — после 1072 г.

СПОР С БОГОМ

Ты, о боже, в малом теле муравья
Смог вселенную громадную замкнуть,—
Между тем не увеличил муравья,
Не уменьшил и вселенную ничуть.

Цепи гор, сковавших Запад и Восток,
В створках раковин умеешь затворить;
Не успеет оком человек моргнуть —
Ты вселенную успеешь сотворить.

Чтобы листья покорялись ветерку,
Чтобы твердь стояла крепко,— ты решил...
На пути, ведущем, господи, к тебе,
Человек претерпевает свыше сил.

Ведь природа человечья и душа
Тем и разнятся, что видят не одно...
Семя древа искушения в сердца
Сам ты кинул, сотворив людей,— давно.

Ведь посеявший ячменное зерно,
Не надеется пшеницу собирать.
Сам до века ты основу заложил
Темных дел, за кои будешь нас карать.

Если созданы мы только для молитв,—
Для чего ты создал дьявола, господь?
Много слов для разговора я припас,—
Страха все же не могу я побороть.

Не могу в своем неверии принять
От подвижников невежественных весть.
Слово разума я только признаю:
Перл — в жемчужных только раковинах есть.

Все ж настаивать на сказанном боюсь:
Где спасенье, коль разгневаешься вдруг?
Вдруг ты твердость непреклонную явишь,
Кто натянет тетиву на твердый лук?

Как же быть во время Страшного суда?
Как мы счеты наши старые сведем?
Коль не вырвешь многогрешный мой язык,
Значит, можно не молчать перед судом?

А лишить меня, создатель, языка
Разве будет справедливо? Нет и нет!
Почему же справедливость соблюдать
Ты даешь твоим творениям завет?

Коль присутствовать изволишь на суде,
Вовсе мыслить я, пожалуй, не смогу.
Коль другому поручишь меня пытать —
Для чего за ним, как дурень, побегу?

Всеблагому и премудрому зачем
Подменять себя другим в отместку мне?
Прикажи меня отправить прямо в ад,—
Пользы нет в пустопорожней болтовне.

Мир загробный не таков, как мир земной:
Там насилие и взятки ни к чему.
На тебя ведь все возложены дела,—
Исполняй же! В чем задержка — не пойму.

Грех не нужен был покорному рабу,—
Ты греху открыл лазейку, боже, сам.
Сам ты дьявола уловки поощрил,
Проложив ему стезю к людским сердцам.

Нам молиться, правый боже, ты велишь
И паломничество в Мекку совершать:
Не подобен ли охотнику на серн —
Ловишь дичь, когда ей снится благодать?

Сам на серну ты кричишь: «Беги! Беги!»
Сам борзую натравить спешишь тотчас.
Помолиться нам приказываешь ты
И науськиваешь дьявола на нас.

Для извечного, владыка, существа
Непригоже друга стравливать с врагом.
Выгнал злого из обители своей,
Чтобы нас теперь обхаживать кругом.

Я пучиною сомнений поглощен,
То надеждами, то страхами объят.
Рай в уплату за покорность обещав,
Созерцаешь, как меня толкают в ад.

Все обиды от красавиц, боже мой!
Так иль этак, жить приходится, терпя.
Но виновны ли булгарки предо мной?
Нет, всевышний, это козни — от тебя!

Разве смеет возмутиться человек?
Соблазнительниц, одну другой лютей,
В дальнем крае ты разводишь, о господь,
Для того чтобы дурачить нас, людей.

Ты мечту и вожделенье сочетал,
В жилах жажду наслаждения разжег,
Чтобы вовсе истомился человек,
Чтобы места он найти себе не мог.

Кто же, страсти в человеке пробудив,
У существ розовощекой красоты
Покрывало их стыдливости украл
Для бесчестия людского, как не ты?

Ты желудки сделал жадными к еде,
Чтобы рыскать нам за пищей день и ночь,—
Всем, что чисто и нечисто, человек
Набивать свою утробищу не прочь.

Члены тела моего — мои враги:
Порываются к прелестницам земным,—
Жадной плотью, поборающей меня,
Я всечасно ненавидим и томим.

Но когда бы эти плотские блага
Не давали наслаждений без числа,
Мне осталось бы слоняться по степям
Терпеливо, наподобие осла.

И зачем угрюмой злобы семена
В человеке ты для роста поместил?
Неужели ради Страшного суда,
Ради мук меня из глины замесил?

Если ты свое подобие творил —
Не игральную костяшку на кону,—
Что ж глумишься над созданием своим?
Для чего еще ты создал сатану?

Много есть еще вопросов у меня,
Но боюсь тебе загадки задавать.
Если, впрочем, бессловесным надо быть,
Ты бы должен был скотом меня создать.

Буду спорить в день последнего суда!
Впрочем, можешь у меня отнять язык,
А не то тебе придется отвечать,
Чтобы я свое невежество постиг.

Прикажи меня поглубже спрятать в ад!
Что за прок с тобою спорить всякий раз?
Ты, когда мы честно молимся тебе;
«Соврати их!» — сатане даешь приказ.

Если сам ты без песчинки на ступнях,
Как ты создал, повторяю, сатану?
Словом, столько в этом деле темноты,
Что рукой на богословие махну.

Если создал ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет,
Безупречных ты иметь желаешь слуг?
Нас, плохих, зачем ты выпустил на свет?

По природе я — железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу.
Сотни раз меня в горниле переплавь,
Я все тот же, пред которым ты в долгу.

Зло даешь и получаешь плату злом,—
Чем ты лучше в этом случае меня?
Пусть я плох,— но я тобою сотворен...
А не нравлюсь — так не делал бы меня!

* * *

Вот взмыл орел с высоких скал. Он, по обычаю орла,
Добычу свежую искал, раскрыв два царственных крыла.

Он хвастал крыльев прямизной, их необъятной шириной:
«Весь мир под крыльями держу. Кто потягается со мной?

Ну, кто в полете так высок? Пускай поднимется сюда!
Кто? Ястреб, или голубок, или стервятник? Никогда!

Поднявшись, вижу волосок на дне морском: так взгляд остер.
Дрожь крыльев мухи над кустом мой зоркий различает взор».

Так хвастал, рока не боясь,— и что же вышло из того?
Стрелок, в засаде притаясь, из лука целился в него.

Прошла под крыльями стрела... Так было роком суждено,—
И мигом сбросили орла с высоких облаков на дно.

Упав, орел затрепетал, как рыба на сухом песке.
Он участь рыбы испытал, и огляделся он в тоске,

И удивился: до чего железка с палочкой просты,—
Однако сбросили его с недостижимой высоты.

И понял, почему стрела, догнав, унизила орла:
Его же собственным пером она оперена была.

ФАХР АД-ДИН АСАД ГУРГАНИ

таджикский поэт
XI век

ВИС И РАМИН

Отрывок

Мубад сватается к Шахру,
и та заключает договор с Мубадом

Случилось, что в обители своей
Увидел шах Мубад, глава царей,

Сей движущийся тополь сребростволь ный,
Красу, рожденную для жизни вольной.

Позвав ее, подобную луне,
Повел беседу с ней наедине,

И усадил на трон, и преподнес
Красавице охапку свежих роз.

Игриво, мягко, властно и учтиво
Сказал: «Ты удивительно красива!

Хочу, чтоб ты всегда была со мной,
Любовницей мне стань или женой.

Как хорошо прильнуть к твоим устам!
Тебе я всю страну мою отдам!

Как все цари покорны мне повсюду,
Так я тебе навек покорным буду.

Владея всем, избрал тебя одну.
Ни на кого с любовью не взгляну.

Твое желанье будет мне приказом,
И сердце принесу тебе и разум.

Хочу и ночью быть с тобой и днем:
Ночь станет днем, а день — блаженным сном!»

Шахру, услышав страстные призывы,
Дала ответ веселый и учтивый:

«О царь, ты правишь миром самовластно,
Зачем по мне страдаешь ты напрасно?

Мне ль быть женой, любовницей? К чему ж
Такой, как я, любовник или муж?

Скажи, могу ли быть женой твоей,
Когда я мать созревших сыновей —

Правителей, могучих войск вожатых,
И красотой и доблестью богатых?

Из них Виру всех больше знаменит:
Слона своею мощью посрамит!

Меня, увы, не знал ты в те года,
Когда, о царь, была я молода.

Когда была я тополя прямей,
Брал ветер амбру у моих кудрей.

Росла я, украшая мир счастливый,
Как над рекою ветка красной ивы.

Померкли солнце дня и лик луны,
Сияньем глаз моих посрамлены.

Земля была смутна из-за меня!
Не знали люди сна из-за меня!

На улице, где утром я пройду,
Весь год жасмином пахло, как в саду.

В рабов я властелинов превращала,
Дыханьем мертвецов я воскрешала.

Но осень наступила: я стара,
Прошла, прошла весны моей пора!

Меня покрыла осень желтизной,
Смешался с камфарою мускус мой.

Меня состарил возраст, я тускнею,
Мою хрустальную согнул он шею.

Увы, когда старуха молодится,
Над нею мир смеется и глумится.

Лишь на меня ты зорким взглянешь глазом,—
Тебе противной сделаюсь я разом».

Когда ответ ее услышал шах,
Сказал: «Луна, искуспая в речах!

Да будет беспечальна и светла
Та мать, что дочь такую родила.

Да будет счастлива и день и ночь
Земля, взрастившая такую дочь.

И в старости пленяешь ты меня,
Какой же ты была на утре дня!

Коль так красив цветок, когда увял,
То ты достойна тысячи похвал.

Ты прелестью блистала поутру,
Для всех была соблазном на пиру,

И если мне женой не можешь стать,
Не можешь даровать мне благодать,

То дочь твоя да будет мне женой:
Милей жасмин, что сблизился с сосной.

Бесспорно, если плод похож на семя,
То дочь, как мать, свое украсит время:

Да станет солнцем моего чертога,
И радостей она узнает много.

Пусть это солнце озарит мой жребий:
Ненужным будет солнце мне на небе!»

Шахру в ответ произнесла слова:
«Что радостней такого сватовства?

Я прогнала бы все заботы прочь,
Будь у меня под покрывалом дочь.

Была бы дочь,— тебе служить желая,
Клянусь, ее к царю бы привела я.

Но если дочь рожу, то ты — мой зять:
Вот все, что я могу тебе сказать».

Сей договор был по́ сердцу Мубаду,
Ее ответ принес ему отраду.

Шахру с Мубадом, словно тестя с зятем,
Скрепила договор рукопожатьем.

Вот амбра с розовой водой слилась,
И строчками украсился атлас:

Мол, если дочь родит Шахру, то мать
Царю ее обязана отдать.

Им от беды теперь спастись едва ли:
Невестой нерожденную назвали!

МА'СУД САД САЛЬМАН

таджикский поэт

Ок. 1046 — ок. 1121

ОТРЫВОК ИЗ «ТЮРЕМНОЙ КАСЫДЫ»

Знать, неважны дела обитателей мира сего,
Коль в темнице поэт и в болячках все тело его.

Десять стражей стоят у порога темницы моей,
Десять стражей твердят, наблюдая за мной из дверей:

«Стерегите его, не спускайте с мошенника глаз!
Он хитрец, он колдун, он сквозь щелку умчится от нас!

Ой, смотрите за ним, не усмотрите — вырвется вон.
Из полдневных лучей может лестницу выстроить он».

Все боятся меня, но охоты задуматься нет —
Кто ж он, этот злодей, этот столь многоликий поэт?

Как он может сквозь щелку умчаться у всех на глазах?
Чем похож он на птицу, что в дальних парит небесах?

И такой испитой, и такой изнуренный тоской!
И в таких кандалах! И в глубокой темнице такой!

Те, которым веками удел повелительный дан,
Все ж боятся меня,— а пред ними дрожит много стран!

Даже если бы мог я бороться и если бы смог
Через стены прорваться и крепкий пробить потолок,—

Если б стал я как лев, и как слон бы вдруг сделался я,
Чтоб сразиться с врагом, где, скажите, дружина моя?

Без меча, без друзей как уйду я от горя и мук?
Разве грудь моя — щит? Разве стан мой — изогнутый лук?

КАТРАН ТЕБРИЗИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1010—1080

КАСЫДА О ТАВРИЗСКОМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Нет, не сбываются надежды никогда:
Вселенная в своих устоях не тверда.

Меняешься ты сам, несутся дни и ночи,
Не мешкают в пути, спешат вперед года.

Ты будущего ждешь, заботишься о мелком —
А рок настороже, и близится беда.

Счастливец, ты решил, что избежишь несчастий,
Что и красавица навеки молода!..

Спокоен был Тавриз, богат и многолюден,
Тускнели рядом с ним другие города.

Слуга или эмир, согласно распорядку,
Все знали благодать любимого труда,

Служили ближнему и славили аллаха.
Здесь слава и почет, там изгнана нужда;

Здесь вина сладкие и звонкие газели,
Там всадники летят, джейранов бьют стада;

А где-то слушают певиц сладкоголосых,
Целуют ветрениц, пока горит звезда.

Никто не клеветал на друга и соседа,
И ругань грубая бывала всем чужда.

И некий день пришел — земля заколебалась,
Низина вспучилась, как горная гряда,

И почва треснула, и скорчились деревья,
И всюду хлынула свирепая вода.

И те, что выжили, в рыданьях убежали,
В подкову согнуты от страха навсегда.

Аллах вселенную лишил ее величья,
Земная красота исчезла без следа.

ГАЗЕЛЬ

В день свиданья о разлуке не могу не думать, нет!
Отощал, как полумесяц, обошедший целый свет.

Я страшусь заката солнца, на закат глядеть боюсь,
Я страшусь луны затменья, не гляжу на лунный свет.

К дорогой стремлюсь, но сердцу я разлуку разрешил,
На свидание с любимой наложил я свой запрет:

Потому что за свиданьем час разлуки настает,—
А в разлуке я надеждой на свидание согрет.

Только я ее оставлю — вмиг за мной она бежит,
Словно лик луны, прекрасна и стройна, как минарет.

Губы гневно сжав и очи устремивши на меня,
Вся к прыжку она готова, словно барс, нашедший след.

И уйти не позволяет, шепчет мне: «Не уходи!
Что прикажешь — все исполню! Без тебя мне жизни нет!»

РУБАИ

* * *

Тиран, невыносим твой тяжкий гнет!
Терзаешь ты безжалостно народ!
Смотри, не стало бы наоборот:
Узнает гнет, кто сам других гнетет.

* * *

Ровнее след моих морщин, чем кольца кос твоих.
Румянец щек твоих алей, чем кровь в глазах моих.
Ты хорошеешь с каждым днем,— я с каждым днем слабею.
Ты все достойней слов любви,— не верю больше в них.

* * *

Ты, стройный кипарис, ушла — с тех пор все опустело,
Глаза мои покинуть грусть ни разу не хотела.
Имел когда-то душу я, и сердце нежно пело,—
Его за встречу отдал я, а за разлуку — тело.

* * *

Мне без тебя кровавых слез не осушить,
Огонь терзаний без тебя смогу ль залить?
Ушла — и вот мечты моей порвалась нить!
Приди — скажи, как без тебя могу я жить?

* * *

Хоть часто ты со мной бываешь — ну и что ж?
Ты для меня души дороже — то не ложь!
Ты ближе мне всегда, чем сам себе я,
Хоть взглядом иногда вонзаешь в сердце нож!

ЮСУФ ХАС-ХАДЖИБ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
XI век

ИЗ КНИГИ «НАУКА БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ»

ГЛАВА ГОВОРИТ О РАСКАЯНИИ ПО ПОВОДУ ДУРНО ПРОВЕДЕННОЙ ЖИЗНИ

Смотрящий видит, ведающий знает —
Бессмертен мир, где смертный умирает.

И око уходящего смеется
Над теми, кто на свете остается.

Существовало разных стран немало,
Но время их давно с землей сровняло.

Немало было городов, родов,
От коих не осталось и следов.

Где грозный тот правитель, кто считал,
Что край, ему принадлежащий, мал?

Он, покоривший сто земель в сраженье,
Взял во владенье только три сажени.

Где тот великий воин, тот тиран,
Кто землю полил кровью мусульман?

Владыка, землю бросивший во тьму,
Лежит в земле, не страшный никому.

Давно забыт и грозный властелин,
Мечтавший всей землей владеть один.

Земля, которую он сжег дотла,
Его в свою утробу приняла.

Богатство мира спрятать в свой ларец
Мечтал скупец, где он теперь, глупец?

Ушел богач в те дальние места,
Где нужно только два куска холста.

Таков наш мир, его постигни суть,
Чтоб истины ворота распахнуть.

Чем ты живешь,— страданье и покой,—
Все пролетит, все снимет как рукой.

Послушай, что сказал нам человек,
Страдавший и терпевший весь свой век:

«Ты, жаждущий веселья, веселись!
Перед страданьем, страждущий, смирись!

И помни: если проявить терпенье,
Сраданье превратится в наслажденье!..»

...Мудрец, на мир сегодняшний взгляни:
Глупец в почете — знающий в тени.

Все в мире лживо, и на горе всем
Невежество болтливо, разум нем.

Тот, кто вина не пьет, скупцом слывет.
Тот, кто посты блюдет, глупцом слывет.

Все чистое исчезло; грязь одна
Вдруг на поверхность поднялась со дна.

Что стало с миром: он нечист и лжив.
Кто в мире справедлив и кто правдив?

Мысль говорящих слишком далека
От слова, что слетает с языка.

Пришла на смену правде осторожность,
На смену верности — благонадежность.

Не приложу ума, что с миром стало:
Благонадежных тьма — надежных мало.

Усердные затмили милосердных,
Приятели друзей сменили верных.

Кто встать поближе норовит к тебе,
Тот не в глаза — в карман глядит тебе.

«Доверие» — теперь пустое слово,
А «недоверие» — первооснова.

Уже давным-давно на свете нет
Людей, что божий помнили запрет.

К купцам и к тем утрачено доверье,
Художники в свой дом закрыли двери.

Ученый хоть и прав, но он молчит.
Честь потеряв, забыли жены стыд.

Не совесть правит нами, не добро,
Тот в славе, в чьем кармане серебро.

Забыл народ молитвы и посты,
Мечетей мало, да и те пусты.

Был прав один мыслитель безупречный,
Сказав про этот мир недолговечный:

«В наш темный век в ком справедливость есть?
Где человек, в ком сохранилась честь?

На свете много зла и очень мало
Людей, кого бы это удивляло!»

Честь не криклива, доброта тиха,
Но слышен голос злобы и греха.

Молчат мужи — законов знатоки;
Сердца их тверды, мягки языки.

Жизнь — коротка, но в ней длинна тоска,
Убила счастье жадности рука.

Утешить бедных, приласкать сирот —
Кому такое в голову придет?

Кто помогает старикам и вдовам,
Коль слово «старость» стало бранным словом!

Наверное, был прав седой мудрец,
Сказав, что мира близится конец...

Читающий, читай хоть понемногу
Мои слова, а мне пора в дорогу.

Жизнь эта, может быть, в какой-то мере
Частица той — она ее преддверье.

Ты выбери себе достойный путь,
Исполни долг и мстительным не будь!

Я сделал все, свое сказал я слово
Для блага всех, ни для чего иного.

Я не искал ни злата, ни похвал,
Свое прославить имя не мечтал.

Ночей не спал я, слеп над этим списком,
Речь обращал я к вам — к чужим и близким,

Чтоб вы, нелегкий труд мой оценя,
Усердно помолились за меня!

Все строки этой книги от начала
Шептал язык мой, а рука писала.

Когда прочтете вы сии слова,
Язык мой будет нем, рука — мертва.

Я покидаю мир, где годы прожил,
Пусть мне земля отныне будет ложем.

А ты, читающий, не позабудь
Меня сердечным словом помянуть.

О господи, услышь мою мольбу,
Будь милосерден к своему рабу!

Грешил я, осквернял и дух и плоть,
Но я ведь только червь, а ты господь.

Я жалкий раб, не знающий пути,
Но ты, Прощающий, меня прости!

Мой край от Запада и до Востока,
Аллах великий, не карай жестоко!

У грешных душ, погрязших в заблужденье,
Не отнимай надежду на спасенье.

Я грешен был, и мне гореть в огне,
Будь, Справедливый, справедлив ко мне!

Прости грехи моим единоверцам,
К ним не всегда я шел с открытым сердцем,

Был добрым, справедливым не для всех,
Прости и этот мой великий грех!..

ГЛАВА ГОВОРИТ О СВОЙСТВАХ РЕЧИ

Речь умного, как влага из колодца,
Речь глупого бедой к нему вернется.

Я в многословье видел мало пользы,
От краснобаев не бывало пользы.

Коль хочешь говорить, скажи, но кратко,
Чтоб был в едином слове смысл десятка.

Тебя великим может сделать слово,
А многословье превратить в смешного.

Пусть, как гранит в руках каменотесов,
Весомой будет суть твоих вопросов.

Невежда слеп и глух, а просвещенье
Глухому дарит слух, слепому — зренье.

Ты знанья обретешь, себя прославишь,
Ты сам уйдешь, но в мире след оставишь.

Пусть будет твой язык не лжец, не сплетник,
А меж тобой и знанием посредник.

Тем, кто не знает, я скажу по чести:
Язык каракут с головою вместе.

Сдержи язык свой, голову жалея:
Чем он смирнее, тем она целее.

Людей грязнит невежда бранью злой,
Злодей болтливый всех чернит хулой.

Для пламени осмысленного слова
Нет, кроме знаний, топлива иного.

Не говори плохого никому,
Когда не враг ты счастью своему.

Оставишь память ты на свете белом
Лишь добрым словом да хорошим делом.

Ты сам умрешь и превратишься в прах,
А слово в чьих-то будет жить устах.

Не для забвенья, а для разуменья
Я оставляю эти наставленья.

Не серебром владея и не златом,
Владея словом, будешь ты богатым...

Увидеть свет, проникнуть в тайну знанья —
Ведь у меня иного нет желанья.

Незнанья суть — блужданье в темной ночи,
А знанье — путь, достойнее всех прочих.

Умом и знаньем обретешь по праву
Почет при жизни, после смерти — славу.

АХМАД ЯССАВИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1105—1166

* * *

Прежней щедрости в народе нашем нет...
Правды шахов и визиров стерся след...
Отвергает бог дервишеский обет...
Для народа — время страшных бед, о люди!

Тот, кто был ученым мужем, знатоком,
Стал насильником, льстецом иль дураком,
Для дервиша правдолюбец стал врагом,
Посмотрите: этот гибнет свет, о люди!

Разве долго до скончанья света? Нет!
Раб Ахмад солгал ли это? Нет!
Сам ли пользы от совета ждет? О нет!
Уходя, народу даст совет, о люди!

* * *

Некто был к власти приучен,
Тяжким богатством навьючен,—
Словно каргас-трупоед,
Сгинул в болоте вонючем.

Муфтий, мулла лишь себя ведь
Ловко умели прославить —
Белое черным представить...
Буду в аду, в пепле бед!

Казий чванливым был самым,
В спеси он спорил с имамом.
Каждый ослом был упрямым —
Пали под кладью, и — нет.

Горе мздоимцам: хоть в силе,—
Пальцы они прикусили.
Страшно им даже в могиле,—
Дать им придется ответ!

Жирно кто ел и нечисто,
Кто одевался цветисто,
С трона хвалил за убийство
Прах он — и прахом одет!

АХМАД ЮГНАКИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ

XII век

ИЗ ПОЭМЫ «ПОДАРОК ИСТИН»

О ЗНАНИИ

О знании беседовать мы будем,
Примкни, мой друг, к познанию — рассудим.
От знания исходит к счастью путь,—
Исток пути открыт отсюда людям.

О, знающий всегда, как перл, в цене!
Ничто невежда — по своей вине.
Познание, как мозг в костях мужчины,
Краса мужчины — ум. В любой стране...

Муж без познаний — кость без мозга жизни,
В пустую кость, пожалуй, палец втисни,
И то — зачем? Да, знающий в цене!
Он знатен в мире и в своей отчизне.

Ученый умер — имя вновь живет!
Невежда жив — кто имя назовет?
Один, познавший цену силы знанья,
Несведущих сто тысяч превзойдет!

Теперь гляди — закон тобою понят,—
И ничего дороже знаний в жизни нет!
Мир всплыл и вырос им благодаря!..
Невежду — вниз. Пускай невежда тонет!

Муж, познавай! — так завещал пророк,
Хвалить познавших преподал урок.
А знающий все больше жаждет знаний,
Их вкус он знает, силу их сберег!

Несведущему правда ненавистна,
Зря проповедь мудра и бескорыстна!
Немытого отмоешь — и хорош...
А тот — нечист, бессильна укоризна!

Разумный знает толк в своем труде,—
Исполнив, не останется в беде.
Какой бы труд ни предстоял,— что легче,
Чем сожалеть? Не жалуйся нигде.

Кто ведает слова для пользы дела,
Ненужные зароет в землю смело.
Невежда бедный треплет языком,
Зовет беду, болтая неумело.

С наукою дружа, простой бедняк
Стал самым знатным из владельцев благ!

О ТОМ, КАК БЕРЕЧЬ ЯЗЫК

...Так говорят, кто в знание проник:
Будь нравственным и береги язык,
Зря высунешь — он зуб тебе сломает,
Коль за оградой прятаться привык.

Правдивы лишь слова того мужчины,
Кто верно свяжет следствия, причины...
Язык, который слишком гибок,— враг!
Слова на ветер — лживы и бесчинны.

Умен ли бойкий? И чего достиг?
Нет, то не ум, а только вспышки миг...
О, велика ненужных слов ошибка!
Бывает, лжет не человек — язык.

Подальше будь от лгущих языков,
Будь жизнь прожить в правдивости готов,
Правдивость — красота и уст и сердца,—
Жизнь украшай не ради пустяков!

Коль правда — мед, а ложь — как горечь лука,
Рот не сожги, смешав их... Что за мука!
Болезнетворны лживые слова,—
Давным-давно о том гласит наука.

Целительна правдивость верных слов,—
Закон и этот исстари не нов!
В народе будь правдивостью прославлен:
То для него — основа всех основ.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Середина XI века — 1129

МУДРАЯ БЕСЕДА. КОТОРУЮ ВЕЛ В ЧАС ПРОГУЛКИ ФИЛОСОФ ОВАНЕС САРКАВАГ С ПТИЦЕЙ, ИМЕНУЕМОЙ «ПЕРЕСМЕШНИК»[1]

О птица, птица божия, скрываемая чащею,
Недремлющая, бдящая под веткою в тени,
То весело поющая, то жалобно молящая,
Хвалу во славу господа с моей соедини!

Ты здесь, лесолюбивая отшельница всесветная,
Живешь, не зная зависти, всех равно возлюбя.
Среди великих малая, средь малых неприметная,
Но могут и великие учиться у тебя.

[1] Сокращенный перевод.

Среди великих малая, средь малых невеликая,
Но лучше нас понявшая, что в мире все — тщета.
Беспечна, незапаслива, на ветку с ветки прыгая,
Живешь во славу господа — спасителя Христа!

Искусна в песнопении, ты сладко заливаешься.
К тебе не прикасаются ни суета, ни ложь.
Зовешь ли ты кого-нибудь, клянешься ль, отрекаешься,
Ликуешь или каешься, ты день и ночь поешь.

Ты, дух не осквернявшая и плотью не грешащая,
Вовеки не вкусившая запретного плода,
В заботах неусыпная, всегда к трудам спешащая,
И днем и в ночь безлунную — тебе светло всегда.

Пример святым отшельникам, укор живущим
в праздности,
Ты недоступна лености, к злословью не склонна.
Певунья многогласная в своей однообразности,
Ты величава в скромности, в величии скромна.

Одним — способность пения, другим же дар молчания
Дал бог по справедливости, дал в меру наших сил.
Хоть не была ты в горнице на благовествовании,
Разноязыким пением тебя он одарил.

Мудрец из неудачливых, не преуспевший в пении,
Прошу — меня, смиренного, в ученики возьми!
Как плату за учение, создам я сочинение,
Что навсегда останется, читаемо людьми.

ОТВЕТ ПТИЦЫ, ИМЕНУЕМОЙ «ПЕРЕСМЕШНИК»

Что было мне подарено, в грехе я не утратила.
Не сорвала я с дерева плодов добра и зла.
Я избежала страшного возмездья и проклятия,
Ни башен я не строила, ни бога не кляла.

Горды своею мудростью, грешили вы надменностью,
Один язык дробили вы на сотни языков.
Грешили вы гордынею, не знали вы смиренности
И с каждым шагом множили число своих грехов.

В своих чертогах каменных отмеченные скверною,
Природу невзлюбили вы, и ваша в том вина.
Я ж, птица, от рождения была природе верною,—
За верность откровеньями ее награждена.

Вы как единство созданы, но противоборением
Разобщены вы, смертные, на множество частей.
А мы, созданья малые, велики единением,
Спастись нам помогающим от пагубных сетей.

ФИЛОСОФ ОПРАВДЫВАЕТ ОТВЕТЫ ПТИЦЫ, ИМЕНУЕМОЙ «ПЕРЕСМЕШНИК», И ПРОЯВЛЯЕТ К НЕЙ СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ

В суровом осуждении права ты, птица, может быть.
Хотя он и загадочен, нам мир природы мил.
Но грешных от рождения и прегрешенья множащих
Нас от природы истинной Создатель отдалил.

О птица, птица божия, твое мы слышим пение.
Перед твоею песнею ничтожна песнь моя.
Но звучным щебетанием, суровым осужденнем
Мешаешь размышлениям о тайнах бытия.

Смущаешь ты укорами покой мой, птица малая,
В минуту обретения душою высших благ.
Ты в строгом обличении все, чем грешил, бывало, я,
Склонна преувеличивать, как будто я твой враг.

Я трачу дни короткие на обретенье мудрости,
Ищу пути, которые предначертал Творец.
Зачем же дух мой алчущий ты обвиняешь в скудости,
Тобою оклеветанный, не враг я, но истец.

И как истцу, пристало мне порочить обвиненного.
Скажи: коль, птица певчая, сродни ты соловью,
Что не поешь в пустыне ты, от мира отрешенная,
А средь людей построила ты келию свою?

Искусники великие: Орфей — певец из Фракии,
И Арион прославленный, и Амфион из Фив,
Хоть пели восхитительно, но признаю, однако, я,
Что птичье пенье сладостней в тиши лесов и нив.

У всех твоих сородичей есть мастерство врожденное,
Да и тебе такое же природою дано,
Но что ж ты лес покинула, и, чем-то привлеченная,
Мое жилье приметила, и здесь кружишь давно?

ФИЛОСОФУ, ОБВИНЯЯ, ОТВЕЧАЕТ ПТИЦА, ИМЕНУЕМАЯ «ПЕРЕСМЕШНИК»

Постигший мудрость многую, напрасно ты винишь меня,
От века мы исконные владетели земли.
А вы созданья высшие, но все ж владыки пришлые,
За грех из рая изгнанны, на землю вы пришли.

Земля сия бескрайная нам отдана в наследие,
Чтоб жили и плодились мы, не ждя иных наград.
А вы, желая многого, утратили последнее,
На небеса позарившись, вы заслужили ад!

Разбогатеть мечтали вы, да стали духом нищие,
Попрали слово божие, низвергнуты во прах.
Попали в преисподнюю, как ни стремились к высшему,
Идя за искусителем, погрязли вы в грехах.

Братоубийцы злобные, ходить вам неприкаянным,
И не услышат ангелы ваш вопиющий глас.
Вы люди — слуги божие, роптали на Хозяина.
И, слуги ваши кроткие, мы обличаем вас.

Наказанным изгнанием за вашу суть лукавую,
Вам с нами жить, с безгрешными, и ныне и всегда,
Отвергшим нищу чистую, вам пищу есть кровавую,
У нас обитель общая и общая беда.

Рассудком наделенные, стоящие над безднами,
Вы поминутно множимым грехом осквернены.
За ваши прегрешения мы — твари бессловесные —
Созданья неразумные, страдаем без вины!

За ваши прегрешения, невыполненье должного,
Созданья бессловесные, мы горестно живем.
Нет лекаря искусного и крова нет надежного,
И нашу пищу скудную находим мы с трудом.

Познали мы лишения за ваши прегрешения.
Вы землю нашу заняли, за грех сюда попав.
Ничтожны ваши доводы и ложны обвинения,
Ответствуй же по совести: кто виноват, кто прав?

СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ РЕЧЕЙ И ПРИЗНАНИЕ ФИЛОСОФОМ СВОЕГО ПОРАЖЕНИЯ

Ты поразила мудростью сужденья непреложного,
Искусно ты оспорила все вымыслы тщеты,
И мудреца ничтожного, меня, поэта ложного,
Своею речью краткою разубедила ты.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

1102—1173

НА РАСПЯТИЕ ГОСПОДНЕ

Тот жаждал на кресте, как человек простой,
Кто создал океан, наполненный водой.

Самаритянку тот «дай мне испить» просил,
Кто всю вселенную бессмертьем напоил.

И сотник римских войск, желчь с уксусом смешав,
Чрез губку напоил царя небесных слав.

Днем солнце было мглой затем облечено,
Что слово вечное землей оскорблено.

И громким голосом господь с креста к отцу
«Или́! Или́!» — воззвал и предал дух творцу.

Завета Ветхого порвался завес — в миг,
Когда в мучениях даятель жизни ник.

Земля потрясена была до глубины;
Рассеклись камни скал, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался ад,
Тьму душ окованных он выпустил назад:

От гласа мощного того, кем жизнь дана,
Была свобода им в тот час возвращена.

Сей жизнедатель наш, когда во ад сошел,
Он свет затеплил тем, кого в тюрьме обрел,

На небо верхнее из бездны их вознес
И с бестелесными — их водворил Христос;

Их свету причастил в чертоге без греха,
Во царстве свадебном святого жениха,—

Там церкви-матери, где первенцы царят
И Авраамовых наследников где град,

Где праведных ряды пред господом-отцом
Ликуют без конца о женихе святом,

С отцом и святым духом, в век веков, псалом
Распятому за нас мы славу воспоем.

НА НОЧЬ ВЕЛИКОГО ПЯТКА

По всей земле превратил он солнечный свет во тьму,
Он в полдень оный покров возложил на свою наготу.
В полдень умер Адам во грехе, и свет померк,
В девятом часу воссиял, когда Христос попрал смерть.
У креста богоматерь, скорбя, росу проливала слез,
Внимая о жажде словам, что сын ея принес.
Дали оцет тому, волей чьей реки в Эдеме текли,
Кто в пустыне народ напоил сладчайшей водой из скалы.
В третьем часу обольстил Еву-праматерь — змей,
В шестом часу согрешил Адам, внимая ей.
И в третьем часу господь висел, ко кресту пригвожден,
Когда же рай покидал Адам, туда был разбойник введен.

ВСЕМ УСОПШИМ

Когда архангел возгремит трубой
И воззовет на Страшный суд всю плоть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Когда с Востока, славой золотой,
Твой лик блеснет, чтоб сумрак побороть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Ты книгу тайн разверзнешь пред собой,
И задрожит от ужаса вся плоть.
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Свет, света творец, первый свет, чей дворец — неприступнейший свет!
Небесный отец! Кто хвалим сонмом духов, созданных от света!
Наши души, в свете зари, осияй твоим мысленным светом.
Свет, исшедший от света, бог сын, кто один — рождение отца,
Солнце правды, чье имя, до солнц, сонмы духов гимном хвалили,
Наши души, в свете зари, осияй твоим мысленным светом.
Свет, идущий от света, бог дух, кто вслух чрез пророков гласил,
Благ источник, хвалят кого, с сонмом духов, отроки церкви,
Наши души, в свете зари, осияй твоим мысленным светом.
Свет, кому и названия нет, один, троичен, неразделим.
Святая троица, хвалим кого, с сонмом духов, мы, гласы земные,
Наши души, в свете зари, осияй твоим мысленным светом.

НЕБО

Небо, я, будучи раз навсегда сотворенным,
Неизреченно раскинулось сводом бездонным.

Отделены, как заметил еще Моисей,
Верхние воды от нижних стихией моей.

Соединило навечно пространство небесное
Оба начала: телесное и бестелесное.

Ибо, подобно стихии телесной, я зримо,
Как естество бестелесное — неощутимо.

Я покрываю собою четыре стихии,
Те, из которых возникли все твари живые.

Кроме всего, воплощаю я нечто такое,
Что различают не глазом, а только душою.

Я — полукругло, от прочих предметов отлично,
Хоть и в движенье всегда, я всегда безгранично.

Сущему в мире — всему я конец и начало.
И в пропастях и на кручах — везде я бывало.

Я неподвижным кажусь — неподвижность обманна.
В даль я стремлюсь, лишь в движенье своем постоянно.

Горы высокие, что вас страшат крутизною,
Скаты, глубокие пропасти — все подо мною.

Не прерывая движения ни на мгновенье,
Небо, я вечно в своем бытии и движенье.

СОЛНЦЕ ИСТИНЫ

Солнце истины пламень любви запалило,
Лед неверия, камень греха растопило.
И ростки показались на древе сознанья,
Исторгая пьянящее благоуханье.

И на грешной земле зацвели, зашумели
Деревa, что в раю красовались доселе.
И доселе мерцавшие в небе светила
Провиденье на грешную землю спустило.

Призывает спаситель на пир свой небесный
Верных воинов рати своей бестелесной,
Но и смертные мученики, и провидцы
К бестелесному сонму должны приобщиться.

Укрепили их дух, усмирили сомненье
Муки господа, чудо его воскрешенья.

И явились на пир вереницы гостей
В одеяньях, окрашенных кровью своей.
Обессмертил великий господь естество
Смертных воинов воинства своего.

ЧАХРУХАДЗЕ

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ
XII век

ТАМАРИАНИ

ОДА ВТОРАЯ

Тамар, тебя пою, ты — солнце незаходящей красоты,
Твой стан точеный тонкостроен, и кроткий лик являешь ты.

Тамар, эфир молниеносный, словесный луч целебных трав,
Ларец познаний, ключ, текущий среди эдемовых дубрав.

В щедротах ты подобна морю, высоким духом — небесам.
Ты милосердье, и смиренье, и упоение глазам.

Из края в край идя с победой и славой тронув гуд струны,
Ты победителей сразила, они тобой побеждены.

Ты с богом разделила страсти животворящего креста,
В горах ты утвердила веру, их высота тобой свята.

Все люди власть твою признали. И люди ль только слились
в хор?
Тебе подвластны львы в равнине, тебе послушны барсы гор.

Тебя зовут светила солнцем, тебя возносят семь планет.
Но для певцов ты недоступна, и мне к тебе дороги нет.

ОДА ПЯТАЯ

Мудрецы, алкавшие познанья
Истинной основы мирозданья;
Эллины, создавшие законы
Сладостного словоизлиянья;
Псалмопевцы, что владели арфой
Необыкновенного звучанья,—
Все они тебя воспеть не в силах,—
Молнийного ты сильней блистанья.
Я сравню с луной, зарей, зарницей
Голос твой, исполненный сверканья.
Сходства нет между тобой и мраком,
Ты предмет желанья и алканья.
Слышал я на десяти наречьях:
«Семь планет из-за ее сиянья
На ночлег с небес не удалились,
Приняли другие очертанья».
Все, в тебя влюбленные, клянутся,—
Все, избравшие удел скитанья:
«Свет зари в ее глазах, но листьям
Не дает, увы, произрастанья...»
Троя тяжело страдает, ибо
Не из-за тебя ее страданья.
«Почему Юдифью, не Тамарой
Я убит?» — слышны царя стенанья.
Голова Самсона безволоса,
Женщина — причина злодеянья,
Но могу ль с тобой сравнить Дебору?
Хитрой не скажу слова признанья!
Чтобы свету тьма уподоблялась,—
Не дала царица указанья.
Вот была Эсфирь, но в ней, однако,
Не было эфирного дыханья.
«Где ты, Вис?» — рыдал Рамин, не зная,
Что из-за тебя его терзанья.
Пусть хулит судьбу певец безумный —
Нет к нему в прекрасной состраданья.
От любви пылает Саль, горюя,
Что не ты исток его пыланья.
Шатбиер искал Алать напрасно:
Ты была венцом его исканья!
Плачут оба Каина: библейский

Ждет братоубийца наказанья,
А Меджнун, сравнив с Лейли Тамару,
Жаждет не с Лейли — с тобой свиданья.
Ты сломила всех, разбив строптивых
И презрев покорных причитанья.
Ни иранцев рать, ни злые звезды
Не хотят с тобою состязанья.
Шла война; в ту пору некто, муж твой,
Был наказан карою изгнанья,
И тогда иранский шах с тобою
Возжелал союза и слиянья,
Но была другому суждена ты,—
Князю львов, чьи славятся деянья.
Царь Ширвана, данник твой, возжаждал,
На тебя взирая, обладанья,
Многим — их число нельзя исчислить —
Ты внушила страстные мечтанья.
Всех с ума ты сводишь беглым взглядом,—
Диво, что не терпит подражанья!
С виду — солнца ты изображенье,
Чудо красоты и обаянья.
Ты горда и светлолика; дерзких
Ты страшишь грозою воздаянья,—
Свет неугасимый, бездна счастья,
Сладостный елей благодеянья!
Презираешь льстивых, двоедушных,
С мудростью не знаешь пререканья.
Кто, узрев твой чистый нрав и пламя,
Не сгорит, лишенный вдруг сознанья?
Дротик, щек твоих коснувшись, станет
Розой, полною благоуханья.
На твоем челе, как на скрижалях,
Клятвенные видим обещанья.
Волосы твои — как лес; ты слышишь
Изгнанных тобою воздыханья?
Солнечный твой лик с нарциссом сходен,
Шея — словно мрамор изваянья.
У кого душа осталась целой,
Не пронзенная стрелой желанья?
Как хвалить твой стан? Султан свидетель:
Все хвалы оставишь без вниманья!
Сонм светил, твоей руки искавших,
Удалился, не сдержав рыданья:
Колесниц лишив, ты прогнала их,

А они-то ждали пированья!
«Ты полям подобна Елисейским!» —
Раздаются всюду восклицанья.
Очи — как чернильные озера,
Лик — луна, обитель упованья.
Лишь увидел я глаза Тамары,
Два индийца, два очарованья,—
Понял я: хвалы мои бессильны,
И связал себя уздой молчанья.
Коль поет Энос,— Платон, замолкни:
Не помогут хора призыванья.
Бог велел Гомеру и Самсону:
«Расскажите мне о ней сказанья!»
Но они, трудясь, недовершили
Красоты твоей живописанья.
Тот, кто взглянет на тебя, ослепнет.
Ты затмила свет существованья.

ОДА ДВЕНАДЦАТАЯ

Признаю: ты — небо, о царица,
С розоїй, с хрусталем должна сравниться!
Как свеча пылаешь ты: недаром
Опозорена тобой зарница.
Если с ярким солнцем станешь рядом,
То принудишь солнце ты затмиться.
Ты вкушаешь счастье — почему же
Солнце заставляешь огорчиться?
Меньше о тебе скажу, чем знаю:
Клятвенно готов я поручиться.
Стоит ли хвалить твое сиянье,
Коль нельзя сиянью научиться?
Очи у тебя — чернил озера,
Где же копья! Каждая ресница!
Тонким станом дивно ты похожа
На тростник и тополь, чаровница!
Райским крином предо мноїй цветешь ты,
Не могу тебе я надивиться.
Царственноїй чете не стало равных,
Недругам пришлось угомониться.
Но тиран явился с мощью мнимой,
Начал, как свирепый зверь, яриться.
В плен забрал он женственных и робких,
Чтоб над слабосильными глумиться.

Побеждать он возымел привычку,
Возгордился, гнусный кровопийца.
Вот уже на нас в поход с востока
Войско многочисленное мчится.
«Быть в Мосуле камфаре в презренье:
В Грузии сумеем поживиться,
Ту страну не раз опустошал я!» —
Громогласно стал султан хвалиться.
Кроткая, услышав эти речи,
Неустанно принялась трудиться.
«Христиане! — воинам сказала.—
Помогите правде утвердиться!»
Всем князьям велела ты: «Мужайтесь,
На врага должны вы ополчиться!»
Храбрецов ты вдохновила: жаждут
Пасть за веру, с турками сразиться!
Решено: война! Давид — вожатый,
Он, второй Давид, не осрамится!
С агарянами вступил он в битву,
Правого отмщенья кровь струится...
Эллинствовать эллинам пристало,
А Сократу — мудростью светиться,
А Гомеру — нас пленять стихами,
А Эносу — мыслью к небу взвиться.
Мало я сказал, но разве можно
На меня, безгласного, сердиться?
Недруги бежали от Давида,
Как от льва — овца или лисица.
Поняли они свое безумье,
Стали сокрушаться и стыдиться.
Отступив, рассеялись отряды,
От врагов очистилась граница.
Их союзники бежали в страхе,
С ними вновь боясь объединиться.
Так Давид торжествовал победу,—
Довелось твоей надежде сбыться.
Двадцать храбрых гнали десять тысяч,
Не давая им остановиться.
Целый, невредимый, сокрушал их
Сам Давид, заставив пыль клубиться.
Истреблял он мусульман с позором,
Уничтожил полчище румийца.
Нашим воинам добычей ценной
Удалось тогда обогатиться.

Убежал владетель Ерзинджана,
От тебя решил в Сигоре скрыться.
«Не по доброй воле шли мы в битву».—
Стали плакать пленники, молиться...
Вот теперь понятно всем, откуда
Пленными полна твоя столица!
Ты благоустроила народы,
Наши голоса звенят, чтоб слиться:
«Ты и сын твой здравствуйте, покуда
Этот мир стоит и время длится!»

ИОАНН ШАВТЕЛИ

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ
XII век

АБДУЛ-МЕССИЯ

Фрагменты

1

Бог, единый в троице, всеправый,
Да поможет мне не для забавы.
Как Давид, на гуслях заиграю,
Я принес «Хвалу» царю державы.
Зевс меня призвал, и пожелал я
Образ твой восславить величавый.
Ныне, поучая неразумных,
Свет открою мудрости и славы.

2

Мудрые афиняне, внемлите,
Как Давида хвалят, посмотрите.
Хвалит весь Восток: Китай, Египет,
Хвалит Запад: в Сирии, на Крите.
Византийцы, эллины! Сократу
Равными себя хотя вы мните,
Звездочеты, что бранят друг друга,—
Не трудитесь, молча отойдите.

3

Пусть мне скажут, правду соблюдая:
Средь людей найдется ль мощь такая?
Сей эфир, сияющий, как солнце,
Нам ниспослан господом из рая.
Мы подобных витязей не сыщем,
Мир пройдя от края и до края,
Не сравнится с высотой небесной
Бездна ада, мрачная и злая.

4

Похвалу начать дерзну я ныне,
Людям расскажу о властелине —
Бодром, доблестном, красноречивом,
Уподобившем страну твердыне,
О царе, изменников разящем,
Чтобы в адской мучились пучине,
О затмившем царственных потомков,
Полном мудрости и благостыни.

5

Где начало? Бог всего живого
Дал Давиду клятвенное слово:
«Превращу в царей твоих потомков,
Во владык престола золотого».
Вот и стал Давид царем державы
Изволеньем бога всеблагого.
Так возвышен Сим благословенный,
И от Хама ты спасен дурного.

6

Он миропомазан, крепкий станом,
Не Ионатаном, а Натаном.
Прекратил он смуту и разбои,
Мир настал с покоем долгожданным.
Так Давид могучий бодро правит,
На погибель злым, на страх смутьянам,
Он установил закон и веру,
Стал для нас оплотом богоданным.

10

Он людей согрел: как солнцем лета;
В зодиаке Льва земля согрета.
Он священниками восхваляем,
Племенами, сторонами света.
Звери, горы, и леса, и долы
Перед ним склонились в знак привета.
Сокрушает он врагов коварных —
Скопища предательства, извета.

11

Да прославится Давид великий,
Чьих побед мы всюду слышим клики.
Он уничтожает вражьи рати,
Перед ним трепещет варвар дикий.
Верным — друг, врагам несет он гибель,
Стройный, мужественный, солнцеликий.
За него умру, отдам я душу,—
Кто же разлучит меня с владыкой?..

18

Благоденствует его владенье,
Вкруг него — семи планет свеченье.
Как луна, весь мир заемным светом
Блещет перед ним в благоговенье.
Как магнит — железо, так народы
Витязя притягивает зренье.
Радости познал я преизбыток,
Вечно длится наше наслажденье.

19

Он — непобедимый повелитель,
Стройный витязь, доблестный воитель,
Он — градоправителей владыка,
Грозных полководцев предводитель.
Лучший лучник, всадник, меченосец,
Он — врагов бессчетных покоритель.
Что пред ним астролог с талисманом?
Он — провидец, мира устроитель.

21

Сказано: «Где правда утвердится,
Там и куст засохший возродится».
Ты отверг роскошные наряды,
У тебя из шерсти власяница,
Для тебя и Силоам воздвигнут,
Ты — как лев, грозна твоя десница.
Ты врагов разбил средь вод Геона,
Легион твоей стрелы боится.

26

Вечен ты, как правоты сиянье,—
Я тебя воспеть не в состоянье:
Так ты щедр, красив и благороден,
Так твое могуче обаянье!
Ассирийской мудростью украшен,
Ритора надел ты одеянье.
Отдохни, вкуси веселья жизни,
Ибо велико твое деянье!

31

Ободрил ты громкими делами
Рать грузин, ведя ее сквозь пламя.
В бой с врагом вступая, ты вздымаешь
Горгаслана и Давида знамя.
В мире нет воителя такого,
Что провел бы столько битв с врагами.
Обессилел наш противник давний:
Как Ростом возвысясь над бойцами,

38

Ты сидишь в одежде драгоценной,
В ризе златотканой и священной.
Пурпуром, виссоном ты сверкаешь.
Скипетр и венец — краса вселенной.
Облаченный в яркую порфиру,
Где смарагд блистает несравненный,
Ты гордишься чудной диадемой,
Господом самим благословенной.

40

Ты украсил, свыше вдохновленный,
Хорезмийским сердоликом троны.
Сооружены из райских сосен
Во дворце опорные колонны.
Серебром и златом блещут стены,
Плитам взор дивится изумленный,
Вкраплены меж них, горят, как пламя,
Лигвримоны и биврилионы.

41

У тебя — десятки тысяч в стане,
Знатные вельможи и дворяне.
Сердцем ты Нимврод, лицом — Иосиф,
У тебя, как у Самсона, длани.
Ты уничтожаешь лесть лукавых,
Губишь подлых, опытных в обмане.
За тебя охотно стану жертвой,
Словно агнец кроткий, жду закланий.

47

Отобрал ты солнца блеск прелестный,
Лунные лучи и свет небесный!
Ты — отца достойный сын блаженный,
Трижды славный богатырь чудесный.
Речь твоя — печать добра и правды,
Ты — судья судей, везде известный.
Ты для недругов — огонь возмездья,
Ты земных племен заступник честный.

50

«Да» есть «да», а «нет» есть «нет»: ты много
Сделал, клятвы соблюдая строго.
Ты десницей добывал победу,
С помощью меча, щита и бога,
Для врагов ты стал грозой и громом,
Ты — их страх, и трепет, и тревога.
Ты ведешь к победам войско славных,
Счастье и добро — твоя дорога.

52

Воин бога, помыслом крылатый,
Манною небесною богатый,
Светоч ты, чье пламя осветило,—
Где сокрыт предатель, соглядатай.
Ты узнал коварных, криводушных,
Отплатил им грозною расплатой.
Ахитофелю они подобны,
Каждый — вепрь жестокий, волк проклятый!

53

Ты сумел в ученье углубиться
Прокла Диадоха, патарийца.
Эбеллиты, чье воззренье дышит
Созерцательностью аттикийца,
Говорят: «Вовеки нашей пастве
Мудростью с Давидом не сравниться».
Знают маги и друзья Зенона,
Что Давидом Перипат гордится.

55

Ты с победою пришел из Рима,
Ибо мощь твоя неодолима.
Ты — святого знанья проповедник,
Радость, что в сердцах людей хранима.
Плуг твой пашет, чтобы яровые
Зрели мощно и неистребимо.
Над тобой — туман. Ужель закроешь
Двери милости, что всюду зрима?

56

Светом осенил тебя создатель.
Молвил Иродика продолжатель —
Иппократ, а с ним Сократ согласен:
«Он — земли и моря обладатель!»
Средь восьми мудрейших ты, подобно
Эбеллитам, светлый созерцатель.
Ты детей воспринял от купели,
Юношей безгрешных воспитатель.

58

Силу дал ты льву, заре — сверканье,
Злато — западу, благоуханье —
Мускусу и Кандагару — сахар,
Индии — жемчужное блистанье.
Стал ты сотоварищем планетам,—
Этим ты исполнил их желанье.
Ты — сподвижник сонма сил небесных,
Излучаешь, как святой, сиянье.

59

Вижу: ветви дерево пустило,
Это рода царственного сила,
Что не терпит гнета, притеснений,
Что людей от горя защитила.
Ты для странников — приют ученья,
Гавань кораблей, обитель Нила!
Над землей ты высишься, как Этна,
Красноречья, мудрости светило.

62

Ты — супруг примерный, нежный, страстный,
Деткам горлицы — отец прекрасный.
Мы страдали, но пришло спасенье
От тебя, правитель полновластный.
Ты для тех, кто трудится,— отрада,
Бедняков защитник ежечасный.
Для врагов ты камень преткновенья,
Ты — утес, для варваров опасный.

63

Ты — отец сирот, приют бездомных,
Хлеб для алчущих и свет для темных,
Пестун юных, для нагих — одежда,
Ты — судья для вдов и женщин скромных.
Ты для слабых старцев — посох силы,
Ты спасаешь нас от вероломных,
Ты — глубоких истин толкователь,
Ты — свершитель мудрый дел огромных.

МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭТЕССА
XII век

РУБАИ

* * *

Ничто не в силах нас заставить разлучиться!
Какою клеткою в плену удержишь птицу?
Кого ты оплела жгутами черных кос —
Того оковами не удержать в темнице.

* * *

Помогут ли слезы теперь и губ моих пламя сухое?
Навылет пронзила мне грудь ты пущенной метко стрелою.
Я думал, что этой любви ручей мелководен и узок,—
Но чуть оступился, и вмиг под воду ушел с головою.

* * *

Сказать ли, что с моей душой ты, став надменной, сделала?
Ты жизнь бесценную досель — ничтожной, бренной сделала!
Была бы, как твоя коса, ночь длинною,— тогда б
Все рассказал я, что со мной твоя измена сделала.

* * *

Не сплю я по ночам, а плачу. И от слез
В моих глазах туман, черней твоих волос.
А если и усну, то вижу сны, еще
Запутанней твоих рассыпавшихся кос.

* * *

Я горестный день расставания знал,
Что лживы твои обещания, знал.
Клянешь ты меня, а клялась мне в любви!
Но верь — я все это заранее знал.

* * *

Все, чем долгие ночи в беспамятстве жил я,— ушло.
Наважденье, бесценных богатств изобилье — ушло.
Свет души моей, мыслей хранительница сокровенных!
Ты ушла, и все то, что тебе говорил я,— ушло.

* * *

С протянутой рукой увидев бедняка,
Спешу ему отдать запястья и шелка.
Две сотни праведных сердец сынов Гянджи
Отдам, чтоб нищету утешить старика.

* * *

Желанный ли гость колосок там, где рдеют тюльпаны?
На розы взглянув, любоваться шипами не стану.
Зачем же, юнец, бородою курчавой гордишься?
Пусть щеки твои будут схожи с зарею румяной.

* * *

С кувшином из золота мир этот схож —
То горькую воду, то сладкую пьешь;
Но смертного часа оседлан скакун,—
Недолго ты здесь, на земле, проживешь.

* * *

Ты спьяна выронил вчера кувшин из рук.
О камень грохнувшись, заговорил он вдруг:
— Стал грудой черепков в единый миг, хоть я
Таким же, как и ты, был только что, мой друг.

* * *

Роза пунцовая вдруг побледнела —
К ней соловьиная трель долетела.
Листья срывая, она растерзала,
Словно безумная, в кровь свое тело.

* * *

Ярко озаряет сад наш пламя роз.
Жизнь — халат, расшитый лепестками роз.
Дунет ветер смерти — не найдешь тогда
В вырытой судьбою черной яме роз.

МУДЖИРЕДДИН БЕЙЛАКАНИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
XII век

КЫТЫ

* * *

Душа моя подобна океану,
Мне жемчуга дарует вдохновенье,

А эти пустозвоны, куклы эти
Подобны грязной океанской пене,

Стараются казаться соловьями!
Но ведь всегда ворону выдаст пенье!

Они — как ножны, языки — клинки их,
Им ненавистен вольнодумный гений.

Питают взятки их, как лампу — масло,
Они ж чадят, как мокрые поленья!

Как муравьи, они воруют крохи
Со скатертей моих стихотворений...

Что ж, муравьи, потопом темным хлыньте —
Один мой бейт растопчет вас в мгновенье!

* * *

Сад времени нашего ядом сочится,
Ни в свежесть, ни в сласть тростника ты не верь:

Его сердцевина больна и червива...
О жизни и смерти подумай теперь.

Скрипят без конца две широкие двери —
Ворота рождений, ворота потерь.

Вращается мир, забывая ушедших,
Бесстрастно встречая стучащихся в дверь.

РУБАИ

Огонь сжигает грудь мою — из-за тебя, мой друг.
Я муки сердца не таю — живу скорбя, мой друг.
Ты на чужбине. Боль твоя сильней моей тоски.
Я знаю это — и пою лишь для тебя, мой друг.

* * *

Я б кольцо свое украсить бирюзой небесной мог,
Лошадь времени взнуздал бы, а дыханьем скалы б сжег,
Но коль тысячу колосьев на хырмане Хагани
Соберу я, стихотворец,— буду счастлив, видит бог!

* * *

О ночь одиночества! Ночь, пощади!
Я брошен. Закован я... Тьма впереди...
О ночь, если даже ты жизнь,— уходи.
О утро! Пусть гибель ты — вспыхни! Приди!

ЭФЗЕЛЕДДИН ХАГАНИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1120—1199

РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА МЕДАИН

Внимательно смотри, вот для тебя урок.
Стал прахом город Медаин,— о, жалкий рок!
Идем же, сердце, в путь. Нам Деджла путь укажет.
Но глубже, чем река, горючих слез поток.
И Деджла плакала, как сто ручьев кровавых,
Чей полноводный бег печален и широк.
И устье Деджлы пьет с ненасытимой жаждой —
Пузырится в жару — и бред ее глубок.
Смотри, она горит от ужаса и горя.
Слыхал ли ты когда, чтоб воду пламень жег?
Плати же, как она зекят слезами платит —
Здесь, у морской губы,— соленый свой налог.
О, если бы река все рассказать могла нам,
Как бил озноб ее всю с головы до ног!

Она сама в цепях и вьется длинной цепью,
Ее пожар загнал и ужас уволок.
Так обратись к развалинам — и ты услышишь,
Как плачет из глубин невнятный голосок.
Вглядись, как медленно крошатся эти зубья:
Все временно. Все — тлен. Всему назначен срок.
Топчи нас, человек. Мы, как и ты, истленье.
Мы, как и ты, ковер для всех идущих ног.
Как ноет голова от воя сов полночных,
Хотя бы слез твоих нас освежил глоток!
Здесь истина жила. Ее не пощадили.
Поплатится ли тот, кто с нами был жесток?
Изменчива ль судьба, или ее ломает
Тот, кто обуглил наш возвышенный чертог.
Не смейся над моим рыданьем — помни, путник:
Кто слез не проливал, тот низок и убог.
Когда-то Медаин был не беднее Куфы —
Плачь, путник, и пойми, как мой позор глубок.
Ведь камня этих стен так много рук касалось,
Что оттиски легли на каждый уголок.
Привратником здесь был властитель Вавилона,
О, слушай, Туркестан,— трубит военный рог...
Балконы рухнули, отполыхали балки.
Здесь был когда-то пол, здесь — круглый потолок.
Не удивляйся! Там, где соловьи гремели,
Одна сова кричит плачевный свой упрек.
Сойди с коня! Коснись лицом земли бесплодной.
Нам дали мат слоны на злейшей из досок.
Земля пьяна, но пьет из черепа Ормузда;
Ей льет Нушируван багряной крови ток.
Ты спросишь: где же те былые венценосцы?
Беременна земля от них на долгий срок.
Где Кесры апельсин и где айва Парвиза?
Все золото — ничто. Сам Сасанид — песок.
Вино из этих лоз когда-то было кровью,
Кувшин — землею был, где прах Парвиза лег.
Земля от стольких тел тучнела и разбухла,
Но жаждет новых жертв, хотя бы малый клок.
И кровью детскою, как пурпурною краской,
Старуха красит рот, а женщина — сосок.
Бывало, странники везут домой подарки.
Я привезу друзьям рыданье этих строк.
О Хаганн! Учись молчанью этой почвы
И подари друзьям ее сухой кусок.

ЖАЛОБА НА СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Жалуюсь тебе на гнет и зло.
Послушай же, откуда все пошло.

Как раковина, я в пучине бед
Запечатлен. И мне исхода нет.

Чтоб жемчуг взять, чтоб створки разомкнуть,
Судьба ножом не растерзала грудь.

Я в пламени, мне не передохнуть.
В руках беды я сыплюсь, словно ртуть.

Явились бельма на глазах судьбы,
От оспы — ямы на щеках судьбы.

Но это бельма века моего,
А оспины — Ширван и зло его.

Да, обладал я крыльями орла,
Я видел мир. Но сломаны крыла.

Я злобою пленен и окружен.
И каждый вздох мой горек и стеснен.

В ярме — я сходен с мельничным быком,—
Вращаю ворот я в кругу своем.

Мой мельник — век. Гоняет он меня,
Мне не давая отдохнуть ни дня.

Бык, мельницу вертящий целый год,
В кругу стесненном нехотя идет,—

Зерно он мелет, радует сердца,
И нет его мучениям конца.

Для достиженья цели он в пути,
И все ж ему до цели не дойти.

Удушье тяжко давит грудь мою.
Я, сидя одиноко, слезы лью.

Мне сердце пламень внутренний спалил
И в кровь на веках слезы превратил.

Сосуд моей души разбит, о друг,
Моя работа падает из рук,—

Вот так, когда в лампаде масла нет,
Тускнеет и дрожит лампады свет.

У верных праздник есть — Новруз весной.
Но где же он — Новруз весенний мой?

Прошли года, мой волос серебря,
Как числа старого календаря.

Ведь с новым годом он не совпадет;
Свой календарь заводит новый год,

А старый календарь, что весь пройден,
Уносит из библиотеки вон,

И вместе с мусором сожгут его
Иль книгоноше отдадут его.

Сложилась так теперь судьба моя:
Тот старый календарь, о друг мой,— я.

Не ведал правды я в сердцах людей,
Вернее — даже не слыхал о ней.

Юсуф от братьев много перенес.
Из-за друзей я больше пролил слез.

Я камнем, в угол брошенным, лежу,
От горьких мук в себя не прихожу.

Пришли в упадок все мои дела,
Болезнь костер в груди моей зажгла.

Я — попугай, что мудрости учил,
Но город зла — Ширван — мне клеткой был.

Сгубил меня горбатый сей старик,
Отрезав клюв мой, крылья и язык.

Из Индии веселья он принес
Меня сюда — в обитель зла и слез.

Сказал он: «Из акульей пасти пей!»
И яд смертельный пищей стал моей.

Чтоб в Индию обратно улететь,
Как попугай — я должен умереть.

Служить презренным больше не хочу!
Хоть я рожден для песен — я молчу!

Язык связал я, рта закрыл ларец,
Я запер изнутри души дворец.

О, если бы язык мой саблей был
И делал дело, а не говорил!

Да, Шемаха прекрасна, хороша!
Но как в узилище моя душа.

И каждый волос тела моего
Стал сторожем узилища того.

Не то чтобы друзей мне повидать —
Ко мне и ветер не хотят пускать.

И если шаг я сделаю в тиши
Или вздохну из глубины души,

Враги арканом этот вздох возьмут,
И исказят, и шаху донесут.

ГАЗЕЛИ

* * *

Сердце мое как челнок, а любовь — океан.
Слушай, любимая! Эти слова — не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спален,
Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжалься! Ты видишь — под бурею гибнет мой мир,
Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!

Волн бушевание лишь по колена тебе,—
Я же кипящим смерчем с головой обуян.

Кто же соперники у Хагани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

* * *

Выйди в поле, любовь моя,— видишь, как поле цветет,
Роза с утренним ветром из чаши свидания пьет.

Соловей говорит, что нарцисс опьянел от любви,—
Он, как видно, не знает, что красный тюльпан его ждет.

«Опасайся любви своей!» — лилия мне говорит,
Но совет ее вряд ли до слуха влюбленных дойдет.

Дань с цветов собирает в широкую полу весна,
Роза прячется в листьях, наряды свои бережет...

Не ходи в цветники, там ты палец шипом занозишь,
Там живет недотрога — колючий шиповник растет.

Я боюсь, о красавица! Если ты выйдешь гулять,
Кипарис — твою шапочку, мак — покрывало сорвет.

Ветер утренний амбровых кос услыхал аромат —
И вздохнул, и унес его в поле, и не отдает.

Из-за этого в ссоре я с ним. И смеются кругом:
«Вот глупец Хагани: с ветром утренним споры ведет!»

КЫТА

* * *

Дворцы царей подобны морю: нет в этом море перламутра,
Но стаями акул теснится там лизоблюдов жадный сброд.

И муж разумный, муж познанья, корабль духовного богатства,
Ища удачи, в это море неверное не поведет.

Жемчужины живого чувства в нем не найдешь ценою жизни,
Лишь сплетен и превратных мнений кружится там водоворот.

А сердцу, любящему правду, пусть покровительствует разум:
Он верный путь добру проложит и шею жадности свернет.

Довольствуйся уединеньем, покоем и лепешкой хлеба
И не ищи у царских тронов чинов, отличий и щедрот.

* * *

Сказали как-то, что, мол, Хагани
Быть недостоин при дворе султана!

Сказали правду: водоносом див
Неподходящим был для Сулеймана!

Султан ничтожен — недостоин он
Души моей широкой океана!

РУБАИ

* * *

Служить я страсти больше не хочу.
Я сердце делу горечи учу.
Как смеет мотылек влюбляться в солнце,
Когда не в силах победить свечу!

* * *

Прошла, умчалась юность Хагани,
Печальны были все года и дни.
Прошло все время в чтенье эпитафий
На горестных похоронах родни.

* * *

Хотел меня великий одарить —
Что, Хагани, желаешь получить?
Ответил я: что ты способен делать,
Когда не можешь юность возвратить?

* * *

Не наливай вина мне. Все равно
Разбито сердце и в глазах темно.
И сколько б ты ни налил — все без пользы:
Не может грусти вылечить вино.

* * *

Что буду делать с кубком золотым?
Дай глиняный! Он станет мне родным.
Пока я сам не превратился в глину,
Пусть кубок будет глиняный моим.

* * *

Опять от волн любви качаюсь я,
От слез кружится голова моя.
От ветра твоего я, как вода, взволнуюсь
И полечу по волнам, как ладья.

* * *

Где яд, чтоб другом я его назвал,
Где меч, чтоб счастьем я его считал,
Где смерть, которую как избавленье
Потусторонний мир мне б даровал?

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1138/1148—1209

ГАЗЕЛИ

* * *

Готова молодость твоя откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?

Затем согнулись старики, давно изведавшие мир,
Что ищут юность; глядя в прах, все мнят в пыли найти ее.

Зачем бросаешь ты, скажи, на буйный ветер жизнь свою?
Приномни вечность. Надо здесь тебе приобрести ее.

Ведь жизнь не жизнью ты купил, не знаешь цену жизни ты.
Жемчужины не взвесил вор, хоть он зажал в горсти ее.

Коль будешь радоваться ты — в отставку горе не уйдет.
Горюя, радость не спугнуть, навек не отмести ее.

Дай органона звоны нам! Дай аргаванное вино!
Есть песнь любви, о Низами! На радость в мир пусти ее!

* * *

О кумир! Мне знак призывный глазом шаловливым сделай.
Исцели свиданьем сердце, время ночи дивом сделай.

Все одно мне счастье снится: в полумгле тебя лобзаю.
Кудри черные приблизив, ты меня счастливым сделай.

Падишахи благосклонно бедняков ласкают взором.
Погляди по-падишахски, взор свой неспесивым сделай.

Низами тебе на рабство препоясался. На рынке
Ты купи меня, гуламом ты меня нельстивым сделай.

* * *

Мне ночь не в ночь, мне ночь невмочь, когда тебя нету со мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает покой.

Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог стороной.
Клянусь я мглою кос твоих, уйдешь,— и охвачен я мглой.

Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли к другой?
Тебе ль искать подобных мне,— не тешусь надеждой пустой.

Сравнись со мной — величье ты, вглядись — никну я пред тобой.
Сравнюсь с тобой — не прах ли я? Все клады в тебе лишь одной.

Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет под луной.
Нет ног — поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой сложить их мольбой.

Забыла ты о Низами, владея моей судьбой.
Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.

* * *

Спустилась ночь. Явись, луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна,— о, погляди на миг!

Ты жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник,— прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь,— к ней припади на миг!

Верь этим благостным слезам и, если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и услади на миг!

Но смоль волос вокруг чела — тугры крылатый росчерк.
Я раб, султаном ты пришла,— так награди на миг!

* * *

В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придется.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придется сбросить эту жизнь, вторую влечь придется.

Луна! Тебе я жертвой стал,— благословен твой праздник! —
Мне по твоим глазам гадать — как ни перечь — придется.

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.

В дар на пиру прими меня,— ужели жемчуг слезный
Мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горючей кровью мне залить дорогу сеч придется.

Из сердца эта влага бьет, из глаз моих струится,—
Прах Низами у ног твоих — ей смыть и сжечь придется!

* * *

Мир покаянья моего разрушен вновь огнем любви.
Вновь разговеться мне пора несмешанным вином любви.

Кумиром сердце зажжено, чье имя вечное Зухра,—
И солнце силы лишено пред нежным божеством любви!

Хоть искра падает любви в любое сердце, назови
Жарко́е, что тебе милей, чем сердце под ножом любви?

Твой глаз намеком мне сказал, сказал: «Твоя — но потерпи».
Аллах! Я терпелив, но жизнь идти спешит путем любви.

Пускай охотится на всех газелеоких, но меня
Разит ее очей газель, едва забудусь сном любви.

Она вольна меня карать, о, пусть измучает меня,
Но лишь не прогоняет прочь, не замыкает дом любви.

Хоть грех великий — без вины разить таких, как Низами,
Пускай разит, пускай разит, когда я стал рабом любви!

* * *

Спеши, о, спеши, без тебя умираю!
Мне помощь подай,— без нее пропадаю!

В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю!

Уж раз ремесло твое — быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.

Басмой лук бровей не натягивай грозно
До самых ушей! Шли стрелу! Ожидаю.

Ты знашь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же,— бросаю!

Я вижу: удачи я жаждал напрасно.—
Я вздохом последним тебя призываю.

Тебе Низами отдает свою душу,
Прими — как страдания я принимаю.

* * *

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.

«Ухожу! — она сказала.— Что мне дать в залог тебе?»
«Поцелуй!» — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит,—
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.

Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

* * *

Ты видишь: я твой давний друг,— зачем томишь тоской меня,
Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?

Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озабочу я тебя, забудь в заботе злой меня.

Я пред людьми тобой горжусь, но как меня стыдишься ты!
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.

Какой бы цвет ни приняла,— и я такой же цвет приму,—
Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.

Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, прогонишь с глаз долой меня.

Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня.

* * *

Лик покажи свой. Я созерцать блеск Гулистана жажду.
Рай приоткрой мне сахарных уст. Их непрестанно жажду.

Дивен цветник свиданья с тобой: нет в нем шипов, и все же
Благоуханных жажду я роз, плоти их рдяной жажду.

В доме игорном иль в кабаке стать навсегда залогом
Вместо давно пропитой чалмы, вместо кафтана жажду.

В кельях суфийских я не слыхал нелицемерной речи;
Мне на плечо поставьте вино. Полного жбана жажду.

С чашей хмельного в правой руке, с локоном друга в левой
Я посреди базара бродить с грезою пьяной жажду.

Наземь чалму свою уронив, темя бия руками,
В пляске топтать ковры стариков, верных Корану, жажду.

Долго ли мне чело преклонять перед порогом школы?
Скит иль кумирню сделать своей целью желанной жажду.

Стали ко мне друзья мои все злей скорпионов лютых,—
Ныне с ехидной в дружбу вступить я, бездыханный, жажду.

Сердце любовной страсти отдать, не выходить из круга
Тех, что пленяют жаром очей, гибкостью стана, жажду.

Горечь разлуки душу мою нудит к губам подняться;
Ах, поцелуя, что исцелит тяжкие раны, жажду.

Я, Низами, тебе на уста хоть бы одно лобзанье
Робко сложить, как будто на длань мощного хана, жажду.

* * *

Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь.
Крепкий сон судьбы моей, он пройдет когда-нибудь.

Эту дверь раскроет вихрь, ночь засветит ясным днем.
Душу мне воровка душ вновь вернет когда-нибудь.

Враг в надежде на любовь ласки не дождется, нет!
Лишь презрение во мне он найдет когда-нибудь.

Для нее неверным стал,— может, черный зульф ее,
Как зуннар виясь, мой стан обовьет когда-нибудь.

* * *

Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была,
Твоя умножилась краса, моя же молодость прошла.

Я только пламя, ты Халил,— что ж я не гасну пред тобой?
Нет, не умру я лишь затем, чтоб ты из сердца не ушла.

Не по приказу ты меня, по доброте своей утешь.
Насколько можешь, будь со мной и, сколько хочешь, будь мила.

Меня разбитым назовешь — смогу ли неразбитым быть?
Ведь облик видела ты мой, и сердце ты узнать могла.

Лишь на служенье тебе стал препоясан Низами —
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила.

* * *

О луна, скажи, чьим гостем ты с твоей красою станешь?
Знаменьем красы кому ты, посланным судьбою, станешь?

Голова твоя покрыта сенью царственной из амбры.
С черной сенью, чьим султаном ты ночной порою станешь?

Ты сладка, с тобою рядом тростниковый сахар — горечь.
О грабительница сердца, где ты не чужою станешь?

Ночь темна, но путь мой светел, лишь боюсь дурного глаза.
Ты родник. Во мраке этом чьей живой водою станешь?

Ты уходишь. Дух мой тоже хочет прочь уйти от горя.
Болен Низами. Целебной ты кому травою станешь?

* * *

Месяц неполный прошел, ночи — лишь стража прошла.
Входит подруга моя; кубок она подала.

Дружески села она здесь, перед взором моим.
Страха в ней нет пред врагом; нет ей от ближнего зла.

На ледяное вино, на огневой поцелуй
Право имела душа; право, как честь, приняла.

Будто бы мед с молоком, с милой слился Низами.
К большему счастью лететь в мире не сыщешь крыла!

* * *

Так роза на щеках вина смеется,
Что вся душа вина до дна смеется.

И сад от смеха стал таким веселым,
Что и тюльпан в нем допоздна смеется.

И столько над собой рыдала туча,
Что аргаван, восстав от сна, смеется.

* * *

Ты рукой мне сжала сердце, жизнь влачу пустую я.
Жизнь моя к концу приходит, в верности тоскую я.

Всюду, где ты скорбь увидишь, мне ты сватаешь ее.
А тебе всегда желаю радость молодую я.

«А какой бальзам, спросила, нужен глазу твоему?»
Из-под ног твоих лишь только пыль хочу седую я.

Я одежду шью, мечтая о свидании с тобой.
На тебя надеть хотел бы ризу золотую я.

Долго ль жить еще ты будешь, проливая кровь мою?
О тебе по свету славу разношу благую я».

* * *

Друг, утешься. Судьба нам на помощь в печали приходит,
К опечаленным, друг, из неведомой дали приходит.

Хочешь вечного счастья — не спи, ночи в дни превращая.
Спящий — слеп. Счастье к спящим ночами едва ли приходит.

Ты — Хума — накорми воробьев, ты здоров — будь спокоен.
Врач к больному,— чтоб помощь ему оказали,— приходит.

От счастливого хмеля возлюбленных нищие пьяны.
Но черед отрезвленью — не ждали иль ждали — приходит.

Мухе — мед, а на пламени бабочке в муках метаться.
Вор крадет, а к айарам беда — не всегда ли — приходит?

Бой султанский прошел, и, как дождь, всюду — стрелы да стрелы.
Дождь к полям,— если стрелы жужжать перестали,— приходит.

О дворцах ты не думай: и псарь в час охоты там нужен,
Если время рядиться в доспехи из стали — приходит.

Низами, будь утешен. Ведь каждый по-своему счастлив:
К безработным работа, что долго искали, приходит.

* * *

Жить в заботе и невзгодах, расточая зло,— не стоит.
Тосковать и горько плакать,— пусть нам тяжело,— не стоит.

Мир со всем его богатством невелик: зерна он меньше.
Перед правдою неверной преклонять чело не стоит.

День заботливый,— он полон животворного сиянья.
Предрассветного тумана все его тепло не стоит.

Наша жизнь,— я слышал,— стоит меньше малого. Неправда.
Жизнь и этого — ничтожней что бы быть могло? — не стоит.

* * *

Где путь в кумирню? Где в мечеть пройти?
Подобным мне к ним не даны пути.

Гуляка я, в мечеть не захожу,
В кумирне тоже душу не спасти.

Но между ними все ж проложен путь.
О дорогие, как его найти?

РУБАИ

* * *

От очей моих влюбленных милая тайком ушла,
Не вняла моим стенаньям и, покинув дом, ушла.
Душу за полу хватало сердце бедное мое,
Но она, на них махнувши легким рукавом, ушла.

* * *

От меня ушла ты! Где же мне тебя искать, увы!
О тоске моей великой некому сказать, увы!
Знаю, что теперь до гроба не увижу я тебя.
Мне одно осталось: кровью очи омывать, увы!

* * *

Если буду плакать, кто бы мне в беде моей помог?
Если же крепиться буду, смертный час мой недалек.
Память о тебе лелея, день и ночь вздыхаю я.
От любовного томленья смертных огради, о рок!

* * *

Как в курильницах алоэ, наши души в нас горят,
Ужасом кровавой брани наш несчастный край объят.
К нам стремишься ли, не знаю, но от нас ты так далек!
Не вступаешься, хоть видишь, что идет на брата брат.

* * *

Дни свои влачить без друга — наигоршая из бед.
Жалости душа достойна, у которой друга нет.
Утешителя лишенный, проживи-ка, не скорбя,
Эти несколько коротких, купленных у рока лет!

* * *

Нет напитка лучше сока пьяных гроздий, мне поверь!
Слава лучшая кумирен в чистом их вине, поверь!
Мир земной — развалин груда: жизнь нам лучше провести
Под кабацким ветхим кровом в сладком полусне, поверь!

КАСЫДЫ

* * *

Царь царей в слаганье слов я, в нем я — только совершенство.
Небо, время и пространство чувствуют мое главенство.

Бубенец великой славы — отзвук моего дыханья.
И перо бежит по миру, словно стяг завоеванья.

Кей-кубадовой короны достигаю головою,
Поднялось мое величье над гурхановской парчою.

Словно звуки органона, слух моя газель ласкает.
Мысли тонкие сверкают, как вино благоухают.

Я в движенье звезд — основа, а они — второстепенность.
Я — сиянье небосвода, а не туч седая пена.

В барабан не бью без толку, а забью, так свадьба будет.
Я владык не славословлю, только песни слышат люди.

Я луна, но не приемлю на себя затмений черных.
Жемчуг я без белых пятен, я из жемчугов отборных.

Люди весело смеются, если это мне желанно,—
Как в день сбора винограда почки нежного рейхана.

Если б радость не лучилась из стихов моих — жемчужин,
Кто бы пил напиток магов? Никому б я не был нужен.

Не завистник я, поверь мне, жжет моей звезды сиянье,
Как Йемена светило, сына прелюбодеянья.

Разверни мой скромный свиток, дверь открой в касыду эту,
Стихолюбы всем в подарок понесут ее по свету.

Нет в ларце простой стекляшки, что ж я жемчуг рассыпаю?
Пуст кошель! Что ж рот жемчужной раковиной раскрываю?

Сердце, вера — все разбито, что же славы я взыскую?
Голова и ноги голы, что ж о вечности толкую?

Царь и государь! Прошу я, стань на путь щедрот со мною,
Чтоб не шел я больше рядом ни со злом, ни с мыслью злою.

Твой гарем — вот это сердце — скрой от зависти и мести.
Ангел с дьяволом ужиться никогда не смогут вместе.

Не гони меня от трона потому, что я ничтожен.
Лжи и слабости проклятой грех в меня природой вложен.

Ты прости меня, я грешен. Обласкай меня, помилуй,
Чтоб приниженность и слабость наконец сменились силой.

Все, что лишь движенью служит, сдует ветер, смоют реки.
Ты необходим для жизни — жизнь дана тебе навеки.

Сохрани ты это сердце — вот и счастье и награда.
Если ж этого не будет, мне и жить тогда не надо.

Будет Низами прощенье — вот его одно желанье.
Так ли грешен он? Опасно всем небес предначертанье.

Лишь по твоему веленью я смогу быть счастлив ныне.
А придет к концу дыханье,— приведи меня к кончине.

* * *

Увы, на этой лужайке, где согнут страстью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!

У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.

Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб —
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.

Мой мускус в белом мешочке рождался, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным — мешочек белый рожден.

Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.

Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.

Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.

Мой стан согнулся — и клонит к земле вершину мою,—
Затем что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.

Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежд.—
Затем что сердце кроваво и кровь упадает с вежд.

На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.

С горы, окованной снегом, вода свергается в дол,—
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.

Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов —
И я, упав, не оставлю, как тень, на земле следов.

Никто меня и не помнит,— затем что нет больше спл
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.

Мой стан изогнулся луком, как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа — и я укрылся за щит.

Увы! К зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали каменья, буря и град.

Растенье, плод свой осыпав, челом вздымается ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.

Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч —
Затем что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.

Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лицо умыл я слезами, сбираясь в последний путь.

Страдаю в убежище скорби — затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.

Моя последняя буква в последнем слове моем...

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд —
Пусть даже солнце с луною перед ним, как свечи, горят.

Жизнь прожил — что ж совершил я? Одни грехи
за спиной.
Затем-то я и согнулся, страшась расплаты людской.

Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня, —
На пире веселом века как выпью чашу огня?

Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?

Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.

Жизнь вышла со мной проститься — на росстань этого дня.
Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.

Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.

В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты дивом считай, что помню, какой проживаю год.

Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.

Как туча, слезы точу я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.

Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь, сгибаясь напрасно, я силюсь его найти.

Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.

Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук,—
Душой лукавило небо, чтоб вырвать юность из рук.

Из царства радости светлой звучит к веселью призыв —
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.

Плетясь за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.

Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой — небосвод.

Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки — святей достоинств моих.

Высоким светом познанья мечты мои зажжены —
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны.

В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком
простер.
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.

И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.

Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном аду,
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.

В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком — в аду я вспыхну потом.

Одно лишь слово ошибки — вот все, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.

Пускай слезой покаянья то слово сотру навек —
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?

В бесплодной тяжбе с судьбою — судьба всесильна, а я —
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.

И если выбросит искру костер страдальческий мой —
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

САБИР ТЕРМЕЗИ

таджикский поэт

? — убит в 1151 г.

* * *

Лишь в странствиях себя мы познаем —
Мы, как в тюрьму, заточены в свой дом:
Пока таится в раковине жемчуг,
Ему цены мы верной не найдем.

* * *

Ты к мыслям злым не обращай лица:
Позорит злое дело мудреца.

Замыслишь ты обиду для народа,
Так для себя плохого жди конца.

Кто служит ближним, принося им благо,
Дождется в жизни славного венца.

Твори добро, не будь жестокосердым,
Ведь ненависть — орудие глупца.

Не явно благодетельствуй, а тайно:
Претит душе бахвальство гордеца.

АБУ-ЛЬ-МАДЖД САНАИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
1070 — ок. 1140

ПРИТЧИ ИЗ ПОЭМЫ «САДЫ ИСТИН»

Ты слышал рассказ, уже ведомый миром,
Как женщина раз поступила с эмиром,

С покойным Ямином Махмудом самим,
Что был за щедроты по праву хвалим?

Так дерзостно было ее поведенье,
Что палец Махмуд прикусил в удивленье!

Наместник, в Баверде бесчинства творя,
Обидел вдовицу вдали от царя:

Ограбил старуху, без денег, без пищи
Оставил рыдать в разоренном жилище.

О том, как старуха пустилась в Газну,
Я ныне правдивую повесть начну.

Пришла она к шаху. Упав у порога,
Вдова призвала всемогущего бога —

В свидетели, как и жилье и тряпье —
Все отнял наместник, губитель ее.

И шах, восседавший на троне высоком,
На скорбную глянул сочувственным оком,

Сказал он: «Немедля ей грамоту дать,
Пусть в доме своем водворится опять!»

С напутственной грамотой мудрого шаха
Вдовица в Баверд возвратилась без страха.

Наместник, напрягши злокозненный ум,
Решил: «Поступлю я, как древле Судум.

Оставлю вдову без пожитков и крова,—
Уж, верно, в Газну не отправится снова!

Хоть в грамоте сказано: «Все ей вернуть»,—
Приказ обойти ухитрюсь как-нибудь».

Он знать не хотел ни аллаха, ни шаха,
Вдове не вернул он и горсточки праха.

Старуха же снова в Газну побрела.
Послушай, какие свершились дела:

Там шаху все снова она рассказала
И плакала горько средь тронного зала.

Злодея кляла и, смятенья полна,
У шаха защиты просила она.

Шах вымолвил: «Грамоту дать ей вторую!
Я правым всегда милосердье дарую».

Вдова же: «Носить надоело мне их,—
Правитель не слушает грамот твоих!»

Но шаховы уши тут сделались глухи,—
Не вник он в слова оскорбленной старухи.

Сказал он: «Дать грамоту — дело мое,—
Правитель обязан послушать ее.

Коль тот, в Абиварде нас слушать не хочет
И волю властителя дерзко порочит,—

Ну что же, кричи! Сыпь на голову прах!
Я толку не вижу в бессвязных речах!»

«Нет, шах мой! — старуха сказала сурово.—
Коль раб презирает властителя слово,

Не я буду сыпать на голову прах,
Пусть голову прахом осыплет мой шах.

Скорбеть и рыдать господину пристало,
Коль раб его слов не страшится нимало!»

И шах услыхал, что сказала вдова,
И сам осудил он свои же слова.

Сказал он вдове: «Мир да будет меж нами!
Правдивыми был я разгневан словами.

Поистине в прахе моя голова,
Права ты, старуха, стократно права!

Кто хочет быть первым в обширной державе,—
На дерзостных слуг полагаться не вправе!»

* * *

Весною поехал в охотничий стан
Махмуд — многославный забульский султан.

Старуха к нему обратилась несмело,—
От дыма лишений лицо почернело.

Свирепо насилье, жесток произвол!
Разорвано платье по самый подол.

Сказала: «Ты, царь, справедливостью славный,—
Так будь справедлив и к старухе бесправной».

Подъехал прогнать ее телохранитель,
Однако его отстранил повелитель.

Сказал, возвышаясь на белом коне:
«Поведай печаль свою, женщина, мне,

Султану даны справедливость и сила.
Скажи, чья рука тебе зло учинила».

Из глаз у вдовы, в ее горе глубоком,
Горючие слезы струились потоком.

И молвила старая: «Бедствую я,
Убого живу — помогают друзья.

Двух дочек имею да малого сына,
Отца их сгубила лихая година.

А голод не стерпишь, нужна и одежа,—
На нищенку вовсе я стала похожа.

Гну спину над пажитью в дни урожая,
Колосья пшеницы и проса сбирая.

Истаяла я от вседневных забот.
Не скажешь: старуха в довольстве живет.

Что ж гонишь меня, словно кара господня?
Ведь завтра наступит вослед за сегодня!

Доколь угнетать подчиненных своих!
Доколь отнимать достоянье у них!

Была целый месяц работать я рада
В саду богатея за горсть винограда.

Вчера, в день расплаты, с веселой душой
Взяла виноград заработанный свой.

Вдруг вижу — пять воинов ждут у дороги:
«Эй, стой!» Подкосились усталые ноги.

Один забирает весь мой виноград,
Рыдая, тяну я корзинку назад.

Другой, угрожая расправой короткой,
Чтоб я не кричала, стегнул меня плеткой,

Сказал: «Я султана Махмуда слуга!
Смирись и молчи, коли жизнь дорога.

Попробуй султана слезами растрогай!
Ступай, побирушка, своею дорогой!»

Пришлось ради жизни мне губы замкнуть.
Охоты твоей разузнала я путь.

Тебя здесь полдня ожидала я, стоя,—
И гневное сердце не знало покоя.

Теперь, когда знаешь про злобных людей,
Ты бойся горячей молитвы моей!

Коль мне, беззащитной, не дашь ты управы,
Пожалуюсь господу силы и славы!

Ведь стон угнетенного в утренний час
И стрел и кинжала острее для нас.

В час утра молитва и плач угнетенных,
Стенанья печальные крова лишенных

И тысяче воинов сломят хребты!
О, бойся насилья, слуга правоты!

Коль с бедной старухой поступишь неправо,
Тебе опостылит твоя же держава.

Другому ты царство отдашь под конец,
Другому наденут твой царский венец!

Пусть воин, о царь,— мой злодей и грабитель,—
В день Судный ответишь и ты, повелитель!»

Махмуд, потрясенный, поник недвижим,
И молча старуха стояла пред ним.

И молвил султан величавый, рыдая:
«На что нам и жизнь, и держава такая,

Коль женщине днем, на просжем пути,
Домой виноград не дают донести?

День Судный придет — за деяния эти,
Как всякий на свете, я буду в ответе.

Старуха окажется шаху врагом,—
Как встану из мертвых при грузе таком?

Отвергнув ее, обрету ли спасенье?
Не буду ль печален я в день воскресенья?»

Старухе сказал: «Подойди ко мне ближе!
Всего, что захочешь, проси! Говори же!»

Старуха в ответ: «Подари мне хоть клад,—
Обиды моей не возьмешь ты назад!

Правитель живет для закона и права,
Иначе на что нам такая держава!»

АВХАДАДДИН АНВАРИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

?—1191

* * *

О придворных поэтах речь мою разумей,—
Чтоб толпу лизоблюдов не считать за людей!

Ведай: мусорщик нужен в государстве любом,—
Бог тебя покарает, коль забудешь о том.

Если скопится мусор вкруг жилья твоего,—
То без носчика, брат мой, приберешь ли его?

Что, скажи, без Джафара может сделать Халид?
Ткач наткет на одежду, а портной смастерит!

А в поэте-рабе нет нужды никому,
И хозяйство вселенной не прибегнет к нему.

Коль тебе ради хлеба паниматься пришлось,
Так носи лучше мусор, а поэзию брось!

* * *

Влюбленный спросил меня: «Пишешь газели, как прежде писал?»
«О нет! — я ответил.— Не нужно мне больше хулы и похвал».

«Что так?» — он спросил. «Заблужденья ушли,— так я молвил в ответ.—
Тому, что ушло безвозвратно, возврата из прошлого нет.

Слагал я газели, касыды, сатиры писал без числа,
Затем что влюблен был, и алчен, и ненависть в сердце жила.

Один не заснет, не задремлет, все ночи гадает над тем,
За чей ему счет поживиться, где взять ему лишний дирхем;

Другой распростился с покоем, все дни размышляет о том,
Как сахарный рот возвеличить, как локон прославить стихом;

А третий, как пес одряхлевший, желает и ждет одного:
Чтоб враг ему в лапы попался, который слабее его.

От этих трех псов шелудивых избавь, милосердный господь,
Мою изнемогшую душу, мою полоненную плоть!

Газели, касыды, сатиры — навек позабыть их дозволь!
Доколь мне насиловать сердце, свой ум угнетать мне доколь?

Метанье словесного сора пристало ль мужам, Анвари?
Коль некогда слыл ты болтливым, тем строже уста затвори!

На путь благодатный спасенья ступи одинокой стопой,
Два-три мимолетных мгновенья — и кончится искус земной!»

ОТВЕТ ШАХУ НА ЕГО ПРИГЛАШЕНИЕ ЯВИТЬСЯ КО ДВОРУ

Есть у меня лачуга, и день и ночь она
Дарует мне отраду покоя, пищи, сна.

Такое мне в лачуге привольное житье,
Что негодует небо на бытие мое.

Над ней такое небо, что свод небесный весь
Лишь малая частица огней, горящих здесь.

Такой в ней мир прекрасный, что океан земной
Лишь отблеск сновидений, встающих предо мной.

Все, все, что есть в чертогах прославленных царей,
Вмещается в лачуге отверженной моей.

Излюбленная книга и рядом с ней сухарь —
Вот пир мой, вот мой ужин сегодня, как и встарь.

Полна до края чаша терпенья моего,
Взамен вина подолгу я тихо пью его.

Ласкательно скрипящий короткий мой калам —
И перстень свой, и цитру я за него отдам.

Мне роскоши не надо, гнетут меня шелка,
Хожу в суфийской хырке, душе она легка.

От лишнего, мирского оборони, господь!
Порабощает душу, отягощает плоть.

Мир-старец не прогонит наперекор уму
Высоких дум, нашедших приют в моем дому.

Назад с пути мирского путь преградил мне тот,
Кто для меня от века и пристань и оплот.

Все скажут: заблужденью предался я... Ну что ж?
В том истину я вижу, в чем люди видят ложь.

На службе падишаху — будь долог век его! —
Я быть уже не в силах, устал я от всего.

Хотя посланье шаха ласкает сердце мне,
Произенное тревогой, истлевшее в огне,—

У нищего ни речи, ни слов ответных нет:
Мой дом, мои лохмотья — вот лучший мой ответ!

* * *

Четыре есть приметы у доблестных людей.
Коль их в душе отыщешь, найдешь и доблесть в ней.

Одна зовется — щедрость. Когда разбогател,
Умей дарить без меры и в меру жить умей!

Вторая — дружелюбье. Друзей не обижай:
Друг — зеркало для друга, нет зеркала светлей!

Примета третья — строгость. Напрасно не злословь,
Чтоб не просить прощенья у совести своей.

Четвертая — умение прожить, не помня зла.
Просящему прощенья прощенье дай скорей!

ФАРИД-АД-ДИН АТТАР

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1119—?

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЯЗЫК ПТИЦ»

Некий город ждал владыку как-то раз,
Все богатства выставлял он напоказ.

Выбрал каждый подороже украшенья,
Выставлял их повиднее в знак почтенья.

Но у брошенных в темницу бедняков
Отыскались только цепи их оков,

Только головы казненных отыскались
Да сердца, что там от горя разрывались.

Взяли руки, что у них же отсекли,
И украсили темницу, как могли.

Город встретил шаха сказочным нарядом,
Шах на все вокруг смотрел спокойным взглядом.

Лишь темница всем внушала жуть и страх.
И пред ней остановился грозный шах.

Вызвал узников к себе он в восхищенье,
Дал им золота и обещал прощенье.

«Почему,— спросил советник,— ты свой путь
Здесь прервал, о государь? В чем тайны суть?

Город пышно убран шелком и парчою,
В нем сокровища повсюду пред тобою,

Падал под ноги тебе жемчужный град,
Веял мускуса и амбры аромат.

Но глядел на украшения ты мало,
И ничто из них тебя не привлекало.

Почему же взор высокий твой привлек
Вид кровавый этих рук, голов и ног?

Для чего ласкать в темнице заключенных,
На обрубки рук глядеть окровавленных?

Можно ль тут найти отраду для души?
Ты для нас загадку эту разреши».

Молвил шах: «Все остальные украшенья
Только детям доставляют развлеченья.

Каждый житель в ожидании похвал
Сам себя, свое богатство выставлял.

Город спрячет свой убор, хоть он и ярок.
Только узники мне сделали подарок:

Отделились эти головы от тел
Потому, что я проехать здесь хотел.

Моему здесь повинуются приказу —
Вот зачем я бег коня замедлил сразу.

Те блаженствуют, проводят в счастье дни,
И полны высокомерия они.

Здесь, в темнице, счастья, радости не знают,
Здесь под гнетом гнева шахского страдают.

Обезглавливают их, лишают рук,
От тоски им нет спасенья и от мук.

Ждут без цели, и конца не видно страху,
Из темницы могут выйти лишь на плаху.

Для меня темница эта, словно сад —
Здесь меня за муки верностью дарят...»

В путь собравшись, жди приказа к выступленью,
И не должен шах гнушаться тюрем тенью.

ОТРЫВКИ
ИЗ «БОЖЕСТВЕННОЙ КНИГИ»

* * *

Раз Нушпрвана вынес конь на луг.
Там старец был, согбенный, словно лук.

Сажал деревья он вблизи арыка.
«Ты бел, как молоко,— сказал владыка,–

Твой смертный час теперь уж недалек.
Сажать деревья — что тебе за прок?»

Старик сказал: «Не о себе забота.
Ведь посадил для нас деревья кто-то,

Сегодня с них снимаем мы плоды.
Другим я отдаю свои труды.

Ведь путь добра для душ достойных сладок,
Есть в каждом деле собственный порядок».

Пришелся шаху по душе ответ,
Дал старцу горсть он золотых монет.

Вскричал старик: «Я, деревца сажая,
От них не ждал так скоро урожая!

Восьмой десяток мне, великий шах.
Но погляди — деревья-то в плодах!

Хоть ни одно в земле не укрепилось,
А золота немало уродилось!»

Поправился царю мудрец седой,
Ему ту землю отдал он с водой.

Твори сегодня ты дела благие —
У лежебок поля стоят нагие.

* * *

Был сын у шаха тополя стройней,
Был лик его луной в силке кудрей.

Все люди красоте его дивились,
И взгляды всех сердец к нему стремились.

Он чудом был всех девяти небес,
Чудеснейшим из всех земных чудес.

Две брови, словно занавес айвана,
Скрывали вход в покой души султана.

Кто видел стрелы тонкие ресниц,
Пронзенный, падал перед ними ниц.

Два ряда ярких перлов прятал рот,
В уста рубины закрывали вход.

Как подпись шаха, волоски на коже
Влюбленных казни обрекали тоже.

А подбородок низвергал миры,
Мячом он для любовной был игры.

И сердце некой женщины любовью
Зажглось к красавцу, обливаясь кровью.

Спокойствия и счастья лишена,
Его увидеть жаждала она.

В жестоком пламени тоски сгорала,
И ложем ей зола отныне стала.

Звала того, кто сердце ей зажег,
Стенала, слез лила кровавый ток.

Когда он ехал в мяч играть порою,
Она кидалась вслед ему стрелою.

Летела пред конем быстрей мяча,
Как клюшки, косы по земле влача,

Глядела на него влюбленным взглядом,
Катились в пыль дороги слезы градом.

Хоть часто слуги плеть пускали в ход,
Ее от боли не кривился рот.

Все люди той несчастной удивлялись,
Над ней повсюду громко издевались,

Показывали пальцем ей вослед.
Но для любви подобной страха нет.

О ней давно твердила вся столица,
Царевич этим начал тяготиться.

Отцу сказал он: «До каких же пор
Мне от бесстыдницы сносить позор?»

Великий шах решил не медлить боле
И повелел: «Ее сведите в поле,

За косы привяжите к скакуну,
И пусть искупит тяжкую вину.

Когда земля порвет ей в клочья тело,
То люди позабудут это дело».

На поле для игры поехал шах,
Там собралась толпа людей в слезах.

От слез кровавых из-за той несчастной
Земля, как сад гранатный, стала красной.

Вот подвели к коню бедняжку ту,
Чтоб за волосы привязать к хвосту.

Тогда она к ногам склонилась шаха,
О милости моля его без страха:

«Коль решено мои окончить дни,
Последней просьбы ты не отклони!»

Сказал ей шах: «Коль просишь о прощенье,
Знай — непреклонен я в своем решенье.

Коль способ казни просишь изменить,
Знай — только так хочу тебя казнить.

Отсрочки ль просишь ты, полна боязни?
Знай — ни на миг не отложу я казни.

Иль чтоб царевич снизошел к тебе?
Знай — откажу я и в такой мольбе».

Она в ответ: «Мне не нужна пощада,
Великий царь, отсрочки мне не надо.

Просить не стану, государь благой,
Чтоб казни предал ты меня другой.

Коль, справедливый, дашь мне разрешенье,
То не о том услышишь ты моленье.

Сверши, о чем молю в свой смертный час!»
И шах сказал: «Ты слышала приказ.

О сказанном просить я запрещаю,
Все прочее исполнить обещаю».

«Коль в униженье,— молвила она,—
Конем я быть затоптана должна,

Я об одном молить тебя хотела —
Пусть конь его мое растопчет тело!

Возлюбленный пускай казнит меня,
Пусть вскачь погонит своего коня;

Коль он меня растопчет в униженье,
Я буду жить в моем к нему стремленье,

И в смерти буду счастлива стократ,
Огнем любви я вспыхну меж плеяд.

Я — женщина и сердцем не смела.
Мне кажется, уже я умерла.

Но все ж была я подданной твоею:
О жалости тебя молить я смею!»

Смягчился шах от горести такой.
Да что там! Слезы проливал рекой.

От этих слез пыль превратилась в глину.
Он женщину простил и отдал сыну.

Коль ты мне друг, рассказ мой, может быть,
Тебя научит, как должны любить.

АСИР-АД-ДИН АХСИКАТИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
1108/10—1196/98

* * *

Живу в разладе с милой,— о, аллах!
Сражен жестокой силой,— о, аллах!

В ее зрачки гляжу и отражаюсь,
Ничтожный и унылый,— о, аллах!

Спасаясь от греха, я — о, аллах! —
Сто раз твержу, вздыхая: «О, аллах!»

Она ж бесстрастна, словно от рожденья
Слепая и глухая — о, аллах!

Мне стала жизнь постылой,— о, аллах!
Судьба грозит могилой,— о, аллах!

Себя я предаю из-за того, что
Живу в разладе с милой,— о, аллах!

* * *

Привык я на пути своем добро из горя извлекать,
Ужасна хворь моя, но в ней сумел найти я благодать:

Страданьем новым каждый час меня дарить не забывай,
Тебе — занятие, а мне — вниманья твоего печать.

За каждой мукою я жду несчастий новых череду,
Так стоит ли, провидя боль, ее пытаться избежать?

Легко ль твердить мне, как хочу свершить желания свои?
Ты знаешь страсть мою, а мне — безжалостную дружбу
знать.

Ах, роза твоего лица мне драгоценнее души,
Не унижай — не торопись шипы свои в меня вонзать.

Вчера, безумен, опьянен, украл я дерзко поцелуй —
Теперь, опомнившись, хочу его значение понять.

Сплети оковы для меня из завитков твоих волос,
Дай мне прохладу губ твоих, чтоб зной безудержный унять.

О, позови меня: «Асир!» Ведь в строках, отданных тебе,
Сокровища Ираков двух задаром можешь ты собрать.

* * *

Прекрасно с миром в мире быть по милости творца
И просветленным уходить из твоего дворца.

Я так усерден в мастерстве высокое хвалить,
Что разум жемчуг у меня научится сверлить.

Я — раб, я замер у дверей: «Какой отдашь приказ?»
«Повелеваем говорить лишь истину о нас».

Что толку в якоре, когда он легок и, волной
Подхваченный, приговорен качаться, как хмельной?

Чтоб дело важное свершить, в его проникнув суть,
Прими условие одно: немногословен будь.

* * *

Зачем врачи, когда у них лекарства не найти?
Зачем дороги, если нет товарища в пути?

Я знаю, что в душе живет всемилостивый бог,—
О, если б где живет душа, я отыскать бы смог!

Рассудок это? Что ж тогда безумия ладья?
Душа ли это? Кто ж тогда любимая моя?

Кто ищет бога, не твердит с неверным заодно:
— А разве зубы нам нужны, когда мы пьем вино?

Какое снадобье принять? Попробуй назови...
Где добрый дом того врача, что лечит от любви?

Асир! Не плачь и не скорби — все, зоркий, видит он
И знает, каково тому, кто яростно влюблен.

* * *

С тех пор, о господи, как мир ты справедливости учил,
Он никогда б не должен был творить недобрые дела;

Поставил стражем ты судьбу, чтоб справедливость охранять,—
Залогом верности тебе была всеобщая хвала.

Но диво ли, что страж меня не любит так, как я его?
Ведь испокон веков судьба к поэтам доброй не была.

РУБАИ

*

Твоих кудрей лишен я — вот беда,
От жара в сердце — на глазах вода,
Как жить мне, если сладостное счастье
Лишь в сновиденьях вижу иногда!

*

Как злом твоим душа моя полна!
Как нож твой чует тела глубина!
И стона, небывалого в подлунном,
К устам из сердца хлынула волна...

*

Если я в моей отваге дива убедить смогу,
Если благочестьем зависть в пери пробудить смогу,
Вот тогда до самой смерти, над обманутым смеясь,
Я о хитрости великой с гордостью твердить смогу.

САЙФИ ИСФАРАНГИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

Конец XII — начало XIII века

Нынче к ночи — вода от запруды иной,
Нынче к ночи — вино из посуды иной,

Хочет друг расплескать драгоценную страсть,
Ветер веет — и запах повсюду иной.

Сердце жаждет добраться до Мекки мечты,—
Только путь предначертан верблюду иной.

Я в квартал нареканий напрасных вошел —
И вести разговор я не буду иной.

Грех мой только в страданьях и в муках моих,
Замутилась вода — не добуду иной.

Нам друзья наши радость приносят, но вновь
Каждый ищет другого — причуды иной.

Если в медном тазу мы увидим себя
Искаженными — просим посуды иной.

Все одежды похожи на свадьбе, в толпе,
Только дервиша плащ, словно чудо, иной.

Для желанья, для страсти отвергнутой есть
Площадь скорби — и нету покуда иной.

У любимой, поклявшейся верною быть,
В каждом месте любовник для блуда иной.

Твой рассудок, как птица, в силках ее кос,
Аромат не надежды оттуда — иной!

* * *

Нет любимых, и в мире сближения нет,
Лиц желанных нигде отражения нет,

Караван на заре поднялся, но, увы,
Если спутника нет, то движения нет.

Мимо мудрых пройдет совершенство твое,
И заслугам твоим сбережения нет.

Ты захочешь составить страстей гороскоп,
Только в утренний час звезд кружения нет.

Так сложились сегодня вселенной дела,
Что и в чаше — скорбей постижения нет.

Нрав на нрав не похож, и не сходны сердца,
Даже у янтаря притяжения нет.

Стала медь не в цене, оттого что теперь
К серебру чистоты — уважения нет.

Гнет грозится, но тверд справедливый судья —
Перед властью и злом унижения нет.

Если путники силу теряют в пути,
Значит, у вожаков положения нет,

И надежда бесплодна — у бедных мужей
Есть желанье, но силы вторжения нет.

Отразило стекло грех вселенский, и нам
Остается вздыхать — утешения нет.

* * *

Мир не трогай — свершенья из мира ушли,
От больных продавцы эликсира ушли,

Лавку жизни закрой и сверни свой ковер —
Ведь давно знатоки кашемира ушли.

Нет под масками верных; открывшие лик
Дали верности знак — и с турнира ушли.

Пробудиться не в силах рассудок хмельной,
А кто трезв и разумен, те с пира ушли.

Если ты остаешься — страдай и терпи,
Те, кто больше страдал, под секиры ушли.

Нет согбенных, отмеченных силой ума,—
Всех осмысленных слов ювелиры ушли.

Лью на сердце бальзам утешений, молюсь,
Чтобы слов драгоценных транжиры ушли.

Из-за змей недомолвок, Заххаковых змей
Кости слов, а не только сапфиры ушли.

Тщетно, праведник, молишь о правде,— беги!
Все живые от гнета кумира ушли.

Замолчи, попугай. Времена мудрецов,
Разговоров часы в тьму эфира ушли.

Нож напрасно ищу я — на этой земле
Все ножи, как по знаку факира, ушли!

* * *

Сад любви — в нем святыни цветка не найти,
Жизни жар — в нем души огонька не найти,

Не найти содержанья и смысла в словах,
Как в пустыне нагой ветерка не найти.

В битве жизни цари стали прахом — и вот
Животворной воды ни глотка не найти.

Алчность кружит умы, и лекарства ни в чем,
Кроме слова мессии, пока не найти.

Перлы светлые есть на шнурке бытия,
Но цены им — она высока! — не найти.

Блеска многие ищут владыке вослед,
Но в пустыне тоски вожака не найти.

Мир в узлах наставлений благих, но того,
Кто разведал секрет узелка, не найти.

Ищем келью себе, только время не то:
Для раздумий нигде уголка не найти.

Не ищите защиты от гнева небес —
Ласки в битве со львом у клыка не найти;

Не ищите защиты от чар колдуна —
Ведь от яда гюрзы молока не найти.

Если правды в суде ты искать захотел,
То свидетеля наверняка не найти.

От отравы в крови без вина для души
Нам спасенья — порукой века! — не найти.

* * *

Я сгорел на огне устремлений своих,
Опечатал я дверь размышлений своих,

И глядел на укрытый от мира приют
Я в начале дороги сомнений своих.

Миновала весна моей жизни, и я
Отошел от жилья наслаждений своих;

В непогоду, без друга, влачусь я один,
Как свеча, среди ночи мучений своих.

Прожил годы, не зная ночной темноты,—
Жил при свете луны озарений своих.

Туча жемчуг роняет, старея, а я
Перлы смысла сбираю для бдений своих.

Был я светом, открывшим предметов черты,
Изобильным — в награду молений своих;

Был горящим в тумане светильником я,
Сокращающим масло мгновений своих;

Но стихами и прозой — трудами годов
Я умножил года поколений своих,

И друзья, облегчив мою душу, меня
Оплатили ценой восхвалений своих.

А когда я возжаждал следов правоты,
В безъязыкое время томлений своих,—

То влюбленные дали мне дружбы вино —
С ним я смешивал мед песнопений своих.

Мой калам музыкантов «хосровский напев»
Подарил из ларца сочинений своих.

Так довольна ли тень твоя, о Утарид,
Благосклонна ль к итогу свершений своих?

* * *

Пью я воду живую из моря стихов,
Равный Хызру, спасаю ее от оков;

Я, по воле небес,— справедливый судья
Там, где птицы, стихи и полет облаков;

Постигаю рассудком явленья, и мне
Воля неба видна, как узоры горшков;

Я — как птица: чем более я устаю,
Тем я выше парю — мой обычай таков;

И пока для людей я — посев, хлопочу,
Чтоб вода увлажняла дороги ростков;

Мое сердце — как страж, сон страны стерегу,
Чтоб врасплох не застал нас налет степняков;

Рядом с Ноем-отцом я блаженство вкушу,
Если будет близка добродетель веков;

Саблю памяти в пламя вложу, чтоб душа
Обрела бы закалку дамасских клинков;

Где бы тени красавиц ни вычертил свет,
Я, увидев, запомню душою зрачков;

Никогда меня с места не сдвинет молва,
Как солому гнилую — толчки каблуков.

* * *

Я в союзе с любовью, всегда молодой,
Потому что рожден под счастливой звездой;

Взор духовный проник в потаенность души,
Знаньем полон тростник, как источник — водой;

В долгой жизни моей милость неба на мне,
Как владыка, блюду башни веры святой.

Пробным камнем живу: я могу отличить
Драгоценный металл от породы пустой;

А звезда Утарид от печалей хранит,
Чудо женских одежд не грозит мне бедой;

Двуязычность людей — словно жало у змей,—
Я, как рыба, от них защищен глухотой.

Для скитальцев, бредущих у чванных домов,
Я — вожак, ибо я обручен с беднотой;

Для невежд — я осел, а для сведущих — царь,
Потому что стихи поверял красотой.

Я довольствуюсь костью во время нужды —
Птица счастья Хумá одаряет едой;

Но нетленность порой отдаю за тщету —
За серебряный грош отдаю золотой.

* * *

С духом праведных не было б речи одной,
Если б вера в Али не сдружилась со мной;

Ветер веры знаком, славословил его
На просторах несчастий скитавшийся Ной.

Розы радости топчут ослы — из-за них
Я скорблю, как дитя на земле неродной.

Много ль проку ишана с поэтом равнять?
Я подобен воде, умаляющей зной.

Есть стихи, словно лодки на высохшем дне,—
А меня в океане качает волной;

Вот стихов эликсир! Но случается так,
Что проходят стихи от людей стороной...

Над останками брата я горько рыдал,
Он в груди, этот прах, как за дверью стальной,

И от крови моей, что течет из очей,
Над могилой тюльпаны восстанут стеной.

Утарида сиянье легло на стихи,
Я — глаза Наблюдателя жизни земной,

А для мира всего, чтобы копии снять,
У поэта хватило бы скорби дневной...

Лозы праведных душ возлелей, о поэт!
Ты во все времена — плод лозы под луной.

САЙФИ ФАРГОНИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
XIII век

* * *

Сахар пользы в солонке тщеты не найдем,
В наше время нигде доброты не найдем,

Ложь, насилье и подлость повсюду царят,
Справедливости и простоты не найдем.

Псы в обличье людей переполнили мир,—
Неподдельной людской красоты не найдем,

Если исподволь люди кусают, как псы,—
Чабанов и волков прямоты не найдем.

Упованье томит, как сердечная боль,
Мы в душе равновесья цветы не найдем.

Милосердными сильные мира слывут,—
Но у вас милосердья черты не найдем,

Щедрость — признак величья; от ваших щедрот
И лепешки мы для сироты не найдем,

Если мы о покое дерзаем мечтать —
То при вас воплощенья мечты не найдем,

Кроме горькой услады остаться людьми —
Ничего среди вас, о скоты, не найдем!

Мы души не найдем у живых мертвецов,
У скупцов заваляшей еды не найдем.

Это род кислолицых — добра и не жди!
В этих тучах дождя чистоты не найдем.

На распутье дорог ничего из еды,
Кроме горестей и маеты — не найдем.

Стол накрыт — не грусти, что из блюд ни одно
Мы без горечи и кислоты не найдем.

Как от боли, умрем мы от этих людей,
Но лекарства от нашей беды не найдем.

О Сайфи, повтори напоследок, что мы
Сахар пользы в солонке тщеты не найдем.

КАСЫДА

Жизнь ты прожил в безделье, не зная о скорби людей,
Завершенья дела твои ждут до скончания дней.

Каждый час твоей жизни приближает начало конца,
Но по жизни влачишься, не видя достойного в ней.

Ты лисою петляешь меж сильными мира сего,
Ты собачину жрешь — и не знаешь добычи вкусней.

Там, где скатерть насильник расстелет, ты кошкою ждешь,—
Не узнать насыщенья натуре собачьей твоей.

Нет ужаснее кары тебе, если съеден твой хлеб;
С благодетелем трапезу делишь ты — мясо свиней!

В серебре ты находишь лишь пользу для собственных дел,
Но от дел твоих черных и золото станет черней!

Сладострастным павлином взираешь на мир, но, увы,
Под лучами красавицы грязь твоя станет видней.

Дорогими одеждами красишь ты тело свое,
Но бесплодны старанья, чтоб черное стало красней...

...Слушай, воин-султан! Ты, как знамя, над царством паришь,
Но в сраженье жестоком попробуй врагов одолей!

Запылился твой меч, бесполезною ношею стал;
Быть покорным судьбе не пристало владыке царей.

Меч твой жадным серпом не рубил у неверных голов,
Твоя палица ждет, чтобы час ее пробил скорей.

Превосходно ты правишь страною, подвластной тебе:
Тот над миром взойдет, кто тебя славословит сильней.

Прояви доброту к бесприютным сиротам своим —
Сделай жемчуг из слез — не найти жемчугов солоней.

Твой слуга, что глупее ослицы,— безверия сын,
Сжалось сердце народа, ведь бремени нет тяжелей.

Он способен лишь хворост подбрасывать в жадный огонь,
Пламенеет костер — неминуема гибель людей!

Твой наместник безмозглый отмечен вниманьем твоим,
В ад пойдете вы вместе, и муки не будет страшней.

Ты позорное дело вершишь, попирая народ,
В той стране, где живешь, не найти безопасных путей;

Если сам не боишься, не страшен насильнику ты,
И тебе ль проливать на страну правосудья елей?!

Ты охотник, о визир, загнавший добычу в степи,
Фараон, ты гордишься богатством своим, как Корей.

Хлеб у бедных отняв, как собака, ты злобно рычишь,
Не напиться тебе, хоть до дна весь источник испей.

Для волов твоих носят зерно и солому в твой дом,
Обобрав бедняков, твои слуги: бери и владей.

Деспотия твоя — над страной вредоносная пыль;
Нужен дождь, чтоб прибить эту пыль, но не стало дождей.

Визир злой! Чтоб у шаха в диване вопросы решать,
Ум и хитрость важны, и тебя не встречал я умней.

Не видала страна еще в бедности худшего дня,
Ты дрожишь за богатство свое, ты скупого скупей.

Стал змеею в руках твоих ловких покорный калам,
Сам погибнешь от яда чернил — порождения змей!

Вьется черной змеею в диване твоя голова,
И рассыпался в страхе народ, словно стая мышей.

Ты безверия сын и безверие — вера твоя,
Делать подлость тайком — то не казия хитрость,— хитрей!

Не утешится сердце несчастного словом твоим,
Коль жена у соседа, не жить в безопасности ей.

И такую газель никогда не напишет Сайфи,
Чтоб звучала мелодией славы жестокой твоей.

ГАЛИ

ТАТАРСКИЙ ПОЭТ

Конец XII — начало XIII века

ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА

Отрывок из поэмы

ОТВЕТ ЗУЛЕЙХИ ЖЕНЩИНАМ ЕГИПТА

Египет услыхал о муках Зулейхи.
Тут заработали у женщин языки!
Смеясь над Зулейхой, надменны и резки,
Болтают сплетницы о ней кругом теперь:

«Подумать — Зулейха любви к рабу полна!
Не покорился раб — она посрамлена.
Правитель все узнал, он видит, что она
Бежит за собственным своим рабом теперь!»

Узнала Зулейха, о чем шипят тайком,
И пир устроила, чтоб кончить с тайным злом.
За убранным столом — четыреста числом —
Расселись женщины, войдя к ней в дом теперь.

Руками Зулейхи Юсуф был наряжен,
Причесан был Юсуф прекраснейшей из жен,
И с блюдом золотым, сластями нагружен,
Он к пышному столу шел прямиком теперь.

Там каждой женщине, присевшей на диван,
Был померанец дан, и острый ножик дан,
Чтобы разрезать плод...— То был коварный план! —
И вот предстал Юсуф пред их лицом теперь.

Юсуфа красота сразила всех тотчас!
Не сводят женщины с раба горящих глаз,
Не плод, а пальцы рук, на месяц заглядясь,
Кромсает каждая своим ножом теперь!

Юсуф, один Юсуф приковывает взгляд.
Налюбоваться им все женщины хотят,
Не чувствуют они, что раны кровь струят,—
Нет, не молол никто уж языком теперь.

Сказала Зулейха: «Видали корень мук?
Узнали, почему я стала сохнуть вдруг?
Взглянули только раз, и пальцы ваших рук
Вы режете? И в вас ударил гром теперь?

Взглянули вы лишь раз, а я гляжу семь лет!
Юсуфа все сильней люблю я, он — мой свет.
Но я измучилась, и сил уж больше нет,
Терпенье исчерпав, мечтать о нем теперь...

Теперь вы знаете, как мой недуг возник?
Ведь юноша светлей зари! Его язык
Как песня соловья! Кто видит этот лик —
Душой пожертвует, не чувствуя потерь...»

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1230—1293

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

2

Язык для речи служит нам: речь праведных — что злата звон;
Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоен.
И у кого два языка: один — колюч, другой — червлен,
Становится сродни змее, и всеми ненавидим он.

3

Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет.
Шел к небу караван, и я, сложив грехи, пошел вослед.
Но ангел мой, представ, сказал: «Куда идешь ты, дай ответ!
В раю для тех, кто предстает с подобным грузом, места нет!»

4

Так говорили мне цари, и каждый так мудрец твердит:
«До самой смерти человек с алчбой глаза на все стремит,
И, лишь когда во гробе он и прахом взор его покрыт,
Раскаявшись, он говорит: «Довольно этого! Я сыт!»

5

Кто умен, тот с морем схож:
Лей ушатами — все вместит;
На бурдюк дурак похож:
Лишний ковш — и уж трещит.

6

О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!
Ты душу вольную отверг и, низкий раб своих страстей,
Пируешь за столом греха, смешав часы ночей и дней,
Глотаешь все, что б ни нашел, жир набирая для червей.

ОВАНЕС И АША

Что такое со мной случилось,
Что за тьма надо мной сгустилась?
Был я сталью, сталь искрошилась.
Был скалой, скала обвалилась.

Грудь колыша, стан изгибая,
Шла красавица молодая.
Повстречала меня — обернулась,
Увидала меня, встрепенулась.

Я с субботы на воскресенье
Шел из верхнего храма в селенье,
Нес кадило с пахучим ладаном,—
Ты меня ослепила негаданно.

Шел, шептал я псалом Давидов,
Задрожал я, тебя увидев.
Чуть заметно ты двинула бровью,
Я — осекся на полуслове.

Я увидел тебя — отвернулся,
Но ты бросила яблоко спелое.
Я рванулся к нему, нагнулся,
Поднял яблоко красно-белое.

Я живу по Христову завету,
Мусульманин родитель твой.
Что же значит яблоко это,
Наземь брошенное тобой?

Ты сказала мне: «Семя гяура,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что отец твой священник,
Мой отец мулла и кади.
Все забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмешь ты меня к груди».

Молит господа мать Ованеса,
Пусть изгонят из сына беса,
Жжет она восковые свечи,
Шепчет в церкви такие речи:

— Пойте, дьяконы: «Бог, помилуй!»
Может, сын опомнится милый.
Возгласите, отцы, аллилуйю,
Жизнь спасите его молодую!
Он не знает божьего страха,
Повторяет лишь имя аллаха,
В прегрешеньях своих не кается.
«Нет спасенья мне!» — убивается.

— Отступись, мой сыночек, сдайся.
Повинись, помолись, покайся!
Проповедник во храме божьем
Грех клянет твой, простить не может!

— Мать моя, я, твой сын и наследник,
Говорю, что не прав проповедник,—
Если раз на Ашу он глянет,
Сам, как я, он безумным станет.

— Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся.
Слышишь, мать твоя плачет, старуха.
Неужель твое сердце глухо?

— Мать моя, я твой раб до могилы,
Ты вскормила меня, взрастила.
Но не жди, чтоб я отступился,
От любви мой ум помутился!

— Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя, любимого сына,
Присмотрю я дочь армянина.
Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя невеста найдется,
Что над верой твоей не смеется!

— Примирись ты, о мать дорогая,
Не гневись ты, меня ругая.
Тонок стан у Аши невинной,
Звонок голос ее соловьиный.

...А Аша пред отцом стояла,
Слезы горькие утирала.
Бил ее и корил кади:
С армянином, мол, не ходи!

...Ованес нашел ее вскоре.
— Ты, Аша, облегчи мое горе!
Я, стеная, в горах блуждаю,
Как свеча восковая таю.

Говорит Аша:
— Все на свете
Я отдам, но, чтоб быть с тобой,
Ты три раза вокруг мечети,
Взяв кольцо, обойди с муллой.
Примешь веру моих собратьев,
Станешь ханом в моих объятьях!

— Нет, Аша, хоть в твоей я власти,
Нам не будет с тобою счастья.
Я, исполнив твое пожеланье,
Обреку и тебя на страданье!

Лучше ты от своих законов
Отступись, Аша, а потом
Восемь выучи наших канонов
И псалмы в Писанье святом,—
То, что, грешный, я сам позабыл
В час, когда тебя полюбил!

— Ростом малый, умом великий,
Будь моим, Ованес, владыкой.
Поведи меня, молодую,
В день пресветлый в церковь святую!
Я, твоей подчинившись вере,
Не разувшись, открою двери,
И священник во храме божьем
Пусть венец на меня возложит!

ФРИК

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XIII — начало XIV века

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Гей ты, судьба! Нам изменив, ты нас свергаешь с высоты;
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблющийся мир на склоне скользком держишь ты.
Подставив меру зла, твердишь: «Сыпь все заботы и мечты!»

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом,
Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты не права, судьба!» — и смех услышишь без конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон;
Всех обделил он, и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется ось времен,
Ударишь ты,— и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, колесо, тебе — ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь в пепл и в прах, лишишь честей, короны и всего.

Лишь исподлобья взглянув, судьба хребет свой повернет.
Что тут бумага, что перо иль даже всадников сто сот!
Все терпят: от пинков судьбы и царь спины не сбережет.
Не сдержишь стрелами себя — и полетишь на дно с высот!

Судья неправедный! Зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор и плут.
Ошибки чаще ты творишь, судьба, чем на земле весь люд;
Ты землю, море, небо — все заворожаешь в пять минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый головой поник,
И что кругом ты не права, какой не вымолвит язык?
Но, слышу, мне судьба в ответ: «Не лай, как пес, пустой старик.
С тех пор как я — судьба, никто еще не лгал, как этот Фрик!»

Моя судьба, меня ты бьешь, ты — мой неправедный судья,
Но вспомни, что от бога все, и власть — его, а не моя!
Судьба еще: «Величит бог как бедняка, так и царя,
Хоть я — судьба, но вот тебе дать ничего не вправе я!

Бог повелит — ты будешь царь, я посажу тебя в чертог;
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль дорог».
Судьба, я замолкаю: все прекрасно, что дозволил бог;
По нашим по грехам, порой — всевышний к нам создатель строг.

СЕРДЦЕ МОЕ, ОТЧЕГО ТЫ ЗАБИЛОСЬ?

Сердце мое, отчего ты забилось?
Быстрая мысль, ты куда устремилась?
Что ты, слеза, по щеке покатилась.
Память, а ты почему замутилась?

Много грешил, суесловил я много,
Я отдалился от господа бога.
Ныне меня посетила тревога,
Ангел святой поманил меня строго.

Все, что святыней считал я когда-то,
Нищему духом давно уж не свято.
Сделал замки и воздвиг я палаты,
Скрыл в сундуки я каменья и злато.

Грешник с посыпанной пеплом главою,
Что ты дрожишь над несметной казною?
И богачи, поглощенные тьмою,
Много ли взяли из мира с собою?..

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Цветок любви чудесный этот
Растет не в дальней стороне,
Он зацветает вешним цветом
Внутри людей, а не вовне.

Он любящим приносит благо,
Он указует им пути.
Исполнись львиною отвагой
И тот цветок в себе взрасти!

Ты силам темным на потребу
Не пребывай в греховном сне.
Но, устремляя очи к небу,
Покайся, Фрик, в своей вине.

Страшись страстей, что правят нами,
Помысли о грядущем дне
И плачь кровавыми слезами,
Чтоб в вечном не гореть огне.

К БОГАТЫМ

Вином грешите, ложью
В кругу распутных жен.
Вам слаще слова божья
Греховных песен звон.

Но близится расплата,—
Суд страшный, трубный глас,
Прислужники разврата,
Что ожидает вас?!

На нищих вы кричите
И гоните их вон,
Вы бедняка браните
За то, что беден он.

Но бог поднимет руку
И спросит в судный час:
«Чтоб облегчить мне муку,
Кто пострадал из вас?»

Как Лазарь, я в бессилье
Лежал у ваших врат,
Но вы пройти спешили
И отводили взгляд.

Дарили вы презреньем
Всех тех, кто обделен,
Но в огненной геенне
Конец ваш предрешен.

На муку вас осудят,
За пурпур, за виссон.
Последний нищий будет
Скорей, чем вы, спасен!

В роскошестве излишнем
Забыли вы закон:
Кто яму роет ближним —
В ней будет погребен.

Пред матерью пречистой
Покайтесь до конца,
Своей молитвой истой
Смягчите гнев творца.

Заступница поможет
И сына в судный час
Умилостивить может,
Чтоб вас простил и спас.

Молите всеблагого,
Чтоб отпустил вину.
Мое услышьте слово —
Нельзя вверяться сну!

Покайтесь же в моленье
И смойте поскорей
Слезами искупленья
Грехи души своей.

Чтоб сыновьями ада
Вам, богачам, не быть,
Раскаяться вам надо
И господа молить.

Чтоб пищею дракона
По смерти вам не стать,
Господнего закона
Примите благодать.

Из вас постигнет каждый,
Что в мире все тщета,
Переступив однажды
Последние врата.

Зачем же о богатых
Ты так печешься, Фрик?
Ведь нищий сам, ты златом
Не полнишь свой тайник.

Нет у тебя ни крова,
Ни тех, кого любил.
Богатства никакого
Ты здесь не накопил.

Ты прожил век, и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришел.

И все ж, когда голодным
Руки ты не простер,
Ты древом был бесплодным,
Пригодным лишь в костер.

Что черно здесь, что бело,
Постичь лишь ныне смог,
Когда расстаться с телом
Душе приходит срок.

Отвергни, Фрик, беспечность
Земного бытия,
Обресть старайся вечность —
Там родина твоя.

При жизни совершайте
Лишь добрые дела.
Вовек не пожелайте
Себе подобным зла.

Наградою двоякой
Добро нам воздает.
В известном мире благо,
Здесь — славу и почет.

Духовный слух добавьте
К земному, чтобы внять
Великой божьей правде,
Чтоб господа познать.

Сей мир — не достоянье.
Я сам себя пытал:
«Достойные деянья
Ты часто ль совершал?»

Здесь помощи просите
Лишь у небесных сил,
Чтоб сжалился спаситель
И нам грехи простил.

И ныне покаяньем
Свой просветлите взор
И добрые деянья
Творите с этих пор.

Вас одарить мне нечем,
Но каждый, кто умен,
Моей да внемлет речи
И будет просветлен.

А люди, у которых
Пустая голова,
Пусть почитают вздором
Разумные слова.

XIV—XVII ВЕКА

КОНСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
Ок. 1250 — начало XIV века

ОТРЫВОК

Как розы стройный куст, возник
Передо мной прекрасный лик.
Вовек ни отрок, ни старик
Красы подобной не постиг.

Весь день свою любовь таю
И, где она, разузнаю!
Чуть вспомню, снова слезы лью:
Похитил душу кто мою!

Лишь аромат тот разлился,
Как потерял свой разум я;
Огня влилась в меня струя,
Лишь увидал, что видел, я.

Как полная луна, светла,
Раскинув косы вкруг чела,
Она меня лучом прожгла,
Как многих уж с ума свела.

Каменьев драгоценный ряд
К ее грудям был никнуть рад,
Ее благоуханный взгляд
Был розами расцветший сад.

Не жаждать я ее не мог:
Так жаждет свежих роз листок,
Так жаждем, в первый вешний срок,
Чтоб с юга дунул ветерок.

Я в основанье сокрушен;
Что было жизнью — стало сон;
Печаль — отныне мой закон,
Души тоска и сердца стон.

ВЕСНА

Веселье вкруг нас и веселье вдали,
Нам ветры веселую песнь принесли.
Великая благость господня — внемли! —
Сегодня нисходит с небес до земли.

Лежала земля и мрачна, и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темным вертепом тюрьмы,
Но снова вернулась весна на холмы
И всех нас выводит на волю из тьмы!
Вновь солнце на небе увидели мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождает все вещи одну за другой,
Их кормит, и поит, питает собой...
Вот вновь она блещет своей красотой.

Дохнул ветерком запевающим Юг,
Из мира исчезли все горести вдруг,
Нет места, где мог бы гнездиться недуг,
И все переполнено счастьем вокруг.

Тихонько гремя над землей свысока,
Под сводом лазурным плывут облака,
И падает вдруг водяная река,
Луга затопив, широка, глубока.

Мир весело праздновать свадьбу готов:
Веселье во всем для плодовых дерев,
Цветами всех красок и разных родов
Раскрашены дали полей и лугов.

На море влюбленном — опененный вал,
И гад, между волн, веселясь, заплясал;
Ключи, зазвенев, побежали из скал,
И быстрый поток по камням засверкал.

А реки, сбегая с возвышенных гор,
Гудят, как могучий, торжественный хор;
Прорезав долины цветущий ковер,
Стремятся в морской, им любезный, простор.

Спускаются телки и козы к ручьям,
Играют и скачут по свежим цветам;
И звери, что крылись зимой по лесам,
Сбегаются, рады свободным полям.

Слетаются птицы, поют над гнездом;
Вот ласточка нежно щебечет псалом;
Вот — луга певец, улетевший тайком,
Приветствует день в далеке голубом.

Зверям и скотам так приятно играть,
И множиться в мире, и мир наполнять;
Сзывает птенцов легкокрылая мать,
Их учит на крыльях некрепких летать.

И также цветы образуют гряду
В больших цветниках и в плодовом саду;
Другие вошли покачаться в пруду,
И облик их бледный похож на звезду.

Но вот наконец прилетел соловей,
Чтоб петь возрождение в песне своей;
Он строит шатер из зеленых ветвей,
Чтоб алая роза зажглась поскорей.

БОРЬБА ПЛОТИ И ДУХА

Ты Константину свой завет с духовных дал высот;
Как будто понял я; теперь отвечу в свой черед:
Твой суд суровый на меня еще да не падет,—
Я слаб, не мог бы я снести столь тяжкой ноши гнет.

Мой дух ученья мудрецов, как истину, блюдет,
Но телом я в плотском плену — оно земным живет,
Меж двух огней моя свеча,— и тот и этот жжет;
Опоры мыслям нет моим, они идут вразброд.

Меня всех четырех стихий стремит круговорот:
Огонь меня возносит ввысь, земля к себе влечет,
То угасает пламень мой под влажной пылью вод,
То ветра мощного струя его опять взметет.

Две воли властвуют во мне, я раб у двух господ,
Не остается невредим, кто пламя обоймет.
Скажи, кто по морским волнам стопами перейдет
И чья могучая рука задержит ветра ход?

И в назидание себе я молвлю наперед,
Затем что всех моих грехов я знаю полный счет:
Как с братом, говорить с тобой мне, слабому, нейдет,
Мне лучше в прах упасть лицом, чтобы топтал народ.

Я много пролил жарких слез, и много слышал тот,
Кто с нежной лаской врачевал недуг моих забот,
Затем что много от людей я выстрадал невзгод,
И в ранах сердце у меня, и боль мне душу жжет.

Я валом окружил себя, был грозен мой оплот,
И на меня восстал весь мир и двинулся в поход;
Вот безоружен я и наг средь бранных непогод,
Со всех сторон меня разит незримых стрел полет.

Иные говорят: «Глупец и мрачный сумасброд».
Другие вторят им: «Тот прав, кто кровь его прольет».
А я отвечу: «Константин, пускай шумит народ;
Не верь другим и не ищи в отчаянье исход».

СЛОВО НА ЧАС ПЕЧАЛИ, НАПИСАННОЕ О БРАТЬЯХ, ОБИДЕВШИХ МЕНЯ

О, доколь, сердцем скорбя, тяжко вздыхать наедине
И всегда, день ото дня, грусть и печаль ведать одне!
Незнаком душе покой, и не придет радость ко мне,
Чтоб хоть миг вкусил я мир и отдохнуть мог в тишине.

Как волна, бурно несусь, отдыха нет темной волне,
Не доплыть до берегов, и нет пути к тихой стране.
Нет друзей, любимой нет, опоры нет внутри и вне.
Кто поймет, сколько скорбей в каждом моем прожитом дне!

Для меня близкого нет, среди чужих и в моей родне,
Кто бы мог меня обнять и пожалеть мог обо мне.
Тот, кто был дорог душе, прочь отошел, стал в стороне.
Как винить мысли чужих, если нам боль несут оне?

Где найдут мудрый совет, совет любви, ценный вдвойне,—
Почему весь мир со мной в злобной вражде, как на войне?
Тот, кому, дух мой раскрыв, я все дарю, что в нем на дне,
Тот всегда, как лицемер, ласков со мной только извне.

О, доколь, сердце мое, будешь пылать в знойном огне
И терпеть лживую жизнь у ней в плену, как в западне!
Пробудись, забудь мечты, эти мечты снятся во сне,
Соверши волю души, полно хмелеть в пьяном вине.

Константин, внемли совет, с правдой его чти наравне.
От сует земных душу замкни в твердой броне.
Эта жизнь многих влекла, многие с ней слились вполне;
Все, словно свинец, канув на дно, спят в глубине.

ПЕСНЯ ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Будь благословен твой лик сияющий,
Жизнь мою от счастья отдаляющий.
Ты — весенний ветер, я — миндаль.
Дует ветер твой не для меня ль?

Из того, к чему я здесь привык,
С чем сравню твой несравненный лик?
Ты — звезда, что светит моему
Сердцу, погруженному во тьму!

Ты идешь — прислужники вокруг.
Мне бы тоже стать одним из слуг.
Я готов служить, лишь призови,
Знак подай мне, пленнику любви.

Если б только чудо совершилось,
Если б мне твою увидеть милость,
Я бы распластался — жалкий раб,—
Чтоб меня ты попирать могла б.

Говорят, любовь к тебе — темница,
Где немало юношей томится,
Где находят все же добрый знак
Люди, погруженные во мрак.

Тот, кого не сжег твой взор небесный,
Для тебя — что камень бессловесный.
Кто тобой пленен — тот человек.
Страшен плен, но кто его избег?

Ты — цветок, чьи лепестки горят.
Я вдали вдыхаю аромат.
Но шипы между тобой и мной.
Не сорвать мне розы неземной.

Я прошу, царица, об одном —
О свободе быть твоим рабом,
Говорю: возьми к себе в рабы.
Для меня счастливей нет судьбы.

Константин — я раб смиренный твой.
Взгляд ловлю я несравненный твой.
Что же по примеру всех владык
От раба ты отвращаешь лик?

Я — ТВОЙ ПЛЕННИК, СЖАЛЬСЯ НАДО МНОЙ[1]

Ты — мой свет, ты словно солнце светишь,
Лучшее, что суще под луной,
Не беги, едва меня заметишь,
Я — твой пленник, сжалься надо мной!

Если ж ты меня не замечаешь,
О, душа души моей больной,
Свет моих очей ты отнимаешь,
Я — твой пленник, сжалься надо мной!

---

[1] Сокращенный перевод.

Всех ты словом одарить готова,
А меня твое сжигает слово,
Надо мною не глумись сурово,
Я — твой пленник, сжалься надо мной!
. . . . . .
Я покоя навсегда лишился,
От любви мой разум помутился.
Хочешь ли, чтоб с жизнью я простился?
Я — твой пленник, сжалься надо мной!

Нет звезды на нашем небе лучшей,
Почему ж ты прячешься за тучей,
От меня скрываешь свет свой жгучий?
Я — твой пленник, сжалься надо мной.

Роза в пору своего цветенья,
Ты — моя любовь, мое мученье.
Скрыть не могут люди восхищенья,
Если видят лик твой неземной!

Как два лука, брови вдруг натянешь,
Стрелы выпустишь, мне сердце ранишь.
И не то что исцелишь — не глянешь,
Ты пройдешь спокойно, стороной.

Нет мне от любви моей спасенья,
Ты — мое лекарство и леченье.
Приоткрой лицо хоть на мгновенье,
Встань во всей красе передо мной.

Ночью я не сплю, лежу и плачу,
Днем бреду куда-то наудачу.
Без тебя я ничего не значу,—
Ты моя душа, мой свет дневной.

Если ты лишишь меня надежды,
В клочья разорву свои одежды.
Если я навек закрою вежды,
Будешь ты одна тому виной.

Я — пловец, плыву в открытом море,
Не доплыть, иссякнут силы вскоре.
Услыхать мой стон из бездны горя
И спасти дано тебе одной.

Но спасти, помочь ты мне не хочешь,
Ты проходишь, опускаешь очи.
Ты со мной черства, стыдлива очень.
Я — твой пленник, сжалься надо мной!

Ты мой свет, ты ярче солнца светишь.
Почему ж меня ты не приветишь,
Прочь идешь, едва меня заметишь?
Я — твой пленник, сжалься надо мной!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Такой прекрасной, несравненной
Никто не видел под луной.
Твой образ дивный, незабвенный
Повсюду следует за мной.

Тебя ищу я наудачу,
Я муку прячу, но не спрячу,
Кровавыми слезами плачу
И днем, и в тишине ночной.

Твои шаги, твое дыханье
Меня приводят в содроганье.
От твоего благоуханья
Я стал безумный и хмельной.

Ты красотой меня пленила,
Как полуночное светило.
Ты путь мой светом озарила,
То свет — я знаю — неземной!

Любовь моя, как наважденье,
Мое проклятье и спасенье.
Ты — храм мой светлый, и моленья
Я возношу тебе одной!

На шее жемчуга и лалы,
Шелка твоей одежды алы,
Как с пламенным вином фиалы,
Как розы в цветнике весной.

Что б ни надела — ты прекрасна,
Весь мир ты озаряешь властно.
Подобную тебе напрасно
Искать в любой стране иной.

Я чахну от любви и боли,
И я молю тебя, как молит
О благодатной влаге поле,
Которое сжигает зной!

Тебя вокруг ищу я взглядом,
И, если знаю: ты не рядом,
Мир кажется мне сущим адом,
И ты одна тому виной!

Но если я тебя замечу,
Я сердце болью изувечу,
Я сам возьму пойду навстречу,
Я стать хочу твоим слугой!

Под этим небом необъятным
Подъемлю чашу с ароматным
Вином хмельным и благодатным,
Подобным лишь тебе одной!

ПОУЧЕНИЕ, НУЖНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРОСТЫМ ЛЮДЯМ

Не гордись превосходством сокровищ своих или стада,
Не гордись, что в сражении конного стоишь отряда,
Не гордись, что твой разум — росток Соломонова сада,
Добродетелью строгой — и тою гордиться не надо.

Не гордись, что безмерны таланты твои и познанья,
Каждый зреющий плод тех, кто жаждет его достоянье.
Если ты плодоносен, познавшие боль и страданья
Близ тебя соберутся, господнее славя дыханье.

Если ж темен твой ум, и не скор ты на доброе дело,—
Ты бесплотная ветка, что жить для себя захотела,
Ты ехидна, ты шип, ты из божьего изгнан придела,
Тот, кто тронет тебя, занозит себе душу и тело.

Если вечно косишь ты на жемчуг и золото глазом,
Если хочешь иметь все земные сокровища разом,
Попроси мудрецов укрепить свой ослабнувший разум,—
Тот, кто истину видит, не станет тянуться к алмазам.

Тот, кто любит добро и к смиренью привержен душою,—
Светлой троицы трон, не запятнанный грязью чужою,
В нем царит благодать, червь греха у него под пятою,
С ним побыть — все равно что умыться водою святою.

Доброта и покорность — вот святости первооснова,
На земле дети божьи не ищут богатства иного;
Сам господь, этот мир сотворивший могуществом слова,
Приходил в него нищим, просил у отверженных крова.

Добрым будь, как Григор, в ком души не убила темница,
И в свой час в небесах сможешь ангельским пеньем
упиться,
Но поверь, коль не сможешь и духом и телом смириться,—
Сгинешь ты, Константин, пустослов и тщеславный тупица!

СЛОВО О ЗЛОМ ТОВАРИЩЕ И О ТЕХ, КТО ВЕРИТ ВРАГАМ ДОБРОТЫ

Не верь, если праведным вдруг
Себя человек назовет.
Узнай его мысли сперва,
Проведай, чем сердце живет.
Иные, коль верить словам,
Сладки, будто сотовый мед,
Но все, кто их яда вкусил,
Давно холодны, словно лед.

Как братьями стать нам, когда
Повсюду лишь зависть одна,
Нечистый в людские сердца
Забросил ее семена.
Добро против зла восстает,
Идет между ними война,
И зло на пути у добра
Покуда стоит как стена.

В сердца наших праотцев враг
Вдохнул первородное зло,—
И Каин десницу занес,
И Авель упал тяжело...
А зло разрослось, расползлось,
Весь мир оно обволокло.

Повсюду убийства и ложь,
Их бесы берут под крыло.

Под шкурой овечьей одни
Таят свою волчую суть
И душат ягнят по ночам,
Сумев пастухов обмануть.
Другие идут в доктора,
Но ты легковерным не будь,
Принявший лекарство больной
Кончает свой жизненный путь.

А третьи власти хотят
И просятся в поводыри,
Хоть видят вокруг только тьму
И тьмою полны изнутри.
Стараясь слепцов обмануть,
Они от зари до зари
Твердят, что им ведом весь мир,
Все пропасти и алтари.

Их души пусты, по словам
Внимает порой большинство.
Достойного встретив, они
Зовут недостойным его.
Бездельем корят они тех,
Кто в поте лица своего
Алмазы из недр достает.
Их злость не щадит никого.

Уводит иных за моря
Любви нерастраченной пыл,
Восславить бы надо того,
Кто перл из пучины добыл,
Но эти невежды твердят:
«О здравом рассудке забыл
Меняющий твердь берегов
На палубный зыбкий настил».

Идут налегке хитрецы,
Но вьючат мешки на других.
Их мудрость — умение лгать,
Грехи словно струпья на них,
Их мертвые души смердят,

Как кучи отбросов гнилых,
Но амброю пахнут тела
В одеждах из тканей цветных.

О бог милосердный, зачем
Ты нам даровал этот век,
Когда среди горя и бед
Вконец оскудел человек.
Мы овцы, нам нужен, чтоб жить,
Пастух, не смыкающий век,
Достойнейших зубы греха
Порой превращают в калек.

Ах, если б в ковчеге своем
Явился нам праотец Ной,
Чтоб мы перестали тонуть,
Житейскою сбиты волной!..
Ах, если б мудрец Авраам
Повел нас дорогой иной,
Где не был бы каждый наш шаг
Пред господом новой виной.

Ах, если б нас пас Моисей,
Как было в былые века.
Он мог, чтоб народ свой спасти,
Железо поднять на врага,
Он принял от бога завет,
Он сдерживал море, пока
Шли люди по дну между волн
Незыблемых, как берега.

Ах, нам бы пророков святых,
Чья вера была так чиста,
Что стали молиться Христу
Они до рожденья Христа...
Но лучше всего, чтоб с небес
Спустился он сам, как тогда...
О дева, носившая плод,
Блаженна твоя красота.

Блаженны и ты, Симеон,
Младенца почтивший старик,
И ты, Иоанн, что душой
Был с часа рожденья велик.
Блаженно то время, когда

Стал смертным бессмертный на миг,
И каждый, на землю ступив,
Мог верить, что к небу приник.

Недоброе время, господь,
Назначил нам промысел твой,
Меж нами не то что святых,
Души не отыщешь живой.
Готовятся волны греха
Нас всех захлестнуть с головой,
И нету ковчега вблизи,
И вновь не рождается Ной.

Зачем так страдать, Константин?
Отчаяньем душу губя,
От берега прочь ты плывешь
И мнишь обреченным себя,
Но стоит назад повернуть,
И суши увидишь края...
Пока не у пристани ты,
Но жизнь еще длится твоя.

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XIII — начало XIV века

БРЕННОЕ ТЕЛО КОРИЛА ДУША

Бренное тело корила душа:
Телу, скорбя, говорила душа:
«Бренное — все ты соблазны познало
Этого мира, где святости мало.

Ты и меня погубило грехами,
Ввергнуло в неугасимое пламя.
Ты и в аду, не избегнув огня,
Будешь терзаться и мучить меня».

Тело ответило: «Полно, душа,
Я — в услуженье, а ты — госпожа.
Ложно, неправо меня не суди,
Раны кровавые не береди.

Конь я, и ты оседлала меня,
Гонишь куда ни попало коня.
Все по твоей совершается воле,
В мире — я горсточка праха, не боле».

ГОСПОДЬ СЛОВАМ МОИМ СВИДЕТЕЛЬ

Господь словам моим свидетель:
Все в мире суета и ложь.
Лишь скорбь найдешь на этом свете,
А в гроб лишь саван унесешь.

В твоих усильях мало толку,
Цена твоим стараньям — грош,
И это все ты незадолго
Перед концом своим поймешь.

Всегда ликующий беспечно
Юнец на дерево похож,
Но расцветание не вечно,
Но листья пожелтеют сплошь.

Придет зима, и станет хуже,
Нагой, ты задрожишь от стужи.
Весна позор твой обнаружит,
Великий стыд перенесешь!

Я — тоже пленник заблужденья,
И мне иного обвиненья
Не предъявляйте в осужденье,
Мне в сердце не вонзайте нож.

Мой взор померк, и нет спасенья,
Нет мне, больному, излеченья.
Я слышу смерти приближенье,
Она меня ввергает в дрожь.

Я, СМЕРТНЫЙ, СОТВОРЕН ИЗ ПРАХА

Я, смертный, сотворен из праха,
Из четырех стихий земных,
Во тьме я шел, дрожал от страха,
Слеза текла из глаз моих.

Кого-то пламенем сжигал я,
И сам терпел, сгорал дотла.
И зло кому-то причинял я,
Страдая от людского зла.

Мой дух был пламенем неложным,
Но канул я в глухую тьму,
Я знал почет, но стал ничтожным
По безрассудству моему.

Был родником с водой сладчайшей,
Грехом я сам себя мутил.
Блистал я, был звездой ярчайшей —
Свой свет я погасить спешил.

О Хачатур, дремать позорно,
Твой час последний предрешен.
Жизнь — это снег на склоне горном,
Грядет весна — растает он.

Твой сон тебя страшит, кончаясь,
Влечет он в бездну, а не ввысь.
Заплачь, вздохни, промолви: «Каюсь!» —
От сна греховного очнись!

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ПОДОБНА МОРЮ

Жизнь на земле была как море,
Мне выплыть было не дано.
Подобно морю, было горе,
Тянувшее меня на дно.

Любовь была темна, как бездна,
Меня влекла во мрак безвестный,
И дней моих цветок чудесный
Раскрылся и увял давно.

И смерть настанет, не обманет,
Мой взор навеки затуманит,
Лицо мое землистым станет,
И станет все темным-темно.

Влекомые тщетой земною,
Пройдут живые стороною,
Все, кто при жизни был со мною,
Меня забудут все равно.

Я ПОТЕРЯННЫЙ АГНЕЦ

О пастух наш, я агнец заблудший,
От святого отбившийся стада,
Вся земля тебе правдою служит,
Всей земле твоя воля — отрада.

Постоянно в твоей благодати
Пребывать бы мне, слабому, надо,
Чтоб не встала меж мною и небом
Прегрешений глухая ограда.

Погружен я в Святое писанье,
Сердце голосу господа радо;
Дай мне силу подняться из грязи,
Дай избегнуть кромешного ада.

Я дитя твоей светлой купели,
Хоть со мною и не было слада;
Алый крест начерти своей кровью,
В знак того, что дана мне пощада.

Сделай мягким в груди моей камень,
Сделай добрым злонравного гада,
Дай мне слез неизбывные реки,
Дай росу с твоего вертограда.

Исцелять от недуга болящих
Ты любил мимоходом когда-то,
Так пошли же и мне исцеленье,
А не то я погиб без возврата.

По весне зеленеют деревья,
И весна их цветеньем богата,
Дай же мне расцвести, о всевышний,
Дай мне в каждом почувствовать брата.

Плохо рыбе, попавшейся в сети,
Бьется бедная, страхом объята,
Понимает — без моря не жить ей,
А сетям не сорваться с каната.

Я вне моря твоей благодати,
В этом слабость моя виновата,
Сын Марии, мне страшно, мне стыдно,
Сделай так, чтоб минула расплата.

Из-за многих моих прегрешений
Тьма лишь худшею тьмою чревата...
За меня на кресте умирал ты,
Так спаси меня от супостата.

Сотворил ты пресветлое солнце,
Мир согревшее ласковым взглядом,
О, сияющий свет первозданный,
Разреши мне побыть с тобой рядом.

Словно низкие черные тучи,
Что ползут нескончаемым рядом
Над землею и морем тревожным,
Обдавая нас гибельным хладом,

Застилают грехи мои небо,
Хлещут огненным яростным градом,
И от страха стучат мои кости,
И душа сметена огнепадом.

Я от мира сего отрекался,
Но отравлен был сустным ядом,
И в руках у разбойников плакал,
Расставаясь с богатым нарядом.

Лишь во злобе служил я примером,
Был порочен умом и укладом,
И дрожу перед мигом расплаты,
Что грозит мне, заблудшему, адом.

Сам я выстоять не в состоянье
И не верю случайным опорам.
Дай мне силы на узких тропинках,
Пробегает огонь по которым.

Я хотел бы, как Иеремия,
Зарыдать вместе с ангельским хором,
Над попавшими в лапы дракона,
Над достойными, ставшими сором.

Час пробил, мой кувшин раскололся,
Но напрасно ты смотришь с укором.
Вся земля мне заступницей будет,
Удостой лишь ее разговором.

Сын заблудший твой, Кечареци я,
Я уже захлебнулся позором,
Как Петру, свою длань протяни мне,
Чтоб не стал я убийцей и вором.

Пожалей меня, господи боже,
Пусть мне искусы кажутся вздором,
Ты надежда моя и опора,
Я нуждаюсь в спасении скором.

В Судный день, чтоб предстать пред тобою,
Даже мертвые встанут из тлена,
Сбереги мою грешную душу,
По которой тоскует геенна.

ИЗЕДДИН ГАСАНОГЛЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
Конец XIII — начало XIV века

* * *

Ты душу выпила мою, животворящая луна.
Луна? — Краса земных невест! Красавица — вот кто она!

Мой идол! Если я умру, пускай не пенится графин.
Какая пена в нем? — Огонь. Он слаще красного вина.

От чаши, выпитой с тобой, шумит у друга в голове.
Какая чаша? — Страсть моя. Любовь — вот чем она пьяна.

Царица! Сладкой речью ты Египту бедами грозишь:
Все обесценится, падет на сахарный тростник цена.

Покуда амбра не сгорит, ее не слышен аромат.
Какая амбра? — Горсть золы. Какой? — Что в жертву предана.

С младенчества в душе моей начертан смысл и образ твой.
Чей смысл? — Всей жизни прожитой. Чей образ? — Спившегося сна.
Гасаноглы тебе служил с той верностью, с какой умел.
Чья верность? — Бедного раба. Вот почему любовь верна!

АВХЕДИ МЕРАГАИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1275—1338

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ДЖАМИ-ДЖЕМ»

*

Мы «кто» или «что» мы? Мы свет или тень?
Мы мраком покрыты иль светлый мы день?
За светом угнаться — задача трудна,
Ты тенью родился, а тень не видна.
Немало на свете путей и дорог:
Кто близок отсюда — оттуда далек.
Гора — великан, но величье — обман,—
Как малая точка вдали великан.
Твой образ — загадка, душа твоя — лес,
Ты полон таинств, ты полон чудес,
Живущим на свете тебя не познать!
Светилам небес ты дитя или мать?
Закрытая книга, неясен твой лик —
Ты юноша или седой ты старик?
Ту книгу раскрой, и, быть может, дано
Познать в этой книге хоть слово одно.

*

Живешь в этом мире, тебе незнакомом,
Расстаться не можешь ни с краем, ни с домом.
Просторы чужие, чужие края —

Скажи мне — зовут ли, манят ли тебя?
Ты дома сидишь, весь зачах, лик твой бледен!
Не знаешь ты мир — оттого-то и беден...

*

Зачем ты бежишь? Ты ходи не спеша,
Чтоб не волновалась чужая душа.
Герой — кто страны своей тайны хранит,
Герой — кто за друга стоит, как гранит.
С ученым воюешь ты очень уж смело,
Не зная, что нет у науки предела.
Скажу тебе, если ты спросишь меня:
Не будь пустомелей, твой враг — болтовня.
Твой друг недостатки укажет тебе,
А враг успокоит, припишет судьбе.
Клянется — обманчив речей его пламень,
В устах его дружба, за пазухой камень.
Скажи мне: где вера, как веру найти?
От сердца, мой друг, пролегли к ней пути.

* * *

Кувшин с вином — мой верный друг и день и ночь,— да будет так!
Душа поэта — твой приют, о, страсти дочь,— да будет так!

От сердца сердце далеко, мы духом связаны с тобой,
И силы духа никому не превозмочь,— да будет так!

И даже если боль моя отрадой будет для тебя —
Любою болью я готов тебе помочь,— да будет так!

О божество мое, приди, не слушай речь клеветников,
Свой разум ты сосредоточь,— да будет так!

Влеку я ношу страстных слов, тебе я должен их отдать,
Дабы под грузом слов моих не изнемочь,— да будет так!

Хочу быть жертвой за тебя, хочу учетверить любовь,
Дабы мне стало без любви и жить невмочь,-- да будет так!

О утро, принеси ко мне чудесной власти ветерок,
Продли цветущую весну, ее упрочь,— да будет так!

Мы целый год разлучены, терпеть не стало больше сил.
Сомнением любовь мою не опорочь,— да будет так!

Пусть вопрошающим устам ответит сердце нежным «да»,
И пусть мученья Авхеди умчатся прочь,— да будет так!

* * *

Сердцу нечем дышать, и смыкается круг, пойми,
Ни к чему умножать эту муку из мук, пойми!
Как мне скрыть от людей жар больной головы моей?!
Так впусти же меня, я твой гость,— ты мой друг, пойми!
От вопросов твоих я, наверно, с ума сойду,
Ну, откуда мне знать, что творится вокруг, пойми!
Убежала она от моих покоренных глаз;
Приказала б она — был бы лучшим из слуг, пойми!
Пой, прошу, для меня о прекрасном ее лице,
Я в безмолвии жду, я устал от разлук, пойми!
Я поведал любовь чаше, полной вина, и вот
С верным другом моим мне не надо порук, пойми!
Если вспомнится мне дивный запах ее волос,
Он бальзама струей оживит меня вдруг, пойми!
Ты один, Авхеди. Кто разделит печаль твою?
Улыбнется она, и пройдет мой недуг, пойми!

* * *

Гиацинта цветенье — кудрей твоих бурный поток,
Но с тобой ни один не сумеет сравниться цветок.
Я часами слежу за движением царственных губ:
Покажи, цветоликая,— дай мне блаженства глоток!
Твое сердце и косы яснее всех слов говорят:
Кто тебя полюбил, и поныне забыться не смог.
Внешний блеск украшает красавиц, но знаю — в тебе
Красота не заглушит души благородный росток.
Ни к чему объясненья — мне ведома сила любви,
Соловей, что о розе поет, изучил лепесток.
Ароматом гвоздики, любимая, полон твой рот,
В каждом слове твоем обретаю я страсти итог.
«Сердце, сердце мое!»— так печально звучит мой призыв...
Ничего не сказала, и день испытаний жесток.
Я прощаю тебя, милосердие — кара моя,
Я клянусь возвратить тебе нитей любовных моток.
О, любовь! Авхеди свой священный нарушил обет!
Он в вине теперь ищет всех радостей жизни исток.
Я устал и к губам подношу драгоценный бокал:
О, сними этот груз, я в мечтах о любви изнемог.

* * *

В сердце милой отыскивать верность устал,— почему?
Мое сердце — как воск, а ее — как металл,— почему?

Взгляд моей несравненной заметит бродячего пса,
А меня он, увы, замечать перестал,— почему?

За убийство убийца расплатится кровью своей,
Но тобою убитый, богат я не стал,— почему?

Ты спокойно глядела, как кровь моя льется, и я
О губах твоих нежных напрасно мечтал,— почему?

Все считают, что могут любые любых созерцать,
Твой рассудок от мудрости этой отстал,— почему?

Неразлучен я в мыслях с твоими кудрями, тебя
Без тебя я ношу из квартала в квартал,— почему?

Все в назначенный час открывают дорогу к тебе;
Авхеди, для тебя этот час не настал,— почему?

* * *

Если вдруг говорящий ко мне обращается взгляд,
Значит, в сердце недаром костры ожиданья горят.

Овладеть ее сердцем стремлюсь всей душой, ибо в нем
Есть и солнце, и звезды, и весь мироздания сад.

В день, когда предадут мое бренное тело земле,
Я оттуда услышу, как пахнет любимой наряд.

Если дарят меня благосклонностью милой глаза,
То о том, как стучит мое сердце, они говорят.

Каждый час без прекрасной меня повергает в печаль,
Вздохи рвутся из сердца и в небе, как птицы, парят.

Ах, какими шипами ко мне обернулся цветок,
Тот, которому был я, как вестнику доброму, рад.

Боль, нежданно нашедшая место в душе Авхеди,
Как свечу, меня плавит, я таю от жара утрат.

* * *

Увяданью всегда возносилась тобою хвала,
Ты иного не жди, ибо сила терпенья ушла.

Ты ревниво хранишь свои мысли, а вот у меня
Для любого открыты и помыслы все, и дела.

Исповедаться друг перед другом настала пора —
Но какая же тайна унять бы страданья могла?

О, раскрой свое сердце, подобное розе в шипах,
От обид погибаю, ведь я человек, не скала.

Ты ведь видишь уже — я у ног умираю твоих,
Не сумел я предвидеть победу печали и зла.

Я прошу, ты поймн: если завтра не будешь иной,
Ты услышишь рыданья и стоны мои без числа.

Распрямит свои плечи и скажет тебе Авхеди:
«Есть терпенью предел, и его ты уже перешла».

* * *

О любимый мой враг, пожалей, не рази, погоди,
Я — паломник любви, моя цель — это ты! — впереди.

Все наставники черствы, и все разлучить нас хотят,
О царица моя, от несведущих взор отведи.

Если старый аскет вдруг увидит очей твоих свет —
Не спастись проповеднику: сердце утратит в груди;

Если кудри твои издалёка увидит гяур —
Крест сожжет, и неверные будут забыты вожди.

И в загробное царство тебя не отпустит земля,
Есть ли кто-то, кто сможет прекрасной сказать: «Уходи!»?

Не проси, чтоб молчал перед ликом такой красоты:
Не молчит соловей, когда розу целуют дожди.

Ароматом любви пропитались и пахнут стихи,
Да пребудет таким до скончанья веков Авхеди!

* * *

Мое сердце любовью полно, ястреб мой,
И живет только ею оно, ястреб мой!

От беды безысходной на сердце тоска,
Ему криком кричать суждено, ястреб мой!

Эта грусть застилает туманом глаза,
И в душе моей стало темно, ястреб мой!

Так налей, виночерпий, мне чашу полней,
За Багдад, за тебя пью вино, ястреб мой!

Я — Вамиг, ты — Азра, будь же верною мне,
Я — Фархад, ты — Ширин, мы одно, ястреб мой!

Умножаются страстные вздохи мои,
С ураганом сравнить их дано, ястреб мой!

Ты ведь можешь любовный недуг излечить,
А больного покинуть грешно, ястреб мой!

Правды к шаху просить я пойду, если ты
Мне покажешь безумия дно, ястреб мой!

Музыкант, ты сегодня о грусти не пой:
Мое сердце Ширин вручено, ястреб мой!

Пой влюбленным о силе стихов Авхеди,
Время песен настало давно, ястреб мой!

ХАДЖУ КИРМАНИ

таджикский поэт
1281/82—1352

ИЗ ПОЭМЫ «ГУЛЬ И НОВРУЗ»

1

С зарей, лишь органоном запели соловьи,
На сто ладов воздели мелодии свои,

Кумарского алоэ разлился аромат,
И горлицы степаньем заворожили сад,

Проплывшее в носилках с пиалой золотой
Провозгласили солнце хаканом над землей;

И пьяницы под утро возжаждали вина,
И утренние птицы запели, как одна.

По миру солнце мира прошло путем побед,
Вселенную шафранный завоевал мобед.

Певец, настроив струны на лад хусравани,
О Зенде распевает, как маги в оны дни.

Напиток розоцветный в пиалу неба влит,
На чанге песню утра исполнила Нахид.

Налет индийской синьки рассвет смывает с рук,
Серебряную руку он разрумянил вдруг.

На кровлю неба знамя взносил в ночи Бахрам,—
Рассек светилу сердце меч солнца пополам.

Испив Джамшида кубок, хмелеет круг живой,
Пьянеет, с чашей солнца пируя круговой.

Цветы и ветер вешний распространяют хмель,
Уже в цепе упала татарская газель.

Кричит петух рассветный, за ним еще петух,
Нецеженая влага возвеселяет дух.

Благоуханный ветер и чаша гонят лень,
Мозг сонных переполнен сырою амброй всклень.

Под щекот соловьиный, под песенку скворца
Избавились от скорби тоскующих сердца.

Вот язычком зарделся с востока солнца шар,
Взойдя в теплицу солнце забрасывает жар.

Рассветный ветер землю мастями умастил,
Жемчужинами неба засыпан царь светил.

Была на сердце рана вечернего вина,
Душа моя томилась, что не была пьяна.

Лицом к лицу я встретил пылающую страсть,
Я пил из кубка солнца живительную сласть.

Обрел Дауда голос, избавленный от тьмы,
Душа моя запела любовные псалмы.

Надела перстень Джама мне на руки души,
Дала постичь мне имя, таимое в тиши.

Разумная, уселась на улице надежд,
И солнце благосклонно ее коснулось вежд,

Рождаться в самом сердце дозволила словам
И, с разумом согласный, вручила мне калам,

Тончайшие сравнения сбирала каждый миг,
Тела жемчужин цельных пронзала каждый миг,

То жаловалась сердцу и обвиняла глаз,
То сердцу же о глазе сплетала свой рассказ.

Свои простерла крылья забот моих Хума,
Высоко в поднебесье взлетел орел ума.

Миры воображенья раскрылись для меня,
Парил я, мирозданье крылами осеня.

На солнце я направил земного вихря гнев,
Я для Нахид прекрасной пропел любви напев.

Взвил знамя на вершине седьмой твердыни я,
На ширь восьмого луга взираю ныне я.

По правилам я с небом общался наяву,
И другом серафимов я стал, по существу.

Я тем престол поставил, чей дом — небес эфир,
Дал собственному сердцу духовный эликсир.

Испил из винной чаши бесчувствия глоток,
Хуму — жилицу неба — я уловил в силок.

И как Иса, Пророку учителем я был,
И как Муса, для мудрых святителем я был.

Я в истину бросался — в глубокие моря,
И знаешь ты: нырял я за жемчугом не зря.

2

О, розами дохнувший весенний ветерок,
О ты, что розощеким цветочный сплел венок,

Хмельному ты нарциссу один сумел помочь,
Ты зажигаешь светоч для бодрствующих ночь.

С признательной стопою всеблагостный гонец!
Прах под твоей стопою — чела земли венец!

Садов цветочных дети упоены тобой,
Сердца тюльпанов этих полонены тобой.

Татарский мускус веет в дыхании твоем,
Алой кумарский тлеет в дыхании твоем.

Духовной ты лампаде даруешь запах роз,
Дыхания мессии ты аромат принес.

С лица у розы-девы снимаешь ты покров,
Плетешь узлы якинфа из многих завитков.

Едва дохнешь весною,— светла душа воды,
Дохнешь,— и тотчас мускус повеет от гряды.

А Рахш, тобой гонимый, несется, как вода?
В тебя урок истоков вольется, как вода.

Ты разве не был, ветер, Джамшидовым конем?
Ты разве птиц небесных не обучал на нем?

Ты аромат рубашки доставил в Ханаан,
Ты прочитал Якубу Египта талисман.

На миг мой дух мятежный покоем утоли,
Мне раненое сердце дыханьем исцели!

О, если огнесердых ты понял в их судьбе,
Аллах, мне будет сладко,— будь сладко и тебе!

* * *

Когда под сенью райских кущ собой украсила айван
Невеста высшего и скрыт был голубою тканью стан,

Всем показалось, что вошла восточной спальни госпожа,
Полночной тьмы густую прядь решив запрятать под чачван.

Из яхонтов сготовил мир питье, врачующее дух,
Из мозга времени изгнал унынья хмурого дурман,

И на подвешенном ковре фиглярить начала судьба.
Из-под эмали кубка встал шар солнца, золот и багрян.

И показалась, засверкав, из-под зеркального зонта
Верхушка самая венца того, кто на небе султан.

Казалось, что идут гулять жасминолицые красы
И вырос на лугу небес у ног их пламенный тюльпан.

Луна склонила лик туда, где стан на западе разбит.
На берег выпрянул из волн челнок, покинув океан.

Прекрасней солнца, в дверь мою вступила полная луна,—
Тот лик и самое Зухру пленил бы, ярко осиян.

Она душиста и свежа, побег рейхана — прядь ее.
Струится пряный ветерок, мир благовонен, как рейхан.

Растертым мускусом она лицо посыпала луны,
Под благовонною рукой запел шиповник свой дастан...

Что он гласит? Он нам гласит, что нынче праздник, торжество!
Хосрову мы поем стихи,— в них поздравляется хакан.

УБАЙД ЗАКАНИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

1270—1370

* * *

Спасенья на земле нам от страданья нет.
На милосердный рок нам упованья нет.

Что власть, богатство, блеск? На что высокий сан?
Подует вихрь судьбы — и достоянья нет.

Лишь бескорыстный дух спокойствие найдет,
И счастлив только тот, в ком зла стяжанья нет.

Что пользы на земле от очерствелых скряг?
Им благодарности и воздаянья нет.

Глазами мудрого на бренный мир гляди,
Других не трогай,— в том благодеянья нет.

Покроет седина и черный шелк волос,—
Пощады юности у мирозданья нет.

Душа моя полна печалью до краев,
В ней места для игры и ликованья нет.

Прав благородный ум, что некогда сказал:
В Ширазе мудрый нищ, ему признанья нет.

Так много нищеты и слез видал Убайд,
Что в жизни для него очарованья нет.

* * *

Встречать зарю в кругу друзей с фиалом хорошо.
Рубаба звук звенит в мозгу усталом хорошо.

Кружится ум, коль твой кумир с тобою рядом пьет,—
Искать утех в вине густом и алом хорошо.

С красавицей в ночном саду свиданья сладок час:
Ручей бежит, мерцает свет опалом,— хорошо!

Пей, друг, вино, гони печаль и мрака избегай,—
Бежать от тех, кто в сне глухом и вялом, хорошо.

Гармонию красы не раз я постигал во сне,—
Да будет мне и наяву хоть в малом хорошо!

Обмолвился Убайд стихом, нечаянно сложил.
Ответить на стихи стихом-кинжалом хорошо.

* * *

Время настало, и снова мы пьем, как хотим.
Пост, и молитву, и четки оставим другим.

Словно цветы — свои головы гуриям бросим,
Души красавицам стройным навек отдадим.

Пусть же ничтожные шейхи твердят поученья,
Мы, поднеся им вина, болтовню прекратим.

Долго ли видеть еще проповедника рожу?
Долго ли будет нас мучить он взором своим?

Ох, надоело поститься и лишь по ночам
Скромною пищей питаться, немилой очам.

Вот и прошел рамазан, и теперь ежедневно
Полную чашу вина подношу я к устам.

* * *

У моря скорби берегов не видно.
Нигде счастливых очагов не видно.

Нахлынуло и затопило горе.
Друзей, как звезд сквозь туч покров, не видно.

Скажи, куда покой земной девался?
Здесь в доме мира мирных снов не видно.

К чему твердынь искать несокрушимых?
Ни для одной из них основ не видно.

К чему искать сокровищницы блага?
Ключей ни от каких замков не видно.

Не избежать нам, смертным, гнева рока,
А отчего он так суров — не видно.

Благоволенья светлый дом разрушен,
Где верный и надежный кров — не видно.

Невежество — всесильный царь вселенной.
Различья умных от глупцов не видно.

Такие-то дела, Убайд... Спасенья
Ни от владык, ни от богов не видно.

КАМАЛ ХУДЖАНДИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

? — между 1390—1405

ГАЗЕЛИ

СКАЗАЛ

— Луне назло твой лик пригож,— сказал? — Сказал!
А губы — слаще не найдешь,— сказал? — Сказал!

Ты для друзей — души дороже! Без тебя,
Как без души,— не проживешь! — сказал? — Сказал!

Любви своей от глаз чужих не утаив,
Я сам друзьям о ней — ну что ж? — сказал? — Сказал!

Что делать, если мой соперник хуже пса!
В сравненье с ним и пес хорош! — сказал? — Сказал!

О бессердечности твоей не говорил,—
Молчал! А стало невтерпеж — сказал? — Сказал!

— «Камал,— обиделась,— назвал меня своей»!
Уж если он такую ложь сказал,— сказал!

ПРИКАЖИ ОТРЕЧЬСЯ

От несравненной красоты я должен, по словам ханжи, отречься!
Пускай аллаха молит он, дабы помог ему от лжи отречься!

Сказал святоша: «Перестань валяться у ее дверей, рыдая!»
Не может нищий от мольбы — как на него ты ни брюзжи! —
отречься.

Двоякого исхода ждет несчастный, в эту красоту влюбленный:
Его соперник умертвит иль вынудит от госпожи отречься!

Когда внезапный ветерок исходит от ее кудрей душистых,
На рот прелестный не смотри, от пылких взглядов положи
отречься!

Все в кабачок ушли. Никто не внял твоим, достойный шейх,
призывам!
Кого заставишь от вина,— возненавидев кутежи,— отречься?

Наставник подлинный не тот, кто скажет: «Воздержись, Камал,
от пьянства!»

Коль истинный наставник ты — от воздержанья прикажи отречься.

СНАЧАЛА ПОСЕЯТЬ ЗЕРНО

Еще не свершили мы дела, а жизнь завершить суждено.
Ко мне подойди, виночерпий, чье дело — хмельное вино.

Питьем из ключей животворных ты жаждущего напои.
Счастливой надеждою будет его бытие продлено.

Красавица, ты, как в столице — в сердцах, потерявших покой,
Живешь безмятежно! На царство ты здесь утвердилась давно.

С той самой поры, как предметом беседы избрал я тебя,
Рассудок со мной разлучился, и стало сознанье темно.

Увы, многоопытным старцам известна цена красоты.
Поэтому сердце пленяться твоей красотою должно.

Тебе, непорочной, прелестной, избранника нужно под стать.
Его благородство сравниться с твоей чистотою должно.

Кто жаждет свиданья — сначала пусть в сердце взлелеет любовь.
Кто хочет колосьев — сначала пусть в поле посеет зерно.

Пора посрамленному Хызру покинуть бессмертья родник.
Родник моего красноречья — ему униженье одно!

И если Шираз почитали превыше Ходжентской земли —
При жизни Камала Ходженту снискать уваженье дано.

БУДЬ ОСМОТРИТЕЛЕН

О кравчий, праздника хочу: веселья мне мила стезя.
В кабак дорогу я ищу: похмелья мне мила стезя.

Кто богу жаждет угодить — кабак влюбленным завещай,
Чем строить путникам приют, благочестиво лебезя.

Ханже в день Страшного суда не перейти через ручей,
А пьяница осилит мост над адской бездной, не скользя.

Проваливай, почтенный шейх, и на пропойцу слов не трать!
Я только с милой говорю да с чашей — всем другим дерзя.

Соперника я приобрел. Должно быть, город опустел!
На голой шахматной доске из пешки делают ферзя.

Старайся не спешить, Камал, при описанье губ и щек!
В столь щепетильном деле быть неосмотрительным — нельзя.

* * *

Тропою мужества, друзья, направимся назло сомненьям.
На щедрый дастархан с вином молитвенную утварь сменим!

Весна и молодость теперь! Пора для радостей настала!
Дать бой когда, как не сейчас,— благословенным днем весенним?

Мы, винопийцы, отреклись от злого отреченья снова.
Ханжам урок преподадим без нетерпенья и с уменьем.

«Закон» и «вера» — звук пустой,— заменим звуком чанга
сладким:
В живую воду превратим слова, подобные каменьям!

Наш хмель, не схож ли он с Лейли: неуловимого желаем,
Меджнуны в поисках бредут, гонимы страстным исступленьем...

Нам птицы с пиршества небес приносят вести о любимых.
Найдут ли постники приют, взбираясь к небу по ступеням?

Камал! Ты в книгах у святош видал божественное имя,—
Забудь! Не надо этих книг: и в грош мы ханжества не ценим!

* * *

Эта шумная улица кажется мне пустынной,
К самому себе я прикован здесь беспричинно.

Все брожу и мечтаю о милой своей отчизне.
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.

Если ты над собой не видал зарубежного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины.

Незнакомый язык... Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина.

Сострадать не могли мы томлению чужеземца,
Ибо домом казалась любая родная долина.

Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой.
О, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!

* * *

Где солнце дневное проходит, там ночью — луна,
Где атом найдется — там солнца природа видна.

Привратник, уйди! Я — под сенью великой стены,
Светило придет — и свиданий придут времена.

Увидело солнце красавицы утренний лик,—
Теперь покрывало напрасно накинет она.

Сквозь щелку врываясь, ликующий луч говорит:
«С тобой не расстанусь!» И ты его гнать не должна.

Давно уже солнце за тучей волнистых волос:
Распутай скорее — мне света улыбка нужна!

Сказал ей Камал: «Голова закружилась, болит!»
Сказала: «Не надо при солнце гулять допьяна!»

ЧТО ЗА ДАР ОБОЛЬЩЕНЬЯ СЕРДЕЦ

Что за стан — кипарис, что за поступь — красы образец!
Что за рот, что за плод, что за мед, что за сахар, творец!

Что за мягкость и блеск, что за плен шелковистых кудрей!
Что за дивная власть! Что за дар обольщенья сердец!

Что за ласковый друг! Что за мастер беседы вести!
Что за чуткость и ум! Что за дар утешенья сердец!

Что за прядь, что за мрак, что за крепкий аркан и силок!
Что за вор и хитрец! Что за дар похищенья сердец!

Что за взор! Что за губы и что за медовая речь!
Что за бедный больной, что за хворь, что за лекарь-мудрец!

Что за прелесть, Камал, что за пылкий восторг, что за страсть!
Что за звонкий ночной соловей! Что за чудный певец!

* * *

Я спросил: человек или ангел ты? Говорит: и то и другое.
Сахар ты или соль на пиру мечты? Говорит: и то и другое.

О, скажи мне — тростник или жемчуг ты драгоценный со дна морского?
Иль цветок, затмевающий все цветы? Говорит: и то и другое.

Я спросил: для того, кто тебя узрел,— это зеркало или месяц
Заблистали нежданно из темноты? Говорит: и то и другое.

Я спросил: что задумала втайне ты,— помутить ли мой бедный разум
Или сердце рассечь мечом красоты? Говорит: и то и другое.

Я сказал: ты — утраченная душа, где ее отыскать — не знаю.
Совесть сердца ты, взор ли самой правоты? Говорит: и то и другое.

Я взмолился: скажи, ты лишь обо мне, о Камале, столь мало знаешь
Иль совсем далека мирской суеты? Говорит: и то и другое.

* * *

О, беспокойство снова и снова!
Дерзкая шутка мира земного!

Где твоя жалость, ветреный идол?
Кто ты — не может выразить слово!

Камень не мог бы вытерпеть столько!
Нет, не знавал я в жизни такого.

Боль причиняешь, вновь покидаешь,
К прихотям резвым вечно готова.

Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха былого.

Слез моих жемчуг топчешь ногами.
«Что ж,— отвечаешь,— в этом дурного?»

О, не печалься, из-за Камала:
Быть одиноким — вовсе не ново!

* * *

Слезой кровавой плачу, на мир гляжу в упор...
Лицо твое исчезло, и нет луны с тех пор.

Твой облик — все, что в мире есть подлинно живого,
А прочее — рисунок и мертвенный узор.

Весна и полнолунье над улицей заветной,
Над прочими — безлунный чернеется простор.

О сладостной улыбке слова мои несладки:
Меж праздною мечтою и правдою раздор!

Кудрей твоих далеких я пью благоуханье,
Особенно сегодня, всему наперекор.

Я таю и бледнею, вздыхаю о Камале,—
Как будто бы жестокий услышал приговор.

* * *

До чего противна мысль о монахе-изувере!
Кравчий, дай мне позабыть о его пустом примере.

Зря твердит наставник мой об уме и благочестье.
Кто отрекся от любви — чужд и разуму и вере!

Нашей боли не поняв, он бессмысленно бранится.
То безумцем назовет, то разумным,— лицемеря.

Естество мое еще было глиной и водою,
А уж сердцем я погряз в глине у порога пери.

О сожженных мотыльках спросим красоты светильник.
Их печальную судьбу знает он, по крайней мере.

Из-за глаз твоих — мои кровью сердца изошли бы,
Но влюбленных мыслей рать заперла его преддверье.

Эй, Камал, беги любви, о красавицах не думай!
Страсть бесплодная сулит беспокойство и потери.

ОТШЕЛЬНИКАМ НАС НЕ ПОНЯТЬ

Отшельникам нас не понять. У них на уме — власяница.
Томленье влюбленных сердец им, постникам, даже не снится.

Ханжа, призывать не спеши отверженных в рай свой высокий!
Порог благородства души — превыше! С ним рай не сравнится.

Разгневанный старец меня из кельи прогнал. Ну и что же?
Иных — принужденье ведет, мне — милость в пути проводница.

Как жаль, что святые отцы не знают блаженства двойного:
За винною чашей сидеть и видеть прелестные лица.

Подобным каламу перстом, ханжа, не клейми мое слово!
Я пропил отрепья свои, а слово в тетради хранится.

Ватага бездумных гуляк сошлась для попойки совместной,
А старец в мечети стоит и, нас проклиная, бранится.

Швырнуть свое сердце к ногам любимой — хотелось Камалю,
И бросил! А в сердце опять все то же стремленье теснится.

НОСИР БУХОРОИ

таджикский поэт
XIV век

* * *

Беседа с другом на пиру — вот радостная цель,
Затем и льем вино в фиал, затем и нужен хмель.

Садится пламенный душой за пиршественный стол,
А вялый сердцем домосед спешит в свою постель.

Зачем нам коврик для молитв и четки для чего?
Зачем томить коня души — не ведаю досель!

Единобожье? Что за спор? На виселицу б тех,
Кто уши все про этот вздор нам прожужжал, как шмель.

Не удивляйтесь, что скорбит в чужом краю Носир:
Далеко друг, а без друзей упынье не везде ль?

* * *

И малого врага ничтожным не считай,
Чужой он или свой — разит из-за угла.

Как солнце, ясно то, что нам уже давно
Известно от отцов, чья мудрость изрекла:

«Не сделает того и длинное копье,
Что сделает порой короткая игла».

* * *

Храни достоинство свое повсюду, человек!
Не будь глупцом и хвастуном, величие губя.

Самовлюбленности беги, от чванства откажись,
Лишь справедливость и добро душою возлюбя.

Своей судьбой не дорожи превыше всех судеб
И ближнего не унижай, возвысив тем себя.

БУРХАНЭДДИН СИВАСИ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
1344—1398

РУБАИ

*

Я прошу — дай прильнуть мне губами к губам!
От недугов моих это лучший бальзам.
О господь! За любовь мою адом караешь?
Дай к губам я прильну,— попрошу я и там!

*

Мое сердце — Меджнун, где ж Лейли мне найти?
Затопил я слезами к любимой пути.
Видишь, льются из самого сердца рекою —
Ты не воду, а кровь зачерпнула в горсти!

*

О владычица! Вся ты — букет алых роз.
Что могу я сказать, задыхаясь от слез?
Пусть возьмут твои губы из губ мою душу,
Лишь бы я, как цветы, на руках тебя нес!

*

За любовь к твоим родинкам ты не брани,—
Словно зерна миндальных орешков они.
Я изведал их сладость, коснувшись губами,
Что же большего можно желать в наши дни?

*

Быть мужами подвижники веры должны,
Быть в сраженьях мужчины, как неры, должны.
Быть какими угодно правители могут,
Но являть благородства примеры должны.

НЕСИМИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1369—1417

БАХАРИЯ

Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась завеса теней.
Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым днем
зеленей.

И весенним огнем озарен, гулистан, как священный Синай,
запылал.
Приходи, Моисей! Приходи и взгляни на огонь и сиянье ветвей!

Как уста, улыбнулись бутоны вокруг, и неслышно раскрылись цветы,
И в прекрасную розу с приходом весны снова бедный влюблен соловей.

Сколько разных цветов, сколько ярких цветов, но под утренним солнцем они,
Потеряв пестроту, все горят золотым отраженьем небесных лучей.

Напои меня, кравчий, весенним вином, я сребристую деву ищу!
Торжествует цветенье, но нет еще роз на ланитах любимой моей!

Ты послушай: в саду гиацинт и нарцисс шепчут нежно друг другу слова:
Гиацинт и нарцисс знают тайну одну, никому не расскажут о ней.

Если хочешь ты скрытые тайны узнать, если хочешь проникнуть в ничто,
Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров и вещей.

Если хочешь, о внемлющий, чтобы сейчас все на свете открылось тебе,
Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения в ней.

Если ты не немой, гиацинт, приходи, будем рады послушать тебя.
Ты откуда, великое слово, взялось? — расскажи, расскажи нам скорей.

Обратился наш мир в расцветающий рай, ходят райские гурии в нем,
Приоделись сады, и раскрылись вчера на деревьях десятки очей.

Ты доволен, что розы покрыли цветник, что жасмины вокруг разрослись?
Оцени этот миг, ибо все пропадет через пять торопящихся дней!

Пусть подобны дыханью Исуса слова, что изрек пред тобой Несими,
Все равно для тебя безразличны они — нету силы у веры твоей!

ГАЗЕЛИ

* * *

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места — и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет,— все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, мое начало — жизнь твоя,—
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.

Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять,—
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.

Я жемчуг, в раковине скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.

Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я драгоценностей источник,— в моря и недра не вмещусь.

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной,— но в сотворенье не вмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?

Я небосклон, я все планеты, и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами,— и в твой язык я не вмещусь,

Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.

Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,
Я сам решенье с оправданьем,— в молчащий рот я не вмещусь.

Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся,— я в это пламя не вмещусь.

Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю.
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик — я в то же время молод, я лук с тугою тетивой,
Я власть, я вечное богатство,— но сам в века я не вмещусь.

Хотя сегодня Несими я, я хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава,— но я и в славу не вмещусь.

* * *

Все ярким солнцем твоего лица освещено,
Благоуханием твоих кудрей напоено.

Живую воду губ твоих я устыдился пить,
Как сахар, речь твоя сладка, пьяняща, как вино.

Что для себя могу просить я у небес, когда
Тебе богатство двух миров создателем дано.

Тому, кто б ножку захотел поцеловать твою,
Навек лишиться головы тотчас же суждено.

О том, чтоб мне счастливей стать, не стоит хлопотать:
С начала мира в жизни все аллахом решено.

К нам с колосящихся полей пусть долетит зефир,
Пусть будет все кругом его дыханием полно.

Тебя увидел Несими, красавица моя,
И божество с тех пор в моих зрачках отражено.

* * *

Мир не стоит, так пусть твои пройдут в движенье дни.
Мир блеском, мишурой покрыт — обманчивы они.

Не станет время ждать тебя, оно уйдет вперед.
О прозорливый, в этот мир поглубже загляни.

Богатство всей земли — тщета, поймн, о господин!
Все блага мира от себя с презреньем отними!

Но если любишь — за нее, избранницу души,
Хоть палачу отдай себя, хоть сам себя казни!

О сердце, заблудилось ты во тьме ее волос.
Любовь, подумай обо мне, на утро ночь смени!

И если завершился мир твоею красотой,
Как Магомет, опять к луне свой палец протяни.

И если ты, как Моисей, встречаешься с огнем,
То светом чуда озарись и тайну объясни.

Ты в мире только на пять дней, но раз мужчина ты —
Ты корень мира, вырвав прочь, по-своему согни.

Да, Несими узнал теперь, что смерть к тебе пришла.
Скажи, Ширин, что мертв Фархад, потухли глаз огни.

* * *

Свечою лика твоего, как моль, душа опалена.
Волос твоих не увидав, не успокоится она.

Постигли вечность Хызр, Исус,— но, кроме них, ее постиг
И тот, кому прохлада губ, прекрасных губ твоих дана.

Стократ блажен, кто зорок был, кто прямо на небо смотрел,—
Увидел оба мира он, когда упала пелена.

Того не знает астроном, что ты мой лучший календарь:
Что от начала до конца вся жизнь в тебе отражена.

Простой отшельник не поймет, что ты божественный глагол,
В огне синайского куста ты откровенья купина.

Терплю разлуку я, как пост,— без сна, без хлеба, без воды.
Войду ль в Каабу для молитв? Или она затворена?

Соперник думает, что я тобою изгнан был навек,—
Невежда бредит наяву, когда ж очнется он от сна?

Перед твоею красотой немеет даже Несими,
Но и язык небес молчит — так красота твоя сильна!

* * *

Где ты, желанная моя? Ты душу мне зажгла! Где ты?
Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала! Где ты?

О ты, чья сладость губ вдвойне приятнее вина,— приди!
Тебя не видел я, мне кровь все сердце залила,— где ты?

О ты, как роза, нежный друг, с глазами, как нарцисс,— приди!
Ты мне разлукой, как шипом, все тело порвала! Где ты?

О, где спокойствие мое? О, где терпение мое?
Любовь разрушила покой, терпение сожгла,— где ты?

Я в щит тобою превращен, от стрел, упреков защищен.
С бровей и глаз ты до сих пор забрала не сняла. Где ты?

Я мотылек, но не могу сгореть от лика твоего!
Огонь мой, свет мой, я умру без света и тепла! Где ты?

Других друзей не надо мне, когда я от тебя вдали.
О ты, что красотой своей всех в мире превзошла,— где ты?

Где ты, земной и неземной, о, где ты, храбрый всадник мой?
Разлуки горькая стрела мне прямо в грудь вошла! Где ты?

Дал тайну бытия аллах в залог твоим кудрям. Скажи,
Мой ростовщик, ты никому залог не отдала? Где ты?

Ты мускус для своих волос себе в Татарии нашла,
Благоуханием кудрей меня ты в плен взяла? Где ты?

С рассветом посылай ко мне душистый запах кос твоих,—
Я в нетерпенье жду. Меня ты со́ свету сжила! Где ты?

Похмелье вечное мое, с тобой вдвоем на что нам рай?
Ты мой нектар, ты вручена мне с райского стола! Где ты?

Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
Ты мне границею была, ты крепостью была. Где ты?

Сегодня будет Несими властителем своей любви!
О ты, что счастье и любовь одна мне дать смогла,— где ты?

АССАР ТЕБРИЗИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
?—1390

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «МЕХР И МУШТАРИ»

ОБРАЩЕНИЕ МУШТАРИ К ОСВЕЩАЮЩЕМУ МИР СОЛНЦУ

Подобно молнии, разящей взор,
Подняло солнце меч над шапкой гор,

И в небе вспыхнул семицветный флаг.
Увидя в том особый добрый знак,

Упала Муштари тогда на землю
И молвила: «О царь царей, мне внемли!

На троне сидя, шах морей и стран,—
Ты водишь в небе звездный караван.

Вселенную — хоть и не видит глаз —
По кругу движет быстро твой указ.

Ты свет даешь ученым всем на свете.
Дух, вызванный тобой, велик и светел.

Рубин тобою создан и сапфир.
Ты щедростью своей пленяешь мир.

Твоею милостью всегда казна —
Как соты медом — золотом полна.

К подножьям гор, на их груди покоясь,
Подвязываешь яхонтовый пояс.

Когда бы не лучей твоих волна,
Была бы вечно темною луна.

Ищу любовь средь ночи и средь дня!
Найди песчинку в мире — это я!

Когда ты золотишь холмов ланиты,
С высот своих и на меня взгляни ты!

Ты, солнце,— Мехр. И Мехр — любимый мой,—
Для вас готова жертвовать собой.

Как смелые наездницы — мечты,
Из Сирии в Китай летаешь ты.

Мехр, согревающий тела и души,
Ко мне яви свое великодушье:

Проникни к Мехру в золотой чертог!
А если через дверь пройти не смог,—

Лучи свои поднять ты можешь выше
И в дом его проникнешь через крышу.

И, если в доме будет он один,
Стократ коснись его, мой господин!

Скажи ему, что девушка одна
Из-за любви с душой разлучена,

Влюбленная, в слезах, скорбя о многом,
Пути не зная, бродит по дорогам.

Сменяют караулы день и ночь,
Свою печаль не в силах превозмочь.

Как тень любви, она бредет —
Бредет, и падает, и вновь встает,

И Мехра ищет, вопреки всем бедам,—
Но путь к нему, как прежде, ей неведом».

РАБГУЗИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
Конец XIII — начало XIV века

ВЕСНА

Солнце мира вступило в созвездие Овна — в Хамаль,
Растопило и льды и снега. И бывала зима ль?

Солнце, солнце идет! Оживает земная краса,
По земле расстилает рисунки рассвета февраль.

Веет утренний ветер,— со всех четырех он сторон! —
И олени несутся в степную открытую даль.

Если облако плачет — под ним вырастают цветы,
Талы машут руками, как будто им облака жаль.

И над чашей тюльпана поет, опьянев, соловей,
И к полету зовет, пролетая над миром, журавль.

Горностаи и белки резвятся близ важных подруг,
Лебединые крылья взрезают озерную сталь.

Попугай, обучающий горлинок чтенью стихов,
С ния-минбара кричит день и ночь как испытанный
враль.

А земля — вся в цветах, словно вешнее небо в звездах,
А на сердце поэта предвестница счастья — печаль.

Большеглазые гурии с неба к тебе прилетят,
Если ты, Рабгузи, о весне свою сложишь газаль.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

О ветер! Повей, побеги, посмотри
На цветок и на облако в блеске зари.
О пери! Позволь посидеть мне с тобой
И сиянием сердце мое одари.

ХОРЕЗМИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
XIV век

ИЗ «КНИГИ ЛЮБВИ»

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Мир, потрясенный чудом красоты,
Пал перед войском прелести твоей!

С тобой в сравненье гурия смугла,
Луна Новруза — лук твоих бровей.

Мой слух — Фархад, слова твои — Ширин.
Твой чудный взгляд — кашмирский чародей.

Приличествует родинка щеке,
Твое подножье — голове моей.

О, если б верным ты была верна!
Душа сгорает от твоих речей...

Твои глаза — нарцисса лепестки —
Пронзают грудь, как лезвия мечей.

Ты станом — кипарис. Твои уста —
Цвет аргавана, нет, еще красней!

Чем для меня запретней твой гранат,
Тем жар любви в крови моей сильней!

Китай, Кашмир тобой изумлены.
Сражает льва стрела твоих очей.

Твоей улыбкой сахар пристыжен,
Терзает гурий неба зависть к ней.

Твоя краса затмила семь миров,
Пыль пред тобой целует сонм царей!

В серьге твоей горит звезда Зухра,
Планеты — стража у твоих дверей.

Ты в царстве красоты — султан, о джан!
Ты вся — душа! О нет,— души милей!

Не смейся! Гурии сойдут с ума,
Увидев зубы, жемчуга белей!

Все девы рая в множестве своем
Не стоят завитка твоих кудрей.

Мне без тебя не нужен горний рай,—
Он без тебя геенны мне страшней!

Вся кровь из сердца хлынет через край,
Ковсара чистый замутит ручей...

Нет человеку жизни без тебя!
Жизнь без тебя не стоит двух грошей.

Твой рот подобен Хызровым дырам,
Твоя нога Каабы мне святей.

Дай целовать ее! Бессмертье дай,
Хотя б ценою тысячи смертей!

О, боже! Как ты страшно хороша!
На небе солнца не было светлей.

Я — Хорезми, твой раб, изныл в цепях
Несчастнейшей, тягчайшей из страстей.

* * *

Дай, виночерпий, чистого вина!
Пусть гости пьют, не грех — коль допьяна!

Промчится вереница долгих лет.
От смерти никому пощады нет.

Путем терпенья думал я пойти,
Но нет терпенья мне на том пути!

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Снеси привет, рассветный ветерок,
Той, что свой кубок делит со звездой!

Той, у ворот которой, словно раб,
Стоит на страже месяц молодой!

Снеси привет ограбившей меня,
Навек отнявшей сон мой и покой!

Той, что затмила солнце,— так она
Одарена безмерно красотой!

Той, что от темени до пальцев ног
Сияет, как поток воды живой!

О ты, что райской яблони стройней,
Удел раба объят могильной тьмой.

Ты, чья улыбка — жизнь, у чьих дверей
Огонь волны Ковсара золотой!

Твои глаза — разбойники. А ты
Сама их посылаешь на разбой!

В твоих устах — увы! — так много лжи,—
Зачем так много лжи тебе одной?

«Он умирает!» — молви обо мне,
Над кровлей бедняка склонись луной!

Ты на цветок, увядший от тоски,
Дохни животворящей весной!

Дай осушить рубиновый фиал,
Верни страдальца к радости земной!

Но кто приближен шахом красоты,
Отмечен тот счастливою судьбой.

Твоя улыбка счастью знак дает,
Гнездо любви — Ирем цветущий твой.

Ты прелестью завоевала мир,
Будь справедлива! Сжалься надо мной!

Мой шах! За твой привет, за добрый взгляд
Всей жизни заплатил бы я ценой!

Я верен был, пока хватало сил,—
Слуг верных ценит государь любой.

Жизнь без тебя мне — смерть. Моя душа
В разлуке ссохлась, словно мех пустой.

В разлуке мы. Но к сердцу твоему
Пусть не приблизится никто другой!

Я только близости твоей прошу!
Пусть ночь длинна, вернется свет дневной...

Найдя тебя, я жизнь в тебе найду —
Мой рай земной, услад небесный рой!

Спит сном глубоким счастье Хорезми,—
О, разбуди! Взойди над ним зарей!

* * *

Дай чашу Джама, кравчий, поскорей,
Залей вином огонь тоски моей!

До звезд небесных скорбь моя дошла,
Разлука с милой сердце мне сожгла.

Путем терпенья думал я пойти,—
Но нет терпенья мне на том пути!

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

О светоч мира! Красота твоя,
Как сад Эдема, пышно расцвела.

Своим дыханьем, как пророк Иса,
Умерших воскрешать бы ты могла.

Рубин померк, взглянув на твой рубин,
И роза ворот свой разорвала.

Увидев солнце твоего лица,
В смятенье на ущерб луна пошла.

Мир озарен твоею красотой,
Она — творцу предвечному хвала!

Я от кудрей твоих сошел с ума.
Ты пламенем очей меня сожгла.

За родинку твою, за поцелуй —
Бессмертие душа бы отдала!

Так сотни шахов получили мат,
Чуть кисею с лица ты подняла

И локоны — убежище сердец —
Игривою рукою отвела.

Ты — роза, а соперники — шипы.
О, если бы ты без шипов была!

Ты сладкой речью разум в плен взяла,
В глухое рабство сердце увела...

Я в голос твой влюблен. Его струя
В моих газелях звучно потекла.

Не отвергай меня! Не обрекай
Блуждать в пустыне горестей и зла!

Внемли, что молвит Мухаммед-ходжа,—
Послушай повесть про его дела:

«Газель Турана, мой тиран, о джан!
Не скрыть мне боль душевных ран, о джан!

Я истомился в западне любви,
Я смертной мукой обуян, о джан!

В том нет души, кто не отдаст души,
Чтоб увидать вдали твой стан, о джан!

Не ведали подобной красоты
Ни Индостан и ни Оман, о джан!

Увы, за кровь не платит никому
Влюбленного казнивший хан, о джан!

Ведь обреченных душ, таких, как я,
Несметен в мире караван, о джан!

От клятвы: «Больше жизни я люблю»,—
Свидетель бог, далек обман, о джан!

Но гибнет Хорезми,— смолк соловей,
В снегу холодном гулистан, о джан!»

* * *

Друг виночерпий! С чашею приди,
Меня в чертог смятенья приводи!

Я образ милой в духе отражу,
От плена плоти дух освобожу.

Путем терпенья думал я пойти,
Но нет терпенья мне на том пути!

ДУРБЕК

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ

Конец XIV — начало XV века

ИЗ ПОЭМЫ «ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА»

Придворные вельможи гопожи,
Придя, спросили: «Зулейха, скажи,
Правдив ли слух — мы верить не могли, —
Что ты в раба влюбилась, как Лейли!
Ущерб своей ты чести нанесла!
Худая слава о тебе пошла!»

«Уж если здесь вы,— как я ни плоха,—
Вы гости мне! — сказала Зулейха.—
Вы — добрые советчики, друзья,
Живите в счастье вы! Несчастна я!
Со мною проведите этот день,
От сердца отгоните горя тень».

И гости чинно, вслед за Зулейхой,
Вошли в прохладный внутренний покой,
Где трапеза дневная их ждала.
Всем женщинам хозяйка раздала
Ножи и яблоки своих садов
И молвила: «Отведайте плодов!»
Кормилице ж велела: «Поспеши
К Юсуфу, о наставница души!
Пусть пальму стана и нарциссы глаз
Увидят все, сидящие у нас».

Когда Юсуф правдивый — мир ему! —
Вошел в чертог, как яркий луч во тьму,
Свет полдня пред лицом его померк,
Сердца всех женщин в горе он поверг.
И не могли они ни глаз отвесть
От юноши, ни слова произнесть.
Все, разрезая яблоки, вокруг
Порезали ножами пальцы рук,
И, кровью обливаясь,— взгляни! —
Как мертвые, попадали они.
Очнувшись, видят: от крови мокры
Одежды их, подушки и ковры.
Понуря головы, они тогда
Заплакали от горького стыда,
Так говоря: «Умрем подле тебя!
Ты розой счастья стала, полюбя.
Тебя, невежды, упрекали мы...
Ты видела, чем сами стали мы!»

И Зулейха открыла дверь словам:
«Хоть не пришлось сгорать любовью вам,
Как мне, по сразу вы упали с ног.
А жизнь моя вся — мук сплошной поток!
Палит и жжет мне душу огнь любви,
Объявший твердь и сушу огнь любви —
От рыбы, мир несущий на спине,—
И до звезды, плывущей в вышине,—
Нить и основу в ткани бытия
Связующий! И вот — любовь моя».

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XIV—XV века

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

В сиянии сидела ты,
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный сад,
Где роз и лилий аромат
Цветы лучистые струят.

Твой взор — как гладь морских валов,
А брови — сумрак облаков;
Меж тонких губ ряды зубов
Блестят, как нити жемчугов.

Монахи, встретившись с тобой,
О книге позабыв святой,
Дрожат всем телом в летний зной,
Зима ж им кажется весной.

С тобой вступить могу ль я в спор?
Любовью твердь ты плавишь гор,
Ты крепостей крушишь затвор,
Ты скалы мчишь в морской простор.

Безумец бедный, Ованес!
Ты пел златой ковчег чудес,
Чтоб, по суду благих небес,
Червь тело грыз, а душу — бес!

НЕ УБЕЙ МЕНЯ ЛЮБОВЬЮ

Ты пышный цветник, ты, как роза, горда.
Глаза — морей опьяненных вода.
Грудь — сад плодовый. Скрыться куда?
Ты грозный судья, и жду я суда.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Сильнее креста твоя благодать,
Я сил не найду с тобой совладать.
Земля ты иль пламя? Рядом сядь.
Я болен — и вот здоров я опять.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

И стыд позабыт. Священник, монах,
И вам не спастись — настигнет впотьмах,
Нарушит ваш сон любовь. Где же страх?
Смеется, злословит народ,— все прах.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

О, ты молоко, и миндаль, и мед.
Пускай острый шип глаза разорвет
Тому, кто тебя не чтит. О, разлет
Бровей! Кипарис, пронзающий свод.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Как бабочка, опален я огнем,
Ты солнечный лик, пылающий днем.
Когда остаюсь с тобой вдвоем,
Дрожу, и смятенье в сердце моем.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Я светлый твой лоб сравню со звездой.
Шамам — твоя грудь, Эдем золотой,
О, яблоки щек, коль сахар со мной,
То и на Миср махну я рукой.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

За твой поцелуй отдам Хорасан,
Абаш и Дели, Йемен, Индостан.
Цена твоих кос — Китай и Яздан,
Стамбул и Хата — все обилье стран.
О Тлкуранци, все сказал ты пока,
Ведь ум твой легче крыла мотылька!

К СМЕРТИ

Лишь о тебе помыслю, смерть, в душе тоска.
Всего ты горче, пред тобой — желчь не горька!
Ты горче горького! Лишь ты к себе близка!
Пусть горче ад: в него влечет твоя рука!

Ты мстишь Адамовым сынам, ведешь их в ад;
Ты — наказанье за грехи, за райский сад.
Давида с Моисеем ты берешь подряд;
Взят Авраам, и Исаак под землю взят;
Тобой низвергнут Константин и Тиридат.
Тебя и тысячи врагов не устрашат.

Шесть панцирей надень, их все твой дрот пробьет:
В тюрьму всех бросишь и скалой завалишь вход.
Ты — тот орел безмернокрыл, чей мощен лет,
И волочит концами крыл он весь народ.
Блажен, кого в добре найдет его черед,
Но схваченных во зле — в огонь твой взмах метнет!

О, Тлкуранский Ованес! Ты учишь всех,
И семь десятков лет ты сам ласкаешь грех!

ЛИК ТВОЙ — СОЛНЦЕ

Лик твой — солнце, и не мудрено,
Что тобою все озарено.
Любишь иль не любишь — все равно
От любви мне гибнуть суждено.

Только что стояла здесь скала,
Ты прошла — взглянула и сожгла.
Гибнем, но не замечаем зла
Мы, чьи души сожжены дотла.

Женщины иной, тебе под стать,
Не могла родить другая мать,
Взор твой излучает благодать,
Божья на лице твоем печать.

Лоб твой ослепляет белизной,
Губы — словно лепестки весной.
С чем сравнить мне лик твой неземной?
Ты подобна лишь себе одной!

Я сгораю; больше нету сил,
Я за то страдаю, что грешил.
Страшной казнью бог меня казнил:
Он тебя из праха сотворил.

Плачу я — безумный Ованес,
Я сгораю, мой покой исчез.
Ты — огонь мой, ты — мое страданье,
Кара, посланная мне с небес!

ВСТРЕТИЛ Я КРАСАВИЦУ НЕЖДАННО

Встретил я красавицу нежданно.
Глянув на пылавшие уста,
Замер я и рухнул бездыханно,
Понял: без нее земля пуста.

Я такое увидал впервые.
Очи, словно волны голубые,
Волосы, как нити золотые,
Брови — ночи зимней чернота.

Светел мир ее лишь благодатью,
Я пленен ее лицом и статью.
Душу за нее готов отдать я,
Столь она прекрасна и чиста.

И когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.

Ованес, не стоило влюбляться.
Наши дни недолго в мире длятся,
Чаще вспоминай, чтоб исцеляться,
Что не вечна в мире красота.

* * *

Земля подобна раю стала
По мановению творца,
Чьей благодати нет конца,
Чьей благодати нет начала.

Коснулась божия рука
Листа, и ветви, и цветка,
В горах замерзшая река
Оттаяла и зажурчала.

Идут коровы со двора,
Пастись в лугах пришла пора.
Резвится, пляшет детвора,
Как ей по возрасту пристало.

Юнцы влюбленные стоят,
Вослед красавицам глядят,
Но те не ловят жаркий взгляд,
Не смотрят на кого попало.

Вернулись птицы в свой приют
И хлопотливо гнезда вьют,
И, завершая тяжкий труд,
Они поют свои хоралы.

Вновь прилетели в отчий край
И соловей и попугай,
И, превращая землю в рай,
Их песнопенье зазвучало.

Простор лугов и склоны гор
Покрыл затейливый узор —
Раскинулся цветов ковер,
И вся земля возликовала.

Расцвел нарцисс, как добрый знак,
Короной возгордился мак,
И орхидея белый стяг
Ввысь подняла и заспяла.

Вот тубероза средь лилей
Стоит, других цветов мудрей,
Поскольку мудростью своей
Больных проказой исцеляла.

Расцвел весь мир, как вешний сад,
И всяк живущий в мире рад,
Все господа благодарят:
Его глагол — всему начало.

Не счесть его благих щедрот,
И зреет всякий сладкий плод,
Обилье вишен ветку гнет,
Склонясь, она к земле припала.

Кизила ягоды горят,
Каштаны зрелые висят,
И соком налился гранат,
И зреют груши небывало.

И словно поздняя трава,
Желтеет на ветвях айва,
Отяжелели дерева,
И много персиков опало.

Но сходит все в краях земных,
И вот в садах полупустых
Нет абрикосов золотых,
И фиников, и яблок мало.

Куда ни глянь — пустеет сад,
Но дозревает виноград,
Чья сладость слаще всех услад
В раю Адама искушала.

Поднесший виноград к устам,
Из рая изгнан был Адам,
Но сладость винограда нам
Блаженство рая даровала.

И вот уже сады пусты.
Где нынче листья, где цветы?
Былой не видно красоты,
Листва пожухла и опала.

Страдают птицы без вины,
Что в дальний край лететь должны.
Не всем дождаться им весны,
Чтоб снова все начать сначала.

А осень оставляет нам
Сады — как опустелый храм,
Они подобны старикам:
Что отцвело, того не стало.

КОЛЬ НЕ БЫЛО Б МУЖЕЙ...

Коль не было б мужей, что, грешных, нас
Предостеречь хотят Святым писаньем,
Смерть и без них была бы всякий раз
Остереженьем и напоминаньем.

Дотянется до всех ее рука,
До полководца и до властелина,
До богатея и до бедняка.
Ты схимник или царь — ей все едино.

Я видел покорителей земли,
Но ведал я: их слава быстротечна,
И в час назначенный они ушли,
Взяв лишь одну сажень земли навечно.

И тот, кто тело холил много лет,
Тот, кто себя умащивал до лоска,
Ушел навечно, и его скелет
Лежит в могиле на подгнивших досках.

Я видел многих богачей скупых,
В чьи сундуки текли златые реки,
Но даже им всего два золотых
В дорогу дали, положив на веки.

Твердил владыка: «Есмь я Соломон!»
Была блестящей жизнь его и длинной,
Но эта жизнь окончилась, и он
Стал под землею пищей муравьиной.

Не одного я видел удальца,
Теперь они давно лежат в могилах,
И даже муравья согнать с лица,
Ходившие на львов, они не в силах.

Красивы, юны были женихи,
Невесты были стройны и невинны.
Краса поблекла их, и пауки
В гробах забытых свили паутины.

Единый в мире властвует закон:
Все, что на свет родится,— умирает.
И если ты рассудком наделен,
Тебе об этом помнить не мешает.

МКРТИЧ НАГАШ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
1393—70-е годы XV века

СУЕТА МИРА

О братья, в мире все дела — сон и обман!
Где господа, князья, цари, султан и хан?
Строй крепость, город, иль дворец, иль бранный стан —
Все ж будет под землей приют навеки дан.

Разумен будь, Нагаш, презри грехов дурман,
Не верь, что сбережешь добро: оно — туман;
Стрелами полный, смерть для всех несет колчан,
Всем будет под землей приют навеки дан.

Мир вероломен, он добра нам не сулит;
Веселье длится день, потом вновь скорбь и стыд.
Не верь же миру, он всегда обман таит,
Он обещает, но дает лишь желчь обид.

Тех, обещая им покой, всю жизнь томит;
Тех, обещав богатство им, нуждой язвит,—
И счастье предлагает всем, ах, лишь на вид,
Уводит в море нас, где бездн злой зев раскрыт.

Проходят дни; вдруг смертный день наводит страх,
И света солнца ты лишен, несчастен, наг.
Ах, отроки! Ваш будет лик — истлевший прах,
Пройдете вы, как летний сон в ночных мечтах.

Знай, раб, что и твоя любовь — лишь тень во днях.
Не возлюбляй же ты мирских минутных благ.
Не собирай земных богатств, с огнем в очах:
Одет и сыт? Доволен будь! Иное — прах!

Трудись и доброе твори, бедняк Нагаш!
Свои заветы чти: другим пример ты дашь!
Поток греха тебя, пловца, унес,— куда ж?
И, благ ища, стал не добра, но зла ты страж!

О ЖАДНОСТИ

От века и до наших дней любому злу в судьбе земной
Тупая жадность — лишь она — была единственной виной.

У жадного и бога нет, апостол говорит святой,
Того он бога признает, под чьей находится пятой.

Он — хищный волк. Его закон: людскую кровь пускать рекой.
Он пьет, но кровью никогда не насыщается людской.

Хоть и богат и властен он, но по природе он такой:
Всех обездолить норовит, все захватить своей рукой.

Все, все — и драка, и тоска, и зависть, и ночной разбой,
Проделки шайки воровской,— все из-за жадности людской.

Клятвопреступники, лжецы, кричащие наперебой,
От веры отошли святой,— все из-за жадности людской.

Один болтается в петле, другой сидит в тюрьме сырой,
А те пропали с головой,— все из-за жадности людской,

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой,— все из-за жадности людской.

Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над страной,
Ровняют города с землей — все из-за жадности людской.

Один поднялся на отца, братоубийцей стал другой,
У них святое под ногой,— все из-за жадности людской.

В католикосы лезет всяк, кто в беззакопии герой,
Пролез в епископы иной,— все из-за жадности людской.

С епископом развратник пьет — и властью наделен мирской
За мзду монетой золотой,— все из-за жадности людской.

Архимандритов новых рой во всем плетется за толпой,
В прилавок превратив налой,— все из-за жадности людской.

Монахи, бросив монастырь, по селам шляются толпой:
Забудь молитвы! Песни пой,— все из-за жадности людской.

А иереи — за дубье! Тот — с окровавленной щекой,
А тот — с припухнувшей губой,— все из-за жадности
людской.

Нагаш, ты — пленник суеты, следи всечасно за собой;
Немало этого добра и ты имеешь, как любой.

СТРАННИК

— Я умоляю: слово «странник»
Ты всякий раз не повторяй.
В чужом краю скорбит изгнанник,
Хоть этот край кому-то рай.
Несчастный странник, словно птица,
Которой к стае не прибиться,
Пока она не возвратится
В свой отчий, в свой любимый край.

— Не убивайся, бедный странник,
Минуют тяжкие года,
Не навсегда твое изгнанье,
Не навсегда твоя беда.
Молись, господь тебе поможет,
На родину вернет, быть может,
Чтоб ты забыл по воле божьей
Чужие эти города.

— Я всех молю о состраданье,
Шепчу: «О боже, пощади!»
Чернее самого изгнанья
Лишь сердце у меня в груди.
И от былых воспоминаний
Лишь множатся мои страданья,
И стеснено мое дыханье,
И нет просвета впереди!

— Не причитай, не плачь, изгнанник,
Не победишь слезами зло.
На свете ни одно страданье
От причитаний не прошло.
От громогласного стенанья
Не исполняются желанья,
И никого еще рыданье
В родимый край не привело!

— Изгнаннику повсюду горе,
С бедой смирился он давно.
Он никогда ни с кем не спорит,
Ему надежды не дано.
В толпе чужих он горе прячет,
Для них он ничего не значит.
Кровавыми слезами плачет,
Все перед ним черным-черно!

— Увы, родимого предела
Для смертных нету под луной,
Мы странники на свете белом,
Не на земле наш дом родной.
Но так живи в своем изгнанье,
Чтобы за все твои деянья
Ты новых не обрел страданий
В отчизне нашей неземной.

ПЛАЧ ОБ УМЕРШИХ

Счел господь нас достойными кары,
Тяжки божьей десницы удары.
Смерть забыла — кто юный, кто старый,
Полыхают повсюду пожары.

Ах, как жаль, что пришло это горе,—
Разлученным не свидеться вскоре.
Гибнут юноши, тонут, как в море,
Стынут слезы у женщин во взоре.

Ангел смерти мечом своим длинным
Сносит головы жертвам невинным,
А они, как цветы по долинам...
Стонет мать над загубленным сыном.

Кто опишет несчастия эти?
Худших зол не бывало на свете,
На порогах родительских дети
За ничто погибают в расцвете.

Войте, жалуйтесь: днесь и вовеки
Надо зло умертвить в человеке,
Плачут горы, деревья и реки,
Мудрецы на земле, что калеки.

Пали воины — цвет молодежи,
Те, кого обожали до дрожи,
Те, чьи брови на арки похожи,
Огнеглазые в куртках из кожи.

И диаконы, что ежечасно
Пели богу хвалу сладкогласно,
Смерть вкусили. Роптанье напрасно,
Лишь в могиле лежать безопасно.

Страшный суд совершается ныне,
Но заступника нет и в помине...
Черный ангел уносится в дыме
С новобрачными, а не седыми.

Некий юноша, шедший на муку,
Плакал, с жизнью предвидя разлуку,
Был бы рад он хоть слову, хоть звуку,
Но никто не подал ему руку.

И сказал он: «Тоска меня гложет,
Смерть состарить до срока не может,
Я — зеленая ветка,— быть может,
Кто нибудь уцелеть мне поможет.

Мне не в пору могила-темница,
Сто забот в моем сердце теснится,
Сто желаний запретных толпится,
Лучше б дома мне в щелку забиться!»

И к отцу он воззвал: «Ради бога,
Помоги мне прожить хоть немного,
Мне неведома жизни дорога,
Злая смерть сторожит у порога!»

Горько молвил отец: «Вот беда-то,—
Ни скотины на выкуп, ни злата;
Мог себя запродать я когда-то,
Но за старца дадут небогато».

И подобно другим обреченным,
Сын свалился на землю со стоном:
Вспомнил детство, свечу пред амвоном,
Вспомнил солнце, что было зеленым...

И глаза его скорбь угасила,
И исчезла из рук его сила,
И лицо словно маска застыло,
Неизбежною стала могила.

Тут и молвил он: «Отче и братья,
Лишь молитвы могу с собой взять я,
Умоляйте же все без изъятья,
Чтоб господь растворил мне объятья».

А потом, отдышавшись немного,
Стал просить он служителей бога;
«Помолитесь и вы, чтоб дорога
Довела до господня порога!»

Я епископ Нагаш, раб единой,
Видел сам все страданья Мердина,
Слышал сам его жителей стоны,
Шел сквозь город в печаль погруженный.

По большому армянскому счету,
Год стоит у нас девятисотый.
Приказал я молиться причету,
Позабыл про иные заботы.

Пожалей наших мертвых, Мария,
Шлю мольбы от зари до зари я,
Рай открой им, спаси их от змия,
Лишь молиться мы можем, Мария!

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XIV—XV века

ПЕСНЯ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ[1]

Песню изумительную вы услышите сейчас,—
И телу и душе она готовит радость в нас.
Я буду славить соловья, чей так приятен глас,
И розу, чей цветной убор так сладостен для глаз.

Так молвит розе соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю; ты — храм любви и красоты!
Должна в тебя войти любовь святая с высоты;
Твоей любовью расцветут по всей земле цветы».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Как счастлива, в душе моей, я от твоих речей;
Но ты летаешь высоко,— я вечно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь с любовию твоей?»

Так молвит розе соловей: «Внемли, что я пою.
Чтоб сердце поняло твое до дна любовь мою,
Я, красоту твою ценя, с небес росу пролью;
С моей любовью ты сольешь тогда любовь свою».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Боюсь, что молния с небес ко мне с росой слетит,
Что яркость лепестков моих то пламя опалит,
И станет насмех всем цветам мой искаженный вид»...

Так молвил розе соловей: «Хочу я тучей стать,
От солнечных лучей тебя я буду защищать,
И с нежностью в палящий день навесом оттенять,
И сладостной своей росой, в часы зари, питать».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Мне страшно, я боюсь, что гром из тучи загремит.
Что лепестки мои, гремя, всех красок он лишит,
И станет насмех всем цветам мой искаженный вид».

Так молвил розе соловей: «Я солнцем стать могу,
Свой заревой, свой нежный свет я для тебя зажгу,
Я красок тысячу твоих любовно сберегу,
И честью всех других цветов ты станешь на лугу».

---

[1] Сокращенный перевод.

Так молвит роза соловью: «Так хрупок мой наряд!
Рассветные часы меня пугают и палят;
Боюсь я солнечных лучей: они меня пронзят,
И упадут все лепестки на луг, за рядом ряд».

Так молвит розе соловей, и так поет певец:
«Достойна ты! Ты всем цветам — прекраснейший венец;
Что я любовью опьянен, признаюсь наконец!
Тебя зеленой навсегда да сохранит творец!»

Так молвит роза соловью в ответ на песнь певца:
«Твой нежен голос, веселишь ты всех людей сердца,
И песнь на тысячу ладов ты строишь без конца,
Ты — честь и ты — краса всех птиц, по милости творца!»

Так молвит розе соловей: «Ты всех лекарство зол;
Кто болен, исцеленье тот в любви к тебе обрел;
Кто страждет и еще к тебе за благом не пришел,
Томим раскаяньем, что он спасенья не нашел».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Откуда песнь твоя, что всех певучей и сильней?
Я в умиленье от твоих властительных речей.
Наверно, равного тебе нет во вселенной всей».

Так молвит розе соловей: «Есть царь, что надо мной,
Дарует всем цветам дары он щедрою рукой.
И если жаждешь ты узреть его перед собой,
Прославлена в века веков ты будешь всей землей!»

Так молвит роза соловью: «Я завистью полна!
Служить ему — тебе судьба бесценная дана!
Да, если осыпал тебя он милостью сполна,
Понятно мне, я почему томилась здесь одна!»

Так молвит розе соловей, и вот его ответ:
«Когда всем сердцем примешь ты мой радостный обет,
Тебя, и телом и душой, прославит целый свет,
И, как рабы, все будут чтить твой непорочный цвет».

Так молвит роза соловью: «Спеши мне все открыть!
Я вся желанием горю твои слова испить.
Что есть на сердце, ничего не должен ты таить,
Когда любовию меня ты хочешь покорить!»

Так молвит розе соловей: «Несу благую весть:
Рабою быть царя — твоя достойнейшая честь!
Начнут тебя превозносить все птицы, сколько есть,
И песен про тебя спою я столько, что не счесть!»

Так молвит роза соловью: «Тебя благодарю;
Служить желаю всей душой подобному царю,
Но пред величием его я радостью горю.
Чем я пленю его и что ему я подарю?»

Так молвит розе соловей: «Тебе я бодрость дам.
Узнай, что снизойти к тебе сей царь желает сам.
Ты, в радости безмерной, верь божественным мечтам,
Затем что будешь ты его нерукотворный храм!»

Тот соловей, краса всех птиц,— архангел Гавриил,
И богоматерь — роза та, святее всех святых,
И царь тот — Иисус Христос, владыка вышних сил.
В бессмертной розе воплотясь, он к людям нисходил.

Все это, полн земных грехов, писал я, Аракел;
Так соловья и розу я, как только мог, воспел,
А Гавриила в соловье изобразить хотел,
Марию — в розе, и Христа — в царе, как я умел.

И всех молю я ныне, кто мои стихи прочтет,
И всех, кто на веселый лад иль нежный их споет,
Да богу имя он мое в молитве назовет,
И за молитву ту господь к нему да низойдет.

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1350—1425

МОЛИТВА

1

Горы в цветах — волшебный цвет,
Как фимиам, цветов привет;
Так ярко льешь ты славы свет,
Белей тебя и снега нет.

2

Дух мирры ты, ты дух цветов,
Ты слаще всех земных медов.
Ты розы куст, что без шипов,
Любви побег, что цвесть готов.

3

Живой, узрев твою красу,
Как лилия, я расцвету,
Зажгусь огнем я, весь в свету,
Паду без чувств я в пустоту.

4

Заря любви и благодать,
Позволь в уста поцеловать.
Где будешь ты благоухать,
Хочу тебя сопровождать.

5

И дайте в дом внести вина,
Пусть будет песнь любви дана,
Ведь слезы льет душа до дна,
Возлюбленным умилена.

6

Любовью полн, меня лобзай,
Хотя б одно лобзанье дай,
Чтобы душе открылся рай,
Вино груди твоей вливай.

7

Меня белит, как горы снег,
С тех пор как я — причастник нег.
Душа моя, ликуй вовек.
Роса бежит с открытых век.

8

Не знают сна мои глаза,
Как грянула любви гроза.
Я землю ем, как хлеб, грызя,
Водою служит мне слеза.

9

О, только в сад я твой вошел,
Как древо там твое нашел.
Вкусив плоды, я в нем обрел
Усладу дум средь дальних зол.

10

Пошли, о нард, пошли шафран,
В нем аромат священный дан,
Чтоб я был светом осиян
И вечно б был ты духом пьян.

11

Рыскучий зверь, в полях брожу
И все цветка не нахожу.
Пускай твой лик я услежу,
Чтоб душу умирить свою.

12

Томлюсь я ночь, и сна мне нет,
Спокойствия пропал и след.
Владеет мной безумный бред,
Я страстью полн к тебе, о свет.

13

Уединен и замкнут сад,
Где ты цветешь среди оград,
О дивный лик, я сотни крат
Твоим лобзаньям был бы рад.

14

Хоть обхожу я белый свет,
Котлом киплю в теченье лет.
Тобою полн, небесный свет,
И все любви исхода нет.

15

Что пламенем, я весь сожжен,
Тоской к тебе изнеможен.
Пускай потоп опять решен,--
Огня залить не в силах он.

16

Шумя огнем, велит мне страсть
Лобзаний тех изведать власть.
О, дай к груди твоей припасть,
Где молока и меда сласть.

17

Щедрот твоих мы все хотим,
Раскрыв сердца, мы все стоим,--
Когда ж себя мы предадим
Лобзаниям живым твоим?

18

Я жертвой стал любви меча,
Расплавился я, как свеча,
Я изнемог, цветку крича:
«Возьми любовь, что горяча!»

19

Эдемскую взрывая тишь,
Зову: «Меня ль любви лишишь?
Ты к славе слав еще взлетишь,
Коль страсть мою ты утолишь».

ИЗ «АДАМОВОЙ КНИГИ»
ОБ УБРАНСТВЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ И РАЯ
(ИЗ ГЛ. II)

Как описать мне прелесть рая?
Не может быть прекрасней края.
Как солнце и луна сверкая,
Цветок там каждый расцветал.

Лицо Адамово лучилось,
В нем отражалась божья милость,
Оно сверкало и светилось,
И райский свет на нем играл.

Оно сияньем озарялось,
В нем солнце так преображалось,
Что солнцем и лицо казалось,
И свет бессмертия блистал.

Адам, сияньем осененный,
Был неземным ростком зеленым.
Он был цветком новорожденным,
Он свет бессмертья источал.

Своим блаженством восхищенный,
Душой и мыслью просветленный,
Как на свету алмаз граненый,
Сияньем божьим он сиял.

Под сенью райского предела
Сливался свет души и тела,
Душа сияньем пламенела,
И свет сей тело озарял.

Над ним господь был вездесущий,
Под ним шумели рая кущи,
Глядел Адам на мир цветущий
И божью милость восславлял.

Благоуханную обитель
Оглядывал наш прародитель,
Он, опьяненный райский житель,
Благие запахи вдыхал.

Он любовался этим краем,
Он пел, он упивался раем.
Что сам он был неувядаем,
Наш прародитель понимал.

Он к божьей славе приобщался,
Любви сияньем упивался,
Восторг его из сердца рвался
И благодарностью звучал.

Сияли чудным озареньем
Творец и тот, кто был твореньем.
Над каждой тварью и растеньем
Дух целомудрия витал.

Цветы, казалось, пламенели,
И сонмы ангельские пели,
Они пьянили и пьянели,
Сливаясь в радостный хорал.

И, может, божеская милость
В том благодатно проявилась,
Что самому Адаму мнилось:
И он сиянье излучал.

Сомненьем поздним не тревожим,
Адам на бога был похожим,
И, будучи подобьем божьим,
В себе он бога ощущал.

ПЛАЧ О НЕИЗБЕЖНОЙ КОНЧИНЕ, О ПУТИ ДУШИ И БОРЬБЕ ЕЕ СО ЗЛЫМИ ДУХАМИ (ИЗ ГЛ. V)

Не избежать и мне сего удела:
Душа моя отринется от тела
И пустится в тот страшный, без предела
Далекий путь неведомо куда.

Обступят душу сонмы бесов разных,
Ужасных сутью, ликом безобразных,
Еще страшней сомнений тех опасных,
Что бесы мне внушали иногда.

Душа моя окажется в их власти,
Сулящей ей лишь беды и напасти,
И душу раздерут мою на части,
Чтоб ей пропасть, исчезнуть без следа.

Те бесы с адской злобою во взгляде,
Начнут огонь вздувать и крючья ладить,
Кружиться станут спереди и сзади,
Повсюду — слева, справа — вот беда!

В том мире тесном, мире помрачневшем
Придется худо душам отлетевшим,
Стыдом отягощенным, многогрешным,
Не ждавшим в жизни Страшного суда.

И, проявив бесовское старанье,
Припомнят бесы все мои деянья
И станут мне готовить наказанье,
Для коего и брошен я сюда.

Но перед тем как дьявол завладеет
Моей душой, как телом Моисея,
Быть может, скажет ангел, мрак рассея:
«Господь его прощает навсегда!»

ХАКИКИ ДЖАХАНШАХ КАРА-КОЮНЛУ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
XV век

* * *

Ей, что сердце мне разбила равнодушьем, ей — привет!
Ей, кому я верен буду до скончанья дней,— привет!

Страсть — любви, смиренье — жизни, мужество — разлуке злой!
Ей, меня в упор сразившей стрелами бровей,— привет!

Будет милая царица вечно мной повелевать,
Ей, свободы не дающей от своих цепей,— привет!

Вновь весна ковер зеленый расстелила на лугах,
Ей, чья красота затмила все цветы полей,— привет!

Я — гуляка беззаботный, виночерпий мой — она,
Ей, что в чашу наливает мне вино полней,— привет!

Хакики любимой верен, от нее вдали скорбит,
Ей, с кем встретиться однажды стоит жизни всей,— привет!

РУБАИ

Любовью я обжегся в первый раз.
Ах, кто меня тогда от смерти спас?
Мне лучше бы в огне любви погибнуть,
Чем в пламени тоски гореть сейчас!

* * *

Милость, явленная богом, красоте всегда важна.
Красоте для совершенства родинка всего нужна!

В ослеплении когда-то я с луной тебя равнял,
Я — прозрел, с твоим сияньем не сравнится и луна!

Тот себя зовет счастливым, кто богатством наделен,
Но, с тобой сливая душу, счастье я познал сполна!

Я б хотел увидеть Хызра, чтоб испить твои уста,
Без тебя вода в колодцах не прозрачна, не вкусна!

Бедный дервиш, я склоняю голову к ногам твоим,
Что мне все владыки мира,— мной владеешь ты одна!

Лишь надеждою на встречу я разлуку превозмог,
Суфию безмерность горя в испытание дана!

Твоего вкусить блаженства я всевышнего молю,
До краев наполни чашу, что осушена до дна!

Всех влюбленных поразила стройность стана твоего,
Кипарис,— они сказали,— вот кому под стать оно!

Розу губ твоих душистых воспевает Хакики,
Понимая, как прекрасна речь его звучать должна!

* * *

Стройней твоего кипарисного стана не видел,
Алей твоих щек — на лужайке тюльпана не видел,
Тревога моя о тебе лишь и ныне и присно,
Любимой, что столь же всегда мне желанна,— не видел.
О чем еще думать, тоскуя в разлуке с тобою?
Другой, исцеляющей все мои раны,— не видел.

Любовь завлекла меня в глубь океана, в пучину.
Тонул я, и берег за дымкой тумана не видел.
Твоя красота стала зеркалом светлого сердца,
В его отраженье и тени обмана не видел.
Душистей кудрей твоих мускус Хотана едва ли!
Чтоб так же душою прекрасна была ты,— не видел.

Цепями волос ты к себе приковала навеки,
Путей избавленья от власти тирана не видел.
Лишился покоя и сна из-за глаз твоих черных,
Тебя умолявших, как я, покаянно,— не видел.
Листал Хакики, словно книгу, и страны и годы,
Красавиц, подобных тебе, без изъяна,— не видел!

САККАКИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
Первая половина XV века

ГАЗЕЛИ

* * *

Каждый день ко мне приходит от царя любви посол,
Царь душе моей вещает: «Встреться же с послом моим!»

Сотней тысяч испытаний взгляд твой может наказать,
Кровь мою он проливает, ставши палачом моим.

Грозное твое веленье исполняется, о царь!
Будь же нелицеприятным, праведным судьей моим.

Ведь лицо твое — как роза, я рыдаю соловьем.
Шепчешь ты: «Зачем так плачешь, бедный, пред лицом моим?»

Меч ресниц твоих и стрелы убивают Саккаки.
О красавица, ты станешь сладостным концом моим!

* * *

Ты мне дупу растрепала, словно прядь своих волос,
Ты дыханьем опалила сердце мне огнем любви.

Прядь волос твоих — крылатый огнедышащий дракон,
Стережет он клад заветный во дворце святом любви.

Окажи благодеянье, милостива будь ко мне,
Не разрушь в несчастном сердце бирюзовый дом любви.

Пожалей раба, царица, я — как нищий пред тобой,
Надо мной ты в небе держишь молнию и гром любви.

Все пойми! Проникни взглядом мудрым в сердце Саккаки.
Бог у мира отнял разум, стал и я рабом любви.

АТАИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ

Первая половина XV века

ГАЗЕЛИ

* * *

Ханша прелести! Лица от нас не прячь!
Утоли того, кто голоден и зряч!

Где спасусь от власти взора твоего?
Погубил меня смеющийся палач.

Сбрось зеленый свой бутоновый покров,
В цветнике играй с бутонами в суймач!

Хвастать вздумала фиалка пред тобой,—
Ветерок встрепал, согнул ее — хоть плачь!

Если хочешь целый мир в себя влюбить,—
Распахни пред алой розой темный плащ!

Атаи газельим взором полонен,
Чьи бы взоры ни манили,— он незряч!

* * *

Улыбнулась ты из облачных пелен,—
Хор красавиц расступился, пристыжен.

Томной прелестью горят твои глаза,—
Их беседами цветник твой оживлен.

Сладкий рот — ларец рубинов — сторожить
Встали родинки — индусы — с двух сторон.

Стала роза похваляться пред тобой,—
Замолчать велел ей ветер, возмущен.

Как стрела, пробил мне сердце быстрый взор,—
Наконечником я в душу уязвлен.

Пусть душа с тобой в разлуке умерла,—
Той стрелой твоей я к жизни пригвожден.

Атаи ни хлеб не нужен, ни вино:
Жизнью он, с тобой в разлуке, пресыщен!

* * *

Солнце, месяц — твой лик? О моя госпожа,— отвечай.
Сахар, мед — твой язык? О моя госпожа,— отвечай.

Ты ли краешком глаз посылаешь мне взоры тайком,
Иль то корень души подсекли два ножа,— отвечай.

В душу веет восток, от волос твоих амбру неся,
Иль то савский удод прилетел с рубежа,— отвечай.

Черный глянец волос твоих блещет всю ночь надо мной,
Иль то ворон кружит, с кипарисом дружа,— отвечай.

О, поведай мне правду о горестных стонах моих!
Не дрожат ли от них твои псы-сторожа,— отвечай.

Как бы мог я забыть о рубиново-сладких губах.
Что ж мне — душу сгубить? Сточит пусть ее ржа? — отвечай.

О султанша прекрасных! Спроси: «Чем живет Атаи?»
Грех ли нищим помочь, богу щедрых служа,— отвечай.

* * *

Эту светлую пери, что здесь над водой склонена,
Я бы выпил до дна,— так она благодати полна!

Скажешь: гурия рая сошла — Салсабиля черпнуть,
Скажешь: плечи ее обнимает Ковсара волна.

Рук не моет в воде — не запятнана их чистота:
В мир неся чистоту, моет воду руками она.

Убедились глаза в правоте стародавней молвы,
Будто дев водяных высылает порой глубина.

Увидал Атаи эти брови — михрабы твои,—
С той поры у него и молитва в михрабах — одна!

* * *

Виночерпий, дай чашу! Нам роза сверкнула, нежна,
Пьян нарцисс, и волна соловьиного гула нежна.

Под шатром кипариса мне горлинка сладко поет,
Иль бутыль по-арабски «куль-куль» затянула, нежна?

Если амбру волос ветерок по щекам распустил —
То на розу из роз тень от тени вспорхнула, нежна.

Упаси тебя бог наклониться над чашей с вином,
Чтобы роза вина к розе щек не прильнула, нежна!

От жестокой любви, верно, умерло б сто Атаи!
Жизнь твоя, о мой шах, жизнь мне в душу вдохнула, нежна!

* * *

Мы в обители роз розовее лицом не видали.
Губы — сахар; такого в Египте самом не видали.

В Чип-Мачине, в Хотане — таких убивающих взоров,
Злой турчанки такой мы нигде — присягнем — не видали.

Мы пришли любоваться прославленной стройностью стана,—
Горе видели ночью, а стана и днем не видали!

Есть красавиц немало, узбечка, и в нашем народе,—
Мы же равных тебе ни в своем, ни в чужом не видали.

Сребротелая, с сердцем стальным! Полюбив тебя, понял:
Мир — булатный клинок, состраданья мы в нем не видали.

Говорят: «И красавицам свойственна верность!» Не спорю.
Только что ж мы ее — хоть слыхали о том — не видали?

Скажут: «Речь Атаи — это жемчуг, единственный в мире!»
Но, увы, столько слез мы и в лоне морском не видали!

* * *

Век бы в горестном сердце твой образ я нес, госпожа.
Пусть вовек для меня неприступный утес — госпожа.

Как мне быть? Господин мой единственный — сердце мое,
А оно — неизменно — слуга твоих кос, госпожа.

Зло бранишь ты меня — за тебя умиленно молюсь:
Что влюбленному жала разгневанных ос, госпожа!

Мне — твоим стать рабом? Недостоин я чести такой:
Лишь до клички собаки твоей я дорос, госпожа!

Атаи не прогонит соперник от милых дверей:
Разве нищему страшен залаявший пес, госпожа!

* * *

Госпожа! Похитив сердце, исчезаешь ты — зачем?
Рубежи немилосердья преступаешь ты — зачем?

Дарят смех твои рубины всем соперникам моим,
Мне ж рубиновые раны растравляешь ты — зачем?

Много лет в бутыли сердца я храню вино любви,
Ту бутыль кремнем насмешки разбиваешь ты — зачем?

Рот свой крошечный при людях рукавом не закрывай!
То, чего и так не видно, закрываешь ты — зачем?

Атаи! Отвеял ветер кудри милой от земли,—
К той земле, пустой и черной, припадаешь ты — зачем?

* * *

Будь прославлено небо! Лицо твое вижу опять.
Слушать речи твои — словно жемчуг аденский низать.

Нет ни черных бровей у луны, ни сияющих глаз,—
Можно ль пери мою со слепым небосводом равнять?

Сам извечный творец, оделяя весь мир красотой,
Наложил на тебя совершенных творений печать.

Жарок соболь для плеч. Горностаевой их белизне
Лишь бобровая нежность кудрей твоих черных под стать.

О, подруга луны! Разлучил нас крутящийся свод,
И звезде Атаи — против милой звезды не стоять!

* * *

Красотой от мук целиться,— тем живу!
Петь, когда любимой спится,— тем живу!

То коралл, то жемчуг тайный лью из глаз,
С розой роз губами слиться,— тем живу!

По ночам спадают слезы — чаще звезд;
Глаз двузвездьем озариться,— тем живу!

Отлетев, как мяч, от сети кос твоих,
К ним в тоске опять стремиться,— тем живу!

Этот нищий просит милости твоей,
Пред султаншей преклониться,— тем живу!

Этот раб сто раз в печали умирал.
Раз бы в радости родиться,— тем живу!

Атаи болел разлукой сотни раз.
Раз бы встречей излечиться,— тем живу!

ЛУТФИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1366/67—1465/66

ГАЗЕЛИ

* * *

Что же станет с душой, если слез и страданья не будет,
Если спутница-грусть разделять ожиданья не будет?

Эта жизнь мне па что, если жить с луноликой в разлуке?
Год и век ни к чему, если мига свиданья не будет.

Разлученное с ней, сердце высохнет, выгорит, свянет,
Если вздохов благих, причитанья, рыданья не будет.

Не вини красоту, что, прельщая, терзает и ранит,
Кто ей предан навек, тот просить подаянья не будет.

Может смерть подойти, прежде чем я откроюсь любимой,
Злей обиды такой, тяжелей испытанья не будет.

Если краешком глаз на безумца не взглянет плутовка,
Тот надеждой пустой отвечать на признанье не будет.

Горе сгубит Лутфи, несчастливца застав одиноким,
Если образ ее он хранить и в изгнанье не будет.

* * *

Птица души устремилась туда, где она,
Сколько б обид ни творила мне дева-весна.

Если она не верна мне, то что же... пускай.
В мире лукавом и жизнь никому не верна.

«Дам я тебе наслажденье»,— раз она молвила мне.
Но не любовью, а снова горечью доля полна.

Больше терпеть я не в силах, кровь да падет на нее,
Но осужденной за это нежная быть не должна.

Лика ее отраженьем светится стих у Лутфи,
Так,соловьиному пенью розой лишь прелесть дана.

* * *

Нежные! Взглядами нас невзначай одаряя, пройти не спешите!
Нищего чарами глаз с падишахом равняя, пройти не спешите!

Хоть и прольете вы кровь дервишей, что сидят при дороге,—
В горький мой час мимо нас, красотой ослепляя, пройти не спешите!

Не презирайте! Все в мире мгновенно, так пусть же я стану
Прахом для вас! Вы, конями мой прах попирая, пройти не спешите!

Если умру и безвестные руки меня похоронят,—
Остановитесь хоть раз над могилой, вздыхая, пройти не спешите!

Дайте Лутфи от сокровища вашего долю заката!
Прелести юной алмаз от него не скрывая, пройти не спешите!

* * *

Сердце мое, виночерпий, трепещет от боли давно.
Чашу вина поднеси мне, чтоб горе забыло оно!

Если в вине заблестят отраженья сияющих рук,
Станет серебряной влагой пурпурное это вино.

Лжет на меня мухтасиб, и моих он не ценит услуг,—
Низкой душе оставаться навеки в грязи суждено.

Пусть эта чаша уста целовала, царица, твои,
Горечь и ревность я выпью сегодня, чтоб высохло дно.

Поймано локоном, смотрит на родинку сердце Лутфи,—
Крепок силок, и не вырваться птичке, нашедшей зерно!

* * *

Скажи моей деве, что скоро я жить перестану, скажи!
О том, что, как нищий, я слаб, моему ты султану скажи!

Горит мое сердце, из глаз моих бедных струится поток,—
О скорби моей ты свече моей кельи туманной скажи!

Уж кровь лепестками покрыла мне сердце, и я изнемог,
Ты царственной розе про эту опасную рану скажи!

Как звезды на небе, бесчисленны слезы на лике моем,
Луне моей ясной про слезы мои без обмана скажи!

Трепещет Лутфи и томится в разлуке он ночью и днем,—
О горе его моему ты прекрасному хану скажи!

* * *

Где моя розоликая, где мой крин золотой?
Где красавица стройная, кипарис молодой?

Над апрельскою розою вновь поет соловей.
Где же ты, о весна моя? Что же ты не со мной?

Вот я — прах у дверей твоих, но не молвила ты:
«Где же он — мой покинутый? Где возлюбленный мой?»

Быть в разлуке с любимою мне терпения нет.
Невозвратно потерянный — где мой мир и покой?

Не гони исступленного, не гневись на Лутфи!
Нет ни воли, ни разума у него пред тобой.

* * *

Ты словно кипарис высокий, ты нежной ивой — выросла.
Мучительницею жестокой и шаловливой — выросла.

Я думал: ты луною станешь, а ты весенним солнцем стала!
Ты воплощеньем света жизни — очам на диво — выросла.

Ты что в смущенье лик скрываешь? Иль зеркало не говорило,
Как ты пленительно и мило, как горделиво — выросла.

Лутфи ясна твоя загадка: ты ранней утренней звездою
Упала в мир и девой пери красноречивой — выросла.

* * *

Когда кокетка на меня, косясь, со зла глядит,—
Ах, это значит, что беда из-за угла глядит.

Среди красавиц нет второй, в лукавстве равной ей.
Из каждого ее зрачка, блестя, стрела глядит.

Прикован мой несытый взгляд к ее запястью,— что ж,
Ведь нищий на руку, что грош ему дала, глядит.

Красой невиданной она все кажется тому,
Кто целый день на розы щек, на блеск чела глядит.

Ах, каждый взмах ее ресниц смертелен для Лутфи!
Не радость подарила взгляд,— нет, смерть пришла — глядит.

* * *

Ах, поведай, девам рая не сродни ли ты?
Ароматной розе мая не сродни ли ты?

Лишь вдали блеснешь красою,— мне на миг светло.
Месяцу, о золотая, не сродни ли ты?

Медленны твои движенья, сладок твой язык,—
Сахару, от неги тая, не сродни ли ты?

Говорят, тебя кумирам предпочел Лутфи,—
Ах, красавицам Китая не сродни ли ты?

* * *

Если б свет лица ее погас,—
Осенью была б весна для нас.

Мне страшней меча над головой
С идолом моим разлуки час.

Пылью стать бы под ее конем,
Чтоб по мне проехала хоть раз,

Душу я за бровь ее отдам.
Стройте склеп мне — бог меня не спас.

Не один Лутфи,— о розе той
Горек сотни соловьев рассказ.

* * *

Что равно твоим кудрям, вьющимся и благовонным?
Завитки твоих кудрей — как орлы под небосклоном!

Дивное твое лицо людям кажется Кораном,
Поклоняются они красоты твоей законам.

Твой желанный алый рот меньше маленькой пылинки,
Меньше всех на свете мер,— верить мы должны ученым!

Вероятно, сам Юсуф и во сне бы не увидел
Сладких губ твоих рубин вещим взором восхищенным!

Что сравнится на земле стойкостью с моей душою?
Хоть страдает, но верна прежним клятвам непреклонным!

Что сравнится на земле с красотой твоей маняще́й?
И соблазны и силки расставляешь ты влюбленным!

Обезумел раб Лутфи и не внемлет назиданьям,
Ибо лишь одной любви предан сердцем опаленным.

* * *

Доколь я луноликой буду мучим,
Доколе вздохам возноситься к тучам.

Что делать сердцу с черными кудрями?
Дороги эти кривы, ночь дремуча.

Ее блестящих яблок не достанет
Моя рука, а я не видел лучших.

Пусть видит мой завистник, как счастлив я.
Я у дверей ее, как праха куча.

Я стал ничтожней пса от вечной скорби.
Простите путь мой, горький и певучий.

Слова Лутфи — хвала ей, словно жемчуг.
И ей, чтоб их услышать, будет случай.

* * *

Красота твоя — светильник, чей огонь меня привлек.
Чтоб сгореть в огне жестоком, я лечу, как мотылек.

Кто приговорен к разлуке, тот взывает: «Пощади!»
Юной прелести царица, пощади: я одинок!

Обезумел я, увидев: ты, как пери, хороша.
Так верни мне ясный разум, ибо жребий мой жесток!

Умираю оттого я, что с тобою разлучен,
Но пришел к тебе, надеясь: дней моих продлишь ты срок.

Лук бровей твоих увидев, прискакал к тебе Лутфи.
Я, как агнец, жду закланья,— так срази меня, стрелок!

* * *

Твой стан, твои уста увидев, я восклицаю: «Ах!»
Когда я на тебя ни гляну, твержу: «Велик аллах!»

Лишь об одной тебе мечтаю, не нужен мне никто,
Поэтому ты самовластно живешь в моих мечтах.

Желать свиданья я не смею, поэтому шепчу:
«Хоть на мгновенье отразиться хочу в твоих зрачках!»

Бессильный отыскать сравненье, сказал: «Ты кипарис!»
Но я тебя унизил: смысла в подобных нет словах!

Кто из людей дерзнет коснуться подола твоего?
Поэтому тебя сравнил я с луною в небесах.

Но с чем сравню твою походку, твой стройный, тонкий стан?
Тебе подобья не найду я ни в жизни, ни в стихах.

Ты сделала, красой сверкая, цветистым слог Лутфи,
Поэтому твержу: «Всевышний велик в своих делах!»

* * *

О красавица, напрасно ты бежишь от договора
И скрываешь покрывалом лик от пламенного взора.

Ты своею красотою все сердца поработила.
Кто не думает о людях, тот творца рассердит скоро.

Счастье любящим не дарит это выспреннее небо,
Не пошлет оно блаженства, не смирит оно раздора.

Свод бровей твоих высоких для того был зодчим создан,
Чтобы я светильник сердца в нем оставил без надзора.

Кто твой лик камфарно-белый дерзко сравнивал с луною,—
Тьму и свет не различает, все мешает без разбора.

Аромат цветов весенних от кудрей твоих исходит,
Запах мускуса и амбры заглушает он без спора.

И когда Лутфи окончил описание любимой,
Со страниц повеял ветер, полный света и простора.

* * *

В сеть волос меня поймала, опоив своим дурманом.
Оплела мне нежно шею обнаженных рук арканом.

Красоте твоей цветущей позавидовал шиповник
И, исхлестанный под ветром, стал из розового рдяным.

Знаю я, что эти губы слаще меда и шербета,
Нет различья меж тростинкой и твоим воздушным станом.

Если ветер — твой прислужник — до кудрей слегка коснется,
Сколько он сердец разбитых обнаружит в них нежданно!

Должен щедрым быть богатый... Наклонись к Лутфи поближе,
Чтобы смог он насладиться этим обликом желанным.

* * *

Моей любимой тонкий стан совсем как волосок,
Что легкой тенью проскользнул на девственный висок,

И сердце бедное мое висит на волоске,
И путь к желанному, как встарь, и труден и далек.

Взойдет в урочный час зерно на бархате земли,
Пусть родинка твоя цветет на лоне нежных щек.

И слезы катятся мои, краснея, как рубин,
И погружают птицы клюв в печальный тот поток.

Ты не показывала мне кудрей своих во сне.
О счастье, если б я заснул и был мой сон глубок!

Она измучила меня, но я ее люблю,
Не изменю я никогда, хоть мой удел жесток.

Лутфи повсюду видит стан, что тоньше волоска.
Колдун-индиец ворожбой его спасти не смог.

АЛИШЕР НАВОИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1441—1501

ГАЗЕЛИ

ЧУДЕСА ДЕТСТВА

* * *

Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне.
И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине».

В чаше сердца — образ друга, но и ржавчина тоски,
Лей щедрее влагу в чашу, исцелюсь тогда вполне.

Если есть такая чаша, то цена ей сто миров.
Жизней тысячу отдам я, с ней побыв наедине.

С тем вином — Джамшида чашей станет черепок простой,
И Джамшидом — жалкий нищий, жизнь нашедший в том вине.

Мальчик-маг, когда пируют люди знанья в кабачке,
Чашу первую ты должен поднести безумцу, мне.

И едва лишь улыбнется в чаше сердца милый лик,
Все, не связанное с милой, вмиг потонет там на дне.

Обрету я миг свиданья перед чашею с вином,—
Кто сказал «вино» и «чаша», видит встречу в глубине.

Только есть другая чаша, и другое есть вино,
Что там ни тверди, отшельник, возражая в тишине.

Навои, забудь о жажде. Кравчий вечности сказал:
«Чаша — жажде утоленье, мудрость пей в ее огне!»

* * *

В разлуке с любимой ты стала руиной, о крепость моя;
Так в ранах недугов, страданьями тмима — ты суть бытия.

Да! Солнце и месяц мой взгляд прояснили и тайну открыли!
И в солнечном лике сияет живая мне сущность твоя.

Окно за окном закрываются ставни от стрел смертоносных.
Где ж вылетит птица надежды и жизни в иные края?

Умру я, сгорая,— пусть плачет, пылая, свеча надо мною,
Под копотью черной янтарного воска потоки лия!

Узнав, что я гибну, враг станет мне другом... что пользы мне в этом?
Коль друг в это время явился мне лютым врагом, как змея?

Как сумрак ненастья, одежды печали рассвет омрачили,
И утро восходит не в царственных ризах, а в клочьях рванья.

Любовь — это гибель, но ты, Навои, не отступишь пред нею —
Пред бездною той, где дрожат лицемеры, смятенье тая.

* * *

Этот град опостылел в разлуке с луной для меня.
Розы нет, и цветник стал унылой тюрьмой для меня.

О друзья! Вы пируете, в радости пьете вино,
Но лишь горечь и кровь в пиале пировой для меня.

Разум, вера, терпенье покинули тело мое,
Только мука осталась подругой одной для меня.

Этой мукою грудь пронзена, словно тюркской стрелой,
Пусть от новой стрелы она будет броней для меня.

Я в позоре влачусь, я так жалок, что плачут одни,
А другие смеются, взглянувши порой на меня.

Как вода, моя печень ослабла; и в этой воде
Муки смертные чудятся рыбьей игрой для меня.

Мне твердят: «Навои! Позабудь иль расстанься с душой!»
Но забвения нет, есть лишь выход второй для меня.

* * *

В гневе ты — любой поступок мой мученье для тебя.
Ты добра — мой грех стократный упоенье для тебя.

Ты со мною то скучлива, то внезапно весела.
Как привыкнуть к переменам настроенья у тебя!

Доброта твоя сражает и убийственен твой гнев,
Своему дивлюсь терпенью в раздраженье на тебя.

Сердце, так тебе и надо: полюбило — и терпи,
Будь хоть каждое мгновенье огорченьем для тебя!

Роза, зноя пылких вздохов опасайся, но поток
Слез из глаз моих — спасенье, наслажденье для тебя.

Солнце, не сожги влюбленных: знай, от их горячих лиц
Прибавляется свеченье, жар и жженье у тебя.

С солнцем не ищи сравненья. Ты — пылинка, Навои,
Но его пренебреженье — оскорбленье для тебя.

* * *

Коль пользы от людей все нет, пусть и вреда не будет;
Нет пластыря для ран — шипов пусть никогда не будет.

Пусть чаша красного вина не каждому дается,
Но пусть и кровь из многих чаш течь, как вода, не будет.

Когда надежды нет на жизнь вблизи лунноподобной,
Пусть с ней разлука смерти мне сулить тогда не будет.

Когда, с любимой разлучась, ты потеряешь память,
Неважно, если о тебе мир навсегда забудет.

О кравчий! Пьяным напоив, что делать мне прикажешь,
Коль от рассудка моего вдруг и следа не будет?

Вдруг сердце пьяное мое властителя восславит,
А сердцу над самим собой в тот час суда не будет?

Вздохнешь — у пери, Навои, прическу вздох погубит.
Конечно, это не беда. Ну, а стыда не будет?

* * *

С холодным вздохом почему спускается по склону утро?
Быть может, ранено, как я, любовью затаенной утро?

А если страстью не горит, подобно мне, так почему же
Свои одежды, как Меджнун, порвало исступленно утро?

Но говори что облака — крапленный киноварью хлопок;
Быть может, кровь свою, как я, из раны льет бездонной утро?

Не вихрем солнечных лучей моих очей прорезан сумрак.
То расцарапало лицо зубцом звезды спаленной утро.

Полнеба охватил в ту ночь пожар от искр моих стенаний,
Вращающийся небосвод назвал его влюбленно — утро.

Встань, виночерпий, подними, ликуя, утреннюю чашу!
Когда уйдем, взойдет не раз из пьяного притона утро.

О Навои, захочешь ты — и сад исполнится напевов.
Как роза, никнет ночь. Поет, как соловей бессонный, утро.

* * *

Весна без тебя — палача жгут, смертные муки, ад!
В нем красные розы меня жгут, белые — леденят.

Весна без тебя для меня — ад, ад ночи и ад дня.
Но в том раю, где ты без меня,— нет ни льда, ни огня.

Если захочешь меня найти, стать под моим окном,
По лицу моему иди, по бороздам слез на нем.

Как в сладких плодах горькая кость не удивит меня.
Так в сладких устах твоих слов злость не удивит меня.

Не лги про меня, что там в аду гол и бос Навои.
Я одет, обут в печаль и беду — в подарки твои.

Не боюсь лжи и угроз, хотя вижу над головой,
Как секиру в небе занес юный месяц — гонец твой!

* * *

Пользы мира ты не жаждай, ибо в нем лишь вред,— не больше.
Жизнью пользуйся — на время входим в этот свет,— не больше.

Странно, что жилье воздвигший приглашает смертных в гости,
Ведь и сам он в этом доме — гость недолгих лет,— не больше.

Не считай себя могучим, смертен ты — ведь слон громадный
Перед комариным жалом — лишь отваги след,— не больше.

В бренную войди обитель — шейх там наторел в торговле!
Пусть зовется ханакою — это лавка бед,— не больше.

Тот, кто в платье златотканом,— пусть кичится неразумно:
Знает мыслящий, что в злато жалкий шут одет,— не больше.

На престол воссев небесный, все равно не будь беспечен,—
В небе ласки ты не встретишь, встретишь лишь рассвет,—
не больше.

Повелитель справедливый должен думать о народе,
Ведь блюсти пасомых благо пастырь дал обет,— не больше.

Если нынче стал скитальцем Навои по доброй воле,
Не горюй, благоразумный,— глянь безумцу вслед,— не больше!

РЕДКОСТИ ЮНОСТИ

* * *

Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает сто лучей.
Даже солнца свет слепящий превзойден красой твоей.

В жажде жизни дышит солнце ветром улицы твоей —
Ведь в дыхании мессии излеченье всех скорбей.

Из предельного рождаясь, входит в вечность бытие,
И начала нет у жизни, и конца не видно ей.

Образ твой — свеча и роза, с мотыльком и соловьем:
Мотылька свеча сжигает, розой ранен соловей.

Есть в Лейли, в Ширин твой облик: без Ширин погиб Фархад,
Потерял Меджнун рассудок от любви к Лейли своей.

В этих именах явила ты любовь и красоту,
Стала ты хирманом муки и грозою для страстей.

Только тот тебя достоин, кто пройдет пустыню «я»,
Ибо — кто взыскует жизни, смысл найти обязан в ней.

Говорить о нуждах сердца моего мне нужды нет,—
Что в стране сердец таится, мыслью видишь ты своей.

Ливнем милости пролейся в сад засохший Навои:
Роза в нем не распустилась и не свищет соловей.

* * *

Твоей неверностью, увы, терзаюсь постоянно,
Верна другому ты,— увы, терзаюсь постоянно.

Кому-то верности обет, а мне одни мученья.
Я не желаю знать других. О, будь же постоянна!

Ты казнь пообещала мне, но я окреп внезапно,
Целительней твои слова иных стихов Корана.

То — солнце ль твоего лица, а это — тень от стана,
Волос ли, павших до земли, струя благоуханна?

И утонченный бы не смог понять твои реченья:
Остроты, колкости и смех звучат весьма туманно.

Дела мирские — ночи тьма, вино — источник света.
Слей, кравчий, муть и напои из чистого стакана.

Отнимет душу, Навои, любимая — не сетуй,
Благодари за то, что ей одна душа желанна.

* * *

Двух резвых своих газелей, которые нежно спят,
Ты сон развей поскорее, пусти их резвиться в сад.

Ты держишь зубами косы, пусти их и растрепли,—
Пускай разнесут по миру души твоей аромат.

Приди в мой дом утомленной, с растрепанною косой,—
Покорны тебе все звезды, народы у ног лежат.

Открой ланиты, как солнце! Меня заставляла ты
Лить слезы в разлуке — пусть же при встрече они горят!

Желанное обретая, от вздохов я пеплом стал,
Учи, как любить,— внимают тебе Меджнун и Фархад.

Когда сто лет под скалою напрасно ты пролежал,
На синем атласе тело ты вытянуть будешь рад.

Увидев, как горько плачет за чашею Навои,
Подлей ему, виночерпий, забвенья сладчайший яд!

* * *

Осрамился я — но пьяный сок земной тому причиной.
Пью вино, но несравненной стан прямой тому причиной.

Если друга мучит перп, не она, а он виновен.
Коль в шального камень кинут, сам шальной тому причиной.

Если кто от скорби сохнет, небо в том не виновато,
Но, что скорбь в скорбящем чует, дух родной тому причиной.

Я ношусь бездомным вихрем по земле, но то не диво,—
Значит, сам пылю я небо, ропот мой тому причиной.

Про луну лепечет глупый, привораживая пери,—
Люди верят в заклинанья: ум пустой тому причиной.

Жизнь дарующий убийца! Я умру, в том нет позора.
Если смерть милей мне жизни, холод твой тому причиной.

Хоть тебя я проклинаю, льешь ты кровь мою жестоко,
Проклинающий отступник сам собой тому причиной.

Навои, вина не пьешь ты, ждет напрасно виночерпий,—
Образ грозный, голос нежный — роковой тому причиной.

* * *

Как меня б ты ни терзала — буду молча я терпеть.
Как бы клятв ни нарушала — буду молча я терпеть.

Обещала ты мне муку, людям — верность. Их оставь,
Дай мне то, что обещала,— буду молча я терпеть.

Слово милой — стих Корана, хочешь ты меня казнить,
Но душа отважней стала — буду молча я терпеть.

Волосы твои душисты, солнце лика твоего
Тень твою мне начертало — буду молча я терпеть.

Что твоя усмешка значит? Как ее мне понимать?
Ты на что мне намекала? Буду молча я терпеть.

Навои, в руках любимой сердце верное твое —
И оно возликовало: «Буду молча я терпеть!»

* * *

Оттого, когда я в горе, ты не раскрываешь рта,
Что от сладости безмерной склеились твои уста.

Услыхав упрек, печально, гордо покраснеешь ты,
Будто я разбил случайно гладь кристальную пруда.

Я прижат горою горя, прошептала ты: «Фархад!»
Сладкая! — таким прозваньем славилась Ширин всегда.

Бросилась твоя собака на меня, но обожглась
Иль, услышав запах тленья, испугалась неспроста.

И в Меджнуна и Фархада может превратить любовь,
Если дочери Востока нас коснется красота.

Жаждущий! Любовь в разлуке не пытайся обмануть:
Если рядом нет желанной, то желание — тщета.

Навои, в гареме шахском пышным почестям не верь,
Знай свои права, приличья не теряя никогда.

* * *

Весной страшна разлука. О, кравчий, выпить надо,
Чтоб бушевать, как туча, не вытрясшая града.

Глаза, не встретясь с нею, весенних туч мрачнее.
О молния свиданья, твой блеск — глазам услада.

Ты — белизна жасмина, а я — красней тюльпана.
Ты — молоко, я — рана, рок дал нам два наряда.

Две полных чаши, кравчий, поставь передо мною:
В разлуке с ней — в плену я душевного разлада.

Тебя целуя в губы, умру за это, кравчий.
Одну губу подставь мне, коли мала награда.

Вино — мое забвенье. Лишь о любимой помню,
Но будет мной забыто все человечье стадо.

Кипчак, огар — для бека; кият, билгут — для шаха;
Красивая цыганка — для Навои отрада.

* * *

Двух зубов мне не хватает, но какая это щель!
Жизнь из щели выползает, смерть вползает в эту щель.

Щели все заделать можно, щели можно заложить.
Кто же эту щель заложит? — не простая это щель.

Как бы ни был осторожен, как бы ни берегся ты,—
Даже краткое мгновенье расширяет эту щель.

Нет, не только дверью смерти представляется она —
Множество земных печатей проникает в эту щель.

От зубов сто притеснений — вот мой тягостный удел.
Зубы возраст отмечают, дни считает эта щель.

Ближе, ближе срок предельный, грань небытия видней.
Не одни редеют зубы, и глаза — пустая щель.

И все выше поднимаясь, скорби и печали дым
Застилает их и мраком наполняет эту щель.

Неустанно, неуклонно сквозь глазницы, меж зубов
Старость с сотнею недугов посещает эту щель.

Навои, к пути готовься — это твой последний путь.
Близкой смерти посещенье означает эта щель.

* * *

Огнем объяты небеса, тот факел — не зарница,
А пламя ясных глаз твоих — с ним солнцу не сравниться.

И как сгорает без следа от молнии солома,
Любовью я испепелен, душа моя дымится.

Не троньте ран в груди моей рукой неосторожной —
Простою ниткой сердце шить не лучше ли не тщиться?

Подпругой привяжи к коню, не удержусь в седле я,
Могу лишиться головы, так голова кружится.

А если вызову я гнев и меч вдруг обнажится,
Пускай останется со мной прекрасный тот убийца.

Омойте тело мне вином, меня лозой увейте,
Коль сердце в винном погребке вдруг перестанет биться.

Не говори, чтоб Навои от милой отказался,—
Какая ж это чистота — от чистой отступиться?

* * *

Недруги меня чернят. Кто подскажет: как мне быть?
Пери, я не виноват. Кто подскажет: как мне быть?

Обижаемый людьми, их обидчиком слыву,
Все в стране меня бранят. Кто подскажет: как мне быть?

Пери — наилучший врач. У меня любимой нет,
Смерти избегу навряд. Кто подскажет: как мне быть?

Слезы горькие мои о печали весть дают,
О позоре говорят. Кто подскажет: как мне быть?

Я народу нес добро, а народ со мной жесток.
Милостью господь богат — пусть он скажет: как мне быть?

Навои, покину я родину — в родном краю
Ничему уже не рад. Кто подскажет: как мне быть?

* * *

Во сне глаза из-за любви слез затянула пелена,
Разлуки каждая слеза уже кровава и красна.

Куда б ты, ревностью горя, ни слала стрел из-под ресниц,
Покрыли тело мне шипы, а не волос густых волна.

Хотел бы чистой сделать я страницу сердца своего,
Ее, как зеркало, поставь, пускай глядит в него она.

Чтоб ноги всадницы моей поцеловать, давно хотят
Стать парой кованых стремян и это солнце, и луна.

В смятении душа моя, увидев взлет бровей твоих,
Лишь встанет месяц молодой, уже безумцу не до сна.

В сад мира много входит гроз, и понимаю я давно,
Что смеха менее, чем слез, во все бывает времена.

О Навои, ты говоришь: тот стан из сердца изгони!
Но, чтобы вырос кипарис, нужны ль иные семена?

* * *

Я хочу, чтоб был счастливым и богатым мой народ.
Не вино мне достается, кровь из ран моих течет.

Кто лишь удовольствий хочет, тот не стоит ничего —
Он в зависимость к другому непременно попадет.

Лучше гордым и способным выпить самый горький яд,
Чем из пиалы безволья пить хотя и сладкий мед.

Разве лучше сто красавиц? Разве краше их цветник?
Счастлив тот, кто с милой вместе в бедном шалаше живет.

Сердцем ты не предавайся упоительным пирам.
Привыкай к ночам страданья в хижине своих забот.

Птице хорошо на воле, радуясь, поет она.
Птица в клетке золоченой зерен рабства не клюет.

Лучше щедрым быть и телом собственным кормить собак,
Чем, от скупости жирея, жить, не ведая хлопот.

По дороге к высшей цели ты не мчался на коне.
Вместе с нищим-горемыкой нищета его умрет.

Навои, печальна старость для несчастного того,
Кто в дни юности беспечной жизнь порочную ведет.

СОВЕРШЕНСТВА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

* * *

В огонь — зеленый кипарис! Любимая стройней была!
Брось розу ветру — та лицом румяней и нежней была!

О вздох мой! Ветром ледяным разлуки гору обдувай,
Чтоб, за ночь выветрена вся, степных равнин ровней была.

В разлуке с пери, что ни миг, мое безумие растет,
Но роковая страсть моя безумьем и при ней была.

О шейх, ведь рубище твое кабатчик не возьмет в заклад,
Но алчность он бы взял твою,— она б ему годней была.

Твое спасенье — встреча с ней, к чему же скорбь о нищете!
Добра не будь — не знать бы зла: цель жизни бы видней была!

Прослыл Меджнуном Навои, но к пери страстью воспылать —
Безумцев участь: их любовь смешной с начала дней была!

* * *

Когда в тоске заговорю о горе гибельном и злом,
То даже камень задрожит, скорбя о бедствии моем.

Сквозь ночь тоски я сердце нес, и путь мой озаряла ты;
Светила мне твоя стрела своим железным острием.

Прекрасна ты, и потому моей любви предела нет!
Для беспредельного слова найду ль на языке своем?

Заколыхался призрак твой в пустыне сердца моего,—
Пустыня вся раскалена страданья тягостным лучом.

О том, что путь в любви един, не говори, о мудрый шейх!
Есть много у любви путей,— преданий много есть о том.

Хоть кровь течет из глаз твоих, не умирай, о Навои!
Ведь милосердья на земле неисчерпаем водоем.

* * *

Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой,— грубиян.
До смерти обидит друга приятель мой, грубиян.

Его сдержать я стараюсь, но кто ни подступит к нему,
Ответит дерзостью грубой, обидой прямой грубиян.

И странно ль, что конь ретивый под стать хозяину дик,
Когда гарцует иль мчится галопом домой грубиян?

Он каждый миг помышляет до смерти меня извести.
Что ж, пусть тогда с ним сдружится такой же злой грубиян!

В саду, во время попойки, буянил приятель мой.
О ветер, не дуй так резко: сморен дремой грубиян.

Налей кабатчику, кравчий,— в похмелье он зол и груб,
Скажи ему: «Злую душу вином промой, грубиян!»

Нет, при любой неудаче грубым не будь, Навои.
И за сто удач не стоит быть грубым, как твой грубиян!

* * *

Занемог я, покинут моей чаровницей, увы.
Для души стало тело лишь ветхой темницей, увы.

Мрак разлуки с любимой и родинкой темной ее —
Вот пятно на ланитах судьбы мрачнолицей, увы.

И предвестницей горя любви моей злая звезда
В гороскопе предстала блаженства денницей, увы.

Посмотри: старец-разум, наставник заботливый мой,
Стал игрушкою детской, смирясь пред шутницей, увы.

Словно призрак, блуждаю в пустыне безумий моих,
Скорбен дух. Дни унылой бегут вереницей, увы.

Тело странствует ныне по улице райской твоей.
Много ль бедному нужно? Я сыт и крупицей, увы.

Сердце взято любовью, все отнято: разум, покой,
Все разрушено шаха жестокой десницей, увы.

Пламя ада — неверным, а верным — забвения прах:
Те восстали, а этих рок смял колесницей, увы.

Расставание — смерть, смерть — разлука навек, Навои!
А мечту о бессмертье считай небылицей, увы!

* * *

Странно мне: без нее ста печалей тщета предо мной.
Но куда ни взгляну — все ее красота предо мной.

Стоит лишь на мгновенье расстаться мне с пери моей,
Смертной ночи уже темнота разлита предо мной.

Как бы ни были ночи разлуки темны,— я стерплю.
Только б знать: не навек эта дверь заперта предо мной.

Жизнь отдав, я хотел бы хоть раз к тем рубинам припасть...
Как мираж неотступный — всегда те уста предо мной.

Я не знаю — виденье ли это рубиновых уст,
Иль кровавые слезы, как розы с куста, предо мной.

«Навои,— ты сказала,— достигнув свиданья — умрешь».
Пусть умру, но открыты надежды врата предо мной.

* * *

Отраду приносит роза в тенистом саду времен,
Ее лепестки — как пламя, которым весь куст сожжен.

Гляди, какое богатство в раскраске и завитках.
Не этой ли, самой яркой, навек соловей сражен?

Но лучше не пить из кубка пьянящей мечты шербет:
Добавит злой яд разлуки к блаженству свиданья он.

Когда рассыпает небо цветенье летящих звезд,
Всегда человек пылает, душою к ним вознесен.

Хотя от меча насилья невинно погиб Фархад,
Впоследствии той же сталью ведь был и Парвиз сражен.

Иди же с тоскою в сердце дорогой небытия,—
Свернуть с нее невозможно — таков уж судьбы закон.

Встречая зарю свиданья, предчувствуй и в ней печаль,—
Ведь мускусом и алоэ разлуки час напоен.

О соловей, если ночью не встанешь ты с Навои,
Тебе не увидеть розы — зардевшийся небосклон.

* * *

Кто дорог — мной не дорожит, меня несчастным сделав.
Ненужный мне — за мной бежит, мой дух бесстрастным сделав.

Нет прока от меня тому, кто от меня ждет прока.
Нет прока тем, кого искал, порыв напрасным сделав.

О, что мне делать на пиру среди прекрасных пери,
Покуда не придет она, уста соблазном сделав!

Луна иль солнце?.. Все равно! Но только б красотою
Не погубила, над собой тебя невластным сделав!

Молю тебя — не торопись к другим сердцам, убийца,
Мое оставив в стороне и непричастным сделав!

Не поддавайся на обман, о сердце, чтоб на шее
Не затянулась нить петли, тебя безгласным сделав!

Когда тебя, о Навои, она коснется взглядом,
Пускай подсыплет бармалы, взгляд безопасным сделав.

* * *

Сердце, столь злое со мной, добрым с другим оказалось,
Горечь обмана душе — горше, чем дым, оказалась.

Знаю, откуда взялись черные пятна на теле:
Это — печати разлук. Я — нелюбим, оказалось.

В сердце разбитом моем птицы обиды гнездятся.
Столько отравленных стрел!.. Яд — нестерпим, оказалось.

Сердце разбил ей другой. Плачу, а ей безразлично —
Воду ль приносят иль бьют злобно кувшин, оказалось.

В черной пустыне обид плачет Меджнун и томится,
Горе свое оседлав... Он — пилигрим, оказалось.

Мысли мои, как в степи, в сердце пустынном осели,
След, что остался, он был следом твоим, оказалось.

Смута жестоких времен в сердце посеяла смуту,
Время — причина тоски — трудным, дурным оказалось.

Пусть нехорош я, зато знаю свои недостатки.
Тот, кто доволен собой,— неисправим, оказалось.

Золотом, о Навои, стих твой начертан сегодня:
Шах — наш ценитель! — его счел дорогим, оказалось.

* * *

Почему на лик прекрасный складка гневная легла?
Иль сияющее солнце затянула ночи мгла?

О свидании услышав, бьется сердце у меня,
Но не думай, что разлука тишину ему дала.

Я твои рубины-губы выпустил из губ своих
Так, как выпускают душу, если смерть за ней пришла.

Гибну я, когда ты тонкий опоясываешь стан,—
Да, судьба такую стройность мне на гибель создала!

Пусть меня ее собака растерзает на куски,
Лишь бы мимо окон милой кость мою проволокла.

Виночерпий, дай мне чашу, потому что грустен я:
Чаша исцелит мне душу, чаше — вечная хвала!

Клочья порванного сердца Навои с трудом собрал,—
Ты на сто клочков, шалунья, вновь его разорвала.

* * *

Если нам сердце и разум одело туманом безумие —
Даже Меджнуна сдается вершиной ума нам безумие.

Желтый тюльпан обагрился слезою моей, розоцекая!
Думать, что пурпур заменится в розе шафраном,— безумие!

Солнечный день, омраченный моими тягучими вздохами,
Сделало зимнею полночью с лютым бураном безумие.

Как я боюсь, что навеки в степи без дорог затеряется
Бедное сердце... Его унесло ураганом безумие.

Дай мне душистую прядь и в награду возьми мою голову!
Век не расстанется с нежным своим талисманом безумие.

Жалок спесивый богач, презирающий муки влюбленного:
Думать, что можно за все уплатить чистоганом,— безумие.

Как ты рыдал по ночам, Навои, у порога возлюбленной!
Стоны твои уподоблены выкрикам пьяным, безумие.

* * *

О друзья, явите милость! Грудь в куски разбейте мне!
Ужаснитесь тем мученьям, что сокрыты там, на дне!

Если черный лик найдете,— вместе с сердцем рвите вон!
Чтоб душа спаслась от муки, да горят они в огне!

Нет ее?! Зашейте раны! Но кинжалом вскройте вновь,
Если легкий шаг любимой вдруг раздастся в тишине.

Если я умру,— просите, чтобы стала в головах,
Ниц падите, умоляйте — с жалким нищим наравне!

Если даст она согласье, не спешите сообщать,
Чтоб не умер я вторично,— не по вашей ли вине?

Если встанет в изголовье, мертвый, я начну рыдать.
Не мешайте вздохам пери, пребывая в стороне!

Если ж это — невозможно, то больного Навои,
На руках иль взяв под мышки, волоките к майхане!

* * *

Прилетел из сада ветер — аромата не принес.
Весь исколотый шипами, позабыл я запах роз.

Вспоминая уст рубины, воду скорби, морщась, пью.
О аллах, как успокоить кровь? Сдержать потоки слез?

Проглотил я столько скорби, так темна разлуки ночь,
Что казалось — в небе солнце в этот день не поднялось.

Плакал я под гнетом горя, думал: скоро ли конец?
Если б ты не появилась, умереть бы мне пришлось.

Ты свиданье подарила — и забилось сердце вновь.
О, пойми, что я не в силах больше жить с тобою врозь!

Соловей от гнева розы стал бескрыл и безголос,
Но цветет, как прежде, роза и не стала жертвой гроз...

Навои, запомни — редко дружит верность с красотой,
Но пленяет взор и сердце воплощенье страстных грез.

* * *

Кругом враги, теперь найти мне друга нет надежды,
Не дай, аллах, чтоб даже враг терял бы след надежды.

Я в этой западне отстал от недругов и друга.
Я верю в друга своего и верю в бред надежды.

В водоворот я бед попал, где, говорят, есть страхи,
Но нет и признаков совсем любых побед надежды.

Душой я жертвовал, но нет надежды на свиданье,
А жизни жаждущим от губ — одни в ответ надежды.

О, кравчий, так печален я, что радость невозможна,
Не вижу на веселье я уж сколько лет надежды.

Что верности от друга я не жду — не осуждайте,
Мудрец уверен: жизнь не даст такой обет надежды.

Нет близости и нет надежд! Как не расстаться с жизнью,
О Навои, коль я б имел ее и свет надежды!

* * *

Друзьям, наперсникам случайным своих не поверяйте тайн,
Сто бед над головой развеяв, чужим не доверяйте тайн.

Не выдавайте тайну, ибо того, что вы не сберегли,
Другой сберечь не в силах тоже. Итак, не выдавайте тайн.

Фальшиво сердце, а язык наш — он сплетни разносить горазд!
Так из душевного гарема своих не выпускайте тайн.

Коль сердце и язык не стали наперсниками,— лишний труд
Твердить: «Теперь — ни слова людям!» Своих не разглашайте тайн!

Не испускайте тучи вздохов и не катите слез рекой:
Вотще не рассыпайте жемчуг — и нить не разрывайте тайн!

И, раскромсав язык болтливый, и сердце вдребезги разбив,
И требуху швырнув собакам, вовек не раздавайте тайн!

Как исстрадался я в разлуке: во всяком случае, друзья,
Вы не усердствуйте, а пейте — в вине не исчерпайте тайн!

И коль любви благую тайну сберечь не смог ваш Навои,
То и его прозванье тоже вы в свитке начертайте тайн!

* * *

Красотой твоей, как солнцем, свято дорожит народ.
Как пылинки в свете солнца, вкруг тебя кружит народ.

Так жестоко я ославлен, что, куда ни покажусь:
«Вот пришел безумец жалкий!» — хохоча, кричит народ.

Если б только ты предстала в полном блеске красоты,
Был бы, верно, с лика мира, как волною, смыт народ.

Видя пламя ада, люди в рай его перенесли,
Как же тайного сиянья до сих пор не зрит народ?!

От разлуки, от несчастий стал я с бледной тенью схож,
Удивляться ль, что смущает мой убогий вид народ?!

Меч любви глазам не виден, если же его извлечь,—
Он пронзит меня, и, воя, в страхе побежит народ.

Нет числа разящим стрелам, что печалью рождены,
Больше их, чем тех, какие в тайниках хранит народ.

Если в мире все решает пустота глухих небес,
То спешит уйти от смуты, от глухих обид народ.

Если преданность народу выражает Навои,
Преданность свою поэту про себя таит народ.

* * *

Только солнце помянув, лик твой описать возможно.
О живой воде сказав, губ рубин познать возможно.

Говорят: «Походка, стан — жизни свет в саду телесном».
Лишь от зависти к тебе так их принижать возможно.

Лик твой в зеркале узрев, солнца луч в струе Ковсара
Полон зависти: ему ль блеск твой перенять возможно?

Цель потока — учинять, как и ты, опустошенье.
Твоего коня догнать — тучам ли мечтать возможно?

Раны, что нанес Фархад толще скал киркой,— ничтожны,
Так израненной душе ль их не пожелать возможно!

На страданья обрекло небо всякую песчинку.
Что, помимо злых обид, от него нам ждать возможно?

Навои, ее слова о неверности — жестоки.
Чтоб помянутою быть, ей и лживой стать возможно...

* * *

Меджнунам пылким каждый миг даря забвение иное,
Лишь мне, безумному, она несет мучение иное.

Не видя друга, я умру; друг — жив и в радости свиданья.
Я — не Фархад, у нас в любви и поведение иное.

Она приветом на пиру всех воздыхателей одарит.
Ко мне, злосчастному, увы, и отношение иное.

Меня с собою не равняй, о соловей, любовь поющий:
Стенанье, вопль души — одно, а трель и пение — иное.

«Мир — бренный, в нем безгрешен я»,— толкует шейх нам,
лицемеря,
Но духовник о чувствах нам дал наставление иное.

Пусть пьют, кому судьбой дано, нектар любовного свиданья,
А нам лишь яд разлуки пить, судьбы решение иное.

Ты гонишь сердце Навои, а с ним самим ты как поступишь?
Свободна — птица! Для раба освобождение — иное...

* * *

Друзей, что нас утешат в горе, зря не ищите, нет.
Готовых нас обидеть — море, быть на защите — нет!

Душа послушной нитью вьется вокруг твоей стрелы.
И кровь из раны сердца льется. Зашить — так нити нет.

Не говори: «О ней безвольно ты в горе слез не лей».
Ведь и безвольному мне больно, что в сердце прыти нет.

Пусть веет на меня дыхание любимой — тщетно все:
Опоры этому дыханью в душе, как в сите, нет.

Скажи я, что любовью пери не дорожу,— не верь:
К речам безумца и доверья — уж не взыщите! — нет.

Когда пустые разговоры тебе претят — уйди.
Все суета, все споры, ссоры... От них укрытья нет.

Среди бездумного веселья будь трезвым, Навои.
Иного, кроме как похмелья, в пиру не ждите, нет.

* * *

Тебя увидя в цветнике, смутясь, затрепетала роза.
Роняя лепестки в тоске, от зависти увяла роза.

И, раскрасневшись от вина, разлукой злой опьянена,
Как сердце красное, сама от крови стала алой роза.

В стране священной красоты, шахиня, всех прекрасней ты,
И все сады, и все цветы взяла ты под начало, роза.

Когда гуляешь ты в саду, чтоб оградить тебя от зла,
Все розы встанут, как щиты, шипы их словно жало, роза.

Пурпурных уст блаженный зной меня влечет к тебе одной.
Когда ты на пиру со мной, я пью, и сердцу мало, роза.

Пой днем и ночью, соловей, в честь гостьи утренней моей,
Знай, быстротечна смена дней, летят, и жизнь промчалась, роза.

Когда все розы расцвели, в дорогу вышел Навои,
Но для души его теперь разлука раной стала, роза.

* * *

В разлуке телом я ослаб, сгораю сам не свой.
Не только телом слабну я, живу с душой больной.

Убить решила ты меня, рази своим мечом,
Смешаю с ветром кровь мою и с влагой дождевой.

Огонь разлуки сжег меня, я отсвет тех лучей,
И стоны жаркие мои, как пламень вихревой.

Не прогоняй меня — я пес, хранящий твой порог,
Не удивляйся, что не смог расстаться я с тобой.

Я грудь раскрою, чтобы дать тебе в душе приют.
Увидев тайный мой недуг, проникнись добротой.

Не пощадили бы меня ни время, ни судьба,
Когда б не винный погребок, где я обрел покой.

Похороните Навои на улице любви,
Успокоенье он найдет под каменной плитой.

* * *

Пери, сжалься надо мною, я страданием объят,
Так несчастного Меджнуна муки страстные томят.

Стрелы грудь мою пронзили, и от слез померк мой свет,
Словно дым тяжелый, вздохи небо ясное темнят.

Грудь на сто частей разбита; друг, взгляни, изранен я,
Не найти мне исцеленья, раны смертные болят.

Счастье позднего свиданья не могу я перенесть,
Даже если издалека на нее я брошу взгляд.

Гору горя растопили вздохи жаркие мои,
Камни сделались водою и в меня не полетят.

Не обманывайся мнимой безмятежностью небес:
Небо — хитрый лжесвидетель, предающий всех подряд.

Я сходил с ума в пустыне, как несчастный Навои,
Ведь красавицы, в гордыне, разум мне не возвратят.

* * *

Связь с городами я порвал, от шума их я отказался,
И от богатства двух миров, от благ мирских я отказался.

Но сто несчастий на себя я принял, плача и скорбя,
От жизни отвернулся я, и от святых я отказался.

К чему богатство, города, душа и все, чем жизнь горда?
Когда б желанья я имел, тогда б от них я отказался.

Я б Искандаром стать не смог, бессмертьем Хызра пренебрег,
На что мне вечной жизни срок? Аллах велик — я отказался!

Но от красавицы одной, такой насмешливой и злой,
Хоть это мне грозит бедой, я ни на миг не отказался.

Мой проповедник, ты давно нам хвалишь райское вино.
Я слаб, но взять большой бокал из рук твоих я отказался.

Ты кровью плачешь, Навои, но, чтоб достичь своей любви,
Идя по собственной крови, от мук таких не отказался.

* * *

Я тыщу раз горел огнем — из тысячи один.
Не смел я говорить о том — из тысячи один.

Не ужасайся, увидав ожога грубый след —
Зловещим проступил рубцом — из тысячи один.

Не говори: от всех таи сто тысяч бед своих —
Скрыв, я забудусь вечным сном — из тысячи один.

Разлука сердце мне дробит на тысячу кусков,
Я слаб, но силы нет ни в ком из тысяч, кто один.

Я тыщу раз моим друзьям мог верность доказать,
Я плох, но не знаком с добром из тысяч ни один.

Искал средь тысячи друзей ты верность, Навои,
Но был ли верен хоть в одном из тысячи один?

* * *

О розе нежной и живой я и мечтать не смел,
Не удивляйся, разум мой в ее огне сгорел.

В мои померкшие зрачки ударила стрела,
Их сделал целью кипарис для беспощадных стрел.

Сияешь, словно роза, ты, стройней, чем кипарис,—
Два совершенства я в тебе соединить хотел.

Когда не вижу я в саду прекрасный облик твой,
В смятенье шепчутся цветы, что сад мой опустел.

Я кипариса стройный стан и розы лик искал,
Я счастлив был, что на тебя хоть издали глядел.

Друг, омовенье соверши, в питейный дом идя,
Но прежде нужно, чтобы ты забыть ислам сумел.

О Навои, в мирских садах есть множество цветов,
Но не найти тебе цветка, чтоб страсть преодолел.

* * *

Не удивляйся, если я на прочих не похож.
Ведь и такой, как ты, второй на свете не найдешь.

У изголовья моего поклонники твои,
Как будто бы болезнь мою иною назовешь.

Волненье в мире, будто я беспечен или пьян,
Небрежно повязал чалму, халат мой не хорош.

От стрел прямых твоих ресниц огонь мой стал иным,
Так розу освежает вдруг росы прохладной дрожь.

Я переменчив, как луна, от прихотей твоих,
Слежу за тем, что говоришь, за тем, как ты идешь...

О виночерпий, другом будь — пусти меня на пир,
Мгновенно выпью я вино, что ты мне поднесешь.

Гляди, запуталась душа в ее густых кудрях,
Не знал я, что тугую сеть вовек не разовьешь.

Как быстро зазнается тот, кто в милости сейчас,
Но разве человеком ты пролазу назовешь?

Знай, Навои, что мир — цветник, где розы расцвели,—
Иди, но помни о шипах, разящих, словно нож.

* * *

С кипарисом тонкостанным я не пил вина вдвоем.
Рок внимал моим моленьям в равнодушии глухом.

Много выпил я в разлуке, чтоб забвение найти,—
Ядом скорби обернулась чаша с искристым вином.

Долгий день, почти до ночи, без любимой я провел.
Этой ночью не дождусь я, чтобы мрак сменился днем...

Друг, ответь, где может сердце успокоиться мое.
Если даже возле милой нет покоя мне ни в чем?

Ветерок мой, юной розе о разлуке расскажи,
Отнеси ей, ветер, душу, истомленную огнем.

Ведь языческой печалью, как безверьем, полон я,
И с моим исламом правоверным я вовеки не знаком.

Навои, внемли совету — если утром пьешь вино,
То росу рассветной розы не считай своим питьем.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ СТАРОСТИ

* * *

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я ей чашу протянул, с мольбой держась за стремена.

Нет, мне ее не удержать, но я бы в жертву жизнь принес
За то, чтоб кем-нибудь на пир она была возвращена.

Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не насмерть я сражен? Не легче ль муки мне пресечь,
Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень скакуна?

А без нее шумливый пир печален, горек и уныл,
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От века так заведено: кто выпьет радости бокал,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна.

Я в одиночестве умру. Не странно ль — преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена!

Когда белеет голова, с уединением смирись,
Ведь не украсят звонкий пир ни грусть твоя, ни седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью смущена.

* * *

В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею звездой она,
Испариной омыла розы, как розовой водой, она.

Ресниц разбойничьих кинжалы — похитчики моей души,
Прядь амбровым жгутом спустила на стан свой молодой она.

Приют мой темный озаряет солнцеподобный лик ее.
Я на свету дрожу пылинкой,— не луч ли золотой она?

Взяв за руку меня, смеется, сажает около себя,
Пересыпает слов алмазы, сверкая красотой, она.

И говорит: «Печальный друг мой, как поживаешь без меня?»
Что я отвечу ей? Сковала язык мой немотой она.

Кувшин с вином она открыла и кубок полный налила,
Пригубив, молвила с упреком, с лукавой прямотой она:

«Скажи, Меджнун, не сновиденье ль, что разума лишился ты?
Испей вина, открой мне душу, какой живет мечтой она?»

Я выпил, потерял сознанье, к ногам возлюбленной припал,—
Не хмель сразил меня — сразила своею добротой она.

Тому, кто в снящемся свиданье, как Навои, блаженство знал,—
Не спать до воскресенья мертвых: сон сделала бедой она.

* * *

Только ты взяла с улыбкой пиалу из рук людей,
Как порвались от рыданья связки всех моих костей.

Гурия к тебе явилась спор вести о красоте,
Но и та, тебя увидев, удалилась поскорей.

Стала ночь моей разлуки мне опасностью грозить,
Потемнела, словно нежный гиацинт твоих кудрей.

Сердце гибнет от удара взором пущенной стрелы,—
Словно зверя на охоте, ты разишь стрелой своей.

Я несчастен: у любимой состраданья нет ко мне,—
Эти слезы и рыданья не тревожат сердце ей.

Что такое сад свиданья, ты не спрашивай меня:
В мире горестной разлуки, как в тюрьме, я много дней.

Как беспечен тот, кто скачет, выпустив узду из рук!
Упадет он без дыханья, погружен в мечты о ней!

Тот свободен от печали, кто бежит толпы людской,
Но оставшемуся с нею в мире жить еще грустней.

Каждый миг твои собаки прогоняют Навои,
Но обманом он в их свору возвращается скорей.

* * *

Здоровым меня оставить не захотела любовь,
Во прах обратив, пустила по ветру тело любовь.

В разлуке при мне остались отчаянье и болезнь,
А душу солью страданья вконец изъела любовь.

Грозящее миру пламя гудело в моей груди,
Там ярким огнем горела, не искрой тлела любовь.

Но люди, теряя душу, прийти умоляют смерть,
И палачей луноликих пускает в дело любовь.

Жестокости обучила Ширин и Лейли она,
Меджнун и Фархад счастливцы, лишь мной владела любовь.

Разлука, тоска, безумье — убийцы, но в этот мир
Прийти и разить несчастных им всем велела любовь.

Однако за благочестье я близости не отдам,
Не дам, чтоб в могиле тесной средь роз истлела любовь...

О Навои, будь счастлив, что ты еще жив и любишь,
Страданьями награждает и сверх предела любовь.

* * *

Я желтухой болен, кравчий. Весь в осеннем цвете яром,
Где ж вино, что охмеляет винограда желтым даром?

И лицо мое, и тело — листья желтые на ветке.
Пожелтели — кто ж излечит их целительным отваром!

И в очах зрачки с белками стали желты, как тюльпаны.
Что за хворь? Той розоликой жечь меня дано пожаром!

Говорят, очам полезно видеть желтое — ах, где же
Кипарис в одеждах розы, что пылает желтым жаром?

Желтоперой птицей ночи стал среди полдневной стаи
Пожелтелый день разлуки, что сражен судьбы ударом.

Если ж не больным желтухой ночь и утро, отчего же
Ночь распустит кудри, солнце лик свой рвет — в рыданье яром?

Желтизну больного тела Навои скрыл в прахе скорби —
Так вот нищий в землю прячет золото в кувшине старом!

* * *

Улыбки всем расточая, мне ты не улыбнулась,
Встретив мой взор, печалью одетый, не улыбнулась.

В жажде твоих рубинов подобен я стал шафрану,
Но ты и при виде этой приметы не улыбнулась.

Молил я: «Скажи хоть слово», но знаком ты приказала
Мне умереть и, слыша обеты, не улыбнулась.

Не зная счастья слияний, себя ты отдать не можешь,
Я не дивлюсь, что при этой беде ты не улыбнулась.

Послушай, Меджнун с Фархадом были лишь струйкой дыма.
Я — пламя, но ты б и вспышке кометы не улыбнулась.

Улыбка подобна солнцу, солнцу светить пристало,
Жаль, что ты на такие советы не улыбнулась.

О, Навои, от розы вдали соловей тоскует,
Может, она и песням, что спеты, не улыбнулась.

* * *

От неверной сто горьких бед довелося увидеть мне.
Кто ж знал верность, чтоб счастья свет довелося увидеть мне?

Кто познал от сынов времен долю верности и добра,
Чтобы преданности обет довелося увидеть мне?

Словно пса, прогони, о друг, сердце взбалмошное мое:
От беспутного только вред довелося увидеть мне!

Что мне добрый привет друзей? В сердце — тишь и блаженный мир,
Если гнет от ее клевет довелося увидеть мне!

А красавиц увижу я — и трепещет надеждой взор:
Где жасмин мой? Хотя бы след довелося увидеть мне!

Пусть и землю, и свод небес захлестнет рыданий потоп:
Злобу этих двух приверед довелося увидеть мне!

Серполунный увидишь лик — знай: тебя погубил не меч,—
Кару неба — страшнее нет! — довелося увидеть мне!

Я молитвенный коврик мой и хырку проносил до дыр,
Чтоб два мира сквозь их просвет довелося увидеть мне!

И не спрашивай, Навои, что изведал я от нее,
Сто невзгод друг за другом вслед довелося увидеть мне!

* * *

Злее, чем измены мрак, темнота бывает разве?
Светом дня озарена темень та бывает разве?

Искрой молний опалит всю вселенную разлука,—
В преисподней адских мук ей чета бывает разве?

Нюхать след ее собак — вот награда мне за верность!
Лучше золота сего красота бывает разве?

В день разлуки море бед с головой влюбленных топит,—
В ночь измены хоть роса пролита бывает разве?

Пятна крови, как цветы, на моем сожженном теле,—
В роще бедствий время цвесть для куста бывает разве?

Черный проливень измен насмерть любящих сражает,—
Тьма небесного дождя так люта бывает разве?

Песней, льющейся навзрыд, Навои сжигает розы,—
У безгласных соловьев песня та бывает разве?

* * *

Кипарис розоволикий, ты сказала — ты придешь!
Ночь провел я в муке дикой, сердце ждало — ты придешь.

Выходил ежеминутно, тела сдерживая дрожь,
И душа к устам невольно подступала: ты придешь!

Лик луны зажегся в небе, схож с тобою красотой.
Мне до лунного сиянья дела мало. Ты придешь!

Плакал я, дивя прохожих, на безумца был похож.
Веря и не веря пери, ждал устало,— ты придешь?

Эти слезы ты не вздумай в шутку сравнивать с водой —
Эти слезы были схожи с кровью алой... Ты придешь?

Выходил тебе навстречу, преданный тебе одной.
Ждал тебя, покуда сердце подсказало: не придешь.

Навои, вином утешься, о неверной думать брось,
И печали скажет властно звон бокалов: не придешь!

ТАРДЖИБАНД

* * *

О, почему с тобой я не дружу, вино?
Забота и беда гнетут меня давно...

На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь,—
Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной,--
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей:
В чем жизни цель — никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх,—
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилен здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина — гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

* * *

Я пью. Недуг любви меня скрутил опять.
Я снова меж гуляк, я меж кутил опять.

Мне пьяницы — друзья. Благочестивый пост
В позор и пьяный грех я обратил опять.

И стал кувшин с вином кумиром для меня,—
Мне душу блеск вина заворожил опять.

И, чтоб свободно пить, халат, и коврик мой,
И туфли, и тюрбан я заложил опять.

О ты, кого люблю, безумный мой кумир!
Всего меня огнем ты охватил опять.

И потому пришел сюда, в трущобы, я —
И душу кабачок мне обольстил опять.

Я понял: из любви лишь ненависть растет,
Любовью и вином лишен я сил опять!

Любовью приведен в проклятый кабачок,
Молю налить вина в разбитый черепок.

КЫТА

* * *

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.

Из мира, не закончив дел, уйти
Не то же ль, что из бани — недомытым?

* * *

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.

И в результате, как осел,
Влачил свой век от рева к реву.

* * *

Со мной в походе два коня,
Но пеший я ходок:

Как кони в шахматах, они
Поднять не могут ног.

Как в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.

Конь черный подо мной — земля,
А белый конь — песок.

* * *

Я, дар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.

И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.

О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

* * *

Скажу тебе: средь выродков земных
В особенности три породы гадки —

Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.

* * *

Напыщенный болван, от визга распалясь,
Поднять способен чернь во имя злого дела.

Когда петух зовет, копая клювом грязь,
Такого нет дерьма, чтоб курица не съела.

* * *

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.

Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

* * *

Среди искусств такое есть искусство:
Оплошность скрыть, коль оплошал твой друг.

И похвалить при всех его заслуги,
А нет их — скрыть отсутствие заслуг.

РУБАИ

* * *

Годами шейха речь текла, пресна, мутна,—
Ни сердца, ни ума не тронула она.
Но продавец вина мне душу взволновал:
Всего один глоток — и песня рождена!

ТУЮГИ

*

То губ нектар иль глаз твоих алмазная слеза ли?
А может быть, твои уста чужой нектар слизали?
Кокетством лук заряжен твой, и стрелы в сердце метят,
Ах, если б блестки яда с них на полпути слезали!

*

Стрела обиды в грудь впилась и сердце мне задела,
Едва утихнувшая страсть опять взялась за дело.
Так предначертано судьбой: мы страстью рвемся к юным,
И до других — кто нелюбим — влюбленным что за дело?

*

Дугою бровь, как меткий лук; стрелу мне брось навстречу,
Ах, долго ль мне еще, скорбя, лишь уповать на встречу?
Среди луноподобных звезд, что всех затмят красою,
С красой такой, как у тебя, другую разве встречу?

*

Рубины губ ее — огонь, они мне душу жгут.
Как лук мой стан, лишь потяни за тетиву, за жгут.
Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И светоч верности в тебе зажгут иль не зажгут?

*

Нет, ты не роза, я правдив в сравненье этом смелом,
По бледности твое лицо соперничает с мелом!
Затворница! Румянец щек тому лишь дан в награду,
Кто не гнушается вином и в страсти будет смелым.

*

Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил,
Но рок, мне печень истерзав, недуг мой не исправил.
Тогда он в Тун меня послал и пыткой мучил в Тунс,
Как нужно мучить,— не забыв ни одного из правил.

*

Пока любимая в Сари, грустить не перестану.
Когда ж сравнения искать для милой пери стану,
Я в сад пойду, в цветенье роз увижу лик прекрасный,
А рядом — стройный кипарис, ее подобный стану.

*

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая,
Что тело мне терзает в кровь — не хищных птиц ли стая?
Огонь любви мне душу сжег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.

*

Жестокий град коварных стрел мне душу поражал,
И в сердце две из них впились, как острых пара жал.
Алмазы горьких слез моих пролив к твоим стопам,
Я взоры россыпью камней бесценных поражал.

*

Мой взор состарила слеза, в страданьях пролитая,
Но ты, как прежде,— лишь мечта, что дразнит, пролетая.
Один — в тоске я смерти жду, но если ты со мною,
Мой, как у Хызра, долог век,— что ж вспомнил про лета я?

*

Чтоб ей сказать «не уходи», уста я растворил,
Но замер зов мой на устах и льда не растворил.
Ее капризам нет числа, упорству — нет границ.
Мир удивлен: такое зло каприз хоть раз творил?

*

Достиг ты многих благ земных, но к большим не стремись:
Земное благо тянет вниз, святое благо — ввысь.

*

Горящий уголь без щипцов руками не возьмешь,
Скалу киркой не раздробив, рубинов не найдешь.

*

Лишь только вспыхнет небосвод — весь мир начнет сиять,
Лишь только страждущий вздохнет — ночь настает опять.

*

Пускай святыня далека, ступай в суровый путь,
А не достигнешь — все равно ей благодарен будь.

*

Рука, пласты угля круша, становится черна,
Душа, с народом злым дружа, становится грязна.

*

Два мира примирить в себе, о друг, нам не дано:
Две лодки схватишь за борта — потонешь все равно.

*

Слепец, кто вечности искал среди забот мирских,
Глупец, кто верности искал среди сердец людских.

*

Пусть враг не смотрит на тебя, доверчивым не будь,—
Был незаметным ветерок, а смог свечу задуть.

*

Не злись, когда решится друг твои грехи назвать,
Не дуй на зеркало свое, чтоб не тускнела гладь.

*

В любви то правоверный я, то дерзкий еретик,
Ведь для меня один закон — твой лучезарный лик.

*

Глаза в песочные часы я превратить бы мог —
Из глаза в глаз пересыпать прах от любимых ног.

*

Сто раз меня отвергла ты, а сердце встречи ждет,
Сто тысяч мук снесет мудрец, по праведным умрет.

*

Ах, иссякает жизнь моя, я сгорбился, иссох,
И равен сотне вздохов стал мой каждый горький вздох.

*

Из этой кельи ты одна прогнать могла бы тьму,
Увы, повсюду светишь ты — лишь не в моем дому.

*

Любимая — цветущий сад, но скрылась вдруг она,
И как смогу теперь узнать: зима или весна?

*

«Я плакала»,— сказала ты, а лик — свежее роз.
Цвети, царица! Суждено лишь мне желтеть от слез.

*

О псы возлюбленной моей! Когда угасну я,
Хоть вы поплачьте обо мне, как старые друзья.

ЗАХИРЕДДИН МУХАММАД БАБУР

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1483—1530

РУБАИ

* * *

Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек,
А если этих двух задач не сможешь ты решить,—
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек.

* * *

Бродягой стань, но не рабом домашнего хламья,
Отдам и этот мир, и тот за нищий угол я.
Бродяжничество — не позор, и нищенство — не срам.
Уйти куда глаза глядят — давно мечта моя.

* * *

Не жертва скопидомства я, не пленник серебра,
В добре домашнем для себя не вижу я добра.
Не говорите, что Бабур не завершил пути:
Остановился я на миг,— мне снова в путь пора.

* * *

Моих обид не дай господь ни другу, ни врагу,
Пылинки верности в тебе найти я не могу.
И если голову у ног твоих я не сложил,
То, захватив ее с собой, подальше убегу.

* * *

Ты на чужбине,— и забыт, конечно, человек,
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал,—
По милой родине скорбит извечно человек.

* * *

Хоть временем на краткий срок и вознесен твой враг,—
Вином победы два-три дня он опьянен, твой враг.
Пусть кажется, что до небес он вырос,— не горюй:
Ведь низок он, и будет вновь с землей сровнен твой враг.

* * *

Ты затрудненье мое, художник, разреши:
Здесь на платке узор такой искусный напиши,
Чтоб мысли все мои на нем любимая прочла,
Чтоб ей открылся весь тайник тоскующей души.

* * *

Ты — роза яркая, но я ничтожный соловей.
Ты — пламя жаркое, но я зола,— возьми развей.
«Нет соответствия»! Но ты не избегай меня:
Народам царь — я стал рабом по прихоти твоей.

* * *

И трезвенников этот взгляд всех в пьяниц обратит,
А пьяниц — в сумасшедших твой румянец превратит,
А души тех, кто, как Бабур, благочестив и строг,
Твой смех из рая уведет, в изгнанниц превратит.

* * *

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме» — увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур.

* * *

Я ни своим и ни чужим ни в чем не угожу:
Соперник — зол, возлюбленной — бельмом в глазу служу.
Как ни стремлюсь я делать всем добро, однако сам,
Увы, живою притчей зла среди людей брожу.

* * *

Лишь от надежды встречи с ней возрождена душа,
За все страданья будешь ты награждена, душа.
Еще силен разлуки гнет, но в мыслях о тебе
Я счастлив: в мире и меня ждет хоть одна душа.

* * *

Во время брани пить помногу — нам нельзя,
Не заглушить в своей душе тревогу — нам нельзя,
С друзьями верными шагать не в ногу — нам нельзя,
И, не напившись, выспаться, ей-богу — нам нельзя.

* * *

Зайди поговорить, попить,— моих гостей возглавь,
Себя на время от мирских забот вином избавь,
Когда войскам веселья дан приказ идти в поход,
Усталым воинам труда ты отдых предоставь.

* * *

Я в жизни счастья не встречал, с несчастьем связан стал.
Во всех делах — просчет, за все я всем обязан стал.
Покинув родину свою, побрел я в Индустан
И черною смолой стыда навек измазан стал.

ГАЗЕЛИ

* * *

Я наперсницы, кроме души своей, не нашел.
Бескорыстней, чем солнце свое, друзей не нашел.

В человеческом сердце я столько ран не видал,
И сердечного плена нигде страшней не нашел.

Поневоле терплю я разлуки ад: сам себя
Я достойным для рая свиданья с ней не нашел.

Что же делать? Отправлюсь опять стучать в этот рай,
Хоть нигде неприступных таких дверей не нашел.

Приучись без подруги свой век прожить, о Бабур,
Если верности ты во вселенной всей не нашел.

* * *

Клятвы твои, твои обеты — где это все?
Ласки твои, твои приветы — где это все?

Я от тебя ушел в смятенье,— вспомнила ль ты,
Где твой Меджнун? Где страсть поэта? Где это все?

Речи твои лекарством были скорбной душе.
Где же теперь лекарство это? Где это все?

Как же тобой забыт так скоро бедный Бабур?
Клятвы твои, любви обеты — где это все?

* * *

О, приди! Жить в могиле разлуки до каких мне пор без тебя?
О, доколе еще этой муки мне терпеть позор без тебя?

Если б снова сверкнули два солнца, два глаза твоих предо мной!
Пусть ослепну от света, но только б не потух мой взор без тебя!

Если б кудри твои мне увидеть — и смятенным стать навсегда!
Но мечта против яви напрасно затевает спор без тебя.

Я люблю тебя так, что пошел бы даже в ад с тобой, словно в рай,
Но и в рай не заманишь Бабура: наслажденье — вздор без тебя.

* * *

Не зевай, виночерпий, весна коротка,— торопись!
Дай вина покраснее, но из погребка — торопись!

Не дано человеку в свой завтрашний день заглянуть,
Если жив ты сегодня, будь весел пока,— торопись!

В том свиданье блаженство, когда ты с любимой вдвоем.
Без соперника встреча легка и сладка,— торопись!

Против силы печали — одно только средство, Бабур:
Пей вино и рассеять печали войска торопись!

* * *

Как я сонное счастье свое разбудить, о боже, хочу!
Этот гибкий, податливый стан я обвить на ложе хочу.

К этим сладкоречивым губам как хочу губами припасть!
Эту розоподобную плоть целовать до дрожи хочу.

Научитесь, Ширин и Лейли, обаянью милой моей.
Где Фархад и Меджнун? Я любви научить вас тоже хочу.

Словно солнце — лицо... Нет, Бабур! Новолуния — брови... Стыдись!
Я сравненья такой красоте подыскать дороже хочу!

* * *

Пришла весна — и снова степь как райский сад цветет,
Кто наслаждался и зимой и летом — счастлив тот.

О чем дутар звенит, о чем поет певец? Пойми:
Они сулят блаженство тем, кто сбросил груз забот.

Любимая, ты — Мекка мне, тебе поклоны бью.
Молчи, ханжа! Твои уста — источник нечистот.

Не только нежность, но и гнев любимой, даже брань,—
Благодеянье для тебя, о сердце-сумасброд!

* * *

На чужбину заброшен, жестокой судьбой угнетенный, прошу:
Помяни хоть в молитве меня, от тебя отлученный, прошу.

Беззаветность любви, безграничную верность тебе доказав,
Только памяти доброй твоей, злой разлукой казненный, прошу.

Если в бездну страдания ввергнул меня мой китайский кумир,
Вся надежда на бога — и воли его благосклонной прошу.

Мне в разлуке ни радости нет, ни забвенья хотя бы на миг,
Без любви я не жизни, а смерти, смертельно влюбленный, прошу.

Моему кипарису привет от Бабура снеси, ветерок,
Прах пред ним поцелуй,— так я, заживо здесь погребенный, прошу.

* * *

О какой клевете говорить? Все дела соперников — ложь!
И какую мне рану открыть? Ты меня изранила сплошь.

На какие блужданья роптать всей моей заблудшей судьбы?
Колесо коварных небес ты с кривых путей не сведешь!

О какой мне поведать тоске, о каком спасенье кричать?
Кровожадной разлуки рука ведь уже вонзила свой нож.

Если в собственном даже краю ты забыто милой своей,
На чужбине, о сердце мое, неужели верность найдешь?

Что соперников злоба тому, кто от милой так пострадал?
Если роза так больно язвит, то чего от терния ждать?

* * *

Что о судьбе думать моей? Слишком всесильна печаль!
Где же приют сердцу найти? Ехать в какую мне даль?

Пьяный вертеп, божий ли дом — все предо мной на замке,
Здесь постучусь, там постучусь,— разве бездомного жаль?

В мире земном что мне сказать жалкой породе людской?
Слушать их речь? Но человек — или невежда, иль враль.

Что тебя ждет в мире земном, лучше, Бабур, не гадай.
Что суждено, то суждено! А в размышленьях — печаль!

* * *

Весело мы пировали вчера. Всем на пиру таком хорошо!
Очень приятные гости сошлись, каждый мне был знаком хорошо.

Благопристойно беседа велась, не было глупых, путаных слов,
Здравицы произносились красно, кто-то блеснул стишком хорошо.

Хоть не заморское было вино, крепость его отменна была.
Время бежало между одним и меж другим глотком хорошо.

Музыка, пение, сласти, вино — не было недостатка ни в чем.
Не было скуки. Устроен был пир истинным знатоком хорошо.

Люди хмелели, шумели,— у всех пьяной слезой туманился взгляд.
Эти — от хохота плачут, а те — давятся жирным куском... Хорошо!

Стали друг друга по-пьяному чтить, лбом об лоб усердно стуча.
Спутались головы, ноги... Весь дом вертится кувырком... Хорошо!

Новая полночь настала,— гостям время пришло идти по домам.
Трезвому лучше в седле восседать, если подвыпил — пешком
хорошо.

Я же, собой не владея, уснул, чувствую — кто-то будит меня.
Месяцеликая пери, чей взгляд все мне открыл тайком хорошо!

Милые гости, простите меня, если сболтнул я глупость вчера:
Выпил Бабур! И царю простаком стать иногда под хмельком
хорошо!

ПИСЬМО

...Было со мной: ночью лежу, духом смятен,
Влага в глазах, в жилах огонь, крови взамен.

Так я лежу,— душу гнетет бремя тоски,
Сердце свое, горько стеня, рву на куски.

Века дела перебирал, мысля всю ночь,
Также дела жизни своей числя всю ночь.

То я лежал, то иногда вскакивал я,
Спорил с судьбой, сам над собой плакивал я.

Так я взывал: «Тяжкий мой рок, сколь ты жесток,
Несправедлив к жертве своей, злобный мой рок!

Верности чужд, правды в тебе — малости нет,
К праведникам, к мученикам — жалости нет.

Занят одним делом, палач, ты искони:
Казни и гнет! Или казни, иль изгони!

Чем я тебе так помешал, чем надоел?
Ведь между мной и меж тобой не было дел!

В тесном углу мира один жить я привык,
В скудной тиши, горести сын, жить я привык.

Я не роптал — радовался, что одинок,
Что от друзей, что от всего мира далек.

Счастье познав истиннейшей сути свобод,
Освобожден был я от всех низких забот.

Сам я избрал этот покой, этот затвор.
О, если б мог я пребывать в нем до сих пор!

Словно во сне, жил я, но ты — настороже,—
Сон мой прервав, новый капкан ставил душе.

В новый капкан мне суждено было попасть,—
Имя ему — царский венец, ханская власть.

Сделав меня счастьем друзей, горем врагов,
Под ноги мне ты ль не поверг вскоре врагов!

Сев на престол, что и отцу принадлежал,
Судьбы владык, судьбы их стран я разрешал.

Я на шестой месяц шестым царством владел,
Семь поясов мира в тот срок я оглядел.

Мнил, что достиг высшей мечты в жизни земной,
Только не знал: властвуешь ты в жизни земной!

В пору, когда я возлюбил радостей пыл,
В пору, когда слово «печаль» я позабыл,—

Ты мою власть отнял, всего снова лишил,
Родины прах отнял, меня крова лишил.

Сделал меня дéрвишем ты, в нищенство вверг,—
И предо мной радостей свет сразу померк.

Определил ты мне в друзья горе и страх,
Боль и печаль стали моей стражей в путях.

Радости где? Почести где? Слава? Их нет!
Где все друзья? Слева их нет, справа их нет!

Это же все было, а ты отнял, палач!
Встречусь теперь людям — и вслед слышу их плач.

Что ж ты меня возвеличил, если я мал?
И для чего с прахом сровнял, коль поднимал?

Кары такой и не постичь здравым умом!
Дом возвести — и развалить собственный дом!

Вовсе в тебе совести нет, жалости нет,
Даже ума, видно, в тебе малости нет!

Как же такой мир почитать, верить в него?
Мерой какой низости мне мерить его?

Он ли душе — прочный оплот, крепость надежд?
Бич мудрецов, славы родник он для невежд!

Их неспроста держит в чести он искони,
Столь же он груб, столь же лукав, как и они...

Нет, мудрецу жить с ним в ладу мига нельзя!
Лжи и коварств молча терпеть иго нельзя!

Но от кого помощи ждать? Слаб человек!
Мир — всемогущ, вечно его раб — человек!

Если б тебя, рок, я привлечь мог бы к суду!
Но на земле праведный суд где я найду!

Там бы тебя разоблачил я на века,
Но до конца все рассказать — жизнь коротка!..

* * *

В мыслях таких я не смыкал глаз в эту ночь,
В горе моем кто же тогда мог мне помочь?

Так пролежал я до утра, и наконец
Солнце взошло — вестник добра, лекарь сердец.

Молвило мне, по доброте вечной, оно:
«Чем же, мой сын, сердце твое омрачено?

О, имя-рек, ведомо мне: ты угнетен,
Но, человек, ты не навек брошен в зиндон.

Мне в океан всех мировых слез не собрать,—
Низок сей мир, но на него сердца не трать!

Стоит ли он даже хулы, весь этот мир!
Стоит ли он горсти золы, весь этот мир!

Даже забудь имя его — мерзость и грязь!
Дух закалив, с миром порви всякую связь.

Золото здесь ты потерял, почести, власть.
В жертву за них душу свою стоит ли класть?

Короток срок радостей всех мира сего:
Око открыл, око закрыл — только всего!..

Эти мои мысли схвати, о ветерок!
И поднимись, и полети, о ветерок!

В светлый покой к пери моей тихо впорхнув,
Ей поклонись, речь на меня так повернув,

Скажешь: «Бабур розе салам передает,
Пламя любви страстным словам передает».

Пери не раз я отправлял письма свои,
В них изливал чувства и все мысли свои.

Думал я: взяв сердце мое, стала она
Другом моим, будет она нежно верна.

Разве я знал, что, завладев сердцем, как друг,
Ты проявлять дружбу начнешь пытками вдруг?

Кем-то всегда в мире любим каждый. Ужель
Я бы ничьей не утолил жажды! Ужель?

Роз не найти ль в мире? Иль все — нехороши?
Я же из всех выбрал ее, смуту души!

Выбрав ее, сколько страдал, с ней разлучась,
Не уповал: встречи придет радостный час!

Разве я знал, что навсегда с ней разлучен
И что огню вечной тоски я обречен?

Сколько писал писем, с каким жаром писал!
Хоть бы одно отклик нашло! Даром писал!

Как я молил! Вихри огня в письмах взметал,
В слове горел, плавился в нем, словно металл!

Как я страдал, как тосковал! Думал: доколь
Тщетных надежд, едких обид жгучая боль?

Ждать перестав, я наконец проклял мечты!
Духом смятен, у роковой стал я черты.

Вдруг от тебя я получил весть,— и опять
Я обратил войско своих горестей вспять.

Войско надежд выстроил вновь, славя судьбу,
И приложил счастья письмо к бледному лбу.

Только, увы, радости свет вскоре потух,
Вскоре во мне снова упал вспрянувший дух.

Сколь велика милость твоя, сколь ты нежна!
Но ведь была нежность твоя раньше нужна!

Как оценить ласку твоей речи теперь,
Если нам нет даже надежд встречи теперь?

Все ж и тебе сердце смягчить было не лень,
И у тебя сердце в груди, а не кремень.

Сколько обид ты нанесла — этой не ждал.
Сколько я лет встречи с тобой, сетуя, ждал.

Если тебе дорог твой раб, о госпожа,
Что ж ты его мучила, им не дорожа?

Пери! Обет верности вновь ты мне даешь,—
Сердца ли в нем искренность иль прихоти ложь?

Как же мне знать: плод ли добра эти слова,
Злая ль игра, шутка ль пера эти слова?

Чтоб доказать дружбу — свое слово блюди;
Делом любви клятву свою ты подтверди.

Если мечте сбыться сейчас не удалось,
Если удел сердца и впредь — мучиться врозь,

Я претерплю! Станет заря встречи близка,
И потеснит войско надежд скорби войска.

Но не забудь то, что тобой сказано здесь,
Помни: своей клятвою ты связана здесь.

Молит Бабур, верный твой раб: милость яви,
К жизни его ты возврати встречей любви.

Но поскорей движется пусть счастья арба,—
Поторопись, коль своего ценишь раба.

Все я сказал, что затаил в сердце, любя.
Верю: в ответ я получу весть от тебя.

Ныне на путь вести твоей вышлю свой взор,
И — вассалам! Кончен на том мой разговор!..»

МУХАММАД САЛИХ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1445—1506

ИЗ ПОЭМЫ «ШЕЙБАНИ-НАМЕ»

Он даром песнопенья обладал,
Познаньем таин творенья обладал,

Был сладостен и мудр его язык,
И в помыслах своих он был велик.

Был каждый тюркский стих его огнем,
А стих персидский — пламенным вином,

На двух языках песни он творил,
Вдвойне вниманье мудрых одарил.

Его прославленные муамма
Поистине — сокровища ума.

Его калам — когда он им писал —
Благоуханный мускус рассыпал.

В его словах дышало волшебство,—
Так был великолепен дар его.

И недоступных не было наук
Для Шейбани. Плетением кольчуг

С таким же совершенством он владел,
Как древний царь Давид-кольчугодел.

Вот оружейник первый в том краю,
Избрав кольчугу лучшую свою,

Пылающую кольцами, как жар,
Принес царю и властелину в дар.

На ту кольчугу Шейбани взглянул
И сам несколько колец согнул.

Необычайно мастер-чудодей
Завил их наподобие кудрей.

И так был оружейник потрясен
Работой, что издал он громкий стон

И молвил: «Я желал, властитель мой,
Блеснуть своим уменьем пред тобой.

Но вижу, что не стою ничего
Пред образцом искусства твоего.

Я первым слыл кольчужником в стране,
Соперников не ведал, равных мне.

И как теперь тобою посрамлен,
Коль ты в других ремеслах столь силен.

Да чашу дней твоих не иссушит
Поток времен, покуда мир стоит!

Да одоленье над врагом тебе
Дарует небо в благостной судьбе!..»

С толпой безусых, как он сам, повес
Два миродержца встретятся сейчас.

Потом сказал себе: «О человек!
Что, о невежда, разум твой изрек!

Кто миродержец истый в наши дни?
Кто Джахангир, когда не Шейбани?

В его руке миродержавный свет.
Отныне мнений двух об этом нет.

А тот, кто дух свой в лености растлил,
Как может быть, чтоб он не отступил?

Но всяк, чей разум истине открыт,
Тот правду сокровенную узрит.

Любой властитель, кто бы ни был он,
Благоволеньем неба осенен.

Он — светоч вседержителя, пока
Его звезда и степень высока.

Но и цари неравны меж собой,
Не поровну одарены судьбой.

Над судьбами владыки не вольны,
И их пути грядущие темны.

И станет меж владык возвышен тот,
В чьи двери солнце истины войдет.

И если б он один в пустыне жил
Иль, как Юсуф, в колодезь ввергнут был,

Могучий свет и там его найдет
И на вершину славы возведет...

Как солнце утра, встав на небесах,
Купает мир в живых своих лучах,

И всякое в природе естество
Ликует пред сиянием его,

И блещет перед ним морской простор,
Пески пустынь и льды высоких гор,—

Так лучезарным солнцем в наши дни
Поднялся хан великий Шейбани.

Так от него сиянье обрели
Цари иные на лице земли.

Вот хан, чья слава не умрет века,
Повел на приступ грозные войска.

А тот, кто Джахангиром назван был
Толпой льстецов придворных и кутил,

Бежал проворно, не жалея ног,
И в дальней горной крепости залег.

А для Ходжента был он чужеиин,
С дружиной чужеземной властелин.

Сопутствуем Санджаром верным, шах
Надежный замок укрепил в горах.

Но Шейбани настиг его и там,
Преследуя бегущих по пятам.

И осажденным он письмо послал,
Где миром дело кончить предлагал

И обещал пощаду, коль народ
Пред ним ворота волей отопрет.

Но все увещевания его
Не тронули, как видно, никого.

Была твердыня сказочно крепка,
Единодушны в крепости войска,

И так была та крепость высока,
Что погружала башни в облака...

И двинулись на приступ роковой
Бойцы, сомкнув щиты над головой.

Бестрепетно-отважные, как львы,
Они лавиной ринулись на рвы.

Хоть град камней был яростно жесток,
Мост навели они через поток.

Те по мосту, другие прямо вброд,
Где бил, крутил и выл водоворот,

Перебирались на берег другой,
Карабкались по насыпи крутой

И, тучи стрел пуская по врагам,
Уж подставляли лестницы к стенам.

Уж лезли роем на отвес скалы
Под струями пылающей смолы.

Хоть стены были дивно высоки
И лестницы их были коротки,

Но в крепости смятенье началось,
Великое волненье началось.

Шесть тысяч человек — все сразу — там
Такой подняли страшный вой и гам,

Как бы настал земли последний час.
И хоть мирзой назначен был Барлас,

Но счастья не добилися они,
Само искало счастье Шейбани.

С какой неустрашимостью — смотри! —
На бой пошли его богатыри!

Они подкоп огромной глубины
Прорыли в основании стены.

И, наконец,— опоры лишена,—
Обрушилась тяжелая стена.

И ворвалось в зияющий пролом
Все войско за прославленным вождем.

И вмиг защита сломлена была,
Разбита и разгромлена дотла.

Побоища такого белый свет
Не видел за последних двести лет.

Ты скажешь: смерти ветер ледяной
Пронесся по твердыне крепостной.

И крепость крови сделалась полна,
Как полный чан горячего вина,

И кровь лилась, и бушевал пожар,
Как в дни пророка в крепости Хайбар.

Так бушевал огонь, что, кто от стрел
И от мечей укрылся,— тот сгорел.

От замка не осталось ничего —
Погибли все защитники его.

Их поглотили адские огни,
Но рай приял батыров Шейбани.

Живыми победители себя —
Здоровыми увидели себя.

Когда свою победу завершил,
Великий хан убийства прекратил.

И было повеление его:
Всех пленных отпустить до одного!

Несчастные свободу обрели,
Найдя друг друга, в радости ушли.

Хан в Самарканд направился и там
Вернулся вновь к заботам и трудам.

МАДЖЛИСИ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
XVI век

ПОВЕСТЬ О САЙФУЛЬМУЛЮКЕ

О ШАХЕ АСЫМЕ

Был шах в Египте. Зорко стерегли
Его войска семь поясов земли.

Асым Сафвон — так шаха нарекли
Подвластные ему края земли.

Его желанья все исполнил бог,
Не ведал он ни страха, ни тревог,

Но не хватало одного — детей,
Хотя он был здоров и в силе всей.

Четырехсот семидесяти лет
Уже достиг, а сына нет и нет.

«Нет сына — кто припомнит обо мне?
Умру — кто завладеет всем в стране?»

Он о своей печалился судьбе,
Великих беков не пускал к себе.

Шах нарушал создателя покой
Одною неустанною мольбой.

Так сорок дней молил и плакал шах,
И днем и ночью исходил в слезах.

Шах Асым зовет к себе сына и дарит ему халат и кольцо

О небо! Шахам внемлешь ты всегда,
И только для народа ты — беда.

Послало небо шаху благодать,—
Родился сын, и счастлив шах опять.

Жил в наслажденьях царский сын, и вот
Услышал он, что шах его зовет:

«О сын мой, в знак отеческой любви
Я поднесу тебе дары мои!»

И сын пошел, отцовским вняв словам,
Как кипарис, был строен он и прям.

Шли рядом слуги — пери по красе.
Приблизясь к шаху, поклонились все.

Так сына шах лелеял и любил,
Что от него он глаз не отводил.

А сын смотрел все время на отца,
И счастью шаха не было конца.

При виде сына радовался шах,
Любовь сияла у него в глазах.

Он казначею приказал: «Открой
Казну и дай сундук мне золотой».

Открыл сундук, а в сундуке лежат
Кольцо и шелком вышитый халат.

От шаха сын подарки эти взял,
Что за халат, об этом сын не знал.

Шах приказал — и вот ведут коня.
Как пери, конь. Идет, уздой звеня.

Любил он этого коня — и вот
Его в подарок сыну отдает.

Отвесил сын почтительный поклон,
Был шах его учтивостью пленен.

Вот по дороге едет сын верхом,
А слуги отправляются пешком.

Шах дал любимцу лучшее, что мог,
Но пламя на пути его зажег.

Прекрасен дар, и в этом спору нет,
Но скрыты в нем сто тысяч зол и бед.

Саïфульмулюк,
увидев на халате портрет, влюбляется

Сайфульмулюк от шаха вышел вон,
Как в бурю кипарис, качался он,

Вступил в покои дивного дворца,
Где наслажденьям не было конца.

Во всех покоях яркий свет возник,
И стал дворец похожим на цветник.

Все пировали, опьянясь вином,
И падали, забывшись крепким сном.

Сын шаха был один остаться рад,—
Давно хотел он развернуть халат.

Он развернул халат и увидал
Красавицу — превыше всех похвал.

Он был лицом прекрасным поражен,
Изображеньем любовался он.

Как на портрете краски хороши!
Нет, не халат — то горе для души,

Теперь ему совсем покоя нет —
Он на халате увидал портрет.

Чудесный, привлекающий сердца!
Не видел он прекраснее лица.

Чем больше смотрит отрок, не дыша,
Тем больше разгорается душа.

Не щеки — розы красные долин,
Не губы, нет,— то сахар и рубин.

Бутоном алым мнится нежный рот,
Никто кудрей чернее не найдет.

А брови — лук, спустивший стаю стрел,
Чтоб тех разить, кто на портрет смотрел.

Ее ресницы — черная игла,
По остроте кинжалы превзошла.

Стан гибок, словно ветка диких роз;
Над станом — кольца спутанных волос,

Как кипариса саженец, стройна.
Не зубы — жемчуг хочет скрыть она.

Царевич наклоняется вперед;
Лицом к лицу приник, целуя рот.

Любовь огонь в душе его зажгла,
Вонзилась в грудь ему любви стрела.

Сайфульмулюк, плача, просит у шаха позволения уехать

Сайфульмулюк сказал: «О властелин,
Довольно бед тебе принес твой сын.

Я пыль целую под твоей ногой,
Но как забыть мне облик дорогой?

Сильнее чести пыл любви всегда,
Вздох страсти погасил свечу стыда.

Ты предложи мне солнце, месяц дай
И гурию, украсившую рай,—

Не нужно мне возлюбленной другой,
Я без нее расстаться рад с душой.

Она — в какой бы ни жила стране,—
Дарована судьбою в жены мне».

Взял горе в спутники Сайфульмулюк,—
Не видит он друзей, красавиц, слуг.

Лишь к одному портрету взгляд приник,
Дворцом печали стал дворец-цветник.

И день и ночь смотрел он на портрет.
Конца его слезам и стонам нет.

Он говорил: «Где я тебя найду?
В каком высоком, сказочном саду?

Где мне искать тебя, в каком краю?
Где я увижу красоту твою?

И щек моих запавших желтизна
Расскажет всем, как боль моя сильна.

Но кто о том тебе доставит весть,
Об этой боли скажет все как есть?

Любовной страсти пенится вино.
Лишился чувств твой кипарис давно,

Рыдает кровью чаша без тебя,
Свеча сгорает, плача и любя.

Передо мною чанг стоит, склонен,
Меня жалея, испускает стон;

Рубоб, припомнив горестный мой путь,
Вопит в тоске, себя колотит в грудь;

Вот выгнул шею бедный мой тамбур,
Смотри, как плачет, горестен и хмур;

От стонов мусикар весь как в огне,
Канун рвет грудь, печалясь обо мне.

И долгой ночью, и при свете дня
Они рыдают, глядя на меня».

Как желтый лист осенний, он поник,
Уста теперь — шафран, не сердолик.

Забыл и разум и терпенье он,
Ушел от мира и покинул трон.

Сломило горе старого отца,
Мать проливает слезы без конца.

Когда любовь твой верный спутник,— ты,
Будь шахом, не уйдешь от нищеты.

Нет для любви различья вер и стран,
Язычников, неверных, мусульман.

Когда любовь сильнее, чем гроза,
То ослепляет разума глаза.

Но только тот поистине влюблен,
Кто так же предан, так страдал, как он.

Разлуки яд — и тот ему как мед;
В тоске любви — усладу он найдет.

Любовь — как море, где бурлит волна,—
И угрожает гибелью она.

Но это море — всех влюбленных друг,
Сюда входящим незнаком испуг.

Тот пьян навек, кто пьет любви шербет,
Глух к увещаньям, чтит ее завет.

Стань, как шафран, желтей осенних трав,
Одну любовь владычицей избрав.

ИСМАТИ БУХОРОИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
? — 1426

* * *

Если душа от рожденья не терпит насилья и зла,
Помни всегда, что дворец богача для тебя кабала.

Помни, что черствого хлеба кусок со стола своего
Кажется слаще, чем розовый сахар с чужого стола.

В жизни, как птица Хумай, удовольствуйся костью одной.
Мухой на мед подлецов не лети, а трудись, как пчела.

Знай — все сокровища мира не стоят зерна ячменя.
Пусть во дворце нищеты и твоя раздается хвала!

* * *

Разум спросил я: «О мудрый, деяний творец,
Мыслей великих основа, вселенной венец!

Если ты в силах,— ответь на вопрос: почему
Редко для добрых сердец отмыкают ларец?

Славный мудрец не получит вовеки того,
Что без труда получает презренный глупец?

Щедрому — жизни его не подарит эмир?
Грудами золота жалкий владеет скупец?

Труженик черствою коркой насытиться рад,
А подлеца и льстеца пригласят во дворец?»

БАДРАДДИН ХИЛАЛИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

? — казнен в 1529 г.

* * *

Лишь приподнимешься, блестя, ты в ранний час на ложе,
Украсит все небесный свет, и ты украсишь тоже,

Прекрасней каждой розы ты, стройнее кипариса.
Какое благо красота и эта нежность, боже!

Сказала ты — мне жизнь отдай, свое сожги ты сердце.
Они твои, вели — и все свершу я для пригожей.

Иль ты душа? Она во все проникнет и исчезнет.
Иль жизнь? Ведь ей возврата нет. Быть с ней желаешь схожей?

Когда б, нарцисс, ты первый взгляд ко мне склоняла утром,
То это — ведай ты — всего мне было бы дороже.

«Быть одному — какая боль, какое это горе!» —
Так стонет сердце в дни разлук, а ты все строже, строже.

Ты на балконе, может быть, блеснешь лупою нежной.
Все бродит Юный Месяц, ждет, глядит,— к тебе не вхожий.

* * *

Все, влюбленные в красавиц, к ним стремленьем полны,
Но красавицы сильнее во влюбленных влюблены.

Красота горда любовью, красотой горда любовь.
Это так: они друг с дружкой вечной страстью сплетены.

Если шип хотя немного колет ножку соловья,—
Розы рвут свои одежды, от отчаянья больны.

С первых дней творенья с милой слит я; рта ее рубин
И мой жемчуг страсти, знаю, были вместе рождены.

О соперник, не завидуй! Ведь воители любви
Бросят все, с одной любовью распрощаться не вольны.

Хилали, уже согбенный! Ты о милых не тужи:
Ведь к твоей душе отныне души их устремлены.

* * *

Когда моя любимая в мой бедный дом приходит,
Страх гибели, от радости быть с ней вдвоем, приходит.

Хоть старец многоопытный твердил нам о терпенье,—
К влюбленному терпение — увы! — с трудом приходит.

Тюрчанка — о, лукавая! — какой мятеж замыслила?
Мятеж в мой разум бросивши, вновь с мятежом приходит.

Себе где встретит равную? Лишь в зеркале и встретит,
Когда глядеться в зеркало, как в водоем, приходит.

«Я — друг тебе»,— ты молвила. Хоть правда, да не верю.
В мой разум об обмане мысль — ах, все о нем! — приходит.

Ты светоч, Хилали к тебе, как мотылек, влечется.
Прогонишь прочь — уходит он; уйдет — потом приходит.

* * *

Как недуг любви осилить? Где целительные травы?
Сотни раз пронзала сердце, сотни ран болят, кровавы.

Коль о страсти к черным взорам расскажу я скалам,— знаю,
Даже сердце скал недвижных потечет струею лавы.

Насмотреться ли мне вдосталь на тебя двумя глазами?
Глаз я тысячу желаю, чтоб впивать твои отравы.

О луна! Тебя сравню ли хоть с одной из всех прекрасных?
Мельче звезд они, а месяц пред тобой не сыщет славы.

Ну, зачем ресниц кинжалы ты в меня всегда вонзаешь?
Лишь взгляни,— и я повержен, хватит этой мне расправы.

О, как прелесть быстролетна! Улыбнись же мне призывно.
Дважды юности не будет, властны времени уставы.

Коль зажгла ты пламень в сердце Хилали,— побойся: как бы
И в тебя не пали искры,— искры пламени лукавы.

* * *

О луна! Сегодня праздник,— всем открыта взглядам ты.
Бровь — дугой! Равна с луною праздничным нарядом ты.

Счастье всем, тебя узревшим в свете праздничной луны!
В ликованье тот, с которым в светлый праздник рядом ты.

Все идут в твой округ, словно в область праздничных молитв.
Тут и я в мольбах весь праздник: ведь за этим садом ты.

Все бессменно в этот праздник чтеньем заняты молитв,
А в моих словах бессменно бродишь сладким ядом ты.

Коль стрелу ты с лука брови бросишь в грудь мне,— эта грудь
Будет брови благодарна: ведь во всем отрада ты.

В это праздничное время все в прекрасных влюблены.
Мне не надо их, мне блещешь вожделенным кладом ты.

Весел праздник, одаряют все рабов своих. Твой раб —
Хилали, его за верность приведи к наградам ты.

* * *

Ах, дружна, моя подруга, ты с другим! Увы, увы!
Ты с соперником в беседе — только с ним,— увы, увы!

Мне дала навеки слово, слово верности,— и вот
Беспощадностью твоею я томим,— увы, увы!

Ты, что сумрак обращала для меня в лазурный день,
Скрывшись, день мой обратила в черный дым,— увы, увы!

Хоть к тебе мой влекся разум и к тебе неслась душа,—
Ты угрозою явилась им самим,— увы, увы!

Я взывал: не попадайся, дух мой, в сеть ее кудрей!
Все ж он, бедный, оказался уловим,— увы, увы!

Как жемчужины, внезапно из моих распались рук
Знанья, что сбирал я много лет и зим,— увы, увы!

Хилали среди красавиц был почетом окружен,
Но его мы посрамленным ныне зрим,— увы, увы!

АБДУРАХМАН МУШФИКИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
Ок. 1538—1588

* * *

Кравчий-утро, наполнив свой кубок, пелену с окоема совлек,
Огневой померанец рассвета из-за пазухи вынул восток.

Вся земля ароматом весенним задышала и вспыхнула вдруг,
Молодым благовоньем рейхана закурился сверкающий луг.

Вот шиповника пестрые звезды без числа зажигает цветник,—
Словно сотню сверкающих пряжек нацепил он на свой воротник.

Если ночь упивается амброй своего золотого цветка,—
Жажду утра росистым дыханьем благодатно поят облака.

Пробегает пурпурное пламя по зеленому морю дерев,—
Перед ним отступают туманы, сребролунную чашу воздев.

Вот встают венценосцы-тюльпаны, гордый полк их отважен и нем,
Из зари сплетены их арканы, и на каждом — рубиновый шлем.

По ристалищу — пламенных лилий исступленный отряд проскакал,
Их плащи отливают смарагдом, и у каждой алмазный кинжал.

Засверкала из терния роза, встала зелень из праха земли,—
Ветер дал им щиты и кольчуги, чтоб в сраженье бестрепетно шли.

Костяным нестареющим гребнем он умеет легко расчесать
Непокорную челку самшита, гордых пиний волнистую прядь.

У друзей переполнены кубки, опьянели они на пирах.
Горе мне! На глазах моих слезы, на опущенном темени — прах.

Я один не дружу с небосводом, одному мне враждебна звезда.
Никогда не смеется мне счастье, мне успех не поет никогда.

Камнем в голову рок мне нацелил, уничтожил мое бытие,
Дух мой терпит жестокие муки, попирается тело мое.

Горе мне! Кто в пути оступился, пусть руки милосердной не ждет.
Да пошлет ему милость всевышний от своих безграничных щедрот!

* * *

Кататься вздумала осень по ясной быстрине,—
Листвы челны золотые доверила волне.

Так злобно клинок осенний вонзился в пышный куст,
Что роза, облившись кровью, поникла в полусне.

У солнца нет больше силы вздыматься выше гор,
И тени стали длиннее на дальней крутизне.

Каламу в руках природы подобен ивы лист,
И кажется странной опиской нам зелень на сосне.

Над степью молния взмыла — безжалостный стрелок.
От инея луг сверкает, как звезды в вышине.

О, горе! В плен к Скорпиону попал небесный лал,—
Земля под бременем стужи забыла о весне.

Одна лишь ива Меджнуна, вся в нитях золотых,
Свой дар небесного света приносит тишине.

Вот вихрь-купец к нам причалил из гавани ветвей,
Привез парчи драгоценной в своем резном челне.

Тетрадь зеленая сада вчера была крепка
И вдруг сегодня распалась. Зачем? По чьей вине?

* * *

Сестра, отец наш опочил,— делить имущество пора;
Муллу служить я пригласил, а ты плати ему, сестра.

По справедливости дележ: амбар с зерном нужнее мне,
Зато солому ты возьмешь, свози ее скорей, сестра.

Мужчина должен мягко спать, тюфяк ты отнесешь ко мне,
А ты в ночи должна вздыхать,— стеная, слезы лей, сестра.

Тамбур и кольца долг велит мне, при разделе, взять себе,—
Послушай, как тамбур звенит,— печаль свою развей, сестра

От пола и до потолка пространство мне принадлежит,—
Себе возьмешь ты облака, луна тебе нужней, сестра.

Мы чтить усопшего должны, я на могилке посижу:
Купи халвы, пеки блины, корми моих гостей, сестра.

ШАХ-ИСМАИЛ ХАТАИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1485—1524

БАХАРИЯ

Отрывок из поэмы «Дех-наме»

Пронеслась зима, весна пришла.
Мак зацвел, и роза расцвела.
Подымают птицы крик любви.

Вновь огонь любви горит в крови.
Мир луга и рощи расцветил
И уста молчания открыл.

Тополь полы уронил в реку,
А кукушка вновь поет «ку-ку!».
На лугу бутоны, смеясь, стоят,
И оскалил зубчики в смехе гранат.
О муках разлуки запел соловей,
Дождь апрельский падает в волны морей
И горою жемчужин ложится на дно.
И журавль расправляет крылья весной,
Сокол бьет в облаках журавля на лету.
Тень от яблони белой глядит в высоту,
Издеваясь над облаком и луной.
Плачут тучи апрельские над землей,
И стотысячный хор соловьев гремит.

Гулко птица Гумири в листве говорит.
Опьянела фиалка, вина хлебнув.
Вспнет тыква, как аист шею согнув.
Наполняют воздух крики птенцов,
Словно школу — пенье учеников.
Плащ земли тысячецветный горит,
И дождем червонцев листва дрожит.
Над водою склонились левкои в цвету,
Ясень вскинул руки свои в высоту,
Чтобы в шумной зеленой рубахе плясать,
Чтобы золото разом горстями бросать.

Сидит под черешней моя луна —
Как луна между звездами, блещет она.
В десять тысяч кафтанов оделись луга,
На жасминах одежды белы, как снега,
И сверкают цветы плодовых ветвей,
Словно руку волшебную вздел Моисей.
А цветы обрызганы теплым дождем,
И нарцисс в полудреме стоит перед сном.
Плещут розы в лиловых отсветах зари,
Как зрачки лиловые птицы Гумири.
И цветок на рассвете закрыл лицо,
Чтобы утренний ветер не бил в лицо.
На лугах многоярусная роса,
А в атласном небе сияет слеза

Золотой звезды — тельца Первин.
И гордится статностью тополь долин,
И розы благоуханьем полны.
Проповедники лугов и весны —
Соловьи с ветвей, как с мимбаров, поют.
По лугам во все стороны воды текут.
У нарцисса сон струится в глазах.
Дремлют маки с коронами на головах,—
И они не нуждаются в главаре.
Нивы косу колосьев плетут на заре
И дыханье амбры ветру дарят.
За садами ручьи по камням гремят,
Лани с гор сбегают на водопой.
Мак в садах зажигается лампой ночной:
Он влюбленному в сердце вжигает клеймо,
Где качаются тополи в неге немой,
Истомой и нежностью напоены.
И роса в лепестках блестит от луны,
Словно в райском бассейне воды «Зем-Зем».
Зеленеет, алеет садовая сень.
Черный кряж чалму снеговую снял.
Поднял шашку Сусан, а ива — кинжал,
Чтоб вонзить их в того, кто не рад весне.
Свищут жаворонки в голубой вышине,
Им воркуют голуби в унисон.
Ветер утренний амброю напоен,
И под ветром дрожат на ветвях листы.
Перелетные птицы кричат с высоты,
Широко в облаках раскрывая крыла.
Гуси, лебеди, соколы, перепела,
Аисты, жаворонки, журавли
Вереницами пролетают вдали.
Над горой куропатка взлетает, смеясь,
Совы кричат, что бог среди нас.
Раскрываются губы первых цветов,
Птицы свищут в цветах на сотни ладов.
Жеребцы молодые визжат в табунах,
Ястреба жеребцами ржут в облаках.
Овцы идут, как река, в пыли.
Кочевать на эйлаги семьи ушли.
Все кругом стало алым, как кровь врага.
Выбегают серны с гор на луга,
Козы дикие друг за другом бегут,
О козлятах мечтают, приплода ждут.

Тополь встал среди луга, строен, в цвету,
Чтоб даль созерцать и глядеть в высоту.
Стала невестой дочурка цветка,
И фата ее розовая легка.
Оленихи детей уложили спать
И потом убежали тихонько гулять.

Свой послед в полях оставляет лань,
Чтоб мускусом пахла весенняя рань.
Высоко в облаках журавль кричит,
На десятки верст его крик звучит.
Почернело сердечко Багры Гара,
Лишь она услыхала полет орла.
Молодые птенцы впервые летят.
Оленихи в зарослях кормят телят.
Вылезают драконы погреть бока,
Туры горные сбрасывают рога.
Над каждым цветком жужжание пчел.
Собирать зерно муравей пошел.
Высыхает под солнцем сырость кругом.
Платье шелковой радуги блещет огнем.
Прыгая по росистым ветвям,
Тихо чирикают воробьи по ночам,
Листья тихо дрожат на ветвях вокруг —
Тот похож на стрелу, а другой — на лук.
Попугай начал мудро и сладостно петь,
Заколдовывая птицелова и сеть.
Все птицы вернулись из дальних краев
И на старые гнезда уселись вновь.

ГАЗЕЛИ

* * *

До сотворения мира началом начал был я,
Тех, кто камней драгоценных ярче сверкал, был я.

Алмаз превратил я в воду, она затопила мир.
Аллахом, который небо и землю зачал, был я.

Потом я стал человеком, но тайну свою хранил.
Тем, кто в сады аллаха первый попал, был я.

Я восемнадцать тысяч миров обойти сумел.
Огнем, который под морем очаг согревал, был я.

С тех пор я узнал все тайны аллаха, а он — мои.
Тем, кто истины светоч первым познал, был я.

Я Хатаи безнадежный, истины свет постиг.
Тем, кто в неверном мире все отрицал, был я.

* * *

Говорит: уходи! Ты лишь горе и боль мне принес.
Пожелтело лицо от кровавых, от огненных слез.

Я всегда представляю тебя молодым и прекрасным.
Мое сердце с твоим навсегда, мой жестокий, срослось.

Если горя клинок пополам твое тело разрубит —
Знай, что вместе с тобою погибнуть и мне довелось.

Ты меня не ищи — я с тобою везде неразлучна,
Я полна твоих мыслей, страстей неуемных и грез...

Говорит: уходи... Как уйду я от взгляда газели?
Как любовь обойду — предо мною она, как утес!

Берегись, Хатаи! От горячих очей тонкостанной
Стать бы тонким, как волос гордячки, тебе не пришлось!

* * *

Душа моя, жизнь моя,— счастлива будь!
Простимся,— в далекий собрался я путь...

Душа моей плоти умершей,— живи!
Со мною пришлось тебе горя хлебнуть!

Немало я пролил и крови и слез,—
Прости меня, милая, не обессудь...

Тоска, словно черные кудри твои,
Мешает мне нынче на солнце взглянуть.

Я видел толпу возле окон твоих,—
И горько мне стало, и дрогнула грудь...

Пускай я погибну — ты вечно живи!
Но мученика Хатаи не забудь!

* * *

Я ныне властитель державы любви!
Тоска и беда — вот визири мои.

В костях моих мозг, словно воск, растопился,
Огонь поселился в безумной крови!

Чертоги мои попирают Фортуну.
Я воин — меня не пугают бои!

Орел я, парящий над лезвием Кафа,
Завидуют песням моим соловьи.

Халладжа Мансура веду на цепи я...
О мир! Хатаи властелином зови!

ХАБИБИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

Конец XV — начало XVI века

МУСАДДАС

Я возлюбленную встретил: радостной была она,
По плечам волос струилась ароматная волна,
Заплетаемая в косы. В них, бессилия полна,—
Видел я,— была, как узник, чья-то жизнь заключена.
«Кто несчастный узник этот?» — я спросил. Она в ответ:
«То плененная арканом кос моих — душа твоя».

И бровей лукоподобных я увидел гордый взлет.
Шапку сняв, она смеется, амбру на голову льет.
Лик ее, с луною схожий, мимо глаз моих плывет,
И на нем, дразня собою, ярко родинка цветет.
«Это что здесь за примета?» — я спросил. Она в ответ:
«Это след от взора скрытых ран твоих — тоска твоя!»

Видел я: рубин бесценный прилипал к ее губам,
Локон в мускусе хотанском страстно льнул к ее щекам,

Жемчуг ластился наджафский к нежно-розовым ушам.
Вдруг услышал я, как что-то падает к ее ногам.
«Сердолик Йемена это?» — я спросил. Она в ответ:
«То струится кровь из сердца, как родник,— то кровь твоя».

И в саду, сама как роза, дева розовая шла,
И в подол ее деревья осыпали без числа
Яблоки, миндаль, гранаты... Все красавица взяла.
Но в саду лица любимой птичка грустная жила.
«Что ж грустит певунья эта?» — я спросил. Она в ответ.
«Птичка, что поет средь сада черт моих,— душа твоя».

Взгляд за взглядом — точно к свету, я стремился к ней
опять,—
От нее и самый мудрый сумасшедшим может стать,
Сто колодцев вавилонских ей легко заколдовать!
«Ямочка на подбородке — это что, позволь узнать?
Не колодец ли без света?» — я спросил. Она в ответ:
«То, что кажется темницей для других,— жилье твое».

Кипарис мой! К ней, сверкая, лился слез моих ручей,
Был я к родине прикован всею зоркостью очей,
От ее благоуханья грудь дышала горячей!
Смоль ее кудрей блестящих — томный бред моих ночей.
Я в огне! «Что значит это?» — я спросил. Она в ответ:
«Вот свершение мечтаний молодых — судьба твоя».

На лугу своей постели, как нарцисс, проснулась ты,
В прорези твоей рубашки раскрываются цветы,
Озарился я лучами светозарной красоты!
На цветке увидев точку: «Это уст твоих черты
Иль видение поэта?» — я спросил. Она в ответ:
«Хабиби, ты прав: и это только стих, мечта твоя!»

ГАЗЕЛИ

* * *

Богиня! Если для тебя не растерзал я грудь,—
Мне саваном рубаха будь, мой дом могилой будь!

И если лунный блеск волос забуду за столетье,—
Вползи в мой череп, скорпион, сам покажу я путь.

Роса упала. Выйди в сад, цветами полюбуйся:
Алмазом каждый лепесток старается блеснуть.

Я издевался над людьми, сраженными любовью...
Безумец! Как бы мне за то слез не пришлось смахнуть.

Покоя нет для Хабиби, он смотрит на лилею —
И каждый волос дыбом встал, чтобы шипом кольнуть.

* * *

Утренний зефир мечтает о твоих кудрях,
Я, как пыль, лежу покорно у тебя в ногах.

О красавица! Страдаю, стеснена душа,
С той поры как я мечтаю о твоих губах.

С той поры, как я увидел кудри и глаза,
Сердце плачет и вздыхает, в нем печаль и страх.

Кудри, брови и ресницы, родинки твои
Со стихами из Корана я сравнил в мечтах.

Стрелы всех твоих насмешек мне вонзились в грудь,
И любовью опозорен буду я в веках.

Страшный суд, землетрясенье — вот какая ты!
Увидав твой стан прекрасный, я хожу в слезах.

Хабиби пленен тобою! Пусть горька любовь,
Вместо слез, алмазы блещут у него в глазах!

ФИЗУЛИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1498—1556

* * *

Падишах золотой земли подкупает людей серебром,
Он готовит полки для захвата другой страны,

Сотней козней и хитростей он побеждает ее,
Но и в этой стране нету радости и тишины.

И в тот гибельный час, когда рок совершил поворот,
Гибнет сам падишах, и страна, и мильоны людей.

Посмотри: это я властелин, дервиш, сильный войсками слов,
Громоносное слово — источник победы моей.

Видишь, каждое слово мое — великан, что из истины силу берет;
Если слово захочет, будут море и суша покорны ему.

И куда б я его ни послал, слову чужды почет и казна;
Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму.

Все стихии вселенной слово мое не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.

Пусть властители мира мне не даруют благ:
У меня в голове есть корона скромной моей резьбы.

Я свободен во всем! Кто б ты ни был, слушатель мой,
Ты не должен за корку хлеба преходящему быть слугой.

ГАЗЕЛИ

* * *

О мой друг, если из-за тебя станет мир мне злым недругом вдруг,
Не беда — мне довольно тебя. Ты одна мой единственный друг.

Ведь когда я отдался любви, я совета друзей не просил,
Худший враг мой не мог превзойти мной самим причиненных мне мук.

Но душа не страшится скорбей, телу страшная боль не страшна,—
Телу-праху, душе неживой незнаком перед болью испуг.

Радость встречи не мог я познать, расставания скорбью смущен,
Но зато сделал светлой и тьму мне зулмат безотрадных разлук.

О садовница! Дымом, золой стали розы следов для меня,
Пепелище — мой горький удел, твой удел — вешний сад, пышный луг.

Меч соблазна она занесла, натянула на лук тетиву,—
Сердцу смерть принесет этот меч, мне тоску принесет этот лук.

Физули! Отлетела душа — я с дороги любви не сошел;
На плите напишите мне: «Страсть его заключила в свой круг».

* * *

Бессилен друг, коварно время, страшен рок,
Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк,

Лишь страсть, как солнце, горяча, но безнадежна.
Кто честен — на землю упал, зато подлец высок.

Слабеет разум, совесть упрекает глухо.
Растет любовь, а с ней и горе,— все не впрок!

Я чужд своей стране, без родины, без правды.
Исчерчен этот мир витьем коварных строк.

Любая девушка — источник зла для сердца,
Любая бровь — как серп: смертельный завиток.

Вот мак, колеблемый зефиром,— наше знанье,
Вот отражен в воде и искажен цветок.

Желанному предел,— но сколько испытаний
И горя на пути, пока найдешь итог!

Любовь, как тара тонкий стон, неуследима,
Сам виночерпий — легкой пены маленький глоток.

Нет у меня друзей, бегу я от меджлиса,
Кто мне укажет путь? Я всюду одинок.

Морщины Физули от горя стали резче,
Вот почему он желт, вот почему поблек.

* * *

Я горем сам горел, но им не опалил тебя.
Зачем, раскрывшийся бутон, я б огорчил тебя?

Пей только чистое вино, любовью мы пьяны.
Горит в огне терзаний тот, кто полюбил тебя.

Окислить красное вино случайности могли.
Как много красок в том цветке, что оживил тебя.

Ты выйди в сад. Ни одного бутона нет в саду,
Что кровью сердца своего не залил бы тебя.

Я думал — стан твой кипарис, но что там кипарис!
Божественною красотой мир наградил тебя.

Я горе камню изолью иль локону волос,
Кому-нибудь, кто б хоть на миг мне заменил тебя.

Пока тобою я пленен, в тоску закован я,
Хочу, чтобы никто другой не получил тебя.

Любовью к чистому вину наполнена душа.
О, неужели слез поток не умолил тебя.

О Физули, твой черный рок к тебе благоволит —
Неутомимою тоской он одарил тебя.

* * *

Велишь мне ненавидеть жизнь, так бессердечна и так зла?
Полнеба вздохом я сжигал, ты мне светильник не зажгла?

С другими ты, как нежный друг... ты исцелишь любой недуг.
А что же мой смятенный дух? Что ж ты к больному не пришла?

Всю ночь душа моя кипит, поет, безумствует, скорбит,
Тревожит стоном всех, кто спит,— ужели не услышит мгла?

Я вымыл бы твое чело слезами, что текут светло.
Любимая! Все расцвело, иль ты не чувствуешь тепла?

Хранил я в тайне грусть мою, от ветреницы не таю.
Услышишь или нет,— пою. Смеешься? Очи отвела?

Не я увлек тебя, а ты страшна мне силой красоты.
Так мне ль бояться клеветы пред блеском этого чела?

Но стыд и срам для Физули — его посмешищем сочли.
Рассмотрим дело издали,— любовь-то, кажется, прошла?

* * *

О душа моя, четок не трогай, на молитвенный коврик колен
не склоняй.
Не садись за трапезу с ханжами — им, усердно молящимся,
не доверяй!

Преклоняя главу на молитве, ты уронишь корону свободы своей,
Будь собою самим! Лицемерным омовеньем глаза свои
не раздражай!
Не ходи в их мечеть понапрасну иль истоптан ты будешь,
как старый палас,
Если ж вынужден будешь войти к ним, как Менбер, так надолго
ты не застревай.

А услышав призыв муэдзина, понапрасну, о друг, не тревожься
душой.
Не беги за советом к аскетам! И поверь — не откроют дверей они
в раи!

Средь скопленья людского в мечети возникают и ссоры, и брань,
и вражда,
Пожалей свою душу живую, в суете их участия не принимай.

Проповедник неискренен сердцем: ты, внимая речам его,
не обманись!
Глуп и сам, и свободную волю ты ему в легковерии не подчиняй!

Физули, в благочестии ложном ты ни правды, ни пользы себе
не найдешь.
Лицемерного богослуженья ты, как можешь, для пользы души
избегай.

* * *

Печалью сердце сожжено — счастливое когда-то сердце.
Свободой гордое вчера, заботами объято сердце.

Его размыл шальной поток, плотины смяв, стремит и бьет.
А ведь стояло, как чертог, во всей красе богатой сердце.

Что в чарке нравится ему, что вечно тянется к вину?
Зачем пирует — не пойму — пылавшее так свято сердце?

Вчера блистало, как хрусталь, сейчас растаяло, как воск.
Вчера негнущаяся сталь, сейчас капканом сжато сердце.

Любовь — нешуточная вещь, и сердце сделалось рабом.
Его бессонный стук зловещ, погибло без возврата сердце.

Гулял ты в Руми, Физули, блистал гармонией стиха.
Тебя сетями оплели — не вырвешь из Багдада сердце!

* * *

Я жизнью жертвовал не раз, но счастья не нашел,
Молил пощады, но в тебе участья не нашел,

Утратил все, чем обладал, стал нищим,— но и тут
Бальзама нежности твоей в напасти не нашел.

О, если бы я рассказал, как мучился тогда:
Несчастный раб вошел в чертог, но власти не нашел.

Я, как ничтожный муравей, карабкался и полз,
Но Сулеймана-мудреца, к несчастью, не нашел.

Я одинокий соловей, поющий в купах роз.
Я попугай в саду чудес, но сласти не нашел.

Вертись, фортуны колесо! Все ближе, ближе цель!
А я сапфира для твоих запястий не нашел.

Я Физули, простой бедняк. Красавица, прощай!
Я в бурю гибнущий челнок, я снасти не нашел.

* * *

Я скован, я пленен, с тех пор как увидал тебя.
Губ ослепительный цветок так украшал тебя!

Я жизнь на маленькой свече без колебаний сжег.
С душой своею до небес я поднимал тебя.

Я сердце вымою в слезах, я не забыл тот день —
В халате алом ты была, и Рахш промчал тебя.

Всегда без устали меня терзает твой кинжал.
Раскрылось сердце, как дворец! О, как я ждал тебя.

Все сердце стрелами полно, иначе бы оно
От горечи разорвалось! О, как я звал тебя!

Тогда бы я свободен был. Но в яму вновь попал,
Увидев ямочки твои. А так желал тебя!

О Физули, ты все скрывал, но ворот разодрал,
И, душу увидав твою, аллах узнал тебя.

* * *

Принеси скорее, кравчий, чашу — в мир явилась новая весна!
Всюду зелень, воздух жизнь нам дарит, розами душа упоена!

Нечего печалиться, ведь всюду роза рассыпает лепестки,—
Все чарует, все пленяет душу, радость всей земли здесь собрана!

Вот тюльпан раскрылся, улыбнулась почка; нагрянули счастья дни,
Всех трава к веселью призывает,— речь ее душистая слышна.

Погляди, как ныне жизнь прекрасна,— о грядущем и былом забудь,
По саду пройдись, пусти по кругу чашу искрометного вина.

Отправляйся в сад пораньше утром, ведь теперь блаженная пора,
Посмотри, как щедро расцветает алых роз блаженная страна!

Свитки всех бутонов развернулись, стало содержанье их известно:
«Не губите розовые чаши, не губите роз расцвет чудесный».

* * *

Принеси скорее, кравчий, чашу и летучий случай не теряй,
Случай — это счастье, коль упустишь — лишь на самого себя пеняй.

На земле пером травы написан стих о том, как землю оживлять,
То — один аят из книги счастья, на него с почтением взирай.

Говорят, в раю огня не знают; почему ж, скажите мне тогда,
В цветнике на огненные розы с завистью такой взирает рай.

Но весна ль виной тому, что смотрит с ревностью на мир Халилов сад?
Нет, то благодать Ибрагим-хана, правдой озарившего весь край.

Перед ним цветник глубоких мыслей рассыпает щедро лепестки,
На его пиру все кипарисы сада счастья, только выбирай.

Свитки всех бутонов развернулись, стало содержанье их известно:
«Не губите розовые чаши, не губите роз расцвет чудесный».

* * *

Принеси скорее, кравчий, чашу,— дел мирских ты знаешь
вечный ход,
Постоянно день и ночь кружатся и вертятся с ними месяц, год...

Соловей от осени бежавший, в Гулистане учредивший пир,
Свечи роз зажегши, обнаружил путь свиданья и подругу ждет.

Роза, скатерть встречи расстеливши, говорит все время соловью:
«Гостем сядь к столу Халилуллаха, видишь: скатерть браная
зовет».

Я вчера был опечален миром, радости отправился искать,
В сад вошел сегодня, чтобы книгу роз раскрыть и прочитать,
и вот —

Свитки всех бутонов развернулись, стало содержанье их известно:
«Не губите розовые чаши, не губите роз расцвет чудесный!»

* * *

Принеси скорее, кравчий, чашу; час веселья — розы расцвели;
Что тебе времен и вред и польза? Только песням радостным
внемли!

Горлицы запели восхваленья гулистанам — «тахтахал-анхар»,
Соловьи поют о гулистанах, что, как рай, повсюду расцвели.

Если ветерок уста бутона золотом наполнит — не дивись,
Ведь бутон хвалу возносит хану, славному среди людей земли.

Не дивись, что воздух изощряет зелени живительный язык,—
Зелень вечно восхваляет хана, чьи враги повергнуты в пыли.

Никогда я не устану чашу алого вина сжимать в руках,
Ибо утром мне трава и розы, полные почтенья, донесли:

Свитки всех бутонов развернулись, стало содержанье их известно:
«Не губите розовые чаши, не губите роз расцвет чудесный».

* * *

Принеси скорее, кравчий, чашу,— поле, сад тюльпанами цветут;
Дивное какое время года! А трава! Как будто изумруд!

Лепестки усеивают землю, словно кирпичи из серебра;
Эти кирпичи в основу зданья радости безоблачной кладут.

Отраженье роз, подобно крови печени, исчезло из очей...
Вновь явилось, как ожог, на сердце тех людей, что верность свято
чтут.

Розы и трава, подняв из праха, всем дарят рубины с бирюзой,
Люди же растеньям в ноги душу, как нисар, бросают там и тут.

Физули, ты был благочестивым осенью, теперь о том забудь,
Пей вино, уже весна настала, розы всем благоуханье льют.

Свитки всех бутонов развернулись, стало содержанье их известно:
«Не губите розовые чаши, не губите роз расцвет чудесный».

МУХАММАС

Хламиду безумия я надел, мир этот жалкий отчизной своею назвал.
Отшельником стал я, бросив плащ, рубаху с себя сорвал.
Даже если, подобно бутону, плащ и рубаху надену я
И сейчас же не разорву их, идол мой, нежнолелая дева моя,
Пусть плащ и рубаха саваном станут, черным, как смертный сон.
Хоть в мечтах о твоих кудрях изнывают мои года,
Сколько б ни прожил, эту мечту я не предам никогда,
Не думай, что позабуду ее, даже если меня казнят;
Мечты о кудрях твоих вечно со мной, вечно меня томят,
Даже если в мой череп пустой и слепой, шурша, заползет
скорпион.
Ранним утром твой розовый лик опалил меня блеском огня.
И пошел я в сад, чтоб запах роз успокоил опять меня.
Как увидел я розу и вспомнил тебя, накропил я жемчужных слез.
Вот и пала роса, выходи же в сад окропиться росою роз.
Сад весь полон росой, каждый листик дрожит,— ведь жемчужину
держит он!

РУБАИ

1

Коль сердце не пленник печалей разлуки,
Наложит ли встреча целящие руки?
Лекарство найдется от муки любой,—
Но не от мучений лишенного муки.

2

Сколько алых слез пролить заставил рок меня,
безжалостно-коварный,
Залито лицо мое слезами, стал багряным цвет его
янтарный;
Друг, о том, как горько я страдаю, и о цвете моего лица
Расскажи скорей, аллаха ради, этой розоликой,
лучезарной.

3

От вздохов пламенных Меджнун сгорел сполна,
Вамика погребла холодная волна,
И по ветру Фархад пустил младую жизнь,—
Все — прах; и жизнь моя из праха создана.

4

Воздержаньем не хвалюсь я, где мне знать о благочестье?
Мне бы лик прекрасной пери, чистое вино с ним вместе;
От вина и от любимой я отречься не могу,
Если скажут — я отрекся, вы не верьте этой вести.

5

К вину я в этой жизни привык давно, о шейх!
Чем дальше, тем упорней зовет вино, о шейх!
Мне пить вино приятно, тебе, о шейх,— молиться...
Судить, чей вкус превыше,— не нам дано, о шейх!

6

Нет, от вина отречься — твоя, аскет, ошибка,
Хоть согласись, хоть думай, что мой совет — ошибка.
Я пью не добровольно: я пью, пожалуй, спьяна,
И, значит, не виновен, что пьяный бред — ошибка!

7

Вино ты осуждаешь,— я пью, о проповедник!
Любовь ты проклинаешь мою, о проповедник!
Мы бросим ради рая и чашу и подругу,—
Но что нам предлагаешь в раю, о проповедник?

8

К любой на свете цели что нас ведет? — Любовь!
Кто гения приводит к мирам высот? — Любовь!
Любовь — желанный жемчуг сокровищницы мира...
Сны всяких опьянений что нам дает? — Любовь!

МУХАМЕДЪЯР

ТАТАРСКИЙ ПОЭТ
Середина XVI века

СУДЬБА ДЕВУШКИ

Жил шах, глава обширнейших владений,
И баловень богатств и наслаждений;

Он с Искандаром бы поспорить мог,
Завоевал он Запад и Восток.

По вечерам владыка знаменитый
Бродил по темным улицам со свитой.

Приглядываясь к людям и домам,
Кто зол, кто добр — хотел понять он сам.

Однажды, жаждой знания ведомый,
Он яркий свет в одном увидел доме.

И вот что шаха обнаружил взор:
Там брачный пир — и женщин полон двор,

И двое незнакомцев, сдвинув брови,
Сидят и держат перья наготове.

В картине этой странным было то,
Что, кроме шаха, не видал никто

Ни свадьбы, ни писцов. А перед шахом,
Который был объят невольным страхом,

Таинственного зала светлый круг
То пропадал, то появлялся вдруг.

И незнакомцев шах спросил суровый:
«Скажите мне, во имя бога, кто вы?»

«Мы — пишущие,— отвечали те,—
Веленья божьи чертим на листе.

Смотри: вот дочь хозяина у двери,
Красавица подобна дивной пери;

Один лишь взгляд вполглаза, с полусна —
И участь человека решена.

Стройна, приветлива и сердобольна,
Немало душ она сразит невольно.

Похож на юный месяц юный лик,
На розу, что затмила весь цветник;

Луна и солнце сникнут перед нею,
Соперничать с ее красой не смея,

И, свежих губ ее узрев резьбу,
Смутясь, прикусит Мисра дочь губу.

Четырнадцати лет достигнет пери —
Волк съест ее, она — добыча зверя!»

Сказали и исчезли с царских глаз.
Шах загрустил, услышав их рассказ;

Он в горе впал, зарю слезами встретил,
Но все же дом загадочный приметил.

Весь день, всю ночь провел он в забытьи,
А утром вновь решил туда пойти.

Ее отцу не пожалел он платы
И девочку увел в свои палаты.

Владыке не дал дочери, господь,
И шах удочерил чужую плоть.

Ту девочку в тайник души впустил он,
Ее в довольстве, в роскоши растил он.

Вот наконец-то выросла она,
Подобно древу райскому, стройна;

Мир не видал ей равных красотою,
Был взгляд ее для юношей бедою,

А родинка, улыбка уст живых
С ума сводили всех, кто видел их.

Печалями терзался шах великий,
Когда хоть миг он был без луноликой.

«На рубеже четырнадцати лет
Ее настигнет рок. Спасенья нет!»

Шах ведал сам предначертанье это
И принял меры в роковое лето.

Собрал он мастеров со всех концов —
Искуснейших строителей дворцов,

Особый дом создать повелевая:
И вот растет дворец, достойный рая.

Внутри покрыт он золотым литьем,
Запас воды и пищи сложен в нем,

Запор его с мудреными ключами
И днем и ночью освещен свечами.

Промолвил шах: «О дочь, живи здесь год.
Записано, что волк тебя сожрет.

Но если через год еще живою
Ты будешь — смерть отступит пред тобою.

Тогда скажу: твой светлый день пришел,
Дарю тебе корону и престол!»

И в том чертоге поселили пери,
Скрепили камнем и железом двери,

Решив, что здесь ей не грозит беда,
Решив — откуда волк придет сюда?

Спустя неделю шах сказал про дочку:
«Зачем ей там томиться в одиночку?»

И девушку, простую дочь земли,
К царевне в золотой дворец ввели.

И вновь, изгнав ее из сердца страх потери,
Свинцом и камнем укрепили двери.

Согласно жили девушки вдвоем,
Едою наслаждаясь и питьем,

Душа с душой — играли без опаски,
Рассказывали, забавляясь, сказки.

Но ту, чей разум жалостью согрет,
Терзал подружки царственный секрет.

Спросила дочку шаха дочь народа:
«Зачем тобою пре́зрена свобода?

Зачем, порвав с роскошной жизнью связь,
Ты здесь в уединенье заперлась?

Что даст тебе приют необычайный?
Откройся, поделись со мною тайной!»

Ответила царевна: «Знай, подруга,
Участница невольного досуга:

Решил аллах в судилище своем,
Что волк меня внезапно съест живьем.

Поэтому меня здесь поместили,
Сказав, что волк сюда пролезть не в силе.

Когда меня оставит бог в живых,—
Я помогу тебе в мечтах твоих».

И возопила девушка простая:
«О царь небесный, пред тобой чиста я,

Что, если б волком сделалась бы я?»
И внял мольбе всевышний судия.

Став хищником, она царевну съела,
Лишь косточки остались кучкой белой.

Когда истек судьбой клейменный год,
Явились к шаху знать и весь народ.

Открыли двери во дворец-темницу,
И... разбежались, увидав волчицу.

Деяньем божьим изумленный шах,
К всевышнему воззвал, упав во прах:

«Всесильный! Я твоей покорен воле,
Прости меня, грешить не буду боле!»

О ДОБРОТЕ

Смелей твори добро,— придет пора,
И ты узнаешь тоже вкус добра.

Торгуя, не зови саман зерном.
Кто зло творит — тому воздастся злом.

Ты совершай добро — в нем польза есть.
Кто зло творит — того постигнет месть.

Тому дай руку, кто устал в борьбе,
Когда-нибудь он руку даст тебе.

Не говори: «Не сделает добра
Мой старый враг»,— ведь завтра не вчера!

Когда увидишь в клетках певчих птиц,
Освободи бедняжек из темниц.

Они оценят доброты порыв,
За все добром посильным отплатив.

БЕСЕДА ПОЭТА СО СВОИМ СЕРДЦЕМ

Из поэмы «Подарок джигитов»

Я в комнате своей сидел однажды,
Из чаши горя пил, дрожа от жажды.

Я был сердечным устрашен огнем,
И, пленник скорби, трепетал я в нем.

«Эй, сердце, не дразни меня, живое,—
Воскликнул я,— оставь меня в покое!»

А сердце мне в ответ: «Запомни впредь,
Что бог мне повелел тобой владеть.

Поскольку нахожусь я в середине,
То я хочу твой ум наставить ныне.

Ярмухаммед, есть у тебя язык,
Язык твой — соловей, а мир — цветник.

Мы знаем: трудно говорить стихами,—
Труднее спрятать внутреннее пламя.

Как много тех, чья речь нам дорога,
Ушли, речей рассыпав жемчуга!

Ушли и те, чья ныла боль немая,
Ушли, бесценных слов не понимая».

«О сердце,— молвил я,— позволь сперва
Мне тоже высказать свои слова.

Есть в этом городе бедняга скромный,
В глазах людей — безвестный, жалкий, темный.

Так мне ли разум потерять и честь
И в круг великих с наглостью пролезть?

Вот потому-то я молчу смиренно.
О сердце, если жарко, вдохновенно

Петь не дано мне языком живым,
То лучше буду я глухонемым!

Здесь много преуспело в деле этом,
Большой и малый мнит себя поэтом.

Они претят мне глупой похвальбой,
Молчи, хочу побыть с самим собой!»

Сказало сердце мне: «Глупцом ты будешь,
Когда меня к молчанию принудишь.

Открой уста, своим добром делись,—
Со всеми ты своим умом делись!

Ты сердце посвяти любви и благу,
Кушак свой подтяни, познав отвагу.

Пусть мужеством тебя отметит бог,
Чтоб ты певцов тщеславных превозмог.

Иди, богатства сердца раздавая:
Скрывать свой облик — свойство негодяя!»

От этих слов почувствовал я стыд,
Сказал я, веря — бог меня простит:

«Ты знаешь помыслы мои, всеправый.
Наставь меня на путь добра и славы.

Хочу достичь я в слове торжества,
Чтоб возлюбил народ мои слова».

ЛУЧИ ДУШИ

Отрывки из поэмы

О ЩЕДРОСТИ

О ты, фонтана щедрости алмаз!
О, моря счастья редкостный алмаз!

Толкуя здесь о щедрости главу,
По мере сил покров с нее сорву.

Прислушайтесь же к щедрости словам,
И счастья сущность станет ясной вам.

Тому, кто счастлив щедростью своей,
Светить то счастье будет все щедрей.

Кто в этом мире щедрым будет — тот
В загробном мире в ад не попадет.

Кто мастерства достиг высот — того
Венцом украсит это мастерство.

Эй вы, меджлиса мудрые столпы,
Для избранных урок мой и толпы.

Раз щедрость — искупленье всех грехов,
В ней умный выгоду найти готов:

Здесь наградив его, на свете том
Бог тоже позаботится о нем!

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЯЗЫК

Начав о справедливости главу,
Раскрою слова смысл по существу.

Его значенье тюркское узнай,
Им все дела счастливо осеняй.

Быть справедливым — правдой дорожить,
Правдивым быть — в чести́, в богатстве жить.

Кто жаждет полного богатства, тот
Рубеж правдивости да не пройдет.

Кто в жизни возлюбил почета путь,
Равно со всеми справедливым будь.

Любовь страны — всем справедливым щит,
Бог щедро правдолюбов наградит.

Знай, что язык людскому роду дан,
Как чудо из чудес, как талисман.

Мысль в голове мелькнет, но в тот же миг
Она из головы летит в язык.

Кто справедлив и чей язык правдив,
Тот ни на глаз, ни на руку не крив.

А если крив язык, то весь, как есть,
Ты крив — и утерял людскую честь.

Язык людской! Будь в силе и в красе,—
Будь прям и прав,— исправимся мы все!

А если крив останешься,— как нам
Исправиться, адамовым сынам?!

Что в голове — все то у языка,
Все, все людьми взято у языка.

Не лживым словом будем спасены,
Правдивым словом будем спасены!

ОВАНЕС

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XV—XVI века

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Я гибну! Сжалься надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу ископай.

Пусть на костре сожгут меня: душа, стеня, взлетит огнем,
Кто не знавал сего огня? И сушь и зелень гибнет в нем.

Мой бедный прах вином омыв, пускай певец над ним споет,
Как в саван, в листья положив, в саду весенним погребет.

Жестокая! Глаза твои учить могли бы палачей,
Ты всех влечешь в тюрьму любви, и бойня — камин перед ней!

О! Сердце ты мое сожгла, чтоб углем брови подвести.
О! Кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти.

Кидайте яблоки в меня! Я нежным ранен языком!
Я пленник твой! Мой дух пьяня, ты поишь сладостным вином.

Мне нынче ночью снился сон, что на куски я разнесен,
Зверье сосало кровь мою, мой труп достался воронью.

Льва надо мной зияла пасть; и все струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть,— являйся, жажды не тая.

Землей, что топчет удалец, клянусь: во мне душа одна!
Меня сожгла ты! Наконец, пей кровь мою, взамен вина!

С моей главы на сердце вдруг упали клубы черных туч.
Желчь разлилась, туман вокруг, а слез поток — кровав и жгуч.

Мы ели за одним столом, из кубка пили одного,
Садились вместе, шли вдвоем. Ах! Что осталось от того!

Свои слова и свой обет ты помнишь? Им свидетель — бог!
Теперь меж нами связи нет, все зложелатель превозмог.

За зло пусть бог заплатит злом, чтоб враг мог зло свое испить,
И добрым пусть воздаст добром, чтоб вновь вдвоем с тобой нам быть.

Да, мне укажет бог пути! Деревья зацветут в лесах,
И древу сердца вновь цвести, и вновь пернатым петь в ветвях!

Безумный Ованес! Терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой дух крепи: она придет вновь целовать!

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Конец XV — XVI век

ПЕСНЯ

Весна пришла! Весна пришла! Сады — в убранстве роз,
И горлинка и соловей поют, поют до слез,
Горя любовию к цветку, что краше всех возрос,
Чей в зелени румяный лик влечет бессчетность грез!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

О, солнце! О, луна! Звезда, встающая с зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослепительный алмаз! О, жемчуг дорогой!
Пурпуровый цветок в саду! Фиалка в мгле лесной!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Ты — светлый вяз! Лилея ты, чей стебль благоухан!
На пыльной, людной площади зеленый ты фонтан!
Что град Катай! Что весь Китай! Что славный Хорасан!
Они — ничто перед тобой, и я любовью пьян!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Дух бальзамический струят персты, белей, чем снег.
Ты — сладкий сахар! Ты — миндаль! Ты — ладана ковчег!
Ты — свежий, сладостный цветник! Сад — полный вешних нег!
Ты — красный яблок, а к нему зеленый льнет побег!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Ты — багрянеющий топаз! Сверкающий рубин!
Ты — беспорочный изумруд! Цветной аквамарин!
Ты — перл, обточенный волной на дне морских глубин,
Отважным добытый пловцом из сумрачных пучин!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Ты — нунуфар! Ты — базилик, цветущий долгий срок!
Ты — мирта! Нежный бальзамин! Ты — лилии цветок!
Ты — гамаспюр, в садах весны пустивший свой росток!
Ты — лавр, из коего плетут в земном раю венок!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Ты — деревцо, где без плодов зеленой ветки нет!
Ты — пальма в почках без конца, ты пальмы первоцвет!
Ты — лес, что острым запахом цветов и трав согрет!
Ты — роза и фиалка! Ты — над морем алый свет!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

Ты — из миндальных деревцов роскошный, пышный сад!
Ты — запах амбры! Мускус — ты! Ты — дивный аромат!
Ты апельсиновых цветов душистее стократ!
Ты — кипарис, и ты — платан! Ты кедр, шатер услад!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

О гамаспюр! Ты, что, цветя, не вянешь никогда!
О эликсир! Ты, что целишь все скорби без следа!
Прекрасная! Будь, как миндаль, зеленой навсегда,
Чтоб видели красу твою мы долгие года!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! Все дни мои — что сон!

О чудный образ! Ты вовек — прекрасна и чиста!
Как ангелы, сияньем ты небесным облита!
Твой рот — божественный алтарь, и фимиам — уста,
А зубы — нити жемчугов, и вся ты — красота!

Я опьянен! Я опьянен! Любовью опьянен!
Я опьянен! Я опьянен! При солнце взят в полон!
Я опьянен! Я опьянен! И дни мои — что сон!

ПЕСНЬ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ

Когда исчезла роза, в сад явился соловей,
Узрев ее шатер пустым, затосковал по ней,
Всех спрашивал, не находя возлюбленной своей,
В ночи взывал, за часом час плачевней и грустней.

«О сад, с тобой я говорю! Дай мне, о сад, ответ!
Ты розы не берег моей, любимой розы нет;
Главы, царицы всех цветов, увы, пропал и след,
Чей был бессмертен аромат, чей был прекрасен цвет!

Так рухнет пусть твоя стена и распадешься ты;
Засохнут пусть твоих дерев и ветки и листы;
Пусть топчет всякая нога просторы пустоты,
Исчезнут злаки, и трава, и корни, и кусты».

«Обпльноводный, не теки,— я говорю ручью,—
Стряхните, дерева, листву зеленую свою!»
Я без смущенья говорю, отчетливо пою.
Достойнейшую унесли любимицу мою.

Ах, розу унесли мою, и ныне я уныл,
Отняли свет очей моих, и мрак меня стеснил,
Я плачу и при свете дня, и при лучах светил,
Моей привычкой стала грусть, в душе нет прежних сил.

То надо мною учинил садовник, может быть;
Он розу от меня унес, чтоб боль мне причинить.
Ее мне больше не видать! Рабу, мне как же быть?
На грусть веселый свой напев я должен изменить.

Боюсь, быть может, ветер встал, суровый, страшный, злой,

И листья розы оттого увяли под грозой.
Иль дуновеньем ее палящий солнца зной
Обжег и розу омертвил с непрочной красотой.

Иль, мне завидуя, цветы свершили это все,
Похитив, тайно унесли все счастье мое.
Иль сильный град на розу пал из туч, как лезвие,—
Сразив жестоко, от куста отрезал он ее».

Одно в ответ цветы гласят на много голосов:
«Где роза спрятана — о том нет вести у цветов.
Утеха мы тебе, певец, на тысячу ладов,
И каждый все тебе из нас пересказать готов».

Соловей пошел к птицам и спросил у них о розе.

На крыльях в воздух соловей взлетел на этот раз,
Подумал: «Расспрошу у птиц я обо всем сейчас,
Что знают, пусть о том скорей мне сообщат рассказ,
А то, как море, хлынет ток слез у меня из глаз».

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, к вам вопрос:
Из сада розу унесли, чистейшую из роз!
Не знаете ль, куда ушла иль кто ее унес?
Вы, может, видели ее иль весть вам кто принес?»

А те в ответ: «Создатель-бог то ведает лишь сам,
Лишь он один читает все, что скрыто по сердцам.
Иди, лети, ищи ее ты по другим местам,
Но розы не видали мы, господь — свидетель нам».

И огорчился соловей, сказал: «Куда пойду!
Ведь до рассвета я всю ночь терзаюсь, как в бреду.
Мне страшно, что без розы вдруг я смерть свою найду,
Тоскуя, с розой разлучен, в могилу я сойду.

Хотя б, без розы, дали мне весь мировой простор,—
Все будет жалким для меня, презренный, лишний вздор!
Пусть песнопевцы мне поют и с музыкою хор,—
Мне будет сладкий их напев как тягостный укор.

Куда же унесли тебя иль скрыли где тебя?
Твою высокую любовь как позабуду я?
Страдает сердце у меня, как и душа моя,
И увядают все цветы сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя — как будто сны одни,
И самый солнца свет, как мрак, мне кажется в тени.
В мучениях и в горести провел я эти дни,
И жизни той, что прожил я, в счет не войдут они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мне ли издавна сказал пророк слова:
Не хуже ль я, чем пеликан, в стране, где жизнь мертва,
И на развалинах не я ль уселся, как сова!»

Пошел садовник, говорил с соловьем и сказал:

Пришел садовник и его утешил средь забот,
Сказал: «Не плачь, о соловей, ведь роза вновь придет.
Смотри: фиалка уж пришла, предтеча розы,— вот,
Я с доброй вестью прихожу, несу поклон вперед».

И соловей благодарил и был безмерно рад:
«Дай бог, чтоб ты блаженно жил и дней бессчетных ряд;
Пускай твои цветы цветут, распустится твой сад,
Пусть обновятся в нем фонтан и камни из оград!

Все веточки и все ростки пусть зеленеют в нем,
Росой покроются с небес, заблещут, как огнем,
Размерно зыблются пускай под нежным ветерком,
На радость людям аромат пусть разливают днем!»

Затем соловей написал письмо к розе.
И роза созвала цветы и велела читать перед всеми.

Взяв, розе по двору снесли посланье от певца,
Там розу-астру перед ней избрали как чтеца.
Встав на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла от соловья письмо всем громко до конца:

«Душой любимая! Тебе я низкий шлю поклон!
Блаженная! Здорова ль ты, лишь этим я смущен.
На господа надеюсь я, кто всем обогащен,
Что беспорочной и живой тебя содеял он.

Простерши руки, целый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтоб длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты — всем земным цветам глава, они — твои рабы,
Над ними всеми ты царишь и правишь без борьбы.

По цвету несравненна ты, и запах твой — хорош,
Ты ярче солнечных лучей сиянье утром льешь.
Когда увижу я тебя, как будет час пригож,—
Ведь по природе ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнейший пишу поклон тебе издалека.
Прошу тебя: вернись ко мне и пожалей слегка.
Коль хочешь ведать, как живет покорный твой слуга,
Знай: у него и толк и ум — все отняла тоска.

Покой и мир утратил я, гнезда не создавал;
Ни капли сил нет у меня, всю кровь я потерял;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсем пропал,
До утра в бденье нахожусь, все ночи я не спал.

Тоскуя, надрываюсь я: наступит ли весна?
В печали, в думах по тебе душа изнурена.
Морозная, суровая зима проведена;
Все горе по тебе, всю скорбь изведал я сполна.

С упреком говорили мне: зачем страдать, любя?
Ты — раб! Царица всех цветов полюбит ли тебя?»

Выслушала роза письмо соловья и возвратила ему письмо

И отвечала роза так, когда закончил чтец:
«Отправлю множество цветов к нему я наконец,
Да скрасят горы и поля и за дворцом дворец,
Чтоб с радостью среди цветов мог обитать певец.

Мне ехать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождет и соловей немногих дней чреду.
Что высока его любовь, не подлежит суду.
Ему скажите, чтоб меня он поискал в саду».

Пошли и отнесли то письмо соловью. И он открыл уста с радостью

Услышав это, соловей стал очень ликовать,
Сказал: «Благую нынче весть мне довелось узнать:
Прелестнейшая роза в сад вернется к нам опять.
С единой розой твари все возможно ли равнять!»

Поднялось солнце в небеса и до Овна дошло.
Вдруг туча на небе росой взгремела тяжело,
И тысяч тысяча цветов внезапно возросло,
Но розы, хоть искал певец, там не было назло.

Зеленый розы лист потом он заприметил вдруг:
Она была еще светлей и ярче всех подруг,—
За завесой, на трон воссев, обозревала луг,
И били, как рабы, челом ей все цветы вокруг.

«О боже,— молвил соловей,— тебя благодарю!
Все славят господа уста, и я хвалой горю.
Все славословье вознесем небесному царю!
Я розы меж кустов узрел в счастливую зарю».

Опомнись, Ахтамарец, ты! В стихах не суесловь!
Припомни, что колючий шип — здесь, на земле, любовь!
На слезы обречет и скорбь, согрев недолго кровь.
Что проку в радости, когда — потом рыдать нам вновь!

ПЕСНЯ О ЖЕЛАННОЙ

Сады вокруг в цвету стоят,
Бессмертьем веет аромат.
Зову желанную в тоске,—
Возрадуемся в цветнике.

Вином полны и молоком
Груди твои. К устам влеком
Я медом, что хранится в них,
Томлений не тая моих.

Сладкоголосая краса,
Таинственные чудеса —
В любви твоей. Мои пути,
Мой разум солнцем освети.

Рай дивный, дерево в плодах,
Вино, чья сладость на губах.
Я пьян от этого вина,
Мне келья темная тесна.

Вот расцвели цветы земли...
Пойдем к бахче. И ты внемли:
Я о любви тебе спою,
Что душу тяготит мою.

Тебя встречая в день любой,
В тоске беседуя с тобой,
Смотря на образа красу,
Как лихорадку я снесу?

Тебя перед глазами нет,—
Глаза души найдут твой след;
Живешь ты в сердце, как в дому,
Тебя душой я обниму.

Ты золота богатый склад,
Ты камень дивный, ты гранат,
Сверканье искры и топаз,—
Тебя ищу в который раз.

Когда тебя увижу, мой
Рассудок расстается с тьмой.
Ты только губ не отнимай:
Целуя, поднимаюсь в рай.

Вся сдержанность исчезла прочь,
Сижу и плачу день и ночь.
Перегорающий в жару,
Я вечность вижу. Я умру.

Царица, лучезарный лик,
Я пьян, немеет мой язык,
И восторгаться я готов,
Изнемогая от оков.

Ты свежий утренний цветок,
Ты око солнца, ветерок.
Что с юга стелется в тиши,
Владычица моей души.

Как роза красная, в ряду
Других цветов знатна в саду.
Стан равен пальме. Надо мной
Шатром раскинься в летний зной.

Благоуханий нежных смесь
Из роз и лилий веет здесь.
Шафран, бальзам в одно слиты,—
Так ароматом веешь ты.

Так утоли же, позови,—
Душа и тело ждут любви,
Все изнывает существо
Вблизи сиянья твоего.

Светильника скользящий луч,
Как в сердце пламень страсти жгуч!
Давно со сном разлучено,
Не сдерживает слез оно.

Лишь встретиться с тобой... Я прав,
Тебе венец сплетая слав.
И песни затвердив размер,
Тебя хвалю я, как Гомер.

ПЕСНЯ

Борьба духа и плоти

Вечно телом душа стеснена;
В непрестанных стенаньях, она
Богу молится, слез не тая:
«Рассуди, справедливый судья».

Бог меня сотворил, и закон
Заповедал мне, грешному, он:
Пусть не делят раздор и вражда
Душу с телом моим никогда.

Но я сам для себя стал судьей,
Потому суд неправеден мой.
Дерзость люди взрастили в сердцах,
Потеряли к создателю страх.

Говорю я теперь: горе мне.
Нет душе исцеления. В огне
Одинокая будет страдать,
Призывая Христа благодать.

Я измучен обильем грехов,
Я дрожу. Мне не сбросить оков.
И враждует с душой моей плоть,
И друг друга хотят побороть.

Я покоя найти не могу.
Как бродяга, все в том же кругу
Я блуждаю. Хоть на два бы дня
Кровь и отдых нашлись для меня!

О Григорис, когда, не боясь,
Ты отмыл бы греховную грязь!
Излечись, разве время для сна?
Мир наш — тление, жизнь непрочна;

Смерти день приближается. Где
Врач твой, где исцеленье в беде?
Завтра явится Вестник в пути
И прикажет отсюда уйти.

ПЕСНЬ ОБ ОДНОМ ЕПИСКОПЕ

Лишь утром розы заблестят,
Влетает соловей в мой сад,
И розу воспевать он рад.
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

Опустошил я горный скат,
Камнями защитил свой сад,
Собрал колючки для оград
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

Устроил я в саду каскад,
Росу небес он брызжет в сад;
Льет не вода — фонтан услад.
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

В моем саду цветет гранат,
Лоз виноградных полон сад;
Льнет к зреющим плодам мой взгляд.
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

И белых роз и алых ряд
Расцвел, украсив горный сад;
Хочу впивать их аромат...
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

В точиле мнется виноград,
Вином меня утешит сад;
Хочу я пить в тиши прохлад.
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

Сорву я десять роз подряд:
Они вино твое, мой сад,
Пусть ароматом напоят.
И слышу: «Встань, покинь свой сад!»

Увы! В цветы вселился яд,
Не дышит розами мой сад,
Распались камни колоннад...
Да, мне пора покинуть сад!

Не внемлет роза соловью,
Я больше сладко не пою,
Кто душу отозвал мою?
Ах, бедный раб, оплачь свой сад!

НААПЕТ КУЧАК

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XVI век

АЙРЕНЫ ЛЮБВИ

* * *

Твоих грудей шамамы я вкушу ль, царица меж цариц?
Ах! Море — грудь твоя: она смиряет пламя огневиц.
И я желал бы стать чирком, в волнах купаться с роем птиц,
А отдыхать на берегу — в тени твоих густых ресниц.

* * *

О ночь, продлись! Останься, мгла! Стань годом, если можешь, ты!
Ведь милая ко мне пришла! Стань веком, если можешь, ты!
Помедли, утра грозный час! Ведь игры двух тревожишь ты!
Где радость? В скорбь ты клонишь нас! Ты сладость гонишь темноты!

* * *

Идя близ церкви, видел я у гроба ряд зажженных свеч:
То юношу во гроб любовь заставила до срока лечь.
Шептали свечи, воск струя, и грустную я слышал речь:
«Он от любви страдал, а нам — должно то пламя сердце сжечь!»

* * *

Когда умру я от любви, срежь косу, волосы сними,
Как факел, в руку их возьми, меня ищи не меж людьми;
Придя к могиле, все пойми, плиту слезами окайми
И, мне шепча: «Любовь прими!» — холодный камень обойми!

* * *

Ко дверям возлюбленной подведите меня скорей!
Обнажите раны мои, покажите ей!
Вместо свеч мои пальцы отрубленные зажгите ей!
Схороните любовью сгубленного у ее дверей!

* * *

С той поры, как рожден на свет, мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовет — сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит — славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь, я грудям ее дал обет.

* * *

Не нужна ты мне, не нужна,
Мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
И осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою,—
Пить не буду, губ не омою,
Словно та вода солона.
Если скажут: ты стала лозою,—
Не коснусь твоего вина.

* * *

Пред тобою я, мой желанный,
Скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
Соком сливовым оболью,
И напиток хмельной и пряный
Я в две чаши для нас налью.
Я надену наряд тонкотканый,
Чтобы ты за дымкой туманной
Видел белую грудь мою.

* * *

Ах, случилась прорушка одна,
Мне попалась дурнушка одна.
Захотелось мне с ней обняться,
Начала дурнушка ломаться,
Мол, не надо, я смущена.
А красавица мне из окна
Закричала: «К чему стараться?
Что в любви понимает она?
Надо к тем идти миловаться,
Кто хоть знает, как страсть сильна!»

* * *

Ты смеешься, ты все не со мною,
Но тебя я верну — погоди,
Окружу глухою стеною
И запру, словно сердце в груди!
И тогда снисхожденья не жди.
Я сожгу все мосты под луною.
Все мосты, что уже за спиною,
Все мосты, что еще впереди!

* * *

Милый мой, мне принесший зло,
Свет мой ясный, быстрей — в седло.
Скройся прочь, чтоб мое проклятье
Поразить тебя не могло!

* * *

Я люблю, я огнем объята,
Я, как облако в час заката,
Пламенею, а людям — смех.
Знаю, это за грех расплата,
Но какой я свершила грех?
Я люблю, но любовь моя свята.
Ты мне нужен один изо всех.
Так за что ж я молвой распята?

* * *

Я, как всякая птица, дика.
Я твоя, коль удержит рука.
А упустишь — в небе растаю
Иль смешаюсь с чужою стаей,
Не узнаешь издалека.
В клетку вновь ты меня не заманишь,
Станешь ладить силок — не обманешь,
Не боюсь твоего силка.

* * *

Я опился, но не вином,
Распалился, но не огнем.
От любви душа опьянела,
От любви мое сердце сгорело.
Я стою под твоим окном.
Ты ко мне выходишь несмело,
А меня не пускаешь в дом.
Для чего же два яблока зрело
Под твоим голубым платком.
Тронуть их рука захотела,
Ты заплакала: «Люди кругом.
То, что ночью следует делать,
Милый, можно ли делать днем?»

* * *

Ловчий сокол я с красным кольцом,
Ты — залетная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
Я ловлю — ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком
Говоришь ты: «Что зря трудиться?
Не охоться за мною днем,
Будет ночь, я — ночная птица!»

* * *

Мы пылали с тобой огнем,
Мы сгорали с тобой живьем.
Все прошло,— ты узнать захотела,
Что со мною стало потом?
Все случилось, как ты хотела,
Что могло, все давно сгорело,
На костях моих нету тела,
Есть лишь пепел в сердце моем.

* * *

Эх, глаза, мне бы выжечь вас
Без пощады железом каленым,
Лучше тьма — мне не нужно глаз,
Что на милого смотрят влюбленно.
Мне б язык отрезать сейчас,
Чтобы слов не болтал затаенных,
Мне бы сердце пронзить сто раз,
Чтоб не билось оно исступленно,
Обреченно, как в смертный час.

* * *

«О, как много в тебе, вино,
Бед и горя заключено,
С той поры, как тебя я приветил,
Счастье не было мне суждено!»
И на горькие жалобы эти
Внятно мне отвечало вино:
«Разве мало непьющих на свете
И несчастливых все равно!»

* * *

Где была ты, откуда пришла?
Если ты не посланница зла,

Отпусти меня, сделай милость!
Ты сожгла мое сердце дотла,
Ты в душе моей поселилась
И дороги назад не нашла,
Ты в сознанье моем заблудилась,
Ты моими слезами стекла.

* * *

Я тебе надоел, ну что же!
Как прикажешь, тебе видней,
Твой покой моего дороже.
Но любовь, что нам делать с ней?
Я уйду, и тебе, быть может,
Станет легче на несколько дней,
Но потом тебя страх встревожит,
И тогда ты станешь умней.
Ты поймешь: на девичьем ложе
Без меня еще холодней.

* * *

Черноброва ты, тонкостанна,
Лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несешь,
Грудь твоя, словно два шамама,
Что ж припасть мне к ней не даешь?
Ведь и ты уйдешь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмешь.
Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведешь?

* * *

Мне б рубашкою стать льняною,
Чтобы тело твое обтянуть,
Стать бы пуговкой золотою,
Чтобы к шее твоей прильнуть.
Мне бы влагою стать хмельною
Иль гранатовою водою,
Чтоб пролиться хоть каплей одною
На твою белоснежную грудь.

* * *

Совершая обычный свой путь,
В чей-то двор я решил заглянуть.
Там висело белье на веревке

И рубашка — любо взглянуть.
Рукава ее вшиты ловко
И цветами расшита грудь.
Вот хозяйку этой обновки
Залучить бы мне как-нибудь.
Обмануть бы, найти уловку
Или золотом прихвастнуть.

* * *

Образумься, побойся бога,
Знают все, ты грешила много.
Я ж страдаю который год.
Что ж твердишь ты: «Я — недотрога!»
Ты вкусила запретный плод.
В рай закрыта тебе дорога.
Сын вороны, он впился в твой рот,
А на сокола смотришь ты строго.
И покоя мне не дает
День и ночь за тебя тревога.
Как ошибочен твой расчет,
Как жеманство твое убого!

* * *

Вот красавица с грудью белой
Ярко-синюю кофту надела
И вблизи от меня прошла,
Расстегнула петлю несмело,
Словно жаром меня обдала.
О великий создатель, сделай,
Чтоб красавица с грудью белой
Столь красивою не была,
Чтобы сердце мое не горело,
Чтоб в тоске не сгорало дотла!

* * *

«Ты не яблоко ли румяное,
Не пора ли тебя сорвать?
Белолицая, тонкостанная,
Не пора ли тебя целовать?
Но Евфрат — река окаянная
Между мной и тобой опять».

«Милый, речи твои туманные
Не могу я никак понять.

Я Евфрат перешла, как пьяная,
Я мосты сожгла деревянные,—
Больше нечего мне терять!»

* * *

Я в вечерний час, в час туманный
Шел по улице вполпьяна,
Повстречался с моей желанной,
Грудь ее словно яблок полна.
Тронуть пальчиком плод румяный
Захотелось мне, но она
Закричала: «Прочь, окаянный,
Я чиста еще, не грешна!»
Люди, верьте, я не был пьяный
Если был, так не от вина!
Сколько раз мы с ней, тонкостанной,
Проводили ночи без сна!

* * *

«Ты приди ко мне в час заката.
Дам тебе половину граната.
Поцелуй за одно зерно —
Не нужна мне большая плата».

«Что ты жаден, я знаю давно,
Да беда — я не так богата.
Поцелуй за одно зерно —
Это, право, дороговато!»

* * *

Если в сад я твой попаду,
Что увижу в твоем саду?
Я увижу тебя лежащей,
Я увижу твой взгляд молящий:
«Уходи!» А я не уйду.
Ты прошепчешь: «Здесь всё на виду.
Подожди, пусть заснут послаще
Люди в доме, рыбы в пруду.
Все соседи глаза таращат,
Все им слышно, нам на беду!»

«Пусть соседи глаза таращат,
Пусть глядят, к своему стыду.
Мы огнем, в наших душах горящим,
И злословье сожжем и вражду!»

* * *

«Твое ложе — мой храм и мой дом,
Грудь твоя — две лампады в нем.
Не нужна мне иная награда,
Только стать бы мне звонарем
Иль лампадщиком в храме твоем».

«Нет, мне служек таких не надо,
Молод ты и, на горе нам,
Засветить позабудешь лампады
И во тьме оставишь мой храм».

* * *

Видишь, яблоня на пригорке,
Греет солнце ее сквозь туман,
Чтоб полить, принесу в ведерке
Я воды из реки Иордан.
Буду холить, следить буду зорко,
Чтоб мои не пропали труды,
Чтоб случилось однажды на зорьке
Мне сорвать дорогие плоды.

* * *

Там старушка живет у нас,
Каждый шорох слышит слепая,
Ей еще бы ослепнуть раз
Иль оглохнуть, чтобы, глухая,
Не учуяла бы сейчас,
Как мой милый крадется, не зная,
Что старушка живет у нас.

* * *

Целовал я красавиц мало,
А вчера обнялся с одной.
Ничего она не сказала,
Убежала она домой.
Мать-старуха запричитала:
«Ротик кто окровавил твой?»
«Только что я в саду гуляла,
Там терновник колючий и злой».
Мать заохала, закричала:
«Будь он проклят, такой-сякой!»
Но красавица зарыдала:

«Не кляни его, мать, постой,
Я неправду тебе сказала —
Целовал меня милый мой!»

* * *

Тонок стан твой, грудь высока,
По две родинки возле соска.
Многих юношей ты погубила,
Приманила, да не полюбила.
Видно, смерть и моя близка.
Потому что только могила
Исцелит меня наверняка.

АЙРЕНЫ СТРАНСТВИЙ И ПЕЧАЛИ

* * *

Выйди из своего чертога,
Словно солнце из-за дерев,
От груди твоей, недотрога,
Свет исходит, весь мир согрев.
Забывают священники бога,
На мгновенье тебя узрев.
Вот и я от родного порога,
Прочь ушел, от любви опьянев.

* * *

Ухожу я, прошел мой срок,
Так прощайте и все простите,
Оставляю я вам цветок,
Среди роз вы его держите!
Коль попросит воды глоток —
Мой цветок вином напоите,
И дарует вам счастье бог!
А когда пировать захотите,
Мое место вы сохраните,
Мою чашу и мой кусок,
Будто жив я, мне поднесите.

* * *

«Уезжаю»,— сын мой сказал.
Я не верила, потрясенная.
Ногу в стремя — вдаль ускакал.
Я осталась ошеломленная.
Где б, сынок, ты ни сделал привал,

Пусть растет там трава зеленая,
И в какой бы ты край ни попал,
Пусть там зло не живет затаенное.
Песня ангела смерти меж скал
Глохнет, пением птиц заглушенная,
Где б, сынок мой, ты ни пировал,
Пусть посуда будет злаченая.
Как ладья, пусть будет бокал,
И вино, как море бездонное.

* * *

Ты — любовь моя, мир мой священный,
Радость первая, давний мой рай,
Не задумала ль ты измену?
Не лукавь со мной, не играй!
Или черный наряд надену,
Крест монашеский и — прощай.
Лишь тогда ты узнаешь цену
Мне, ушедшему в дальний край.

* * *

Я уйду, чтоб меня не ждали,
Появлюсь я едва ли здесь.
В Византию пойду вначале,
Но когда ты получишь весть,
Знай, что я уж не там, а далее.
Стран на свете не перечесть...

Но однажды на перевале
Кто-то скажет мне, где ты есть,
И примчусь я из дальней дали,
Чтоб свободе любовь предпочесть.

* * *

Не могу я с тобой расстаться,
На пути твоем встану стеной.
Скажешь: «Я не могу остаться».
И уйдешь, распростясь со мной.
О мой милый, года промчатся,
Будет в мире и холод и зной,
Будет сердце твое сжиматься,
По земле терзаться родной.

* * *

В час, когда я тобой владела,
Я одна всей землей владела.
С той поры, как тебя потеряла,
Я едва и собой владела.

ГНОМА

Однажды по улице шел я домой.
Вдруг череп, смотрю, на дороге лежит.
Ударил ногой я по кости пустой,
Вдруг череп в лицо мне улыбку кривит
И кость говорит мне такие слова:
«Эй, слушай, что делаешь ты, удалец?
Вчера лишь я был, как твоя голова,
А нынче настиг меня горький конец!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XVI век

* * *

О злая! С черной красотой! О дорогая! Ангел мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Как жжет меня моя любовь! О дорогая, жжет любовь!
Твой лоб так бел, но сумрак — бровь! О дорогая, сумрак — бровь.

Твой взор — как море, я — ладья! О дорогая, я — ладья!
На этих волнах — чайка я! О дорогая, чайка — я!

Мне не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
О злая, выслушай раба! О дорогая, речь раба!

Ты — врач: мне раны излечи, о дорогая, излечи!
Я словно в огненной печи, о дорогая, я — в печи!

Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая,
О злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

Мне не уснуть и краткий срок, о дорогая, краткий срок,
Тебя ищу — и одинок, о дорогая, одинок!

И ночь и день к тебе лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всем хочу, о дорогая, и молчу!

Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XVI век

ПЕСНЯ О ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕМЕНТАХ

ВЕСНА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой весною приходят.
Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Надели зеленый наряд,
Над землею кружатся, кружат.
Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь!
Я без ума от нея,
Раб умиленный творца.

ЛЕТО

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждым летом приходят.
Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Над розой кружили, кружат.
Пой соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь!
Я без ума от нея,
Раб умиленный творца.

ОСЕНЬ

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что осенью каждой приходят.
Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Надели желтый наряд,
Над сушью кружатся, кружат.
Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь!
Я без ума от нея,
Раб умиленный творца.

ЗИМА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой зимою приходят.
Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Над снегами кружатся, кружат.
Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь!
Я без ума от нея,
Раб умиленный творца.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XVI век

НОКТЮРН

Луна нежна, ветер нежен,
И сон земледелов нежен;
Луна высоко взошла,

И голос свирели нежен;
Пастух распустил быков,
И сон под чинарой нежен;
Прохлада веет в листве,
И ветер приморский нежен;
По камням ручей журчит,
И говор струй его нежен;
Все птички по гнездам спят,
Но свист соловья так нежен;
Как сладко пахнет в лесу:
То запах розы так нежен!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XVI век

* * *

«Как вам не завидовать,
Горы вы высокие!»
«Что же нам завидовать,—
Участь наша горькая:
Летом жжет нас солнышко,
В зиму — стужа лютая!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

XVI век

КРУНК

Крунк! куда летишь? Крик твой — слов сильней!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохнул, душа — вся горит в огне.
Крунк! постой! Твой крик — нежит сердце мне.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучат,
Крик твой слаще, чем — в скалах водопад.
Твой в Алеппо путь? Иль летишь в Багдад?
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Сердце звало нас,— собрались, ушли,
В лживом мире мы братьев не нашли,
И тоскуем здесь, от друзей вдали...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Медленна годов в мире череда.
Да услышит бог, растворит врата!
Жизнь хариба — грусть, взор — в слезах всегда.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Боже, пожалей, кто живет изгнан!
Грудь хариба — скорбь, сердце — полно ран,
Хлеб, что ест он,— желчь, ключ, что пьет,— поган...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Праздников мне нет, будни — день за днем!
Вертелом пронзен, я сожжен огнем.
Но не пламя жжет: память о былом!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

От Багдада путь до границ далек!
Вот возьми письмо, я даю в залог,—
Верности твоей будь порукой бог:
Ты снеси, доставь милым мой залог.

Я пишу в письме, что мой свет погас,
Что ни в ночь, ни днем не открыть мне глаз.
Что я здесь томлюсь, милые, по вас!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Осень настает... Что же! поспешай.
Стаю ты собрал меж бессчетных стай;
Не ответив, ты улетел в наш край...
Крунк! из этих мест скройся, улетай!

ОВАСАП СЕБАСТАЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XVI век

ЛЮБОВЬ МОНАХА

1

Средь алых роз спдит она,
Цветеньем их окружена.
Дугою брови, ночь черна
В ее глазах пьяней вина.

Она зовет: «О милый мой,
Иди и радуйся со мной;
Я знаю, смутен ты душой,
И горе целый век с тобой».

Фиал наполнив через край,
Цветок дает, свежа, как май:
«Лишь для меня душой сияй,
Властитель мой, с тобой мне рай!»

Я говорю: «Нет, ты в цветах —
Султан и грозный падишах,
Цвети с улыбкой на устах,
Но лишь меня храни в мечтах».

И говорит она в ответ:
«Ты в рясу черную одет,
Ты богу произнес обет,
Которому покорен свет».

«Познал ли ты, что впереди?
Эй, глупый Овасап, уйди,
Молись с надеждою в груди.
Безумный, радости не жди!»

2

Она разряжена в шелка,
Она взирает свысока.
И вот в груди моей тоска,
И словно мертвая — рука.

И говорит она опять:
«О раб, к чему тебе страдать?
Но прежде чем «люблю» сказать,
Тебя мне надо испытать».

«Нет, нет, лукавишь ты со мной,
Ты в вере крещена святой;
И весь терзаюсь я душой,
Едва заслышу голос твой.

Кто взглянет на тебя — влюблен,
Кто слов твоих услышит звон —
Тот целым миром одарен,
Бессмертным делается он».

«Эй, Овасап, грехов оплот,
Бессмертье нам лишь бог дает.
Любовь проходит в свой черед,
Сдержи напрасных слов полет».

Смотрела с жалостью она,
А речь была пьяней вина.
И сам я был во власти сна,—
Луной казалась мне она.

«О, говори, душа моя,
Тебя увидев, гибну я,
Ты плод бессмертный бытия,
Каких не видела земля».

«Что Овасапу суждено?
Себастаци, ты лжешь давно.
Пролей скорей свое вино,—
Любовь проходит все равно».

3

В бахче предстала мне она,
Как хан, средь роз, нежна, стройна,
Лицом сияя, как луна,
Как роза среди роз, пышна.

Она движением бровей
Сказала мне: «Иди скорей».
Но я не мог ответить ей,
Услышав звук ее речей.

«О, ради бога,— молвил я,—
Дай розу мне, любовь моя».
«Боюсь, боюсь, любовь моя,
Садовник сгонит соловья».

А я сказал: «Нет, соловей
Сольется с розою своей,
Прижмет к груди ее тесней,
Счастливей станет всех людей.

Он непреклонен, он суров,
Не побоится он шипов,
По розе он рыдать готов
До поздних звезд в тени садов».

Игрой бровей, игрою глаз
Она ведет любви рассказ:
«Мой друг, спеши ко мне сейчас,
Но пусть никто не видит нас».

В душе моей и блеск и свет,
И мир мой радостью одет,—
Едва услышал я ответ,
Какого слаще в мире нет.

Себастаци, к чему тот рай,
Других речами не смущай.
Стремись душой в небесный край
И о грехе не рассуждай.

Любовь, пройдя, вернется ль вновь?
Люби духовную любовь.
Ты пьян, глупец! То бродит кровь,
Себастаци, забудь любовь!

* * *

Сегодня в саду мне явилась она,
Сиянием царственным озарена,
Меж утренних роз не была ни одна
Так нежно румяна, так томно бледна.

Глазами владычица сделала знак,—
Ко мне, мол, поближе придвинься, чудак...
А я, опасаясь попасться впросак,
Страшась, что отвечу не то и не так,

Сказал ей: Тебя словно господа чту,
Дай розу сорвать в твоем дивном саду».
Она засмеялась: «Мы здесь на виду,
Смотри, соловей, попадешься в беду».

Забыв про опасность, ответил я ей:
«Шипами пронзает себя соловей,
Чтоб розы коснуться: чем раны страшней,
Тем сладостней песни, тем трели нежней.

Душою я слаб, моя песня груба,
Дрожит мое тело при виде шипа,
Но роза, уж так повелела судьба,
Верней и покорней не сыщет раба.

Не нашею волей рождается страсть,
На то вседержителя мудрая власть,
Но если от господа эта напасть,
Зачем прогонять Овасапа и клясть?»

* * *

Вся она как зацветший гранат,
Красотою дурманящий сад.
От нежданной любви бесноват,
Я по саду бреду наугад.

Благосклонна и даже нежна,
На меня посмотрела она,
И, как будто очнувшись от спа,
Я увидел, что рядом луна.

Задыхаясь, я молвил: «Постой,
Опьянен я твоей красотой,
Ты из райской юдоли святой,
Не чета тебе смертный простой.

Благовонный костер красоты,
Чудо горлица, сердце мечты,
Меж цветов, хоть прекрасны цветы,
Словно царь среди воинов ты.

И жемчужина век не была
Так округла, так дивно бела.
Кос твоих золотистая мгла
В плен храбрейших берет без числа.

Как же быть Овасапу? Давно
Второпях расплескал он вино,
Жизнь — лишь ты и любовь твоя, но
Вас изведать ему не дано.

ДАВИД САЛАДЗОРЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XVI—XVII века

ВОСХВАЛЕНИЕ ЦВЕТОВ

Господь, о, будь благословен, непостижимый вечно бог!
Тебя хочу я восхвалить, но дух бессилен, ум убог.
И неподвижен я и нем, я худ, я хил, я изнемог.
И туг и глух мой бедный слух; разбит, лежу, без рук и ног.
Не видит мой слепой зрачок, мне море стало поперек,
Готов я в море потонуть, щепой качается челнок.
Я заблужден, о кормчий, ты — один надежды мне залог!
Расслабленного поднял ты, и сам нести он ложе смог.
Слепому глиной и слюной с очей ты слепоту совлек.
Ты так же излечи меня, затем что хвор я и продрог;
Взор духа моего открой, подай мне мудрости урок,
Чтоб я познал добро и зло, покинул мрака черный лог
И, видя свет, благословил тебя, распятого в пяток,
Что отделил от света тьму и тверди создал потолок,
Основам мира — четырем стихиям свой приказ изрек:
Огнь, персть, вода и ветр — они в единый связаны клубок.
Любовью слиты, но — враги, лишь только каждый одинок.
Огнь грохотал, и ветр шумел, деля от персти водный ток.
Вода бела и солона, ветр ал, и зелен и легок,

У персти горько-кисел вкус, огнь — желт, и желчен, и жесток.
Огнь, ветр, вода и персть,— и день, неделя, месяц, год их срок.
Огнь — мал, ветр — юн, вода — стара, а персть есть смерть — всеобщий рок.
Огнь — гран, ветр — унция, вода — литр, персть — кантар: счет чисел строг,
У лета, осени, зимы, весны — все тот же вновь итог.
Год — древо, каждый месяц — ветвь, плодами отягчен сучок;
Двенадцать месяцев, но март — и якорь года, и порог.
Лишь наступает месяц март, господь земле дает урок.
Земля, проснувшись ото сна, выводит к свету черенок.
Приказ он воздуху дает, и воздух уж росой потек,
Росе весь радуется мир, свободу чувствует цветок.
Ликуют небо и земля, бессмертьем веет ветерок.
Взрастают тысячи цветов, у них различен цвет и сок,
И запах разный, и красой один другого превозмог.
Хажвак, подснежник, джрикитам, нарцисс,— едва сошел снежок,
Все вчетвером зовут цветы; любой из них весны пророк.
«Цветы, очнитесь! Под землей доколь ваш будет сон глубок?
Пора, очнитесь, без числа украсьте весь земли чертог!»
Древа плодовые в цвету, оделись ива и дубок;
Вот распустился первоцвет, лишь снег последний с гор утек,
Вот отражается в воде, сверкает желтый ноготок;
Лишь минул оттепели срок, гора ликует и лужок:
Все превращается в цветы — вершины, склоны и излог.
Ущелье радо: в нем цветы — что многокрасочный платок;
Багряно-желтый вот тюльпан: узорный бархат — лепесток.
Зацвел лиловый гиацинт, зацвел и крокус и белок,
И, с ежевикою сплетясь, малина свой растит шипок.
Цветут путварт и матурик, и в каждом для очей силок;
Вот ярко-желтый чистотел, пред кем и пурпур сам поблек,
В безводном поле он растет и оживает в солнцепек.
Зацвел цапцап, зацвел и цап, и горицвет, и цвет хенкок,
Нафаф, чинара, базилик — их запах сладок и широк.
В виссон одетый амарант и шпажник, острый, как клинок,
Гвоздики бархатный наряд, нарцисса алый ободок!
Я буду славить все цветы — мускатный цвет и василек,
Я славлю «бабушкину прядь», ее крученый завиток.
Цапцап ликует, хохоча, едва цилцап пустил росток,
Цалцап пурпуровый красив,— взор опалит он, как ожог.
Вот молочай, глава цветов,— зеленый цвет и белый сок;
Кочхез — как переливный шелк,— он точным цветом пренебрег,
Цапцил, он в белое одет, но желтым голову облек.
Любуйтесь на их белый строй, смотрите прямо или вбок,

Цил, и цилван, и царурик — все насурьмили свой глазок.
В них много красок, словно в них пестры основа и уток;
Цвет чемерицы темно-синь, на ней сурьмы лежит мазок...
Так много расцвело цветов, что уследить я их не смог,
Смешались, и хвалу творцу в веселье шлет их голосок.
Вот червяница, проскурняк,— как целый садик их пучок,
Вот роза дикая,— она ушла к шиповнику в лесок.
В ряду тухмаров так стоит,— и коронован и высок,
Он стан в зеленое одел, но ал на голове платок.
Столбом поднялся коровяк, и злак колышет колосок.
Собрались все цветы гурьбой, от них пчеле великий прок.
Полыни беден серый цвет, но у бедняжки прян листок,
Цветет вдали от всех цветов; ее соседи — чабр и дрок.
Вот подорожника цветок, в лугах растет он у дорог,
Лилово-ал его цветок, как перед заревом восток;
Цветет копытень, и ширван с ней рядом — белый, как творог.
Сверкая только поутру, вкруг по стволу ползет вьюнок;
Козлобородник тоже ждет, чтоб солнца сын огонь зажег,
Он поворачивает свой по солнцу золотой кружок;
В полях открытых камоташ цветет, и лютик, и бобок,
Герань и цепкий каквехик пускают в камни корешок,
А вот скучает акенджук, что от фиалки он далек;
Лилею, туберозу, мирт быть рядом нежный пыл обрек;
Аспик-цветок — багряный царь — краснеет, словно уголек,
Его горячий лепесток не раз уж в роднике намок;
Жах, ир и вереск нам дают благоухающий медок;
Вард, и гюльвард, и хазревард сплелися в розовый венок.
Прекраснее прекрасных всех по виду «золотой цветок»;
Он янычар среди цветов и желтый носит хохолок.
Еще цветок шаршарурик, в середке яркий, как желток,
Цветок окрашен в темный цвет, и как морена стебелек.
Есть роза утра,— этот цвет ни разу день не подстерег;
Он разгорается в ночи, лишь только мрак на землю лег.
Цветок гузел от хворей всех неизлечимых нам помог.
Брионию с пионом бог взрастил, чтоб нам не знать тревог;
Рядком хазал, и чишнарор, и в тень укрылся «голубок»;
«Медвежья уха» аромат любого сладостью б завлек.
Благоуханные, цветут, в роскошный собраны пучок.
Цветок чашкинт душист и желт, багров петуший гребешок.
Шафран и кум цветут в горах, где близ вершины склон отлог;
Благоуханен и замбюх, приятен запах меликок,
Создатель нард и киннамон на благо мира приберег;
Хастут редчайший — для врача и цель и жалобы предлог,
С ним не сравняется в цене и полный денег кошелек.

Цветочек малый сапусан с гор не спускаться дал зарок;
Бессмертник летом и зимой всех лучший из цветов цветок:
Не засыхает никогда, ему и старость не в упрек;
Цветы морские пунуфар пустили корень свой в песок;
Их можно было бы сорвать, когда бы змей их не стерег.
Как смолы, пахнет бураган, летит на запах мотылек;
Гранат — царей кадило он, где тлеет ладана кусок;
Еще цветок есть бальзамин, что никогда не одинок.
Святое миро он таит,— так мы из древних знаем строк.
Алмазной розы чуден куст,— она красы струит поток,
Она лучится на кусту; алмазной розе чужд порок.
Приносит тысячи цветов чудесный гамаспюр-цветок,
И от него, коль волит бог, незрячий станет ясноок;
Корней двенадцать у него — двенадцать лет и жизни срок,
И что ни куст, то цвет иной, чтоб смертный восторгаться мог.
Змея-царица — цвет цветов, она бела, как снежный клок,
За гамаспюром вслед ползет, как распустившийся моток.

Из Саладзора дьякон я, мне недоступен книжный слог;
Подобна жизнь моя цветам, которым цвесть дано денек.
Старался долго, и цветы я разобрал и здесь нарек,
Они вселенной красота, на звезды вышние намек.
Воспел не много их,— о, пусть о многих прочет знаток!

СТЕПАННОС

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XVII век

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Нежная! Милая! Злая! Скажи,
Черные очи, яр! Черные очи!
Что, хоть бы раз, не придешь ты ко мне
В сумраке ночи, яр! В сумраке ночи!

Много тоски я и слез перепес,
Полон любви, яр! Полон любви!
Лоб у тебя белоснежен, дугой
Черные брови, яр! Черные брови!

Взоры твои — словно море! А я —
Кормщик несчастный, яр! Кормщик несчастный!
Вот я в тревоге путей не найду
К пристани ясной, яр! К пристани ясной!

Ночью и днем утомленных очей
Я не смыкаю, яр! Я не смыкаю.
Выслушай, злая! Тебя, как твой раб,
Я умоляю, яр! Я умоляю!

Все говорят, ты — целитель души...
Вылечи раны, яр! Вылечи раны!
Больше не в силах я этот сносить
Пламень багряный, яр! Пламень багряный!

Ночью и днем, от любви все к тебе,
В горести слез я, яр! В горести слез я!
Злая, подумай: не камень же я,
Что перенес я, яр! Что перенес я!

Сна не найти мне, напрасно хочу
Сном позабыться, яр! Сном позабыться!
Плача брожу и назад прихожу —
Снова томиться, яр! Снова томиться!

Ночью и днем от тоски по тебе
Горько вздыхаю, яр! Горько вздыхаю!
Имя твое порываюсь назвать,—
Я замолкаю, яр! Я замолкаю!

Более скрытно я жить не могу.
Произнесу я, яр! Произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яр! Гибну, тоскуя!

Ах, Степаннос! Думал ты, что умен,—
Все же другим занялся ты, как видно:
Бога оставил и девой пленен...
Будет на Страшном суде тебе стыдно.

ИЕРЕМИЯ КЕМУРДЖЯН

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
1637—1695

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Бог солнце создал, и оно — покорное судьбе —
Твоим готово быть рабом, во всем служить тебе.

Напоминает лунный серп твою ночную бровь,
А полная луна твой стан напоминает вновь.

Рубин, алмаз, перл, изумруд — все блекнет в беге дней;
Светлей и драгоценней ты, чем бренный блеск камней.

Нард, мускус, мирра, фимиам — все лишь недолго льстит;
Но день и ночь твой аромат пленяет и целит.

Сосна, самшит, ель, кипарис — цари земных лесов;
Но твой волнообразный стан стройнее всех стволов.

В зеленых листьях розы жгут пурпуровым огнем;
Но вянут краски роз, а ты — прекрасней день за днем!

Блистают лилии, росой склоняемые ниц,
Но что они, чуть поведешь ты стрелами ресниц!

Чарует море всех, когда прибрежный ветер тих,
Но что оно, едва взгляну я в море глаз твоих!

Что соловей, что попугай, что феникс, горлинка, павлин!
Твоих ногтей иль щек затмит их лепесток один!

Что солнце и луна, когда, от счастья заалев,
Смеешься иль поешь, ко мне ты на колени сев!

Когда, лицо клоня, сама моих ты ищешь рук,—
Тебя обняв, восторг в груди, я — тот, кто ожил вдруг!

НЕРСЕС МОКАЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
XVI—XVII века

СПОР НЕБА И ЗЕМЛИ

Что лучше и что могучей —
Земля иль небосвод?
Небесное солнце и тучи
Иль блага земных щедрот?

Небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но в сумрак и ночью поздней
На небе мерцают звезды,
Сияют с моих высот».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей.
Владычица я не из бедных,
Шесть тысяч цветов разноцветных
В земных цветниках растет!»

Небо земле сказало:
«Богатств на земле немало,
Но дождь не польется с неба —
Не будет земного хлеба,
Земной не нальется плод».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей,
Все тучи рождает море —
Оно на земном просторе
Земною влагой живет».

Небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться,
И солнце мое накалится
И все на земле сожжет».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей,
И в зной хлебопашцам на благо
Моих водоемов влага
Посевы в полях спасет».

Небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
Небесный град разразится
И все посевы побьет».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей.
Твой град не достигнет цели:
Поглотят мои ущелья
Все, что с небес упадет!»

Небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но человек иль птица
По промыслу неба родится,
А их земля приберет!»

Земля отвечала:
«Все может
Вершиться по воле божьей.
И как бы я ни хотела,
Ничье не возьму я тело,
Коль небо души не возьмет».

Небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но, благо неся вселенной,
Сонм ангелов многостепенный
По небу свершает полет».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей,

И все пророки святые,
Апостолы — люди земные,
Их горе земное гнетет».

И небо земле сказало:
«Богатств у тебя немало,
Но все же на небе Тот,
Чья власть над тобой и мною,
Кто высшее все и земное
По воле своей создает».

Земля отвечала:
«И все же
Я знаком отмечена божьим,
Суд Страшный грешников ждет,
Внизу он вершиться будет,
На землю спустятся судьи,
Небо на землю падет».

И небо в гордыне смирилось,
И небо земле поклонилось,
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете
Воздайте земле почет.

ТЕЙМУРАЗ I

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ
1589—1663

МАДЖАМА

Отрывки из поэмы

СПОР ВИНА С УСТАМИ

Раз вино устам сказало: «Неотрывны, двуедины,
Вы пленительны, живые бадахшанские рубины,
Но хоть ярче вы, хоть жарче, вам кичиться нет причины:
Вы бессильны человека исцелять от злой кручины».

И в ответ уста: «Весельем похваляться не спеши:
Всех мы разума лишаем, так прелестны, хороши.
Кубок твой мы украшаем, мы — мечта людской души,—
Аргаван иль пурпур ярче или мы,— само реши».

А вино им отвечало: «В красоте вам нет сравненья,
Соловьям теперь не розы, вы — источник вдохновенья.
Но заставить человека петь в восторге опьяненья
Вы не властны, нет! — покорен мне он до самозабвенья».

«Не хвались,— уста сказали,— тем, что ты пьянишь людей:
«Петь заставлю человека!» Ах ты, горе-чародей!
Знай: мы сердце человека без хмельных твоих затей
Разбиваем, как стекляшку, вмиг на тысячи частей!»

И вино устам сказало: «Посмеянье ваше вздорно:
Разве рдеть пурпурной кровью в белом серебре зазорно,
Если все меня так жаждут в одиночку и соборно,
Если и сердца и взоры я прельщаю чудотворно?»

И в ответ уста: «Пожалуй, это сказано умно:
В белом серебре прекрасен твой кровавый цвет, вино,
Но не тщись, однако, с нами ты тягаться,— все равно
Первенства ты не заслужишь, как бы ни было пьяно!

Сочетается отлично пурпур с белизной металла,
Но рубин природа лучше с жемчугами сочетала,
Приоткроет нас улыбка — и гляди, с людьми что стало:
Соблазненные познали участь древнего Тантала!»

КРАСОТА ТВОЯ ПРЕЛЕСТНА

Красота твоя прелестна, стан твой, как чинара, строен.
Кто возлюбленной подобной был под солнцем удостоен?
Плачу, как миджнур влюбленный, страстью разум мой расстроен,
Я в пещере скроюсь, словно Тариэл, великий воин.

Меркнут перед ней созвездья в прах повергнутых светил,
Копьями разят ресницы, грудь мне взгляд ее пронзил.
Сноп лучей огнем палящим сердце мне испепелил.
Путь судьбы моей изломан, выправить его нет сил.

Как рубин, вино зарделось, но уста красней коралла.
И, не выдержав сравненья, вдруг вино бесцветным стало.
Кровь моя вину подобна — в чаше не она ль играла?
Слово мудреца разумным пользы принесет немало.

Видишь — на пиру кувшинчик угощает всех подряд?
Чтобы усладить нам сердце, кровь свою отдать он рад
И смеется: «Кровь моя вам будет лучшей из услад.
Чаши — пира украшенье — слабых силой одарят».

Нет красавиц, что могли бы красотой с тобой сравниться.
Стала огненной стрелою каждая твоя ресница.
Ты меня низвергла в пламя, вечно буду в нем томиться.
Видно, по тропе миджнура должен буду удалиться.

За любовь твою, о, вспомни, отдал душу я и кровь.
Человек, твори благое, суетно не славословь.
Сердце ты клинком разлуки поражаешь вновь и вновь.
Если б воскресить могла ты оскудневшую любовь!

Сердце я менял на сердце. Иль тебе придачи надо?
Душу я даю, дороже нет в моих владеньях клада.
Не возьмешь? Клянусь всевышним, я низвергнусь в бездну ада.
Не вино ты пьешь из чаши, кровь моя — тебе услада.

Жемчуг уст надежно замкнут на рубиновый замок.
Сердце продано в неволю. Я попался в твой силок.
Я убит. Не слезный льется надо мной — кровавый ток,
И увял вдали от солнца радости моей цветок.

На твоей эмали светлой гордых роз играет пламя,
В хрустале цветы смешались с драгоценными камнями,
Я не смог до них добраться, остановлен был шипами,
Путь шипами преградил мне тот, кто правит небесами.

Сердце, ты тупить не хочешь вожделенья острие,
Ты сожгло меня, а ныне и тебе грозит копье.
Ты любовного безумья пьешь пьянящее питье.
Ни одна звезда не в силах красоты затмить ее.

Сердце взяв мое и разум, чем взамен ты одарила?
Я сражен тоской разлуки, я не смог добыть светила.
Что мне рай, коль нет в нем розы! Грусть мои глаза затмила.
Сердце ты сожгла, но жажды ты его не утолила.

Соловьи поют — раскрылся розы сладостный бутон.
Сердце запрещал любить я, страстью все же опьянен.
Коль не в шелк одет влюбленный, коль в сукно оделся он,
Значит, красотой твоею не был хор светил смущен.

Если солнце удалилось, вянет роза одиноко.
Слезы льются беспрестанно, не прервет ничто их тока.
Бессердечной я отвергнут, встречу смерть мою до срока,
Мой удел тоска и горе, радость от меня далеко.

ЖАЛОБА НА ЖИЗНЬ

Боже грозный, мир — подножье твоего златого трона,
Вся вселенная послушна слову твоего закона,
Сонмы бесов ты низвергнул в ада пламенное лоно,
Море Чермное сомкнул ты над войсками фараона.

Вседержитель, жизнь дарящий, славны все твои дела,
Льется всякого дыханья неустанная хвала.
Надо все именье бросить, чтоб спасти себя от зла.
И минуют нас удары беспощадного жезла.

Боже, в грешный мир сходивший, ты, принесший нам спасенье,
Ты, создавший человека, ты — печалей исцеленье!
О душа моя, воскресни! Страшны адские мученья!
Поклонись, рыдая, богу: слезы дарят искупленье.

Током слез умолим бога, чистым, светлым, как алмаз,
Да не соблазнит нас дьявол, став невидимым для глаз,
И смолой, в аду кипящей, да не запятнает нас;
Не пойдем стезей греховной — да приидет светлый час!

Божий гром, страшусь я, грянет — за грехи мне воздаянье.
Господа молю, вздыхая,— пусть отсрочит наказанье.
Лучше б я очистил душу, лил бы слезы покаянья,
Шел бы правою стезею, добрые творя деянья.

Разве грех свой искуплю я, горьких слез пролив поток,
Коль ручьем польются слезы, орошая желоб щек?
Как, земля, меня ты носишь, не уходишь из-под ног?
Для чего мне ложь пустая суетных мирских дорог?

Радостей, душа, не знаешь, злобный страх — твоя темница,
И копье смертельной муки в грудь уже готово впиться,
Лучше б на пороге церкви у дверей ее томиться,
Орошать траву слезами, в жалком рубище влачиться.

О душа, ты в тяжких ранах, как смягчишь ты горечь мук?
Солнце жжет, мороз терзает, ветер лаской веет вдруг.
Как избегнешь ты безумья, завершив страданий круг?
Ведь и целый свет, собравшись, твой не исцелит недуг.

Смерть принять ты не готова, сжата ты греха тисками,
Ад тебя плитой придавит и побьет тебя камнями.
Берегись ударов молний — солнце скрыто облаками.
Мы отвергли нечестивых, власти нет у них над нами.

От мирских забот — о, горе! — как спасенье мне найти!
Брось земные наслажденья, сердце богу посвяти,
Господу служи усердно, не сверни с его пути.
Уготована мне кара, от нее куда уйти!

Суетное наслажденье, мнится нам, продлится вечно.
Мир доверчивых прельщает, привечает их сердечно,
А потом бросает злобно и терзает бесконечно.
Порицаю я безумцев, верящих ему беспечно.

Оглянись на мир бездумный — суетой ты соблазнен:
Кто вчера владел престолом, нынче предан и казнен,
Покорителя вселенной жизни срок уже сочтен.
О душа, уйди от мира — чем тебя прельщает он?

О живущие на свете, я слепым глаза открою:
Вероломный мир ведет вас к гибели тропой прямою.
Где теперь цари былые? Не прельщайтесь пустотою.
Вам спасенье в покаянье, соблазненным суетою.

Городов, дворцов, селений власти нам не побороть.
Путь душа к спасенью ищет, но над ней глумится плоть.
Мир давно меня стремится жерновами размолоть.
Не прельстись дарами мира, иль отвергнет нас господь.

О владыки! Мир хвалил я, суетою ослепленный.
Да придет судить мессия, Михаилом возвещенный!
Что нам делать, где мы скроем грех, для взоров обнаженный?
Мир хулю, его изменой и коварством возмущенный.

Меры моего страданья мир еще не исчерпал,
Дал испить мне яд смертельный, сам же к чаше не припал.
Вместо трепетной Рахили он мне Лию в жены дал,
Вместо кожи дал мне саван, сердце желчью напитал.

Если ты не соблазнишься суетой, к греху манящей,
Ты тогда избегнешь кары, не пойдешь в огонь палящий.
Человек же соблазненный, с миром радости делящий,
Пьет напиток подслащенный, смерть и гибель приносящий.

Если б знали, что скрывает мира лживая краса!
Человека мир ласкает, лицемерный, как лиса,
После в бездну низвергает — жгуча слез моих роса!
Сказано: «Ему не верьте, ложны мира чудеса!»

Грех меня петлею давит, душу мне очистить надо.
Как мне снять печалей бремя? Исцелиться как от яда?
Я страшусь: уходит время, грех — раскаянью преграда.
Для меня давно железо в пламени калится ада.

Мир проклятый, горько каюсь в неразумье я своем,
Мир коварный, ты мне не дал праведным забыться сном,
А ведь бог израильтянам манну ниспослал с дождем,
К старцу Иоакиму, к Анне благодать сходила в дом.

Бога я молю покорно — да пошлет душе спасенье,
Исцелит былые раны, ниспошлет мне облегченье.
Глаз иные не смыкают, сна не знают утешенья.
А иных влекут соблазны — сердце ищет развлеченья.

Ведь недаром человеку сила разума дана.
Говорят, за непокорство Ева аду предана.
Если в рай войти ты хочешь, помни — власть врага сильна,
И душа в раю не будет, если вера в ней скудна.

Триединого восхвалим звуком арфы и кимвала!
Искупителя вселенной сердце славить не устало!
Фараонова гордыня против господа восстала,—
Не всегда ли радость плоти душу тенью омрачала?

Матерь божья, ты, как солнце, озаряешь род людской!
Бога приняла ты в лоно, ты сияешь чистотой!
Будь оградой христианам, их заступницей святой!
Днесь к тебе, твой раб смиренный, припадаю я с мольбой!

ГАРСЕВАН ЧОЛОКАШВИЛИ

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ
Середина XVII века

ВОСХВАЛЕНИЕ ПЛОДОВ

I

«Всех плодов узнайте свойства,— вот что молвит каждый плод.—
Мы прекрасны, но мгновенны, все приходим в свой черед.
Всех первее — земляника, у земли она растет;
Как пред войском копьеносцы, выдвигается вперед».

II

Земляника так сказала: «Упредят меня едва ли!
Я сладка: меня увидев, ты подумаешь о лале.
Обогнать меня напрасно хочет кислая ткемали;
Кто отведывал ткемали, все оскоминой страдали».

III

А ткемали отвечала: «Недостойные слова!
Разве плод ты, земляника? Ты не боле как трава!
Корень горек, и червями вся изрыта голова.
Каждый пир украшен мною — таковы мои права».

IV

И промолвила черешня: «Не боюсь худого слова.
Быть красавицею сада неизменно я готова.
Я хрустальна, но румяней я рубина дорогого.
Кто берет меня губами, узнает, как я медова».

V

Похваляется малина: «Я скажу про свой удел:
На плоды мои — глядите! — хор пернатых прилетел.
Находить меня — малину — не из самых легких дел,
Мной насытиться не могут, кто отведать захотел».

VI

И сказал лесной орешек: «Вот вы слушали друг друга,
А меж тем друг другу лгали,— это вовсе не заслуга!
Я предмет необходимый для веселого досуга.
От меня страдают зубы — нет досаднее недуга».

VII

Слива молвила: «По свойствам несравнима с вами я.
Кратковременною жизнью что кичитесь вы, друзья?
И к чему такие речи? Что за жалкая семья!
Я одна желанна людям, лучше всех судьба моя».

VIII

«Я ни дерево, ни травка,— заворчала ежевика,—
Никому-то я не нравлюсь, я в бурьяне зрею дико.
Ветви все мои в колючках, и любая — словно пика.
Я дурнушка, и чернавка, и собою невелика».

IX

Огурец промолвил: «Что же о себе сказать самом?
Я не кисел и не сладок,— что ж хорошего в таком?
Мной насытившись, со вздутым люди ходят животом,
Кто поест меня, болеет лихорадкою потом».

X

Дыня молвила: «Землею я засыпана на грядке,
Как созрею, все на свете до меня бывают падки.
Как отыщут, так разрежут — для любого дыни сладки.
А потом трясутся тоже и пылают в лихорадке».

XI

Персик выступил: «Извольте познакомиться со мной,
Я прекрасней всех деревьев,— дивно розов я весной.
Всякий рад меня увидеть, столь красивого собой,
Но от персика и дыни расхворается любой».

XII

Говорит арбуз: «Не спорьте, никому я вам не пара!
Посрамить я всех сумею — не хвалитесь же так яро.
Освежу я человека, истомленного от жара,
Исцелю я и больного, ибо врач я не без дара».

XIII

Молвит яблоко: «Поверьте, всем краса моя мила,
За красу — и мудрецами мне возносится хвала,
Я при пиршествах веселых — украшение стола,
Боль из сердца изгоняю, если страсть кого сожгла».

XIV

Тут орех сказал: «От сердца мне сказать вам правду надо.
Я полезней всех деревьев, и для взора я услада.
Приютить гостей желанных сень моя бывает рада.
И для пищи я приправа, и для сердца я отрада».

XV

А миндаль сказал: «Отдайте справедливость и другим,—
Я желанен мародержцам, украшаю пищу им.
Я и лучшая приправа, и как врач необходим.
Я для печени полезен, все лечу плодом своим».

XVI

И сказал гранат, вступая: «Правды молвили вы мало.
Ничего граната краше грудь земная не видала.
От плодов моих обильных даже дерево устало,
И под кожицей моею — россыпь яхонта и лала».

XVII

И сказал кизил: «Я тоже — вкусен и на лал похож.
Если женщины увидят, скажут: очень я пригож.
Так подол себе наполнят, что домой не унесешь,
А потом на грудь насыплют,— говорю я вам не ложь».

XVIII

Груша в очередь сказала: «Все вы хвалитесь напрасно.
Все плоды беднее груши, я единая прекрасна.
И мудрейшие из мудрых грушу чествуют согласно,
Исцеляю я болезни — и вкусна и безопасна».

XIX

Тут айва вошла в беседу: «Истина важней всего.
Обо мне сказать дурного не могли б вы ничего.
Несравненна я. Как амбра — запах тела моего.
А краса не ниже вашей,— мне довольно и того».

XX

И промолвила маслина: «Похвалить себя должна я:
Не горжусь, людей питая и для господа пылая.
Странно, что лицом и телом я убогая такая...
Но добыть меня не просто, из далекого я края».

XXI

Апельсин сказал: «Я лучше всех на свете, знаю сам,
Плод любимый меж плодами и отрадный мудрецам.
На груди меня лелеют, я веселие глазам,
Никому со мной — душистым — я соперничать не дам».

XXII

И смоковница сказала: «Между всеми я богата.
Рассказать могу о рае, где водилась я когда-то.
В сентябре я ежедневно созреваю торовато,
И меня, как дар любимый, примет царская палата».

XXIII

Тут хурма сказала: «Прочим я не выскажу хулы,
Но мои плоды сухие украшают все столы.
Вкус мой сладок, я прекрасна, я достойна похвалы.
Мудрецы меня прославят, не оценят лишь ослы».

XXIV

И каштан сказал: «Расту я на верху высоких гор.
Мне чужой не надо кровли,— у каштана свой шатер.
Мне тепло в моих покровах, и прекрасен мой убор.
Всем красивое приятно, все каштаном тешат взор».

ИОСИФ ТБИЛЕЛИ

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

? — погиб в 1688 г.

ДИДМОУРАВИАНИ

Отрывки из поэмы

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Совещались мы, когда же нам начать с врагами бой.
Надо их разбить, покуда не покинут лагерь свой,
Сжечь его, как летом степи вихрь сжигает огневой,—
Пусть же сабля засверкает над обритой головой!

Говорят одни: «Немедля наступленье поведем.
Что сидеть, сложивши руки, перед вторгшимся врагом!»
Молвят те: «Напав нежданно, мы верней его побьем,
Чтобы снова не пытался властвовать в краю чужом!»

Рек Нугзар: «Сражаться ночью мудрость горцев нам велит,—
Так врага мы побеждали, будь он крепок, как гранит!»
И другие молвят: «Сонный враг вернее будет бит.
Пусть один сражает сотню, сотня тысячи сразит!»

Я поднялся: «Это дело вы, друзья, доверьте мне,
И, клянусь, победу нашу воспоют по всей стране.
Братья! Защищая Картли, уподобимся броне!
Пусть же гнев и силу дива враг изведает вполне!

Утром выстроим отряды, чтобы каждый место знал,
И вдоль берега ударим, где враги воздвигли вал,
Будем биться, чтобы каждый, не страшась, пришельцев гнал
И, как жернов мелет зерна, нечестивых сокрушал!»

К нам пробрался из Ниаби незнакомый пешеход,
И для нас перед сраженьем был находкой вестник тот.
Я спросил: «Хотят сразиться иль сомненье их берет?»
Молвил он: «Враги в раздумье. Страшно им идти вперед.

Вновь по камушкам гадают, как гадали уж не раз,
По полету стрел решают, что несет грядущий час.
Звездочеты смотрят в небо, от людей уединясь.
Враг возмездья ожидает и, видать, боится вас».

Воины толкуют в страхе: «Угрожает нам беда,—
Знаков, нам благоприятных, мы не видим и следа!
Потускнела в поднебесье, изменила нам звезда!»
И предметы для гаданья уничтожила орда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Стало ясно — басурманы богом брошены своим.
Мы лазутчику сказали: «Знать, противник уязвим».
Молвил он: «Их сила — в стрелах с наконечником стальным,
А кремневки или копья незнакомы вовсе им».

Вражий лагерь отовсюду окружили мы стрелками.
Дымом скрыли все пищали, извергающие пламя,
Не ушел никто дорогой, перерезанною нами.
Мы пустили в дело копья, чтоб расправиться с врагами.

Вшестеро превосходивший оттеснили мы отряд,
И, удачей окрыленный, каждый был победе рад.
Поведя бойцов бесстрашных и не ведая преград,
Я в орду врубился вражью, чтобы гнать ее назад.

Подоспел и царь. Он пикой повергал врагов во прах,
Разъяренный, сеял горе в неприятельских рядах.
Словно львы, грузины бились, закаленные в боях,
Зря враги пощады ждали, затаивши в сердце страх.

Бой гремит. Свинец сражает вместе с конным и коня,
А иных копыта давят — им уже не видеть дня!
Бьется свита, как пристало, от врагов царя храня.
Подоспевшие отряды поддержали и меня.

Лицемерья и гордыни нет в характере моем.
Скольких из седла я выбил, перед тем пронзив копьем!
Где бы он ни появлялся, расправлялся я с врагом.
Бить противника вернее было б трудно и свинцом.

Пусть опасность мне грозила, я рубился без пощады,
Гнал разбитых басурманов, как рассеянное стадо:
Для меня сражать сардаров было высшею отрадой.
Пот стереть не успевал я в этом пекле, жарче ада!

Три копья, о повелитель, в этой битве я сломал,
После палицей сражался, громоздя из мертвых вал.
А сломав ее, булатом я пришельцев поражал,—
Кто же царских супостатов так еще уничтожал?

Бьются доблестно грузины. Меч броню сечет со звоном.
Гибнут люди Татархана, поле оглашая стоном.
Пасть не страшно ратоборцам, пылом боя упоенным!
Гул стоит, как будто громы катятся под небосклоном!

В дело пики мы пустили. Враг стрелами отвечал.
Где бы царь ни появлялся, взоры воинов прельщал.
Поражая в темя плетью, всадников с коней сшибал.
Дай, господь, тому победу, кто в бою не отступал!

Мы до ночи бились. Землю токи крови обагряли.
Стоит, чтоб победу нашу песнопевцы воспевали!
Стоны раненых и вопли всю окрестность оглашали,
Пусть опасны будут стрелы, нас они не устрашали!

Каждый пикой защищался и удары наносил,
Промахнувшихся стрелою насмерть яростно разил.
Булавой сраженный всадник падал на поле без сил.
Стрел впилось в меня двенадцать, но отвагу я хранил!

Да, тех стрел неотвратимых в мой доспех впилось немало,
Наконечником двуострым мне кольчугу разорвало.
Сердца, жаждущего мести, вражья кровь не утоляла,
Но не знал я, что в грядущем ждет меня еще опала!

Мы громили, оттесняли, истребляли вражью рать.
Что еще царю и Картли оставалось пожелать?
Столь блистательной победы и пером не описать,—
Обезглавленных в сраженье было трудно сосчитать!

Молвил он: «Мы сохранили нашей родины алтарь!
Будет подвигом героев горд отныне государь.
Головы пашей сраженных шаху отошлем, как встарь.
Вас же, как сынов и братьев, будет чтить отныне царь».

Вражьих воинов из леса трое суток гнали к нам.
Седла ценные достались нашим доблестным бойцам.
Я мечом разил пришельцев, но не брал добычи сам.
Знал ли я, что мне придется слать проклятия лжецам?

Знать, сей мир неумолимый человека не щадит!
А не раз, страну спасая, принимал удар мой щит.
Но, изведав гнев владыки, как избегнуть мне обид?
Чтоб враги торжествовали, а меня унизил стыд?

Сколько я изведал горя, причиненного хулою?
Отдалив меня, владыка править не сумел страною.
О враги! Вы ныне в силе, торжествуя надо мною.
А не будь судьба враждебна, я б всего достиг войною!

Я воздвиг ограду Картли. Кто посмел ее снести?
Кто вступил в мои владенья — там гнездовье обрести?
Сколько низости творится, чтоб владыку сбить с пути.
Сеть наветов, лжи и козней перестанут ли плести?

Я хочу, чтоб сказ правдивый слух внимательный привлек,—
Был я мягок для правдивых, для изменчивых — жесток.
Если сокол не вернулся, для чего тогда шесток?
Скорбью горькою снедаем, я осилить слез не мог.

Обо всем пишу правдиво, чтоб меня не мучил стыд.
Если кровь пролью бесплодно, кто меня за то почтит?
Что нам, если будут слезы течь у ближнего с ланит!
Кто сраженного хулою в час последний защитит?

Навуфей погиб безвинно, жизнью жертвуя своей.
Продан был купцам Иосиф. Кто свершил бы дело злей?
И Рахиль рыдала горько, потеряв своих детей,
Плач и слезы — достоянье бедной матери моей!
Знал ли я, что мне придется слать проклятия лжецам?

Победивши, каждый воин за трапезой отдыхал,
Пир неделю длился. Вина были алы, словно лал.
Каждый виноградным соком рог до края наполнял.
Мы на пиршестве пьянели, ток вина не иссякал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Как суров мой горький жребий! Как печальна жизнь моя!
Как страдал я ради Картли, скорбь и муку затая!
Послужив владыкам верой, в незнакомые края
Я ушел. Стамбул, Алеппо после Ностэ видел я.

Я покинул край, где ведал то отраду, то печаль,
Даже тех, с кем враждовал я, все ж оставить было жаль.
В отчем крае ногу в стремя ныне вдену я едва ль.
Я сетей избегнул вражьих, но темна чужая даль.

Кто бы мог исчислить, сколько уничтожил я врагов?
Скольких, пощадив, заставил тяжесть испытать оков.
В дни былых удач немало задавал друзьям пиров,
На изгнанье обреченный, сколько видел берегов.

Жизнь моя! В каких пределах смерть тебя подстережет?
Где зияет пасть могилы? Где меня она пожрет!
Позабудешь друга, брата, по забыть ли свой народ?
Как с изгнаньем примириться, выйдя из своих ворот?

Царь! И жизни не жалея, я служить тебе желал.
Сына я обрек на гибель — шах на казнь его послал.
Мне достался горький жребий, и покоя я не знал.
Ныне гибну на чужбине. Не такой судьбы я ждал!

Если благ земных лишишься, как их вновь приобретать?
Колесо судьбы не просто повернуть к удаче вспять!
Ясно вижу — царь не будет, как в былом, меня ласкать.
Путь мой в рытвинах и ямах. Мне обратно не шагать!

Без меня моя отчизна обездолена вдвойне!
Стены рушатся, и каждый остается в стороне.
Как забыть мне годы, в жертву принесенные стране.
Если враг тебя повергнет, вспомни, Картли, обо мне!

Я ценил копье, кольчугу, палицу и острый меч,
Смог пришельцам ненавистным путь в страну мою пресечь.
Было любо мне коварных верной гибели обречь,
Дать богатства нашей Картли, а народ от бед беречь.

В дни боев какие горы довелось мне перейти,—
Разоренье и напасти мне пришлось перенести!
Не жалел я сил последних, чтобы честь свою блюсти,
Бил врагов, хотя б преградой были ангелы в пути.

Встал я на защиту Картли, не страшась грядущих мук,
Для поправших нашу веру я берег стрелу и лук.
Многих я поверг на землю, многих выпустил из рук,
И судьбы моей суровой навсегда замкнулся круг!

Коль солгу, меня судите, негодуя и коря.
Я не стал молиться Мекке, над врагами суд творя.
Я завистникам отмстил бы, но прогневаю царя,
Гордецов бы уничтожил, но и это было б зря.

Что винить людей за жребий, мне доставшийся в удел?
Не порвешь и тонкой нити, если бог не захотел.
Если вытерплю, то будет мой ремень стремянный цел.
Но царя мечом не тронешь,— с ним я биться не посмел!

Человеку в час опасный бед страшиться не к лицу,
Он желанного добьется, коль угоден был творцу.
Безрассудно торопиться не пристало храбрецу,—
Можно привести удачу к неудачному концу.

Будь ты ростом с Голиафа, с непомерной силой в теле,
Пусть врагов ты обезглавил, искушенный в бранном деле,—
Надо, чтобы ум и ловкость поддержать тебя сумели,
Сказано, что, выжидая, мы верней достигнем цели.

Если кто в унынье скажет: «Видно, враг непобедим
И меня осилить может, для чего мне биться с ним!
Он идет с огромным войском, я ж с отрядом небольшим!» —
Не сочту такого мужем и соратником своим!

Я ценю того, кто скажет: «Я не дорожу собой!
Как могу я не сражаться даже в сече роковой?
Я убью врага иль стану жертвой ярости слепой».
Мне такой соратник нужен, чтобы сам просился в бой.

Хочешь славы? Состязаться ты с врагами будь готов,
Видя войско в ратном строе иль заслышав трубный зов.
Смерть горька, но неизбежна — учит нас завет отцов.
Что Харазия? — дороже славы блеск для храбрецов!

Но иной, в себя не веря, не решится сделать шаг.
И внимает он советам, лишь когда осилит враг.
Лишь приблизится противник, изгони из сердца страх,
Первым бей — и ты пребудешь мужем доблестным в веках!

Грудь, истерзанная скорбью, не пристанище ль беды?
И луна с ущербным ликом озарит ли гладь воды?
Свеч, во мраке догоревших, меркнет свет, как луч звезды.
Сад картлийский весь расхищен. Даст ли снова он плоды?

АРЧИЛ II

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

1647—1713

СПОР ТЕЙМУРАЗА С РУСТАВЕЛИ

Споры царя Теймураза с дивным певцом Руставели
Лютую ярость согласьем звуков смирить бы сумели,
Речи премудрых не кратки — долгой подобны кудели.
Подданного и владыку где вы подобных им зрели?

Молвлю царю с Руставели, встретя их радостным взглядом:
«Мыслим постичь вас, склоняясь к вашей премудрости кладам.
Стих, всеми славимый, слыша, мерным мы схвачены ладом.
Сравнивать вас — назиданье, равное высшим усладам.

Много вы создали оба, в чем же различье меж вами?
Люди обоих возносят, спорят отцы с сыновьями,
Дом покидают иные, злыми задеты словами.
Просьбе внемлите: решенье нам укажите вы сами».

Вот и заспорили. Довод прочих поэтов не нужен.
Стройную речь начинают: разум той речи недюжин.
Жемчуг изысканный нижут, нет в нем неровных жемчужин.
Льется поток из кристаллов, сладостным словом разбужен.

Слушайте все, как приятна речь Руставели к владыке,
Образы в ней почитанья, как и любви, многолики.
Голову рабски не склонит, хоть перед ним и великий,
Жажды с царем быть всечасно в речи мелькают улики.

Царь

Сравнивать нас, Руставели, людям, как видно, охота.
Мне докучают иные: «Царь! Одолел тебя Шота».
Жажду терзать их порою, гнева не выдержав гнета.
Жажду язык их исторгнуть, в смертные ввергнув тенета!

Руставели

Сверстникам страшны сравненья. Нет от меня вам урона,
Нет меж живущих мне равных, столь же достойных поклона.
Ищут напрасно, колдуя, даже меч туч небосклона.
Пусть меня чтит стихотворец, как иудей Аарона.

Царь

Что ж, и меня ты причислил к тем, что слагают шаири?
Много их бродят без мысли, мыслят немногие — шире.
Пусть меж нас грани не видят! Мало ль клевещущих в мире!
Все они сумрак рождали; звезды зажег я в эфире.

Спорить не мысля, твердил я: «Шоту прославить нам надо.
Сладости ритора Шоты — слаще кистей винограда.
На ипподромах, аренах быть человеку услада».
Люди же спорят — и часто блещет во взорах досада!

Руставели

Пусть они распри заводят,— будьте вдали от раздора,
Вас ли, меня ль превозносят,— что нам до их приговора?
Я умереть предпочел бы, лишь бы избегнуть мне спора.
Дайте мое мне, на ваше не поднимаю я взора.

Попусту все, что ни скажут! Иль о тебе, как о всяком,
Можно твердить? Иль с царями подданных мерить зевакам?
Можно ли слушать лягушек, скрытых болотом и мраком?
Нужно ль внимать пустословам иль опьяненным араком?

Царь

Тут наша помощь бессильна, но и тебе ведь не легче,
Ибо назойливо грубы эти бесстыдные речи.
Слушая их поневоле, плачут сердца человечьи.
Но и льстецам твоим худо: день их стыда недалече.

Руставели

Буду молчать я, насколько будет молчанье терпимо,
Если спокойное сердце болью не будет томимо.
Если ж не выдержит сердце, лютым укором палимо,
Все захочу, славя бога, высказать неудержимо.

Царь

Хоть, Руставели, поэтам кончить твой труд надлежало,—
Прав иль не прав я — его я не осуждаю нимало.
Я превзошел тебя. Правда — стая поэтов отстала,
Все ж довершили другие то, чему дал ты начало.

Кто тебя равным сочтет мне? Ты говорил по приказу.
Только Тамар повинуясь, ты обращался к рассказу.
Я же от замыслов вольных не отступился ни разу.
Царством клянусь: не упрямясь, ты бы признал это сразу.

Руставели

Не обретет превосходства тот, кто себя превозносит.
Речь твоя, прочих пороча, мне пусть хваленья возносит,
Всюду я славим; хоть стих твой музыкой радость приносит,
Не преклонюсь — пусть поэта царское слово поносит.

Как бы кичлив, царь, ты ни был,— в выводах будь справедливым.
Я ведь не тварь, не невежда; мог бы и я быть спесивым.
Молвил о новом; в грядущем буду казаться я дивом.
Что ты снискал своим словом? Славимым стал я, счастливым.

Царь

Что ты толкуешь? Послушай! Мне ли с тобой не сравниться?
Повесть в стихи уложил ты? Их у меня — вереница!
Сдайся скорей иль настанет, верь мне, пора прослезиться!
Нас превозмочь? И сравненье пусть тебе с нами не снится.

Все, что рука человека по принужденью свершила,
Равно ль тому, что явила вольного творчества сила?
Все сотворенное мною как же тебя не смутило?
В час восхождения солнца прочие гаснут светила.

Руставели

В вашем творенье, владыка, я упомянут с хвалою,
Слово, о царь, вам в усладу сказано будет и мною.
Надо вам быть господином, мне же — достойным слугою.
Будьте внимательны ныне, споры грозят нам бедою.

В Грузии слава повсюду не моего ли созданья?
Им утешается скорбный, скрашены им пированья,
Клонятся люди над книгой в свете ночного мерцанья.
О, не гневись! К моей речи снова исполнись вниманья.

Я — стихотворчества корень, стихослагателей сила,
Это ль тебе, солнцеликий, плесенью душу покрыло?
Стих мой отраден и строен, что же глядишь ты уныло?
Ты ль превзойдешь меня? Гордость тщетно в набат свой забила.

Царь

Все, что сказал ты, о том же лучше я молвил стихами.
Битвы не пел я: сражаясь, бился победно с врагами,
Войн ты не ведал,— затем лишь любишь их славить словами;
Если б я пел свою храбрость — слыл хвастуном между нами.

Сам погляди: где я должен ясным быть в речи и строгим,—
Мудрость — ее не прогонишь — мне предназначена богом,
Хоть я терзаюсь, припомнив о пережитом, о многом,
Горе смирив, семь соборов ясным представил я слогом.

Руставели

Больше внимать я не стану! Видно, разишь ты с размаху!
Я ведь не ястреб. Зачем же гонишь меня ты на птаху?
Если умчусь я с другими, словно предавшийся страху,—
Всеми друзьями покинут, ты уподобишься праху.

Царь

В говор джавахский впадаешь в речи ревнивой, неровной!
Я возражу — по-кизикски. Справишься, в битве виновный?
Весел я был — ты ж обидел горькой обидою, кровной,
Мне лишь на пользу, что с речью ты поспешил празднословной.

Руставели

Да, я ошибся! Зачем мы спорить порой так желаем?
Лучше б изрезал ты плоть мне сабли отточенным краем!
Верю, что подданным умным спор с властелином незнаем.
Горе накаркал мне ворон! Псы пусть накинутся с лаем!

Царь, тебе слава пристала, путь на простертых покровах!
Пусть же твои супостаты страждут в терзаньях суровых!
Мчатся к тебе те, что ищут жизни на мудрых основах,
Знать тебе лучше писанья — те, что прекраснее новых.

Царь

Книга твоя до сегодня, правда, звучала прекрасно.
Ныне ж я лучшее создал,— вот ты и плачешь всечасно,
Месяц лишь ночью сверкает, днем же он виден неясно.
С книги твоей переписчик делает список напрасно.

Руставели

Царь, поносить мою книгу вам бы не должно спесиво!
Молвивший в гневе, сам знаешь: все, что ты вымолвил,— лживо,
Право, ты б лучше со мною дрался в безумстве порыва.
Что говоришь! У невежды речи такие — не диво.

Арчил

Слыша их, мудрость вкушают, их восхваленьем встречая,
Копья их речи влюбленных ранят, любовь обличая.
Щедр Теймураз, но поет он, мудрости не расточая.
Кто победит? Говорите, мне на вопрос отвечая.

ВАХТАНГ VI

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ
1675—1737

ТБИЛИСИ

Как хорош Тбилиси в мае,— в розах весь, как небо в звездах!
Склоны скал — в росе небесной, горы — в зелени, как в гроздьях.
Было б дерзостным безумьем — возмутить прозрачный воздух,
Святотатственно разрушить эту прелесть, этот роздых.

Загоняют люди в клетки — для забавы — ястребов,
Бродят толпами, пируют, всем постыл домашний кров.
В чем тут грех, коль благодатью смертный полон до краев?
Взор влажнеет умиленно, дух — разнежиться готов.

Любо рекам, разветвляясь, разливаться вдоль долины,
Любо людям, потешаясь, погружаться в их стремнины.
Рушат в реку глыбы камня с гиком, с криком: «Строй плотины!»
Рыб выбрасывают наземь,— вдоль реки блестят их спины.

Смотрят, как река сквозь ветви с гор спадает, весела.
Ловят в ней форелей быстрых, слышны крики: «Бей! Ушла!»
А по долам бродят серны и олени без числа.
Взглянешь — спросишь: «Как воспеть нам эти славные дела?»

Гонят в зарослях оленя, грудь его дышать устала,
Ветви бьют его, терзают жажды огненные жала.
Сладок отдых для убивших. Ветвь рогов идти мешала.
Ну, а мясо — дань влюбленных, гордость трапезного зала.

Выводок тетеревиный, шелестя, бежит во рву.
Жмется к скалам куропатка, смерть увидев наяву.
Рыбаки глушат форелей, сыпля им дурман-траву,
Но, увы! Загублен жизнью — сколь бесславно я живу!

О, ГОРЬКАЯ СМЕРТЬ!

Явился я в мир, беспомощен, сир,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Мнил — к чаше припасть, мнил — взять свою часть.
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Мир душу завлек, злокознен, жесток,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Я жил, ликовал,— хоть счастья не знал,—
О, горе, о, смерть, о, горькая смерть!
Сидел на пирах, хоть ведал: все — прах!
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Я не был готов услышать твой зов,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Пришла ты в мой дом не другом — врагом,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Мгновенней огня повергла меня,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Расстался с женой, нет сына со мной,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Я брата лишен, с сестрой разлучен,—
О, горе, о, смерть, о, горькая смерть!
Где дом и семья? Любимцы, друзья,
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Друг жизни земной, я скошен тобой,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Печаль познаю в далеком краю,—

О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Там был я судим, растоптан, гоним,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Зачем я пришел в мир бедствий и зол?
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Пусть больше их там,— здесь принял их сам,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Там скопище зла, нет мукам числа,—
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!
Постиг я тебя — и молвил, скорбя:
О, горе, о, смерть! О, горькая смерть!

КОВСИ ТЕБРИЗИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
XVII век

ГАЗЕЛИ

* * *

Где друг, чтобы сказать ему слово.
Как флейта — выдох, я приму слово.

Оно звучит, правдивое, живое,
В любви пьянит, влечет к уму слово.

Как трата драгоценных безделушек,
Бывает миг, что ни к чему слово.

Учись быть мудрым и не верь легендам,
Откроешь и во сне тюрьму слова.

Есть разговор пустой, слепорожденный,
Как бисер, мечет он во тьму слово.

Но горький рост скорее чует сладость,
Чем сахарный. Так я пойму слово.

Но молчаливость для меня постыдна,
Все тайны я приподыму словом.

Ковси — гранильщик драгоценной капли,
В которой море. Быть по сему слову.

Обидься, хан! Мне Физули свидетель:
«Кто говорит, под рост ему слово».

* * *

Моя мучительница, сгинь! Кривляться перестанешь ты?
Когда из памяти уйдешь, когда нежнее взглянешь ты?

В прозрачном розовом вине луны блестящей отраженье,
Играешь, пенишься, дрожишь, мне голову дурманишь ты!

В тяжелом небе по ночам воспалены созвездий очи,
Устало небо; что ж, луна, в ночную тьму не канешь ты?

Хоть исцелительницей будь, сама ведь мне сломала крылья.
Поймет, поверит ли аллах, что так меня тиранишь ты?

Изнемогает соловей, но славит Гулистан полнощный;
О роза, внемлешь ли ему, от срама не завянешь ты?

Она прошла, задев меня, шумя листвой, как тополь стройный.
Беспечный, это твой конец, здоровым не воспрянешь ты!

Но чем я виноват пред ней, моей негодницею льстивой?
Повремени еще, Ковси, красавицу достанешь ты!

* * *

Влюблен я. Денег звон и суета — на что мне?
Все листья, все плоды, весь цвет куста — на что мне?

Гораздо краше есть нетронутый бутон,
Есть в девушке душа, а красота — на что мне?

Куда бы я ни шел, твой облик уношу,
А письма от тебя читать с листа — на что мне?

Когда мы встретимся, ты вспомнишь обо мне,
А ведать, чем сейчас ты занята,— на что мне?

Свирель моя, вдохни всем горлом этот стон,
А свежий ветерок, а чистота — на что мне?

Дай мне, аллах, разок с ней свидеться. Я нищ,
Но толстый кошелек и вся тщета — на что мне?

Ковси, я встречусь с ней, разочаруюсь... нет!
Достаточно мечты... а встреча та — на что мне?

САИБ ТЕБРИЗИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1601—1677

ГАЗЕЛЬ

* * *

Темная ночь — басма твоих бровей,
Брови — две сабли, жаждут крови моей.

Губы, как пламя, готовы обжечь меня,
Нету спасенья от черных твоих кудрей.

Взглядом вонзила ты в душу острый нож,
Чашу дала — не вино там, а сто смертей.

Долгий свой век я любимой служить готов,
Сердце — бокал, не подумав, отдам я ей.

В грех она ввергнет Адама — соблазн велик.
Ангел утонет в вине, коль прикажет: «Пей!»

Чаша полна, но мне мало чаши одной,
Море вина в мой бокал, виночерпий, налей.

Выпил вино ты, но буйство души усмири,
Выпьет вино тебя, если боишься чертей.

Все, что захочет она, исполнит Саиб,
Пусть не терзает душу, взглянет нежней.

НИШАТ ШИРВАНИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
Конец XVII века

МУРАББА

Где лекарь, чтобы вылечить недуг? — Не вижу.
Где окончанье бед моих и мук? — Не вижу.
Где хоть один на свете верный друг? — Не вижу.
Где благодарность? — Вот смотрю вокруг: не вижу.

Напрасно я встречал людей ленивых, злых.
Прошли года, и что я получил от них,
От тех приятелей, от ветрениц пустых?
В чью верность верить мне? Чего достиг? — Не вижу.

Но некий вихорь гнал все далее меня.
Но горе между тем росло день ото дня.
Последний скрылся друг, и злобствует родня.
Где свет в окне друзей? — Увы, огня не вижу!

Увы, судьба ко мне не повернет лица,
И после стольких бед дошел я до конца.
Всех испытал: жену, и брата, и отца.
Но благодарного, увы, лица не вижу.

Я, Ширвани Нишат, разбит, ошеломлен,
Не повернется вспять коловорот времен.
Амир-аль-Муминин, кем был убит дракон!
Шах шахов, мой имам! Где твой закон? — Не вижу.

МЕХДЖУР ШИРВАНИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
XVII век

ВОСХВАЛЕНИЕ

Любимая, моя душа истлела от разлук, приди,
Игру оставь, о мой кумир, ко мне на сердца стук приди,
Цветок лица, волна кудрей, бровей разящий лук, приди,

Сад ароматный, дивный сад, земной украсив круг, приди,
Листвы, обрызганной дождем, флейтоподобный звук, придп,
Под ветром веток молодых трепещущий испуг, приди,
Омытое в моей крови кольцо прекрасных рук, приди,
О хан на троне красоты, о царственный мой друг, приди,
Беседой райской одари, свой разделить досуг приди,
С Хосровом щедростью своей сравнись, любовь, и вдруг приди!

О, сколько времени, грустя, властителя — тебя я жду,
Войти в другие цветники упрямо не желая, жду,
Я одиночеством своим себя испепеляя, жду,
Прихода твоего ко мне, о родинка хмельная, жду,
Сижу я у тропы твоей, без отдыха и сна я жду,
Я пойман в западню тоски, придет ли жизнь иная, жду,
Терплю разлуку, пью печаль, былое вспоминая, жду,
О цветоликая моя, дождусь ли я — не знаю, жду,
Не ты — так смерть: из вас одна прийти ко мне должна — я жду,
Ведь в жизни цели нет иной, и, пьяный без вина, я жду,
Любимая, моя душа истлела от разлук, приди!

Вращается небесный круг, чтоб светлый твой приход узреть,
Луна стремится за тобой, чтоб шеи поворот узреть,
Мечтает Индостана царь бровей твоих разлет узреть,
А солнце, бросив небеса, твои следы идет узреть,
Струится кверху кипарис, чтоб всю тебя с высот узреть,
На нем застыли стаи птиц, чтоб красоты оплот узреть,
И ангелы в раю хотят смеющийся твой рот узреть,
Игру оставь, о мой кумир, ко мне па сердца стук приди!

Любимая, твой тяжек гнет, что дальше делать мне, скажи,
Зачем ревнивец и поэт смешались, как во сне, скажи,
Зачем нацелены шипы, а роза — в стороне, скажи,
Зачем даешь ты рот открыть досужей болтовне, скажи,
Зачем ты преданных друзей разишь, как на войне, скажи,
Аллаха ради, не молчи, доверься мне вполне, скажи,
Приятно ли меня держать в разлуке, как в огне, скажи,
Легко ль мне жить и день и ночь в предсмертной тишине, скажи,
Зачем любовной скорби груз ты мне даришь вдвойне, скажи,
Цветок лица, волна кудрей, бровей разящий лук, приди!

Самозабвенно целовать весенний жаждет сад тебя,
Фиалок, нежных и немых, коснуться хочет взгляд тебя,
Цветут нарциссы,— и готов окутать аромат тебя,
Томятся маки, увидав, как красит твой наряд тебя,

Деревья арками сошлись — они развлечь спешат тебя,
Ах, славит розу соловей, но радостней стократ — тебя,
Сады вселенной знака ждут воспеть на новый лад тебя,
Цветы подняли свечи — ждет торжественный обряд тебя,
Красавицы — лишь согласись! — звездой провозгласят тебя,
Хмельные, выпив за тебя, восславить вновь хотят тебя,
Сад, ароматный, дивный сад, земной украсив круг, приди!

Любовь, хмельным от горя быть навек ты обрекла меня,
Ты «прахом» на пути своем, «пылинкой» нарекла меня,
Отняв добро, толкнула ты, смеясь, в объятья зла меня,
Недугам двери отворив, до хвори довела меня,
Дух непреклонный сокрушив, безволью отдала меня,
Я стал несдержан и упрям — минует похвала меня,
Мечи упреков целят в грудь, и валит с ног хула меня,
Беда, искала ты сосуд — и вот ты обрела меня,
Омытое в моей крови, кольцо прекрасных рук, приди.

Окончился базар любви, познавшие ее ушли,
Чистосердечные в страстях, с собой забрав свое, ушли,
Всего лишась, все потеряв, в нездешнее жилье ушли,
В открытую бесстрашно грудь приняв беды копье, ушли,
Скосив пшеницу красоты, оставили жнивье, ушли,
Фархад, Вамиг, Азра, Меджнун, стряхнув с одежд репье, ушли,
Меня оставили влачить небытие мое, ушли,
Мехджуру предоставив пить страдания питье, ушли,
О хан на троне красоты, о царственный мой друг, приди.

ТУРДЫ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ

? — ок. 1700 г.

МУХАММАС

Нет, мне не даст покоя этот угрюмый свод.
Сыплет он стрелы горя, каменный дождь невзгод,
Верности нет в помине, каждый хитрит и лжет,—
Светоч добра померкнул, злоба в сердцах растет,
Счастья не требуй, смертный,— здесь воцарился гнет!

Мир опоен отравой — тускло блестят мечи;
Судит у нас неправый, злато пред ним мечи.
Где ты, былая слава? Сердце мое, молчи,—
Правят свой пир кровавый вороны и сычи,
Сокол не нужен шаху — ворон вошел в почет.

Шах веселится с вором, шаха злодей провел,
Плут, на расправу скорый, в милость у нас вошел,
Изгнан мудрец с позором, прочь из дворца побрел...
Злых проходимцев свора села за шахский стол,—
Шах им страну доверил, в руки им власть дает.

И попрошайки вертят шахом и так и сяк,—
Каждому шах отмерил вдоволь житейских благ.
Судьбы страны решает льстивый хитрец Бойляк...
Кто мудреца оценит? Севший на трон дурак
Или холоп безмозглый, что во дворце живет?

Губит отчизну нашу стадо тупых ослов,
Шах с этим сбродом дружит, бекам подносит плов.
Есть ли герой в подлунной, пусть он услышит зов,
К нам он придет на помощь — грянет, как сто громов,
Пусть он чумную свору с нашей земли сотрет!

Пусть управляет мудро, чтобы страна цвела!
Слово его правдиво, меткое, как стрела,
Путь его прям и честен, светлы его дела...
Шах справедливый нужен, а не потворник зла,
Что, как блудница, красит брови, глаза и рот.

Нынешний наш властитель шлюхой на свет рожден,
Евнух его советчик, вечно гнусавит он,—
Шах ему внемлет жадно — слово глупца закон.
Кто же страною правит — шах, что взошел на трон,
Или ташкентский лодырь? Губят они народ.

В нашей стране безвластье, каждый указ — подлог!
Значит, согнуть нас властен евнух в бараний рог!
Скряга, ханжа лукавый, если бы только мог,
Всех бы в тюрьму отправил, всех под один замок!..
Пену с воды снимает,— вдруг она впрок пойдет.

Только наживы ищет хищник и казнокрад...
Беки повсюду рыщут, зорок шакалий взгляд,—
С мертвых налоги взыщут, нищих раздеть велят,
Деньги взаймы попросишь — жизнь отнеси в заклад,
До смерти не сумеешь выкупить свой байрат.

Где ты, защитник слабых? Жизни огонь зачах.
Где ты? Приди, властитель! Молим тебя в слезах,
Сердце мое разбито, тяжко душе в цепях...
Где справедливость, люди, где правосудный шах?
Плача, лобзать я стану землю, где он пройдет.

Шаха Абдулазиса вспомним с тоской не раз,
Время великих ханов,— нет их теперь средь нас.
Древний забыт обычай, веры огонь погас,
Скорбь воцарилась в мире, горькой печали час,
Умер хакан великий — сгинул великий род!

Беки, слепцы глухие, грянет над вами рок,
Слову внимайте, беки,— речь я в душе берег,—
Вы святотатцы, беки, вами забыт пророк,
Честь вы продать готовы,— были бы деньги в срок!..
В мире народ — хозяин, бек погостит — уйдет!

Бек, словно пес голодный, кости людей грызет,
Он, красногубый хищник, кровь у живых сосет...
Вшей, он и тех присвоил, все от тебя берет.
Больно его нагайка нас по лицу сечет,—
Каждый удар запомним, все мы поставим в счет!

Кто у нас бек, ты спросишь? Я отвечать готов:
Тот, кто прослыл мздоимцем, вором среди воров,
Деньги сирот присвоил, бек обездолил вдов,
Волк рядом с ним ягненок,— вот у нас бек каков!
Рад бы в Ирак бежать я из городских ворот...

Шах анашистов-беков выкормил, обласкал,
Разноплеменных нищих братьями он назвал,
Корыстолюбцев жадных шах во дворец призвал,
Прежних, достойных беков прочь от себя прогнал,—
Пес отслужил, не нужен,— волк табуны пасет.

Все перемелет глотка, жадно разинув пасть,
Беки поживы ищут, жить они любят всласть.
Тщетно искал я средства — не извести напасть,
Не уничтожить в мире злого дракона власть,—
Он над людьми смеется, пищей набив живот.

Труд мой — окончен, пышет гневное пламя строк.
Кто здесь меня услышит? Глух беспощадный рок,
Я — пешеход в пустыне, вихри метут песок.
Кто меня ценит ныне? Я от людей далек,—
Разве глупцы постигнут горьких раздумий плод?

Я заслужил немилость, беки шипят мне вслед.
Душу продать готовы, только отсыпь монет,
Взятка решает дело, купишь любой совет,
В ханском дворце продажном честного сердца нет,—
Смрадным хвостом бараньим бекам заткну я рот!

ГАЗЕЛИ

* * *

Внемлите, беки! О других хоть раз подумать вы должны,
Народ узбекский разобщен — друг другу роды не равны.

Один зовется кипчаком, другой — уйгур, а третий — юз,—
Мы неделимая семья, с душой единой рождены.

Одна нам голова дана, один халат на всех надет,
Должны мы в общем доме жить, как равноправные сыны.

Довольно, беки, сеять рознь, довольно слабых обирать,—
Объединится наш народ — мы станем грозны и сильны.

Но смелость бекам не к лицу, в бою мы не увидим их...
Румяньте лица, спите всласть, ума и чести лишены!

Я посмотрел по сторонам — немусульманская страна.
Мятеж, насилье — стыд и срам, немусульманская страна.

Разбой неверные творят — куда ни кинешь скорбный взгляд,
Зря исповедует ислам немусульманская страна.

Здесь скряги правят скорый суд — отродьем дьявола слывут,
Узбеков край — не верь глазам! — немусульманская страна.

Повсюду горе, плач и стон услышишь ты со всех сторон,
Где правит Субханкули-хан — немусульманская страна!

* * *

Порой не знаю, где добыть для лошади саман.
Заботы истерзали грудь,— я страхом обуян.

Целую ноги богачам, гну голову к земле,
Я от поклонов стал горбат — привык сгибаться стан...

Я сердце вертелом проткнул, кровь превратил в вино,—
Благодарю тебя, судьба, теперь я сыт и пьян.

* * *

Капля малая вмещает океана суть, Турды,
Ты решил моря вселенной дерзко всколыхнуть, Турды!

Сорок тысяч скорпионов от меня бежали прочь,
Свет звезды едва мерцает, твой окончен путь, Турды.

Жизнь скользнула тонкой нитью сквозь игольное ушко,
Если ты с народом вместе, уважаем будь, Турды.

* * *

Все в мире испытает горе,— веселья без расплаты нет,
Придет беда за счастьем вскоре,— свиданья без утраты нет.

В пылинке, в атоме мельчайшем — простор вселенной заключен,
Но жемчуг — только капля влаги, на дне твердевшей сотни лет.

В пучину размышлений брошен, я счастье в мире не нашел,
Искал я искреннего друга, но дружбы без притворства нет.

Я повесть о себе начну,— печаль язык испепелит,
Перо слезами изойдет,— на сердце тяжкий груз обид.

Тоски моей не превозмочь, она черна, глуха, как ночь,
На крыльях солнца и луны над миром небосвод летит.

Себя надеждою не мучь,— бесследно сгинул солнца луч,
Мой путь судьбою предрешен,— сквозь ночь печали он лежит.

МАШРАБ БАБАРАХИМ

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1657—1711

ГАЗЕЛИ

* * *

Тела прах, подобный дыму, краткой жизни дом — на что мне?
Если нет со мной любимой, дух, живущий в нем,— на что мне?

Без вина и милой в Мекку что тащиться человеку?
Кааба, лавка Ибрагима, годная на слом,— на что мне?

Что мне восемь кущ господних, что мне восемь преисподних?
Коль любовь проходит мимо, счастье в мире том — на что мне?

Если жизни путь унылый не осветит солнце милой,
Тайна тайн, что нам незрима даже белым днем,— на что мне?

О Машраб, все — заблужденье, кроме бога! Но без розы
Шип, язвящий нестерпимо, на виске моем — на что мне?

* * *

Грудь — любовью, ланиты слезами сжигая,— я плачу.
Умоляя о встрече с тобой, дорогая,— я плачу.

Из рубиновых губ твоих выпить свой кубок надеюсь,
У садовой ограды тебя ожидая,— я плачу.

Стал язычником я. Ты — мой бог, мой зуннар — твои косы,
И, в языческом храме теперь обитая,— я плачу.

То рыдающий я соловей, то рыдающий голубь,
То совой над руиной родною летая,— я плачу.

О, внемли мне, Лейли моя, или убей меня взглядом!
По долине разлуки Меджнуном блуждая,— я плачу.

По горам и пустыням зачем мне скитаться, безумцу?
О, зачем,— коль к тебе есть тропа золотая,— я плачу?

Боже, сеющий перлы! Пролей мне свой ливень весенний!
Перл в жемчужнице сердца лелеять алкая,— я плачу.

Луч твоей красоты пал на землю — и все запылало.
Я — Машраб, налетел мотыльком и, сгорая,— я плачу.

МУХАММАСЫ

* * *

К порогу любимой пробраться незримым хотел,
Терпеть все мученья, тоской одержимый, хотел,
Я сердце рассечь, нетерпеньем палимый, хотел.
Жить только для той, что с луною сравнима, хотел.
Коснуться устами волос нестерпимо хотел.

Души моей нити — завязка на косах ее,
Запястья на ножках сверкающих босых ее.
Я — ночью огниво, в скитаньях — я посох ее.
Я, раненный в грудь средь влюбленных без спроса в нее,
Царить над Китаем, Дамаском и Румом хотел?

Обрызгали маки зари облаков белизну,
Все сердце в крови, где же нож, что в него я воткну?
Лицо твое бело, похоже оно на луну.
Как ветка иссохшая, листья к тебе протяну,
Ресницами пыль снять с подола любимой хотел.

Надвинулось горе горою, и сумрак настиг,
О муках поведать позволь, удели мне хоть миг,
В скитаниях, о госпожа, мой порыв не утих.
Ты меч обнажила, от рук погибаю твоих,
Ах, кровью истечь я, тобою гонимый, хотел.

К гранату возможно ль, чтоб яблони ветвь привилась,
С твоею душа моя неразделимо слилась?
Тоскует Машраб, на страдальца взглянула б хоть раз.
С мольбою взываю к прекрасной, любовью томясь,
Во прахе лежать, чтоб прошла она мимо, хотел.

* * *

В любви признаюсь,— и душа, объятая огнем, сгорит.
Открою тайну, не дыша,— мой дом и все, что в нем, сгорит.

Едва осмелюсь я тайком «о милая» произнести,
От наслажденья мой язык истлеет угольком, сгорит.

Скажи мне, с чем твою красу, твои достоинства сравнить?
Язык мой нем, и мысль моя, пылая день за днем, сгорит.

Нет злей мученья, чем с тобой, о милая, в разлуке быть,
От искры вздохов небосвод, таящий град и гром, сгорит.

Я гибну, ты же не придешь, не спросишь о моей судьбе.
Горька обида, боль горька, от воплей грудь костром сгорит.

Ты скорбь Машраба, боль его не вправе сравнивать ни с чьей,
В день Страшного суда вздохну, и рай в огне моем сгорит.

* * *

В горе я дни, небосвод разъяренный, влачу — по вине твоей!
Кровь из очей я ночами бессонно точу — по вине твоей!
Где я достаток мой, в прах разметенный, сыщу — по вине твоей?
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я — «дод, дод!» исступленно кричу — по вине твоей!

Я — соловей средь пустынь. Ни гнезда, ни приюта — нет у меня!
Совы ютятся в развалинах зданий, руины — нет у меня!
Кров мой родимый! Тропинки туда ни единой — нет у меня!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я — «дод, дод!» исступленно кричу — по вине твоей!

С верными прежде мне — духом и силой моей — разлучили меня!
С ясными веждами — другом и милой моей — разлучили меня!
С тем, что надеждами душу дарило мою,— разлучили меня!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я — «дод, дод!» исступленно кричу — по вине твоей!

Так никогда да не будет терзаться никто во вселенной!
Так средь пустынь да не будет скитаться никто во вселенной!
Тьмой да не будет такой облачаться никто во вселенной!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я — «дод, дод!» исступленно кричу — по вине твоей!

О, приведешь ли ты солнце желанное, господь мой, ко мне?
Зажжешь ли счастья звезду долгожданную ты мне в вышине?
Сил дай Машрабу труды неустанные творить в тишине!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я — «дод, дод!» исступленно кричу — по вине твоей!

* * *

Ждал всю ночь я. Мне на очи сна услада — не пришла,
Солнце дня, светило ночи, дум отрада — не пришла!
Мед несла другим, ко мне же с чашей яда — не пришла,
Даже полная измены и разлада — не пришла,
Будто знать меня и видеть ей не надо,— не пришла!

Дни свои в селеньях горя одиноко я влачу,
Болен я, от черной хвори смертью сердце излечу,
Но еще хочу молиться лика милого лучу!
Вниочерпий, дай упиться! Я забвения хочу!
Цвет пиров, жасмин земного вертограда — не пришла!

День за днем в тоске блуждаю, нелюдимая,— ты где?
Я взываю и рыдаю: о любимая, ты где?
Где живешь ты — я не знаю, о незримая,— ты где?
Сердцу моему родная, мир души моей,— ты где?..
Ты укрыть меня от злого бедствий града не пришла!

Душу море пламенное жжет мне... Потуши! Приди!
Милостью прославленная, милость соверши — приди!
Сада счастья жительница, радость, поспеши,— приди!
О моя властительница, шах моей души,— приди!
Сердце ржа мне съела. Ты же кинуть взгляда не пришла!

Жил я, в плен любовью взятый, и про грех я свой не знал.
Что убить меня пришла ты, я — о, боже мой! — не знал!
Что звезда моя к закату никнет, кроясь тьмой,— не знал!
Что свой меч уж занесла ты над моей главой — не знал!
Понял я: ты предстоящей казни рада — не пришла!

«О Машраб,— подвижник строго мне сказал,— в мечеть
войди!
Сядь в михраб, к престолу бога взор духовный возведи!»
Я святого не обидел, гнева речь смирил в груди,
И молился я, но видел мрак и горе впереди...
Мысль о боге в душу, словно в бездну ада,— не пришла!

* * *

Я, рожденный для страданья, в мира тяготах погряз,
Мучась: где конец терзанью,— к брани прибегал не раз.

Вот он — полный лицемерья мир, душе и телу враг!
И метнул стрелу неверья я ему в зеницы глаз.

В дом вина тогда вступил я, но мученья в нем познал.
И, в мечеть войдя, застыл я, как аскет, оледенясь.

Я сто тысяч благочестий продал за кувшин вина.
О подвижник! Все на месте: мне — вино, тебе — намаз.

Магом был с отравой смешан тот напиток, данный мне,
Как Мансур, я был повешен, не ужившийся у вас.

Слава о моем безумье прогремела по земле,
Что отверг я оба мира за один свиданья час.

Кто сказал: «Машраб безумен!» — коль отрекся я навек
От скитанья по чужбине, мне представшей без прикрас.

МЭВЛА КОЛЫЙ

ТАТАРСКИЙ ПОЭТ

Вторая половина XVII века

ХИКМЕТЫ

О САМОМ ПОЭТЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Говорится хикмет в год по хиджри такой:
Одна тысяча восемьдесят восьмой.
Говорится он в граде Булгар над рекой,
Говорит его грешник великий — Колый.

Беспросветно прошли мои годы, друзья,
Под глазами прорыта слезами стезя,
Дни и ночи раскаянье мучит, грызя,
Что отвечу я, раб, перед божьим судом?..

Дел, угодных всевышнему, я не свершал,
Бренный мир мои помыслы все поглощал,
Я скорблю о прошедшем, ничтожен и мал...
Что отвечу я, раб, перед божьим судом?

Был я ветром познанья и страсти носим,
До конца отдал дань я страданьям земным.
Этот мир удивителен, незаменим!
Что отвечу я, раб, перед божьим судом?

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Земледелье! Достойнее нет ремесла.
Ты займись им — снискаешь сегодня почет.
Божья воля его человеку дала.
Помни: пахаря милость господняя ждет!

Земледелье священно и служит оно
Правоверным и неправоверным — равно.
Земледельцу великое дело дано.
Помни: пахаря жар преисподней не жжет!

Человеку любому в народе любом
Любо пашню своим обработать трудом;
Он умрет, но господь не забудет о нем...
Помни: пахарь всех нас благородней живет!

О БРОДЯГАХ

Упаси меня, боже, бродягою стать!
Никому не желаю я муки такой.
Без домашнего крова — от горя страдать
Человек осужден, он теряет покой.

Безразличен бродяга для прочих людей.
Тот, кто здесь обитает под крышей своей,—
Ходит в гости и сам принимает гостей,
А бродяга о том лишь мечтает с тоской.

Нет отца у бродяги, чтоб старость почтить,
Нет и матери, чтоб о бедняге грустить,
Никого — кто бы мог о здоровье спросить...
Смерть бродяги — страшней всякой смерти другой.

Жил один, и один покидает он свет,
Схоронить его некому — близких ведь нет,
В тот же день затеряется след его лет...
Вот, бедняк, умирает он смертью какой!..

О ЛЮБВИ, СТРАСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ

Посвятил я ей душу и думы свои,
А при встрече меня не заметит она.
Я сгораю в огне безнадежной любви —

Но водой это пламя не встретит она.
В сердце сок выкипает, а ей невдомек.
Я средь тысяч других, мне не светит она.
Подошла, подожгла, разожгла уголек,
Только страстью на страсть не ответит она!
Превратился я в пепел — ей все нипочем:
Стать не хочет она ни огнем, ни лучом...

О РОДНЕ

Наших близких любовь, коль оценишь ее,
Слаще сахара наше сластит бытие.
Нет родни — вверить некому тайну свою,
Пред врагом нет соратников рядом в строю,
А в делах нет опоры в своем же краю.
Кто родни не имеет — грустит без нее.

* * *

На этот мир ты не смотри,
Простором манит этот мир,
Но тщетны все твои труды,—
Так злобно ранит этот мир.

Ведь все растает, как туман,
И, как невесты лик и стан,
Нарядом, маскою румян
Тебя обманет этот мир.

Он скажет: истину забудь,
Прикажет в сторону свернуть,
На свой несправедливый путь
Тебя потянет этот мир.

Нас в этом мире ждет одно:
Всем лечь в могилу суждено,
Мы все исчезнем все равно...
Недобрым занят этот мир!

БАЙРАМ-ХАН

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
Конец XVI — начало XVII века

СГОРИТ

Из сердца вырвется огонь — мои уста спалит,
В себе я спрячу тот огонь — моя душа сгорит.

Язык мой — пламенный очаг, рассыпал искры слов,
Лишь о любви заговорю — и мой язык сгорит.

Иссохло тело от тоски, я весь окостенел.
В огне разлуки плоть моя обуглится, сгорит.

Неумолимо сердце жжет пылающая страсть,
Любовь отнимут у меня,— и жизнь дотла сгорит.

С тобою разлучен Байрам, как соловей, скорбит.
Из сердца вырвется огонь — родимый край сгорит!

РУБАИ

1

В чужом краю скитается Байрам,
Пьет воду со слезами пополам.
Кто на тоску обрек его, о боже,—
Пусть пленником печали станет сам!

2

Моя отрада, свет моих очей,
Проходит мимо, тополя стройней.
И если я догнать ее не в силах,
Хоть ты, о сердце, поспешай за ней!

3

Словами веры я не обольщен,
Безбожниками я не возмущен.
Мечети, храмы — разве это важно,
Магометанин я или крещен?

4

Меня к себе приблизила вначале,
Слова твои как музыка звучали,
Но вдруг ты замолчала и ушла,—
И ввергнут я в безмолвный мир печали.

5

Решиться на разлуку трудно мне,
Твою погладить руку трудно мне.
Хочу тебе поведать о страданьях,
Но высказать всю муку трудно мне!

О, ЕСЛИ Б!

О, если б мог я все напасти любимой на себя принять!
О, если б мог я силой страсти печаль души ее унять!

Пока лицо ее увижу — кровинки нет в лице моем.
О, если б выпало мне счастье сто раз на дню ее встречать!

О, если б все ее заботы уделом сделались моим!
В моей бы это было власти — свое здоровье ей отдать!

Могу ль представить, что изранен, скорбит бесценный мой рубин?
Пусть лучше рвут меня на части, пусть мне от сотни ран страдать!

Готов принять ее напасти. Но если б и она могла
Недуг любви, хотя б отчасти, мучитель милый, испытать!

ЕСЛИ Я НЕДОСТОИН ТЕБЯ

Как могу, о неверная, жить, если я недостоин тебя?
На престоле любви не царить, если я недостоин тебя!

Я тебе не союзник теперь? Так отныне врагом моим стань!
Нашей дружбы оборвана нить, если я недостоин тебя.

Говорят, что любовь принесет избавленье от тяжких цепей,—
Все равно мне свободным не быть, если я недостоин тебя.

Очарован тобою навек, хоть тобою отвергнут Байрам.
Как могу, о неверная, жить, если я недостоин тебя?!

САЛЫМ ТУРКМЕН

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
XVII век

РУБАИ

О жизнь! Ты сердце ранила тоской. Что делать?
Я проливаю слезы день-деньской. Что делать?
Держал сокровище в руках — ладони пусты.
От слез моих кипит простор морской. Что делать?

ИЗ ПОЭМЫ «ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА»

Господи! В этой кумирне я пьян без вина,
Вместо молитвы любимых шепчу имена.

Мир бы померк, если б в мире красавиц не стало,
Сколько на них ни смотрю — все глазам моим мало!

Слезы роняю, как в землю бросаю зерно,—
Но лишь колосья рыданий сбирать мне дано.

В сердце взлелеял я саженец — образ милой,
Корни его в мои кости вживаются с силой.

Как бы мне ни было больно, я все претерплю,
Чем безысходней страданье, тем больше люблю!

В лоне души моей скорбной, испив ее соки,
Вырос из нежного саженца тополь высокий.

Ввысь, прямо к небу, вознес он корону ветвей,
И обрывает все связи с душою моей.

Но все равно я ему благодарен, как прежде,—
Жил я в чудесных мечтах и в тревожной надежде.

Может, сойдет откровенье любви на меня,
Может, дождусь я когда-нибудь светлого дня!

Господи! Ради услады владыки святого
Счастье любить мне даруй, не прошу я иного!

Молод покуда я, страсти исполнена грудь —
В царстве влюбленных на истинный выведи путь.

Годы состарят — в любви приумножь мои силы
И помоги мне в любви — на пороге могилы.

В час, когда смерть к моему изголовью придет,
Ты, о любовь, укрепи моей веры оплот.

Если из бренного тела душа отлетела —
В землю любви положите печальное тело.

Птица души моей вновь оживет от любви,
Только возлюбленной имя одно назови.

Так мою душу свяжи неразлучно с любовью,
Чтобы любовь стала жизнью, и плотью, и кровью.

Пусть я умру, но вовеки пребудет любовь!
Значит, из праха и я воскресать буду вновь.

Душу мою подними на крутую стремнину,
Где она слиться с любимой должна воедино!

ВАРЛААМ

МОЛДАВСКИЙ ПОЭТ
Ок. 1590—1657

СТИХИ К ГЕРБУ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

Если увидишь ты знак — мощную голову бычью,
Не удивляйся тогда этому грозну величью,
Ибо для сильного сила только и есть воплощенье,
Ибо для славного слава — только и есть украшенье.

Ярого зубра глава — молдавским князьям-господарям
В знак силы и славы сей герб волей господней подарен.
Отколь достославны князья ко славе свой путь проложили,
Оттоле и славны дела и начал и князь наш Василе.
Насколь укрепит он закон над подданными своими,
Настоль бессмертию он вручит свое княжее имя.

* * *

Буря подъемлет вокруг море большими волнами,
Еще беспокойнее мысль людская между делами.
Боязнь и забота не столь тревожно стоят при начале,
Насколько тревога и страх свершенья всегда ожидали,
Начало благое, оно желанье обозначает,
Но только свершенье дела добром настоящим венчает.
Благословенною будь, господняя, божия сила,
Что, давши начало делам, во благо бы их завершила.

ДОСОФТЕЙ

МОЛДАВСКИЙ ПОЭТ
1624—1693

* * *

Строя миром крепость мира,
Воздвигая братство,
Будешь вечно жить беспечно
И среди богатства.
Лучше честно жить совместно,
В братстве находиться,
Чем мечами, булавами
С вражьим войском биться.

МИРОН КОСТИН

МОЛДАВСКИЙ ПОЭТ
1633—1691

ЖИЗНЬ МИРА
СУЕТА СУЕТ И ВСЕ СУЕТА

Мира жестокую жизнь я воспеваю скорбно,
Среди тревог и забот нити она подобна,
Короткой и тонкой нити, почти незримо скользящей,—
Слишком лукав и обманчив этот мир преходящий.
Дни — словно летние тени, мелькают в лучах денницы.
Минувшее не настанет и снова не возвратится.

. . . . . .

Время жизнию движет, под временем все мы ходим,
В обманчивом мире все мы слепо, как дети, бродим.
С одной стороны — время, с другой стороны — счастье
Мир вечно сопровождают, во всем принимая участье.
Счастье, когда удастся, вольно или невольно,
Нам устранить опасность и не удариться больно.
Счастье — такое названье мудрые старцы дали,
Но многих оно заставляет жить в горечи и печали.
Оно то придет, то исчезнет, судьбою людской играя,
Вместе со временем веру в земную жизнь подрывая.
Ему не сидится на месте, оно неустанно порхает.
Чего не добьешься годами, в минуту оно разрешает.
Нет ног у него, лишь крылья да руки, и потому-то
Оно на одном месте не может пробыть ни минуты.
Время, зачав государство, само же его и кончает,
Самое длинное царство оно же и обрывает.
Над всем господствует время, царит надо всем беспечно,
Вот потому ни царства и ни богатства не вечны.
Где достославные царства, величие их и сиянье?
От них лишь в древних сказаньях остались упоминанья.
Все миновало. Умер тот, кто всем миром правил.
Рассыпалось царство. Кто же надежду миру оставил?
Где славные из славнейших, где государство Ксеркса,
Где Александр Македонский, где доблести Артаксеркса,
Август, Помпей и Кесарь? Все они были бренны,
Их всех подкосило время, смело, словно хлопья пены.
Был Кир, царь знаменитый воинственностью своею
И баснословным богатством. Владел он Азией всею.

Индия и татары согнули пред Киром спину,
Но вот от него отвернулась изменчивая судьбина.
Она ему изменила, окунула в кровь головою:
«Со смертью, Кир, поцелуйся и захлебнись волною
Крови, что проливал ты, о человек жестокий,
Столько, что становился красным и Ганг широкий».
Так вот время и счастье с жизнью людской играют,
Так вот они и царства могучие разрушают.

. . . . . .

Много людей на свете было, и есть, и будет.
Мир в своих переменах беспечным всегда пребудет.
Все в этом мире бренно — каждому свое время:
Время придет и всех нас сбросит с себя, как бремя.
Сейчас, живущие в мире, умерших мы вспоминаем,
О нас же вспомнят другие, когда мы поумираем.
Родившийся умирает, умрет и станет золою,
Из мира, словно в ворота, все мы уходим толпою.
Сегодня гордишься величьем, сегодня ты сильный, славный.
А завтра печальный, сирый, обиженный и бесправный.
О человек, ты станешь глиной и легкой пылью,
Изгложут плоть твою черви, рожденные мерзкой гнилью.
Так помни же, человече, кто ты среди жизни бренной,—
Ты можешь сравниться только с пустой, безымянной пеной.
Одно поддержать нас может: когда мы сменим обличье,
На небесах найдем мы и счастье свое, и величье.

ШАВКАТ БУХОРОИ

таджикский поэт
XVII век

КАСЫДА

Я оперенье снял с себя, снял в цветнике наряд,
Я предал пламени гнездо и свой оставил сад.

Страсть привела к дороге зла — не повернуть теперь,
И, ворот в горе разорвав, открыл я в сердце дверь.

У друга моего глаза росу печально льют,
И я попел на тот базар, где солнце продают.

О праведник! Я не упал — Всевышнему хвала! —
Хотя за пазухой бутыль и поступь тяжела.

Сулило небо помощь мне в беде моей — и вот
Я кинулся в волну вина, упал в водоворот.

Кто из идущих мог сказать, что я в пути отстал?
Я мусульманином в церквах, кяфирем в Мекке стал.

Ладонь досады про запас сгодится — где-нибудь
Коснусь я лба и вспомню, с чем ушел я в дальний путь.

Никто не вспомнит мой приход, уход не вспомнит мой:
Приду, прикрыв лицо полой, уйду ночной порой.

Огнем смятенья мне гореть, как свечке, суждено,
Я хлынул через край себя, как пьяное вино.

Когда б не цепь забот, не бед неодолимых тьма,
О, сколько раз переступил я твой порог, тюрьма!

Я не желаю птицей быть, влачащей гнет тенет,
Из цветника на крыльях мук я ринулся в полет.

Увы, не терпит грубых слов высоких дум покой,
Я — буква малая и стерт из памяти людской.

Свободолюбия плечу одежды груз тяжел,
Из воздуха я сшил халат и прочь нагим ушел.

Мне страсть указывала путь к итогу моему,
И вот по улице цепей я двинулся в тюрьму.

Меня повергли ниц слова, рожденные во зле,
Их груз, в ушах моих застряв, прижал меня к земле.

Я, голубь трепетный, крыло в песках безумья сжег,
Но лань явилась — и меня унес ее прыжок.

Я — муравей. Чтоб Сулейман не растоптал зазря,
Обрел я крылья, обманув лукавого царя.

Чтоб щедрость обошла меня и не замкнула в круг,
Я, став монетой доброты, ушел из щедрых рук.

Я слабостью сломил судьбу, швыряющую ниц,
Я взглядом стал и ускользнул, ушел из-под ресниц.

О странах, где и ветра вой звучит, как дивный стих,
Я расскажу, чтоб знала ты, зачем покинул их.

Я был стихом — другим стихам сравняться ли со мной?
В «Диван» небесный я вошел — и не вошел в земной.

Для розы пенье соловья и ворона — одно,
Ушел я — с ними в бой вступать казалось мне смешно.

Враги — величье и тщета, а жертва спора — я,
Пришел — копьем, ушел — дождем, стекающим с копья.

С тех пор как в мире гебров я и в мире мусульман,
Все беды света мне видны и траур разных стран.

Спросили дорого с меня — спросили солнца жар,
Когда пришел бальзам купить к неверным на базар.

Росою напоил я сад, чтоб мог он вновь цвести,
И солнце унесло меня в сверкающей горсти.

Под тяжестью моей любви ссутулилась спина —
Так, значит, урожай двойной мне дали семена.

Из жалких щепок смастерив для жарких бурь челнок,
Пронзенный в грудь, отплыть от рук, от губ твоих я смог

Нужны ли кровь и плеть моя разящему мечу?
Пройти, не вмешиваясь в бой, меж воинов хочу.

Но цепью связаны одной Глаголящий и я:
С ристалища я уходил, на землю кровь струя...

* * *

Уходишь ты — и без тебя с вином враждует кубок мой,
Мечтает хрупкая бутыль столкнуться с каменной стеной.

Я разрисую сердца дом, найду необычайный цвет,
Как яркой краскою, его окрашу влагою хмельной.

Я — искра, волею твоей в холодный камень заключен,
В его прожилках я живу, но мой не остывает зной.

Я весел был — но сто забот веселью ставят сто преград,
Под камнем горести душа травинкой гнется полевой.

Я мир спалил, но пламень был лишенным цвета, словно взгляд,—
Никто из смертных не видал бушующий пожар земной.

Но тем утешься, о Шавкат, что ты — цветущих мыслей са
И в нем, подобно соловью, твое перо звенит струной.

* * *

В твоих глазах кувшин с вином и пьющий соединены,
В них колыбельные живут и созданные ими сны,

Их прелесть плавит, словно воск, булат, прославленный в веках,
В них дом, лавиной стертый в прах, и грозный сель сопряжены,

Они — два зеркала, и в них мир восхищенный отражен,
В них и огонь и мотылек, в огонь летящий с вышины,

В них капли жертвенный приход к безмерности морских широт,
В них океана глубина и жемчуга из глубины,

В них мира знаемого круг, в них все связующая цепь,
Где степь и в ней гнездо с птенцом в одно звено сочленены.

Шавката строго не суди, он пьет вино из глаз твоих,
Он пьян, безумен, он влюблен, он пьет — и нет на нем вины.

* * *

К дверям кумиров я пришел, в оковы верности одет,
Пришел муслином торговать в страну, где правит лунный свет;

От страстных рук моих ушел сегодня стройный кипарис,
Я — бедный голубь, горло мне сдавило ожерелье бед;

Благоразумный мотылек прочь от жаровни улетел,—
Как жаль, что он ушел от тех, чей в пламени исчезнет след;

Шавкат, смири себя, уймись, не сетуй на холодный век,
Он — не цветок, не запах — ты, и от него исхода нет.

* * *

От зависти к твоим губам пить перестал росу бутон,
Сгорела роза от стыда — был ею сад воспламенен,
Увидевши, как ты с лица отбросила волну кудрей,
Спеша, отбросил тень шатер, чтоб путник не был ослеплен.

* * *

Тот, кто находит вкус в крови, кому убийство нипочем,
Кто дружбу водит весь свой век не с чашей звонкой, а с мечом,
Тот столько в мир приносит зла, такую ненависть несет,
Что даже капелька росы враждует с солнечным лучом.

ЗЕБУННИСО

ТАДЖИКСКАЯ ПОЭТЕССА
1638—1702

* * *

Когда рубины губ твоих раскроют свой бутон,
Я расцвету, как соловей, что розою пленен.

Твоей рубашки аромат мне ветерок несет,—
И сердца моего бутон вдруг розой расцветет.

Благоуханье роз ловлю среди пустынь одна...
В уме разлад. Пусть расцветет мой разум от вина.

Включу я в мир души своей индийские пески,
Цветут радушием друзей Кабула цветники.

Будь терпеливой, о Махфи! Терпение ведет
К тому, что и в песках пустынь порой тюльпан цветет.

* * *

К чему, к чему мои глаза грозу изображали,
Когда в душе моей в тот миг одни мольбы дрожали?

Довольно женской суеты! Ведь знаешь ты сама,
Что нити сердца твоего обуглились в печали.

О ты, который сладко спишь в благословенной тьме,—
Спроси бессонницу мою: с ней свыклась не свеча ли?

К чему преследуешь меня, как бубенец в пути?
Любовь свой караван ведет в неведомые дали.

Зато раскрылись, о Махфи, от слов твоих сердца,
Страдай, страдай, чтобы для всех стихи твои звучали!

МОЕ ИМЯ

Страсть, как Меджнуном и Лейли, повелевает мною снова.
Нет сил у неба и земли, чтобы разбить ее оковы.

Я научила соловья влюбляться в розу. Это я
Послала мотылька, шутя, сжигать себя в огне багровом.

Я только с виду так бледна, кровь у меня красней вина,
Никто не знает, что она испепелить меня готова.

Мне трудный груз дала судьба, и я согбенна, как раба.
Тяжел мой сон, еда груба, одежда траурно-лилова.

Я шаха дочь, но в нищете. Что мне в моей же красоте?
Зовут меня Зебуннисо — все объясняет это слово.

СУД СЕРДЦА

Дождь, возвещая твой приход, обрызгал зелень трав.
Бутон полуоткрыл свой рот, к твоим стопам припав.

Юсуф и тот остолбенел, забыл родимый край,
Увидев юное лицо, с него завесу сняв.

Любовь, ты боль, что всех древней, кто заболел тобой,
Свиданьем будет исцелен, все средства перебрав.

Хотанским мускусом пропах твоих кудрей поток,
Целебна пыль твоих дорог, для глаз сурьмою став.

Влюбленным нравиться должны твои стихи, Махфи.
Суд сердца, справедливым будь, все мнения поправ!

ПЛАМЯ

В твоей улыбке и глазах горит любви примета — пламя.
Побудь, возлюбленный, со мной, гляди, и я одета в пламя.

Для мотылька моя ладонь сейчас губительный огонь.
Союз влюбленных узаконь священнее обета — пламя.

Быть саламандрою в огне иль рыбой в синей глубине
Влюбленной безразлично мне — везде источник света пламя.

Сжигай меня, измучай, страсть, натешься надо мною всласть,
О, соловьиная напасть,— и в розе, в час рассвета, пламя.

Пусть в сердце бедное твое огня вонзается копье.
Махфи пыталась воду пить, но вновь глотнула это пламя.

* * *

От вздохов пламенных моих и сад и дом озарены,
Покои спящего дворца, как будто днем, озарены.

Зачем светильник зажигать, когда глазам дано сиять,—
Ведь даже розы на лугу любви огнем озарены.

Струись, пурпурный ток вина! Пусть ночь беззвездная темна —
Мерцанием заздравных чар сердца кругом озарены.

Махфи, так здесь заведено: сияет солнце всем одно.
Лик мудреца, лицо глупца одним лучом озарены.

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Неуловимый аромат от роз струится ночью этой.
И я увидела в мечтах твои ресницы ночью этой.

Я стала плакать горько, чтоб все бурный поглотил потоп,
Но не смогла печаль моя до дна излиться ночью этой.

О, как гремели соловьи весь день в прибежище любви.
В саду разлуки я опять должна молиться ночью этой.

Я вслед тебе хочу брести, сжимая прах дорог в горсти.
Но где тебя мне обрести? Лишь пыль клубится ночью этой.

Одним желанием жива, Махфи твердит в бреду слова:
«Зачем так вышло, что пришлось нам разлучиться ночью
этой?»

* * *

Что значит жизнь? Среди цветов в беседке благовонной
жить?
В очарованье день за днем довольной и влюбленной жить?

Или покрыть свои черты хламидой мрачной нищеты,
Уйдя, как Хызр, от суеты, в пустыне отдаленной жить?

Не всем такая честь дана. Не телом, духом я сильна,
От крови сердца я пьяна, здесь легче опьяненной жить.

Постыл мне пышный вид дворца и ложь наемного льстеца,
Здесь надо мысли мудреца под спудом схороненной жить.

Весна души, ты отцвела, мгла небосвод заволокла,
Я тесный ворот порвала, доколе мне плененной жить?

Невыносим разлуки ход, он, как зиндана мрачный свод,
Как Нух, я средь соленых вод должна непотопленной жить.

Махфи, развился локон твой, нарушен прежних мыслей
строй,
Доколь с истерзанной душой страданьем умудренной жить?

ТРОПА ЛЮБВИ

Ты страдающих влюбленных отличишь легко всегда,
Так от взора звездочета не укроется звезда.

Глубь познания мечтает книгочей из книг извлечь,
Только высшую премудрость не познает никогда.

Благоденствия лишилась ради страсти Зулейха,
Знай, любовь не торг базарный, где торгуют без стыда.

Тот, кто вздумал над влюбленной, розоликой, подшутить,
Опасается возмездья, словно Страшного суда.

У сраженного любовью нет ни шрамов, ни рубцов —
Злые стрелы убивают без кровавого следа.

Кто скорбит, пускай забудет про целительный покой,
На лице печать страданья — так тропа любви крута!

Кровью сердца и слезами ты наполни свой бокал,
Опьянение такое и несчастье и беда.

Соловьи в садах печали изнывают от тоски,
Запах крови источают розы, рдея, как руда.

Веры древние законы покарать хотят Махфи,
Колокольчика иного чистый звон дошел сюда.

* * *

Летя на пламенный огонь, я бабочкой в огне сгорела.
Меня разлука извела — свечою я в окне сгорела.

На пир свиданья я пришла и чашу скорби испила,
Вино вскипело на устах, и сердце в том вине сгорело.

И что не слыхано нигде, в слезах, в соленой, злой воде,
Сгорели глаз моих зрачки, жизнь, что цвела на дне, сгорела.

Мой соловей, с тобой вдвоем мы в сад надежд не попадем,
Лети, мой друг, своим путем — ведь роза по весне сгорела.

Когда же сделалось темно, огнем заискрилось вино,—
Махфи, тебя сожгло оно, ты по своей вине сгорела.

ИДОЛОПОКЛОННИЦА

Я только идолам молюсь, ислам мне незнаком.
Я завиток твоих волос храню от всех тайком.

Ты, разум, не кори меня, позором не стращай,—
Любовью я опьянена, и все мне нипочем.

Но это все одни мечты — нет друга у меня.
И равнодушия стена вздымается кругом.

Друзья, ровесники мои, где ваша доброта?
Я сострадания ищу — нет жалости ни в ком.

К чему искать ее у тех, живущих средь утех?
Они сочтут за тяжкий грех заботу о больном.

«Зачем рыдаешь, соловей? — смеется ветерок.—
Напрасно изнываешь ты один в краю глухом».

В скирде страданья скорбь моя — ячменное зерно,
Была я вскормлена бедой, как в детстве молоком.

Ты ждешь свидания, Махфи? С разлукой примирись,—
Нет роз без ранящих шипов в неверном мире сем.

* * *

Аллах мой! Этот светлый луч не ты ли нам послал?
Он ослепил мои глаза, он болью сердца стал.

Кто он с божественным челом из сада красоты,
В короне падишаха он сверкает, словно лал.

Вокруг него кружение лиц, сплетенье небылиц.
С холодным безразличьем он всем россказням внимал.

Он на меня взглянул в упор, явил участья взор,
Кто друг его и недруг кто — никто мне не сказал.

Его увидя, соловей сперва, смутясь, умолк
И, очарованный навек, защелкал, засвистал.

На чьем пиру он званый гость, кому познать пришлось
Тот жар, которым мотыльку он крылья обжигал?

Дом, где надеждой я жила, разрушен был дотла.
Он снисходительно спросил: «Кто жил здесь и страдал?»

Сказала я: «Гляди, Махфи, безумна от тебя».
«Не знаю никакой Махфи!» — ответ его звучал.

* * *

Мою единственную страсть не отобрать им от меня,
Из сада, что взращен был мной, хозяйку дерзко изгоня.

Те раны, что нанес кинжал, бальзамом можно исцелить,
Но никому не погасить в груди зажженного огня.

Из сада выгнали меня и ввергли в капище беды.
Живу я, роз и соловьев — моих советчиков — кляня.

Махфи ослабла, так слаба, что сил нет слабость перенесть.
В жилище временном моем я жду зарю иного дня.

ПАМЯТНИК ЛЮБВИ

Доколе в этом мире жить мне, слезы тайные точа?
И за разлуку мне доколь на всех сердиться сгоряча?

Что жизнь кратка, я не страшусь. Землей меня засыплют пусть,—
Но расставанья труден груз,— согнулась я, его влача.

Отвергнув жизни благодать, одна пойду тебя искать.
Друзей с собой не стану звать, в жестокосердье улича.

На свечке ярый воск оплыл, спалил он столько легких крыл,
Блаженных мотыльков сгубил... Ты — памятник любви, свеча.

Махфи, тебя насилья меч избавит от тревог и встреч.
Доколе пленнице любить так безрассудно палача?

ПЛАЧУ

Я — слезы, хлынувшие вдруг, их удержать не суждено,
Сквозь частокол густых ресниц они прорвутся все равно.

Я — длань, что в муках ворот рвет, Меджнун, что встречи тщетно ждет,—
С тех пор как мы разлучены, все безнадежно и темно.

О птица сердца — соловей, рыдай над участью моей!
Здесь пенье раннее твое мне утешение одно.

Повсюду под моей пятой сухой бурьян, татарник злой,
Индийский златотканый шелк колюч, как грубое рядно.

Я ночью не смыкаю глаз, готов дорожный мой припас.
Вдруг дверь откроешь ты сейчас... Жду чуда,— сбудется ль оно?

Терпеньем сердца я горжусь, сквозь жизнь оно проносит груз,
Я, с горем заключив союз, смирилась с участью давно.

Махфи! Ты пламень не зальешь, хотя годами слезы льешь,
Глазами, полными тоски, тебе глядеть на мир дано.

* * *

Как Тигр-река, из глаз моих струятся слезы день за днем.
Грудь разрывает трудный вздох, испепеляющий огнем.

Влюбленный в розу уколол себя об острые шипы,
И серны плачут, что в степи трава засыпана песком.

Побудь, останься, отдохни — уже привал недалеко,
Еще совсем немного сил — и до него мы добредем.

Как пересохший водоем, глазницы темные мои.
Бушует Тигр-река в груди, никто не ведает о том.

Махфи, о царственной парче и об атласе не мечтай,
Богаче ты иных владык в суфийском рубище своем.

* * *

Забудет розу соловей, когда меня в садах увидит.
Брахман нарушит свой обет, когда меня в мечтах увидит.

Таится розы аромат в нераспустившемся бутоне,
Кто ищет близости моей, пускай меня в стихах увидит.

ПАЛЬМА МЫСЛИ

Я отрешилась от всего, и стала жизнь моя легка.
Разлуки пью смертельный яд, моя отчизна далека.

Где ты, свидания шербет? Мне жаждать больше силы нет.
Дитя безумия и бед, на сердце тяжесть и тоска.

Тебя любить мне не велят, и попрекают, и корят,
И камни, все, что есть подряд, в меня летят издалека.

Я пальма мысли, что дает раздумий сокровенный плод.
Благоуханны те плоды, но ноша их ветвям тяжка.

Махфи, мечты от всех таи, на сердце узел затяни,
Пусть тайна, жгущая уста, вовек не сходит с языка.

СГОРЕЛИ СТОНЫ

Стал пеплом жар любви моей, вчера мне тело жег огонь.
Одежда пламенем взялась, ее не уберег огонь.

Как будто руты семена, мысль беспощадно сожжена.
Сгорели речи, письмена — их в свой костер вовлек огонь.

Душа в слепящих языках, ее спалил стихии взмах.
Сгорели стоны на устах, и поглотил упрек огонь.

Мне снилось ночью: я в гурьбе погибших от любви к тебе,
Пылал мой саван, как свеча,— всеяден и жесток огонь.

Полночный стон и ранний стон, как перенес их небосклон?
Нет больше звезд, сожжен бутон, но светел твой чертог, огонь.

Ресницы, словно бурелом, слепящим схвачены огнем.
Хочу заплакать, но о чем? Махфи, твой уголек, огонь.

САИДО НАСАФИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ

? — между 1707—1711 гг.

* * *

Небеса вдалеке на горбатого, друг, похожи.
Испаренья земли на тяжелый недуг похожи.

Жалом кинжала кажется стебель тюльпана.
Кипарисы на стрелы, пронзившие луг, похожи.

Прекрасная дичь себя, как мишень, открыла.
Брови ее на натянутый лук похожи.

Виноградник по осени стал окровавленно-красным;
Листья стали на кисти отрубленных рук похожи.

Время давно арыки в садах иссушило —
Они на обкуренный ядом чубук похожи.

Жители мира взаимно так насосались крови,
Что на гранаты стали вокруг похожи.

На червей внутри своих коконов шелковичных
Богачи, надев цветной архалук, похожи.

Твои наставленья о мире, о проповедник,
На комариный назойливый звук похожи.

При мысли о клетке душа Саидо трепещет,
И мысли на птицу становятся вдруг похожи.

ПЯТИСТИШИЯ

*

Ухо — это раковина... слух...— быть ему жемчужиной вели!
Череп — чаша разума, а дух — море в чаше, сбитой из земли.
Воздух и огонь в моей груди бурю в море дум произвели!
Катятся моря моих речей,— волны их и близко и вдали.
Все это — сокровищница тайн, ибо на устах моих печать.

*

Завистью пылают столько лет злые грамотеи без числа,
Потому что в книге этой нет слов порабощения и зла.
Вновь ко мне приходят по ночам все, не развязавшие узла...
Мысль, которой выстроили храм, та, что людям славу принесла,—
Бред и помрачение мое,— если мне случится задремать.

*

Каждая заря — румянец щек утренней возлюбленной моей;
Солнцу, как зерну, взойти помог зной дыханья, отданного ей.
Молния — мгновенная стрела моего колчана,— кто быстрей?
Облако — изменчивая мгла, дым холодный от моих огней...
Прах я отряхнул от ног своих,— стала и земля существовать.

*

Слушай, Саидо, повсюду стон ищущего правды существа!
Разумом чудесным одарен всякий, кто познал меня едва.
Тем, кого уж нет, и тем, кто есть, надобны равно мои слова.
Некогда услышанная здесь речь моя — для двух миров жива...
Руку положу к тебе на грудь,— всякая любовь есть благодать.

* * *

Я запятнан, как мака цветок,— но цветущим кажусь?
Я для собственной раны, как пластырь, жесток? — Не страшусь!

Для страстей и соблазнов давно я ослеп и оглох,
Я в миру одинок,— так зачем в хороводе кружусь?

Как молитвенный дом в годовщину, я в траур одет:
Я оплакивать мудрых убийственный рок пригожусь!..

Я и кончика пальца вином не смочил на пирах,
Угощеньем Хатама я брезговать мог,— и горжусь!

Современников грубость меня убивает порой,—
Будто изморозь, мертв, на траву у дорог я ложусь!..

Но застрянет дыханье, как в скважинах флейты,— в устах,
Если с нашими знатными хоть на часок я свяжусь!

Если я, Саидо, заблудившись, на пир попаду,
Ожерельями слез украшаюсь не впрок — и стыжусь!

* * *

Мне шапка странника родней, чем сень крыла священной птицы.
На мягком бархате трудней, чем на циновке, сном забыться!

Противны цепи на дверях и стражи кислое лицо!
Лачуга нищего славней дворца и царственной столицы.

Один горбатому совет — скорее спину распрямить!
Приятней с посохом брести, чем с болтуном в пути сродниться.

Ты видишь двери во дворец? Не приглашают? Не жалей! —
Пусть лучше, вместо тех дверей, разинут пасти лев да львица!

Домовладельцу грязь в жилье — что драгоценная сурьма!
Водой алмазов,— пей и пей! — но рот сухой не освежится!..

Светлеют очи от сурьмы, душа — от горечи светлей,—
Для цветника ее скорбей — жаль — не бывает очевидца!..

Нет дела праздным богачам до мужа разума нигде...
Стекляшке — мелочный скорей, чем изумруду, изумится!

Простонародье, голытьба великодушнее, чем знать!..
Нужней небесных эмпирей сей жернов мельничный вертится!

Но слова правды на земле не понимают, Саидо!
Молчать с невеждами — мудрей, чем в лицемера обратиться!

* * *

Я птицу бескрылую видел и вспомнил,— не я ли таков?
Услышал — сова закричала, и вспомнил разрушенный кров...

За ту, что меня обманула, на смерть я согласен идти!
Всю ночь мне рука моя снилась, кинжал и дыханье врагов...

Я к морю стремился — и вспомнил: душа моя — водоворот...
И вспомнил я травы сухие печальных родных берегов...

Ах, пашня моя не богата ничем, кроме сорной травы!
Я вспомнил бесплодные нивы и пыль уходящих веков...

Пришел Саиду и заметил: с тюльпана упал лепесток...
И вспомнил: я — дичь на охоте — стать жертвой кровавой готов!

* * *

Скорей, виночерпий, вина! Чтоб оставила душу тревога,
Чтобы гурия, смехом пьяна, обходилась со мною не строго!

Задохся я гнаться за мушками родинок черных твоих!
Усталые вздохи мои муравьиных сильней ненамного...

Все множится он и вздувается — страстью наполненный вздох:
На гроздь винограда похож... успокоиться дай ради бога!..

Я буду сгорать до рассвета на этом беспутном пиру...
К тебе, в недозволенный дом, сладкоустным и мудрым дорога!

Легко виноградное зернышко: суть виноградника в нем,—
Вот так вдохновила и ты без тебя прозябавших убого!

Нарциссы безглазыми выглядят, если не видят тебя,
И райское древо само, как паук, уползет, кривоного!..

Не пей за столом угнетателей — ядом окажется мед.
Гони этих трутней за дверь — или мертвым паду у порога.

Волшебным служить фонарем я хотел для горящей свечи,
Чтобы окна сказали мои, что моя озарилась берлога!

* * *

Если сменишь гнев на милость, о жестокая! — Чем плохо?
Если б скорбь угомонилась, о далекая! — Чем плохо?

Мотылек с огнем свечи пробеседовал до солнца,
Вовсе пламя не затмилось, ясноокая! — Чем плохо?

Поскользнулся я, дай руку!.. Если б стынущему телу
Стать душою согласилась дева строгая! — Чем плохо?

Извертелся я, но все же кое-что припас для пира!
Если б гостьей ты приснилась, душу трогая? — Чем плохо?

От росы не зябнет солнце,— к бедняку прийти не брезгуй!
Стерегу, чтоб ты явилась, у порога я...— Чем плохо?

Конь! Зачем ты убегаешь? Я — безногий и безрукий:
Чтоб со мной соединилась быстроногая! — Чем плохо?

Саидо поишь ты ядом неисполненных желаний!
Если б вечно не глумилась — «недотрога я»! — Чем плохо?..

* * *

Сдвигались брови,— и казалось, что молнии блистали.
Воспламенялись наши страны! Теперь от войн устали.

Не знают матери покоя... Так раковины перлов
Прижались к водорослям грудью, чтоб их не опростали!

Однако нет и в наше время признания достойным,—
Покрылись ржавчиной зеленой клинки дамасской стали!

Узнаешь по лицу посланца о том, как мне живется:
Всегда на крыльях голубиных возлюбленным писали.

Людские головы и ныне — что пузыри пустые!
Все потому, что кровь друг друга вы, как випо, хлестали!

Не стало щедрых дастарханов... на ключ закрыты двери...
Все потому, что благородных сквалыги обуздали!

Один конец у скопидомов: придавит их до срока
Вьюк неисполненных желаний — свое не наверстали!

Ах, крови Саидо горячей хотят ресницы гурий:
Дрожа, как тонкие кинжалы, к несчастному пристали!..

* * *

Если бедность пришла — все теперь вверх ногами пойдет!
Опорожненный кубок от легкости перевернется...

Чем вдвоем с попугаем — в развалинах лучше сове!
Долг невежды молчать, коль науки беседа коснется.

Разве мастер умеет униженно благодарить?
Разве гордый Фархад — хоть гора упади! — содрогнется?

Что для пленника цепь, для иголки — суровая нить...
Если путник устал — путь домой нескончаемо вьется...

Без отверстий фонарь душит яркое пламя свечи,—
Без надежды на волю живой человек задохнется!

Тот, кто беден и горд, не имеет цены для других...
Тот, кто выпил вино,— чтобы кинуть бутыль, размахнется!..

Вниз глядеть не хотят восседающие наверху...
О, презренное время!.. Но как беззащитным бороться?

Враг, поправший тебя, покорится сильнейшим, как раб...
Все же гибнет Фархад, а гора над героем смеется!

О мой кравчий! Нельзя горло хрупкой бутылки сжимать:
Да уверен ли ты, что за кровь отвечать не придется?

Жадный скаред-купец даже собственной тени бежит:
Обезумеет он и уже никогда не очнется!

Я в горячей пустыне умру, вспоминая тебя...
Это поле в крови — разве полем цветов обернется?

Боже! Солнце твое, что моей не щадило звезды,
Пусть с лазурного купола рухнет — и праха коснется!

Саидо, Саидо, здесь людей здравомыслящих нет...
Меж безумных брожу! Друг, товарищ откуда возьмется?

КАСЫДА ЖИВОПИСЦУ

О, наш мастер! Так прекрасны образцы его труда,
Что китайским живописцам не достичь их никогда!

Словно кровью соловьиной, вся ладонь обагрена,—
Будто в розу превратилась! Но рука его тверда.

Взял он кистью тростниковой у тюльпана черноту —
Подсурьмить глаза живые чаши светлой, как вода.

Если мастер несравненный начинает рисовать,
Пальцы прочих живописцев каменеют от стыда.

И сердца их разъедает зависть едкая, как желчь,—
Желтой ржавчиной покрылись — это худшая беда!

Есть тетрадь для рисованья у кумира моего —
Там цветник благоухает, сердце тянется туда.

Соловьиные ресницы он для кисти раздобыл:
Дивно-тонкому узору чтобы не было вреда.

В пиале кипит и блещет небывало алый цвет,
А лазури этой рады были б райские врата!

Желтизна плодов садовых,— если вздумаешь сравнить
С этим золотом цветущим, и бесцветна и седа.

Побледнел и сам Иосиф, знаменитый красотой,
В паланкине скрылся, будто наступили холода.

Эта кисть дает начало Нилу — радостной реке,
Под землей весенним светом разгорается руда.

Деревцам своим велит он самоцветами цвести,—
Их весна, не увядая, будет вечно молода!

Там, где вьющиеся розы все земное оплели,
Где в потоке трав цветущих за грядой бежит гряда,—

Будто собственные пальцы, верен мастеру калам,
Кисть не знает принужденья, дружбой мастера горда.

Строгий циркуль изумляет живописцев наших лет,—
То, что мудрому забава, им — жестокая страда;

Как простой красильщик — палкой, кистью действуют они.
Как подобных самозванцев терпят наши города?

Руки лживым подмастерьям страх колодками сковал,—
Но, когда бежать им надо, ноги быстры хоть куда.

Кисть была для них метлою — путь за ними замела,
Много было нерадивых — все пропали без следа.

Славен мастер хитроумный! Мудрой, любящей руке
Глина серая годится для цветка и для плода.

Снова жизнь в меня вдохнуло лицезренье красоты,—
Жаль, потерянными были все прожитые года!

Сколько в жизни промелькнуло гиацинтовых кудрей,—
Кисть любовника природы приманила их сюда.

Ветви, прыгнув из картины, вслед бегущему бегут,
Так и ловят за одежду,— стала вся она худа.

О приятель-виночерпий! Отрезви меня вином.
Вновь шумит вино волною,— дай забросить невода.

Новый лад опять уловим — вновь напев перемени!..
Не грешно ль молиться краскам? «Нет» скажи мне или «да»!

От пристрастия к искусству обезумел Саидо,
В упоении хотел бы жить до Страшного суда.

КАСЫДА ХЛЕБОПЕКУ

Какие лепешки! Подобны щекам молодым!
На тело прекрасного белого хлеба глядим,—

Нежней миндаля это тесто! И нищий влюбленный
Лишается чувств, безнадежною страстью томим.

Твой хлеб подрумянен, и выпечен в меру, и мягок,
Базар оживляет торговля товаром таким.

О, хрупкие корочки свежего, сладкого хлеба!
Любой дастархан возмечтает украситься им.

Прославим тенур — благородную печь хлебопека:
Покрылась от жара, как роза, румянцем живым.

Солома и хворост трещат, запылав вдохновенно,
Соль стала слезами, внимая речам огневым.

Чужой ли войдет с беспокойными, злыми глазами,—
И тот, убаюкан, вздремнет у тепла — нелюдим!..

Лепешки пред нами, как множество солнц на закате,
Как полные луны! А стойку мы с небом сравним.

О, сито и перьев пучок для верченья лепешек! —
Вращение сфер! — Я горжусь хлебопеком моим.

По высшей цене я куплю его отруби, люди:
Урок чистоты он пророкам дает и святым.

Быстрее Исы шелуху от муки он отсеял.
И плачется Хызр, что вода подается не им.

Меджнуном брожу я вокруг этой лавки прелестной,
Мечтой о покупке лепешек таких одержим.

Соперников сколько! Меня толчея убивает,—
В кулачных боях, я боюсь, мы базар сокрушим.

А лавка раскрыта, и щедрости скатерть сияет:
Не счел хлебопек никого из влюбленных чужим,—

Уста их приблизил к устам полновесного хлеба,—
Вот вечер настал, мы за трапезу дружно спешим.

Нет звезд,— и от ревности надвое месяц разбился,—
И мы перед лавкой служение хлебу вершим.

Страсть к розовой корочке души голодные гложет...
Подобно тенуру, пылаю, но сам недвижим.

Мне мастер любезный лепешку дарит ежедневно,—
Как дышит она, расцветая тюльпаном большим!

О друг виночерпий! Трудом я насытился, право,—
Но чашей вина окажи ты мне честь, как другим.

Пора, Саидо, чтобы двери в домах отворяли
Тебе самому и словам драгоценным твоим!

БЕДИЛЬ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
1644—1721

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

*

Ты прав, Бедиль, играть не безрассудно
Безумца роль. Сошедшему с ума
Не так бывает горестно и трудно
Смотреть на мир, в котором правит тьма.

*

Я не свободен отвергать желанья,
К утехам сердца снова путь торю.
Благочестивый за благодеянья,
Познавший благо, жизнь благодарю.

*

На сторону свою стремись врага привлечь
И не гневись, когда ведешь с ним речь:
От гнева жилы, взбухнув на затылке,
Сразить тебя способны, словно меч.

*

Никто не видит собственной спины,
А радость — на виду. И не должны
Земных утех мы избегать и думать
Про ад и рай: они нам не видны.

*

Ты величавым был, ходжа, имел и власть и злато,
Но меч истачивает ржа. Пришла пора заката.
Твое могущество теперь почти совсем угасло,
Как свет лампады на заре, в которой нет уж масла.

*

Тот мужчина, кто тигра осилит и грозного льва,
Но пред совестью чья опускалась не раз голова.
У чесальщика хлопка в стрелу обратился бы гребень,
Если б мужеством вдруг оказался бы лук хвастовства.

*

Танец слез на ресницах возник,
Пляшут вздохи и ходит кадык.
Вспомню облик твой — сердце танцует,
Вспомню имя — танцует язык.

*

Красавицам Китая — кто не рад?
Монголки очаровывают взгляд.
Европеянки, хоть неправоверны,
Но я, как в рай, пойду за ними в ад.

*

Петлей безумья увенчал ты слово
И, хохоча, людей арканишь снова.
Сомкни уста и знай, что горстке праха
Взвиваться в небо знойное не ново.

*

Полкапельки уксуса сгубят, хозяйству не впрок,
Весь чан молока, как бы не был последний глубок.
И петелька связи порвется в гармонии мира,
Раздора когда упадет меж людей волосок.

*

Что скажут о тебе — услышу в тот же миг,
Магнитом стал для глаз божественный твой лик.
И где бы я ни совершал намаза —
Порог твой видеть пред собой привык.

*

Своих достоинств тот лишится, как мужчина,
Кто с подлецами пьет из одного кувшина.
Начни светильник вдруг не масло пить, а воду,—
Тьмы наступившей нам откроется причина.

*

Когда ты свой разум быть пленником знаний обрек,
Тебя справедливость должна наставлять, как пророк.
И обрети, если хочешь сравняться с Бедилем,
Стальное перо и чернил золотых пузырек.

*

Монах забросил четки потому,
Что истину кабак открыл ему.
Он был ослом, но с привязи сорвался,
Сбрил бороду и развязал чалму.

*

— Бедиль, поэтов всех не перечесть.
— Не перечесть лишь потерявших честь,
Чья лесть панегирическая в моде.
А истинных поэтов много ль есть?

*

Душа иного — радостный цветник,
А я в печали головой поник.
И зеркалу разбитому подобно
Моя душа твой отражает лик.

*

Ценивших дружбу след исчез давно,
И вероломство в честь возведено.
И тонкий стих чекана золотого
Понять в такую пору мудрено.

*

Краса пам женская мила, и, где б нас ни пленяла,
Под небом Индии брала она всегда начало.
И в этот мир, лицом смугла, Лейли в обличье юном,
Кляпусь, из Индии пришла, чтоб встретиться
с Меджнуном.

*

Возлюблепная явилась, я чарам ее колдовства
Сдался душой на милость — и все растерял слова.
Упал пред ней на колени, к ногам ее лбом приник,
Идет голова моя кругом, безмолвствует мой язык.

*

Я скорбь сомнения познал — и сделался богатым,
Когда в начало всех начал проник умом предвзятым.
И скатерти ладоней сам свернул по той причине,
Что я к земле и небесам не льну с мольбою ныне.

*

Ученый, покинувший свет, явился сахибу во сне.
— Как жизнь там, когда не секрет, поведай, пожалуйста, мне?
— Ты был бы доволен вполне,— сказал ему призрак в ответ,—
Здесь думает бог за того, в ком здравого разума нет.

*

Не будь шутом под пологом небес
И знай о том, что есть у слова вес.
А иначе откроешь рот — и станет
Смеяться мир над глупостью словес.

*

Длинен язык глупца, то истинная быль,
Всегда в движенье он, как ветряная пыль.
И знаешь ты, Бедиль, лампаду зажигая:
Чем меньше масла в ней, тем в ней длиннее фитиль.

*

Будь благороден нравом, не потеряй стыда,
Где двух начал от века обнажена вражда,
И зеркалом тех знаний, что ведомы вокруг,
Когда имеешь совесть, не становись, мой друг!

*

Ты сторонишься, низкий плут, ханжой прослыв давно,
Всех нищих бражников, что пьют дешевое вино.
И омовенье всякий раз, хоть совершаешь в срок,
Того, кто беден и чумаз, грязней ты все равно.

*

Кто от природы сердцем зол — на помощь не придет,
На голове его хоть кол теши из года в год.
Зачем до блеска шлифовать старались острый меч,
Который в руки взял палач, чтоб голову отсечь.

*

Плоть человека вся, как есть, телесных уз полна,
Его костям и жилам честь при жизни воздана.
Грядет черед — и смерть придет, и станет наша плоть
Всех прежних связей дорогих навеки лишена.

*

Кто в мире истину постиг на пиршестве земном,
Где опьяняла страсть на миг любовным нас вином?
Хоть станет зеркалом земля, но истинный кого
Сумеет облик отразить? Лишь бога одного.

*

Деяния царей — собранье нечистот.
Царь этот не святой и не святой был тот.
Величие царей и роскошь их сама,
Клянусь я, не ценней ослиного дерьма.

*

Воистину, Бедиль, дешевле свеч
Цена иных свиданий или встреч.
Где верность клятв? И жертвенно в честь дружбы
Чья голова скатилась гордо с плеч?

*

Слепец — кто видел, но не взял в расчет.
Мед, что не дал услады,— горький мед.
Из всех жилищ — верна себе могила,
И савану чужды капризы мод.

*

Бедиль, не будем подражать мы нраву барабана
И восславлять ему под стать эмира иль султана.
Мы соберем друзей опять вдали дворцов богатых
И станем песни распевать, в которых нет обмана.

*

Самоуверен шаг того, чья голова пуста,
В которой, как трава растет, вздор всякий неспроста.
Душа льнет к праздности — когда не ведает забот.
Кувшин, лишившийся вина, заполнит пустота.

*

Ярка, как пламень, шапка богача,
А страсть его к наживе — горяча.
Но, венчанный ликующею шапкой,
Он гибнет, как под пламенем свеча.

*

Однажды дервиш, говорят, прощаясь с белым светом,
Гром издавать заставил зад и хохотал при этом.
— Благослови мой дух, мулла,— сказал веселый
дервиш,—
Встречаюсь я в последний раз с тобой по всем приметам.

*

Оплаканные памятью живых,
Ушли поэты, чей бессмертен стих.
И в капельках чернил рыдают перья,
И льнут к бумаге, вспоминая их.

*

О шах, пускай на шахматных полях
Победы дух царит в твоих войсках,
Но помни, словно пешечный король ты,
Что смысл двойной имеет слово «шах!».

*

В своем письме к возлюбленной одной
Я сделал сердце точкой отправной,
Но вдруг оно само рванулось к милой,
И лопнул свиток, как бутон весной.

*

Хоть пил ты сладкий мед, похмелья горек час,
Судьба то вознесет, то в бездну бросит нас.
Познай себя, мой друг, тогда познать сумеешь
Скорбящих ты и кинувшихся в пляс.

*

Небесных звезд Диван вершит круговорот,
А недр земных карман беднее, что ни год.
И мы должны почет, раз наша плоть — туман,
Тому лишь воздавать, кто нас переживет.

*

Прогулке — ранний час, свиданью с милой — ночь.
Есть свой у песни лад, с другим — ей жить невмочь.
А я — старик седой — все к женщинам тянусь,
До молока зубов и сладких губ охоч.

*

И легкомысленный, когда идет по улице стыда,
Вдруг не шутя предастся размышленью.
Так вата легкая, когда в нее впитается вода,
Вес обретя, противится теченью.

*

Черно завистника нутро и злому сердцу в лад,
Извечно ближнего добро его глаза когтят.
Бел потолок, как серебро, и тянется к нему
От угасающих свечей завистливый их чад.

*

Что мудрствуешь пред сборищем видений,
Почто других не признаешь ты мнений?
Разбей бокал о камень, отрекаясь
Сам от себя, как будто бы ты гений.

*

Для нас путь мира неисповедим,
И тайн от глаз немало скрыто им.
Махди рожденье и Христа рожденье
В нем не было явлением земным.

ИЗ ПОЭМЫ «ИРФОН»

ВОСХВАЛЕНИЕ ПАХАРЕЙ

Как драгоценный слиток золотой,
Вот пахари стоят. И ты постой

И погляди: дневной наш свет — они,
Лучи, которым смерти нет,— они.

Они, как вздох, беспомощны,— и все ж
Ты в них цветенье сил живых найдешь.

Приди на поле в час дневных работ,—
От изумленья ты раскроешь рот:

Все диво здесь, все — поиски, затем
Что жизнь еще не прожита никем

Без поисков... Страсть пахаря одна:
Любить зерно, лелеять жизнь зерна.

Ужель иначе он не может жить? —
Собрать зерно и птицам предложить.

Где есть цветы, там есть всегда пчела,
Где выгода — нет алчущим числа.

Но рыбам от воды не убежать,
Но сердца от мечты не оторвать.

О хлеб, ты — труд, и слезы, и тоска!
Бродили люди в поисках куска

И опускались, бросив дом и кров,
На дно морское, в недра рудников.

И властелин обманывал дехкан —
На то ему язык лукавый дан.

Ты жемчуга извлек — меняй на хлеб!
Ты золото извлек — меняй на хлеб!

А немощен? Так руки протяни,
Моли, в мольбе аллаха помяни.

Богатому отдай свое зерно,
Взяв из него лишь зернышко одно!

Богатство есть? Так можешь пить и есть.
Поэтому на свете ложь и лесть.

Дехканин сеет, и дехканин жнет,
Грозы внезапной отовсюду ждет.

Малейшая травинка — и она
От молнии нигде не спасена.

ПРОТИВ ПОЭТОВ, ВОСХВАЛЯЮЩИХ ШАХОВ

Не жалел ты восхвалений для султана,
Поступал по наущению шайтана.

Царский сан себе кумиром ты воздвиг,
Опозорен ты, шайтанов ученик.

Воспеваешь ты царя — и этим славен.
Воспевая пустоту, ты сам ей равен.

Так узнай, кто был тобою восхвален:
Вскормлен в клетке шах и властью опьянен.

Знай: лишь камень золотой — его корона;
Знай: лишь камень — серебро литого трона.

Ты камням венца и трона даришь стих,
Сам же шах — лишь пламень гнева между них.

Он — не шах, то ярый гнев огнем пылает,
Хоть о том огнепоклонник и не знает.

Берегись — он жжет не только бытие,
Но и веру и награду за нее.

РУБАИ

* * *

Ученым прослыть пути, кроме крика, нет.
Достоинства там, где лаются дико, нет.
Уйди, коль стыдишься криков и брани ты.
У них в медресе стыда — погляди-ка! — нет.

* * *

Бедиль! Нас пустая слава не завлекла.
Эмиров, султанов мы не поем дела.
И слово, что ты услышал от нас теперь,—
Служение близким, нашим друзьям хвала.

* * *

Кто золоту рад иль сана и славы ждет,
Не знает о тайнах жизни и смерти тот,
И духа его, и тела открыта суть:
Ведь он с головы до ног — лишь большой живот.

* * *

Мудрейший захид чалмой над челом украшен,
Седой бородой достойный притом украшен.
Свершив омовенье, гладит ее блаженно:
Мудрейший осел длиннейшим хвостом украшен.

МИРЗО СОДИК МУНШИ

ТАДЖИКСКИЙ ПОЭТ
1753/58—1819

* * *

Мою скорбную душу объяли огня языки,
Сожжено мое тело свечою любовной тоски,

Сотни храбрых готовы на смерть, чтоб тобой обладать,—
Я готов умереть, чтобы только коснуться руки.

В ночь разлуки я плачу, и слезы текут по щекам,
Солнцеликой глаза далеки от меня, далеки.

Если ты милосердна и ранить не хочешь меня,
Что ж ты золото прячешь в гранит, естеству вопреки?

Ты религию рушишь — ты новую веру зажгла,
Под знамена твои переходят влюбленных полки.

Но кто подлинный друг твой, кто воин во имя твое?
О Содик одинокий, печальный страданья твои нелегки...

* * *

Ароматен твой лик, он отмечен дыханьем красы,
Ты подобна прозрачным, сверкающим каплям росы.

Черный плащ принесла и накрыла вселенную ночь —
Или кудри твои зачернили дневные часы?

Кипарис мой, скажи, что сегодня задумала ты?
Кто падет, ослепленный змеиным изгибом косы?

Это битва цветов или, может быть, наши сердца
И кинжал, их пронзивший, колеблют решений весы?

Опечаленным, нам ты одни лишь мученья даришь,
И капризы твои — как внезапное жало осы.

Луноликая, ты — всех красавиц светлей и нежней,
Но в любовной игре превзошла ухищренья лисы.

О, Содик обездоленный ждет на дороге твоей
Вожделенной, счастливой, дарующей жизнь полосы.

* * *

Если тем, кто не спит, ветерка не подарит восход,
Кто им слезы осушит и кто их с земли подберет?

Невозможно унять стук сердец, потерявших покой,
Как нельзя заглушить громыханье ночных непогод.

Я растоптан ее невесомой, воздушной стопой —
Муравья на пути не заметит, спеша, пешеход.

Ты страдальцев разишь — отзываются раны во мне,—
Ведь страданья влюбленного только влюбленный поймет.

Не грусти, о Содик, не забудется плачущий сад —
Слезы этих цветов превращаются в сладостный мед.

МУНИС

УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ
1778—1829

СЛОВО

Хоть, возлюбленной подобно, было раньше в холе слово,
Но теперь черно от горя в нашей злой юдоли слово.

Как придет покой к поэту, коль судилища безмозглых,
Осмеяв, на сто осколков грубо раскололи слово?

Нет ему в отчизне славы, нет ценителей достойных,
Скорбно по миру блуждает, точно ветер в поле, слово.

Тягостна судьба поэта, добродетель не в почете.
Благодарного признанья не находит боле слово.

Не расходуй красноречья, если ты покоя хочешь.
Вместо золота отрады даст лишь камень боли слово.

Как и люди, что за правду отданы на поруганье,—
Под полою униженья будет жить доколе слово?

Ах, Мунис, какое слово можешь ты сказать народу,
Если, став подобным праху, не имеет воли слово!

ПОЭТЫ

Ах, этот черный век для вас что ад, поэты!
Вы льете кровь свою, а вас бранят, поэты!

Едва лишь к небесам поэты устремятся,—
Их настигает рок, и в прах летят поэты.

Врагов не сосчитать, а дружба только снится:
Ушла она от вас за сто оград, поэты!

Поэтам льстят порой, но лестью сыт не будешь.
В унылой нищете судьбу влачат поэты.

Отторгнута от вас златая тайна счастья,
И в тайнах мастерства вам нет преград, поэты.

Как дервиши, бедны, должны вы поневоле
Дарить свои стихи тем, кто богат, поэты.

Под стать своим стихам, по сборищам блуждая,
О горестях своих в стихах вопят поэты.

От матери-судьбы вы рождены на муку.
Сестра для вас — беда, вам горе — брат, поэты.

Бездушных богачей покорно восхваляя,
Напрасно ждут от них себе наград поэты.

Стихи лишь — вам друзья. И нет иного друга.
Уйдут от вас стихи — в тоске сгорят поэты.

Добру враждебен мир. За все свое искусство
Имеют от него лишь боль утрат поэты.

Как примешь ты гостей, коль нет и корки хлеба!
Ах, в доме Хорезми уж не гостят поэты.

ГАЗЕЛИ

* * *

Великим шахом царства дум я Низами зову
И покровителем в пути всегда Джами зову,

Хосрова Дехлеви стихом взволнован был мой ум,
Ко мне летела песнь времен, как луч сквозь синеву,

А вкус к словам я приобрел от старца Ансари,
Его нектаром вдохновлен, я на земле живу.

Хафиз Ширазский мне открыл своих исканий суть,
С тех пор, познание вкусив, я ищущим слыву.

И в лавку благости своей привел меня Аттар,
Товар редчайший показал, угодный божеству.

В своем я сердце рай открыл, услышав Фирдуси
И перед мудростью его склоняю ниц главу.

И милостями Хагани, и лаской Анвари
Обучен языку цветов, бутоны слов я рву.

Мне чашу звонкую вручил великий Саади,
Сквозь тьму пурпурного вина я искрою плыву.

Там книгу счастья написал искуснейший Бедиль,
Из мысли сделавши стрелу, из чувства — тетиву.

Но чтобы на дороге слов не заблудиться мне,
Зову я душу Навои на помощь естеству.

О драгоценный Керами, к Мунису добрым будь,
И я в содружестве с тобой бесценным прослыву.

* * *

Тоскою по тебе мой каждый вздох взметен,
Весь в языках огня от вздохов небосклон.

Все застилает дым сгорающей души,
И черен день, как ночь, и я, как уголь, черн.

Пока я жив — живу возле твоих дверей,
Хочу, когда умру, быть там похоронен.

Сын мага пусть вином не обнесет меня,
Да буду кубком я надолго вдохновлен...

Просторы открывай и покоряй миры,
Вставай, иди в поход, коль мужем ты рожден.

Коль благороден ты — добром ответь добру
И злобу добротой своей возьми в полон.

Но верности, Мунис, не жди. Ее цветок
Так и не цвел еще в большом саду времен.

* * *

Ужели к хижине смиренной она не подойдет,
Речей о скорби жизни бренной со мной не поведет?

Она влюбленных навещает, как добрый врач — больных,
Что я влюблен — подруга знает, когда же мой черед?

Ужели в длительной разлуке не спросит обо мне,
И не напомнят ей о муке моей ни разу в год?

Когда же о моем недуге к ней прилетит молва,
Ужель не дрогнет грудь подруги и не растает лед?

Она другим в сердца вонзала спасительную сталь,
Зачем же лезвие кинжала поэта не убьет?

От слез отяжелели веки, очей мне не открыть.
Ах, я бы их закрыл навеки, вкусив лобзанья мед!

Дверей божественного рая Мунис не отомкнет,
Приди, как ветер, дорогая,— сорви засов с ворот!

УТЫЗ-ИМЭНИ

ТАТАРСКИЙ ПОЭТ
1756—1836

ИЗЛОЖЕНИЯ

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ДЖИГИТОМ?

Хорошо покрасоваться на лихом коне.
Если ты джигит, то это докажи стране.
Если в бедности соседи, помоги ты им,
Добровольные даянья долгом чти своим.

Если обещал — исполни, верность уважай,
Никого вот и настолько ты не обижай.
Не злословь и сам ты лгущих лучше сторонись,
А в ответ на поношенье только улыбнись.

И не хвастайся, что лучше многих ты других.
Красота недолговечна — может длиться миг.
В лучшем случае, пожалуй, несколько лишь дней.
Ты сгниешь и превратишься в пищу для червей.

Есть богатые на свете, есть и бедняки.
Есть и мудрецы на свете, есть и дураки.
Если кто-то не хозяин, значит, он батрак,
И дела со здравым смыслом обстоят не так.

Кто живет лишь в силу счастья, а в удел другим
Ум достался,— что же, служит он не хуже им.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ УЧЕНЫМ?

Коль по счастью ты ученым сделаешься вдруг,
Славословить люди станут все тебя вокруг,
И в своей стране в почете будешь ты ходить,
И тебя почтет за милость каждый угостить.
Да, тебя богач пригреет, но простой народ
Добродетелей надменных просто не поймет.
Если ж будешь о народе от души радеть,
На почетном месте всюду будешь ты сидеть.

Будешь есть со всеми вместе и в согласье жить,
И тебя, назвав джигитом, станут все хвалить.
Если ж чваниться ты станешь, то тебя и тут
За пылинку, за соринку даже не сочтут.
Будешь ты прелюбодеем, будешь ли скупцом,
Или попросту злодеем, или же лжецом —
Хоть каким ученым будь ты, все равно, пойми,
Будешь проклят навсегда ты, навсегда людьми.
Если ты учен, избегни клеветы и лжи,
Благодарность у народа делом заслужи.
Знай: от зла дела благие душу охранят,
В жизни и в загробном мире — будешь всюду свят.

* * *

Не кичись тем, что насильно отнял у других,—
Проку мало в том, что вырвешь ты из рук у них.

Не захватывай чужого в жизни ничего.
Есть свое богатство — будет польза от него.

Беден, нищ ли — все равно ты человек всегда.
Не присваивай людского ты себе труда.

Не присваивай деревьев одному себе,
Ведь они даны не только одному тебе.

Не воруй и не злодействуй — в этом чести суть.
Всюду — дома и на людях — справедливым будь.

Знай, всевышний справедливых любит горячей,
Не укроется злодейство от его очей!

ИЗЛОЖЕНИЕ ДРУЖБЫ

Не гнушайся бедняками, свой имея дом.
Если, скажем, ты и умный, не кичись умом.
Если сам чего не знаешь, у других спроси.
Для того чтоб отличиться, ты не доноси.
Не губи себя злодейством, погляди кругом,
Сплетней и доносом друга сделаешь врагом.
Если кто придет с доносом, ты останови,
Нити дружбы с негодяем навсегда порви.

Сам не сплетничая, сплетни оттолкни рукой,
Знай, от сплетен не получишь пользы никакой.
Если сделаешь ты в жизни для кого добро,
Для себя потом увидишь от него добро.
Если злое учинишь ты — это зло везде
Приведет тебя к несчастью, приведет к беде.
Если же в тебя кто бросит камень — не сердись
И в хороших отношеньях с тем ты находись.
Знай: на зло добром ответит в наш злосчастный век
Только мужественный, только мудрый человек.

КАК СТАТЬ БЛАГОВОСПИТАННЫМ?

Если на кого нагрянет лютая беда,
Не злорадствуй над беднягой, друг мой, никогда.
Если схватит хворь нежданно ближнего за грудь,
Не вещай, что, мол, к могиле уж недолог путь.
Ничего ты не изменишь ни в какой судьбе,
А слова такие могут повредить тебе.
Уважай родных и близких — это не враги.
Если их огонь охватит, тоже помоги.
Перессоритесь — не будет проку вовсе тут:
На тебе собаки живо шубу раздерут.
Если будешь в доме старших унижать, грубя,
Это только лишь к позору приведет тебя.
За совет сказать «спасибо» другу не забудь.
Если скромным быть не можешь, то хоть вежлив будь.
Кто хвастливо превозносит сам себя всегда,
Тот не сможет быть полезным людям никогда.
Если выручишь в несчастье ты другого вдруг,
То и он тебе поможет, словно верный друг.
Уважай других — и станут уважать тебя.
Мысли ценные ты слушай с пользой для себя.
Сам себя не величай ты ни орлом, ни львом —
Этим только ты унизишь собственный свой дом.
Коль обидит кто знатнее — это ничего,
На него не озлобляйся, не ругай его.
Если ты моложе — строже меру соблюдай.
Об ошибках тех, кто старше, только размышляй,
Если тяжела работа, шумно не кричи,
Не выказывай обиды, лучше промолчи.

О ДРУЖБЕ

Всем друзьям доверю мысли важные вполне.
Помоги, прошу, всевышний, в этом деле мне.
Столько лет я с нетерпеньем ожидал, аллах,
Кто же станет верным другом мне в моих делах?
Мне поддакивали часто люди у ворот,
Отойдя же, говорили все наоборот.
На словах меня хвалили, одобряли все.
А когда касалось дела — предавали все.
Сомневаться начинали все в моих словах,
Никакой уже поддержки не было в делах.
И друзей нелицемерных, грешный человек,
В наши дни не отыщу я, видимо, вовек.
Все приятели по виду хороши, просты,
Только жаль, что почему-то головы пусты.
Если их ты угощаешь за своим столом,
То они с тобой согласны — дружно и во всем.
Но лишь мысль твою узнают, будь уверен, что
На привет твой не ответит попросту никто.

ИЗЛОЖЕНИЕ О БОГАЧАХ

Богачи порой друг друга любят угостить —
С медом чай, блины и масло гостю предложить.
Если же бедняк заглянет в теплый их уют,
Рваную его одежду баи засмеют.
Кто над бедностью смеется, тех карает бог.
Нет такого, чтобы в бедность впасть и сам не мог.
Если бай себя драконом чувствует сейчас —
Может в муху превратиться он в какой-то час.
Лишь одежда из атласа с богача спадет,
Он, тряпьем прикрывши тело, из семьи уйдет.
Занедужит и умрет он, потерявши честь,
И в могиле труп гниющий черви будут есть.
Нам таких примеров много показала жизнь,
Потому ты от стяжательств лучше откажись.
Будь же скромен и кичливость навсегда забудь,
И во всем ты настоящим человеком будь.
Если смерть придет — от смерти не спасут чаи,
Ни богатства, ни ремесла, ни харчи твои.

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

БАШКИРСКИЙ ПОЭТ
1752—?

РОДНАЯ СТРАНА

Милая моя земля,
Реки сладкие, поля,
Березняк и чернотал,
В небо вздыбленный Урал,—
Я одну мечту таю:
Родину воспеть мою.

Головой под небо встал
Великан седой Урал,
Этот сказочный простор
Приковал навек мой взор,
Вечно б я хвалил тебя,
Вечно воспевал тебя!

От родимой стороны
Отлученный навсегда,
В горестной моей судьбе
Все мечтаю о тебе,
Светлая моя земля,
Рек медвяная струя,
Над просторами полян
Мой Урал, мой великан!

Все же я не одинок:
Чуть повеет ветерок,
Принесет он вести мне
О родимой стороне —
О знакомых мне местах,
О медвяных родниках,
О земле, где к небу встал
Мой красавец, мой Урал,
Он приносит вести мне.

МОЙ УРАЛ

Ай, Урал, ты, мой Урал,
Великан седой, Урал!
Головой под облака
Поднялся ты, мой Урал!
Моя песня о тебе,
О любви моей к тебе.

Вместе с полною луной
Золотом одет Урал,
Вместе с утренней зарей
Серебром блестит Урал.

По бокам твоим, Урал,
Встали темные леса,
А у ног твоих, Урал,
Степь — зеленая краса.

Белоснежные цветы
На лугах твоих цветут,
И цветы и соловьи
Честь аллаху воздают.

Громко славит птиц напев
Первый ясный солнца луч,
А закатный солнца луч
Провожает, присмирев.

Ай, Урал, ты, мой Урал,
Великан седой, Урал!
Все слова я растерял,
Как воспеть тебя, Урал?
Заиграй же, мой курай,
Песню, чтоб вошла в сердца,
И Урал, и весь наш край
Прославляя без конца!..

БИТВА

Когда-то прежде в нашем краю
Немало знали смелых сынов:
Любой, врага сразивший в бою,
Был тут же к новой сече готов.

Вся жизнь их в грозных битвах прошла:
С дружиной верных богатырей
Великие вершили дела,
Врагов с земли сметая своей.

Нечистых демонов колдовство,
Из пасти льющих змеиный яд,
Драконов черных, их волшебство
Они мечом громили стократ.

Подобно дедам, одушевясь,
И я коня теперь оседлал,
В священный бой, врага не страшась,
Стрелой помчался, славы искал.

Клинок в клинок ударил, звеня,
Тяжел руки моей был размах.
Три сотни вышли вдруг на меня,—
И многие растоптаны в прах!

Из гущи сечи к быстрой реке
Мой конь помчал меня и унес.
Один на светлом, чистом песке
Хвалу аллаху честно вознес.
И снова в бой готовлюсь идти —
Свободу и право в бою найти!

СТРЕЛА

Я бросил в небо меткую стрелу
И ласточку подранил в вышине.
К ногам моим упала, трепеща,
И жалко бедной птицы стало мне.

Стрела пернатая, лети опять,
Через леса и горы правь полет.
Не ласточек сбивать стреле в пути,—
Коварного врага пускай найдет!

ЮНОШЕ-ВОИНУ

Высоко летает в небе ворон,
Еще выше сокол ввысь взмывает,
Еще выше сокола могучий
Беркут, птичий государь, летает.

Будь как этот беркут, славный воин,
Будь друзьям опорою стальной,
Выходи на бой с врагом отважно,
Жизни не щадя, бросайся в бой!

СОЛОВЕЙ

Темной ночью слышна
Песня соловья.
Эта песня — о чем?
Не отвечу я.

Что он нынче поет —
Солнца жаркий луч,
Или светлую луну
Ищет среди туч?

Или ясной звезде
Песнь посвящена,
Иль раздолье полей
Славит нам она?
Я не знаю.

МОЙ КОШ

На крутояре стал мой кош,
Блестит как серебро.
Цветы душистые кругом
Раскинулись ковром.

Табун пасется вдалеке.
В кибитке я лежу.
А рядом — близкие мои,
Все, кем я дорожу.

Тяжелый полог приподнять
Велел домашним я
И молча, напролет всю ночь,
Слушал соловья.

Так хорошо, так звонко пел!
Так сладко в эту ночь!
И слушал я — глаза сомкнуть
Было мне невмочь.

ЗЮЛЕЙХА

Зюлейха, ты — как ясного неба привет,
В твоих черных очах звезд немеркнущих свет.

Твои очи темней самых темных ночей,
В них сияние тысяч и тысяч лучей.

Воплощение рая — твоя красота,
Ты, как гурия рая, светла и чиста.

Зюлейха, несказанно люблю я тебя,
Растерял все слова, погибаю, любя.

Мой бессилен язык, чтобы песни слагать,—
Ни словами сказать, ни пером описать!

Зюлейха, ты — дочь неба у нас на земле,
Твои очи — как звезды в полуночной мгле!

ГАИБИ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ

Конец XVIII века

МОЯ АННАСОЛТАН

Красота в тебе и мудрость, вот проходишь ты, легка,
Знает небо, днем и ночью о тебе моя тоска.
У тебя ресницы — стрелы, а глаза — как два клинка.
Душу мне изранил тяжко этот ласковый тюльпан.
Пощади, будь милосердна, о моя Аннасолтан!

Облачишься в яркий пурпур — словно сам горю в огне.
Скажешь: «Я цветку подобна!» — причинишь страданье мне.
Ты других зовешь друзьями, я оставлен в стороне.
Душу мне изранил тяжко этот ласковый тюльпан.
Пощади, будь милосердна, о моя Аннасолтан!

Вот идешь ты, поражая мудростью и красотой.
Я, Ганбназар влюбленный, вновь дастан слагаю свой.
Лишь тебе он предназначен, а прочтет его другой.
Душу мне изранил тяжко этот ласковый тюльпан.
Пощади, будь милосердна, о моя Аннасолтан!

ПЛАЧУЩИЙ О РОЗЕ

О роза, прекрасней цветка отыскать я не мог,
Я плачу, я горестных слез проливаю поток.
Воочью тебя лицезреть я пришел, как пророк,
В пути этом долго, о роза, тоской изнемог.
Утешь мою душу, о роза, целебный цветок!

Чудесным виденьем твой лик предо мною возник,—
Явилась и скрылась, блеснув красотою на миг.
И я, как Меджнун, одиночества меру постиг.
Никто не услышит в пустыне мой жалобный крик.
Уйми мои слезы, о роза, любимый цветок!

Любимая! Здесь, у дороги, жду встречи с тобой.
Лишила любовь меня воли, украла покой.
Сгорел я в огне своей страсти — стал пеплом, золой.
Но жажду опять насладиться твоей красотой.
Очей не смыкаю, о роза, нежнейший цветок!

Всевышний такой тебя создал, ты — словно луна,
Что властью своей красоты падишаху равна.
Склоняется ниц пред тобою влюбленных страна.
В недуге моем лишь любовь виновата одна.
Дай сил излечиться, о роза, желанный цветок!

Твой раб — Гаиби, о владычица сердца, взгляни,—
Я связан любовью, впиваются в кожу ремни.
Пусть беден и слаб я, но рабство мое удлини!
Слова отыщу, чтоб тебя прославляли они.
Ты только поверь мне, о роза, мой милый цветок!

НАД ЧАШЕЙ СВЕТИЛЬНИКА

Тоска по тебе в мою душу ввела войска,
Клубясь, как над чашей светильника струйка дымка.

Твой локон — безбожник, глаза твои — два палача,—
Над верой моей святотатствуют исподтишка.

Любимая, где ты? Умерь мое горе, приди,
С улыбкой глаза осуши мои краем платка.

Кровавые слезы из глаз моих льются ручьем —
Недаром вся степь от цветущих тюльпанов ярка!

Владычицу сердца избрал Гаиби на века —
Хумай, птица счастья, присела на груду песка!

ЛУЖАЙКИ ОЖИВИЛ

Опять весна — ее приход весь мир преобразил,
Бутоны в розы развернул, лужайки оживил.

Пробилась из земли трава, тюльпаны расцвели.
Росу из чашечки цветка весенний день испил.

Расселись птицы на ветвях, свистя на все лады,—
Многоголосый птичий хор всевышнего хвалил.

С чинарой сплелся кипарис, отбрасывая тень,
Под сень зеленого шатра влюбленных пригласил.

Красавицы вдоль цветников проходят не спеша,
И кто-то с ними встречи ждет, любви смиряя пыл.

Вновь даровал всесильный бог прекрасный час весны.
Мечта на крыльях вознеслась, в сердцах — избыток сил.

Но замкнут дней круговорот, все обратилось в прах,
Цветущую траву лугов серп времени скосил.

И только жаль, о Гаиби, красавиц милых тех, —
Они, покинув этот мир, теперь жильцы могил.

ЧТО, СВЯТОШИ, С ВАС ВОЗЬМЕШЬ?

Братия! Творенья божьи,— что, святоши, с вас возьмешь?
Вы послушниками стали,— что, святоши, с вас возьмешь?
Вы пришлись по нраву веку,— что, святоши, с вас возьмешь?
Нам — во вред, а вам — во благо,— что, святоши, с вас возьмешь?
Ложь свою поймете скоро,— что, святоши, с вас возьмешь?

Пререкаетесь друг с другом, где тут помнить шариат?
«Подожди!» — такому скажешь. Не оглянется назад.
Губы их ныряют в миски, а глаза в котлах кипят.
Постыдились бы пророка, целый день жуют, едят.
Равнодушные к укорам,— что, святоши, с вас возьмешь?

Тонут все в грязи порока, имя господа не чтут.
За утехами забыли, что настанет Страшный суд.
Хлеб, дарованный всевышним, не благодаря, берут.
Во грехе они зачаты, в похоти они умрут.
Нечестивцев лживых свора,— что, святоши, с вас возьмешь?

Беззаботные, как птицы, набекрень надев тюрбан,
Носят яркие халаты, а способны на обман.
Уведут овцу чужую и кладут ее в казан.
Сатанинский путь избрали,— оскорбляете Коран.
Правоправным не опора,— что, святоши, с вас возьмешь?

С буквой «вав» по виду схожи — голова вросла в живот.
Лишь начнут поститься, боже, впрямь навоза полон рот.
А дыхнет — как будто пламя изо рта он изрыгает.
В этом пламени зловонном и погибнет мерзкий сброд.
Ненасытные обжоры,— что, святоши, с вас возьмешь?

Шейха он не почитает, на затылок сбив тюрбан,
На поминки и на свадьбу явится, хотя не зван.
На чужом пиру наестся, от вина чужого пьян.
Под проценты сам ссужает, за гроши берет туман.
Возлюбившие поборы,— что, святоши, с вас возьмешь?

Повидал куда как много я послушников таких,
Благозвучного Корана толкователей тупых.
На рассвете он молитву пробормочет, и утих.
Кто виновен, тот узнает сам себя в словах моих.
Учинители раздоров,— что, святоши, с вас возьмешь?

Гаиби для поучений вдохновенье дал аллах,
Но не станет он гордиться, что поверг невежду в прах.
Я наставника стыдился, если думал о стихах,
А послушники сбегают из мечети впопыхах.
Заклейменные позором,— что, святоши, с вас возьмешь?

АЗАДИ ДОВЛЕТМАМЕД

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ

1700—1760

ПРИТЧИ О ШАХАХ

Если шах жесток, от его лица
Сохнет все, у всех мертвеют сердца.

В жилах стынет кровь, замирает дух,
Зверь дрожит, если шах к моленьям глух.

Было то давно, много лет назад.
От свиты в пути отстал шах Кабат.

Туда и сюда заметался шах,
Вдруг увидел черный шатер в песках.

От шатра старуха к шаху бежит,
К очагу ведет, ублажить спешит.

Стала старуха корову доить,
Сама без счета молитвы твердит.

«Молока у старой «целый поток».
Шах сказал: «Плати, старуха, налог».

Утром вновь старуха доить пошла.
Но меньше доила, чем слез лила.

Усмехнулся шах: «Что ты плачешь, мать?
Отчего тебе на судьбу роптать?»

Старуха в ответ: «Коли жаден шах,
Все живое страх превращает в прах.

Гляди, как сегодня плохо бежит
Молоко.— И снова плачет навзрыд.—

Знай, о шах! Произвол и гнева гнет
Плодородье по всей земле убьет.

Нивы никнут, гибнут сады долин,
Сохнут от злобы твоей, господин.

И бедный народ — да услышит бог! —
От злобы шаха, как песок, иссох».

2

Если прихоть шаха для всех закон,
Знайте все, тот шах рассудка лишен!

Шах Махмуд велел фирман объявить:
«Царя дураков хочу изловить!»

Читают фирман. Приуныл народ,—
О ком тот приказ, никак не поймет.

Но вот одного схватили, ведут.
Тут все закричали: «Кто он?» Бегут.

Узнали, дурак сел на сук верхом
И сук под собой рубил топором.

Вот это дурак! Сук подрубит он,
Оборвется — и дух из тела вон.

Дурака ко дворцу ведут гурьбой.
«Вот царь дураков! — кричат вперебой.—

Он сук под собой топором рубил,
Сыщи-ка еще, кто б глупее был!..»

Когда твой народ угнетаешь ты,
О шах, под собой сук ломаешь ты!

3

Насилья, что шах натворил дурной,
Знай, в сердце его вонзятся стрелой.

Самаркандский шах всем известен был,
Днем и ночью он свой народ давил.

Как-то раз сидел на престоле он,
Вдруг стрела впилась. Взвыл от боли он.

Подбегают к нему со всех сторон.
Глядят — и чудом народ поражен.

Глядят — душу отдал богу тот шах,
Что погряз при жизни в черных делах.

Вознося в душе аллаху хвалу,
Из шахской груди извлекли стрелу.

На стреле огнем горят письмена:
«Внемли, тирана судьба такова!»

4

О шах, коль вокруг тебя стон и плач,
Как нить, оборвет твою жизнь палач.

Подобен ножу бедных стон и вздох.
Да спасет тебя от расплаты бог!

Коль шах сделал гнет своим ремеслом,
Он пламя раздул — задохнется в нем.

Это пламя шаха сожжет в аду,
Раздул его шах на свою беду.

Не людей, себя ты на нем спалил,
Державу свою по ветру пустил.

Кто костер зажег, на костре сгорит,
Яму вырыл — в яму сам угодит,

Другого поджег — сам себя сожжет,
Бил прутом — себя дубиной побьет.

МАХТУМКУЛИ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
Ок. 1733—80-е годы XVIII века

БУДЬ СПОКОЙНЫМ

С неудачником дружба беду сулит.
Лучше в доме счастливца слугою будь!
Дружбой с трусом себя не позорь, джигит.
Лучше пылью в жилище героя будь!

На достойных задерживай чаще взгляд:
Чайки хилых птенцов красавцами мнят;
Проклят волк — ненавидят его волчат,—
Ты пасущейся мирно овцою будь!

Равен ты Сулейману? Склонись скорей:
Что-то хочет шепнуть тебе муравей!
Хочешь добрым прослыть? Народ обогрей,
Ветерком и журчащей водою будь!

Человека позорит к наживе страсть,
Возомнить о себе — значит низко пасть.
Дружба мудрого славу дает и власть —
Ты монетой его золотою будь.

Сколько б раз ни вздохнул ты, Махтумкули,
Ты с последним дыханьем уйдешь с земли.
Будь мужчиной, о милости не моли,
Но спокойным, готовясь к покою, будь.

НЕ ПРИСТАЛО

Ханского сына из пышных шатров
В хлев на обед приглашать не пристало.
В поле пастух выгоняет коров,
Войско ему снаряжать не пристало.

Мудрый совет помогает везде.
Другу достойный поможет в беде.
Что ты ответишь на Страшном суде?
Мудрых о том вопрошать не пристало.

Доблестный перед грозой не дрожит.
Станет героем не каждый джигит.
Пятится рак. Он ползет — не бежит.
Дом свой родной забывать не пристало.

Знай — благотворно познанья вино,—
Мертвым сулить исцеленье смешно.
Ворону жить семь столетий дано.
Времени ход нарушать не пристало.

Не побоишься тернистых дорог —
Двери отворятся в горний чертог.
Рекам, что слились в единый поток,
Мертвых пустынь оросать не пристало.

Сердце Фраги, ты сегодня в огне:
Павшие в битвах привиделись мне.
Горькую тризну в печальной стране
Песней надежд оглашать не пристало.

ГЛЯДИТЕ

Достойного мужа не трудно узнать —
На помощь придет он по первому зову.
Чтоб хитрости лживого друга понять,
Проверьте, как держит он данное слово.

Когда провожает джигитов народ
На подвиги ратные в дальний поход,
Седлая коня, осмотрите хребет,
И гриву, и холку его, и подковы.

Не смотрит бедняк на чеканку гроша.
Любая чеканка гроша хороша.
Чтоб знать, какова у невесты душа,
Глядите, беря из-под отчего крова.

Богатство джигита — лишь конь да камча.
За друга и жизнь он отдаст сгоряча.
Глядите: огромны котлы богача,
А многие ль гости отведали плова?

Идущий со свитой богат, как Хатам.
Просящий подачи идет по пятам.
Но оба, слепым уподобясь кротам,
Глядите, становятся смерти уловом.

Забыт и растоптан обычай отцов.
Глядите: печален удел храбрецов.
В измене и трусости лучших бойцов
Изменник и трус упрекает сурово.

Трусливых повсюду преследует страх.
Глядите: сражаясь в степи и в горах,
Джигит повергает противника в прах,
А трус покидает в бою удалого.

Торговцы забыли аллаха давно.
Скупив у дейхан за бесценок зерно,
Дождавшись, когда вздорожает оно,
Его на базарах смешают с половой.

Лишает шайтан воздержания нас,
Мешает творить правоверным намаз.
Глядите, открыть не желавшие глаз:
Ветвится росток его семени злого.

И весел и добр настоящий джигит.
Он в сердце открытом не копит обид.
Глядите: соседа от злобы знобит,
Без распрей не может он, пустоголовый.

В пустыню злосчастные братья ушли.
С врагом породнился Махтумкули.
Ходжи и сеиды влачатся в пыли.
Глядите, как рушатся жизни основы.

НЕ БУДЬ!

Советы я чту, как закон.
Бесчестному другом не будь,
Случайною встречей пленен,
Готовым к услугам не будь.

Смерть вступит на каждый порог;
К тому, кто в беде одинок,
Отзывчив будь, добр и не строг,
Жестоким к недугам не будь.

Когда, оказавшись в бою,
Трус волю теряет свою,
С друзьями в едином строю,
Врагами напуган не будь.

Уйдем мы. Промчатся года.
Все равными станут тогда.
Не бойся глупцов. Никогда
Причастен, Фраги, к ним не будь.

НЕСОКРУШИМОЕ

Знай: то, что в главном создал я, то вечно, как луна,
Навеки вольная моя Туркменская страна.

Покой забудем, если враг к нам стукнет в ворота,
Туркменов крепость — это, знай, из стали крепость та.

Сам Сулейман, Рустам, Джамшид грозили ей мечом,
Сто тысяч шах слал каждый день бойцов — все нипочем.

Она пример горам, когда подымет воин щит,
И каждый взмах ее меча ей удальцов родит.

Теке, йомуд, языр, гоклен с ахалом встанут в ряд,
Пойдут в поход — в садах цветы восторженно горят.

Врапцев сбросили с хребтов на дно скалистых ям,
И день и почь их жалкий стон оттуда слышен нам.

Не страшен враг нам, пусть стоит у самых наших стен,
Нас в плен не взять — туркмена сын не знает слова «плен».

Когда бы гости ни пришли, всегда готов им той,
Туркмена речь всегда пряма, нет лжи в ней никакой.

Так говорит Махтумкули — нет на душе пятна,
Бог на него направил взор — цветет его страна!

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Жизнь, дарованная мне,
Алой розой облетела.
И душа моя в огне,
И в огне томится тело.

Жизнь моя! Какой гоклен
Перенес подобный плен?
Речь моя — зола и тлен
Для родимого предела.

От весенних рощ вдали
Дни мои в слезах прошли.
Больше нет Махтумкули,
Плоть его оспротела.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я слишком рано испытал
Жестокого мира гнев;
Я заклинаю: пощади!
Стенаю, осиротев.

В одеждах пестрых дольний мир
Сиял, светился, играл,
И я склонился перед ним,
Наряд гробовой надев.

Скиталец темный — я всю жизнь
Бродил по нищей земле,
И у меня в ушах звучит
Разлуки немой напев.

Стыдясь, влачу я саван свой,
С тех пор как сердце мое
С ума сошло, в недобрый час
На царский престол воссев.

Зачем я хитрую лису
Хмельным вином напоил?
Зачем я отвязал свинью?
Она разорила хлев.

У волка пасть в крови ягнят,
Убийство — дело его;
Он — ловчий, он пойдет по кровь,
Измучась и одряхлев.

Но как поступит старый волк,
Что делать будет лиса,
Когда в угодья их придет
Властительный ловчий — лев?

Себя джигитовым конем
Считает вьючный осел,—
И сам я оседлал осла,
В скитаниях обеднев.

Бесчестье перед прямотой
Дрожит в юдоли мирской
И принимает образ жен
И розовый облик дев.

Султаном доблестных мужей
Могучий был Чоудор-хан.
Я малодушных посрамил,
О родине восскорбев.

И я любил, но, как Юсуп,
Огня любви не бежал,—
У ног Зулейхи в смертный час
Крыла смежил, догорев.

И, как Юсупу, царский жезл
Не стал судьбою моей,
И жарко дышит мне в лицо
Печали отверстый зев.

В полночном небе золотых
Чертогов я ей не возвел,
Зато гоклены — мой народ —
Снимают мой щедрый сев.

И посох свой Махтумкули
Сложил в приютном краю,
Народу песней поклонясь
Под сенью родных дерев.

ГОРЫ В ТУМАНЕ

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живит надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костьми за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

ЖЕЛАНИЕ

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Меджнун, от родины вдали,
В глухих горах чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.

Ища Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных наград,
Уже испепелен, желает.

Вамик, попавший наконец
К своей Азра в ее дворец,
Свободы ищет, как беглец,
Расторгнуть злой полон желает.

Пригож Юсуп, как божество.
В свое не веря торжество,
Зулейха смотрит на него,
Сдержать любовный стон желает.

Враги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного он,
В Туркмению влюблен, желает.

ИЗГНАННИК

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом был.
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Рощ небесных рейханом был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

ИЩУ СПАСЕНЬЯ

Я — раб любви, гоклен с Атрека,
Властительницу чар ищу.
Наставника в пустыне века,
Успокоенья дар ищу.

Судьбою изгнанный сурово
Из-под родительского крова,
Лишенный края дорогого,
Я праздничный базар ищу.

Брат Абдулла — зеница ока —
Исчез. Мамед-Сапа далеко.
Я покровительства пророка,
Глотая слезный жар, ищу.

И сердце мечется, как птица,
И горько мне, и кровь мутится;
Не знаю, где мне притаиться,
Куда бежать? Мазар ищу.

Гулял я по лугам невинным,
Пел небесам, горам, долинам,
А ныне в логове змеином
Я звонкий свой дутар ищу.

Махтумкули в годину мщенья,
Как цепь, влачит свои мученья.
Ты где, Туркмения? Спасенья,
Приняв судьбы удар, ищу.

ЛЕБЕДИ

Странники, взгляните на меня.
Кто еще, подобно мне, томится?
Мотыльки, любовники огня,
Кто из вас к блаженству не стремится?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
Есть ли в мире справедливый шах,
Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горний рай,
Ты земной благословляешь край,
А по белу свету ходит бай.
Укажи, где нищете укрыться?

Дудку сделал я из тростника —
Ростовщик услышал должника.
Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка и гребец,
Синяя пучина твой дворец.
Есть ли в мире остров, где беглец
Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты, как время, стар,
Отнимаешь свой блаженный дар...
Есть ли на земле такой базар,
Где алмазы по грошу кошница?

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурьмлена,—
Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди ее стрела.
Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.
Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть — по-прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года,
Новые возникнут города.
Кто мне скажет — будет ли тогда
По Корану человек молиться?

Народится новая луна —
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена,
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули,—
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
Иль не горько с вами разлучиться?

НАЧАЛА

Опередив добро и славу,
В счастливый день певец придет.
С бедой мулла придет в державу,
И вражеский боец придет.

Хвастливый трус при первой ране,
Смутясь, покинет поле брани.
Предупредив пожар желаний,
Томление сердец придет.

Отец себя увидит в сыне.
Спит кабаненок в черной тине.
Мотыга застучит в пустыне —
И влага наконец придет.

Вдали от логова родного
Что волк? Добыча зверолова.
Фраги! Потом родится слово,
Сперва его творец придет.

НАШЕСТВИЕ

Бежал хозяин лавки; моей торговле
Конец пришел до срока. Что делать мне?
Разбойник тешит сердце кровавой ловлей
В убежище порока. Что делать мне?

Муж обернулся трусом, рабы — мужами,
Лев обернулся мухой, а мухи — львами,
Темница стала домом, часы — веками...
Пред полчищами рока что делать мне?

Что делать, если сердцу любви не надо?
Сорвали кизылбаши завесу ада.
Растоптана отчизна — моя отрада,
Мой сад — пятой жестокой. Что делать мне?

Лежит на пленном слове печать запрета.
Невольничьи базары шумят с рассвета.
Где честь народа? В саван душа одета
И страждет одиноко. Что делать мне?

Погублены врагами мои дастаны;
Наставники — в темницах. Слезами пьяный,
Фраги пытает ветер: где караваны?
Один в степи широкой... Что делать мне?

ПРИЗЫВ

Нет больше равновесья на земле.
Какие судьбы смотрят в наши лица!
Клокочет мысль, как кипяток в котле;
Не тронь ее, она должна пролиться!

Из ничего мы в мир пришли вчера;
Тот — сын порока, этот — сын добра,
Пусть волчья начинается игра
И добрый слух из края в край помчится!

За Сопги-даг врага! И племена
Покроют славой наши имена.
Туркмены, в битву! Чтобы вся страна
Не плакала над нами, как вдовица!

Мы не напрасно кровь свою прольем:
За наши семьи, за родимый дом.
Друзья, мы все когда-нибудь умрем,—
Настало время смерти не страшиться.

Враг властвует,— а день за днем идет,
В страданиях за родом гибнет род...
И мы — туркмены — терпим этот гнет!
Вставайте, братья, нам нельзя смириться!

Народу ныне говорит Фраги:
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснутся наших роз враги!..
И клекчет месть, как ярая орлица!

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ

Охотится небо, крепка его сеть.
Ты где, долгожданное светлое время?
Я больше не в силах разлуку терпеть.
Ты где, долгожданное светлое время?

Мне сорок исполнилось... Чаша полна...
Душа моя разуверенъем больна,
Надеждой обманута... Плачет она:
Ты где, долгожданное светлое время?

Покоя нигде не находит народ;
Как пес, по пятам лихолетье идет —
То зубы оскалит, то руку лизнет...
Ты где, долгожданное светлое время?

Голодная бедность глотает огонь,
Напрасно протянута к небу ладонь,
Стреножен у всадника нищего конь.
Ты где, долгожданное светлое время?

Тщета-скопидомка в юдоли мирской
Не спит, и не ест, и теряет покой,
Пока не утонет в казне золотой.
Ты где, долгожданное светлое время?

Слова мои ложью муллы нарекли,
Лжецу в благодарность дары принесли;
Их клятвы изранили лоно земли...
Ты где, долгожданное светлое время?

Погрязли наставники в смертных грехах
И лгут при бессовестных учениках,
Что так повелел всемогущий аллах.
Ты где, долгожданное светлое время?

Язык твой огонь извергает, Фраги.
Различий не знай, недостойного жги,
А там — в Хиндостан отдаленный беги...
Ты где, долгожданное светлое время?

ТОСКА ПО РОДИНЕ

В черный день одипочества сонные очи,
Увядая, родную страну будут искать.
В тесных клетках своих, опочив с полночи,
Соловьи только розу одну будут искать.

Из-за родины принял я жребий скитаний.
Тяжело мне; мой взор заблудился в тумане.
Зарыдают ладьи о своем океане,
Истлевая на суше, волну будут искать.

Не забудет престол о своем властелине;
Сердце, в пламень одетое, сгинет в кручине;
И в разлуке с луною, в беззвездной пустыне
Одержимые страстью луну будут искать.

Если кровь страстотерпцев прольется ручьями
И душа задохнется под злыми руками,
Беззаботные бабочки, рея роями,
В чашах роз молодую весну будут искать.

Безъязыкие рты, некрасивые лица
Будут молча на песню высокую злиться;
Вздор пустой, неуместная речь, небылица —
Глухоту, немоту, тишину будут искать.

Наяву, в сновиденьях счастливцы, страдальцы,
Неразумные шахи, рабы и скитальцы,
Руки нежные, белые тонкие пальцы —
Жемчуг, золото, клады, казну будут искать.

Стрелы гнет, тетиву обрывает изгнанье.
И Фраги и богач в золотом одеянье
Перемену судьбы, как свое достоянье,
У горчайшей разлуки в плену будут искать.

ГУРГЕН

Вершины горные: туманы там и тут;
Морского ветра вой среди высот Гургена;
Когда промчится дождь, безумствуя, ревут
Потоки мутные вспененных вод Гургена.

Леса густые — там по берегам тростник;
Красавиц в серебре блестит живой цветник;
Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Там неров с майями тяжелые ряды;
Купцы, погонщики толкутся у воды;
И всюду высятся слоистые гряды
Неколебимых скал,— как бы оплот Гургена!

Джигиты шаль спешат вкруг стана затянуть
И с ловчим соколом в опасный скачут путь.
И ветру влажному лань подставляет грудь;
Оленьим зовом полн весь небосвод Гургена!

Махтумкули прошел немало разных стран,
Но в сердце никогда не чуял столько ран:
Вот пери нежная, колеблясь, как джейран,
Отыскивает брод средь буйных вод Гургена!

НА СЕБЯ ВЗГЛЯНИ

Коль ты умен — с учеными дружи;
Знай: лишь глупец невежде другом станет;
Коль ты влюблен — терзайся и дрожи,
Что, может быть, любимая обманет.

Лишь храброму доверься всей душой;
Ждет нападенья караван ночной;
В сраженье трус позор снесет любой,
А дома вздор его обидой ранит.

Жалея труса, боль зажжешь в груди —
И света не увидишь впереди!
К богатым скрягам в гости не ходи;
Но щедр бедняк: он гостю все достанет.

Трус, дома сидя, хвастаться пойдет,
А в трудном деле друга подведет;
Джигит в богатстве радость обретает,
Скупцу оно арканом сердце стянет.

Ты на себя, Махтумкули, взгляни,
Умножь благое, злое отгони;
И слово мудрым мыслям подчини;
В избытке слов бесплодно слава вянет!

ПОЩАДИ!

Не мучай друга словом безотрадным;
Голодного за стол свой посади;
Будь строг и сух с завистливым и жадным;
Любовь к труду храни в своей груди.

Приветлив будь с бездомным сиротою,
Прими его, согрей, снабди едою;
Будь с грустным добр и раздели душою
Его беду, в его дела войди.

Приказ джигиту не дается дважды;
Удачлив тот, кто знает меру жажды;
Дела благие должен делать каждый:
Будь щедрым, бек, и право, шах, суди!

Нужда сама людей не убивает,
Зато она улыбку с губ стирает;
Хитрит собака с волком и играет,—
И ты с врагом хитро себя веди.

Махтумкули дан речи дар медвяной,
Ее цветы цветут благоуханно...
И Гёр-оглы ведь умолял Рейхана!
Просящего пощады — пощади!

РАЗЛИЧИЯ

Коль с тайной своей к дураку, не подумав, пойдешь,
Он все разболтает, тебя осрамит и ославит;
Коль тесную дружбу с блудницей безумной сведешь,
Она облысеть тебя в юные годы заставит.

Рабу не под силу хотя бы семь дней пировать;
Дракона, хоть мертвого, ящерице не сожрать;
Знай, дружбу с медведем свирепым водить не под стать:
Тебе, разозлившись, он голову в лапах раздавит.

Кто пас ишаков — не оценит коня-скакуна;
И щедрость — в народе, а мудрость — в совете видна;
Лишь в скачке скакун благородство проявит сполна,
А щедрый — пред гостем обильную скатерть расправит.

Мечта у джигита: любимая, конь, ятаган;
Трус — горе народа, причина позора и ран;
В аульных раздорах презренный буян и смутьян
Мышей клеветы на отважного мужа натравит.

Фраги говорит: на пиру удальцов веселит
Отважный боец, он как друг меж друзьями сидит;
А в битве горячей во имя народа джигит
Все поле сражения кровью врага окровавит!

РАСТОПЧЕТ

Ишак себя мнит равным скакуну,
Но рядом станет и — не будет равным!
Стать не найти у двух коней одну:
В бою лишь благородство будет явным.

Лишь в чистом детстве — радость без конца;
Глупцу ничто советы мудреца;
О роде не расспрашивай юнца,
Коль скромным он глядит и благонравным.

Твой взор вовек не будет миром сыт;
Лисица львом и тигром не рычит;
В гостях тогда лишь оценен джигит,
Когда с поклоном он войдет уставным.

Коль счастье вдруг тебе пошлет творец,
Ищи в народе преданных сердец;
На деле проверяется юнец:
Он в ратном деле мужем станет славным.

Махтумкули! Несчастных кровь и пот
Могли б расплавить этот небосвод!
Но и тиранов день возмездья ждет:
Судить их будет тот, кто был бесправным!

ДАЙ ИСЦЕЛЕНЬЕ МНЕ

Средь этих выжженных песков ты сжалься надо мной.
Создатель сущего Субхан, дай исцеленье мне.
Моей измученной душе, истерзанной, больной,
О врачеватель смертных ран, дай исцеленье мне!

Останови на мне хоть раз свой пламенный зрачок.
Бесплодно жизнь моя прошла средь суетных тревог.
Услышь мольбы мои, Ильяс, ты, Зикрия-пророк.
Коус премудрый и Умран, дай исцеленье мне.

Я сердцем и душой ослаб, как старец Ибрагим.
Моя Кааба далеко, и я не пилигрим.
Шепчу я пересохшим ртом, простерт и недвижим:
Гозли прозревший и Сельман, дай исцеленье мне.

Я корень, сохнущий в песке, нет у меня ствола.
Господня воля у меня наследника взяла.
Властитель духов, дивов царь и ты, чья власть светла,
Провидец мудрый Сулейман, дай исцеленье мне!

Хотел о помощи взывать — теснится вопль в груди.
И вместо слез из глаз моих кровь брызнула, гляди.
К чему мне жить, где цель моя, что будет впереди?
Ответствуй, добрый Пеливан, дай исцеленье мне.

Обетованная страна мне чудится везде.
Там тигры кротости полны, там места нет вражде.
Искал тот край Махтумкули, но где он, люди, где?
О лекарь ласковый Лукман, дай исцеленье мне!

ПРИШЛОСЬ

Любовь и море не имеют дна,
В безмерной страсти мне гореть пришлось.
Играет сердцем, как щепой волна,
Безумство волн мне одолеть пришлось.

Я спал. Был грозен пробужденья миг.
Любовь трудна, я это знал из книг.
Но глубины страданья не постиг,
За это муку мне терпеть пришлось.

Любовь, как вздох, как трепет ветерка,
Едва коснувшись — снова далека.
И все острей, и все светлей тоска,
О прошлом счастье мне скорбеть пришлось.

Как маленькое солнце твой зрачок,
Костер любви огнем меня обжег,
Я счастлив тем, что я любовь сберег,
Что мне ее запечатлеть пришлось.

Тебе вручен неоценимый дар.
Будь с хрупкой вазой бережным, гончар,
К ней тянет руки грубые базар.
Венцом любви тебе владеть пришлось.

Отравленного выпил я вина.
И только ты ценить меня вольна,
Я крепость строил — рухнула стена.
В свою же мне попасться сеть пришлось.

Махтумкули, по воле волн, плыви,
Нет берегов, страдалец, у любви,
Друзей на помощь больше не зови,
Рабом любви мне умереть пришлось.

БЕДА

Меня беспощадный преследует рок,
Базар мой разграблен, доходы рассеялись.
Мой разум под гнетом слепым изнемог.
Желанья, как вешние воды, рассеялись.

Смотрите: я сброшен с весов бытия,
Недужна любая кровинка моя.
Убийцы пришли в золотые края
И приняли власть, и народы рассеялись.

Упал на глаза мои сонный туман,
Сковал вдохновенные речи дурман.
Теплом отдаленный дохнул Дехистан,—
Те ветры в часы непогоды рассеялись.

Фраги! Где крылатые струги твои?
С тобою остались недуги твои,
А счастье пропало; заслуги твои,
Надежды и лучшие годы — рассеялись.

ДНИ

Древнее вас, вершины гор,
Идут полуживые дни.
Возьмите, горы, мой позор,
Душе моей чужие дни!

Я горьким сиротою стал,
Я веткою сухою стал,
Безрадостной весною стал,
Встречая роковые дни.

Мамед-Сапа и Абдулла
Исчезли; с ними жизнь ушла.
Невеселы мои дела
И сумрачны пустые дни.

Потомство сгинуло мое,
Из рук я выронил копье;
В Тавризе б я нашел жилье,
Да помешали злые дни.

Махтумкули — безвольный прах.
О боже, я в твоих руках!
Гоклены, мой народ, в слезах:
Ведут врагов глухие дни...

ЖЕЛАНИЕ СТРАНСТВИЙ

Мне родимые холмы,
Дехистан увидеть хочется.
Мир-Кулал, Бехауддин,
Мне ваш стан увидеть хочется!

Арша блещущий венец.
Упование сердец,
Мне тебя, благой отец
Мусульман, увидеть хочется.

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы, в свой черед,
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой —
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

В Хиндостан и там и тут,
В Туркестан пути ведут...
Мне святых мужей приют —
Румистан — увидеть хочется.

Буйство духа, мир страстей,
Семь нагорий, семь морей,
Суеты — в кругу людей —
Мне дурман увидеть хочется.

Счастья ждет Махтумкули,
Чтобы слезы потекли;
Мне Каабу, хоть вдали,
Сквозь туман увидеть хочется.

ОТКРОВЕНИЕ

Предстали мне, когда я в полночь лег,
Четыре всадника: «Вставай! — сказали.—
Мы знак дадим, когда настанет срок.
Внимай, смотри, запоминай!» — сказали.

Затрепетало сердце, я притих,
Когда взглянул на этих четверых.
Юродивые были возле них —
Они мне: «Юноша, ступай!» — сказали.

И эти двое дали руки мне,
И мы пошли по дремлющей стране;
И некий знак забрезжил в вышине...
«Теперь садись и отдыхай!» — сказали.

Шесть путников я разглядел вдали,
Сидели мы; два пир-заде пришли;
Потоки слез у них из глаз текли.
«Он скоро будет. Ожидай!» — сказали.

И четверо в зеленом, на конях
Невиданных, взметая легкий прах,
Приблизились, привстав на стременах.
«Для встречи тесен этот край!» — сказали.

Увидел я шестидесятерых
Издалека летящих верховых.
«Спешим навстречу! Мухаммед средь них!
И ты его сопровождай!» — сказали.

На круп коня я поднят был. Меня
Как бурей мчало. Я сошел с коня.
Все в круг сошлись, молчание храня.
Я был в средине. «Руку дай!» — сказали.

«Сей муж — Али!» Из-под моих ступней
Тот выхватил циновку. Средь мужей
Упал я навзничь. На груди моей
Был некий груз. Мне: «Вопрошай!» — сказали.

Я спрашивал — и отвечал имам:
«Святой пророк предстал твоим очам,
За ним — халифы первые, а там —
Увейс-Карани, помни, знай!» — сказали.

«Ты видел их, земного праха сын!
Взгляни на тех мужей. Средь них один
Зенги-баба, другой — Бехауддин.
Заветной цели не скрывай!» — сказали.

Тогда пророк двум шейхам повелел:
«Благословите жизненный удел
Того раба!» И я привстать хотел,
Но мне: «Лежи, молчи, внимай!» — сказали.

Сказал пророк: «Он жаждой обуян.
Подайте чашу, о Шахимердан,
И Абу-Бекр, Омар и ты, Осман!»
И мне мужи: «Не проливай!» — сказали.

И плоть мою на муки обрекли.
Я выпил все, что в чаше принесли;
Сгорел мой разум, я лежал в пыли...
«Мир — пред тобой. Иди взирай!» — сказали.

Тогда я в жилы недр земных проник
И, вихрем встав, седьмых небес достиг.
И мне: «Теперь ты властен в краткий миг
Окинуть взором звездный рай!» — сказали.

Открылись мне далекие края
И тайные движенья бытия.
Так я лежал, дыханье затая.
И, плюнув мне в лицо: «Вставай!» — сказали.

И отвезти меня в родимый дом
Пророк велел халифам четырем.
И мчались мы: и ночь была кругом.
Мы спешились, и мне: «Ступай!» — сказали.

Открыл глаза и встал Махтумкули.
Какие думы чередою шли!
Потоки пены с губ моих текли.
«Теперь блуждай из края в край!» — сказали.

ПЛАЧ

Я — погребенный в пустыне мертвец.
И мертвецами я буду оплакан.
Не насладившийся жизнью слепец —
Даже глупцами я буду оплакан.

Странник — весь мир обошел я кругом,
В городе горя остался — и в нем
Гибну. Голодным степным вороньем
И ястребами я буду оплакан.

Как мне воспрянуть? Я болен и слаб,
В тяжких цепях истомился, как раб,
И на огне превратился в кебаб,
И вертелами я буду оплакан.

Сердце трепещет, и согнут мой стан,
Стоны мои поднялись, как туман,
Слезы в кипучий слились океан...
Всеми слезами я буду оплакан.

Лалы родятся в ущельях немых,
Ливни плодятся от жалоб моих,
Горы плывут — и в волнах смоляных
Тают. Камнями я буду оплакан.

Разум безмолвствует, Махтумкули.
Маются дети Туркменской земли.
Пиры толпятся, ишаны пришли.
Даже врагами я буду оплакан.

ПУТЬ

Кипит живых речей поток,
Играет разум вдохновенный,
Но темной тучей злобный рок
Проходит по лицу вселенной.

И меркнет взор, и на щеках
Золой лежит смертельный страх.
Слова уносятся, как прах,
И разум тяжко спит, как пленный.

Кто — смертный — видел мира дно?
Загляпешь в бездну — в ней темно.
Я пью любовное вино,
И мне тяжел мой кубок пенный.

И вдохновение мое,
Смутясь, впадает в забытье,
И роковое острие
Грозит моей душе смятенной.

Даны садовники садам,
Туманы — горным высотам,
С женою делит хлеб Адам,
А я — один в юдоли бренной.

Ума несметная казна
Растратится, распылена:
Дела, кочевья, времена
Проходят чередой мгновенной.

Все миру суетному впрок.
И в добром сердце скрыт порок.
Соедини меня, пророк,
С моей подругой несравненной!

Когда берется хан за труд —
Мотыги бедняки берут.
От песни утешенья ждут
И жалкий раб, и шах надменный.

Поешь, а миру невдомек,
Что твой язык солгать не мог.
Бредешь, Фраги,— твой путь далек,
Далек твой Хинд благословенный.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

1. РАСКАЯНИЕ

Полвека на свете я прожил, друзья,
Со старостью совесть моя охладела,
И тает — о, господи! — сила моя,
И точат несчастья недужное тело.

Мне горько: я истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела.

А сердце мирская влечет суета,
И очи мне женская жжет красота,
И кривдой мои одержимы уста,
И страсти толкают на черное дело.

И если откажет мне в помощи бог,
Куда мне бежать от предсмертных тревог?
Я — суетен, правде служить я не мог,
И ранняя вера моя оскудела.

Не верю звезде моего бытия,
Черна, словно уголь, недоля моя,
Покинуло счастье родные края,
Душа моя тщетно проснуться хотела.

Судьба моя бурной и страстной была,
Дурные порой совершал я дела;
Прости меня, боже, пока не дошла
Моя многогрешная жизнь до предела.

Фраги задыхается в лютом огне,
Скорбит о себе, как скупец о казне:
И страх и надежды гнездятся во мне.
Души моей жертвою ада не делай!

2. В МАЗАНДЕРАН

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван,
Доверимся Ною средь пенистых вод,
Дорогу держа на седой океан.

Нам древние горы поклонятся вслед,
На родину ветер промчится чуть свет,—
Когда принесет он от милой ответ,
Певучее имя впишу я в дастан.

Я стар. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел,
И те пятьдесят неминуемых стрел
Остались в душе, изнемогшей от ран.

Мне были примером Тахир и Фархад,
Безумец — я в пламя лечу наугад.
Крыла у меня за спиною горят,—
Умру — не узнает Менгли, мой султан.

Я славлю владычицу мира Менгли,
Я кличу подругу мою издали.
Страданья разлуки мне печень сожгли,
И слава Менгли полонила Иран.

В скитаниях помни родимый народ.
Язык обуздай, избегая длиннот;
Готовься, Фраги, собирайся в поход!
Купцы направляются в Мазандеран...

3. СРЕДИ ДРУЗЕЙ

О, как дрожит моей прекрасной
И страстной жизни мотылек!
О, как растет недуг опасный,
Которым дух мой занемог!

Царица змей для змеелова —
Что для певца напев и слово.
Влюбленный ради лукобровой
В бездонный кинется поток.

Блажен, кто не застыл в покое,
Познав добро и зло мирское!
Со мной — содружество седое,
Ученых книжников кружок.

Махтумкули, твоя дорога —
Полвека. Это очень много.
Но пусть уходит прочь тревога:
Что — старость? Вздор, пустой предлог!

СМЕРТЬ ОТЦА

Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам,—
Где очей моих свет, мой отец Азади?
Я швырнул свое сердце неистовым псам:
Где сыновней державы венец — Азади?

Где имам? Я стою, как пустая мечеть.
Где луна? Небесам не дано просветлеть.
Мне потока бездонного не одолеть:
Где спаситель мой, где тот пловец — Азади?

Стали речи мои, словно горький дурман,
Пожелтело лицо у меня, как шафран,
Пал на очи мои непроглядный туман.
Где алтарь мой, где образец — Азади?

Время, скалы расплавив, обуглило дол,
И живой отлетел, и усопший пришел;
Мертвецы окружили господень престол;
Где народа родного певец — Азади?

Земли стали морями, и кровью — моря.
Хумы — чашами, чаши — загублены зря.
Ремесло мое — горе. Я гибну, горя.
Где покой и отрада сердец — Азади?

Обращается к господу мертвая плоть:
«Хоть единое слово промолви, господь!»
Не угодно создателю смерть побороть.
Где высокого духа творец — Азади?

Точит слезы Хызыр и скорбит Сулейман.
Иноверцы рыдают среди мусульман,
Белым паром на небо взошел океан:
Где опора гокленов, боец — Азади?

Рок! Тебе ли моей торговать головой,
Иль на горло твое наступлю я ногой,—
Выходи, я тебя вызываю на бой!
Где рейхан мой, где сада жилец — Азади?

Божье ухо оглохло в мой горестный час,
Затвердела земля моя, словно алмаз...
О, муллы без Корана, о, пиры без глаз!
Где холм праведных, верный борец — Азади?

Рок! Ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Счастья нет для Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

СТАРОСТЬ

Из колен моих сила былая ушла,
И один я со старостью злою остался.
И в зрачках моих страсть догорела дотла,
И в холодной золе я золою остался.

Я скитался по Неджду, свой разум кляня,
И Меджнун меня проклял, в долину гоня;
Мертвецы умоляли о жизни меня;
Мир томиться над жалкой казною остался.

Я печали бежал, раздарил, что имел,
И, любовью пресытясь, от слез онемел;
Мне на голову годы просыпали мел,
На морозе я мертвой лозою остался.

Телу — хлеб и одежда, джигиту — враги,
Песне — лучшее слово... О сердце, не лги!
Нет, не туром, а глупым теленком Фраги —
Растерявшимся над крутизною — остался.

СЫН

1. СМЕРТЬ

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время,
Скажите безумным скупцам,
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран.
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой,
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалит родимое племя.

2. СЛЕЗЫ

Меня настиг мучитель-рок,
Тяжелая пора настала.
Я сына не сберег, друзья,
Душа моя что рана стала.

Оставила весна мой дол,
Повержен золотой престол,
Ветвь нежная, покинув ствол,
Добычей урагана стала.

Смерть невозможно обмануть.
Какой удар я принял в грудь!
Плоть жалкая моя тонуть,
Как челн средь океана, стала.

Терпенья нет, и воли нет,
Желанья жить в юдоли нет,
Мне вести ниотколе нет,
Пустыней жизнь так рано стала.

В огне скорбей и злых тревог
Трепещет сердце-мотылек;
Я сгорбился, я изнемог,
Слеза моя багряной стала.

Пью жгучий горечи настой.
Как жить у горя под пятой?
Мне все тщетой и нищетой
Без моего султана стало.

Махтумкули, от слез больной,
Взывает: сжальтесь надо мной!
По воле рока в час дневной
Какая темнота настала!

3. СТРАНСТВИЕ

Душа моя пылает,
Метнувшись наугад.
Муфти Коран читает,
От бога ждет наград.

У тех — дитя родится,
У тех — растет юница;
А тополь серебрится,
И рвется ветер в сад.

Лицо старуха прячет
И втихомолку плачет;
Джигит за славой скачет
Куда глаза глядят.

Те служат на чужбине
Наживе и гордыне,
А те свой дух в пустыне
Охотой веселят.

В дому нужда гнездится,
И слезы льет вдовица,
А в дверь мулла стучится:
То подать, то зекят.

Судьба грозит разлукой,
И вера стала мукой;
Завистник длиннорукий
На хлеб твой пялит взгляд.

Муж на коня садится
И мчится, словно птица,
Туда, где кровь струится
И стан стрел свистят.

Махтумкули едино —
Гора или долина,
А руки ищут сына,
Обнять его хотят...

4. ЯКУБ, ИЩУЩИЙ ЮСУПА

Якуб, рыдающий, тоскую,
Бреду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»
Не слезы лью, а кровь живую,
В бреду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Заплакав, небосвод просторный
Со мною делит жребий черный.
Меджнун — глотаю холод горный,
Во льду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Вокруг меня тьма-темь ущелий,
Тень пала, тучи налетели;
Двенадцать гор и семь ущелий
Пройду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Не шлет Юсуп вестей домашним,
И предан я слезам всегдашним,
Счет городам и встречным башням
Веду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Вороний грай мне пал на душу,
Я помрачил моря и сушу.
Фархад — я горную разрушу
Гряду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Быть может, он — на дне колодца?
Не он ли лунным светом льется?
Иль в Кербале Юсуп найдется?
Иду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Он стал игрой молвы случайной.
Лечу от розы к розе чайной:
В каком краю разгадку тайны
Найду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Махтумкули! Твой друг безвинно
Томится скорбью, кличет сына.
Отвечу песней соловьиной,
В саду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

НЕ ЗНАЮ

Вдаль сердцем рвусь — решимости в избытке,
Но крыльев нет, и как взлечу — не знаю,
Могу прочесть все книги я, все свитки,
Но много ль знаний получу — не знаю.

Мудрец не скажет: все мне в мире ясно,
Мы многое познать еще не властны.
Напиток знанья терпкий и прекрасный...
Тянусь рукой... Как рот смочу,— не знаю.

Я — взаперти, кто скажет, что снаружи.
Не знаю сам, что лучше и что хуже.
И с каждым днем мой кругозор все уже.
Где право выйти получу,— не знаю.

Не разберу я — холод или пламя?
Скрыт в сердце смысл, но за семью замками.
Кого на путь направлю я словами?
Зачем мой жребий я влачу,— не знаю.

Махтумкули, до бредней ветер падок.
Оставь ему весь этот беспорядок!
В пучине тайн трещит ладья догадок,
И руль ее зачем верчу,— не знаю.

ДУША МОЯ

Ты при жизни омертвела, но проснись, душа моя!
Мир — ничто, к порогу бога возвратись, душа моя!
Будь отважной, из паденья вознесись, душа моя!
Вкруг тебя струи печали обвились, душа моя,
Но раскройся, чистым словом освежись, душа моя!
Мир и тело — тленны, в саван облекись, душа моя!

Слух склони к ученью мудрых, наставление прими;
Встань! Об Истине радея, к небу руки подыми,
Вьюк отшельничества тяжкий смело на плечи возьми;
Трудно это, но скитайся с этой ношей меж людьми;
Преклонись пред совершенным, корни ложного сломи
И, покаявшись, пред миром в прах склонись, душа моя!

Как Меджнун, могу любить я... Что Меджнун! Сильней
стократ!
У меня бы научился страсти огненной Фархад!
Но, когда сгорю и к богу устремлю молящий взгляд,
Он, благой и правосудный, пощадит меня навряд,
И тогда навек погибну, поникая в рдяный ад...
Будь же смелой, из паденья вознесись, душа моя!

По утрам молись, чтоб ангел отвечал тебе: «Аминь!»
Не растрать минуты жизни, в праздной неге не застынь;
Не трудись искать колодцы в недрах жизненных пустынь;
Лучше дервишем скитайся, плащ покорности накинь.
А не то погибнешь даром в горе, горьком, как полынь,—
И от лжи в словах и мыслях отрекись, душа моя!

Я — Фраги, я чашу скорби дважды пил, но в третий раз
Нету сил: светильник сердца, прежде пламенный, погас.
В сердце — смута: дьявол мучит каждый день и каждый час;
О, придите, помогите,— умоляю, люди, вас,
Помолитесь, чтоб на помощь Хызр пришел, Иса, Ильяс!
Но мертва, но не восходит в божью высь душа моя!

НЕ МОГУ ОТЛИЧИТЬ

Дервиш, мудрый аскет, дал мне чашу пригубить. Что случилось
со мной?
Где михраб, где мечеть? Я одно от другого не могу отличить.
Этот хмель уничтожил, как пламя солому, весь мой опыт земной:
Пышных сводов дворцов от пастушьего крова не могу отличить.

Пламя вечной тоски... Исчезай, мое тело, словно хворост! Гори!
Буду я обжигать. Пожелавший согреться, слов моих не бери:
Мое слово, как уголь, почерневший снаружи, ярко-красный
внутри.
Я несчастья людского от счастья людского не могу отличить.

Я в жилище пришел, где не жили от века и никто не живет.
Я в широких степях не найду себе места там, где ворон найдет.
Дарит мне этот мир не любви наслажденья, а удары невзгод —
Я сияющий день от покрова ночного не могу отличить.

Стал я жадным и цепким, жестоким и грубым — мне теперь
все равно.
Но как мудрому мудрость, стремленье к любимой было сердцу
дано.
И не зря в нашем мире есть мудрости чаша, есть и просто вино,
Пусть я книги простой от Корана святого не могу отличить!

О Фраги, чья обитель теперь многолюдна! В этот радостный час
Шейхи встали с приветом, а кто помоложе — пускаются в пляс.
Лик любимой как луч: он на миг показался, чтобы скрыться
из глаз.
Я вино от воды, осчастливленный снова, не могу отличить!

ВЛАДЫЧИЦА

Горделивые пери султаном признали Менгли;
Соловьи онемели, когда увидали Менгли.
Сам я сердце подставил губительной стали Менгли.
Клад мой шахом захвачен, для шаха украли Менгли.
Я, злосчастный, тобою покинут в печали, Менгли!

Окажи мне вниманье, скажи, где твой сладостный дар?
Я с товаром богатым пришел на любовный базар,
И на нем заблудился, и встретил владычицу чар.
Говорят: у влюбленных душа превращается в жар...
И крыла мои в пламени затрепетали, Менгли!

Лукобровой хочу я в нарциссы очей заглянуть,
Те медвяные реки и краткие встречи вернуть.
Над ее головою душа моя бьется, как ртуть,
Я не вижу любимой и слезы роняю на грудь...
Как соленое море, потоки их стали, Менгли!

Кто ты? Райская роза иль вешний подарок земли?
Соловья полонили, забыли его — и ушли;
Мимо запертой клетки мелькнуло подобье Лейли.
О, зачем твои стрелы меня пощадить не могли!
Одержим я, в живых я останусь едва ли, Менгли!

Ты луной восходила, одетая в звездный туман;
Образ твой — полнолунье, для множества образов — хан;
Красоту твою помнить мне жребий мучительный дан;
Средь гокленов, йомудов прославил я стройный твой стан.
Для тебя мои руки цветы разбросали, Менгли!

Я безумец, я нищий, сожгите меня, мотылька!
Что мне делать на свете? Как небо, Менгли далека.
Что мне райские рощи, когда я лишен цветника,
Без которого душу терзает такая тоска,
Что рыданий подобных в аду не слыхали, Менгли!

ВЛЮБЛЕННЫЙ СКИТАЛЕЦ

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум и ссоры
В Гулистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой,
Как в дурмане, полюбил я;
Степь меня околдовала;
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины,
Предо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины,
Я блуждал в садах Эдема,
Видел призрачные крины,
И меня заполонили,
Привели в страну кручины.
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О, горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О, горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О, горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О, горе!
Так — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: горлица? орлица?
Соловей среброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?
Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впилась мне в душу,
Тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце
У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вздрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,
Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

ГЛАЗА МЕНГЛИ

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная,
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

ЛУНА

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце — вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поешь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-за ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

МОЛЬБА

Дух кипит. Я сгорел дотла. Я — зола.
Подари мне подругу мою, аллах!
Сердце мне отдала, моей не была,—
Подари мне подругу мою, аллах!

Мы любили, мы тайны делили с ней.
Кто желанной моей на земле верней?
Погубили меня, разлучили с ней.
Подари мне подругу мою, аллах!

Счастлив память утративший навсегда!
В эти злые года сгорю без следа.
Я в беде, и в неволе моя звезда.
Подари мне подругу мою, аллах!

Я к любимой пойду — не пускают: стой!
От моей дорогой отлетел покой,
Слезы льет рекой; я болен тоской...
Подари мне подругу мою, аллах!

Были встречи и речи, как мед, у нас.
Мы не ждали печали в блаженный час.
Свет и счастье украли у страстных глаз.
Подари мне подругу мою, аллах!

О, мой боже! Бесцельны мои дела;
Бьюсь на ложе: бессонница в дом вошла.
Скорбь моя эту жалобу принесла...
Подари мне подругу мою, аллах!

Бренный мир одряхлел, о Махтумкули!
Разве страсть не в обычае у земли?
Грешен я, ты — всеблаг. Любовь утоли,
Подари мне подругу мою, аллах!

ОЖИДАНИЕ МЕНГЛИ

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратится в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили... В чужом краю
Я опьянен твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка,
И ханом стал бедняк, пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

ПЕВЕЦ

Слушай, рок, слепец бездомный,
Как свирель, мой стих поет;
Что ж глушит его твой темный,
Твой губительный полет?

Одного желанья мало,
Чтобы дело делом стало,
В сердце мне любовь запала,
Тяжек сердцу давний гнет.

Силе времени покорный,
Серебрится волос черный,
И охотника озерный
Серый гусь давно не ждет.

Предстает мне мир базаром
С жалким нищенским товаром;
Царский кречет мой недаром
Сонных век не разомкнет.

Я скитался по юдоли,
Я искал счастливой доли;
Как боец на ратном поле,
Стрелы слов я слал в народ.

Нужен лев мирской пустыне,
Трон — властительной гордыне.
Вековечные твердыни
Подвиг мой переживет.

Сердца пламень сокровенный
Разольется по вселенной;
Мой дворец — мой труд нетленный —
Что кременный кряж встает.

У светил — сиянье мира,
У меня — страданье мира,
В небесах — желанье мира —
Пленная Менгли живет.

В старом сердце — упованье,
Вера в дальнее свиданье;
В ослепительном сверканье
Рай на землю низойдет.

Мне судьба сулила горе,
Я тону в любви, как в море,
Пусть пред милой в звездном хоре
Голос мой не пропадет.

Боже, где моя награда
За мученья горше яда?
Без подруги мне не надо
Мира этого щедрот.

Времена идут лихие,
Души мучатся людские,
И красавицы другие
Водят вешний хоровод.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги,— народ родимый.
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой
Я погибну, жгучие тайны
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева,
Догорая перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений,
И становится на колени
Житель рая перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике...
Как слуга, Сулейман великий
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Осушая перед тобой.

Бренный мир обманул Рустема,
Сердце гордого Заля немо,
Встали мертвые, сон Эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
Пал Мары — повелитель мира.
Речь Фраги умолкает сиро —
Огневая — перед тобой.

СЕРДЦУ

Довольно, сердце! Разомкни свой круг:
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался, как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок — смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И как слепой, склонив главу свою,
Поддерживал я ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит, и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжко мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты — что ни день — упрямей.

Но, может быть, иной понять готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суров господь, и меч его — над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,
А жизнь летит, как птица бьет крылами.

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран.
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,
Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я, и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя:
Года летят, за днями дни ведя,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья.
И тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил — и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты сердце в Чин-Мачин, в Герат,
В подземный ад, где высится Сират...
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был;
Погашен роком юношеский пыл.
А все-таки я зла не полюбил —
День истины мне светит и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;
Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими путями.

ИЗ ЛУЧШИХ ЛУЧШИЙ

Двенадцать месяцев идут чередой,
А рамазан придет — из лучших лучший.
Сирийский край был славен красотой,
И звал его народ: «Из лучших лучший».

Дивлюсь — о боже! — чудесам твоим,
Но не постигну разумом простым,
Зачем в земле сокрыт, недостижим
Источник светлых вод — из лучших лучший?

Уместен ли зловещий крик ворон
В саду, где розой соловей пленен?
В пещерах клады стережет дракон,
Нам преграждая вход,— из лучших лучший.

Когда б к творцу пробиться я сумел,
Смутится он при виде наших дел.
В одной пословице весь наш удел:
«Еж подгрызает плод из лучших лучший».

Бессилен я. Душа моя больна,
Она дотла любовью сожжена.
Издревле поговорка сложена:
«Шакал кусок сожрет из лучших лучший».

Язык змеиный, умудрясь, поймешь.
Не превращай святую правду в ложь.
Всем говори, что твой сосед хорош.
Кто не клевещет — тот из лучших лучший.

Махтумкули неправый видит суд,
Здесь кроткие ручьями слезы льют.
В неволю брата братья продают.
В изгнание уйдет из лучших лучший.

НЕ ВЕЧЕН ТЫ

Земною славой не гордись — мгновенно наше бытие.
Ты не задержишься, пройдешь — не вечен ты, не вечен ты.
Смерть — виночерпий поднесет тебе прозрачное питье,
Сам к смертной чаше припадешь — не вечен ты, не вечен ты.

Мир — это крепость на песке, стирает время письмена.
В людской извечной кутерьме всему потеряна цена.
Где, торжествуя, жизнь цвела — пустыня мертвая видна,
Следов кочевий не найдешь,— не вечен ты, не вечен ты.

Разлука — это злой недуг, беда тому, кто разлучен.
Будь справедлив и милосерд, пока ты молод и силен.
И жизнь засветится твоя, как будто ты огнем зажжен.
Как факел, светом изойдешь,— не вечен ты, не вечен ты!

Я с розой молодость сравню. Ты был цветком — увял цветок.
Неужто ты на свете жил, и разумел, и видеть мог?
О, как легка сухая кость! Глазницы жжет сухой песок...
Ты сын земли, в нее уйдешь,— не вечен ты, не вечен ты.

Знай, сорок лет не малый срок для всех живущих на земле.
Смерть — пуля, пусть она сразит тебя не дома, а в седле.
Короткой вспышкой лучше быть, чем угольком чадить в золе.
Как порох, ты себя взорвешь,— не вечен ты, не вечен ты.

Махтумкули, твоим словам и поученьям нет конца.
Ты болен, и тебя гнетет томленье близкого конца.
Не трать напрасно пыл речей, они не трогают глупца,
Ты мудр и с горечью поймешь — не вечен ты, не вечен ты.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Мир, одержимый суетой,
Грешит безумными делами.
В Каруны метит род людской,
Все ныне стали крикунами.

В пороках тонет бай-скупец.
Где солнце праведных сердец?
В чертогах родины купец
Торгует жалкими рабами.

Иссякли воды наших гор,
Не рвется ветер на простор...
Когда-то веселивший взор
Гурген пересечен врагами.

О, царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И ширы с их учениками.

Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.

Истощены, угнетены
Отчизны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

Достойный муж, как трус, дрожит;
Красавица забыла стыд;
Шах, как змея, народ язвит,
Хан вьется вороном над нами.

Где честь? Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.

Язык мой против лжи восстал —
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий широм стал,
Осел толкует об исламе.

Злак не растет в тени тюрьмы.
Померкли светлые умы.
Глупцы, надевшие чалмы,
Вдруг обернулись мудрецами.

Ворует вор, богач берет,
И наг и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

И горы, словно корабли,
По морю слезному пошли,
И кровь из глаз Махтумкули
Бежит хазарскими волнами.

ДОБРО И ЗЛО

Народу — сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту — битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный,
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле,—
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло!

ДОЖДЯ, ДОЖДЯ, МОЙ СУЛТАН!

Припадаю с мольбой к тебе, всеблагой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!
Стражду я, жажду я, горю пред тобой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Покровитель земли! По воле твоей
Да сойдет в этот мир поилец полей!
Арша свет, вождь планет, твой мир пожалей,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Напои соловьев: умолкли они.
Мир от бед охрани, печаль отгони;
Нуширвановы дни страдальцам верни,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

По твоим чудесам томится Адам,
Дай цветенье садам, совершенье мечтам.
Твой небесный бальзам дай страждущим, нам,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Беден я, слаб и наг, я — раб из рабов,
Ты всещедр и всеблаг: взыскую даров.
Нет мне жизни без них. Где щит? Где покров?
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Пред высоким твоим порогом стоим,
Губ сухих не омыв, молитвы творим:
Ниспошли урожай страдальцам земным,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Я — Фраги — всю любовь к тебе устремил.
В середине пути ты гасишь мой пыл.
Дай до цели дойти, владыка светил,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

ИЗМЕНИЛО МНЕ СЧАСТЬЕ...

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня; я печален и сир.
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое,
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? В кровь превращается мед.

Каждый помысел мой исполняется зла;
Я взлететь не могу — ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла...
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоем заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном,
И над юртой незримый дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа — пророчество и волшебство,
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто — крылатый — означил земные пути,
По которым Исе предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дивов озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедуют правду земля и вода;
Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ей дохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы — жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах:
Душу отдал бы я, да никто не берет.

МГНОВЕНЬЕ

Эй, друзья! Мы, пришедшие в мир, уйдем;
Злые, добрые, племя и род — уйдут,
Речь покинет уста — свой приютный дом,
Зубы выпадут, песня и мед — уйдут.

Мы весной веселились в родных степях,
Жили мы на земле в золотых дворцах;
Дни пройдут, города превратятся в прах,
Зной и стужа, неделя и год — уйдут.

Мир подлунный подобен слезе одной.
Где мой брат? Он вчера еще был со мной.
На хазане построен чертог земной.
Дни джигита с поклажей забот уйдут.

Не моли о пощаде на склоне лет,
У Лукмана от смерти лекарства нет;
Пред царем и пред нищим померкнет свет,
Око черное, розовый рот — уйдут.

Ты — загадка, ты — сгусток тумана, мир!
Ты сковал и убил Сулеймана, мир!
Отнял нежную жизнь у рейхана, мир!
И цветок, и смоковницы плод — уйдут.

Смерть, оставь эту плоть у моей дущи.
Убивать меня, пленника, не спеши.
Торопись, мой Фраги, свой дастан пиши:
Вдохновенье и мощь в свой черед уйдут.

МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом.
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданья — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дома выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая;
Порвется тетива тугая;
Под ветром башня вековая
В летучий превратится сор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажжужит постылый хор.

Всегда Карун-скупец в кручине,
Покоя нет его гордыне.
Меджнун — Махтумкули — к пустыне
Отныне обращает взор.

НАЗЫВАЙСЯ ФРАГИ ОТНЫНЕ

Что ты сделал, садовник-рок?
Пал на розы морозный иней,
Обмелел мой речной поток,
Нет горы моей на равнине.

Вор — святой человек теперь,
Раб — хозяин и бек теперь,
На висках моих — снег теперь.
Нет времен моих и в помине.

Помоги мне в беде, пророк!
Сжал мне горло убийца-рок.
Трупы, трупы в пыли дорог...
Пребывает мой дух в кручине.

Плачет месяц во тьме ночей.
Ад бушует в стране моей,
У других — табуны коней,
А хромой — без коня в пустыне.

Рок меня уловил — он рад,
Что пред нищим разверзся ад.
Всюду сети его стоят.
Я лишен его благостыни.

Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли,
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.

НАСТАВЛЕНИЕ

Запомни, смыслу здравому послушный:
Не уходи, люби родимый край.
Пускай зовет на службу малодушный,—
Позорящего дела избегай.

Служи тому, чье зримо превосходство,
Кому отцы судили благородство;
Его отребий нищенских уродство
Достойным восхваления считай.

Бесплодны пересохшие арыки.
Ничтожный сыт, и голоден великий.
Ты не гляди, что стоптаны чарыки,
Пустой насмешкой их не оскорбляй.

Хорошего не порождает злое,
И кровный конь рысистей клячи втрое;
А подлый муж... оставь его в покое
И кляче скакуна предпочитай.

Когда, судьбой на пир чужой заброшен,
За дастархан усядешься, непрошен,
В чужой тарелке не считай горошин,
Рта на чужую соль не разевай.

Садись, когда услышишь приглашенье.
Достойно принимая угощенье,
Не торопись: бесстыдно нетерпенье,
Без просьбы дел чужих не исполняй.

Ты мягок, добр и держишься учтиво,
Умеешь говорить красноречиво,—
Я твой слуга, и слух мой терпеливо
Твоих советов ищет: наставляй!

Кто видел, чтоб и тысяча печалей,
Как дождь небесный, землю увлажняли?
Кто видел, чтоб джигиты унывали?
Свой взор мутить слезам не позволяй.

Блажен, кто братьям служит благостыней,
Кто чистой правды ищет и в пустыне.
Одежда кривды не к лицу мужчине.
И ради шутки вздора не болтай.

Взгляни на души каменные эти:
Для них печаль раскидывает сети,
Добро — не частый гость на этом свете:
Люби его и злу не уступай.

Пером сражая алчность, как стрелою,
Склони глаза над книгой золотою;
Не заключай условий с сатаною
И втуне мудрых слов не оставляй.

Ты взыскан Искандаровой удачей,
Твоя казна Каруновой богаче,—
А все же в прах нисходит прах незрячий
И над землей звучит вороний грай.

Мечтаешь ли о мирных кущах рая,—
Пустъ мир шумит, играя и сверкая,—
Оставь его, волнения смиряя,
И вспять стопы свои не обращай.

Происхожденьем не гордись: в могиле
Твой предок спит, и все его забыли.
Напраслина среди живущих в силе,
Клеветнику неведом светлый рай.

Пустъ лают псы на рваные одежды.
Смежатся холодеющие вежды;
На божье милосердие надежды,
Однажды поскупясь, не возлагай.

Взойдя и на высокие ступени,
Не отдавай нелепых повелений,
Не отвергай благоразумных мнений
И суть свою в сравнении познай.

Приходит старость, точно призрак тощий,
Лишает мужа доблести и мощи.
Живи достойней, благостней и проще,
На ложе скуки реже почивай.

Слова правдолюбивые — нетленны.
Советам верь, но берегись измены
И, хоть не в каждом доме слышат стены,
Тайн заповедных зря не открывай.

Богатые от юных лет в почете,
Бедняк же с детства мается в заботе.
Насильник, не споткнись на повороте,
Себе под ноги камня не бросай!

По следу льва идет его наследник,
Он никогда не будет из последних.
Сын тунеядца — трус и привередник.
Среди народа сына воспитай.

Теперь пойдем и оседлаем долю,
Помчимся вдаль по жизненному полю.
Отыщем правду и добудем волю,—
Но только слов моих не забывай.

Не отвергай разумного совета,
Пускай тебе на перепутьях света
Добром послужит наставленье это.
Будь милосерд и кривду презирай.

Махтумкули, ты не нашел лекарства
От злобы мира и его коварства.
Настанет срок — сойдешь в немое царство,—
Ни дня, ни часа даром не теряй!

НЕ ЗНАЯ ЗАВИСТИ...

Кто свой дворец возводит на песке,
Тот жалким нищим от руин уходит.
Плоть растерзав и дух предав тоске,
Превратный рок, наш властелин, уходит.

О, сколько душ, изведавших печаль,
И сколько душ, которым жизни жаль,
И сколько душ, прозрачных, как хрусталь,
И помутневших от кручин — уходит.

Один богач построил минарет,
Свалился вниз — погиб во цвете лет.
У бедняка в хозяйстве клячи нет,
На скакуне удачи сын уходит.

Бесчестие приведший на порог,
Снует по дому отравитель-рок.
Смотрите: человеку невдомек,
Что жизнь от нас, как миг один, уходит.

Мы покидаем торжища земли,
И хан ушел, и нищие ушли.
Не зная зависти, Махтумкули,
Шлифуя слово, как рубин,— уходит.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Истомил мою душу
Бесконечный обман.
Плот забросив на сушу,
Отступил океан.

Зрячий посох слепого
Не доищется крова,
И чарыки хромого
Не добьются стремян.

Тем — забота пустая
Да казна золотая;
Этим — отповедь злая
И дырявый карман.

Облака — на вершине,
Вольный ветер да иней...
Опаленной пустыне
Снится горный туман.

Прелесть этого мира —
Мертвый мрамор кумира.
Пальцы грешного пира
Запятнали Коран.

Если пел я — молчали
Соловьи... Но печали
Снеть Фраги помешали
Самый лучший дастан.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

К тебе, человек, приступаю с мольбою:
Карун обезумевший — твой образец.
Спасайся! Ты накрепко связан собою —
Тщетой одурманенный нищий скупец.

Унынием грешен и я, мусульмане;
Душа моя также блуждает в тумане.
И я свою ношу забот и страданий
Влачу, бесприютного мира жилец.

Я райскую музыку слышал сначала.
Но горькая жалоба громче звучала,
И музыка стихла, и сердце попало
На торжище раненных скорбью сердец.

Есть множество рек и морей полноводных,
И семьдесят два языка разнородных,
И счесть невозможно мужей благородных,
А только царю достается венец.

Слепой не увидит, как нищий томится,
Глухой не услышит, как плачет вдовица;
И пестрядью мира мой взор не прельстится,—
В золу и песок превратится дворец.

Я — в горле у мира — взываю: помилуй!
Я — снедь ястребиная — кану в могилу,
Как жалкий поденщик, утративший силу,
Как царь, облаченный в бесценный багрец.

И плоть моя стала пристанищем боли,
И жил я для общего счета в юдоли,
И если я утром сидел на престоле,
Я в полдень — отчизной забытый беглец.

Достойных врасплох застигает измена;
Глаза мои слепнут, слабеют колена;
Не вырвется муж из позорного плена,
Клинок свой булатный уронит храбрец.

Состарились горы, Фраги сострадая,
Темницею стала страна золотая,
Склонись перед матерью-правдой, рыдая,
Пока еще нас не покинул творец!

РУКА МИРА

Душа и сердце болью изошли,
В тоске забились под рукою мира.
Я застонал — семь поясов земли
В тоске забились под рукою мира.

На злобный мир я в страхе поглядел;
Дана разлука любящим в удел;
Мужи, не завершив бессмертных дел,
В тоске забились под рукою мира.

Коварный мир, ты суетный блудник!
Не угадаешь — кто твой временщик?
Шах — нищим стал. Ребенок и старик
В тоске забились под рукою мира.

Безумец, золото копивший,— где?
Для милой родину забывший — где?
Мой Гулистан, весной оживший,— где?
В тоске забились под рукою мира.

От песни этой в трауре народ.
Молчишь, Фраги? Язык твой был как мед.
Твой взор, твой лик, твой стан в плену невзгод
В тоске забились под рукою мира...

АНДАЛИБ НУРМУХАМЕД-ГАРИБ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ

Ок. 1712—1780

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Отрывки из дастана

Родители Лейли, чтоб отдалить ее от Меджнуна, запрещают дочери посещать школу, где учится Меджнун. Лейли с утренним ветерком посылает привет школьным подругам, рассказывая о своем горе:

Подругам в школу отнеси привет,
Струящийся рассветный ветерок!
В руках ни книги, ни калама нет —
На боль-печаль аллах меня обрек.

Очернена я лживым языком.
Разгневались на дочку мать с отцом,
Из школы взяли, держат под замком,—
О том ахуну расскажи, восток!

Кто враг, кто друг — не различаю я.
Беды не знала молодость моя.
Нас оболгали лживые друзья,
Влюбленность посчитали за порок.

Когда мы с ним, бывало, в школу шли,
Я глаз не подымала от земли.
На нас соседи клевету взвели,
Аул соседний зло на нас навлек.

Подстерегла нас вражья западня;
Бутон я,— стали розой звать меня,
А Кайса — кликать соловьем, дразня.
Мы были кротки,— враг вдвойне жесток.

Не знала я, что все вокруг обман,
Мне нравились лицо его и стан.
Была мне школа — точно Гулистан:
Среди цветов и я была цветок.

Лихой бедой растоптана Лейли:
Злодеи счастье в мире обрели,
Стал для Лейли темницей сад земли.
Изменчив, сестры, беспощадный рок!

Так же тоскует и Меджнун, разлученный с Лейли:

Не обвиняйте, о друзья!
Мой рок неукротимым стал.
Бежал от вас, несчастный, я,—
Забытым, нелюбимым стал.

Весь мир любовью полонен,
В водоворот я завлечен.
Мой нераскрывшийся бутон
Шипом неумолимым стал.

В огне любви горю давно,—
Священное осквернено.
Мне превратили в кровь вино,
Мой жар неутолимым стал.

Как птица в небе,— я один.
Я стал никто — ни брат, ни сын.
Хотел мой бог и господин,
Чтоб я вдвойне гонимым стал.

Простите, мать с отцом! Не мог
Я не покинуть ваш порог.
Другого сына даст вам бог,
Коль этот нелюбимым стал.

Всем сладко до конца пути
С единым именем пройти.
Я Кайс,— всевышний, защити! —
Меджнуном — одержимым стал.

Он изливает свое горе другу Зенду:

Друзья! Аллаха самого, царя царей прошу:
На раны черные мои пролить елей — прошу,
Мне возвратить мой Гулистан я, соловей,— прошу,
Дать мне алмаз мой отыскать среди степей — прошу,
Царицу на разбитый трон души моей — прошу.

Устала голова моя от горьких дум любви,
И здесь, в пустыне, слышу я далекий шум любви.
Мне душу опалил стыдом сухой самум любви,
Тоски не выдержала грудь, не вынес ум любви,
Иссох язык; колодец пуст, воды налей — прошу!

Коль кипариса нет, листов рагна не надо мне;
Другой,—будь, как Лейли, она стройна,—не надо мне,
Будь гиацинту красотой равна,— не надо мне.
Я от любви и грусти пьян; вина не надо мне.
Иль ничего не надо мне, иль жизни всей прошу!

Безумный кравчий поутру мне чашу протянул,
Я стал пустынником любви, покинул свой аул.
Увидев ласку милых глаз, я б навсегда уснул,
Воскрес бы я, когда б хоть раз на милую взглянул.
Чтоб ей пропеть дастан любви, я сто ночей прошу!

На сердце тайны без числа глубоко залегли,
Их все раскрыл я пред тобой,— ты ось моей земли!
Меджнун я: смейся или плачь, но жалобе внемли.
О долгожданная моя! Услышь меня, Лейли!
Страдал я долго без нее; блаженства с ней прошу!

Безумный Меджнун бродит по горам.
Эхо вторит его стонам.
Он обращается к горам:

Ты громко стонешь, черный мой утес!
Скажи,— о чем? Давай тужить вдвоем.
Ты в жертву розе жизнь свою принес?
Откройся мне! Давай грустить вдвоем!

На лоб надвинув черную чалму,
Окутан в траур, в облачную тьму,
Поведай: сердце отдал ты кому?
Иди ко мне! Давай бродить вдвоем!

Влекло влюбленных в горы искони.
О, кто, как я, душе твоей сродни?
Коль ты влюблен, Меджнуна помяни:
Двойной недуг давай лечить вдвоем!

Ты узником, в цепях томимым, стал,
Ты, истомясь, неукротимым стал,
Испив вина, ты одержимым стал.
Подымем чашу! Будем пить вдвоем!

Благой удел тебе от бога дан.
«Горам — все солнце»,— так гласит Коран.
К болящему — болящий в гости зван:
Давай судьбу благодарить вдвоем!

Давай смешаем вздохи — твой и мой,
Свою слезу солью с твоей слезой!
Молчал утес, а нищий брел тропой.
Увы, печали не изжить вдвоем!

Меджнун, рыдая, горе в горы нес,
Он лил из глаз ручьи кровавых слез.
Смотрел безмолвно вслед ему утес.
Прочь от утеса! Нам не быть вдвоем!

Лейли просит друга Меджнуна — Зенда — сообщить ей о любимом:

Мой верный! Стонов грудь полна:
Единственный, любимый — где?
С кем безнадежно сроднена,—
Меджнун мой, одержимый,— где?

Огонь зажегся и не гас,
Он мотыльком кружил в тот час.
Где он, безумнейший из нас,
В любви неукротимый,— где?

Где он, цветник души моей?
Где ты, безумный соловей?
Где ты? Услышь и пожалей —
Мой стон неутолимый: «Где?»

Ты одинок, любимый мой,
Мой данник верности одной.
Где ты, мой странник огневой,
Мой друг неутомимый,— где?

Я — плоть, ты — дух, живущий в ней,
Я — кожа, ты — оплот костей.
Ты пьющий кровь любви своей
В тоске неизлечимой,— где?

О, пусть придет, благословит,
Пусть счастьем нег озолотит!
В нем талисман целебный скрыт,—
Ты стонущий, гонимый,— где?

Лейли сказала: краток мрак,
Нам солнца не заступит враг!
Так будь, Меджнун, твой верен шаг!
Влюбленный мой, любимый,— где?

Узнав о том, что родители собираются выдать ее за купца Ибн-Салама, Лейли молит бога спасти ее от злой участи:

Безжалостное небо, пощади!
Зачем мой день ты омрачил, о рок!
Мольбы о счастье из моей груди
Не слышал ты, не пощадил, о рок!

Мой гневный вздох прожег бы небеса:
Проклятое круженье колеса!
Иль не тобой замучен был Иса?
А мне всю грудь ты изрубил, о рок!

Коль я вздохну, испепелю твой день,
Я прокляну,— не восхвалю твой день:
В ожогах грудь, душа одета в тень,
Ты заодно с врагами был, о рок!

Весь лживый мир слезами я залью.
Моим врагам ты предал жизнь мою.
Тем, что любовь без сердца отдаю,
Ты дочь араба оскорбил, о рок!

Коварства твоего не разгадать,
Свои шаги скрываешь ты, как тать.
Ах, лучше б мне Меджнуна не встречать!
А ты, сведя, нас разлучил, о рок!

Погиб, кто вверился тебе душой!
О, сжалься! Между нами ты не стой!
Достойны мы друг друга пред тобой,
Из зависти ты нас казнил, о рок!

Из-за тебя врагов узнала я.
Сердечного спугнул ты соловья,
Хотел, чтоб роза не цвела моя,
Мою весну ты иссушил, о рок!

Ты допустил, чтоб дали мы обет,
И вот мы любим, поровну нам лет.
Что ж нынче говоришь ты снова: «Нет!»
Не раз влюбленных ты губил, о рок!

Лейли к врагам привел ты на порог.
О, если бы всевышний нам помог!
Но знай: Лейли Меджнуну вверил бог!
Нас клеветой ты очернил, о рок!

Лейли пишет Меджнуну о том, что ее выдают замуж против ее воли и что она по-прежнему любит его:

Мы сожжены небесным колесом.
Коль не тебе, кому же знать меня!
Заклеймены мы вражьим языком.
Коль не тебе, кому же знать меня!

Я своему Меджнуну жизнь отдам.
Лишь исстрадавшийся состраждет нам.
И ты мне сердце разрушаешь сам.
Коль не тебе, кому же знать меня!

Не знал Меджнун, что я ему верна.
Он думает: изменница она!
Аллаху жалоба моя слышна.
Коль не тебе, кому же знать меня!

Что ожиданья страстного страшней?
Что кубка непочатого хмельней?
Я отреклась от родины своей.
Коль не тебе, кому же знать меня!

Дни шли, но дней тех не считала я,
Гранатов-яблок не срывала я,
Другому их не отдавала я.
Коль не тебе, кому же знать меня!

Клевещут вражьи черные слова!
Грудь сожжена, в тумане голова.
Не бойся, друг: Лейли — твоя жена,
Коль не тебе, кому же знать меня?

Всегда ищу Меджнуна я, Лейли.
Лишь о Меджнуне речь моя — внемли!
Вслед за тобой пойду на краи земли!
Коль не тебе, кому же знать меня!

Мимо тайного приюта Меджнуна в песках проходит караван Лейли. Меджнун не знает, во сне иль наяву показалась она:

Прошел до утра караван Лейли,
Ее аул к яйле искал дорог.
Больному исцеленье принесли,
А он рукой пошевелить не мог.

Меджнун стопал, простертый на песке,
Прошла Лейли с живой водой в руке.
«Кто ты?» — спросила, стоя вдалеке.
Так пери посещают наш порог.

Как сокол, пролетела в стороне,—
Не знаю: наяву или во сне.
Увидев, обезумел я вдвойне —
Перед султаншей сердца изнемог.

Весной с горы потоки потекли,
Яйла взманила странников земли,
В подарок принесла себя Лейли
Тому, кто сердце бы ее зажег.

Увы! Болезнь любви страшна была,
Под камнем грудь погребена была.
Моя Лейли отдалена была,—
Ей бог дорогу одолеть помог.

Но вновь она ушла, как ветер дня.
Изрежу сердце, сам себя казня!
Молчал: столбняк оцепенил меня;
Вот корень ста безумств и ста тревог!

Прошла до солнца — бровь, как серп луны;
Я думал, видя: вечно те же сны!
Меджнун сказал: все ночи слез полны.
Опять разлуку возвращает бог.

Лейли не выносит разлуки. Умирая от любви, она последний вздох посылает Меджнуну:

Меджнун! Мой вздох печален стал и тих.
Приди, мой богоданный! Торопись!
Мощь сердца моего и глаз моих —
Любимый, долгожданный, торопись!

Я становлюсь пред роком все бедней,
Отец и мать не веселят мне дней.
Один любимый в памяти моей,
Сожженной и туманной. Торопись!

Раскрылась роза, а певца ей нет.
Душа без крова, и дворца ей нет.
Меджнун в пустыне, и конца ей нет.
Коль ты идешь, желанный,— торопись!

Твоя постель приснилась мне, бела!
Ты спал, и кровь из глаз твоих текла.
О, только б жизнь твоя была цела!
Я в скорби несказанной. Торопись!

Мой стан — «алиф», согнулся, словно «дал».
Ограду сада ветер изломал.
Я не хочу, чтоб свадьбу ты сыграл
С невестой бездыханной. Торопись!

Что бедность нам! День встречи недалек.
Ах, стон Лейли, как небо, стал высок.
Мой ласковый, блеск глаз моих и щек,
Мой день благоуханный,— торопись!

Лейли умоляет мать не обижать без нее Меджнуна:

Мать, завещаю: если он придет,
Ты друга лучших дней не укоряй!
Он, в сердце ранен, кровью истечет,
Так будь к нему нежней,— не укоряй!

Пусть нас не оскорбляет глаз чужой!
Пусть милый праха не поит слезой!
Пусть не глядит он жалко пред тобой!
Страдальца пожалей,— не укоряй!

Я утаю ли тайну хоть одну?
Любовные все муки помяну.
Я, в реку смерти погрузясь, тону.
Его, кто всех грустней,— не укоряй!

На небе рока стал Меджнун луной.
Как радостно он умер бы со мной!
Ах, нужен ли влюбленным шах иной?
Его, кто всех смелей,— не укоряй!

Он не вздыхал о радостях земли,
В труде, в тревогах дни его прошли,
Не разделил блаженства он с Лейли.
Томлюсь... Души моей не укоряй!

После смерти Лейли к могиле ее приходит Меджнун,
чтобы навсегда окончить здесь свой жизненный путь.
Мать Лейли, выполняя завещание дочери, рассказывает Меджнуну
о ее последних минутах:

Коль ты Меджнун, я все сказать должна:
Лейли навек заснула,— горе мне!
Теперь о ней забудь: ушла она,
Свечу мою задула,— горе мне!

Пусть дни и ночи плакала, но знай —
Из глаз ее мне улыбался рай.
Был у меня поющий попугай,
Та птица упорхнула,— горе мне!

Ее лица уже не видеть нам:
Ушла под землю и осталась там.
Как вздох ее последний передам?
Скорбь губы мне замкнула,-- горе мне!

Лейли вскочила, пробудясь от сна.
«Меджнун мой умер!» — вскрикнула она
И умерла. И вот — погребена.
А нас к земле пригнула,— горе мне!

Коль ты Меджнун, не опускай лица,
Лейли испепелила нам сердца.
Не жги! Вся сожжена я до конца!
Где караван аула? Горе мне!

Мои слова слезами утекли,
Тебя мы за «меджнуна» здесь сочли.
Я мать умершей девушки Лейли,
Я в скорби утонула,— горе мне!

МАГРУПИ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
XVIII век

ЧТО НУЖНО

Джигиту, чья душа — огонь,
Подруги чистота нужна.
Еще джигиту нужен конь
И сабли острота нужна.

Не полюбив, мы не вздохнем.
Не станет робкий храбрецом.
Не станет щедрым скопидом,—
Будь щедрым: доброта нужна!

Ты дожил до седых волос,
А всуе слово произнес.
Уж лучше бы залаял пес!
Лишь глупым суета нужна!

Девица — как весенний цвет,
Старуха — как померкший свет.
Ты благонравна, спору нет,
Но женам красота нужна.

Я — Магрупи, и я пою,
О тур-джигит, грозу твою!
Где твой скакун? Где меч? В бою
Отвага, быстрота нужна!

ДОВЛЕТЪЯР

Песни из дастана

1

Я долго жил, не видя гор,
Теперь я с вами свижусь, горы!
Летит мой конь во весь опор,—
И вы все ближе, ближе, горы!

Мне лёт коня утехой был,
Клинок нещадно беков бил,
Мне дол цветы кошмой стелил
И звал в ночную свежесть, горы.

Мой конь — дракон. Товарищ мой
Идет бестрепетно за мной,
Когда с врагом за край родной
С иноязычным режусь, горы!

Хочу я голову сберечь,
Чтоб за народ поднять свой меч,
Мечом рубить, косить и сечь,
Потешить вас на славу, горы!

Когда сшибется, в битве яр,
С врагом веселый Довлетъяр,
Для нас дневного солнца жар
Уйдет в туман кровавый, горы!

Седлайте коней! Пришел наш час!
Двинуть великую рать пора.
За родину в бой! Должна для нас
Блаженная засиять пора.

Стрелам свистеть, срываясь с тетив,
Коням лететь, в заоблачье взмыв,
Хлопьями пену роняя с грив,
Пыль до небес подымать пора!

Славы горит золотой венец.
Он наш! Натягивай лук, стрелец!
Для супостата — света конец.
Каяться, к небу взывать пора!

Прям Довлетъяр и правдой силен,
Битва и правда — вот наш закон.
За мной, кто жить для боев рожден,
Кто душу готов отдать! Пора!

3

Как битва — пир. Как на пиру,
В ней головы легко лишиться.
Ловите юности пору,—
Пять дней лишь ей, не доле длиться.

На поле брани равен всяк,—
Сравнится с баем здесь бедняк.
Но трус, как заяц от собак,
Пальбу заслышав, с поля мчится.

Зато храбрец потехе рад,
Как сокол, конь под ним крылат.
Отвага возросла в сто крат,
Коль вождь призвал за волю биться.

Пир Довлетъяра — бой. Кому
Наш пир не люб, дружить тому
С могилой только. Пусть ему
В могильной тьме раздолье снится!

4

Блаженные годы и дни,
Расстаться нам в пору — прощайте!
Дающие жизнь родникам,
Скалистые горы, прощайте!

Сады, где, тоскуя, гремят
Всю ночь соловьи, где гранат
И яблоко сладость дарят
Голодному взору,— прощайте!

Дороги! Как весело мне,
Бывало, на быстром коне
Нестись по родимой стране
В степные просторы,— прощайте!

Ручьи, вы, усталых, сейчас
Поили и тешили нас,—
Не в сотый, не в тысячный раз,—
Кто скажет, в который? Прощайте!

Где плещутся утки всегда,
Где светочем божьим вода
Горит и, как он, никогда
Не гаснет,— озера, прощайте!

И месяц, что смотрит с высот,
И солнце, что свет нам дает,—
Вы правильной веры оплот
В душе Довлетъяра,— прощайте!

ШАБЕНДЕ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
Ок. 1720—1800

ГЮЛЬ И БИЛЬБИЛЬ

Отрывки из дастана

Сын туркменского хана Бильбиль влюбляется в иранскую царевну Гюль. Вместе со своими друзьями Зелили и Сала-беком и своим школьным учителем, веселым Каландар-молла, он отправляется на поиски любимой. В пути друзья преодолевают многочисленные препятствия. В конце концов Бильбиль остается один. Его друг Зелили женился на дочери дракона, волшебнице Айслу, веселый Каландар стал зятем шаха Стамбула, а Сала-бек избрал женой царицу страны Талус — Гунчаби, которую он защитил от дракона.

Бильбиль находит Гюль, но отец красавицы обрекает на казнь дерзкого юношу. Бильбиль мужественно готовится к смерти и этим вызывает сочувствие шаха. Гюль и Бильбиль соединяются.

Слово Шабенде о любви Гюль и Бильбиля:

Я тоже странник пламенных дорог,
И мне смеялись Гулистаны, беки!
Мой щедрый стих купца найти не мог:
Так я слагал свои дастаны, беки!

Здесь клад сорокапесенный зарыт,
В звучанье сорок семь поющих птиц:
Из них любая мертвых оживит,
Спасет живых, излечит раны, беки!

Мои стихи под музыку читай!
Они — кинжалы! И вино! И рай!
Они печали скажут: улетай!
Заставят зазвенеть стаканы, беки!

О, Гюль — Бильбиль! О, Гунчаби — Сала!
О, Ай-Джемаль и Каландар-молла!
О, Зелили — Айслу! Любовь свела
Влюбленных и ввела в обманы, беки!

Единый рок моим влюбленным дан,
Жгутом любви я сплел их — к стану стан.
Не думайте, что написать дастан
Легко, как опростать карманы, беки!

Не говорите: Шабенде писал,
Как тот, кто о своей беде писал!
Нет, был я пьян! Своей звезде писал!
Мои богатства богоданны, беки!

Бильбиль рассказывает друзьям о своей любви к Гюль:

Друзья, прекрасную, ее, кто всех нежней, я полюбил.
Две розы щек и гиацинт ее кудрей я полюбил.
Прекраснейшую — нет, увы, подобных ей! — я полюбил.
Луну четырнадцати дней, свечу ночей, я полюбил.
Путь стольких вздохов, стольких слез,— тот путь путей
я полюбил.

Взошла, взошла Зохре-звезда, дочь солнцелунного луча.
Ее глазам я жизнь отдам. Ко мне, два черных палача!
Нет слаще губ! Ее слова — речь сладкоструйного ключа,
В ночи кудрей укрыл бы я глаза, от скорби их леча.
Ресницы — стрелы, тонкий лук ее бровей — я полюбил...

О нет! Красавицы такой я б не нашел в подлунной всей.
Увидел, разлучился вновь и кровью плакал я по ней.
В слезах скитаюсь по земле без счета лет, без счета дней.
Художник-мастер начертал ее тончайшей из кистей.
Точеный стан, как кипарис, еще стройней — я полюбил.

Гранат Эдема на груди: он слаще всех земных плодов.
Прекрасный образ! Свет его нам солнце заменить готов.
Иль пери чистая она, иль гурия восьми раев.
. . . . . .
Сам божий рай, что выше всех и всех светлей,— я полюбил.

Пусть, как огню Халил-алла, своей любимой стану люб!
Пусть, на качелях закачав, мне душу сгубит душегуб!
Пусть, как Джерджис, исчезну я,— на сто частей разъятый труп!
Пусть стану я рабом любви, как продан в рабство был Юсуп!
Базар влюбленных, путь любви,— уразумей! — я полюбил.

Я обезумел, голова любовным ветром спалена.
Ресницы — синяя сурьма, на пальцах — золотая хна.
Люблю тюльпан и гиацинт в твоем саду, моя весна!
Благословил меня Хафиз,— его мне сила вручена.
Бильбиль сказал: царицу роз, как соловей, я полюбил!

Учитель Бильбиля, веселый Каландар-молла, одобряет своего юного друга:

Ты счастлив: стал рабом любви, из милых рук ты пил вино.
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!
Объятья милой — счастлив ты! — пьяней, чем райское вино:
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

Пусть ради той, кого любил, зажглась печаль в твоей крови,
Ты — мотылек, она — свеча; с душой обугленной живи!
Не семь ли странников любви безумны стали от любви?
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

Сто тысяч бедствий одолев, Юсуп завоевал жену.
Халил вошел в огонь любви, того Халила помяну.
Довольно стонов! Пей вино, будь весел! Обними луну!
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

Бильбиль мой, жизни не жалей! В просторной чаше утони!
Мой сын, с ублюдками не пей, вино лишь портят нам они!
Добейся пери! Счастлив будь! К любви любимую склони!
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

Эй, кравчий, кубок наливай! Вином воспламенимся мы!
Восторг на волю выпускай! С ним втрое опьянимся мы.
И пусть безжалостна любовь, ей в рабство отдадимся мы!
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

То роза в алом цветнике желаньем кровь твою зажгла.
Ее язык тебя пронзил, как боли сладкая стрела.
Мой сын, ко мне! Печаль твою разделит Каландар-молла:
Неверен пятидневный мир,— так опьяняйся, будь блажен!

Разыскивая Гюль, Бильбиль и его друзья вступают в битву с шахом Стамбула, также влюбленным в Гюль. Шах убит. У шаха — прекрасная дочь Ай-Джемаль, на которой женится Каландар-молла. Бильбиль продолжает путь, вдохновляя себя и спутников песнью:

Друзья, коль милой нет со мной, ночей и дней не надо мне!
Что мне закон? Что царский трон? Жилья царей не надо мне!
Моя казна мне не нужна. И славы всей не надо мне!
Коль нет любимой, что мне мир? Пустых ларей не надо мне!
Что мне без милой плоть моя? Души моей не надо мне!

С крылатой праздностью былой трудом упрямым разлучен,
Во имя гурии с душой и с телом самым разлучен.
Забыв Ирак и Астрабад, с Хотаном, с шахом разлучен,—
Что Исфаган, Стамбул и Рум! — пустынь, морей не надо мне!

Я с верным сазом говорю, вверяя скорбь его струнам:
О, слушай! Помни! Я горю! Я ради милой жизнь отдам!
Дал чашу кравчий. Скорбь топя, в той чаше утонул и сам.
Сказали мне: она живет в далеком городе Синфам.
Родных людей я потерял. Чужих людей не надо мне!

Любимой нет. Коварный рок мне в пищу подсыпает яд.
Достиг четырнадцати лет, томясь по ней семь лет подряд.
Пусть птицы тело расклюют, пусть выпьет кровь подземный гад,
Я в сто боев идти готов, о, только б не идти назад!
Пустого дома, запертых глухих дверей не надо мне!

С любимой — одного хочу! — на пир любви прийти вдвоем.
Лишь обладаньем, о друзья, недуг любовный мы уймем.
В пустынях истомился я, истосковался об одном!
Пески и гребни одолев, назвал печаль своим путем.
Без милой мира,— если он забыл о ней,— не надо мне.

Нет, беки, с нежного пути я не сойду, пока живу,
Пока пурпурнейшей из роз в саду любимой не сорву,
Пока вином я вместе с ней не опьянюсь, презрев молву,
Пока безумье стольких снов я не увижу наяву!
Сто тысяч роз — в самом раю нет розовей! — не надо мне!

Ах, птица сердца отдалась любовным пламенным силкам.
Я опален. Ожог любви печаль предвозвещает нам.
Дохнул губительный хазан, несущий смерть земным цветам.
Увы, не помню, долго ль я бродил по саду Диларам!
Бильбиль сказал: в разлуке с Гюль любви ничьей не надо мне!

Бильбиль доходит до реки Нил. Здесь он еще раз дает клятву, что найдет свою Гюль любой ценой:

В путь выйдя, беки, не сверну с пути:
Иль я умру, иль с пери возвращусь!
Мне не искать богатств и не найти:
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Пусть я в пути расстанусь с головой,
Пусть,— полы в пояс,— выйду в смертный бой,
Пусть утону, бездонной взят рекой,—
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Огни родной земли не знаю где.
Любимая вдали, не знаю где.
Где воины? Ушли. Не знаю где!
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Я не погибну и в губящий час.
Мой бог не глух, мой разум не погас.
Ступайте, беки, отпускаю вас!
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Пусть встанет враг кольцом живых оград,
Пусть рок мне примешает в пищу яд —
Все одолев, я не вернусь назад:
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Мне Ибрагим, Халил сродни душой,
Мне Исмаил пророчит жребий свой.
Коль Зелили и Сала-бек со мной —
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Бильбиль сказал: пред богом я стою.
Отец и мать — опора соловью.
Ступайте к ним — на родину мою!
Иль я умру, иль с пери возвращусь!

Бильбиль находит Гюль и проводит с ней несколько дней. Отец девушки, шах Алиджан, повелевает казнить Бильбиля. Бильбиль готов умереть за свою Гюль.

Из-за любви я бросил дом,— спасет ли бог? — за тем пришел.
Я заживо сгорел в огне ее дорог,— за тем пришел.
Без милой, тело без души, я жить не мог,— за тем пришел.
Ты — шах, я странником вступил на твой порог — за тем
пришел!
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Я ради милой вышел в путь,— убог, недужен, разлучен
С отчизной, домом и людьми, с кем был я дружен,— разлучен.
С базаром пестрым, с чайханой, с ларем жемчужным —
разлучен.
С землей, стадами и казной — и трон не нужен,— разлучен.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Я снарядился, вышел в путь,— и милый край из глаз исчез.
С тех пор доспехов не снимал, с коня ни разу я не слез.
Мой Шасенем носил меня, рубил врагов мой дембермез.
Чрез весь Иран я пролетел — пескам, горам наперерез.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Я многих женщин покорил, но душу хоть одна взяла ль?
К чему без милой мне Талус? Стамбул покинуть мне не жаль.
Я отказался от Айслу, от Гунчаби, от Ай-Джемаль.
Я на красавиц не смотрел, владела сердцем лишь печаль.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Я семь иклимов повидал, без счета стран я миновал.
Рубил я сильных, не один точеный стан я миновал.
Лучистых глаз, миндальных век зазыв-обман я миновал.
Широкий Нил, Кухи-Салар и Харкелам я миновал.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

В прекрасном городе Синфам с печалью распрощался я.
В саду-бостане Сенлгах с любимой повстречался я.
Прости мой грех! Я счастлив был, с подругой обнимался я.
Зенит блаженства я познал, с возлюбленной сплетался я.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Коль милой нет в моем саду, тоска — награда для меня.
В ее руках я отдыхал, любовь — ограда для меня.
Без милой сам я без души, жизнь горше ада для меня.
Бильбиль я; в долгожданной Гюль все розы сада для меня.
О Гюль моя! Слагаю жизнь у милых ног,— за тем пришел!

Шах помиловал храброго Бильбиля. Прощенный просит отпустить его на родину:

Шах, гостеванью моему
Пришел конец. Туда! Туда!
Алтарь души в твоем дому,
Но там мой жрец. Туда, туда!

Услышь: кротка моя печаль.
Покинуть твой дворец мне жаль.
Но птица сердца рвется вдаль,—
Живой гонец. Туда, туда!

Я по возлюбленной скорбел.
Но торжествует тот, кто смел.
Теперь хочу в родной удел,
В родной дворец! Туда, туда!

В одеждах скорби мать с отцом,
В одеждах скорби отчий дом.
Хочу дышать в краю родном,
Где мать, отец! Туда, туда!

Родимый, речь мою прости!
О шах, на светлые пути
Ты Гюль с Бильбилем отпусти!
Там — рай сердец! Туда, туда!

Бильбиль возвращается домой и счастливо живет с прекрасной Гюль.

ШЕЙДАИ

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ
Вторая половина XVIII века

ПРИШЕЛ НОВРУЗ

Пришел Новруз — весь мир цветет сегодня.
О розе соловей поет сегодня.
Ликуя, сердце радость пьет сегодня.
Любовь везде, во всем живет сегодня.
В пустыне — счастья сад растет сегодня.

Пришел Новруз — цветы принарядились.
Пурпурный, белый — золотом покрылись.
В цветник земля и небо превратились.

В восторге страсти воли мы лишились.
Грех тяжкий душу не гнетет сегодня.

В челне Новруза розовые лица;
С рубинов губ нектар речей струится.
Стан — кипарис. Лицо откроешь,— впиться
Готовы стрелами твои ресницы.
Смерть — всех, в тебя влюбленных, ждет сегодня.

В садах зеленых девушки гуляют,
Подобно розе, сердце озаряют,—
Луне подобно свет распространяют,
Красою Шейдаи ошеломляют,—
К их лицам взор влюбленный льнет сегодня.

ПРОЩАНИЕ С СЫНОМ

Что делать мне, мое дитя? Я всюду был с тобой.
Всю силу чувства, жар души всегда делил с тобой.
Тебя лелеял у груди. И ел и пил с тобой.
Иди, душа моя, иди! Дитя, аллах с тобой!

В саду весеннем для меня ты яркой розой был.
Ты — редкий жемчуг. Для меня ты слаще меда был.
Умом, сознанием моим, моим покоем был.
Иди, душа моя, иди! Дитя, аллах с тобой!

Разлуку как перенести с тобой, любимый мой?
В слезах я богу шлю мольбу, да будет он с тобой.
Будь покровителем твоим в пути пророк святой!
Иди, душа моя, иди! Дитя, аллах с тобой!

Ты голову мою унес. Как без тебя мне быть!
Кровоточащих сердца ран ничем не излечить.
В себе я силы не найду разлуку пережить.
Иди, душа моя, иди! Дитя, аллах с тобой!

Я, твой отец, о мой Хуршит, разлукой превращен
В одно стенанье, в плач один, в один тяжелый стон.
Я рву одежды на груди, тоскою угнетен.
Дитя увидев, плачу я, душой окровавлен.
Иди, душа моя, иди! Дитя, аллах с тобой!

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ НЕ ВИДАЛ ЛИ?

Жаворонок быстрый в поднебесье,
Ты моей любимой не видал ли?
Жалобу в твоей я слышу песне,—
Ты моей любимой не видал ли?

Отвечай, садов листва густая!
К полевым цветам в тоске взываю,
Горлинку спрошу я, попугая:
Вы моей любимой не видали?

Соловьем покинутым тоскуя,
Верным сердцем милую люблю я.
Отозваться сокола зову я:
Ты моей любимой не видал ли?

Снежных гор далекие громады,
Горных коз кочующее стадо,
Птицы — обитательницы сада,—
Вы моей любимой не видали?

Шейдаи, к луне с вопросом этим
Обращусь, невмоготу терпеть мне.
Сенувбер, Гюль повстречав, ответь мне:
Ты моей любимой не видал ли?

БУХАР-ЖЫРАУ

КАЗАХСКИЙ ПОЭТ
1693—1787

ОБРАЩЕНИЕ ПОЭТА БУХАРА К ХАНУ АБЛАЮ

Хан Аблай, отправляясь в поход, собрал батыров на совет и празднества и сказал им какие-то обидные слова, был с ними высокомерен. Певец из простолюдинов, Бухар-Жырау произнес свое

СЛОВО К ХАНУ АБЛАЮ

Э-эй, Аблай, Аблай!

Не лести звон, не брани лай —
Послушай истину, Аблай,

Я для тебя открою, хан,
Стрелоподобных слов колчан.
Когда увидел ты меня,
О, как обидел ты меня,
Костер радушья погасив,
Ты был надменен и спесив.
Эй, Туркестан припомни,— там
Ты по каким гулял местам?
Ты на каких камнях сидел?
Порой как женщина глядел,
Глядел, как трус, как грязный раб,
Тогда ты жалок был и слаб.

Послушай, хан Аблай, меня:
В свой дом вглядись при свете дня,
В себя вглядись, очнись, проснись:
Судьба — на кончиках ресниц!
Когда народ рассечен был,
Ты, хан Аблай, беспечен был,
Когда печаль сошла на мир,
Где отсиделся ты, батыр?
Не воевал, а пировал,
В дворцах воздушных пребывал...

Э-эй, Аблай, Аблай!

Быть может, мне сказать о том,
Как ты, кичась, оставил дом?
Тобой — отцом, тобой — вождем
Был прах бессмысленно рожден.
Окольных ты искал дорог,
От себялюбья изнемог,
Бродил, окован страхом, ты,
Был сартом — не казахом ты!
Июнь прошел, июль настал —
Спроси любого, кем ты стал:
Такого в мире не найти,
Чтоб воин жирным стал в пути!..

Э-эй, Аблай, Аблай!

Но кончен путь в пыли густой,
Ты свадьбу справил со звездой;
Да будет счастье с госпожой,

Да не придет народ чужой
К тебе в соседи, и рука
Да будет ханская крепка,
Да не извергнут ложь уста,
Пускай навет и клевета
Тебя минуют восемь раз
И поднятый не дрогнет каз.
Путь для народа расстилай
Без ям и рытвин, о Аблай,
При звездах раскопай родник,
Чтобы к утру поток возник!

Э-эй, Аблай, Аблай!

ЖИЕН-ЖЫРАУ

КАРАКАЛПАКСКИЙ ПОЭТ
XVIII век

РАЗОРЕННЫЙ НАРОД

Из поэмы

В Туркестане, в стране отцов,
Мы пристанища не нашли,
Хоть работали целый год,
Не хватало на ползимы
Хлеба оскудевшей земли.

Черная настала беда —
Лет засушливых череда.
От набегов ханских страдал,
Вымирал, погибал народ.
Истлевали трупы людей
На песке пересохших рек.

Налетали со всех сторон,
Пировали стаи ворон.
Беззащитен был человек.
И от горя у дев степных
Косы черные расплелись.

По арыкам, вместо воды,
Волны крови нашей лились.
Сына не мог отец спасти,
Сын — отца от беды увести.

Старухи со сгорбленной спиной,
Старцы преклонных лет
Не могли поспеть за кочевкой вслед,
Отставали в пути.

Непогребенными остались они,
Не смогшие Кызыкум перейти,
От голода ослабели они,
Брели еле-еле они.

* * *

Разоренный каракалпакский народ
В богатый Хорезм пошел;
Бросил пастбище, пашню, дом.
В Туркестане — в краю родном —
Он пристанища не нашел.

Одиноким и нищим, нам,
Обездоленным беднякам,
Наши главные не помогли.
Были склонны к жестокости и греху
Восседавшие наверху.
Наш казий дела неправедно вел,
А ишан развратен был, как козел.

Все, что есть у нас,— вымогали они,
Пыткам нас подвергали они,
Людей, не повинных ни в чем.
Солнца правды скрывая лицо,
Горе наше усугубляли они.

Эй, джигиты, братья мои!
По пустыне вы разбрелись,
На плечах своих ношу влача,

Не нашли в пустыне ключа,
Чистой влагой не напились.
От голода ослабели вы,
Лицом потемнели вы,
Ваши руки, могучие еще вчера,
Словно у больных,— затряслись.

День померк. Закрутил снеговей.
Мы не видели ясных дней.
Мы голодные шли в степи снеговой
С непокрытою головой.

Наши матери на руках
Плачущих младенцев несли.
Пересохло у матерей молоко,
Только слезы из глаз текли.
И не знает бедная мать,
Чем ребенка слезы унять;
Нечем ей дитя накормить.

А несчастный отец — покровитель семьи —
Чем поможет? Ведь должен он
Котел на спине тащить.
Ах, бедные матери! Где ваш след?
Ах, бедные девушки! Где ваш цвет?
Наши почтенные старики,
Где былая сила вашей руки?
Вы не в силах шагу ступить.
Почтенные — как жалки они...
Бредут, опираясь на палки, они,
Измученные — опять и опять
Садятся они отдыхать.

Кучками в пустыне маячат они.
Отстали...
Садятся и плачут они.
И некому их спасать.

Как овца, отбившаяся от отар,
Оставался в пустыне, кто слаб и стар.
Возвращались к ним сыновья,
Уводили, словно на поводу,
А старик говорит: «Дорога долга...
До Хорезма я не дойду!»

* * *

О, страдания матерей!
Опираясь на сыновей,
Через силу они бредут.
Из последних сил сыновья
Матерей несчастных ведут.
Сил источник в них изнемог.
Со словами: «Прощай, сынок!» —
Умирают они в пути.
Чтоб одеть умерших, саванов нет,
И заплаканные сыновья,
Облачив умерших в клочья тряпья,
В ямах хоронят их.
Ставят знаки, чтоб на обратном пути
В пустыне их след найти.
Ах, джигиты, джигиты мои,
Дорогие мои друзья!
Вы уходите дальше — в степь.
Неотступно за вами — я.
Мы бредем поредевшей толпой
Средь пустыни этой скупой.
Много было женщин с детьми,
Что ушли к хорезмским садам.
Разоренным им счета нет,
Что брели по нашим следам.
Нет страданий в мире лютей,
Чем страданья малых детей.
Неразумный ребенок грудной
Плачет...
Детский услышав крик,
Дыбом становится волос мой,
Прилипает к нёбу язык.
Матери ноги едва волокут,
Не бросают малюток — несут.
Сколько молодых матерей
По дороге умерло тут!
Распеленатых их детей
Средь пустых безлюдных степей
Черные воро́ны клюют.

О, погибшие молодые сердца,
Без защиты, без матери и отца,
Как весенний цвет, облетели вы,

В пустыне истлели вы!
Ничего, чем славится белый свет,
Увидать не успели вы.
За неделю, как цвет степной,
В зное дня обгорели вы.
Ваша гибель запала в душу мою!
Пусть об этом я спеть могу,
Что за толк вам, родные, в том?
Чем я вам теперь помогу?

АГА МАСИХ ШИРВАНИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
XVIII век

МУХАММАСЫ

* * *

Ласкающий твой лик блистает, как заря,
К влюбленным нежен он, отрады им даря,
И ротик твой лукав, шарады говоря,
Нигде подобной нет, хоть проплыви моря,
Аллах свои дары так расточал не зря.
К лицу ль тебе наряды?

Зачем тебе впивать служанки льстивой речь
И в зеркало глядеть, его напрасно жечь?
Столь нежному лицу фата — как острый меч,
Сурьма очей могла б всю Исфахань увлечь,
И мог бы взмах ресниц сто жизней вмиг пресечь!
К лицу ль тебе наряды?

Явись же к нам, в меджлис, подняв нигаб с чела,
Чтоб краска губ твоих красней вина была,
И пена звонких чаш сама с ума сошла,
И виночерпий сам свалился у стола,
И эта ночь, как я, слезами изошла!
К лицу ль тебе наряды?

Когда войдешь ты в сад — как легок каждый шаг!
Пусть розы вдаль бегут, пусть в горы сгинет мак!
Одна лишь хна рукам твоим приятна так.

И белый твой нигаб ланитам ярый враг.
Они — как солнце днем, а ночью — гонят мрак!
К лицу ль тебе наряды?

О, прелесть! О, краса! О, полевой цветок!
Но к прочим женщинам аллах весьма жесток:
Он дважды изваять такой красы не мог.
Пусть сам изменится весь с головы до ног,
Чтоб повторил тебя его чудес поток.
К лицу ль тебе наряды?

Твой стан — как кипарис, бутоны уст влажны,
И кажется, зрачки всегда изумлены,
А кудри вкруг чела — затмение луны,
А брови с месяцем соперничать вольны!
Все говорят «салям» огню твоей весны.
К лицу ль тебе наряды?

В твоих речах пророк отыщет суть вещей.
Ты — Хызр, что указал исток живых ключей,
И вся ты — благодать!.. Что в мире горячей
Не солнечных — твоих дающих жизнь лучей?
Твой облик с красотой я не сравню ничьей.
К лицу ль тебе наряды?

* * *

Не спрашивай, душа, где правды свет? Исчез.
Он в прошлых временах, а нынче нет — исчез.
Где хлебосольство, где благой привет? Исчез.
Где крепкий тот бальзам, что не во вред? Исчез.
Где дух, что не сдался от стольких бед? Исчез.

Заносчивость людей — как парус в дождь и мрак,
Их кормчий, страстью пьян, вертит и так и сяк.
Где берег? Далеко. Здесь гибель, что ни шаг.
Кто, зоркий, разглядел благой в пучине знак?
Где страх перед концом? Кто чист и благ? Исчез.

Аллаху не верны, с Кораном не дружны
И шаха, что ни день, менять себе вольны,
Загадочных письмен им шифры не даны,
Правдивый человек неведом для страны,
Он сабля на боку, он в час войны исчез.

И ведает аллах, что, молод или стар,
Любой продаст страну и веру за динар,
Что женщин чистота и стыд — легки, как пар,
Что для мужчин ничто правдивый, честный жар,
Что человечности редчайший дар — исчез.

Масих! Уйди, отпрянь от мира. Он — исчез.
Молитвы сгинули, честной поклон — исчез.
Где мудрый хан? Пропал. Где наш закон? Исчез.
Где стойкий человек? Он обойден, исчез.
Где верный друг и брат? И он, как сон, исчез.

ГАЗЕЛИ

* * *

Душа, спасения искать у ветреницы тяжело.
Кто истины не знает, тот с трудом влачит несчастий зло.

И в трудный день, и в добрый день она, как друг, совет подаст;
Как хлеб разделишь ты, когда с изменником тебя свело?

Ах, рифмам трепетных ресниц не запрудить поток любви,
Его стремнину не смирит благополучия весло.

Что делать, рушится душа; ты шах души моей,— и вот
До гибели твоей страны, до разрушения дошло.

Как видно, мне сгореть в огне, бросаюсь в пламя я, Масих,
Мне тьму сулит свеча любви, хотя вокруг нее светло.

* * *

Кровоточащий сердца плод для стрел твоих судьбою дан,
Души летящей мотылек, чтоб вспыхнуть над тобою, дан;

Не торопись, не осуждай самосожженье мое —
Во славу милой жребий мне идти такой тропою дан.

Глаза прекрасных им даны, чтоб на тебя смотреть, любя,
Кокетства острый меч тебе, чтоб быть готовой к бою, дан.

Как лист заледеневший, я застыну на пути к тебе,
Мне биться в западне приказ судьбой моей слепою дан.

Из тех, кто увидал тебя, кто восхвалять устал тебя?
Порыв склониться пред тобой чертой твоей любою дан.

Под грузом милостей твоих поник трепещущий Масих,
Ему удел быть заодно с влюбленною толпою дан.

ПЯТИСТИШИЯ

Краса вселенной, о тебе давно закончить споры надо,
Премудрому, чтоб жизнь познать, узреть земли просторы надо,
Для углубления в себя отринуть разговоры надо,
Чтоб править празднеством, иметь начальственные взоры надо,
К тому, кто поученьям рад, придут веселье и отрада.

Да не прельстится ни один ни суеверием, ни сплетней,
Да будут в мире и в ладу орел небес и червь последний,
Да будет полною луной обличье совершеннолетней,
Да будет смоль ее волос глазури куполов заметней,
Рост благородный ей иметь, осанку царственную надо.

Хвала прекрасному лицу, гордящемуся кожей гладкой,
Хвала ресницам — их сравню с дающею нам тень палаткой,
Хвала жемчужинам-зубам, выглядывающим украдкой,
Стократ хвала твоим устам, дарящим благодатью сладкой,
Тебя налитому росой тюльпану уподобить надо.

ЗАКЛИНАНИЕ

Эй, красавица с ликом-луной,
Погляди, что случилось со мной,
От меня отделясь, как стеной,
Ты, любимая, стала чужой;
Лучше быть мне в горячей золе,
Чем страдать без надежды во зле,
Ты спасенье мое на земле —
От тебя я отрезан межою.
Я взмолюсь у заветных дверей:
«Откровенностью душу согрей,
Мой поступок поведай скорей —
И убей,
А я благословлю твои руки».

ВАГИФ МОЛЛА-ПАНАХ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ
1717—1797

ГОШМЫ

* * *

Душистые, нежные кудри твои
Рассыпались черной волной, Фатима.
Зачем насурьмила хмельные глаза?
Взгляни, я и так чуть живой, Фатима.

Влюблен я в лукавые кольца кудрей,
Влюблен я в румянец, зари розовей.
Сокровища мира возьми поскорей,
Но только останься со мной, Фатима!

За твой волосок, за единый твой взгляд
Отдам без раздумья Китай и Багдад.
Пусть стрелы-ресницы мне сердце пронзят,—
Любуюсь жестокой игрой, Фатима.

Ты бровью играешь, как ты хороша!
Молчу, потрясенный, стою не дыша.
Но горем объят я, в смятенье душа —
Мой дом обошла стороной, Фатима.

Стрелою респиц ты пронзила меня,
Румянец твой жжет горячее огня,
Как грешник сгораю, свой жребий кляня,
Влюбленный Вагиф пред тобой, Фатима.

* * *

Женщина, что сердцем хороша,—
Век пройдет,— она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.

Благородной красота верна,
Стройная — не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет.

Кровь ее девически чиста,
Ярче свежих роз ее уста.
Стрел острей ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.

Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит все тот же свет.
Обаянье меньше в ней не станет.

Истинное счастье — не забудь —
В той, что знает страсти скорбный путь:
К девушкам, Вагиф, не надо льнуть,
А не то спокойных дней не станет.

* * *

Чужими друг другу мы стали давно.
При встрече мы слов не нашли и расстались,
Нам втайне терпеть нашу боль суждено,
Друг к другу на миг подошли и расстались.

Чужие, от встреч мы не ждем ничего,
Давно не кружусь вкруг лица твоего.
Мы шли на огонь, но, достигнув его,
Одежды лишь край подожгли и расстались.

Мы пробыли только мгновенье вдвоем,
Не дрогнув, не вспыхнув любовным огнем.
Сердец не согрев, мы в упорстве своем
Обиды простить не смогли — и расстались.

Порвали мы дружбу, терзанья терпя,
Не выдали горя мы души скрепя,
Так, птицу души отпугнув от себя,
В молчанье глаза отвели и расстались.

Любовь обернулась Вагифу во зло.
Напрасны мученья. Все прахом пошло.
Сойдясь, не открыли, как нам тяжело
Век жить друг от друга вдали, и расстались.

* * *

Темноглазая гонит меня в сердцах:
«Не подмигивай мне, не срами меня!
Здесь догадливых много, подумать страх —
Опозоришь навек пред людьми меня!»

Только вздохи да взгляды — что толку в них!
Ветер кудри отвеял от щек твоих.
Целоваться пора, мир во тьме затих.
Ни к чему тут лукавство — пойми меня!

Заклиная, моля, говорит Вагиф,
Плечи нежные жаркой рукой обвив:
«До притворства ль теперь, я и впрямь чуть жив,
Я сгорю, я умру — обними меня!»

* * *

О Сафия, пою,— и голос тих,—
Как соловей, томимый страхом, стал.
Я гнусь дугою в честь бровей твоих.
Мой стан — серпа застывшим взмахом стал.

Твои слова невольно говорю,
Невидимо, безогненно горю.
Смотрю сквозь слезы на твою зарю...
Морями слез, клянусь аллахом, стал.

Красавица, по саду бродишь ты.
Ах, руки, ноги — белые цветы!
Ты — солнце бесподобной чистоты.
Я пред тобою пылью, прахом стал.

В твоих очах — жестокость палачей.
Не покидай, ведь нет меня верней.
Коль в мире бренном будешь ты моей,
Почудится — я падишахом стал.

Какая прелесть в говоре твоем,
В лукавстве милом, в смехе молодом!
Каабою Вагифу стал твой дом,—
О, наконец-то я дервишем стал!

* * *

О ты, что так же зла, как хороша,
Есть у тебя хоть капелька стыда?
Где разум твой, скажи мне, где душа?
Не можешь ты не наносить вреда.

Что ж ты бежишь? Почуяла беду?
Стой! Я к тебе за помощью иду.
Неверная, пожар в твоем саду,
Сгоришь ты. Не останется следа.

Ушла, хоть я и не сказал — уйди.
Я ль виноват? Другой? Сама суди.
Не камень ли, скажи, в твоей груди,
На месте сердца, не осколок льда?

Будь проклят сад жестокой красоты!
Я в сердце больше не впущу мечты.
Разлуку эту я стерплю. А ты?
Попробуй-ка! Не стерпишь никогда.

Проклятье шлю принесшей столько мук.
Неизлечим, Вагиф, ее недуг.
Жилье неверной пусть обходит друг;
Будь стоек, знай — возврата нет туда.

* * *

На свадьбу, на веселый той
Подружек созвала невеста.
Я омрачен, я сам не свой —
На свадьбу не пришла певеста.

Молла, увидя гибкий стан,
Забудет Мекку и Коран.
Я жду тебя — в глазах туман,—
Ты всех с ума свела, невеста.

На свадьбу я хмельной пришел,
Измученный тоской пришел,
Я обрести покой пришел.
Не причиняй мне зла, невеста!

И если заиграет саз,
Пусть пери начинают пляс,—
На них не подниму я глаз,
Я жду, чтоб ты вошла, невеста.

Приди, взмахни платком, кружи,
Отдать подарки прикажи.
Пусть спросят: «Чья она? Скажи,
Вагиф, где расцвела невеста?»

* * *

Задержите в полете удар крыла:
Слово есть у меня для вас, журавли,
Вереница ваша откуда летит?
Начинайте об этом рассказ, журавли.

Очарован вами высокий Багдад,
Он прилету вашему будет рад.
Вы широкими крыльями бейте в лад,
Не роняйте перо в этот раз, журавли.

Я с возлюбленной милой давно разлучен,
Словно бабочка, я красотой сожжен.
Я ищу кареглазую среди жен.
Не видали ль вы этих глаз, журавли?

Полюбил я сурьму этих карих очей.
Пусть не сглазят и в темноте ночей,
Пусть минует вас сокол, глядите зорчей!
Я хочу, чтоб вас случай спас, журавли!

Ваша дикая песня нежна, нежна,
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно лететь возле вас, журавли!

* * *

Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!
Ты священна всегда и благостна для меня,
Я святыней считаю изгибы твоих бровей,
День и ночь я молюсь тебе, голову преклоня.

Что бы я ни сказал, — пусть не будет обид у тебя.
Я не знаю, что сталось со мной,— опьянел я, любя.
Лишь исчезнет твой стан, и я замираю, скорбя,
Ты уйдешь, и последняя ночь настает для меня.

Веру наших отцов привязал я к твоим кудрям,
Кто же больше меня изумлялся твоим кудрям,
Ухожу, свою жизнь поручая твоим кудрям,—
Эту жизнь, как залог, береги, у себя храня.

Ты мой месяц высокий, солнце мое и луна,
Жизнь, богатство, счастье мое и весна!
О тебе лишь единой мечта у меня одна,
Сказкой стали слова твои на устах у меня.

Даже райские птицы боятся твоих кудрей,
Онемели павлины от сладких твоих речей.
Я несчастен, Вагиф, из-за черных твоих очей,—
Кто б ни встретился мне на пути — пожалейте меня!

* * *

Наступил байрам. Как нам быть теперь?
Ведь у нас муки ни чувала нет,
Риса в кладовой горстка, мерь не мерь,
Мяса нет давно, да и сала нет.

Рта нельзя раскрыть, не дают житья,—
Неугодный, мол, раб аллаха я.
Объедается у других семья,
А у нас? У нас и мотала нет.

Милостив аллах! Пуст совсем наш дом,—
Ни циновки в нем, ни красотки в нем.
Не гордись, Вагиф, что богат умом,
И ума у нас уж не стало, нет.

* * *

Забыл я бога, верой пренебрег,
Вдохнув кудрей пьянящий аромат.
Рассудок мой смятенный изнемог —
Его отнял хмельной и нежный взгляд.

О, если бы я разум не терял,
Быть может, я ученым мужем стал.
Мой стан согнулся, словно буква «дал»,—
В том взлет бровей сурьмленных виноват.

Меня соперник вздумал очернить,
Я днем и ночью должен слезы лить.
Как хорошо нам было вместе быть,—
Зачем злодеи козни мне чинят!

Нетрудно было догадаться им,
Что я огнем безжалостным палим.
Рыдаю я, но рок неумолим,
И слезы мне печаль не облегчат.

Теперь Вагифа людям не узнать,
Я беком был, ушла былая стать...
Ты не пришла, тебя устал я ждать,—
Неужто в том соперник виноват?

* * *

Если милая приходит, с чем сравнится счастье это?
Целовать ее и слышать юной крови жаркий ток,
Видеть круглый подбородок перламутрового цвета,
Отсвет утреннего солнца — золотой румянец щек.

Лебедь белая дивится шее девичьей лебяжьей.
Я стою вблизи потока изнывающий от жажды.
Ты была небесной феей рождена на свет однажды,
Но затмила красотою фею-мать в недолгий срок.

Грудь округлая прекрасна, тело знойное прекрасно.
И лицо твое в улыбке и спокойно и прекрасно.
Кипарис ты мой высокий, тополь стройный и прекрасный,—
Эти царственные плечи для блаженства создал бог!

Губы — алые кораллы, зубы — жемчуга сиянье.
Ах, зачем меня решила вдруг отдать на осмеянье!
Ты особенно красива в этом ярком одеянье,
И к лицу тебе, плутовка, твой оранжевый платок.

Если б скорбного Вагифа полюбила дорогая,
То болезнь его мгновенно излечила, дорогая,
Если б дом мой потаенно посетила дорогая,
Чтоб лицо ее и руки целовать я вечно мог!

* * *

Ты нежнее всех красавиц, и стройна, и высока!
И никто на целом свете не сравняется с тобой.
Опьяненная любовью, ты качаешься слегка,—
Кипарис, где шепчет ветер, не сравняется с тобой.

Смех в глазах твоих таится, ты как юная весна,
Все достоинства красавиц ты присвоила одна.
Не найти в тебе изъяна, ты изящна и умна,
Вешний сад в своем расцвете не сравняется с тобой.

В день, когда ты появилась, щедрым был создатель бог,
Дав тебе глаза газели, шелк кудрей, румянец щек,—
Сделал он тебя желанной с головы до стройных ног.
Сладость, скрытая в шербете, не сравняется с тобой.

То ли ты звезда на небе, что вещает нам зарю,
То ли ты чудесный жребий, уготованный в раю.
Кто ты, ангел или лебедь? Восхищенный я смотрю,
Даже утро на рассвете не сравняется с тобой.

Передать тебе просил я, чтобы ты ко мне пришла.
Мне на сердце наступила, но ко мне ты не пришла.
Мертв Вагиф, близка могила, но ко мне ты не пришла.
Верь, никто до самой смерти не сравняется с тобой.

* * *

Ты моешь волосы. От них
Струится аромат, Зейнаб.
Цветов дыханье полевых
Они весной таят, Зейнаб.

Когда глаза сурьмой сурьмишь,
Когда, гордясь собой, стоишь,
Ты с горной ланью сходна лишь —
Твой насторожен взгляд, Зейнаб.

В тебя влюбленный истомлен,
Все позабыл, безумен он,—
Твой голос — ручейковый звон...
И я стать жертвой рад, Зейнаб.

Твоя походка так легка,
Ты, как пчелиный мед, сладка,
Ты, как тюльпан в горах, ярка,—
Как тот весенний сад, Зейнаб.

О хан мой, как ты хороша,
Вагифа вера и душа!
Я жду тебя, едва дыша,—
Дороже всех наград, Зейнаб!

ГАЗЕЛИ

* * *

Кто заболеет любовью к рассыпанным локонам — тот
В ямочки нежных ланит, как в колодец Юсуф, попадет.

Кто совершенен, того постигают напасти судьбы,
Так полнолунья краса постепенно к ущербу идет.

Сильному духом — арена страданья, разлука, тюрьма,
Лишь негодяй, недостойный, не ведая скорби, живет.

Чистым и ярко блестящим выходит из горна металл.
Пламя металл от изъянов очистит, но угли пожрет.

Вот рассыпаются кудри, скрывая любимой лицо,
Ибо лицо, как предатель, смятенье души выдает.

Клады таятся в развалинах, так же для чистых душой
Часто бывает прибежищем всяческой скверны оплот.

Так же, как черная родинка прекрасноликой к лицу,
Радость украшена грустью и праздник — годиной забот.

О Видади! На мученья разлуки тебя и меня,
Словно Юсуфа-Канана, жестокий обрек небосвод.

Ты ж для любви, для цепей ее стар,— отойди, Видади!
Пусть молодой их Вагиф за тебя, за себя понесет.

* * *

Своей весенней красотой цветок любой затмила ты.
Прекрасным станом ствол живой тубы святой затмила ты.

Красавица вселенной всей — пыль под сандалией твоей.
Над Искандаровой главой серп золотой затмила ты.

Благоуханье кос твоих дороже мира для меня.
Небесный мир передо мной и мир земной затмила ты.

Я — раб дуги твоих бровей, мне больше нет пути в михраб,—
Каабы свет, свет божества, день огневой затмила ты!

И если страждет, как Меджнун, Вагиф и гибнет, как Фархад,
Лейли — сияющей душой, Ширин — красой затмила ты.

* * *

Увидев лик твой, вмиг о солнце и о луне я вспомнил.
Целуя губы, о сладчайшем, густом вине я вспомнил.

Подумал тайно — кто б посланье мое отнес к любимой?
Подумав так, о быстром ветре, моем коне, я вспомнил.

Раскрылись губы, и в улыбке блеснули зубы-перлы.
О жемчугах, алмазах светлых в морях, на дне, я вспомнил.

Я как в дурмане,— страстью пылкой я обречен на муки:
О косах черных и блестящих, об их огне я вспомнил.

Подумал тайно — кто посмел бы ее коснуться стана?
Подумав так, твой пояс узкий, что светит мне, я вспомнил.

Я снова розу-лик увидел возлюбленной Вагифа,
И вот, любовью одержимый, стихи во сне я вспомнил.

* * *

Кто в Джеваншире сочинит хотя б один красивый бейт,
Тот земляками будет чтим, с Мусой он мудростью сравнится.

К значенью посоха-змеи пера значенье приравнять
Лишь умудренный мог народ, творца отмеченный десницей,

Тот, у кого душа светла, жить принужден среди невежд,—
Горит светильник тем ясней, чем больше мрак вокруг
сгустится.

Надеждой тешусь, что вот-вот наступит черным дням конец,
Что перекрасятся они, ведь неба синь на них струится.

Не зря облюбовал Вагиф холмы скалистые Шуши,—
Благоуханный перл-цветок на голом камне лишь ютится.

МУХАММАСЫ

* * *

Головой к груди прижаться и на миг познать забвенье.
Любоваться легкой прядкой, что легла на щеки тенью.
Взять за тонкое запястье, где звенят запястий звенья,
И, обнявшись, на балконе вместе быть весь день весенний,
В поцелуе исступленном замерев в оцепененье.

Осмелев, с лица любимой сбросить шелк золототканый,
Развязать расшитый пояс туго стянутого стана,
С губ сорвать яшмак запретный, рот ее увидеть рдяный,
Чтоб она ко мне приникла обнаженной и желанной,
Только жемчуг ей оставить в волосах для украшенья.

Провести рукой по косам, перевитым жемчугами,
Пряно пахнущим нарциссом и цветущими лугами.
Любоваться юной грудью, обнаженными сосками
И познать, целуя страстно, мед и горечь, лед и пламя.
Обо всем забыть на свете в это дивное мгновенье.

Никогда не насыщаясь, любоваться ею снова.
Безрассудно подчиняясь силе чувства молодого,
Просыпаться освеженным, к пиру новому готовым,
И, прижавшись, упиваться звонким смехом родниковым.
И рассказывать друг другу все, что было в сновиденье.

Чтобы нас никто не слышал, клясться в чувстве неизменном,
Обещать любовь до гроба, все сокровища вселенной.
И глаза и щеки милой целовать попеременно...
И мечтать о новой встрече упоенно и блаженно.
Верь, Вагиф, что повторится и восторг и упоенье.

* * *

Всю ночь мечтая о тебе, я не могу уснуть, ружье!
Насечкою из серебра могло бы ты блеснуть, ружье.
Мне в сердце искру заронив, ты опалило грудь, ружье.
Как дым по твоему стволу, мой вздох свершает путь, ружье.
Щекой к прикладу твоему мне не дано прильнуть, ружье.

Коль о ружье заходит речь, я свирепею, словно лев.
Как злое пламя, сердце жечь мне начинают скорбь и гнев.
И от бессилья своего я слезы лью, оцепенев.
Мне запах пороха милей, чем кудри мускусные дев,
Но этот сладкий аромат мне не дано вдохнуть, ружье!

Я в поисках ружья зачах, я исходил весь Карабах,
К аллаху обращался я в своих бесчисленных мольбах,
Чтоб он мне милость оказал, заботясь о своих рабах.
И, наконец, ширванский хан с улыбкой сладкой на губах
Прислать в подарок мне сулил — сам хан,
не кто-нибудь! — ружье.

И внял я ласковым речам, как легковерный человек.
Уже в горах растаял снег и начались разливы рек,—
Я на дорогу все гляжу, обещанного ждать мне век!
Поныне ищет, говорят, ружье красноречивый бек.
Хоть ты и редкостный товар,— совсем не в этом суть, ружье!

Я благородное ружье всему согласен предпочесть.
Оно от лютого врага оберегает жизнь и честь.
И помогает храбрецу осуществить святую месть.
Неужто примешь ты, Вагиф, ружье, какое ни на есть?
Украшенное серебром, отменное добудь ружье!

* * *

Нанесла ты мне много мучительных ран, борода,
И за то накажи тебя бог мусульман, борода!
Больших бедствий не мог причинить ураган, борода.
Хоть бы вражий тебя охватил ятаган, борода!
На беду сотворил тебя злобный шайтан, борода.

До поры не знавал я любовных обид и невзгод.
Был я молод, румян и вдобавок еще безбород.
Целовал я красавиц в уста, источавшие мед.
А теперь надо мной потешается дев хоровод,—
От меня отвратила такой Гулистан борода!

И недаром я жизни своей омраченной не рад.
Ты меня осрамила, лишила блаженных услад,
Ты объедков полна, издающих зловонье и смрад.
От тебя с отвращеньем отводят красавицы взгляд,
Изгибая надменно свой трепетный стан, борода.

Будь на каждый твой волос нанизан смарагд или лал,
Все равно бы такого добра я иметь не желал.
Не снисходят красотки ко мне, как бы я ни пылал.
Ты не стоишь соломы, тобой бы я хлев устлал,
Будь ты колос пшеничный иль даже рейхан, борода!

Мысль о старости близкой вонзается в сердце, как нож.
Ты — черна, но Вагифа бросает заранее в дрожь:
Поседеешь — он с белой собакой окажется схож,
И на свадьбе, где пляшет, резвится, поет молодежь,
Он прижмется к стене, одинок и незван, борода!

* * *

Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят — в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей —
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил,
Оно тебе злом отплатит, отплатит по мере сил,
Им неприятен всякий, кто доброе совершил,
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Ученый и с ним невежда, учитель и ученик —
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в молл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал я прах забытых гробов,
Из бещня я делал яхонт, с каменя срывал покров,
В бриллианты мог превращать я бляхи на шеях ослов,
Признанья искал, но мир мне ответил суровый — нет!

Тот, кто дворец Джамшида в развалины превратил,
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто б в горе кровь свою не пролил,
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства — и царства другого нет.

Тут на людей, как солнце, свой излучаешь свет —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил свет.
Услышали мы, что где-то найден честности след,
Я долго искал и знаю: чувства такого нет.

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

. . . . . .
. . . . . .

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.

ВИДАДИ МОЛЛА ВЕЛИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

1709—1809

ГОШМЫ

* * *

Ряд за рядом, поднявшись к большим облакам,
Вы зачем забрались в небеса, журавли?
Ваша песня тоскливая так грустна,
Вы куда направляете путь, журавли?

Словно бусы, нанизаны ваши ряды,
Высоко в небесах вы летите, горды.
Не случилось бы с вами какой беды,
Добывайте корм как-нибудь, журавли.

Я скажу, и в словах моих правда живет:
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол размечет ваш перелет,
Алой кровью окрасите грудь, журавли.

Ваша родина, ваша отчизна — Багдад,
Ваши перья — забава того, кто богат.
Ваши песни на сердце, как струны, гремят.
Вы зачем мне терзаете грудь, журавли?

Вы спросите, друзья, обо мне, больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.

* * *

Там, где любви напрасно сердце ждет,
Оно увянет, сгинет, пропадет.
Но и любовь там расцвести не сможет,
Где верности и дружбы не найдет.

Будь преданным, но каждому не верь
И душу всем не открывай, как дверь,
Товар души не выноси на рынок,
Где нет ему ценителей теперь.

Создатель, одинокого храни,
Трудны его безрадостные дни.
Он окружен заботой и печалью —
Где друга нет, там властвуют они.

Зачем нам к вечным истинам взывать,
В свои дома несчастья призывать?
Зачем от правды люди отвернулись,
Где нет причин о правде забывать?

Ликующий, ко мне направь стопы
И выслушай слова — они скупы.
Ведь даже розе иногда приятно
То место, где отсутствуют шипы.

Любви желают в мире все сердца,
И трепету и вздохам нет конца.
Сам исцелитель Видади страдает,
Когда не видит милого лица.

* * *

О друг души моей! Жду не дождусь.
Как рассказать мои мученья? Ах!
Оборвалась душа. Терпенья нет.
Как долгий год — часов теченье. Ах!

Беззвучно время тянется, дразня,
Пылает тело, словно сноп огня,
Истлела сердца ржавая броня,
Оно как склеп без назначенья. Ах!

Согбенный жаждой, согнутый в дугу,
Я рваных жил своих не берегу,
Ручьями слез по городу бегу,
Изнемогаю от влеченья. Ах!

Ни с чем любовь мою сравнить нельзя,
Приводит к смерти сладкая стезя,
О ветер! Были мы с тобой друзья,
Повей же вздохом облегченья! Ах!

Я Видади. Меня грызет недуг.
Я понимаю всех, кто полон мук.
О родина! О милая! О друг!
О жизнь! О тьма! О заточенье! Ах!

ГАЗЕЛИ

* * *

Мы жить не можем, смерть поправ,— как тяжко умирать!
На жизнь имея столько прав, как тяжко умирать!

Огонь любви в моей крови, тебя желаю я.
Мечтанья о тебе прервав, как тяжко умирать!

Мой взор еще не опустел, ведь он тебя встречал.
Тебя опять не увидав, как тяжко умирать!

Готов смеяться мой язык и голос щебетать.
Высоко голову подняв, как тяжко умирать!

Пускай страдает тот, кто знал, жалеет, кто не знал.
Свою хвалу тебе послав, как тяжко умирать!

Стрелой пронзенный прямо в грудь, бесцельно я бегу.
Мой след неровен и кровав... Как тяжко умирать!

Подруги сердца моего со мною нету здесь.
Душевных тайн не рассказав, как тяжко умирать!

Я разучился говорить, и силы нет в руках.
Недолюбив, недострадав, как тяжко умирать!

Без крова, на чужой земле, вдали от мест родных,
Страданий всех не описав, как тяжко умирать!

Ты, Видади, имел детей, красивых, молодых!
Их всех по свету растеряв, как тяжко умирать!

* * *

Всевышний взор, не отвращай, пускай бездумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.

Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.

От жизни милой жизнь свою не отрываю я,
Я жертва глаз ее и губ, и к ней взываю я.

Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ я,
Зато властитель той страны, где грусть и горечь, я.

Я славу мимо пропустил, ее не жажду я,
Своей печалью утолить сумею жажду я.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ВАГИФУ

Каждое утро веет зефир, ищет любимую на заре,
Порою касается он ветвей, порой мокрых роз в серебре.

Скверная пища вязнет в зубах, в горло не хочет она идти.
Время проносится мимо тех, кто не стоит на его пути.

Напрасно в бархатной тьме горит маленький, нежный огонь свечи,
Может любимой коснуться он и озарить ее стан в ночи.

В беседе с ничтожным тратишь слова, напрасной становится речь твоя.
С мудрым беседуй — хаганских богатств стоят одежды его края.

Я на арене бед обращу голову в круглый, кровавый мяч,
Пустит ее по чужим рукам, в свальную яму бросит палач.

Смерть за достойного — славная смерть, великой жизни она равна,
Жизнь пожертвуй за душу ту, тысяча душ которой цена.

Пусть Видади немощен, стар, дряхл, морщинист и некрасив,
Но все же он стоит сотен таких пламенных юношей, как Вагиф.

МУСАДДАС

Не думай о нашем страданье — всему наступит конец.
В груди удержи рыданья — слезам наступит конец.
Придет пора увяданья — цветам наступит конец.
В душе не храни ожиданья — душе наступит конец.
Мне чашу подай, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Возлюбленная прекрасна — она истлеет в земле,
Рот ее нежно-красный — и он истлеет в земле,
Локон на шее страстной — тоже истлеет в земле.
И раз ее образ ясный должен истлеть в земле,
Мне чашу подай, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Умрет властелин вселенной,— что выживет он — не верь.
И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Все в мире непостоянно. Что мудр Соломон — не верь.
Вращению мирозданья, если умен, не верь.
Мне чашу подай, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

И если за годом годы сто веков расцветет,
И если, шумя листвою, сто садов расцветет,
И если сто гиацинтов, сто цветов расцветет,
То разве душа от лживых, от жалких слез расцветет?
Нет! Чашу налей, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Разлука сжигает душу, печалью меня тесня.
Я выпил бокал страданья, он в горе подлил огня.
Никто мне руки не подал, не поддержал меня,
Пока еще есть возможность, радуйся свету дня...
И чашу налей, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Если подумать о жизни — горем она полна.
Ведь одному бриллианту — тысячи душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подачек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Цену пустому миру знал Видади больной.
Мир о пощаде просит, словно набат ночной!
Страх и смятенье вижу я в суете земной,
Жизнь коротка, не будет жизни еще одной.
Мне чашу налей, виночерпий,— всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

БАГДАСАР ДПИР

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

1683—1768?

* * *

Беги с очей, царевнин сон!
Проснись, прелестная, проснись!
Лучами лоб твой озарен,
Проснись, прелестная, проснись!

Ах, ты стройна, лицом полна,
Как в полнолуние луна.
С тобой сравнится ль хоть одна?
Проснись, прелестная, проснись!

Господствуешь ты надо мной,
Твой легкий стан тому виной.
Боюсь, не опалил бы зной,
Проснись, прелестная, проснись!

Доколе слез мне лить поток?
Нетленный розовый цветок,
Не будь ты к жалкому жесток!
Проснись, прелестная, проснись!

Вставай, чтобы загар не лег
На несравненный лепесток.
Уходит ночь, горит восток.
Проснись, прелестная проснись!

Магнит, который по красе
Ценнее, чем каменья все,
Сего числа, т. с. д. с.
Проснись, прелестная, проснись!

* * *

Пришла весна, и меж ветвей — тиховей.
В тоске любви вчера в саду соловей
Напротив розы рокотал, молвя ей:
«Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!»

Минула ночь, и наконец рассвело,
С востока солнце, загорясь, подошло:
А сердце с вечера тоской истекло.
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пленился каждым я твоим лепестком,
Не останавливал бы глаз ни на чем;
Мне без тебя — ночная тьма даже днем.
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пусть от шипов сто тысяч раз мне страдать,
В огне любви пусть песни петь и рыдать,—
Все за великую сочту благодать!
Явись, прелестная, во всей красоте!
Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

К МАМОНЕ

Кто ты, откуда твой закон,
Что может нас обречь на муку,
Что тот, кому не дашь ты руку,
На прозябанье обречен?

Нуждаются в тебе провидцы,
Цари, поэты, храбрецы,
Кто помощи твоей лишится,
Те как без пастбища тельцы.

Ты гибельна для душ людей,
Ты порождаешь зло, и все же
Порою мы свершить не можем
Добра без помощи твоей.

Ты с нами строго сводишь счеты.
Ты, нас опутав, служишь злу.
Так почему же в кабалу
К тебе идут с такой охотой?

Страдая от твоей руки,
Порой тебя мы покоряем
И сладострастно запираем
В окованные сундуки.

Дрожат могучие колонны
И крепости возмездья ждут,
Когда, тобою укрепленный,
Подходит к ним ничтожный люд.

Чем мы твоей послушней воле,
Тем мы свободней и сильней,
И чем сильнее мы, тем боле
Мы властью связаны твоей.

Ты труса превратишь в героя,
Его заставишь рваться в бой.
Дарует силу нам порою
Бессилие перед тобой.

И хоть ты, может, всех сильней,
Но все-таки порой бывает,
Что кто-то слабый из людей
Тебя с презреньем попирает.

НЕ ПЛАЧЬ, СОЛОВЕЙ

Тихий тревожа край, не сетуй и не скорби.
Ты мне забыться дай, ран моих не растрави.
Ты мне не поминай горькой моей любви.
Слез горючих не лей, не плачь, печальная птица,
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Чья-то злая рука ставит мне сотни препон,
Милая далека, в которую я влюблен.
Боль и твоя тяжка: ты с розою разлучен,
И все-таки слез не лей, не плачь, печальная птица,
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Ты, улетая на срок, к розе вернешься опять,
День возвращенья далек, все же он должен настать.
Я ж всегда одинок, мне милой не увидать.
Слез понапрасну не лей, не плачь, печальная птица,
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Зря ты грустишь, соловей, зря ты клянешь весь свет.
Много на свете роз, и каждой прекрасен цвет.
А сходной с милой моей красавицы в мире нет.
Слез горючих не лей, не плачь, печальная птица,
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Приободренный весенним цветеньем
И ликованьем вернувшихся стай,
Преобразился почти во мгновенье
Сумрачный мир, превратившийся в рай.

О соловей, что желал ты, свершилось,
Роза твоя в цветнике распустилась.
Славь же великую божию милость
И в безнадежной тоске не рыдай.

Роза, омывшись росинкой падучей,
Легкою каплей, оброненной с тучи,
Стала еще ароматней и лучше,
Чем нанесла тебе боль невзначай!

Всюду весна подняла свое знамя,
Всюду зажгла изумрудное пламя.
Горные склоны покрыла цветами,
Озеленила, украсила край!

О богородица, дева святая,
Молим, к твоим мы стопам припадая,
Детям сего просветленного края,
Благословенье и счастье нам дай!

СВЕТ ОЧЕЙ МОИХ

Свет очей моих, тебя люблю я.
Пленника, меня не позабудь.
В сей прощальный час тебя молю я:
Пленника, меня не позабудь!
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

О моя голубка дорогая,
Я, в далекий отправляясь путь,
Покидая край твой, заклинаю:
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

Роза алая, цветок цветущий,
Как сейчас, всегда прекрасной будь!
Слышишь ты мой голос вопиющий:
Пленника, меня не позабудь!
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

Жаворонок, птица-недотрога,
Что же ты решила упорхнуть...
Милая, покуда веришь в бога,
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

Без тебя не будет мне удачи,
Все темно, перед глазами — муть.
И во сне и наяву я плачу:

Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

Книги жизни — лучшая страница,
Может быть, еще когда-нибудь
Будет суждено мне возвратиться,
Пленника, меня не позабудь.
Не забудь меня, несчастного,
Твоего раба злосчастного.

ПЕТРОС КАПАНЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
Конец XVII века — 1784

СТАИ

Печальный стон сегодня слышен мне
Над полем и над лесом в вышине,
Тоскуя о родимой стороне,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Цвели цветы, здесь был недавно рай,
Увял и сник цветущий этот край.
Здесь больше места нет для птичьих стай,
И улетают стаи, стаи, стаи.

Кто знает, будет доброй или злой
Судьба, всегда подернутая мглой?
Скорбя и плача о весне былой,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Ограды пали, горы блещут льдом,
Сошла трава, увяло все кругом.
Редеют тучи, бедные дождем,
И улетают стаи, стаи, стаи.

И ты спешишь, о жаворонок мой,
Ну что ж, по ветру крылышки раскрой,
Получишь весть весны, лети домой,
Не отставай от стаи, стаи, стаи.

НАРОДУ МОЕМУ ЛЮБИМОМУ

Коль ты меня, народ мой, не наставишь,
Мне по миру скитаться круглый год,
А если ты мне светлый лик свой явишь,
На путь благой ступлю я, мой народ!

Как вешний дождь, твое веленье свято,
Когда пригреешь ты меня, как брата,
Вновь становлюсь я тем, чем был когда-то,
А не пригреешь — мучусь от невзгод!

Нет без тебя мне счастья, я безроден.
Без твоего участья я бесплоден.
На что я годен и кому угоден?
Я словно древо, где не зреет плод.

Привечен ты владыками вселенной,
Отмечен в книге древней и священной.
Подобно солнцу, вечный и нетленный,
Меня ты озаряешь, мой народ!

Благословенный светом и весною,
Ты, о народ мой, властен надо мною.
Ты повелишь — поникну я главою.
Благословишь — и сад мой зацветет.

Но что ж ты допускаешь промедленье,
Зачем свои скрываешь украшенья?
Твое неторопливо пробужденье —
Веди меня, мой праведный народ!

НЕ ОСЫПАЙ, О РОЗА, ЛЕПЕСТКИ

Не осыпай, о роза, лепестки,
Не заставляй терзаться от тоски
И слезы лить того, кому нужна
Из всех цветов на свете ты одна.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Ведь я не знал другой любви на свете
С тех пор, как порожден на белый свет.

Сулит нам сотни благ весна вокруг,
Пойми же, роза, кто твой враг, кто друг.
Не делай так, чтоб в сей счастливый миг
Главою твой возлюбленный поник.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Ведь я не знал другой любви на свете
С тех пор, как порожден на белый свет.

Как хитрый вор, придет садовник в сад,
На розу бросит свой недобрый взгляд,
Шипы оставив, розу он сорвет,
А гибель розы и меня убьет.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Ведь я не знал другой любви на свете
С тех пор, как порожден на белый свет.

Неумолим садовник и суров.
Он все сорвет, ему не жаль цветов.
Но будь, любимая, ко мне добра,
Покуда не пришла его пора.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Ведь я не знал другой любви на свете
С тех пор, как порожден на белый свет.

И в этот час, покуда не грядет
По наши души страшный садовод,
Ты, роза, мне с тобою быть позволь,
Тебе свою излить я должен боль.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Ведь я не знал другой любви на свете
С тех пор, как порожден на белый свет.

ГРИГОР ОШАКАНЦИ

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
1757—1799

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Ты подобна розе алой,
Райской птице небывалой,
Милости прошу я малой:
Светлый лик ты свой яви
Мне, невольнику любви.

И у ангела не лучший
Глас, чем глас твой сладкозвучный,
Я, любимая, измучен.
Мне, поникшему главой,
Ты свое лицо открой.

И на склоне и в ущелье
То ищу тебя недели,
То брожу один, без цели.
Лик свой обрати ко мне,
Страннику в чужой стране.

Что хочу я, обреченный?
Я ищу тебя, влюбленный.
Я кричу, изнеможенный:
Пусть твой лик не будет строг,
Ведь и так я изнемог.

Где же мудрый Соломон,
Чтобы мне ответил он —
Буду ли я исцелен?
Явишь ли ты светлый лик
Мне, что головой поник.

За тобой я вслед спешил,
Недруг сердце мне пронзил.
Я упал, лежу без сил.
Так явись в последнем сне,
Умирающему, мне.

ПЛАЧ О ГОРОДЕ АНИ

Прославленный в былые дни
Приют царей, ты был твердыней.
О боже, на себя взгляни,
Как бедная вдовица, ныне
Ты попран, славный град Ани.
Ты стал унылою пустыней.
О, горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего.

Ты сыновей своих растил
Не для позора, но — проклятье —
Коварный недруг подступил,
Несметные приблизил рати,
И в битве недостало сил
Твоим сынам, чтоб отогнать их.
О, горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего.

Подняв тяжелый камнемет
На земляные укрепленья,
Монголы двинулись вперед
В ожесточенное сраженье,
И рухнули твои строенья
И стен твоих высокий свод.
О, горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего.

Вознесся ввысь, вселяя страх,
Клич воинов иноплеменных.
И затаилась скорбь в глазах
Твоих гусанов обреченных.
И пение святых канонов
В твоих умолкнуло церквах.
О, горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего.

Несчастный город, вымер ты,
И алтари, где хоры пели,
Притворы дивной красоты,
Разграбленные, опустели.

И одичавшие скоты
Там бродят, как в глухом ущелье.
О, горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего.

НАГАШ ОВНАТАН

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
1661—1722

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Зажегся нынче новый свет:
От милой слышал я привет,
Расцвел в душе весенний цвет.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Когда любовь так разлилась,
Как жить, от милого таясь?
Тебе внемлю я, веселясь.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Когда в мой дом вошла ты вдруг,
Твоих речей вкусил я звук,
И выпало перо из рук.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Не лги мне, золото надев!
Твоих младых грудей, созрев,
Малы шамамы, как у дев.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Откроем дверцу, вступим в сад...
Рукой сжать грудь твою я рад,
Бери цветок, а я — гранат.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Здесь на ковре средь луговин
Расставим мы кувшины вин...
Целуй, и да цветет твой сын!
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Играй и мне цветы бросай!
С груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай.
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

Тобою мне цветочек дан.
Вина ты выпила, я — пьян,
Сожжен любовью Овнатан!
Ведь я — изгнан! Не наноси мне новых ран, о мой султан!

НЕТ ПОКОЯ МНЕ

Я нарядною тебя видел на заре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!
Вся ты в золоте была, в перлах, в янтаре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Лоб твой бел, твое лицо — розы лепесток,
Левой ручкой протяни, подари цветок,
Сахар я тебе припас и медовый сок.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Зеркала — твои глаза, золото — мечи,
Сумрак шелковых ресниц — стрелы и лучи,
Горн — душа моя, огни страсти горячи,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Полумесяц — бровь твоя, косы — черный мак!
От любви я не рыдать не могу никак,
Да погибнет, пропадет наш разлучник-враг!
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сладкозвучный твой язык — соловей ночной,
Гиацинт в руке твоей и вино в другой!
С родинкой твое лицо — роза под росой.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сядем здесь под деревцом, будем рвать миндаль,
Груди у тебя — шамам, не вкусить их жаль.
На тебя гляжу — душа улетает вдаль.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Кипарис — твой стан, в кудрях золото при дне,
Дай на стройный стан упасть золотой волне.
Долго ль осужден Нагаш изнывать в огне?
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

МИЛАЯ, СЖАЛЬСЯ!

Ты мне сказала: «Настала весна».
Милая, сжалься!
«В час, когда розу осветит луна,
Выйду я в сад, грудь открыв и одна».
Милая, сжалься!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Розу тебе с письмецом я пошлю.
Милая, сжалься!
В нем расскажу, как тебя я люблю.
Выйди с мазой и с араком, молю!
Милая, сжалься!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем тысячи роз,
Милая, сжалься!
Лик твой прекрасен в уборе волос.
Ветер весны благовонья принес,—
Милая, сжалься!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем розы весной.
Милая, сжалься!
Как соловей, я пою под луной:
Милая, сжалься хоть раз надо мной!
Милая, сжалься!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

В косы вплети украшения роз.
Милая, сжалься!
Выйди исполнить желания грез,
Вылечить муки, что я перенес!

Милая, сжалься!
Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Предо мной сейчас ты прошла.
У тебя глаза — зеркала.
Косы — золото, брови — мгла.
Тебе — хвала.
Радуюсь я, роза моя, песнь соловья!

Кипарис мой! Пускай, как в грот,
Ты язык погрузишь в мой рот.
Кос твоих я вкушаю мед.
Мой дух поет.
Радуюсь я, фиалка моя, песнь соловья!

В баню ты направляешь путь.
Мне к шамамам позволь прильнуть,
Их ласкать. Милосердна будь,
Открой мне грудь.
Радуюсь я, роза моя, песнь соловья!

Осень. Листья дерев желты.
Увядают в садах цветы.
Разве клятвы твои пусты?
Не любишь ты?
Мучаюсь я, фиалка моя, песнь соловья!

Избегаешь меня сама.
Ни привета, ни письма.
Сердце в пламени. В мыслях тьма.
Схожу с ума.
Мучаюсь я, роза моя, песнь соловья!

От любви я всю жизнь забыл.
Вот я болен стал и уныл.
Как уйти от тебя,— нет сил.
Мне мир не мил.
Мучаюсь я, фиалка моя, песнь соловья!

Поразил меня образ твой.
Слышу твой голос — сам не свой.

Рядом сядь. Говори со мной.
Слух радуй мой.
Радуюсь я, роза моя, песнь соловья!

Жертвой стал я, твоим рабом.
Солнце в небе ты голубом.
Я пою, ты играй. Потом
Мы в сад пойдем.
Радуюсь я, фиалка моя, песнь соловья!

Я бродил. Много видел стран.
Я чужим вошел в этот стан.
Ты пришла. С глаз упал туман.
Я счастьем пьян.
Радуюсь я, роза моя, песнь соловья!

Кормчий я. Ты — ладья. Сейчас
Враг следит, зорок вражий глаз.
Если бы ветер попутный нас
От злобы спас!
Позволил бы хан, и конь-ураган умчал бы в наш стан.
Радуюсь я, фиалка моя, песнь соловья!

Овнатан с любовью знаком.
Сад грудей не прячь под платком.
Я садовник в саду таком.
К обеим влеком, одну васильком зову, а другую — лилеи цветком.
Радуюсь я, роза моя, песнь соловья!

ЖЕСТОКИЙ ДРУГ

Луной для меня взошла она.
Спокойно глядит она, нежна.
И бровь у нее, как ночь, черна.
Жду тебя, жестокий друг,
Ты моя, жестокий друг!
Майоран степей — волна кудрей,
Ароматы мяты — грудь нежней,
А на шее блещет нить камней.
Я тоскую, жестокий друг!
Дай поцелую, жестокий друг!
Ты стан обвила косой тугой,

Персты восковой сквозят свечой.
Фиал не бери своей рукой,—
Я подам, жестокий друг,
Пьян я сам, жестокий друг!
В кольце у тебя рубин так ал...
Твой стан — золотой литой шандал.
Тебе по-ирански я б сказал:
«Ек буса бте», жестокий друг,
Жизнь в мечте, жестокий друг!
На кровле твоей живут цветы,
Гвоздику воткнув, яблоко ты
Послала мне и свои мечты.
Лейли, джунун, жестокий друг,
Я твой Меджнун, жестокий друг!
Забыл я о книгах мудреца,
Весь день на тебя смотрел с крыльца,—
И полному счастью нет конца.
Я влюблен, жестокий друг,
Я пленен, жестокий друг!
Ты мне писала своей рукой.
Гвоздика и сахар — подарок твой,
Ты лечишь ими мой дух больной.
Я страдал, жестокий друг,
И веселым стал, жестокий друг!
Она говорила: «Художник ты,
А брови мои тонки, чисты,
Изобрази же мои черты!»
Лишенный сил, жестокий друг,
Я кисть водил, жестокий друг!
«Он дома,— спросила,— художник мой?
Письмо пусть напишет своей рукой
И тайно пошлет мне ночной порой».
Спешу писать, жестокий друг,
Кладу печать, жестокий друг!
Рука посланье тебе ведет,
Любовных сердце полно забот,
А царь Вахтанг уж за мною шлет.
Забыть тебя, жестокий друг,
Не быть с тобой, жестокий друг!
Ты говорила: пиши обо всем,
И я писал на листе цветном
И завязал золотым шнуром.
Вот возьми, жестокий друг,
Все прими, жестокий друг!

Она сказала в ответ письму:
«Пускай он будет в своем дому,
И я, быть может, приду к нему».
Как я жду, жестокий друг,
Я в бреду, жестокий друг!
В субботу пришла в мое жилье.
Перо гусиное у нее.
Она написала имя мое.
Меня сама, жестокий друг,
Свела ты с ума, жестокий друг!
Стал я рисовать без дальних слов.
Она сказала: «Портрет готов,
Но дай мне в руки букет цветов».
Вот букет, жестокий друг,
Ты — мой свет, жестокий друг!
Суд твой жесток — уж много дней;
Все мне прости иль меня убей,
Если ты врач, лечи скорей.
Душно в груди, жестокий друг,
Что впереди, жестокий друг!
Мне передали твой ответ —
Эти слова: «Овнатан, привет,
Знай, я исполню свой обет».
Слово твое, жестокий друг,
Счастье мое, жестокий друг!

ПЕСНЬ О ГРУЗИНСКИХ КРАСАВИЦАХ

Тифлис, хвала тебе, хвала!
Твоим красотам нет числа!
Любая дочь твоя мила —
Кому грузинки не понравятся?

Природных бань твоих тепло
Их, белогрудых, привлекло.
Как плещутся — в глазах светло!
Врастана дивные красавицы.

Их лица как цветы в саду.
На них взглянуть, с ума соїду.
Хотя сулят они беду —
Кому грузинки не понравятся?

Их брови загнуты дугой.
В глазах чудесный луч такой!
И носят пояс дорогой
Врастана дивные красавицы.

Их косы чудно сплетены.
Их лица сладостней луны.
Неописуемо нежны —
Кому грузинки не понравятся?

Сходясь, поют и пляшут вмиг,
А как вкусны слова у них!
Пьют из пиалов золотых
Врастана дивные красавицы.

Пройдут, как павы,— смотришь вслед
И оторваться силы нет!
От них исходит звездный свет —
Кому грузинки не понравятся?

Одеты в бархат и шелка,
Они взирают свысока,
Свежей, чем зелень цветника,
Врастана дивные красавицы.

Могучих дочери, они
Достойны славы искони.
Пред ними голову склони!
Кому грузинки не понравятся?

Я — океан греха, Нагаш,
Плененный вами! О, когда ж
Смогу воспеть я облик ваш,
Врастана дивные красавицы?

ПЕСНЯ ВЕСНЫ И РАДОСТИ

Пришла весна. Блистает солнца круг.
Растаял лед, теплом повеял юг.
Цветут сады и зеленеет луг.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

В тени ветвей цветущих отдохнем;
Вино горит сверкающим огнем,
И лепестки, слетев, белеют в нем.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад,

Как знать, что нам пошлет навстречу рок;
Людская жизнь — что полевой цветок;
Сейчас в цвету, а завтра он поблек.
Мы пьем вино, мы славим миг услад,
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Весна, и свет, и пасхи благодать...
Фиалкам цвесть, и розам цвесть опять,
Песнь соловья нам сладко услыхать.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут;
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Журчит ручей, и зелень тешит взгляд,
Мы пьем вино, мы сели дружно в ряд,
И розы пусть подарит брату брат.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Достойно пить — без выкриков и ссор.
Кто шумно пьет, тому, друзья, позор!
Мы мирно пьем, и только весел взор.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

Плачь, Овнатан, ты во грехах погряз.
Непрочно все, что в мире тешит глаз.
Так будем пить,— веселья краток час!
Творцу хвала, пусть он не взыщет с нас.

САЯТ-НОВА

АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
1712—1795

* * *

Ты, безумное сердце! Мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу сберегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

* * *

Твой волос — смоченный рейхан, иль шелка нить, или струна.
Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах — и жемчуг и рубин. Твоя завидна белизна.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

. . . . . .
На полюбившего сильней пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня услад.
От страсти занедужил я, лежу, и жизни сам не рад.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел, но от Лейли ни слова нет.
Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.
Клянусь, одна ты яр моя, и друга мне иного нет.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум! Кровь вытекает со слезой,
Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь свой.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

* * *

Жив доколь я, джан,— милой в жертву дан. Как избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран,— ты лишь здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» — и, любовью пьян, вижу стройный стан.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, все любви игра!
Близко от ворот до озерных вод,— рог трубит с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет,— всем гулять пора.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли рос.
В рифму запоем! С ярым лепестком мак цветы вознес.
А в саду немом — роза с соловьем; лилии — меж роз.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! Прядь волос легка, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад! Жертвы не щадят.
Только выйди в сад! Режь,— Саят-Нова будет только рад.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? Жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой черед,— она!
Я слег, но взор мой каждый час опять к себе влечет — она!
Мне надо умереть, ко мне — ах! — лишь тогда придет она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его — ах! — не найдет она!

Мак, ярко-красный, дал совет: «Скиталец-соловей влюблен.
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетен,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот — изгородь, ах, соловей! Твой бедный труп несет она.

Сладки, сладки твои слова! Язык твой сахар и набат,
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый виноград.
Семь дней твердил я, ты ж, резва, семь платьев мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней? Ждет она!

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет сплеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, в беде, пришла, не отойдет она!

* * *

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: так раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам — сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? И золота тут мало взять!
И только стан прекрасный твой овалу плеч твоих под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал: но славить красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат!
Не может, кто тебя встречал, представить лучший миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск: хрустальных спиц он снова ждет.

Нет, я не полюблю другой! Сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи струна!
Сам царь иль врач-Лукман со мной, а мне поется: «Где она?»
Им раны не понять моей: она клинка стального ждет!

Красавица! В тоске души один брожу, сожжен тобой!
Красавица! О, не спеши! Дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! Мир чей, реши: сужу, что отнят он — тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

* * *

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчовая, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба купить тебя.
Не пожалеет, кто найдет, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить тебя;
Живи она, была б у ней, как ты,— вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная.

Лицо твое,— сказал бы перс,— второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты — как Рахш, а сев — затмишь блеск попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.
Чего ты хочешь от меня,— как в сердце вычитать твоем?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, как воевать с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

* * *

Угодливо, народный раб! Служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести,— от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответ вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело — все: чти жития людей святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова!

Там — радость свадьбы, там — печаль, там — пир и песнопенье — там,
Там — двое любящих в саду, в церквах богослуженье — там;
Коль волю духа ты творишь, не может быть и тленья — там:
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!

КАМАНЧА

Из всех людьми хваленых лир полней звучишь ты, каманча!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на *голове* — алмаз:
Рука — слоновой кости будь, на *чреве* — перламутр, что глаз;
Струна — из злата свита будь, резьбой пленяй, железо, нас;
Ты — бриллиант и лал! И суд,— всех посрамишь ты, каманча;

Смычок быть должен золочен, чтоб пышно он блистал, звеня;
Певучий *волос* — быть сплетен из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь всю ночь, до дня:
Ты — золотой сосуд с вином, и всех пьяпишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет,— вновь пир горой, ты — празднеств и гуляний весть!
Собрав красавиц вкруг себя, их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит — дни нас пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

* * *

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай,
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно,
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях, меня пучина скрыла, знай.

Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз струится вновь.
Как тучи на море лежат, так жаждет грудь упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я,— ах! — я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас: «Ты гибнешь, ах! Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах, Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах, Саят-Нова!
Вся жизнь прошла, как сон, плодов лоза не подарила,— знай!

* * *

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! Что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз, мечусь: причина, дорогая, ты!

Ты, с пятнышком лица, мила; кто видел, тот пленен тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой, вошла на пир, сверкая, ты!»

* * *

Отраден голос твой, и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть!

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь,— тополь люди срубят;
Скажу — ты лань,— про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть!

Скажу — цветок,— гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз,— земная жила, скажут;
Скажу — луна,— ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть!

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза — как розы цвет раскрытый,
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть!

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне все горе, прелесть!

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твое лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант! Бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? Иль сердце стало как утес?
Ах! Я рассудок потерял! В кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобою полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? Все, все исчерпано давно.
Конь Рахш из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток, коль жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток, коль жизнь мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток, коль жизнь мила.

Ютится роза близ воды, прохладой веет сад для ней,
Зеленый лист и алый цвет — созвучный песне лад для ней,
И все цветы ковром царей вкруг стелются, горят для ней,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок, коль жизнь мила.

Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков лишь розе предпочтенье дам,
И, кто с серпом срезать придет, тому свое презренье дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток, коль жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несет по всем садам.
. . . . . .
Саят-Нова, пронзив сердца, нам песнь поет по городам.
О джаваир, небесный лал — мой лепесток, коль жизнь мила.

* * *

То, что бархат я, что шелк я, что парча,— ты разве знаешь?
Что как легкий ветер к розе льну, журча,— ты разве знаешь?
Что тебе пою, на сазе все бренча,— ты разве знаешь?
Что с тобой обручены мы, два луча,— ты разве знаешь?
Обо всем, о чем бренчу я, бормоча,— ты разве знаешь?

Как всю землю обошел я, ты, краса, послушай ныне.
Без Лейли, с Меджнуном схожий, всюду был я как в пустыне.
Соловьем искал я розу,— но и в найденной долине
Не увидев к ней дороги,— я в отчаянья пучине.
Покажись! Что жжешь мне крылья, как свеча,— ты разве знаешь?

Прозвучали мои струны, и печали над Ираном
Песни люду и владыкам я певал по разным странам.
Что ж мне делать? Обрекать ли это сердце новым ранам?
Сын один я у родимой,— бьешь меня ты в гневе рьяном.
То, что сахар ты метнула в глубь ключа,— ты разве знаешь?

Дышит осень; не умчаться ль мне за птичьей стаей тоже?
А покуда расцветешь ты. Иль ко мне ты станешь строже?
По тебе тоски не зная, жил бы долго я,— ну что же,
Я приду к тебе сегодня в поздний час, но все ж — о, боже! —
Что гостей своих не гонят сгоряча,— ты разве знаешь?

Я, Саят-Нова, в печали. У меня ведь лука нету.
И меча, чтоб замолчала вместе с жизнью мука,— нету.
И груди твоей гранатов,— о, горька разлука! — нету.
Лоб в огне, пылает сердце, слов твоих и звука нету.
Что в хмелю бреду, чуть ноги волоча,— ты разве знаешь?

* * *

Твоему суду сердце будет радо,
Ты — пресветлый царь, Грузии услада.
Люди говорят — я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда,—
Мол, не обессудь,— высказаться надо.

Неженат живу — где искать привета?
Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

Я царю предстал в чистом облаченье,
Саза моего чуя нетерпенье,—
Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
Прочь меня прогнал царь в ожесточенье:
«Грязный войлок ты, поношенье взгляда!»

Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою —
Ты наставник мой, ты моя отрада.

* * *

Ты — пенная Кура с волной Аракса мутноводной.
Вконец измучен я твоей повадкой сумасбродной.
Похожа ты на златоткань отделки превосходной.
Глаза и брови красотой блистают благородной.
«Но что я дам тебе взамен?» — шепчу в тоске бесплодной.

Иной на пиршестве вкушать вино и снедь стремится.
Другой за праздничным столом к стихам — заметь — стремится.
А мой язык тебя одну всегда воспеть стремится.
О том — и сердцу век болеть, к тому и впредь стремиться!
Кто в розу, как оса, внился? Оставь ее, негодный!

Тебя воспевший — океан чернил, как я, испишет.
Тебя узревший — ничего не ест, не пьет, не дышит.
Других возлюбленных совсем не видит и не слышит.

Как солнце выглянешь из туч — и мир весельем пышет,
А без тебя тоскует он, как сирота безродный.

Приди и вслушайся в мои слова, журавль Багдада,
Индийский нежный попугай, чей голос мне отрада.
Тому, кто правду говорит, хоть раз поверить надо:
И для красавицы Ширин опасен враг Фархада!
Беда мне с милою такой строптивой, злой, холодной!

Что делать, если нарды вдруг смешала, мне в насмешку.
Убила до́ведь, повела вперед простую пешку?
Без розы соловей поет и плачет вперемежку.
На свете бед — не перечесть. Ищи свою, не мешкай!
Страдаешь ты, Саят-Нова, от робости природной.

* * *

Златые пуговки твои под стать искусному шитью,
Иран, Туран, Азербайджан, цветущий дол в родном краю!
Ты меч напрасно занесла: обезоружен я стою.
Зачем ты причинила боль рыдающему соловью?
Избранник недостойный спит под колыбельную твою.

Служанками окружена, не медли, выходи в цветник.
Там на рассвете соловей тебя приветствовать привык.
Осанки царственной твоей не в силах описать язык.
Я славословьем утомлен,— признаюсь в этом напрямик:
Сто сорок пятистиший сплел и все еще тебя пою!

Луне подобная, зачем в зеркальную глядишься гладь?
Зачем за ножницы взялась, как бы подравнивая прядь?
А шея стройная — кувшин из хрусталя, ни дать ни взять!
Казнив беднягу без вины, ты славу думаешь снискать?
Иль достоянием своим считаешь голову мою?

Нигде покоя не найду. Одна лишь смерть — отрада мне.
Весь мир сложи к моим ногам,— и я скажу: не надо мне!
Смущенных глаз не отвести от пышного наряда мне,
Любимая, в парче, в шелках прекрасной кажешься вдвойне.
Я ладанки твоей не крал,— нашел и на груди таю.

Я лживых слов не говорил. Кто на меня поклеп возвел?
Кто очернил меня? Поверь, он сам коварен был и зол.
Прелестница, тебя воспеть бессилен бедный мой глагол.
К чему стремлюсь? Не про меня Моголов золотой престол.
Зачем же я, Саят-Нова, в напрасной скорби слезы лью?

* * *

Пусть попугай поет — а я услышать соловья хочу.
Дай, роза, мне росы твоей! Целебного питья хочу.
С нагорья дальнего пришел и поискать жилья хочу.
Заплакал соловей: узнать, где роза спит моя, хочу!

От поисков я ослабел. Кровавый пот лился с меня.
Над розой срезанной застыл, как соловей, судьбу кляня.
Ты — златокованый ларец, а в нем лежит хрусталь, звеня.
— Ковчега не хочу... Ларец,— твержу я, в грудь бия,— хочу!

О редкостный зверек, бежишь, таясь от зверолова ты.
Скажи мне, мраморная ты иль из кости слоновой ты?
Счастливцу, видно, суждена заморская обнова — ты!
Диковинный атлас! Как раз такого для шитья хочу.

Я получил твое письмо. Тебе мое прочесть пора б!
Нуждаюсь в добром слове я, как нищий, узник или раб.
Зачем отринула того, кто жалок, немощен и слаб?
Под одеялом у тебя, недужный, забытья хочу.

Не обжигай меня, я сам горю на медленном огне.
Не двоедушен я, поверь, коварство не по сердцу мне.
Я — соловей, Саят-Нова! Открой же, роза, дверцу мне
В златую клетку: миндаля очищенного я хочу!

* * *

Питомица розы, поверь мне,— родного сосца прекраснее ты.
Насущного хлеба, добытого в поте лица, прекраснее ты.
Блестящего слитка в руках златодела-творца прекраснее ты.
Кувшина, что мог бы служить украшеньем дворца,
прекраснее ты.

Чье войско стоит у ворот? Я султана ищу.
Нарцисса — в садах и на склонах — тюльпана ищу,
Жемчужные четки, продернутые сквозь парчу!
Подземной царицы, подвесок ее и венца прекраснее ты.

Вселенная делится надвое: ты — и не ты!
Мой ангел приснился. Его неземные черты
Казались чудесным подобьем твоей красоты.
Насущного хлеба — готов я твердить без конца —
прекраснее ты.

Ты — пряность заморская, что ли? Корица, мускат?
Иль камень целебный? Иль золототканый наряд?
Ларец драгоценный, в котором скрывается клад?
Сандалового с перламутровой крышкой ларца прекраснее ты.

Зачем же далекой ладьей ты маячишь всегда?
Спросила бы Саят-Нову, что, мол, плачешь всегда?
Днем солнцу подобна, ты светишь в ночи, как звезда.
Пятнадцатидневной созревшей луны для певца
прекраснее ты.

* * *

Полуночная звезда в небосклоне — ты.
Розы в скошенной траве благовонней — ты.
Ты — фиалка, первоцвет в вешнем лоне — ты.
Кто ты? Сказочный олень, конь в погоне — ты?
Ты — сантури, ты — смычок, плеск ладоней — ты!

Где наставник твой? Ушел, видно, на покой.
Убиваешь ты меня собственной рукой.
Дай лекарства, помоги совладать с тоской!
Кисть не может передать красоты такой:
Дивной вязи на шелку изощренней ты.

Без тебя судьба моя слишком тяжела.
И за что меня казнишь? Я не сделал зла.
Кандалы — моя любовь, цепи, кабала.
Ты глядишь, а мне глаза застилает мгла...
Ты — в ларце из хрусталя, в светлой бро́не ты.

Горный тур,— со снеговой кручи прянешь ты,
Иль дождем из грозовой тучи станешь ты.
Серной на скале мелькнешь и не взглянешь ты.
Тысячью огней сверкнешь и обманешь ты.
В каждом вздохе у меня, в каждом стоне — ты!

Заручилась ты не зря дружбою царей:
Грамоту индийский царь шлет из-за морей,
Страж с кинжалом золотым замер у дверей,
Блюдо жемчуга тебе в дар несут скорей.
Прочь ступай, Саят-Нова! Посторонний ты.

* * *

Разве голоден был и едой подкрепиться пришел я?
Слышать голос твой жаждал, беседой упиться пришел я.
Мне денницы дождаться б! Затем, что не спится, пришел я.
Сам не помню зачем, бестолковый тупица, пришел я?

Ты — венец государя. Бесценно твое покрывало,
А моя голова украшений таких не знавала.
Ты — оконница из хрусталя и резного сандала.
Ради ночи бессонной к тебе, златолицей, пришел я.

Ты — узорный клинок, драгоценный товар хорасанский.
Ты — цветистый атлас, ты — парча, каламкар индостанский.
Я — купец из далеких земель, ты — базар мой марандский.
Денег нет у меня на парчу, ради ситца пришел я.

Верь мне в долг, свет очей,— голова моя будет залогом,
А лихвою — хвала, славословье,— клянусь моим слогом!
Я тебе предаюсь, я стою перед этим порогом.
Не спастись — так погибнуть сегодня, царица, пришел я!

Целый мир не воздал бы тебе по достоинству дани.
Равных нет в Индостане, таких не найти в Прангистане.
«Бедный Саят-Нова,— говорят,— вне себя от страданий!»
Я Аллепо прошел, и в Ассирию, мнится, пришел я.

* * *

Мало радости в том, что совсем ты дурного не знаешь.
Ты печали не знаешь — ни старой, ни новой не знаешь.
Загубила кого, без единого слова,— не знаешь.
Чье рыданье всечасно прорваться готово — не знаешь.
Как зовусь я, и то — не гляди так сурово! — не знаешь.

Нас обоих господь сотворил,— я клянусь тебе в этом.
Слаще сахара может быть слово твое, по приметам.
Желчь оставь для врагов — не гнушайся хорошим советом.
Ты различья не ведаешь между зимою и летом.
Ты ни масленой, ни воскресенья Христова не знаешь.

По природе своей соловей, воробьем я не буду.
Я не дальняя лодка, гонимая ветром повсюду.
Я не черен, а бел. Я привержен добру, а не худу.

Мы соседи с тобой. Как понять мне такую причуду,
Что родства ты не знаешь, соседства простого не знаешь?

Без тебя я томлюсь понапрасну, тоска меня гложет.
Как свеча, от чужого дыханья угасну, быть может.
Стань же сахара слаще,— мой стих в этом деле поможет!
О, никто тебе, Саят-Нова, торговать не предложит!
Сам себе господин, ты ль призванья святого не знаешь?

* * *

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань я не хочу!
Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.
Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.
И сколько б ни твердили мне: «Двуличным стань!» — я не хочу.
Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

Не допускай, чтоб кровь моя рекою попусту лилась.
Ты, видно, дорогой ценой купил меня на этот раз.
К тебе с поклоном я приду: иранский чин введен у нас.
Но ты одень меня в шелка и переливчатый атлас:
С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!

Ты слов моих не отвергай, коль правда у тебя в чести.
Зато твоей одежды край отныне я готов нести,
И прахом голову мою в своей гордыне не сочти!
Но саду твоему — с моим в одной долине расцвести.
Меж ними кольев не вбивай: размежеванья не хочу!

Ушло былое, не вернуть поры твоей, Саят-Нова!
О ней напрасно не вздыхай и слез не лей, Саят-Нова,
Отныне всякий по плечу ударит: «Эй, Саят-Нова,
Куда идешь? Ступай ко мне, и ешь, и пей, Саят-Нова».
Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья — не хочу!

* * *

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал,— за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног,
А наш герой отыщет свинца кусок —
На стол купца, удаче рад, положит.

Труба слепого рока о том поет,
Что потерял достаток почтенный род,—
А кто нуждался в шерсти, сегодня тот
Парчи да шелка в скрыню клад положит.

Добро и зло, мой боже, разъедини!
От деспота лихого — оборони!
Не на врага в обиде я в эти дни:
Любимый друг мне в чашу яд положит.

Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?
Пройдет любовь — ее мученья кому нужны?
Саят-Новы стихотворенья — кому нужны?
Теперь любой созвучья в ряд положит.

* * *

Невыносимым стал мне песенный мой дар.
Я словно связан, рук лишен как будто.
Мой разум отлетел, в груди моей пожар,
А люди скажут: он умен как будто!

Наперекор всему я к хлебу соль достал,
Со дна морей песок — взглянуть изволь — достал.
К одной болезни сто, усилив боль, достал.
В них корень, в них и зелень крон как будто.

Да смилуется бог над мастера душой!
Сырою веткою горю в степи сухой.
На сердце уголек упал в ночи глухой,—
Огнем я мечен, заклеймен как будто.

Кровь глаз моих с водой реки смешал я,
И день и ночь от боли чуть дышал я.
Как мотылек на край свечи, упал я,
Промасленный со всех сторон как будто.

Безумцем стал, дышу любви угаром,
А ты восторг мой треплешь по базарам...
И говорят прохожие недаром:
Саят-Нова, мол, опьянен как будто.

* * *

Смерть придет ко мне незванно,— и себе я кров ищу.
Для злокозненных и низких я клянущих слов ищу.
Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов, ищу.

Я — певец любви. Откуда этот дар ниспослан мне?
Он мой разум жжет, как пламя, а ведь я и так в огне.
Мирно, мать моя, покойся ты в загробной тишине!
С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев ищу.

Как и мельницы, напевы не завертятся без вод.
Песнь меня в безумье ввергнет, вмиг мой разум разорвет.
В розы сердце обратилось, в лепестковый хоровод.
Не всегда ценю я знатных, в друге не чинов ищу.

Я попал в любви пучину, я чуть сдерживаю крик.
Вот я чувствую: без сил я, воют волны, скроют вмиг.
В песнях и четвертой доли мастерства я не достиг.
Ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу.

Песнопенье, словно пламя, сердце все мое сожгло.
Душу, тело мне сжигаст, разум вихрем унесло.
Плачь, Саят-Нова безумный, проклинай ты это зло.
От невнемлющих не сгину. В мире свой улов ищу.

* * *

Яр, мук терпеть не стану, нету силы.
Не ты ль мне жилы вскрыла,— пожалей!
Перевяжи мне рану, нету силы.
Рука мне изменила,— пожалей!

Я жертва кос, обрызганных росою,
Брел в полнолунье лунной полосою,
На огонек летел, пленен красою,
Ты мотыльку светила,— пожалей!

Подстреленный олень я, скал не вижу.
Где кравчий? Я вина искал, не вижу.
Сад соловьиный темен стал, не вижу.
Бутону червь — могила, пожалей!

Двух родинок у влажных уст я жажду,
Дай меда ласки, кубок пуст,— я жажду.
Той шали, что как в розах куст, я жажду.
Парчой ты день затмила,— пожалей!

Ах, вступит скорбь в свои права однажды,
Ужалят в сердце, яр, слова однажды.
Есть божий раб Саят-Нова. Однажды
Того, кого сгубила, пожалей.

* * *

В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда кладь моя,
Шелка цветов рубина, перла иль изумруда — кладь моя.
Неведомые благовонья в стекле сосуда — кладь моя.
Ты — всех не видевших приманка, души причуда — кладь моя.
Имбирь, гвоздика, мир, терпенье и прелесть чуда — кладь моя.

Художники со всей вселенной пускай сберутся вкруг меня,
Индийский резчик пусть рассмотрит узоры, тонкость оценя.
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного огня.
Заворожат вас шелк, и бархат, и златоткань, к себе маня,
Искусно убрана, с уменьем,— не сыщешь худа,— кладь моя.

Так тяжела! Слону не сдвинуть, не унести и на спине,
Ни за один рубин не смог я сойтись с оценщиком в цене.
На тысячу затворов заперт любой ларец в моей казне.
А в сердце горн такой пылает, что и в потоп сгоришь в огне.
Сожжет вас, если не уйдете тотчас отсюда,— кладь моя.

Эй, господа, боюсь, расхитят поклажу ценную мою,
Я лучше вьюк за вьюком вскрою,— вам покажу, о чем пою.
Товар возьмете — не возьмете, себя вам в жертву отдаю.
Я вьюк раскрыл: разнесся запах,— вдыхайте сладкую струю.
Дошаб, шербет, миндаль и сахар, варенья блюда — кладь моя.

Алмазными пусть станут скалы,— на что они моим очам.
Другие пусть ко мне подходят, а к ним не подойду я сам.
Но не приблизитесь вы, знаю, огонь любви опасен вам.
Послушайте, друзья, не верьте, прошу, Саят-Новы словам.
Ведь так нежна, что в зной растает, как снега груда, кладь моя.

* * *

В когтях тоски забыта жизнь моя,
Но света ждет в ночи Саят-Нова.
Потоком слез омыта жизнь моя,
Кто скажет: замолчи, Саят-Нова?

Благословенной скромность назови,
С нее покровов детских не сорви.
Когда плывешь ты по морю любви,
Челна не промочи, Саят-Нова!

Все в ранах, сердце, ноешь ты о ком?
Ты на свече сгорело мотыльком.
Убей газель, искусным будь стрелком
И на плечах влачи, Саят-Нова!

Ты с азбукой знаком, ты грамотей,
Стихи для милой золотом расшей.
Яр потерял — ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова!

Бессмертной влаги взял у музы ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты,—
Недуг свой излечи, Саят-Нова!

* * *

«Мир — ничто»,— мне кто-то шепчет меж ветвей.
Петь, играть, мечтать о пире я страшусь.
Ах, в гнездо свое умчится соловей.
Сирой клетки, птах в эфире я страшусь.

Смертный час натянет лук,— и в свой черед
Мир души твоей, нагрянув, рассечет,
Струны сердца твоего переберет,—
Игрока на этой лире я страшусь.

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,
Шелк возьмет, заменит скудной пеленой.
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Но «купец» без спроса в двери постучит,
Он с болящим телом душу разлучит.
Пять аршин он мне полотнища всучит.
И его всех больше в мире я страшусь.

Говорит Саят-Нова: беда идет.
Вы, грешившие! Она сюда идет!
Боже милостивый, час-мзда идет!
Взвесят грех. Весов и гири я страшусь.

* * *

Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погибну,
Из-за очей, и стрел ресниц, и дуг бровей — погибну;
Одной улыбкой розовой, как соловей, прельщенный,
Из-за цветенья белого груди твоей — погибну.

Смотри: я стал язычником, душа как пламень стала;
Я сохранил достоинство, изведав бед немало;
Одну печаль я выгадал, купец без капитала;
В объятьях горя жгучего, в плену скорбей — погибну.

Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрачу.
У яр душа темна, как ночь,— и вот я кровью плачу.
Сберег я честь народную, клеймо бесчестья прячу,—
Из-за любви, Саят-Нова,— в расцвете дней погибну.

* * *

Да будут смертному слова мои ясны:
Знай, солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.

Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блюди спокойствие и чистоту души,
Язык нам богом дан,— злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прянет.

В народе говорят: племянник с дядей схож,
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень все, и ты в свой род идешь.
Корицей шпат благоухать не станет.

По сердцу друга мне я в мире не найду
И, сетуя, кричу всем про свою беду.
Не рыл соседям ям и сам не попаду.
Пусть я сгорю, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой.
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй.
Ковчегом он в потоп всплывет — не канет.

* * *

Я лишь слуга ашугов искушенных,
Я тот, кто чтит судьбою обойденных.
И я мудрей тобой со мной сравненных,
Я тот, кто даст ученикам познанье.

Кто смел, тот людям правду скажет просто.
В душе любовь, взрастая, жаждет роста.
Бед восемьдесят у меня... нет!.. до ста!
Я тот, чья жизнь и чья душа — страданье.

Беря плоды — их обаянье ведай.
Беря коралл — его названье ведай.
Саят-Нову, его созданье ведай;
Я тот, кто — свет, но кто не знал признанья.

* * *

Весь этот мир — лишь суета. Что край беды припоминать?
Сгорает смертный, как огонь. Что ж нам прошедшего желать?
Коль светоч истин угашу, то сам не буду я пылать.
От смертной чаши в Судный день рта не смогу я оторвать.
Певунья сердца улетит, увядшей розе не дышать.

Мир — плод в руке творца,— и я прошу, склонясь у божьих ног:
«Возьми на длань свою меня, чтобы припасть к тебе я смог.
Во мне и суша и вода, не расплетай же мой клубок».
О сын Адама, ты творца не покидай: ты одинок.
Последний сон сойдет к тебе,— и век тебе не приподнять.

Все мудрецы, увидев мир, его сторонкой обошли,—
Так соловей в завоях роз не хочет и коснуться тли.
Не утверждай нам этот мир, в нем жизни вечной не сули:
Мир в море каплями течет, глянь — в море капли утекли.
Коль правду молвлю обо всем — стыда пред истиной не знать.

Эй вы, аги! Придет беда,— огонь каких еще горнил!
В миру ином не различат — агой ли был, рабом ли жил.
Отнимет розу у тебя приказом бога Гавриил.
Язык мне режьте, коль я лжи хоть малость вам наговорил;
Бог — надо мной, под богом — я, и лжи мне не провозглашать.

Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа есть.
Пророков — жизни вожаков — есть триста шестьдесят и шесть.
О том, что, как певец Давид, в раю я буду,— есть мне весть.
Саят-Нова, твой караван пошел — идет куда невесть.
Живите в благе! Ухожу,— и ног не поверну я вспять.

* * *

Твоих грудей гранат — что меч!
Самшит твоих бесценен плеч!
Хочу у двери милой лечь!
Там прах целую и пою.

О, твоего атласа звук!
Дай мне испить из чаши рук...
Молю целенья в смене мук,
Люблю, ревную и пою.

Я не садовник в эту почь,—
Как тайну сада превозмочь?
Я — соловей, где роза? «Прочь!» —
Шипу скажу я и пою.

Ты — песня! И слова звучат!
Ты — гимн! И я молиться рад!
Саят-Новы ты светлый сад!
Вот я тоскую и пою.

* * *

Наш мир — раскрытое окно; тяжелый свод мне в тягость.
Кто смотрит — стрелами пронзен; их злой полет мне в тягость.
Сегодня хуже, чем вчера; зари восход мне в тягость.
Неверно все; пустой игры круговорот мне в тягость.

Не верь богатству, хоть оно во славе свой проходит век;
Верь тем, кто голову свою несет, как добрый человек.
Мир не наследует никто — так голос мудрости предрек.
Хочу вспорхнуть, как соловей,— мой сад и тот мне в тягость.

Себе ты властен ли сказать, что ты до ночи доживешь?
В руках господних — суета, придешь ли ты или уйдешь.
Нет хода истине моей, в народе расплодилась ложь.
На двадцать бар — один слуга; толпа господ мне в тягость.

Мир не наследует никто, хоть прожив все дни в гульбе.
Вспоенный млеком смертный род, безумен верящий тебе!
Нет сил терпеть людской хулы, я духом изнемог в борьбе.
Друзья врагами стали мне, их злобный гнет мне в тягость.

Саят-Нова сказал: увы, моих скорбей все больше.
Былая слава не сладка, отравы в ней все больше.
Над розой плачу соловьем,— а в ней червей все больше.
Ее срывать, когда в руке она гниет, мне в тягость.

МАНАНА

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭТЕССА
XVIII век

РАЗГОВОР МАНАНЫ С ЛИХОРАДКОЙ

Лихорадка сказала:

Разлучились мы, Манана,
Как ты время коротала?
Впору биться мне о камень —
Так бранилась ты, бывало.

Обходить твой дом сторонкой
Я зарок себе давала.
А сама ты звать не станешь,
На тебя надежды мало.

Манана сказала:

Пусть тебя сжигает пламя,
Злая ведьма, лихорадка!
Я семь месяцев в ознобе
Сотрясалась жердью шаткой.
Еле-еле от болезни
Дух перевела украдкой.
Кто тебя позвать захочет —
Жизнь тому не будет сладкой.

Лихорадка сказала:

Не надейся по-пустому.
Ты средь поля колос хилый.
По тебе твои родные
Не прольют слезы унылой.
По рукам-ногам свяжу я,
Уложу тебя в могилу,
Как удавленного волка,
Как змею, как все, что гнило.

Манана сказала:

Что с тобою, лихорадка?
Ну, чего ты захотела?
Оттого ли ты глумишься,
Что с лица я подурнела?
Но дана мне власть от бога:
Изгоню тебя из тела.
Песий лай — твои угрозы,
И до них мне нету дела.

Лихорадка сказала:

Эй, Манана, осторожней!
Ты меня стращаешь даром.
Отравлю и дни и ночи,
Иссушу палючим жаром.

Позову попов ко гробу —
Вот пожива будет старым...
Прекращу твое дыханье,
Душным задушу угаром.

Манана сказала:

О, скажи мне, лихорадка,
Отчего ты рассердилась,
Разве ты не христианка,
Кто же ты, скажи на милость?
Словно Мурия собачка,
Вишь, тебе я полюбилась.
Коль убьешь, не стану плакать,—
Я на жизнь не так уж льстилась.

Лихорадка сказала:

Трое суток потеряла.
Что казню тебя — не диво;
Омрачив твой век недолгий,
Я была лишь справедлива.
Почему тебя жалеть мне,
Ты упряма и кичлива,
Разговором ядовита
И обличьем некрасива.

Манана сказала:

Прочь с очей моих! Довольно!
Мира злобная причуда,
Отнимающая силы
Дщерь презренная Иуды!
Черный саван скорой смерти
Сшей себе, души остуда.
Как меня ты смеешь мучить,
Ты, отрепьев рваных груда?!

Снова Манана сказала:

Горе мне, Манане бедной,
Никну слабой головою,
Я не выживу,— умру я,
Свяну чахлою травою.
Я и так уж невесома,
Таю свечкой восковою.

Чем я так ей полюбилась,
Что не выпустит живою?!

Лихорадка сказала:

Эй, Манана, если трону,
Рот замкну семью замками,
Перестанешь у меня ты
Разговаривать стихами.
Лишь начну людей пытать я —
Люди смерти просят сами.
Сиротою станет прялка
Пред закрытыми глазами.

Манана сказала:

Пусть твои глазища слепнут,
Что ты мучаешь, пугая,
Что еще ты можешь сделать?
Я лежу, изнемогая.
Зубом на зуб не попасть мне,
Пламя сердце рвет, сжигая,
Но меня ты не загубишь,
Бог поможет мне, дурная!

Лихорадка сказала:

Что ты, что с тобой, Манана?
Разве я была дурною,
Разве я вослед ознобу
Не давала места зною?
Я бессонницей поила —
Не водою ледяною,
Нет, тебя я не забуду,
Навещу порой ночною...

Манана сказала:

Для чего тебя мне видеть,
Гибельная огневица,
Чуть подступишь к изголовью,
Все дрожат и всем не спится,
На зуб зуб не попадает,
Ноют кости, поясница.

Нет больным тобой спасенья,
Впору им в слезах топиться.

Лихорадка сказала:

Умертвив тебя, не буду
Я виновной, без сомненья.
Если у тебя осталось
Хоть немножечко именья,
Обменяй его на саван,—
Вот его употребленье.
Ты уже мертва, Манана,
Ты уже добыча тленья.

БЕСИКИ

грузинский поэт

1750—1791

О ЦАРЕВНЕ АННЕ

Я скиталец, чужестранец.
Прохожу, пою, играю.
Мир пустой и вероломный
Укоряю, проклинаю.
Только Анне раб покорный,
На нее, горя, взираю.
Я сгораю, о царевна,
Я без рая умираю!

Кто прельщает, кто сражает
Красотой? Царевна Анна!
С ней луна, ночами споря,
Погасает постоянно.
Звезды полночи толпою
К ней стремятся неустанно.
Посмотри, одна над миром
Светит Анна необманно.

Мысли мне смешала Анна,
Полонив меня тоскою,
Стан являя, убивая
Тонкой прелестью такою.
Ах, нарцисс над розой плачет,
Не обняв ее рукою!
Не иметь бы вовсе милой!

Не лишаться бы покою!
Уст рубин твердит улыбкой:
Жемчуга дружны со мною.
Влага глаз пускает стрелы,
Обойдешь ли стороною?
Кинешь стрелы, тяжко ранит,—
И пойдешь бродить по зною.
Заблудился! Провинился
Я беспечности виною!

Больше не в силах
Петь я о милых!
Разума вовсе лишила меня,
Именем кратким,
Именем сладким,
Именем нежным и станом маня.
Сердцу подарок
Дорог да жарок.
Памятен будет: он жарче огня,
Древнее снова
Слышу я слово:
«Любишь — умрешь. Так люби — не стеня»

Будь, о царевна,
К верным негневна!
В тканях укрывшись, прими договор.
До смерти — всюду! —
Верен пребуду.
Если ж измены увидишь позор,
Если с другою
Я под луною
Выйду, ей предан, забывши твой взор,—
Будь беспощадна!
Пусть безотрадно
Буду рыдать я в ответ на укор!

САД ГРУСТИ

I

Я в сад вошел с предчувствием печали
И понял, что у розы я в опале.
Сердилась роза и, шипами жаля,
Сказала мне: «Остерегись! Едва ли
Посмеешь ты, как прежде, как вначале,
Меня касаться!..» В чем изобличали
Упреки эти? И вина моя ли,
Что я не понял их? Но истерзали
Они меня. Как жребий мой суров!

II

Спросил фиалку, что стояла рядом:
«За что же роза голосом и взглядом
Казнит меня, поит змеиным ядом?»
Фиалка отвечала: «С нашим садом
Простись и не стремись к былым усладам.
Ищи разгадки в сердце виноватом:
Тебя другая обликом, нарядом
Пленила, а обманщикам проклятым
Нет места в сердце роз, в душе цветов».

III

Услышав от фиалки лишь угрозы,
Нарциссу я сказал, роняя слезы:
«Ты видишь в сердце у меня занозы,
Изранен я шипами гордой розы.
Но пусть ответит на мои вопросы:
Кто оскорбил мои святые грезы?
Кто нашептал ей ложные доносы?
В глазах моих не сладостные росы,
А слезы горькие от горьких слов!»

IV

Нарцисс был добрым и желал мне блага.
На лепестках слезой блеснула влага,
И он сказал мне ласково: «Бедняга!
Ты — жертва необдуманного шага.
Ты изменил. Любовная отвага

Влекла тебя к другой во мрак оврага.
Что радовало розу? Только тяга
К тебе, а где шатался ты, бродяга!
И вот страдаешь от своих грехов».

V

Меня терзали горечь и досада.
Я очутился за оградой сада.
В мучениях сердечного разлада
Лишь на судьбу мне жаловаться надо.
Кто сам страдал, тому довольно взгляда,
Чтобы понять меня. Прощай, отрада!
Как быть, Бесики? Высока ограда,
Ворота чудятся вратами ада...
Виновен я и умереть готов.

МНЕ ТВОИ ПРЕГРЕШЕНЬЯ ИЗВЕСТНЫ

I

Мне твои прегрешенья известны,
И хочу я спросить откровенно:
Почему поступил ты бесчестно?
Чем тебя заманила измена?
Как ты мог не отпрянуть от бездны?
Ты от розы отрекся мгновенно!
О тебе сожалеть неуместно.
Жаждал розу ты нощно и денно.
Как посмел ты от милой уйти?

II

Ты отвергнут по собственной воле.
Что ж мятешься в тоскливом испуге?
Иль зачем ты рыдаешь от боли,
Изнываешь в жестоком недуге?
Откажись от сладчайшей неволи
И мечись от подруги к подруге.
Растерялся ты! Не оттого ли
Молишь смерть о последней услуге.
Поищи-ка другие пути!

III

В темноте соловья нопроси ты,
Чтобы ирис молил он всечасно,
Для тебя добиваясь защиты
Светлой песней своей сладкогласной.
Пусть фиалки из розиной свиты
Заклинают ее не напрасно,
Говоря, что, тоскою убитый,
Ты достоин прощенья, несчастный...
Но себя самого не прости!

IV

Если роза стоит возле двери
И тебе шлет фиалки навстречу,
Ты, нарциссу разумному веря,
Подойди к нему с искренней речью.
Ты скажи: «Потерпел я потерю
И дивлюсь моему бессердечью,
К милой розе любви не измерю.
За предательство жизнью отвечу.
Гнет раскаянья тяжко нести!»

V

Если взор просветлеет у розы,—
Не жалей заклинаний, молений.
Проливай безутешные слезы,
Опустись перед ней на колени.
Расскажи ей, что в сердце занозы
Ты таишь как следы прегрешений,
И, что кров твой разрушили грозы,
Ты поведай царице весенней,
Заклиная: «Грехи отпусти!»

С ПЛАЧЕМ ЛЕТИТ СОЛОВЕЙ

С плачем летит соловей из полночного сада.
Видно, садовника разгорячила досада,
Гонит он прочь соловья,— тот летит и рыдает,
Осы вдогонку спешат из колючей засады.

Ты, соловей, промолчи, и утихнут угрозы,
В грудь не вопьются осиные злые занозы.
Поговори с гиацинтом — пускай он научит,
Как подольститься к садовнику голосом розы.

С шелестом розы к нему в темноте подойди ты.
Не распознает обмана садовник сердитый.
В темном саду поскорей повидайся с нарциссом,—
Пусть перед розой он будет твоею защитой.

Ранен я, ранен! Кончается век соловьиный.
Проклял садовник меня. Погибаю, безвинный.
Сжальтесь! Вдохните в скорбящего душу живую
Или смягчите слезами мученья кончины!

СТРОЙНЫЙ СТАН

I

Ты на свете всех красивей, всех стройнее.
Черных кос твоих коснуться я не смею.
Мрамор шеи обвивают косы-змеи,
Жгучий взор твой завладел душой моею.
Губы жаркие меня воспламенили.

II

Ты красою несравненною богата.
Вижу я твои глаза, темней агата.
Вижу родинки твои, огнем объятый.
Вижу я, теряя разум, два граната,
Извели меня желанья, истомили.

III

Тополь стройный, ты красуешься пред нами.
Отстраняющими манишь ты руками.
Близ тебя я жив, и в жилах льется пламя.
Без тебя томлюсь я днями и ночами.
Если гибну без тебя,— виной не ты ли?

IV

Как мне вытерпеть сердечную остуду?
Жадным взором я ищу тебя повсюду.
С чем сравнить тебя, коль ты подобна чуду?
Без тебя — куда пойду, как жить я буду?
Все, как есть, мне опротивели, постылы.

V

Я изжаждался тебя, неутолимый.
Умереть хочу, страданьями спаленный.
Схорони меня, оплачь меня, влюбленный,
Сокрушайся о душе испепеленной.
С горьким стоном припади к моей могиле.

НЕОДОЛИМЫЕ ДУМЫ

I

Неодолимые думы становятся горем,
Сердце не верит, что лютый недуг переборем.
Щеки твои розовеют, подобные зорям.
Мы же, безумцы, друг другу стенаньями вторим.
Жду, погибая, когда исцеленье подашь ты?

II

Поступью плавной ты схожа с плывущей луною.
Вот я в луну и влюбился порою ночною.
Я обезумел, мне тягостно бремя земное.
Как уживаешься ты со смертельной виною?
Веришь ли в бога? Ведь верит во что-нибудь каждый!

III

Знаешь ты, знаешь: меня поджидает могила.
Сердце, что крепче скалы, ты во прах сокрушила.
Сладкой была, стала горькой, обеты забыла.
Стала неправедной — дверь предо мною закрыла.
Кто пожалеет меня,— я сгораю от жажды!

IV

В горести я простираю зовущие руки.
Разве не видишь, как я погибаю в разлуке?
Силы я черпал в счастливой любовной науке.
Что ж ты меня обрекаешь на смертные муки?
Дай мне взглянуть на тебя, покажись хоть однажды!

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ

I

Я думаю о тебе, сражен отказом.
От черных душистых кос теряю разум.
Смеются твои уста — рубин с алмазом.
Взглянуть на точеный стан — и сгинуть разом!
Мне есть о чем горевать,— я пленник страсти.

II

Мне есть о чем горевать в моей утрате.
Твои ресницы тесней индусской рати.
Ты шлешь стрелу за стрелой в знак благодати.
Ужель не слышит судьба моих проклятий?
Я смерть принять от тебя почту за счастье!

III

Уж если я не люблю, то кто же, кто же!
Красавицы не найти, с тобою схожей.
Ни стариков не щадишь, ни молодежи.
И я в причудах твоих теряюсь тоже.
Убей меня, исцели от злой напасти!

IV

Вовек не жаждал сильней и никогда я
Не знал, что буду рассвет встречать, рыдая.
Моей неверной судьбы не разгадаю.
Ты знать не хочешь о том, как я страдаю.
Другой, лаская, сожмет твои запястья.

V

Зачем меня обожгла слепящим светом!
Твои глаза не затмить семи планетам.
Насмешкой жалишь меня, манишь приветом.
Я гибну! Разве не ты повинна в этом?
И погубить и спасти в твоей лишь власти.

ЧЕРНЫЕ ДРОЗДЫ

В черной клетке два черных дрозда,
В черной клетке вдвоем навсегда,
Смотрят кротко и свищут так нежно,
Что от них не уйдешь никуда!

Оперенные в блеск черноты,
Столь нарядны, сколь песни просты,—
Их звучанье весну возвещает,
Превращает бутоны в цветы.

Ходят следом один за другим,
И вдвоем, видно, весело им.
Как пьянят они, как отрезвляют
Двоезвучным согласьем своим.

Песнопевцы фиалок и роз,
Каждый черен и звонкоголос.
Чужеземца заставили плакать
Эти двое, не знавшие слез.

ПРЕДУТРЕННИЙ ВОЗДУХ ПРОХЛАДНЫЙ...

Предутренний воздух прохладный
Из жизни исчез безвозвратно.
Свиданья с моей ненаглядной
Я жажду так поздно, так жадно.

Печали гнетущая сила
К молчанью меня приучила.
Фиалки поникли уныло,—
Фиалкам тепла не хватило.

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

грузинский поэт
1705—1792

ДАВИТИАНИ

Отрывки из поэмы

ВСТУПЛЕНИЕ

ИМЯ И ПРОЗВИЩЕ ТОГО, КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ.

Написал «Давитиани»
Я, Давид Гурамишвили,
Рек божественное слово —
Сладкий плод моих усилий.
Ток живой по древу жизни
Устремил я в изобилье,
Говорил о муках крестных,
Чтобы люди слезы лили.

В Картли добрых вин не стало,
В том повинны войны с Чарп.
Диких ягод винограда
Я промыслил для маджарп.
Чтоб меня вы помянули,
Приношу вино вам в чаре.
Люди, нет для вас худого
В бескорыстном этом даре.

Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плода отведать мог.
Не разлейте ж мой напиток,
Он пойдет вам, дети, впрок.
Берегите эту книгу,
Чтоб служила долгий срок.

В дни былые ритор Шота,
Муж, искусный в этом деле.
Вывел древо стихотворства,

Несравнимое доселе.
Взрыли корни глубь земную,
На ветвях плоды созрели.
Много знал я стихотворцев,—
Нет подобных Руставели!

Как юнец, который лихо
Мчит на палочке верхом,
Сходен резвыми прыжками
С настоящим ездоком —
Так и стих мой бедный сходен
С Руставелевым стихом.
Подражать ему пытаясь,
Получил я поделом.

Мне достался после Шота
Сад обобранный, пустынный.
Как ребенок, между ловчих
Я толкался с хворостиной.
Не нашел плодов я в поле,
Не разжился я дичиной.
Зря, рыбак нерасторопный,
Замутил я воду тиной.

Стих жемчужный Руставели
Не сравнить с моей трухою.
Но кокетки могут ловко
Приукраситься сурьмою.
И вода вином прекрасным
Людям кажется порою.
В час нужды лесная груша
Служит пищей неплохою.

Там, где нет коней исправных,
Всякой лошади почет.
Там, где нет высоких ростом,
Недомерок — не урод.
Нет красотки — и дурнушка
За красивую сойдет.
Тот, кто книг других не знает,
И мою авось прочтет.

Бренный мир, как палкой по лбу,
Оглушил меня безвинно:
Сгину я — и дом мой сгинет,

Ибо не дал бог мне сына.
И собрал свои стихи я,
И связал их воедино,
Чтоб меня вы помянули
Добрым словом в день помина.

Я взрастил с трудом великим
Эту книгу-сироту,
Воспитал ее усердно,
Дал ей знанья полноту,
Но оставил некрещеной,
Ибо впал я в нищету.
Кто дарует ей крещенье,
Тех молитвою почту.
Мужа мудрого молю я
О мирском ее крещенье:
Утверди ее, грузинку,
В нашем правом разуменье,
Если в чем солжет невольно,
Сбереги от заблуждений,
Пусть чурается враждебных
И греховных помышлений!

Вот зачем я, стих слагая,
Слушал мира небылицы.
Не дала судьба мне сына,
Обделила несчастливца.
Будь же, юноша, мне братом!
Будь сестрою мне, девица!
Обо мне, читая книгу,
Не забудьте помолиться.

Вас, мои живые братья,
Да хранит великий бог!
Пусть веселье сменит стоны
Ваших жалоб и тревог.
Помолитесь, чтоб создатель
Взял меня к себе в чертог,
Чтобы адского мученья
Избежать я, грешный, мог!

Недосказанное ныне
Не успел сказать я связно.
Все свободной ждал минуты,

Ах, зачем я ждал напрасно!
Копья скорби грудь пронзили,
Сердце сделалось безгласно.
Рай ли ждет меня господень
Или ад грозит всечасно?

Потому в тоске и плачу
И не в силах больше петь.
В изголовье встала злая,
Несговорчивая смерть.
Ни мольба, ни меч, ни подкуп
Смерть не могут одолеть.
Лишь набросится — любого
Постарается стереть.

Отче мой, шатер чудесный
В Картли ты воздвиг над нами,—
Был высок он и просторен,
Осененный облаками.
Жил я в нем, и вдруг оттуда
Выгнал ты меня пинками.
Море слез с тех пор я пролил,
Размышляя над грехами.

О превратный мир! За что же
Возлюбил я образ твой?
Почитал тебя я сладким —
Ты же горький и дряпной.
Ты зачем меня навеки
Из земли увел родной?
Отчего ты, беспощадный,
Надругался надо мной?

Прадед деда и прабабка!
Дед и бабка! В свой черед —
Мать, отец, сестрицы, братья,
И жена, и весь мой род,—
Мир вам в царствии небесном!
Да избегнет ада тот,
Кто составил эту книгу,
Чтоб читал ее народ!

БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ

Отрывки из поэмы

ТУРКИ ЗАНИМАЮТ КАРТЛИ
КАРТАЛИНСКИЙ ЦАРЬ УЕЗЖАЕТ В РОССИЮ

Жар Кахетии раздуло
Карталинским ураганом.
Коршун с коршуном сцепились
Над цыпленком бездыханным.
Но вблизи орел проснулся,
И приблизился к горланам,
И унес от них добычу,
Победив на поле бранном.

Эх, напрасно эти птицы
Не поладили тайком!
Тот бы ножкой поживился,
Этот — спинкой и крылом.
Зря позволили злодею
Завладеть своим добром!
Коль неправду говорю я,
Наградите тумаком.

Белена была Вахтангу
В эти дни вкусней нектара:
Он к султану обратился,
Не очнувшись от удара.
Двух строителей послал он
Заметать следы пожара:
Лицемера Иессея
И царевича Бакара.

Но строители ошиблись,
Не хватило им уменья,
Только Картли и Кахети
Обрекли на разоренье.
Не могли они воздвигнуть
Неприступного строенья,
Уступив врагу без боя
Все грузинские владенья.

Не смогли цари поладить,—
Зол был каждый и упрям,
Не умели присмотреться

К государственным делам,
Крепко запертые двери
Лютым отперли врагам,—
Привели пришельцев кахи,
Карталинцы — турок к нам.

Лишь проведал царь Кахети,
Что горами и долиной
Турки движутся к столице
Напрямик, как рой осиный,—
Он признал себя бессильным
Перед вражеской дружиной.
Сдал ключи он сераскиру
И пришел к нему с повинной.

И вошли в Тбилиси турки,
Увидав, что нет запрета.
Иессей поладил с ними —
Был он веры Магомета.
Царь Вахтанг ушел в Россию
Через Рачу в то же лето.
Что случилось с ним в России,
Я еще скажу про это.

В горы к пшавам и хевсурам
Удалился Константин.
Разместилось близ Тваливи
Беглых множество грузин.
Но ни жать не мог, ни сеять
В этом месте ни один,—
Что имели, то проели
И бедняк и господин.

Невтерпеж несчастным кахам
Становилось это горе.
Поклялись они друг другу
Отомстить турецкой своре:
«Проведем подкоп секретный
И ворвемся в крепость Гори!»
Царь решился, и запели
Боевые трубы вскоре.
Иессей, узнав, что в Горп
Мчатся кахи по лесам,
Во главе отряда турок
Из Тбилиси вышел сам.

Грянул бой. И кровь людская,
Щедро пролитая там,
Жернова вертеть могла бы,
Коль текла б по желобам!

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя войско турок,
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили,—
Грызли волки их в долинах.

ПОБЕГ ДАВИДА ИЗ ПЛЕНА

Бил во мне источник жизни —
Полный влаги желобок.
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.
Я молил о провожатом,
Чтоб его послал мне бог,
Чтоб враждебную границу
Перейти я, грешный, мог.

И пошел я в край далекий,
Где хотел найти спасенье.
Сердце плакало; слезами
Затуманивалось зренье.
Уж не думал я, что сердце
Это выдержит томленье.
Потерял я вас, родные!
Нет мне боле утешенья!

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;
Семь планет проводниками
Мне служили постоянно.
Так достиг горы я голой
Посредине Дагестана,
И немало претерпел я
В том краю от урагана.

Засвистел внезапно ветер,
Застучал о камни град.
Ослепляя взор огнями,
Били молнии подряд.
Негде было мне укрыться,
И, блуждая наугад,
Обмотал тряпьем я темя
И упал, тоской объят.

Я лежал ничком, и сердце
Мне сказало, маловеру:
«Поищи от бури крова
И не мучайся чрез меру».
Я пошел и в блеске молний
Вдруг наткнулся на пещеру,
И она мне показалась
Подходящей по размеру.

Я в пещере той укрылся
И возрадовался снова:
Сам господь послал мне милость,
Не лишил в ненастье крова.
Он укрыл меня от града,
Защитил от ветра злого.
Не утратившему веры
Бог не сделает худого.

Ты один спасаешь, боже,
Заблудившихся в пути!
Без тебя дороги верной
Никому не обрести.
Я лежал, глаза зажмурив,
Но велел ты мне идти,
И пошел и отыскал я
То, что должен был найти.

Град прошел, и мрак пещеры
Я оставил для скитанья
И восславил в сердце бога
За его благодеянья.
Не силен я был в молитвах
Без Священного писанья.
«Сохрани, помилуй, боже!» —
Говорил я сквозь рыданья.

ВЫХОД ИЗ ПЛЕНА В РОССИЮ

Ночь прошла. Никто не гнался,
Чтоб настигнуть беглеца.
Истомленный и неспавший,
Снова шел я без конца.
И в дороге пропитанье
Мне досталось от творца:
Я нашел кусок арбуза,
Два отличных огурца.

Но когда, склонясь к реке, я
Обмывал арбуз от пыли,
Из-за пазухи упали
Огурцы и прочь поплыли.
И до слез я огорчился,
Что поймать их был не в силе:
Мне дороже ста червонцев
Огурцы в то время были!

Понесло их вдаль теченьем,
Я за ними вслед погнался.
Чуть в реке не потонул я,
Но, увы, ни с чем остался.
И немало я на бога,
Неразумный, обижался:
«Коль ты дал, зачем ты отнял
И над нищим надругался?

Все живое процветает
По твоей лишь благостыне,—
Отчего ж забыл ты, боже,
О своем голодном сыне?

Коль послал ему ты пищу
Здесь, в неведомой пустыне,
Почему обратно отнял
То, чем он владел отныне?»

Спохватившись, со слезами
Снова бога я молил,
Чтобы он мои упреки
Неразумному простил.
Пережить любую кару
Был готов я, слаб и хил,
Но, увы, идти голодным
Не имел я больше сил.

Я роптал: «Неужто голод
Омрачил мое сознанье?
Но ведь душу укрепляют
Долгий пост и покаянье.
Предающиеся пьянству
Не достойны ль порицанья?
Вслед за плотью губят душу
Роскошь и невоздержанье».

Так я шел и горько плакал,
Тяжкой думою объят.
С покаянною молитвой
Брел вперед я наугад.
Вдруг возник передо мною
Плодоносный дивный сад,
Где сплошной зеленой чащей
Персик рос и виноград.

И нагнулся и пролез я
В виноградник тот цветущий,
И наелся винограда,
Притаясь под темной кущей.
«Ах, зачем роптал на бога
Я, скиталец неимущий?
Почему не положился
На тебя я, всемогущий?
Огурцы ты отнял, боже,—
Счел себя я страстотерпцем,
И хулить тебя я начал,
Согрешив умом и сердцем.

Ты ж простил грехи мне эти
И привел к единоверцам,
Хоть набить мне надлежало
Рот за это горьким перцем!

Как могу я, боже правый,
Похвалу тебе воздать
За великие щедроты,
За святую благодать?
Темен я, псалмы Давида
Не умею распевать.
Не взыщи за то, что грешен
Пред тобою я опять!

Сделай так, чтоб стали песней
Плач мой горький и томленье.
Мне, зловонному сосуду,
Средство дай для очищенья.
Сердце, разум мой и душу
Сохрани от прегрешенья,
Укрепи своею силой,
Не ввергай во искушенье!»

Внял господь моим стенаньям
И мольбе немногословной —
И послал успокоенье
Он душе моей греховной:
Вместо голоса тревоги
Я услышал глас духовный,—
До ушей моих донесся
Дальний благовест церковный.

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся —
И отпрянул, поражен:
Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

Возместил мне бог сторицей
Все, чего лишил когда-то!
Как безумное, стучало

Сердце, радостью объято,
И рассыпал изо рта я
Там немало винограда,
И бежать хотел я к людям
Из приветливого сада.

Тут внимательней взглянул я
На неведомых людей,—
Кички женщин поднимались,
Словно рожки у чертей.
Испугался я, несчастный,
Новых дьявольских затей
И решил бежать отсюда
И других искать путей.

Я набрал плодов в дорогу,
Чтоб не мыкать горькой доли,—
Часть за пазуху засунул,
Часть узлом связал в подоле.
И до сумерек в саду я
Затаился поневоле:
Днем, погони опасаясь,
Не посмел я выйти в поле.

Возвратившись на дорогу,
Снова я залег в тростник,
Но врагу не пожелаю
Новых горестей моих:
Комаров взметнулась туча
Надо мною в тот же миг,
И закрылся я руками,
Задыхаясь в гуще их.

И сказал я, комарами
Доведен до исступленья:
«Ухожу я, кто б там ни был,
Больше нет во мне терпенья!»
И вскочил, и быстрым шагом
Устремился я в селенье.
И гумно, где молотили,
Я заметил в отдаленье.

Словно званый гость, внезапно
На гумне я появился.
Окружив меня толпою,

На меня народ дивился.
У любого под рубахой
Крестик маленький светился.
Медный крестик лобызая,
Трижды я перекрестился.

«Лазарь, дай-ка парню хлеба!» —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» заслышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,
Закачался на ногах я,
Пошатнулся, застонал
И, как рухнувшее зданье,
Обессиленный, упал.

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окрайне.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликованье,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознанья.

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,
Толмача Январу-пшава
Разыскал, привел с собою.

Повезли меня за речку,
В храм господень привели,
Дали мне святым иконам
Поклониться до земли.
К старшине потом позвали,
Расспросили, как могли:
Кто такой, зачем скитаюсь
От отечества вдали.

Расскажу теперь я вкратце,
Как я с Тереком расстался.
Прибыл я в Сулак сначала,

В Астрахань потом подался.
С Волги я к царю Вахтангу
До Москвы с трудом добрался.
Царь с царевичем Бакаром
Там у русских укрывался.

Был начальником я сделан
У Вахтанга в арсенале,
Дай вам боже справить пасху
Так, как мы ее справляли!
Состязались в пенье, в пляске,
Вирши взапуски писали,
Под веселый звон цимбалов
До рассвета пировали.

Виршеплет Джавахишвили
Там соперником мне стал.
Словно деревцо кривое,
Был тщедушен он и мал.
Каждый стих мой, как репейник,
В хвост бедняге попадал,
И не раз, пища в досаде,
Шапку наземь он кидал.

ЗУБОВКА

На мотив русской песни «Казак — душа правдивая»

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела,
Красота ее внезапно сердцем овладела!

Я спросил ее: «О солнце, держишь путь куда ты?
Из какого ты селенья, из какой ты хаты?
Я узрел тебя, и сердце стало словно камень,
Окропи меня водою, жжет меня твой пламень!»

Осерчав, она сказала: «Грех тебе, злодею!
Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею!
С соловьем любиться розе, не с тобой, вороной!»
Слыша это, я заплакал, в сердце уязвленный.

И она сказала снова: «Прочь, отстань, прошу я!
Не хочу тебя, другому здесь принадлежу я.
Мой супруг тебя красивей, мужественней с виду»,—
Обезумел я, почуяв горькую обиду.

А она: «Ни слова больше! Отцепись, проклятый!» —
И ударила, ругая, палкой суковатой.
Покачнулся и упал я, потеряв сознанье,
И она передо мною встала, как сиянье.

Пожалела, наклонилась и взяла за руку:
«И за что ты, неразумный, принимаешь муку?»
Я сказал: «Из-за тебя я разума лишился,
Не обласканный тобою, с жизнью распростился!»

И красавица с улыбкой ласково сказала:
«Если нас с тобой увидят, худо бы не стало.
Встань, пойдем, пора вернуться каждому до дому,
Будешь здесь, так снова выйду я к тебе, дурному».

И ушла она, пропала, чудо черноброво,
Лишь оставила на память ласковое слово.
С той поры я, раб влюбленный, все гляжу на поле,
Лишь пришла бы, ничего я не желаю боле.

«Я приду»,— она сказала. Полный ожиданья,
Не могу в тоске по милой я сдержать рыданья.
В час кончины одинокой не она, так кто же
Дверь в загробное селенье мне откроет, боже?

Послужить моей любимой жажду я, унылый.
Переполненное сердце вечно жаждет милой.
У нее в руках, я знаю, чтобы жил и впредь я,
Есть и хлеб существованья, и вода бессмертья.

Дай мне, боже, только ею жить в годины эти!
Разве есть еще другая, лучшая, на свете?
За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Где теперь ты, дорогая? Отзовись скорее!
Ты была мне в целом мире всех людей роднее.
Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

* * *

Одна красотка, встретившись со мною,
Зажгла меня «Веселою весною».
Российской песни сила
Мне сердце опалила
Томительным огнем!

С тех пор горю я, и никто на свете
Омыть водой не хочет раны эти.
О боже, для защиты
Меха с водой пошли ты
Страдальцу твоему!

Дай мне прозреть, незрячему невежде,
Чтоб шел я в путь, узнав дорогу прежде.
Пошли мне вдохновенье,
Чтоб я свое творенье
Исправно завершил!

ЗАВЕЩАНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

Не хочу я больше лиры и свирели,
Уж не в силах петь я, как я пел доселе.
Повернулся лживый мир ко мне спиною,
Ничего мне не дал, что сулил весною.

Не простил грехов мне он в великом гневе,
Иссушил мне корни, листья сжег на древе.
Стал я одинокий, сирый, нелюдимый,
Ближними забытый, брошенный любимой.

Сердце словно уголь стало от печали,
Волосы густые с головы упали,
Сморщились ланиты, словно плод печеный,
И поник я долу, скорбью удрученный.

Овладели телом немощи и хвори,
На больное сердце навалилось горе.
С обнаженной саблей смерть ко мне стучится,
Острою косою сместь меня грозится.

Слушайте же, люди, верящие в бога,
Те, кто соблюдает заповеди строго:
В день, когда пред вами мертвый я предстану,
Помяните миром душу бездыханну.

Те, пред кем я грешен, мне мой грех простите,
Горечи и злобы в мыслях не таите:
Не смогу ничем я больше вас обидеть,
Онемел язык мой, взор не может видеть.

Если бы и стали спорить вы со мною,
Все равно уста я больше не открою:
Глух я и безжизнен, нет во мне дыханья,
Истребил создатель сам свое созданье.

На одре кончины, устремленный к богу,
Ничего с собой я не беру в дорогу.
Ничего теперь мне, грешному, не надо —
Ни бахчи, ни дома, ни парчи, ни сада.

Боже, мой создатель, милостивым буди!
Об одном молю вас, праведные люди:
Три доски на гроб мне сбейте, оструганйте,
Только позолотой гроб не украшайте.

Не трудитесь красить, сколотите просто,
Чтоб нести полегче было до погоста.
Не бросайте денег ради позолоты,
Лучше их оставьте на свои заботы:
Бесполезны гробу ваши украшенья,
Мать-земля поглотит их в одно мгновенье.

Тот же, кто добра мне истинно желает,
Пусть душе поможет тем, чем подобает,
Пусть ее проводит он с посильным даром,
Чтоб она за гробом не пропала даром.

Вот что ей, убогой, будет во спасенье:
Служба и молитва, ладан и кажденье,
Пища для голодных, платья для холодных,
Чтоб никто не грабил бедных и безродных.

Мне же не помогут вопли и рыданья,
Не вернут мне жизни горькие стенанья.
Скорбные одежды — что они Давиду?
Лучше заплатите в храм за панихиду.

Горе мне, больному! Если что случится,
Нет попа с дарами, чтобы приобщиться.
Кто меня помянет в церкви за обедней?
Кто меня проводит в дальний путь последний?

Одинок я в мире: не дал бог мне сына,
Чтоб затеплить свечку дома в день помина,
Чтоб помипки справить обо мне, убогом...
Вот как я унижен всемогущим богом!

АНХИЛ МАРИН

АВАРСКАЯ ПОЭТЕССА

Конец XVIII века

ЧТОБ ТЕБЯ ПОРАЗИЛА СТРЕЛА

Гордый сокол мой, пусть тебя ранит стрела,
Сизый голубь мой, пусть тебя пуля сразит.
Грех тебе: ты спалил мое сердце дотла,
Мне с другой изменил — нету горше обид.

На охоте мне сокол попался в силки,
Провела с этим соколом сладкие дни.
Многих сплетниц чернили меня языки,
Но сегодня иное болтают они.

Сыплет яд мне на сердце безжалостный слух:
Мол, другая у сокола нынче в чести.
Тяжело, словно спину сломали мне вдруг
И свинцовую кладь заставляют нести.

Я с тобою доверчивой слишком была,
Из-за этого в сплетнях тону я сейчас.
Постоянства мужского в тебе не нашла,
Человеком считая, ошиблась сто раз.

Хоть, как целый аул, я рассудком сильна.
Не сумела любви своей скрыть, видит бог.
Мир на чести моей не нашел бы пятна,
Ты вошел в мое тело, как в ножны клинок.

Драгоценнейший яхонт, упавший с горы,
Из жемчужного моря коралл дорогой,—
Разве сделалась хуже я с этой поры
Или в юной красе уступила другой?

Пусть достанется тело мое воронью,
Если раз хоть с другим, как с тобой, я была.
Ни тебя, ни соперницы я не виню,
Оба счастливы будьте, мне жизнь не мила.

Если вправду способна любовь замарать,
То не хватит воды, чтоб влюбленных отмыть.
Если страстью горевших неверными звать,
То с крестом на груди должен каждый ходить.

ПРИДИ, ЯСНООКИЙ

Приди, ясноокий, взгляни на меня,
С тобой, предаваясь любви, мы
Сольемся, как будто два жарких огня,
И вновь разойдемся, любимый.

Да будут святыми те вешние дни,
Когда мы бросались в объятья друг другу,
И гурии нас окружали одни,
Стремясь оказать нам любую услугу.

Пусть белую грудь мою змеи пронзят,
Что жарко дышала любовью земною.
За то, что был страстным очей моих взгляд,
Пускай их засыплют сырою землею.

Вся горечь кончины лишь мертвым ясна.
Ужель перестала ходить по земле я?
О камень могильный, где надпись видна,
Ужель ты несчастной любви тяжелее?

Ужель осквернится мечеть оттого,
Что я появлюсь в ней, как будто святая?
Иль тень упадет от греха моего
На тех, с кем несется ладья золотая?

В богатую сбрую сама облачу
Еще не объезженную полукровку,
Когтистого беркута я научу
С бубенчиком звонким охотиться ловко.

Какие к любимому думы пришли,
Скажи мне, итарку — волшебная птица?
Поведай, орел, проплывая вдали,
Куда в своих мыслях любимый стремится?

Нам, видно, мой сокол, расстаться пора.
Давай предадим наши клятвы забвенью.
Погасим любовь, словно пламя костра,
Базарного люда мы стали мишенью.

На кручи взлечу, поселюсь вдалеке
От пестрых ворон и всезнающих улиц,
На сваях жилище построю в реке,
Чтоб сплетен не слышать кудахчущих куриц.

Шипящие гадины, долго иль нет
Вонзать в мое имя вы будете жала?
Пусть пальцами тычет в меня хоть весь свет,—
Пройду, не сутулясь, кремневой я стала.

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

ЛАКСКАЯ ПОЭТЕССА

Вторая половина XVIII века

* * *

За что меня винишь ты,
Вечерняя звезда?
Нависла надо мною,
Как мрак ночной, беда.

Ах, если бы могла я
Стать утренней звездой!
Вслед жениху пошла бы
Дорогою прямой!

Погибни, мир свирепый,
Добычей стань огня!
Пусть я исчезну, словно
И не было меня!

САИД ИЗ КОЧХЮРА

лезгинский поэт
1767—1812

ПРОКЛЯТЬЕ МУРСАЛ-ХАНУ

Будь проклят свет, где ты рожден на свет,
Будь проклят свет, где тьма, где правды нет.
Кровавый хан — источник наших бед,
Скажи, докуда нам терпеть, проклятый?

Ты разорил аулы наших гор,
Вверг в ад мужей, а женщин вверг в позор.
Терпеть нам это все до коих пор?
Когда же грянет грозный час расплаты?

Давно в саду не слышно соловья.
Давно в саду черно от воронья.
Песнь не слышна за шумом их вранья.
Поругано все то, что было свято.

Пусть грянет гром, пусть превратится в прах
Все, что в твоих домах и закромах.
Да будет страх в твоих пустых глазах
И все твое добро огнем объято.

И пусть тебе все десять жен твоих
Родят детей увечных и больных,
И пусть на всей земле среди живых
Не будет друга у тебя и брата.

Не знающий пути добра и зла,
Зловещи и черны твои дела.
Лишь шкура у меня еще цела,
Поторопись, сдери ее с меня ты!

Платок моей ты кровью обагрил,
За все тебе я кровью заплатил,
Прочь от меня. Довольно. Нету сил,
Все то, чем я владел, тобою взято.

О Шалбуз-Даг — священная гора,
Какая нынче тяжкая пора!
Мне неоткуда ждать уже добра,
Вся жизнь моя погублена и смята.

Что делать мне? Трясется каждый раз
Моя рука, когда беру я саз.
Струится кровь из выколотых глаз.
Вот что ты сделал, хан, мой враг заклятый!

ЧЕРНА СУДЬБА

Черна судьба. Все повернулось вспять.
Свет чуть блеснул, и черен мир опять.
Будь проклят, хан, мне б век тебя не знать.
Ты блеска дорогой алмаз лишил.

Есть у иных отец, у тех родня,
Но ни отца, ни брата у меня.
И плачу я один, судьбу кляня.
Будь проклят, хан, ты песни саз лишил.

Есть у иных на свете добрый друг,
Лачуга, сила двух прилежных рук,
А у меня лишь горе и недуг.
Будь проклят, хан, меня ты глаз лишил.

Все позади, окончен путь земной.
Ответь мне, хан, ответь, гонитель злой:
За что все это сделал ты со мной?
Всего, всего в недобрый час лишил!

Ты отнял все, что даровал мне бог.
Передо мною больше нет дорог.
Саид Кочхюрский, стар я и убог,
Будь проклят, хан, меня ты глаз лишил.

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

УКРАИНСКИЙ ПОЭТ
1722—1794

1

Ах, поля, поля зелены,
Поля, цветами распещрены!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!
Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах, ваши волоса,
Вы, кудрявые леса!
Жаворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот выспрь летя сверчит,
А сей на ветвах свистит.
А когда взошла денница,
Свищет в той час всяка птица,
Музыкою воздух растворенный
Шумит вкруг.
Только солнце выникает,
Пастух овцы выганяет
І на свою свирель
Выдаст дрожливой трель.
Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я з хлеба куском
Умру на месте таком.

2

Всякому городу нрав и права;
Всяка имеет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков.

А мне одна только в свете дума́,
А мне одно только не йдет с ума.

Петр для чинов углы панскии трет,
Федька-купец при аршине все лжет,
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах: пожалуй, поверь!

А мне одна только в свете дума́,
А мне одно только не йдет с ума.

Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак.

А мне одна только в свете дума́,
А мне одно только не йдет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова,
Тех беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур.

А мне одна только в свете дума́,
Как бы умерти мне не без ума.

Тот панегирик сплетает со лжей,
Лекарь в подряд ставит мертвых людей,
Сей образы жировых чтёт тузов,
Степка бежит, как на свадьбу, в позов.

А мне одна только в свете дума́,
Как бы умерти мне не без ума.

Смерте страшна! замашная косо!
Ты не щадиш и царских волосов,
Ты не глядиш, где мужик, а где царь,—
Все жереш так, как солому пожар.

Кто ж на ее плюет острую сталь?
Тот, чия совесть, как чистый хрусталь.

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
От ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью.
От, от кохти он строит!

Стоит явор над горою,
Все кивает головою,
Буйны ветры повевают,
Руки явору ламают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течет поточек близко,
Видно воду аж до дна.

На что ж мне замышляти,
Что в селе родила мати?
Нехай у тех мозок рвется,
Кто высоко в гору дмется,
А я буду себе тихо
Коротати милый век,
Так минет мене все лихо,
Счастлив буду человек.

DE LIBERTATE[1]

Что то за вольность? Добро в ней какое?
Ины говорять, будто золотое.
Ах, не златое: если сравнить злато,
Против вольности еще оно блато.
О, когда бы же мне в дурни не пошитись,
Дабы вольности не мог как лишитись.
Будь славен вовек, о муже избранне,
Вольности отче, герою Богдане.

---

[1] О свободе *(лат.)*.

ИВАН КОТЛЯРЕВСКИЙ

УКРАИНСКИЙ ПОЭТ
1769—1838

ЭНЕИДА

Отрывки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эней был парубок бедовый
И хлопец хоть куда казак,
На шашни прыткий, непутевый,
Затмил он записных гуляк.
Когда же Трою в битве грозной
Сровняли с кучею навозной,
Котомку сгреб и тягу дал;
С собою прихватил троянцев,
Бритоголовых голодранцев,
И грекам пятки показал.

Челны сварганив, разместились,
Весельцами взмахнули в лад,
Ватагой по морю пустились
Чесать, куда глаза глядят.
Юнона, злая сучья дочка,
Тут раскудахталась, как квочка,
Энея не любила — страх;
Хотелось ей, чтоб отлетела
К чертям душа его из тела,
Чтоб сгинул этот вертопрах.

Был не по нраву, не по сердцу
Богине издавна Эней:
Он ей казался горше перцу,
Не хаживал с поклоном к ней
И был ей ненавистней вдвое,
Как всякий обитатель Трои;
Он там родился и возрос,
Вдобавок звал Венеру мамой,
А ей Парис — дитя Приама —
Некстати яблочко поднес.

Пронюхала злодейка Геба,
Что пан Эней на кораблях.
Юнона поглядела с неба,
И взял ее великий страх.
Проворно спрыгнула с лежанки,
Павлина заложила в санки;
Убрав под кичку волоса,
Шнуровку хвать и юбку тоже,
Хлеб-соль — на блюдо и — за вожжи.
Летит — ни дать ни взять оса!

Вошла она к Эолу в хату,
Осведомилась, как живет,
Здоровья пожелала свату,
Спросила,— не гостей ли ждет?
И, прежде чем начать беседу,
Хлеб-соль на стол Эолу-деду
Метнула, села на скамью:
«К тебе я с просьбою великой!
Ты сбей Энея с панталыку,
Исполни волюшку мою.

Он — прощелыга и заноза,
Разбойник и головорез.
На белом свете льются слезы
Через таких, как он, повес.
Пошли ему, сквернавцу, горе!
Со всей своей ватагой в море
Пускай утонет пан Эней!
За это девкою здоровой,
Смазливой, смачной, чернобровой
Я награжу тебя, ей-ей!»

Вздохнул Эол: «По мне и плата!
Когда бы знал я наперед!
Все ветры разбрелись куда-то...
Теперь кой черт их соберет!
Спьяна Борею только спать бы;
Не воротился Нот со свадьбы;
Зефир, отпетый негодяй,
С девчатами заженихался,
А Эвр в поденщики подался;
Без них теперь хоть пропадай!

Но так и быть, умом раскину,
Энею оплеуху дам
И загоню к чертям в трясину.
Пускай барахтается там!
Прощай, не забывай посула.
А если только зря сболтнула,
Сбрехнула попусту — шалишь!
Уж как ты ни вертись, ни бейся —
На ласку больше не надейся.
Тогда с меня возьмешь ты шиш!»

Юнону проводив с подворья,
Старик Эол созвал домой
Четыре ветра для подспорья,
И море вспучилось горой.
Эней не ждал такой невзгоды.
Пузы́рились, кипели воды,
Валы вздымались вновь и вновь.
От непредвиденной прорухи
Вопил он, как от рези в брюхе,
И темя расцарапал в кровь.

А тут Эоловы поганцы
Знай дуют! Море аж ревет.
Слезами облились троянцы.
Взяло Энея за живот.
Челны разбило, разметало.
Немало войска там пропало.
Хлебнули сто напастей злых!
Взмолился наш Эней: «Нептуну
Я четвертак в ручищу суну,
Чтоб окаянный шторм утих!»

Нептун хапугой был известным.
Почуя лакомый кусок,
Не усидел в запечье тесном,
Подался тут же за порог.
Он рака оседлал проворно,
Взвалился на него задорно,
Метнулся к ветрам, как карась:
«Эй вы, чего разбушевались,
В чужом дому развоевались?
Вам на́ море нет ходу, мразь!»

Угомонились ветры в страхе,
Пустились мигом наутек;

Шатнулись, как «до ляса» ляхи;
Бегут, как от ежа — хорек.
Нептун сейчас же взял метелку
И вымел море, как светелку.
Тут солнце глянуло на свет.
Эней как будто вновь родился,
Пять раз подряд перекрестился
И приказал варить обед.

Вот мисками настил сосновый
Уставили, забыв беду.
Не говоря худого слова,
Все навалились на еду.
Кулеш, галушки и лемешку
Уписывали вперемежку,
Тянули брагу из корцов,
Горелку квартами хлестали,
Из-за стола насилу встали
И спать легли в конце концов.

Была Венера-вертихвостка
Востра и на язык бойка.
Смекнувши мигом, в чем загвоздка,
Кто настращал ее сынка,
Она приубралась, умылась,
Как в день воскресный нарядилась.
Пуститься в пляс бы ей к лицу!
В кунтуш люстриновый одета,
В очипке новом из грезета,
Явилась на поклон к отцу.

Зевес тогда глушил сивуху,
Питье селедкой заедал;
Седьмую высуслив осьмуху,
Подонки в кубок наливал.
«За что, скажи, любимый батя,
Обида моему дитяте?
Чем прогневил тебя Эней?
Моим сынком играют в свинки!» —
Венера всхлипнула, слезинки
Из глаз посыпались у ней.

«Уж не видать бедняге Рима
Ни в сладком сне, ни наяву,
Точь-в-точь как пану хану Крыма.

Скорей издохнет черт во рву!
Ты знаешь сам — когда Юнона
Пестом задаст кому трезвона,
Так загудят в башке шмели.
Вот колобродить мастерица!
Но ты заставь ее смириться,
Угомониться ей вели!»

Последнее допив из кубка,
Юпитер свой погладил чуб:
«Ох, доченька моя, голубка!
Поверь, я в правде тверд, как дуб.
Эней забудет все мытарства,
Он сильное построит царство,
Немаловажный станет пан,
Свой род возвысит, не уронит;
Весь мир на панщину погонит;
Над всеми будет атаман.

Проездом завернув к Дидоне,
Начнет он куры строить ей,
Полюбится ее персоне
И запирует наш Эней.
Попонедельничай! Тревогу
Откинув, помолись ты богу!
Все сбудется, как я сказал».
Венера низко поклонилась,
Учтиво с батюшкой простилась,
А он ее поцеловал.

ЧАСТЬ 3

Эней дивился преисподней.
Совсем не то, что этот свет:
Куда мрачней и безысходней!
Ни звезд, ни месяца там нет.
Там зыблется туман великий,
Там слы́шны жалобные крики.
Анхизов сын оторопел,
Увидя, сколько душам грешным
Грозило мук в аду кромешном,
Какую кару кто терпел.

Смола, живица, нефть кипели,
Под ними полыхало, страх!
И, словно в огненной купели,
Сидели грешники в котлах.
Им воздавали полной мерой,
Бурлящей обливали серой,
Не уставали их терзать.
Какие чудеса там были —
Пером я описать не в силе
И в сказке не могу сказать.

Панов за то и мордовали,
И припекали в свой черед,
Что людям льготы не давали,
На них смотрели, как на скот,
Паны за то дрова возили,
В болотах очерет косили,
Носили на растопку в ад.
Их черти сзади подгоняли,
Железным прутовьем шпыняли,
Кто отставал — был сам не рад!

Калеными рожнами спины
И животы безумцам жгли,
Что в смерти собственной повинны,
Из мира, не спросясь, ушли.
Им под бока ножи совали,
Кипящим паром обдавали,
Чтоб не спешили умирать.
Для них придумывали муки,
Дробили в тяжких ступах руки,
Чтоб не решались убивать.

Лгуны лизали сковородку.
Дрожавшим за свое добро
Богатым скрягам лили в глотку
Расплавленное серебро.
А тех, что сроду не женились
Да по чужим углам живились,
Тут черти вешали на крюк,
За бренное цепляя тело,
Которое грешило смело,
Не убоявшись этих мук.

Панов, подпанков крепко сéкли,
Не различая по чинам.
Досталось по заслугам в пекле
Всем, без разбора, старшинам.
Тут ратманы и бургомистры,
Все те, что на расправу быстры,
Цехмейстеры, и писаря,
И судьи, и подсудки были,
Что денежки с людей лупили,
Свой суд неправедный творя.

Разумники и филозопы,
Что любят напускать туман,
Попы, монахи, крутопопы,—
Чтоб знали, как учить мирян,
Чтоб не гнались за медяками,
Чтоб не возились с попадьями,—
Горели в адовом огне.
Чтоб звезд всезнайки не хватали,
Ксендзы, как жеребцы, не ржали,—
Держали их на самом дне.

Мужья, что женам потакали,
Прибрать их не могли к рукам,
На свадьбы часто отпускали,
Чтоб зá полночь гуляли там,
Чтоб новобрачных провожали
Да в гречку с кем-нибудь скакали,—
В больших рогатых колпаках,
В котлах, где клокотала сера,
Теперь сидели для примера
С тугой повязкой на глазах.

Родители, что не пеняли
Своим ленивым сыновьям,
Их баловали, выхваляли
Да гладили по головам,—
В кипящей нефти здесь варились:
Ведь сыновья с дороги сбились,
Трепали за чубы отцов
И смерти им желали скорой,
Чтоб с кладовых сорвать затворы
И отпереть замки ларцов.

Здесь были те, что речью сладкой
Смущали девушек тайком
И в окна по стремянке шаткой
Неслышно крались вечерком;
Обманывали, улещали,
Клялись и сватать обещали,
Стремясь к желанному концу,
А девушки от перечёса
До самого толстели носа,
Да так, что срам идти к венцу.

Все купчики, что с неклейменым
Аршином, с речью разбитной
На шумных ярмарках с поклоном
Сбывали свой товар гнилой;
Вьюны, пролазы, обиралы,
Мазилы-пачкуны, менялы,
Ростовщики и шинкари,
И те, что сбитень разливали,
И те, что ветошь продавали,
Все торгаши и корчмари.

Головорезы, прощелыги,
Бродяги, плуты, болтуны,
Все сводники и забулдыги,
Гадальщики и колдуны,
Разбойники и живодеры,
Мошенники, пропойцы, воры
Кипели в огненной смоле;
А цех мясницкий, цех скорняжный,
Цех шерстобитный, цех портняжный
Сидели всяк в своем котле.

Была здесь шляхта и мещане,
Паны здесь были, мужики,
Неверные и христиане,
И молодежь, и старики;
Здесь был богатый и убогий,
Здесь был прямой и колченогий,
Здесь были зрячие, слепцы,
И тьма военных, и гражданских,
Казенных множество, и панских,
Попы, миряне, чернецы.

Эхма! Лукавить нет охоты.
Солгав, лишь попадешь впросак.
Томились в пекле рифмоплеты.
Немало было там писак.
Великую терпели муку
За то, что нагоняли скуку.
Полон татарский — их удел!
Вот так и наш брат обожжется,
Кто пишет, не остережется.
Да ведь кой черт бы утерпел!

Там страхолюдную фигуру
Поджаривали, как шашлык.
Стеснять бесчестную натуру
Корыстолюбец не привык.
Ему и медь за шкуру лили,
И распинали на кобыле;
Пришлось на вертеле торчать
За то, что рукопись чужую,
Нарушив заповедь восьмую,
За деньги отдавал в печать.

Сынок Анхизов отшатнулся,
Немного дальше отошел;
На казнь он снова натолкнулся,
Иное зрелище нашел:
Он караван увидел женский,
Что в бане жарился геенской.
Кричали на чем свет стоит!
Ревмя ревели поголовно,
Визжали, голосили, словно
С кутьи у них живот болит.

Девчата, бабы, молодицы
Себя не уставали клясть;
Свой род, житье и вечерницы,
Весь мир они костили — страсть!
Сажали их на сковородки
За то, что были верховодки,
Мудрили, ладили свое.
Хоть муженьку и неохота,
Да женке, вишь, приспичит что-то...
Ну как не ублажить ее?

Терпели кару пустосвятки.
Таких немало было здесь,
Что теплят господу лампадки,
Устав церковный знают весь;
Молясь на людях до упаду,
Кладут пятьсот поклонов сряду;
Зато, когда наступит ночь,
Свои молитвенники прячут,
Беснуются, гогочут, скачут
И пуще согрешить не прочь.

Тут были барышни-вострухи,
Одетые, как напоказ,
Распутницы и потаскухи,
Что продают себя на час.
В густой смоле они кипели
За то, что слишком жирно ели
И даже не страшил их пост;
За то, что, прикусивши губки,
Оскалив беленькие зубки,
Бесстыдно волочили хвост.

Терпели муку молодицы —
Посмотришь, право, станет жаль:
Стройны, чернявы, круглолицы...
Нигде таких не сыщешь краль.
Они за старых, за немилых
Шли замуж, а затем постылых
Мужей травили мышьяком
И с парубками забавлялись;
Повеселившись, отправлялись
Вдовицы в пекло прямиком.

Еще какие-то горюхи
С куделями на головах —
Девицы честные, не шлюхи —
В кипящих мучались котлах.
Они при всех держались крайне
Умильно, а грешили втайне,
Не выносили за порог.
Смолой горячей после смерти
Им щеки залепляли черти
И припекали недотрог

За то, что свой румянец блёклый,
Заёмной не стыдясь красы,
Изрядно подправляли свеклой,
Вовсю белили лбы, носы,
Из репы подставляли зубы,
Примазывали смальцем губы,
А если не было грудей,
Совали в пазуху платочки,
Бока топорщили, как бочки,
Желая в грех ввести людей.

А бабы старые трещали,
Поджариваясь на углях,
За то, что день-деньской ворчали,
Судили о чужих делах,
Упрямо старину хвалили,
А молодых трепали, били,
Добро стороннее блюли,
Забыв, как в девках жили сами,
Как баловали с казаками
Да по дитяти привели.

Шептух и ведьм колесовали;
Все жилы вытянув из них,
Без мотовил в клубок свивали —
Чтоб не чинили козней злых,
На помеле чтоб не летали
Да на шестке чтоб не пахали,
Не ездили на упырях,
Чтоб ночью спящих не пугали
И чтоб дождя не продавали,
Не ворожили на бобах.

А чем карали в пекле сводниц —
Чур с ним! Зазорно молвить вслух.
Терзали дьявольских угодниц,
Чтоб не вводили в грех простух,
Не подбивали жен примерных
Венчать рогами благоверных,
Не опекали волокит,
Чужим добром их не ссужали,
На откупе чтоб не держали
Того, что прятать надлежит.

Эней увидел там страдалиц —
В смоле кипящих дев и вдов.
Из них вытапливался смалец,
Как из отменных кабанов.
Там были бабы, молодицы,
Мирянки были и черницы,
Немало барышень и дам;
Кто — в кунтуше, а кто — в накидке,
Кто — в стеганом шелку, кто — в свитке.
Был женский пол в избытке там...

Зато открылся без заминки
Покой подземного царя,
Где ни соринки, ни пылинки,
Оконца сплошь из янтаря,
В начищенных гвоздочках стены,
Везде порядок, блеск отменный,
Куда ни глянь — сусаль, свинец,
Сверканье меди и булата,
Светлицы убраны богато.
Ну панский, истинно, дворец!

Вошли в Плутоново жилище,
Разинув рты, Эней с ягой
И, вылупив на лоб глазища,
Дивились красоте такой.
Подмигивали, усмехались,
Локтями то и знай пихались.
Эней причмокивал, свистал:
«Вот тут-то праведные души
Ликуют, бьют небось баклуши!»
Эней и этих повидал.

Они сидели, руки сложа,
Для них и в будни праздник был;
Покуривали трубки лежа,
А кто хотел — горелку пил.
Но угощались там не пенной,
А третьепробною, отменной
(Ей вкусу придавал бадьян),
А также запеканкой пряной,
Анисовой или калганной.
В ней были перец и шафран.

Вареники, оладьи, пышки
Па блюдах высились горой.
Все наедались до одышки
Пшеничных калачей с икрой.
Там кушали паслен, клубнику,
Чеснок, рогоз, терн, ежевику,
Крутые яйца с сыровцом,
Какую-то глазунью,— чудо! —
Немецкое, не наше блюдо,—
И запивали все пивцом.

Где ждало грешников бездолье
И приходилось им страдать,
Там было праведным приволье,
Заслуженная благодать.
Им дозволялось без помехи
По вкусу выбирать утехи.
Творился полный ералаш:
Кричи, молчи, вертись, пой, слушай,
Лежи, валяйся, спи, пей, кушай,
Рубись — и то дадут палаш!

Но чваниться и зазнаваться,
Насмешками глаза колоть
И брат над братом издеваться
Не смели — упаси господь!
Раздоров, стычек, ссор пустячных,
Ругни, обид, расправ кулачных
В заводе не было у них.
Все жили в дружбе и приязни
И женихались без боязни
Ревнивых ябед, козней злых.

Точь-в-точь как на святой неделе
Совсем нескучно было там
И,— словно вы зипун надели,—
Ни холодно, ни душно вам!
Кому что вздумается — сразу
Появится, как по приказу:
Моргнешь — и с неба упадет.
«Скажи, кто праведники эти?» —
Ягу спросил Эней, заметя,
Что им со всех сторон почет.

«Они, поверь, не толстосумы,—
Сивилла молвила в ответ,—
И не чиновные,— не думай! —
И не с брюшком округлым,— нет!
Не те, что в дорогих жупанах
И в кармазинах, и сафьянах;
Не те, что с четками в руках,
Не рыцари и не вояки,
Не те, что рявкают «и паки»,
Не в златотканых колпаках!

То — бедняки, хромцы, юроды,
Что слыли дурнями у всех;
Слепцы, калеки от природы,
Сносившие глумленье, смех;
Все те, что летом и зимою
Голодные, с пустой сумою
Дразнили по дворам собак,
С мольбой в оконницы стучали,
Но «бог подаст» лишь получали
И уходили натощак.

Тут бесприютных вдов немало,
И девы-голубицы есть.
Небось им юбки не вздувало,
Они блюсти умели честь;
И те, что, без родни оставшись,
В домах сиротских воспитавшись,
Попали в податной оклад;
И те, что лихвы не лупили,
А людям помогать любили,—
Кто чем богат был, тем и рад.

И, хоть на свете справедливой
Не больно много старшины —
Увидишь и такое диво!
Бывают всякие паны.
Будь сотник ты или значковый,
Будь войсковой иль бунчуковый,—
Коль праведную жизнь ведешь
(Хоть господам не сродно это),
Сюда без всякого запрета
Ты после смерти попадешь».

ЧАСТЬ 4

Теперь мы знаем, как латинцы
Поход готовят на троян,
Какие припасли гостинцы
Энею нашему в изъян.
Еще проведать бы недурно,
Какой ждать каверзы от Турна?
Он — хват, сам черт ему не брат!
Уж коли пьет — не проливает,
Уж коли бьет — так попадает.
Людей, как мух, давить он рад.

Турн витязь был не из последних.
И, трубки раскурив, тотчас
Все королики земель соседних,
Считая просьбу за приказ,
Пошли в поход со всем народом,
И с потрохами, и с приплодом,
Чтоб Турну-удальцу помочь:
Энею помешать жениться,
Не дать в Латии поселиться,
К чертям прогнать энейцев прочь!

Не туча солнце заслонила,
Не буйный вихрь кружил, пыля;
Не стая галок чернокрыла
Слеталась нынче на поля.
По всем шляха́м, гремя булатом,
Шла рать навстречу супостатам,
К Ардее-городу спеша.
Казалось, пыль до неба вьется,
Сама земля, казалось, гнется.
Эней! прощай твоя душа!

Мезентий впереди Тирренский,
И воинства за ним стена.
Точь-в-точь полковник так лубенский
Свой полк в былые времена
Вел к земляным валам Полтавы
(Где шведы полегли без славы) —
Полтаву-матушку спасать.
И шведов-чудищ нет в помине,
И вал исчез,— осталось ныне
Одни бульвары нам топтать.

Затем на битюгах тащился
Авентий-попадьич, байстрюк,
И с челядью он обходился,
Как с прихлебалами барчук.
Знакомому был пану внучек,
Господских кобельков и сучек
И лошаков менять умел.
Разбойник от рожденья — бучу
Любил поднять, валил всех в кучу
И чертом, бирюком глядел.

А дальше конница стремилась,
Испытанное войско шло:
Там атаман был Покотиллос,
А есаул — Караспуло.
Лихие греческие части!
Они везли с собою сласти —
Пирожные, кебаб-калóс,
А также мыло, рис, оливы,—
Все, чем богат их край счастливый:
Морея, Дельта, Кефалос.

Сынок Вулканов,— из Пренесте
Цекул в Латию с войском шел,
Не так ли с Сагайдачным вместе
Казаков Дорошенко вел?
Он с бунчуком скакал пред ратью,
А друг его хмельную братью
Донской нагайкой подгонял.
Рядочком ехали-пылили
И смачно трубками дымили,
А кое-кто в седле дремал.

Нептунов сын, буян, вояка,
Мезап за ними следом брел.
В бою был сущая собака
И лбом бодался, как козел.
Боец, горлан и забияка,
Стрелок, кулачник и рубака,
И дюжий из него казак.
В виски кому-нибудь вопьется —
Тот насухо не отдерется.
Точь-в-точь как ляхам — Железняк!

Другой дорогою — обходной —
Агамемно́ненко Галес
Стремглав, как пес к воде холодной,
Летит врагу наперерез.
Галес орду велику, многу
Ведет рутульцу на подмогу.
Тут люди всяких языков:
Аврунцы есть и сидицяне,
Калесцы и ситикуляне,
И пропасть разных казако́в.

Сыночек панский, богоданный
Тезеевич пан Ипполит.
За этой образиной чванной,
Рядами воинство валит.
Барчук упитанный, смазливый,
Чернявый был, сладкоречивый,
И мачеху он искусил;
Держал богинь лишь на закуску,
А смертным не давал он спуску,
Брал часто там, где не просил,

Ей-ей, и сосчитать не сможешь
Народов тех, что здесь толклись.
И на бумагу не положишь,—
Откуда все они взялись?
Не нам чета, в другое время
Вергилий жил, а тоже темя
Чесал он, видно, в свой черед.
Рутульцы были тут, сиканцы,
Аргавцы, лабики, сакранцы
И те, что черт их разберет!

Еще наездница скакала
И войско грозное вела.
Людей пугала и брыкала
И все, как помелом, мела.
Девица та звалась Камиллой
И от пупа была кобылой,
Имела всю кобылью стать:
Ноги четыре, хвост с прикладом,
Хвостом хлестала, била задом,
Умела говорить и ржать.

Вы слыхивали о Полкане?
Она была его сестра.
Слонялись долго по Кубани,
А род вели из-за Днестра.
Сама Камилла, царь-девица,
Воительница, чаровница,
Была проворна на скаку,
Из лука метко в цель стреляла
И крови пролила немало,
Должно быть, на своем веку.

Такое сборище грозилось
Энея распатронить в пух;
Когда Юнона обозлилась —
Уж затаить придется дух!
Жаль, жаль Энея нам, однако!
Неужто Зевс его, как рака,
На мель позволит посадить?
Иль избежит он сей напасти?
Увидим это в пятой части,
Коли удастся смастерить.

КРИСТИОНАС ДОНЕЛАЙТИС

литовский поэт
1714—1780

ВРЕМЕНА ГОДА

Отрывки из поэмы

БЛАГА ОСЕНИ

Вот уж солнышко вновь, удаляясь от нас неуклонно,
Наши края покидает, спешит склониться к закату.
День ото дня лучи все больше солнышко прячет,
Наземь день ото дня длиннее тени ложатся.
Ветры крылатые снова шалить начинают помалу.
В поле, в лесах зашумели, тепло последнее гонят,

Вот почему и погода становится все холоднее,
Зябкую старость опять натянуть полушубок торопит,
Бабе и дряхлому деду у печки велит приютиться,
Всех остальных в жилье загоняет — отогреваться
Теплым и жирным куском или с пылу горячей похлебкой.
Вся промокла земля и слезами обильными плачет,
Ибо повозка порой раздирает ей дряблую спину.
Там, где телегу легко вывозила нара клячонок,
Нынче ее протащить и четверке совсем не под силу.
Оси визжат и скрипят, и колеса вертятся натужно,
Вязнут по втулку в грязище, и комья взметают высоко.
Полосы пашен лежат, утопая в расплывшихся лужах,
Дождь, неуемный дождь поливает спины прохожим,
И сапожишки и лапти хлебают студеную воду,
Липкую грязь на дорогах меся, как тесто крутое.

Где же вы, красные дни? Куда, скажите, вы делись,
Дни, когда в доме впервой, на волю окно отворяя,
Чувствовать мы начинали тепло весеннего солнца?
Словно какой-нибудь сон невзначай приснится, и после,
Вдруг пробудясь, о нем вспоминаешь вскользь, ненадолго,—
Так и радость от нас с промелькнувшим летом умчалась.
А куда ты ни глянь, одна лишь слякоть повсюду,
Словно кисель на огне, пузырями вскипает под лаптем.
Все, что порхало, резвилось на светлом празднике лета,
Все, что в траве луговой копошилось долгими днями,
Все, что к небу взмывало, качая крыльями плавно,
И насыщалось потом козявками и червяками,—
В страхе покинуло нас, поспешая от стужи укрыться.
Осиротели поля и в скорбь глубокую впали,
Роскоши прежней лишась, уподобились старым кладбищам.

Опустошает смерть и леса, и мелкий кустарник,
Исподволь их красоту обрывают бури и ливни.
Ветви, где только недавно под листьями выводки птичьи
В гнездах своих пищали и плакали, как в колыбелях,
Где оперились потом и, крылья расправив, резвились,
Мошек ловить на лету принимались без матери милой,—
Нынче совсем оголились и стали как высохший хворост,
Бьются, стучат друг о друга, когда разыграются ветры.
Там, где медведь выгребал из колоды тяжелые соты
И, медвежат кормя, медведица глухо урчала,

Там, где испуганный лось уносился, опасность почуя,
И грабежу да вытью обучали выводок волки,
Там, где немало кур ястреба унесли-поклевали
И воронье воровало гусят зазевавшихся глупых,—
Там, поглядите, совсем пропало нынче веселье.
Только вороны одни прославляют осеннюю мерзость.
Певчих птиц не слыхать — давным-давно схоронились
И беззаботно спят, и мороз им снится, наверно.
Ах, огороды наши в нарядах из зелени свежей,
Слава и гордость весны — цветочки ранние в поле,—
Ах, ни следа от вашей красы и благоуханья.
Но погляди, полюбуйся: что вешней порой огороды
Нам показали в расцвет и лето взрастило позднее,—
Это добро в кладовые, в чуланы мы прячем сегодня,
После, сварив иль зажарив, едим и хвалим усердно.
Вы же, гуси, и вы, болтуньи утки, ступайте
И поплещитесь, потешьтесь, пока еще реки открыты.
Вы, петухи и куры, что возитесь вечно в навозе,
Кыш поскорее во двор, чтоб еще насладиться немного.
Только не думайте вправду, что мы ради вашего шума,
Ваших песен-псалмов во дворах вас держим да кормим,
Нет, из-за вкусного мяса ваш голос хозяева хвалят.

Любо смотреть, как ножами орудуют нынче стряпухи,
Страшно, ей-богу, когда громыхают сковородами.
Ищут зубчатый кремень озабоченно Грита и Пиме,
Дует на тлеющий трут Сельмике, стоя у печки,
Берге с Катрине в углу котелки песком начищают,
Выпятив губы, они усердно дуют на пламя,
Чтобы под самым горшком веселей и жарче пылало.
Яке с Магуже дружно поленья колют на щепки,
Тащит дровишки сухие Энскис — за охапкой охапку.
Только лодырь Дочис, прислонясь к натопленной печке,
Дремлет, глотая слюну, втихомолку еды поджидает.
Вот, петуха общипав, кладет в горшок его Асте,
В печку сажает она десяток лепешек пшеничных.
Слюни глотал Дочис, блаженствуя в полудремоте;
Вдруг верхом на коне разодетый посланец явился,
Оповестил он соседей, что Кризас зовет их на свадьбу.
Скинули шапки сваты и, кланяясь в пояс усердно,
Благодарили за честь великую и обещали
Кризаса-друга почтить и на свадьбу прибыть, как просил он.
Скоро неделя прошла, и в назначенный день спозаранку
Стали соседи везде наряжаться на свадьбу получше,—

Не поскупясь, башмаки обновили Степас и Мерчис,
Загодя Йонас и Лаурас сплели себе новые лапти,
В путь отправляясь, они запрягли коней; особливо ж
Там суетился Энскис: сначала выкупал сивку,
После, седлая ее, стремена пристегнул он исправно;
Лошадь свою разукрасив как должно, он напоследок
Поясом новым стянул бока и брюхо покрепче,
Новеньких пару сапог натянул, понатужась маленько.
Женщин немало в селе сыповей проводить напросилось,
Ибо на свадебный пир позвал их также посланец.
Как подобает гостям, приоделись соседки, но только
Не на немецкий манер, как теперь ухитряются часто,—
Нет, на литовский, на свойский оделись они. Ведь известно,
Как с незапамятных пор наряжаются наши литвинки,
В гости либо на пир собираясь: замужних признаешь —
Кики на их головах да еще домотканые шали.
Головы пестрым веночком украшены у незамужних.
Бабы, не думайте вы о венках девичьих нисколько,
Девушки, вам говорю, не прельщайтесь кикою бабьей.

Вот наконец потянулись толпою неисчислимой
Люди в пестрых нарядах, галдя и песни горланя.
Каждого низким поклоном у входа приветствовал Кризас,
Дверь распахнул широко и в дом гостей пригласил он,
Водки большую бутыль на стол поставил и начал
Ею от чистого сердца веселых потчевать сватов.
Ну, а невестина мать, сходив за всякою снедью,
Так накормила гостей, что язык у иных развязался
И принялись отпускать помаленьку мужицкие шутки.
Даже один, охмелев, за столом сболтнул непристойность.

И постепенно дошло до такого разгула веселье,
Гам поднялся такой, что и клячи худые в сарае
Стали метаться, ржать, на дыбы вставая в тревоге.
Тут-то верхом появился опять разодетый посланец,
Он, понукая коня, по спине колотил его рьяно.
Ты для чего жеребца, голова пустая, дубасишь!
Барщина мало ль его гоняла эту неделю?
Ты ж его в бок норовишь побольнее шпорой ударить!
Тише скачи — без нужды горемыку нечего мучить!
Завтра ему чуть свет за дровами в лес отправляться,
А послезавтра везти брюхача господина придется.
По двору сват проскакал, жеребца понукая пинками,
Въехали тотчас во двор молодые через ворота,

Перед святым алтарем епископ святой обвенчал их,
Как подобает, обоих напутствовал благословеньем.

Вмиг новобрачным навстречу сбежались родня и соседи,
Их от души поздравляли, довольства и счастья желая,
Вкусными яствами после попотчевать в дом проводили.
Кризас с женой своей, уже старухою дряхлой,
Сидя поодаль, глядели на дочку с радостью в сердце,
Ибо у них была Ильзбуте самой последней,
Замуж вышла она вдобавок за шульца из Таукяй.
Вот почему, приглашая родню и соседей на свадьбу,
Кризас, счастливый отец, не скупился на траты нисколько.
Яловых трех коров и двух бычков годовалых
К свадьбе зарезать велел, а свиней и овец не считали,
Что же до кур и гусей, то остались от них одиночки.

Множество яств мясных и закусок разнообразных
Кризаса повар готовил усердно круглые сутки.
Шум такой стоял над всей округой, что даже
Кризаса дальний сосед, Паулукс, встревожился очень.
Вот из котлов черпаком разлив по мискам похлебку,
Вытащив вслед за тем сковородки с жарким из печки,
Повар Пятрас сказал, что кушанья, дескать, готовы,
Дескать, на стол собирать и званых потчевать можно.
Тонких тогда скатертей достала Туше немедля,
Свадебный стол большой украсила как подобает.
Быстро потом натаскали посланцы кушаний всяких,
Цельных гусей в жиру, и свинину с говядиной также,
И потрохов разварных, и рубцов в кастрюлях огромных.
Благоговейно сперва «Отче наш» они прочитали,
По-христиански потом за стол трапезный уселись:
Кризас гостей дорогих обходил, их всех приглашал он
Сколько угодно душе насыщаться, пить, веселиться.
Длинный и узкий нож Эйскис достал из кармана,
Вызвался он для гостей на куски разрезать жаркое,
Но, по-господски нисколько ножом владеть не умея,
Сала большие куски хватал он всей пятернею
И, разрывая, бросал с размаху в миски соседям,
Ибо изрядно хлебнул и уже позабыл о приличье.

Выпили гости иные крепчайшей водки сверх меры
И нагрузились так, что на яства смотреть не хотели,
Ну, а другие пьянчуги, ножей не имевшие вовсе,
Сало руками хватали и ели с чавканьем жадным,

Губы лоснились у них, и стекали по бородам капли.
Думали гости: когда на пирушке у Кризаса бурас,
Нет, мол, нужды никакой блюсти господский обычай.

Тою порой, как, жуя, насыщались они по-крестьянски,
Крикнул хозяин, и вот гурьбою слуги явились
И на носилках внесли здоровенный пива бочонок.
Тут-то сваты сбежались к нему и стали мгновенно
Кружки со взболтанным пивом тянуть одну за другою,
Ибо скорей насыщенье приносит жаждущим людям
Пиво с гущею, если глотать его не отрываясь.

Вот наконец поезжане наелись кушаний вкусных,
Пивом густым и холодным они угостились на славу,
По-христиански ж молитву прочесть совсем позабыли.
Стали крестьяне (о, стыд!) арендаторским свиньям подобны,
Гогот и визг поднялся, раздались непристойные песни...
Стяпас бессовестно врал о раскормленных дюжих кобылах,
Осоловелый Энскис похвалялся волами своими,
Прочие в шутках соленых под хохот и гам изощрялись.
Лаурас, щеки надув, дудел там в дудку пастушью,
Рьяно на скрипке пиликал с ним рядом пьяный Йокубас.
Только Дочис молчал,— до того нажрался и напился,
Что неожиданно рухнул, как польский школяр, со скамейки,
Перепугал гостей, и людям тотчас на воздух
Вынесть его пришлось, одурелого, еле живого.

Женщины тоже на свадьбе изрядно повеселились,
Только схитрили они,— ибо кто же не знает, что баба
За нос порой провести мужика хитрейшего может.
Барбе и Пиме — рядком с Лаурене и Пакулене,
Сев за свадебный стол, и смотреть не хотели на водку,
Даже дивились весьма, как любезная может Кризене
Девушек потчевать скромных таким непотребным напитком.
Ну, а потом, потом что, братец, там заварилось!
В угол укромный тишком забрались греховодницы эти,
Водки припрятанной флягу большую мигом достали,
В два-три глотка осушили ее до капли последней.
Тут-то стали они выкамаривать штуки такие,
Что, покраснев от стыда, головами качали соседки.
Песню про лен не в лад загорланили Барбе и Пиме,
Песенку в честь петуха затянули соседки другие.
Те же, кто был постепенней, от них подальше уселись,

Чтобы в тиши меж собой о домашних делах покалякать.
Даке своих гусенят выхваляла, уточек — Яке,
Врали они, не стыдясь, с три короба там наболтали,
Ибо известно, какие бывают охотницы бабы
Пострекотать меж собой о делах — заботах домашних...
А между тем музыканты толпою пестрой ввалились,
Тотчас они принялись играть мужицкие танцы.
Кубас на скрипке пилил, на цимбалах наяривал Плицкюс,
Дул Шнайрюкас в трубу, раскрасневшись и выпятив губы.
Девок в тесный кружок собрав, Энскис охмелевший
Их уговаривал в танце пройтись с молодыми парнями.
Клишис в смазных сапогах разомлелую Пиме облапил,
Туше мгновенно сгреб в башмаки обутый Кайрюкас,
И, сотрясая пол, затопали все по-литовски.
Ради потехи одни босиком иль в лаптях танцевали,
Сбросив кафтаны, другие выкидывать стали коленца.
Нам-то известно, как бурас, напившись пьян, веселится,
Что за дурацкие шутки в хмелю откалывать может,
Но погодите, извольте послушать, что дальше случилось.
Два появились внезапно соседа неприглашенных —
Слункюс с Пеледою; оба бездельники и прощелыги.
С криком рассерженный Кризас напал на гостей нежеланных.
Тут же старуха его с перепугу так расхворалась,
Что начала стонать из-за тяжкой боли в утробе.
Вправду негоже, когда человек врывается силой
В дом, где лишь званых гостей и соседей честных угощают,
Стой да гляди, безобразник, не лезь, куда не пристало!
Жди терпеливо, когда соизволит тебя на пирушку
В дом свой Кризас позвать как достойного друга-соседа.
И началось меж гостями тогда смятенье большое.
С мест повскакали они, позабыв о куренье любезном
И с перепугу роняя из рук кисеты и трубки.
Разом игру оборвали, в смятенье пришли музыканты
И под скамьями, столами искать спасения стали.
Те же, кто в пляске веселой носились с криком и визгом,
Остановились вмиг, перестали орать безобразно.
Песенки о петухах, о курицах и гусенятах,
Толки о волках лесных, о медведях, волах и о прочем
Разом утихли кругом, будто не было их и в помине.
Гости стояли, смутясь, и в затылках безмолвно чесали,
Соображая, как быть им, покуда Энскис обозленный,
С места сорвавшись внезапно, поленом не вооружился:
Он по бокам хорошенько Пеледу и Слункюса съездил,
Их за волосья схватил и с проклятьем вышвырнул за дверь.

Не удивляйтесь нисколько, услышав подобные речи:
И господа порой, как хлебнут по-господски чрез меру,
То же, что мы во хмелю, вытворяют, с бесстыдством таким же.
Бурасов много, конечно, ведущих себя непотребно,
И особливо на шумных пирушках находятся дурни,
Что болтовней своей крестины и свадьбы позорят.
Но не подумайте вы, что барин любой постоянно
Благочестивые речи ведет, поступает пристойно,
Эх, и средь них немало таких пьянчуг-сквернословов,
Шутку мужичью на людях сболтнуть ничего им не стоит.

«Эх,— отозвался Причкус,— уж столько в шульцах служу я,
Что именитых господ мне дела и нравы знакомы.
Что заприметчу, завижу, спешу на ус намотать я.
Вот и намедни случилось, как барин с письмом наказал мне
Сесть на коня и скорей к советнику главному съездить.
Много их там к нему понаехало, пьяниц отпетых.
Как подобает слуге, я шапчонку убогую сдернул
И, поклонясь по-простецки, письмо хозяину подал.
Освободившись, я тотчас ввалился в открытую кухню,
Чтобы один разок поглядеть на барские яства,
Правда, мозолить глаза господам именитым привык я,—
Езжу вот так не впервой, и уже не берет меня робость.
Дюжих трех поваров я приметил — один, страховитый,
Ястреба там потрошил, черноперую птицу чудную,
Цельного зайца другой раздирал ногтями кривыми,
Веришь, живых червей выковыривал он из желудка,
Третий, какую-то вдруг чудную посудину взявши,
Кучу поганых жаб на блюдо вывалил разом,—
Нынче, слыхать, господам особливо жабы по вкусу.
Очень я долго смотрел: вдруг почуял — душу воротит.
Выскочив тотчас на двор, у распахнутой двери сблевал я
И, облегчившись, опять к господам в покои вернулся.
Только о том, что стряслось, не обмолвился даже и словом;
Знаете сами небось, как глумятся баре над нами,
Ну и вдобавок меня по зубам бы, может, хватили.
Вот почему, вернувшись, тихонько я в угол забрался,
Чтобы глядеть, как в гостях угощаются важные баре.

Множество всяческих блюд повара сготовить успели,
Дым коромыслом стоял, и усадьба насквозь провоняла.
Слуги сбежались гурьбой, проворно засуетились,
Вилок, тарелок, ножей натащили, на стол собирая,
Уйму потом нанесли и жареных яств и вареных.

Грубые руки свои на груди сложил я, как должно,
Барских горячих молитв в простоте ожидая душевной.
Вижу, садятся за стол, придвигают тарелки поближе,
О небесах позабыв, за ножи да ложки берутся,
Яства за обе щеки уплетать принимаются дружно.

Сколько на свете живу, не видал безобразья такого.
Крикнуть с досады хотелось, поверишь — насилу сдержался,
Но, поразмыслив о том, что кричать мне здесь не пристало,
Я за дверьми схоронился, проклятьями стал втихомолку
Сыпать такими, что даже собаки в голос завыли.
«Ах, брюхачи господа! Ах, безбожники! Стыдно вам, что ли,
Набожно руки сложить и, как водится, на небо глянуть,
Прежде чем к жирным кускам тянуться, пасти разинув?
Мы — заскорузлый народ, бедняки в дырявых лаптишках,
Сколько мы терпим и как помыкают нами жестоко,
Часто кишки набиваем сухими корками только,
Душу свою веселим одним кваском жидковатым,
Но и за это творцу благодарность шлем каждодневно.
Вы же, бездельники, вы, наедаясь обильно и сладко,
Толстые брюха свои рейнвейном переполняя,
Господа бога и вовсе в речах поминать перестали.
Иль не боитесь ничуть за столом икрой подавиться?
Или надеетесь вы, что минуют вас громы господни?»
Так поразмыслив и в руки письмо получив, из покоев
Кубарем вылетел я, себя не помня от страха,
Клячу свою подхлестнул и скорей восвояси убрался».
«Да, времена подошли нечестивые! — вымолвил Сельмас.—
Всюду, куда ни ткнись,— шельмовство одно, да и только.
Баре и слуги, глядишь, все в пекло лезут да лезут.
Тот задирает нос и, в бока упершись кулаками,
Господа лишний раз помянуть считает зазорным.
Бога поносит другой, этой дурьей башке в угожденье;
Барин, глядишь, как слепец, в преисподнюю прет ошалело,
Преданных слуг своих беззаконью учит тому же.
Слово святое господне, церквей красота и величье,
Звучные наши псалмы и сердечные наши молитвы —
Хуже навозного смрада для этих гнусных людишек.
С толку барина сбили театры, пирушки да ломбер.
Слуги его распустились, руки хозяйской не чуют,—
Где же, где же она, былая благопристойность!»

Так меж собою они толковали. Уж свадьба кончалась,
Вдруг прибежал в лаптях работник Блеберса шустрый:

«Навеселились, поди! Ну, так пир затевается новый!
Бендиксас режет гуся,— поглядите, как суетится;
Пайкжентис, нож навострив, барана рядом свежует,
Неподалеку быка однорогого Ваушкус режет;
Миколс палит кабана усердно среди огорода,
И напустил он кругом дымищу такого, что в небе
Не различить ни звезд, ни луны холодной, ни солнца.
Вдосталь будет колбас, чтобы досыта гости наелись,
Ибо и сала свиного, и окороков для копченья
На зиму много висит на крюках у крестьянина ныне.
Но заложили в трубу мясца добротного снова,
Так что теперь наконец пировать по-литовски мы станем,
Душу хоть чуть отведем, хоть на миг о невзгодах забудем.

Только не думайте вы, услышав речи такие,
Что для насмешки над нами они, мол, сказаны были.
Слишком уж, братцы мои, мы в полях намаялись тяжко,
Знали одно всегда — что бежать на барщину надо:
То вывозить навоз, то пахать, боронить, или сеять,
Сено косить, сгребать и укладывать на сеновалы,
Иль наконец урожай отвозить в сарай да клети.
Ах, в непрестанном труде мы с зари до зари пребывали,
Ливни частенько хлестали по нашим натруженным спинам.
Лица и головы нам обжигало знойное солнце;
Мы, на работы спеша, давились кашей сухою,
В завтрак, обед с трудом жевали черствые корки,
Часто мы жажду в жару утоляли, квас разбавляя
Мутной водою, из лужи зачерпнутой где-нибудь в поле.
Так изобильно пот стекал со лбов воспаленных,
Что за ручьями ручьи бежали по подбородку.
Крепко намаялись мы и немало горя хлебнули.

Ну, так стряхнем поскорей невзгод постылое бремя,
Повеселимся хоть раз на пирушке дружеской, братцы,
Ведь для того и господь одаряет нас милостью щедрой,
Чтобы такие, как мы, натрудившись, набедовавшись,
Ожили сердцем опять, подкрепились едою обильной.
Все мы трудиться должны, ибо есть повелел нам всевышний.
Должно нам есть для того, чтобы нас не покинули силы,—
Так что сегодня скотину коли и режь, не жалея.
Если откормишь бычка, его забивай без раздумья,
Режь, не щадя, овец и баранов комолых не милуй,
Куриц, уток, гусей вари горшками большими,
Ты кабана заколи, поросяток пестрых вдобавок.

Ешь на здоровье, дружок, крупяные с салом колбасы,
Жирного мяса возьми и колбас мозговых понаделай.
Если же мало тебе, то свиную кишку потрохами
Плотно набей, не боясь, что лопнет и разорвется.
Ты, набивая колбасы, смотри не забудь о печенке.
Снедь такая тебе, конечно, будет на пользу.
Знаешь небось, весна какою тощей бывает,—
Ну, так в навозницу ты, отдыхая, шкварок пажаришь
Либо в страду, спеша на «милую» барщину нашу.
Либо же дома, трудясь, ветчинки сваришь, быть может».

«Тут и сноровка нужна,— произнес рассудительный Лаурас,—
Действовать надо с умом, если осенью режешь скотину.
А принимаешься есть — рассчитай хорошенько запасы.
Разве разумно, скажи, коли осени тучной дождешься
И обжираться начнешь беспечно мясом и салом,
Изо дня в день в корчму — поближе к хмельному таскаться.
Кажется, слышали вы, как Дочис, наш старый знакомый,
Пьянствуя целыми днями, обжорству меры не зная,
После того по селу ходил, как нищий последний.
Досыта ешь, сынок, но будь поблагоразумней,—
Много проходит дней, покуда год не иссякнет,
Требует каждый из них кусков, чтоб пасытиться, много.
Встал и позавтракал утром, а там и обедать садишься,
Под вечер снова еды неуемный просит желудок,
Не говоря уж о том, что и полдник, бывает, устроишь,
Если на лишний кусок потянет в страдную пору.

До пресыщения, значит, не каждый день наедайся,
Будто на свадьбе какой, пирушке или крестинах,
Помни, не каждый день веселить свой желудок ты должен.
То-то посетуешь, если останешься вдруг без приправы,
Если придется в нужде пробавляться похлебкою пресной.
Репа, морковь, пастернак, петрушка, также и редька,
Добрый наваристый борщ из свеклы и кислой капусты
И вперемешку с бобами, горох, тушенный в горшочке,
Вкусный, густой шюннис и крупа, дробленная мелко,
Если ее с киселем разварить потом хорошенько,
Также, скажу, и картофель, будь жареный, будь он печеный,
Ну и, конечно, грибы с приправою разнообразной —
Все это вкусно и сытно, пойдет, конечно, на пользу,
Ежели каждый день в еде знать меру ты будешь,
Ежели помнить будешь о завтрашнем дне за едою.

Но не посетуйте вы, коли слово еще вам скажу я:
Много встречается нынче, соседи, таких негодяев,
Что, от литовцев родясь, говоря на литовском наречье,
Нам на великий позор примером немцев избрали.
Много меж нами таких, что, хватив хмельного чрез меру,
Песни немецкие петь приучаются и сквернословить
И, словно немцы, торчат в шинках с утра до полночи.
Не потому ли иной, до последнего слопав запасы,
На смех людям честным на карачках ползет полуголый?
О, расточители! Нас, недостойных людей, для того ли
Благами изо дня в день одаряет щедро всевышний,
Чтобы, не зная забот, мы потом обжирались, как свиньи?
Брюхо свое ежедневно побаловать нужно, конечно,
Но не забудь и того, что прикрыть его надо одеждой».

«Да, это истинно так! — промолвил, шамкая, Бужас.—
Мы-то ведь знаем небось, каковыми рождаются люди:
Лапотник — так же, как барин, на свет является голым,
Голым родится король, как из подданных нищий последний.
Нищий так же, как барин хитрейший, рождается глупым,
Кормятся оба они небось молоком материнским,
Оба — барчук на шелках, на соломе — младенец
крестьянский —
Плачут, пока разуметь они не начнут мало-мальски,
Бурас-малыш и барчук преисправно марают пеленки;
Тряпочкой нужно зады обтирать, без сомненья, обоим,
Нужно тому и другому пеленки мыть постоянно.
Братцы мои, не дивитесь речам моим странным нисколько,
Милые, честью клянусь, говорил я сущую правду.

Горестно плакать, кричать человек любой начинает,
Только-только на свет явясь из темной утробы;
После из люльки нередко зовет он спросонья на помощь.
Бурас-малыш и барчук при рожденье беспомощны оба,
Только, когда барчука в постель с почетом относят,
Бураса тут же спешат положить куда-нибудь в угол
Иль, спеленав, оставляют его на убогой рогоже.
Много ль богатств они с собою приносят, скажи-ка?
Барин еще никогда с мечом в руке не рождался,
Из материнского чрева бедняк не являлся вовеки
Ни с бороною-зубаткой, ни с вилами, ни с грабловищем.
Высокородные баре средь бурасов чванятся, будто
Плавает, лоснится жир поверх похлебки горячей.
А горемыка-крестьянин, как снимет дырявую шапку,

Так, ослепленный их блеском, трясется у печки холодной
Или же издалека перед ними гнется в поклоне.
Каждому место его, видать, назначил всевышний,
Чтобы, спесивясь, один властелином расхаживал грозным
И каждодневно другой в грязи да в навозе копался.

Знаем, много таких, что забитого бураса часто
Олухом круглым считают, его от души презирая.
Дурни! Ведь сами они заслужили подобную кличку.
Кто бы бездельникам этим доставил вкусные яства,
Кто бы сладким питьем всегда ублажал их, скажите,
Кто бы поля распахал, засеял да жатву убрал бы,
Кто бы зерно молотил и в город сбывать его ездил,
Если бы не были здесь ретивые Лаурас и Кризас?
Мы-то ведь знаем, что барин любой, для своих домочадцев
Осенью поздней ни хлеба и ни пирогов не имея,
Бурасу деньги сует, стараясь к нему подольститься,
Увещевает его подсобить ему в трудную пору.
Ну, а потом, глядишь, он, в бока упершись кулаками
И обо всем позабыв, ругмя ругает беднягу
И насмехается снова над ним и над всем его домом».

«Это я видел не раз,— отозвался Причкус,— солтыс я
Старый. По должности мне пришлось наездиться вдосталь.
Амтман ругался так, что вставали волосы дыбом,
Да и от бурасов также я брани наслушался вдоволь.
«Лодырь!» — изо дня в день кричал мне барин, бывало,
Коль ненароком случится замешкаться хоть на минуту,
По уху смажет — да так, что сопли из носу брызнут.
Барам, кажись, не к лицу обычаи свинские эти,
И особливо когда крестьяне, увидя такое,
Перестают солтыса считать за старшого меж ними,
И на него плюют, и зовут его глупою клячей.
Если бы барин меня отодрал где-нибудь на конюшне,
Ну, а часок спустя расхвалил вовсю пред народом,
Не было б, верно, тогда так обидно мне и так горько,
Люду честному теперь на глаза показаться мне стыдно,
Даже мальчишки и те надо мной глумиться дерзают.

Вот и намедни случилось: когда на барщину ехал,
Лодыря Слункюса вздумал наставить, как должно солтысу;
Рассвирепел он, как зверь, да ногами затопал, да рявкнул:

«Ах ты, старый дурак! Убирайся, иль в ухо заеду!
Видно, забыл ты, как барин тебя по спине отдубасил?»
Братцы мои, до того я опешил тогда, что, поверьте,
Просто не знал, куда мне голову деть от позора.
Бурасы, то увидав, животы надорвали со смеху.
Да, уж все миновало и ввек назад не вернется.
Вот как весною, когда повсюду снег прыщеватый
Таять начнет и уже не годится для санной дороги,
Так получилось со мной и с моим почетом, соседи.

Эх, когда я был молод (прошли золотые денечки!),
Эх, когда я был молод, хвалили меня и ласкали
Все, начиная от бар и кончая прислугой пастушьей.
И мальчуган голопузый, и даже грудной ребятенок
Причкуса в голос один прославляли, честное слово.
Ну, а когда поседел, надо мной насмехается всякий.
Да, старика солтыса позорят и барин и бурас.
Часто, садясь на свою облысевшую тощую клячу
И на загривке ее седину замечая, со вздохом
Вижу также свою, соседи, горькую старость.
Осенью поздней, когда по грязи на барщину еду
И через силу бредет по дорогам усталая кляча,
Так мне жалко ее, что порой обильные слезы
Льются ручьем по лицу, особливо ж как барин обидит.
Так я жалею свою постаревшую тощую клячу,—
Шутки ль, тринадцатый год мы в поездках с нею проводим,
Честно на барщину тащит меня в седле эта кляча,
А надо мной, стариком облысевшим, господи боже,
Сжалиться никому на ум досель не приходит».

«Ах,— отозвался Энскис, ножище большой доставая,—
Что так хмуришься ты и сердишься, брат мой сердечный?
Право, ничуть не меньше терпел я горя на свете!
Видишь вот этот нож с костяной рукоятью: он кован
На наковальне холодной, он крив, как луна на ущербе
Иль ястребиный клюв, и, когда на него погляжу я,
Сразу мне видится смерть костлявая — точно такая,
Как по привычке старинной малюют ее и поныне,
С выгнутой острой косою, грозящей белому свету.
Ах, этот нож теперь истерся и притупился,
Так я жалею его, что порой заливаюсь слезами.
Шутка ль? Тринадцать годов на колбасы мясо рубил он,
Толстого сала куски рассекал на веселых пирушках,
Страшный, словно огонь, он по жесткому мясу носился,

Словно топор дровосека, он кость раскалывал бычью.
Миколас, Йонас и Лаурас — свидетели этому, братец!

Мало того — погоди, я еще словечко добавлю,
Ты вот послушай, брат, что со мною случилось недавно,
Это из году в год случается с бурасом всяким,
Если захочет он лапти сплести из свежего лыка
Или же дичь подстрелить задумает, изголодавшись.
Я, как бурас любой, забираюсь в лес королевский,
Чтобы во тьме непроглядной рубить втихомолку деревья.
Правда, частенько меня накрывал объездчик суровый
И, надавав тумаков, как воришке, что пойман с поличным,
Силой топор у меня отбирал, как разбойник заправский,—
Не отпрягал он, однако, моей клячонки убогой...
Ибо, по правде сказать, воровал я с оглядкой и толком,
Не как иной баламут, что в тяжелую зимнюю пору,
В лес забираясь с рассвета, дубы и клены срубает,
В город отвозит их после и, с выгодой там продавая,
Тут же в шинок спешит, и гуляет, и пьет бесшабашно.
Ежели что-нибудь мне иногда своровать приходилось,
Руки себе замарать, признаюсь, и я не стыдился.
Не для себя воровал — для господ сиятельных только.
Ведь ежегодно, как знаешь, платить мы обязаны подать
Амтманам нашим, когда приказ они присылают
Или чрез вахмистров нас понуждают, плетей не жалея.
Так-то, братец сердечный, пожалуйста, будь осторожен,
Пред лесником не обмолвись, что, дескать, Обрис, мой работник,
В лес деревья красть отправляется осенью каждой.
Радуюсь сердцем, как вижу, что вновь он хлопочет усердно,
Если ж зимой, на рассвете, моих он одров запрягает,
Жареных пару колбас я вручаю ему на дорогу,
А возвратился назад с добычей, неоштрафован,
Третью ему колбасу добавляю от чистого сердца,
Если же нет колбасы, два сыра больших добавляю.
Лесу этак собрав помаленьку изрядную кучу,
Тотчас я воз нагружал и в соседний город пускался,
Лес на базаре продав и хорошие выручив деньги,
Прятал барыш хитро, чтоб иметь на оброк ежегодно.
Нужно, дружок, научиться и красть-то умеючи, с толком.
Не потому ли иной простофиля-бедняк, отправляясь
В барский лес воровать иль табак запрещенный сбывая,
Только позор и беду непрестанно себе наживает.
Но и немало таких средь бурасов есть обормотов,

Вовсе никчемных людей, что, сожрав припасы до крошки,
Вместо пивка глотая разбавленный квас или воду,
С горя обманом жить начинают, словно евреи.

Слушай-ка, братец, в деревне, где ставлю горшок я на пламя,
Двое мерзавцев таких со мною соседствуют близко.
Добрые люди — Пеледой из них одного окрестили,
Ну, а другому, лентяю, присвоили прозвище — Слункюс.
Знаешь небось, до чего наш бурас додуматься может,
Да особливо когда на свадьбе хватит хмельного
И принимается тотчас откалывать шутки по-свински.
Только сравнялся год, как живу я в этой деревне,—
Просто сказать, новичок, и поэтому нравов соседских,
Также лукавства и плутней еще не узнал,— и, однако,
Эти Пеледа и Слункюс, которых не жалуют люди,
Столь мне страшны, что поджилки трясутся, когда их завижу.
Ты вот послушай, дружище,— о дивах таких ты узнаешь,
Что у тебя, старика, волосья подымутся дыбом.
Избы у этих скотов, когда б на них ни взглянул ты,
Землю хоть всю обшарь, не найдешь запущенней, право;
Вверх подымешь глаза — увидишь дырявую крышу,
Ветер гуляет по ней, громыхая дранкою ветхой,
Исподволь — здесь и там — заплаты срывает гнилые.
Весь покосился конек, и скрипят стропила, шатаясь,
Слеги косые торчат, посередке тяжко свисают,
Прутьями между собой скреплены или просто мочалой.
Если же в избы заглянешь, то страшно, братец мой, станет!
То ль это хлевы свиные, то ль грязные конские стойла,
Ибо, куда ни подайся, повсюду кучи навоза.
Ведь и свиней-то в жилье, подлецы, держать не стыдятся,
А подивишься тому — начинают еще и браниться.

Вот и намедни случилось: с Пеледой на улице встретясь,
Стал я за свинскую жизнь его отчитывать крепко,
На подобающий путь обратить неряху желая:
«Как ты, боров, живешь? Иль стыд потерял без остатка,
Ты ведь, соседушка милый, как жук, толчешься в навозе,
Ведь с головы до пят, как жук, пропах ты навозом.
Мимо хибарки твоей проезжал лишь позавчера я,
Чтоб хорошенько вглядеться, нарочно остановился,
Долго смотрел, как вдруг беспокойно заржал жеребец мой,—
С крыши упав, стропило меня едва не задело,
Там же, где было окно, проем один лишь остался.
Ты вот послушай, сосед, ты послушай, что дальше случилось:

Трое пестрых свиней с поросятами пестрыми вместе,
Будто бы резали их, провизжав истошно в хибарке,
Вдруг через окна во двор рванулись, словно шальные.
Дива такого вовеки не видывал, честное слово,
Так изумился, что дыбом волосья на темени встали.
Ты, ободранец, с бродягой и пьяницей Слункюсом в паре,
Этак являться на люди ужель ничуть не стыдишься?
Оба вы даже свиней худых пасти недостойны,
А поглядишь — так всегда с честными соседями рядом,
Вы подле сватов спешите усесться на свадебном пире.
Все поровите вы сладко пожрать да попьянствовать вдосталь.
Если бы милость свою оказало начальство большое,
Дрянь такую изгнав поскорей из нашей деревни,
Ибо мы все из-за вас понемногу поваживать стали».
Так я Пеледе сказал. Услышав это, схватил он
Палку и тотчас меня по спине огрел, как разбойник,
И не случись, по счастью, там подле Сельмас почтенный,
Верно, меня бы на месте тогда и убил этот изверг.
Вот какие раздоры бывают, когда по-соседски
Увещевать начинаешь разбойника чистосердечно
И побранить его малость решаешься, увещевая».

Пиру конец приходил, и уже иссякли рассказы,—
Вдруг ходуном заходила земля от края до края,
Из-за стола повскакали в испуге пьяные гости
И повалили на двор, теснясь, как стадо овечье,
Так что одни без глаз в толчее суматошной остались,
Ну, а другие — руками-ногами там поплатились.
Только была пустяковой причина переполоха,
Дела-то было всего, что Дочис и шестеро парней
Стали, горох молотя, колотить беспощадно цепами,—
Так колотить, что и мыши в подполье пищать перестали,
И половина гостей искалеченной вмиг оказалась.

Но не дивитесь, друзья, услышав речи такие,—
Ведь ежегодно Дочис, дождавшись осени тучной,
В ужас приводит соседей, когда молотить начинает.
Сколько, ох, сколько вреда натворил он нашей деревне,
Сколько домов своротил и лесов да холмов разметал он.
Страшно, ей-богу, когда принимается Блеберса дядя,
Лаурас, повествовать о своих злоключеньях несчетных,—
Клеть да свинарник последний едва у него уцелели,
Также и дом у него глядит развалиной жалкой.

Этот Дочис, затевая дела непотребные, смотришь,
Множество вызвал в деревне раздоров, ссор, несогласий.
Сколько достойных соседей, дома побросав и хозяйство,
Поздней осенней порою скитается в поле холодном
Или, вконец обнищав, с котомкой идет побираться.
О бесконечных мытарствах хозяева, люди честные,
Судьям высоким не раз в Караляучюс жалобы слали,
Только суда все ждут, справедливости все не дождутся.
Знаем — прости господь, как лихое времечко наше,
Слезы людские презрев, над чужим измывается горем.
Но почему Дочис так беснуется каждую осень,
Из году в год почему он цепами так громыхает?
Люди, которых не раз шюпинисом он потчевал вкусным,
Все говорят, что Дочис оттого в сарае бушует,
Что поскорей загулять да забражничать рвется, пьянчуга.
После Михайлова дня, на току орудуя цепом,
Слюни глотает, наглец, на корчму косится умильно...
Женку на помощь позвав, обмолотит кладей немного,
Веет поспешно потом, насыпает корзины до края
И подается в корчму — пропивать урожай без остатка.
Трепаный лен в кабак относит женка Дочиса
И, за бесценок отдав, к бутылке спешит приложиться.
Мало того — и детишек приводит, ничуть не смущаясь,
Прямо в кабак к муженьку, а сама — опять за бутылку.
В прошлом случилось году: к Плаучюнасу в дом на крестины
Блеберса добрый батрак, уважаемый Каспарас, вместе
С наглым Дочисом пошел, и туда же поехали Кризас
С Лаурасом; в гости к себе Плаучюнас соседей сзывая,
Выставить пообещал побольше напитков и снеди;
Званых гостей у него собралось без числа, но немало
Понабежало к нему и соседей неприглашенных.
Щедрому Кризасу в пояс поклон наш Каспарс отвесил,
Ну, а пьянчуга Дочис, подбочась, как советник пузатый,
И непристойно крича, на пирушке честной показался;
Клюкнуть уже успел пред Мартыновым днем он изрядно,
Слюни глотая, наглец на яства косился умильно.
Блюда хозяин поставил с вареным и жареным мясом.
Так же радушно поднес кумовьям он булок пшеничных,
Гости честные в ряд за стол хозяйский уселись,
Ели, дружно хваля, кровяную похлебку и сало.

Благопристойно пирушка текла,— вдруг Лаурас с Дочисом
Стали ворчать друг на друга и злобно, как псы, огрызаться,
Из-за свиных хлевов разоренных стали друг друга

Мало-помалу они осыпать безобразною бранью.
Не забывайся, мужлан, ты в гостях, на пирушке хозяйской,
Время нашел вспоминать о дрянных каких-то закутках!
Ну, а теперь, друзья, расскажу, что позже случилось,
В прошлом году,— о том уважаемый передал Кризас.

Доброго пива купив за немалую цену три бочки,
Слуг Плаучюнас позвал и велел внести их в светлицу.
И притащил Энскис, слуга его, целую гору
Кружек пивных расписных и муравленых емких кувшинов.
Гости бочонок большой во мгновенье опорожнили,
Хмель зашумел в головах, языки у всех развязались,—
Знаете сами небось, до какой околесицы может
Договориться крестьянин, лишку хватив на пирушке.
Из-за убитых свиней и свиных развалившихся хлевов
Так же у прочих дошло наконец до нешуточной ссоры.
Гости хмельные в карман за скверным не лазили словом,
Адский галдеж поднялся, а затем и дракой запахло.

Знаем, хлебнет мужик — и рассудка лишается вовсе,
Прямо сказать — на глазах человеческий образ теряет.
Ведь Плаучюпас-то сам, затеявший эту пирушку,
Даже и тот до того с напитком крепким повздорил,
Что по светлице плутал, невзвидя белого света.
Диво ль большое, что гости, которых он потчевал щедро,
Скромных, разумных речей за столом вести не сумели?
Мало того — погодите, узнаем, что дальше случилось:

Кубас и Лаурас, бывший почтенному Каспару зятем,—
Также и Миколас,— был он приказчиком в нашей деревне,—
В помощь товарищей взяв, напустились вдруг на Дочиса.
Сбились они в клубок и в драке ожесточенной
Рухнули на пол вдруг и, катаясь, тузили друг друга
С пылом таким, что один, говорят, там без глаза остался,
Уха лишился другой; особливо ж Дочису попало:
Полуживого домой сыновья потащили в корыте.

Пиме, Дочиса жена, смертельно перепугалась —
Над муженьком полумертвым с рыданьем она хлопотала
И с головы его отмывала кровь, причитая;
Крики и плач услыхав, отовсюду соседки сбежались
И впопыхах притащили с собою снадобий разных,
Грита и девясила и прочих травок достала,
Приволокли Сельмике и Берге мазей целебных.

Дружно пошли хлопотать над больным сердобольные бабы.
Яке настойку из трав в черепке развела хорошенько,
Польского дегтю в нее да багульника чуть подмешала,
Так завоняло в избе, что и мертвый, кажись, не стерпел бы.
Вот на лежанке Дочис понемногу стал шевелиться.

Пиме, Дочиса жена, и соседки повеселели,
Мазью стали они усердно смазывать раны,
Голову мужу скорей начала перевязывать Пиме,
А Пакулене взялась заговор прочитать подходящий.
В то же мгновенье Дочис, вонючее зелье унюхав,
Неописуемый страх почуял пред знахарством бабьим,—
Тотчас придя в себя, с постели молниеносно
Он соскочил и дубиной большущей вооружился,
Всех сердобольных баб с их бальзамами бабьими вместе
Вышиб он в ярости вон из избы, насквозь просмердевшей,
Ну, а потом, перебив немало утвари всякой,
Все черепки с лекарством схватил и за дверь пошвырял он.
Бедных сынов, что его, как падаль, домой притащили,
Злобно ворча и бранясь, едва не прикончил, поганец».

«Хватит! — вымолвил Сельмас.— Довольно этих побасок,
Уши вянут от них, а нет ни конца им, ни краю.
Эх, и куда ушли времена, когда еще пруссы
Ни одного словца по-немецки сказать не умели,
А башмаков иль сапог не знавали, и хоть каждодневно
Лапти носили простые, да все не могли нахвалиться.
Где времена, когда ни друзей, ни соседей почтенных
Не было нужды бранить и стыдиться за них постоянно.
Нынче ж, скажу, не таясь, глаза бы мои не глядели.
Осенью брат наш, литвин, в башмаках, а то и в сапожках,
Будто бы немец заправский, приходит, глядишь, на пирушку.

Нам-то, литовцам, пожалуй, носить негоже и клумпы,—
Так по-немецки у нас деревянная обувь зовется,—
Деды и прадеды наши не слишком ее уважали.
Знаем, стеснялись они поминать башмаки в разговорах
И на французский манер щегольские полусапожки.
Это французы, когда понаехали к нам отовсюду,
Вскоре привычкам своим и обычаям нас научили.
В древние те времена наши прадеды школ не имели,
Знать не знали они букварей и книжек церковных.
Вероученью тогда изустно их всех наставляли.
А ведь усердней, поди, почитали прадеды бога

И, подымаясь до солнца, по праздникам в церковь спешили.
Нынче ж, помилуй господь, до какого мы дожили срама:
Все разряжены в лоск на манер французский, литовцы
Лишь на минутку-другую покажутся в храме господнем
И поскорее в корчму гулять да бражничать мчатся.
Многие образ людской там теряют, перепиваясь,
И начинают болтать по-свински и по-мужицки,
В церкви слышанных слов никто и вспомнить не хочет,—
Шутки мужичьи одни, да брань, да хохот немолчный...
По пустякам во хмелю затевая ссоры частенько,
Тут же они меж собою вступают в жестокие драки,
Хуже разбойников, право, катаются с воплями, с бранью
По полу, в грязных плевках, в блевотине, в лужицах водки.
Ну же и мерзость пошла! Как подумаешь — волосы дыбом.

Но не довольно того! Отцы-то пьянствуют сами
И ребятишек в кабак приводят, как в гости к соседу,—
Вот и потомство свое приучают к вину с малолетства.
В драку вступают отцы на глазах у своих ребятишек,
Клочья волос летят, и кровь потоками хлещет.
Нет угомону на вас, беспутники и нечестивцы.
Иль не страшитесь, что бездна разверзнется вдруг перед вами,
Пламя пожрет вас всех, оскверняющих праздники божьи,
Или не совестно вам среди христиан появляться?

Если священники в школу детей посылать заставляют
Или пора подошла заплатить учителю деньги —
Что за нытье стоит и какой галдеж несусветный!
А напоследок, когда рассерженный амтман прикажет
Вахмистрам без разговоров описывать всех виноватых,
Вмиг набежит толпа недоумков долгобородых,
И завопит, завопит, будто миру конец наступает,
И, в пререканья вступив с несчастными учителями,
Примется их шельмовать за одно лишь то, что дерзнули,
В горькой нужде изныв, потребовать кровные деньги.

Пайкюс, известный дурак, «Отче наш» не знающий даже,
Также и братец его двоюродный, круглый невежда,
Смеют в голос бранить наставников скромных и школы.
Диву даешься, когда начинают болтать эти люди,
А поглядеть, так один сыновей обалдуями сделал,
Им угождая во всем, их воле потворствуя слепо.

Чуть не убить готов он учителя, если порою
Лодырей тот ремнем стеганет, потерявши терпенье.
Ну, а другой совсем свихнулся: ребят неразумных
В школу он ни за что посылать не желает, как будто
Дал себе крепкий зарок — их вырастить аду на славу.

Пайкюс ненастье бранит, а Ваушкус вёдро поносит:
Этому слишком светло, а тому недостаточно света,
Школа плоха одному, а другому несносно ученье.
Молод еще для одних и учить не умеет учитель,
Он для других староват и детей наставлять не годится.
Эти твердят: неприлично орет он, псалмы распевая,
Те говорят: не поет, а всегда бубнит что-то под нос.
Боек — одни кричат, тихоня — молвят другие.
Вот как по праздничным дням, в корчме с утра собираясь,
Учителей-горемык и священнослужителей скромных
Пьяницы и пустоболты ругмя ругают повсюду.
Вот как о них толковать эти головы дурьи дерзают!
Все же, скажу, и средь нас не перевелись христиане,—
Между литовцев найдется хозяев добрых немало,
Высокочтимых людей, что пример являют соседям:
Сами живут благонравно и, смотришь, также умеют
Домом своим управлять и почтенье внушать домочадцам.

В мире уж так повелось, гласит Святое писанье,
Непогрешимых людей, перед господом чистых душою,
Меньше бывает всегда, чем безбожников закоренелых.
Так оно будет и впредь: побеснуется несколько мир наш
И, напоследок ослепнув, к чертям на рога понесется.
Ведь говорят нам слова пророков ветхозаветных,
Также господь наш, Христос, и апостолов рукописанья
Все об одном, что, когда конец приблизится миру,
Столпотворенье пойдет, из ада чудища выйдут
И средь господ просвещенных, а также бурасов темных
Только коварство и подлость откроются нашему взору.
Разве мы изо дня в день не видим, как, властвуя всюду,
Грешных слабых людей соблазняет нечистая сила!
Ах, опомнимся, братья! Почувствуем сердцем, как страшно
Бездна ада на нас ощерилась, и поразмыслим,
Сколь богомерзким ученьем своим людей баламутит
Время тяжкое наше, исчадье силы нечистой!
Грабить, бесчинствовать, лгать, ненасытной корысти в угоду,
Ближних своих предавать да оплевывать имя господне —

Вот непреложный закон, вот первая заповедь нашей
Трижды проклятой поры лихолетий, нас посетивших.
Ах, куда ни гляди, все навыворот, все наизнанку.

Мы — коренные литовцы, не зная белого света,
Простосердечно считали, что только француз да швейцарец
Свет и честных людей мастаки околпачить, опутать,
Думали мы: сквернословить и красть лишь немцам не стыдно.
А на поверку, друзья, и меж пами людишек немало
Водится подлых, безбожных, таких немало мы видим,
Что и Литву и литовцев позорят своим поведеньем!
Ах, земляки дорогие, мои сердечные братья,
Уподобляться не станем слепцам — безбожникам грубым,
Будем спокойны, когда, с ухмылкой презрительной глядя,
И зубоскалят они, и над нами глумятся бесстыдно.

Видите, братья, что вас, как верный слуга, поучал я,
Вас не хвалил я ничуть по-французски иль по-немецки,
Но по-крестьянски, как друг, сказал, не таясь, не лукавя,
Все, что хотел, напрямик сказал я вам, как сказалось.
Вот мы с весельем великим Мартынов день проводили,
Вот и рождественский пост, а за ним рождество наступает.
С хмурого запада вновь задули суровые ветры,
Вновь на востоке они и на севере забушевали
И холода и метели в Литву к нам издали гонят.
Скоро уж печи топить — дровец заготовьте побольше
Да не забудьте хлева по-хозяйски проконопатить,
Чтобы от стуж не погиб поросенок махонький даже.
Дело известное: только земля в декабре промерзает,
Жить без наших забот повседневных скотина не может,
Жалобно на руки смотрит, ждет сытного корма и пойла.
Ну, так дадим же с умом все то, что скотине потребно,
Ибо не знает никто, надолго ль затянется стужа,
Сколько припасов до пасхи останется нам на потребу.
Плохо, что ли, когда, одолев суровую пору,
Вдруг поглядишь — ан, запасов к весне осталось немало.

Что же — кончить пора! По домам разойдемся, соседи.
Так ниспошли нам, господь, достойно праздники справить,
С теплой радостью в сердце дождаться Нового года,
Снова в гости позвать по-добрососедски друг друга».

ПИРШЕСТВО ЛИСИЦЫ И АИСТА

Рыскала лиска в полях, и вдруг ей встретился аист.
«Братец любезный, здорово! Как женка твоя поживает?
Как себя чувствуют дети в уютном гнездышке? Сам ты
Как себя чувствуешь? Так же ль охотиться в силах,
как прежде?
Но не прогневайся, брат,— пожурить тебя надо бы крепко!
Времени столько прошло, а меня навестить ты ни разу
Не соизволил! Что сталось с тобой? Иль совсем
загордился,
Шастая день-деньской да лягушек глотая без счету,
Жаб из окрестных прудов вылавливать не уставая.
Ведь неучтиво, поди, забывать доброхота-соседа!»
«Кажется,— аист ответил,— виновен я вправду пред тобою!
Только ведь знаешь сама, сколько тяжких хлопот
прокормиться,
Деток растить-питать, да и, кроме того, неусыпно
От лиходеев проклятых, от коршунов, оберегать их!»
Аист давно привык про лисье слышать коварство,
Но приставала лиса к нему столь рьяно, что в гости,
Несколько дней спустя, на званый обед полетел он.
Сразу лисица его приветила льстивою речью:
«Здравствуй, милый брат, посетивший угол наш скромный!
Ну-ка, в мою ты нору полезай да скорей принимайся
За угощенье, которым от сердца я потчевать рада!»
Вмиг на обрывок бересты насыпав сохлых крупинок,
Очень лиса эту снедь расхваливать аисту стала.
«Кушай, любезный брат, кой-чего принесу я вдобавок».
Так сказав, она из норы на волю шмыгнула,
Кучу гнилых костей собрала и ему поднесла их:
«Вот для тебя и мясного я, гость дорогой, раздобыла».
Лисье коварство на деле узнав, отзывается аист:
«Я, сестрица лиса, за честь благодарен премного,
Только сегодня со мною неладное что-то творится:
Видно, какая-то хворь одолела — все колики в сердце».
Но среди их разговора батрак за аистом этим
Вдруг прилетел и домой принялся торопить господина.
Аист, тотчас распрощавшись, из лисьего дома убрался.

Часто потом поминал он лисицу с ее угощеньем.
Но попрошу послушать, что позже, в другой раз, случилось.
Чад подросших своих проводив, хозяйственный аист
Стал беззаботно в гнезде чинить худую сермягу,
Ибо пора подошла в дорогу вновь собираться.
Вот издалека лисица его навестить прибегает
И, с огорченною миной, соседу вкрадчиво молвит:
«Ах, любезный брат, беда большая со мною.
Я уж охочусь три дня, а без толку... Нынче пыталась
Я потихоньку в курятник забраться по этой причине,
Но кочергами меня там бабы исколотили,
Псы ободрали,— гляди-ка на что я стала похожа,
Кончик один от хвоста каким-то чудом остался.
Сжалься, молю, надо мною, чего-нибудь кинь мне, голодной!»
Длинный свой клюв раскрыв, сердобольный аист немедля
Выблевал жабу одну и промолвил: «На вот, сестрица,
За угощенье твое с лихвой и этого хватит!»

Ты, человек, научись узнавать плута продувного,
Кто сладкозвучною речью коварство свое прикрывает
И, обнимая сердечно, кусок тебе малый жалеет.
Низких людишек таких особливо остерегайся!
Этих лисиц повсюду на свете водится много.
Тварей коварных искать не только средь бурасов нужно!
Ты погляди да послушай, что в барских усадьбах творится.
Мягким, пушистым хвостом там гладят раны сиротам,
А бедняка обирает злодей лихой втихомолку.
Так что скорей позабудь о коварстве бесовском
и плутнях,
Ближних своих полюби, как любишь себя самого ты.
Ближнему ввек не желай того, что тебе неприятно,—
То, что приятно тебе, твори ему чистосердечно.
Лиска, коварная нравом, как мы узнали из басни,
Аисту груду гнилья на обед предложила радушно,—
Выблевав жабу, аист лисе ее подал в отместку.
Плуты эти друг с другом коварством своим обменялись.
Но посуди, человече, твой нрав намного ли лучше:
Быстро из уст вылетает: «Сестрица, братец любезный»,—
А кулаками нежданно палач в упор ударяет.
Так на свете на белом, где правит обозом нечистый
И среди слуг своих пасет свое стадо большое.
Ну, поди же сюда, мой сердечный, мой избранный братец,
Будем любить друг друга, как братья, родные по крови!

РЫЖКА НА ЯРМАРКЕ

Рыжка на рынок однажды тайком бежал поживиться.
Глупое это созданье, на рынке ввек не бывавши,
Мнило: в базарный день товар отпускают задаром,
Также и всех собак с отменною лаской кормят.
Думая так, вбежал он отважно в город торговый —
И затесался вмиг меж купцов и крамарей всяких,
Словно какой-нибудь гость, на пирушку званый учтиво.
Понаблюдайте ж теперь, какие с ним дива случились!
Смелость имел он сперва к торговцу в лавку толкнуться,
Сдуру себе представляя вкуснейшими барские снеди.
Но лишь по лесенке стал он взбираться, как тут же хозяин
Так его по боку съездил аршином своим, что, от боли
Скорчась в дугу, наглец покатился с лестницы, воя.
Неподалеку на рынке сапожник сидел и привычно
Всем предлагал проходящим товара кожевного короб.
Пару сапог тайком утащить и пес догадался —
Думал, дурак, что там, где кожа, будет и мясо!
Но по загривку дрючком получил он так, что немедля,
Жалобный крик издав, отскочил к ларьку хлебопека.
Вскоре его и здесь по лодыжке толстым поленом
Стукнули так, что, хромая, насилу сдвинулся с места.
Только ему, видать, угощенья все не хватало:
Духу набравшись, решил мясника навестить, полагая
Хоть у него поразжиться каким-нибудь потрохом лишним.
Вот, подбираясь тихонько, он водит разинутой пастью,
Вот уж вплотную подполз, на добычу готовится прыгнуть...
Но не дремал мясник: издалека Рыжку приметив,
Хвост ему вмиг топором отхватил до самого корня.
Так, угощенный на славу, с базара пес воротился
И поминал частенько базар с угощением дивным.

Вникни, отхлестанный вор, в содержанье басни поглубже!
Рыжку, как слышал ты, на базаре вором считали,
Всюду его поделом, как отпетого дурня, тузили.
Кто ж виноват, скажи? Для чего на чужое польстился?
Правда, глупый пес, большим он будь или малым,
Разума вовсе лишен, потому и за грех не в ответе.
Но человек лихой, ущерб другим наносящий,
Закоренелый разбойник, коварный, казни достойный,—

Тот человек, говорю, взаправду петли достоин.
Можно из басни моей извлечь и другое на пользу:
Пес как дурак побежал на рынок; там очутившись,
Смело разинул пасть и во все безрассудно вцеплялся,
Воображал он, что всюду жратва его ждет даровая!
Лучше ли некий лентяй, наделенный умом человечьим,
Лучше ль безмозглого Рыжки лентяй, говорю, поступает?
Много на свете бродяг, что живут не трудом повседневным,
А, по углам толчась, для себя лишь готовое тащат.
Лодырь! Работать ступай, свой хлеб зарабатывай честно,
То, что нажил сам, и считай своим достояньем!

ПЕС-ГОЛОВАН

Кризаса пес-непоседа, прозваньем «Большеголовый»,
Тяжбу у львов ведя, обвинил однажды овечку.
Страшно, ей-богу, сказать, каким он был лиходеем!
Мимо пройти не давал ни одной соседской собаке,
Денно и нощно повсюду носился, будто взбесившись,
Либо же, если не так, то гонял воробьев неустанно.
Но особливо злодей, подкатясь без рыка и лая,
Платье прохожим драл, не щадя ни чужих, ни соседей.
Ночью — на месяц холодный, на звезды небесные лаял,
В полдень — до хрипоты брехал на теплое солнце.
Этот прохвост пристал, как изволите слышать, к овечке:
Мол, ячменя у него отец ее занял на свадьбу;
С бедной не мелочь какую — три четверти требовал целых.
Но, не имея расписки, как в этих делах подобает,
В помощь свидетелей взял свояков — лисицу да волка.
Мало того: чтобы судьям свою втолковать справедливость,
К этим бессовестным тварям прибавил и ястреба злого.
Те собрались и втроем головану так пособили
Ложью своей, что судья возмутился, жалобу слыша,
И сгоряча овечку безвинную бранью осыпал.
«Шельма,— вскричал,— отдай, отдай свой долг, да не мешкай,
Или сейчас же тебя разрешу разорвать — для примера!»
Робкое это созданье, смутясь приговором обидным,
Слова свидетелей грозных и крика судьи убоявшись,
Эта овца, говорю, терпя насилье такое,
Помощи или защиты не видя себе ниоткуда,
С горя вернуть ячмень обещала неодолженный.
Но, не имея ни меры, одежку свою шерстяную,

Бог нас помилуй, остригла, пошла — продала ее в стужу
И, уплатив поскорей, уняла лиходеев проклятых.

Ах, дорогой мой, терпи, если бьют по месту больному
И с кожуха твоего отдирают последнюю латку!

ВОЛК-СУДЬЯ

Волк тот, известный всем охотник чащ непролазных,
Кто, притаясь в кустах, вдоль опушек рыщет сторожко
И за стадами стада вырезает себе на закуску,—
Этот мясник бежал однажды, проголодавшись,—
Не покупать,— о нет! — но, чего-нибудь вынюхав, стибрить,—
И недалеко, у речки, козу приметил случайно,
Даже, верней, не козу, а всего лишь козочку только.

Тотчас, по-волчьи напав, бранить он сердечную начал:
«Воду мою зачем мутишь ты мордой нечистой?
Или забыла, как страшно отца твоего покарал я?
Как же вдобавок и ты грязнить питье мое смеешь!»
«Ах, пощади, господин,— трепеща, взмолилась бедняжка,—
В жизни я никогда твоей не грязнила водицы!
Бог нас вовеки храни от лихого дела такого!
Мы, лишь волчий дух почуя, спешим схорониться,
Ибо набеги твои наш род беззащитный изводят.
Коз, лошадей, коров, поросят, овец и баранов
Всюду, в полях и в бору, сожрал ты, право, без счету,
Также и мать мою задрал во ржи беспощадно».
Чуть не взбесился волк, услышав речи такие,
Гнева и мстительной злобы исполнен, ощерился тотчас.
«Дурья башка,— вскричал,— держи язык за зубами,
Несправедливым судьею досель не бывал никогда я.
Иль неизвестно тебе, как луга потравил мне отец твой,
Взяв на подмогу мать заодно с ненасытным потомством?
Этого мало: сердце должно бы лопнуть с досады...
Разве, признайся, не вы беззастенчиво шкодите всюду,—
Кто обдирает в лесах наилучшие наши деревья,
Кто молодые побеги в садах изгрызает, играя,
Кто, в огород хитроумно забравшись, овощи крадет?
Вот почему король запрещает держать вас отныне,

Знай, что мне повелел он за вами присматривать зорко.
Мне разрешил карать преступников всех для примера,
Твердой рукой повсеместно лихие дела пресекая!»
Так, пред козою похвастав, в несчастную зубы вонзил он
И, во мгновенье одно растерзав, сожрал ее тут же.

Так и на свете, глядишь. Кто втайне злое замыслил,
Может бесчестно всегда обвинить в преступленье любого
И, как свирепый волк, растерзать беднягу на части.

ПРИМЕЧАНИЯ

Этот том является первой и у нас в стране, и за рубежом попыткой синтетически представить поэзию народов СССР с IV по XVIII век, дать своеобразную антологию поэзии эпохи феодализма. Как легко догадаться, вся поэзия столь обширного исторического периода не уместится и в десяток самых объемистых фолиантов. Поэтому составители отбирали наиболее значительные и характерные с их точки зрения произведения, ориентируясь в основном на лирику и помещая отрывки из эпических поэм лишь в виде исключения. Материал расположен в хронологическом порядке, а внутри веков — по этнографическим или историко-культурным регионам. К этому следует прибавить, что поэзии средневековья в серии «Библиотека всемирной литературы» посвящен также целый ряд томов: Фирдоуси «Шах-наме», Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Низами «Пять поэм», А. Навои «Поэмы», «Ирано-таджикская поэзия», которые в совокупности дают общее представление о художественном гении народов СССР, сокровищах поэзии, которые были выработаны народами на протяжении веков и с которыми они вступали в новое время.

IV—IX ВЕКА

МЕСРОП МАШТОЦ

Месроп Маштоц (361—440) — ученый-просветитель. Родился в селе Хацекац (провинция Тарон, турецкая Армения) в семье свободного крестьянина. Был секретарем в царской канцелярии. Принял монашество и стал проповедником среди армян-язычников. Месроп Маштоц — создатель армянского алфавита и основатель новой национальной литературы. Вместе со своими учениками перевел Библию на армянский язык. Последователями Месропа Маштоца были такие известные философы и историки, как Езник, Мовсес Хоренаци, Егише. Могила Месропа Маштоца и поныне находится в ризнице под алтарем Ошаканской церкви и известна в народе как святыня под названием «Могила Переводчика».

Стр. 46. *Шаракан* — духовная песня, вошедшая в сборник религиозных песнопений, официально принятых армянской церковью.

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

Мовсес Хоренаци (ок. 410—493) — ученик Месропа Маштоца, прозванный «отцом армянской истории». Родился в деревне Хоряп. Учился в Александрии. Свой известный труд «История Армении» начал с легендарного прародителя армянского народа — Айка — и довел до периода падения Аршакидов (428 г.). Мовсес Хоренаци использовал всю известную ему эллинистическую историографию, а также предания и эпос армянского народа. Как отметил В. Я. Брюсов, на «Истории Армении» местами сказалось влияние Гомера.

Стр. 48. *Ваагн* — древнеармянский языческий бог солнца и грома. *Арташес* — царь Древней Армении, основатель династии Арташесидов, живший во II в. до н. э. *Аланы* — народность, заселявшая районы Северного Кавказа и низовья Дона.

Стр. 49. *Навасард* — в языческой Армении первый месяц года, начинавшегося 11 августа. *Масис* — армянское название горы Арарат. *О построении Вардгеса.*— Эта поэтическая выдержка взята из текста «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, в которой говорится о том, что после смерти царя Тиграна на престол вступил его сын Вагарш, построивший большое селение на месте своего рождения на дороге, где у его матери, отправлявшейся зимовать в Айрарат, неожиданно начались роды и она разрешилась от бремени. Вагарш, согласно преданию, обвел стеною селение Вардгеса, расположенное на реке Касах. Ныне на его месте находится город Эчмиадзин.

ИОАНН МАНДАКУНИ

Иоанн Мандакуни (V в.) — один из видных представителей просветительского движения в Армении, переводчик и автор многочисленных духовных песен. Сведений о его жизни не сохранилось. Известно лишь, что он был католикосом во время восстания Ваана Мамиконяна против персидского ига (481—485).

КОМИТАС

Комитас — поэт VII века. Был католикосом в 616—628 годах. Поборник культуры и просвещения. В 618 году построил храм Рипсимэ, который и поныне считается одним из замечательных памятников армянского зодчества. Из творческого наследия Комитаса до нас дошел теологический трактат «Книга веры». Публикуемый стихотворный гимн «Жены, славны

страной и народом своим...» посвящен св. Рипсимэ и ее подругам, пожертвовавшим собой во имя христианизации Армении.

ДАВТАК КЕРТОГ

Давтак Кертог — поэт VII века. В труде историка X века Мовсеса Каганкатваци «История Агван» есть сведения, что Давтак Кертог был придворным поэтом агванского князя Джаванширa (637—670). В год предательского убийства князя поэт сочинил элегию «Плач на смерть великого князя Джаванширa», написанную армянской стихотворной метрикой.

Стр. 51. *Эти беды и горести нашего края, // Может, те, что предрек многомудрый Исайя.*— Исайя — первый из так называемых «больших» пророков Ветхого завета, будто бы живший во второй половине VIII в. до н. э. Во время правления царя Езекии пророк Исайя предупреждал народ об ассирийской опасности (см.: Библия, Исайя, 5, 28).

Стр. 52. *Моавитяне* — ханаанейская народность, заселявшая во II—I вв. до н. э. территорию Моава (на юге современной Иордании).

Стр. 53. *Пламя Ирода* — то есть гнев Ирода. Имеется в виду известное евангельское сказание об избиении младенцев, связанное с царем Иудеи Иродом Великим (ок. 40—4 гг. до н. э.). *Арей.*— Здесь великий князь Джаванширa сравнивается поэтом с греческим богом войны Ареем, сыном Зевса и Геры.

Стр. 54. *Волны бурные тивериадских глубин.*— Имеется в виду Тивериадское озеро.

СТЕПАННОС СЮНЕЦИ

Степаннос Сюнеци — поэт VII—VIII веков. Принадлежал, как и Комитас, к высшему духовенству.

Как пишет историк Орбелан, Степаннос был «сыном протоиерея великой столицы армянской Двина и воспитывался и развивался в науках в доме патриарха Армении... В 734 году он был рукоположен в епископы Сюника и через год во время сна под открытым небом был убит».

СААКДУХТ СЮНЕЦИ

Саакдухт Сюнеци — поэтесса VIII века. Согласно сведениям, сообщаемым историком Орбеланом, она была сестрой Степанноса Сюнеци, «с детства посвятила себя целомудрию, она уединилась в пещере в ущелье Гарни и вела суровую отшельническую жизнь. Была весьма сведуща в музыкальном искусстве...».

ХАНЗАЛА БОДГИСИ

Ханзала Бодгиси (? — ок. 836). Никакими данными о его жизни мы не располагаем.

ФИРУЗ МАШРИКИ

Фируз Машрики (?—895). Сведения о его жизни не сохранились.

АБУСАЛИК ГУРГАНИ

Абусалик Гургани — поэт, живший в IX веке. Данных о его жизни нет.

X—XIII ВЕКА

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

Григор Нарекаци (Нарекский; 951—1003). Родился в семье епископа Хосрова Андзеваци. Учился в монастыре Нарека. Будучи ученым-монахом, до конца жизни преподавал в этом монастыре. Основное произведение Нарекаци — поэма «Книга скорбных песнопений» («Нарек») впервые была издана в Марселе в 1673 году.

Стр. 61. *Нунуфар* — водяная лилия. *Давид* — по Библии, второй израильский царь, правивший приблизительно в 1012—972 гг. до н. э. Ему приписывается авторство псалмов.

Стр. 64. *Как стон Иакова в краю глухом...* — Согласно библейской легенде Иаков — основатель рода Израилева, обманным путем получивший право первородства. *Правителем греховным Вавилона.* — Имеется в виду царь Вавилонии Навуходоносор II (время правления 604—562 гг. до н. э.), покоритель Израиля. *Как дым кадильниц в скинии Силома.* — Скиния — шалаш, построенный во время исхода израильтян из Египта их вождем Моисеем и служивший походным храмом во время их скитаний по аравийской пустыне. Часть храма называлась «святая святых», куда мог входить только первосвященник (см.: Библия, Исход, 35, 39). Силом — религиозная столица древнего Израиля. *Кивот, освобожденный от плененья, // Давид поставил там на много дней.* — Имеется в виду библейское сказание о переносе Давидом ковчега завета в Иерусалим (см.: Библия, Вторая книга Царств, 6). Кивот — особый ящик для размещения предметов религиозного культового поклонения. *Апостол Павел* — один из самых популярных апостолов, которому христианство обязано своим распростра-

нением среди греко-римского мира. Пережив тяжелый душевный кризис, он, отрекшись от иудейства, стал фанатиком христианства. *Моисеевы скрижали* — по библейскому преданию, две каменные «дощечки», на которых богом были начертаны десять заповедей и которые были вручены Моисею на горе Синай.

Стр. 65. *Филистимляне* — древний народ, населявший южную часть восточного побережья Средиземного моря. В VIII в. были завоеваны Ассирией. *Едомитяне* — от еврейск. «красный». Так был прозван Исава, брат Иакова, и от него получила свое название страна, населенная его потомками — едомитянами. Окончательно сошли с исторической арены после разрушения Иерусалима римлянами в 70-е годы до н. э. *Содом* и Гоморра — два города в Древней Палестине, которые, согласно библейскому преданию, за грехи были преданы богом огню. *Ханаан* — по Библии, сын Хама, внук Ноя. *Амалик* — согласно Библии предок разбойничьего кочевого племени, жившего на юго-западе Древней Палестины. После разгрома амаликитян в эпоху Саула они перестают упоминаться в Библии. *Грех Иудин.*— Имеется в виду один из двенадцати учеников Иисуса, по свидетельству Евангелия, предавший своего учителя за тридцать сребреников (см.: Евангелие от Матфея, 26).

Стр. 66. *Тир* — знаменитый финикийский город, один из крупных торговых центров Древнего Востока, разрушенный Александром Македонским в 332 г. до н. э. *Сидон* — древний финикийский город, основанный, по предположениям ученых, в III в. до н. э. соперничавший и враждовавший с Тиром и разрушенный персами в середине IV в. до н. э. *Я — тот талант, который был зарыт // Рабом лукавым, как глаголет притча.*— Намек на евангельскую притчу о рабе, который, боясь гнева своего господина, зарыл подаренный ему талант (см.: Евангелие от Матфея, 25, 14—30).

Стр. 75. *Как та смоковница, по воле бога // Бесплоден я, засохший на корню.*— Намек на евангельскую притчу о том, как Иисус, «увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Евангелие от Матфея, 21, 19).

Стр. 77. *Велиар.*— Велиар упоминается в Библии как антипод Христа (см.: Библия, Послание к коринфянам, 6, 15).

Стр. 79. *Пророк Иеремия говорил, // Что некий древний град падет в бессилье.*— Имеется в виду пророчество Иеремии о падении Иерусалима от руки Навуходоносора (см.: Библия, Плач Иеремии, I, 1—12).

Стр. 87. *Похожая на книгу тех видений, // Что Иезекииль узрел в свой час.*— Иезекииль — третий из так называемых «больших пророков» Ветхого завета, которому, согласно библейскому сказанию, бог передал книжный свиток (см.: Библия, Иезекииль, 1—3).

Стр. 88. *И, правда, может, схож я с той блудницей, // О коей у Исайи говорится // Во притче про надменный город Тир.*— В Книге пророчеств Исайи сказано, что «забудут Тир на семьдесят лет, в мере дней одного

царя. По окончании же семидесяти лет с Тиром будет то же, что поют о блуднице: «Возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе» (Библия, Исайя, 23, 15—16).

Стр. 92. *Смиренный Иов смерть называл покоем.*— Имеется в виду Иов, главный персонаж Книги Иова (см.: Библия, Книга Иова).

Стр. 98. *Саул* — израильский царь, правивший с 1040 по 1012 г. до н. э.

Стр. 99. *Авраам* — мифический родоначальник еврейских племен. Библейская традиция считает его родиной город Ур и сообщает о его странствиях по Двуречью, Палестине и Египту (Библия, Бытие, 9—25). *Навин.*— Имеется в виду преемник Моисея, Иисус Навин, который, по Библии, был вождем израильских племен во время завоевания ими земли Ханаанской. *Ахан* — сын иудейского племени Зары, с которым жестоко расправился Иисус Навин (см.: Библия, Иисус Навин, 7, 1—26). *И выдает на гибель царь Давид // Людей безвинных гаваонитянам.*— Имеется в виду библейское предание о том, как царь Давид выдал семь невинных человек гаваонитянам, которые «повесили их на горе» (см.: Библия, Вторая книга Царств, 21). *Когда он царь великий, зло тая, // С Навалом сводит счеты, с сумасшедшим.*— Намек на библейскую легенду о смерти Навала и женитьбе Давида на его жене Авигее (см.: Библия, Первая книга Царств, 25). *Когда ревнитель божий Илия // Людей палит огнем, из туч сошедшим.*— Имеется в виду библейское предание о пророке Илие и его споре с пророками Ваала (см.: Библия, Третья книга Царств, 18). *Апостол Петр людей карает сирых, // Ниспосылая смерть за малый грех Анании с его женой Сапфирой.*— Намек на евангельскую притчу о любимом апостоле Иисуса Петре, покаравшем смертью Анания и его жену Сапфиру (см.: Евангелие, Деяния апостолов, 5, I—II). *Когда ведун великий душ людских, // Апостол Павел, столп вероученья, // К благим словам в посланиях своих // Примешивает смрадный запах тленья.*— Имеется в виду Второе послание к коринфянам апостола Павла, в котором он упрекает их в том, что они своим невниманием и нелюбовью вынудили его похваляться собственными заслугами (см.: Евангелие, Второе послание к коринфянам, 10—13).

Стр. 100. *И, как пророка своего Иону, // От чудищ и от бурь меня спаси!* — Имеется в виду библейское сказание о чудесном спасении пророка Ионы (см.: Библия, книга Ионы, 1—3).

ШАХИД БАЛХИ

Шахид Балхи (? — 936) — уроженец города Балха. Сведений о его жизни не сохранилось. Балх — древний таджикский город, столица Бактрии; находится на территории нынешнего Северного Афганистана.

Стр. 110. *Тус* — главный город в Хорасане, в Персии, в районе которого родился знаменитый поэт Фирдоуси. Хорасан — одна из богатейших провинций Ирана.

АБУ ШАКУР БАЛХИ

Абу Шакур Балхи (915—?) — жил в Бухаре. Крупнейшее его произведение — дидактическая поэма «Книга назиданий» сохранилась неполностью.

АБУ МАНСУР ДАКИКИ

Абу Мансур Дакики (?— ок. 977/981) — поэт, подвизавшийся при дворе Сасанидов. Из его литературного наследия сохранились: одна большая касыда, несколько лирических стихотворений, ряд стихотворных отрывков и несколько глав из «Шах-наме», а также отдельные стихи, приводившиеся в качестве иллюстративного материала в персидских толковых словарях. *Касыда* (от арабск. «целиться») — жанр восточной поэзии; стихотворение, обычно ода, восхваляющее какое-либо влиятельное лицо. Касыда возникла в арабской литературе еще в доисламский период, позднее получила распространение в придворной поэзии на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Юго-Восточной Азии.

Стр. 112. *Динар* — золотая монета. *Гурии* — прекрасные девы, по магометанскому учению, служащие наградою правоверным в раю.

Стр. 113. *Ризы тех, кому вечный пламень свят!* — Имеются в виду огнепоклонники. *Мускус* — ароматическое вещество черного цвета, продукт выделения желез козули. *Заратуштра* (Зороастр) — полумифический основатель религии жителей Древнего Ирана. Никаких безусловных доказательств его реального существования не имеется. *Чанг* — музыкальный инструмент.

ИМАРО ХОРАСАНИ

Имаро Хорасани — поэт, живший около X века. Никаких сведений о нем нет.

Стр. 114. *Пери.*— В облике пери выступает нечистая сила в виде прекрасных дев. Впоследствии в восточной поэзии пери стали олицетворять собой дев неземного происхождения. *Кашемир* (Кашмир) — город в Индии.

ХАКИМ ХАББАЗ НИШАПУРИ И ЕГО СЫН

Хаким Хаббаз Нишапури и его сын — поэты X века. Сведения о их жизни не сохранились. Известно лишь, что Хаким Хаббаз был пекарем из Нишапура.

АБУ-ЛЬ-ХАСАН КИСАИ

Абу-ль-Хасан Кисаи (953—ок. 1002) — поэт-панегирист Саманидского визиря и историка Утби, затем султана Махмуда Газневидского (969/971—1030).

Стр. 115. *Шавваль.*— Так называется десятый месяц мусульманского календаря.

АБУ-ЛЬ-КАСИМ УНСУРИ

Абу-ль-Касим Унсури (961—1039) — поэт, глава так называемой газневидской придворной поэзии (при дворе Газневидов), носивший титул «царя поэтов», автор блестящих и пышных касыд и ряда лирических стихов. Его перу принадлежат три несохранившиеся поэмы.

Стр. 117. *Амбра* — ароматическое воскообразное вещество. *Михраб* — ниша в мечети, указывающая направление к Каабе, то есть к храму в Мекке, главному святилищу мусульман, куда надлежит обращаться лицом во время молитвы. С полукруглой аркой михраба в восточной поэзии часто сравниваются брови красавиц. *Водой в нем становится пламя, в нем шелк переходит в булат.*— Речь идет о мече султана Махмуда.

АБУ АЛИ ИБН СИНА

Абу Али ибн Сина (латинизир. Авиценна, Avicenna; ок. 980—1037) — поэт, ученый-энциклопедист восточного средневековья. Родился в селе Афшана, близ Бухары. Получил образование и сформировался как ученый в Бухаре. Вскоре после захвата Бухары караханидами и падения государства Саманидов (999 г.) он переехал в Хорезм. Спасаясь от султана Махмуда Газневи, желавшего видеть ученого при своем дворе, Ибн Сина бежал в Хорезм, а затем жил в Горгане, Рее, Казвине, Хамадане, Исфахане. Широко известны его труды по медицине, в частности, «Канон врачебной науки», из философских сочинений «Книга исцеления», «Книга указаний и наставлений», «Книга знания». Самым значительным из сохранившихся поэтических произведений является «Касыда о душе». Ибн Сина выступал и как теоретик литературы, комментировал «Поэтику» Аристотеля.

Стр. 118. *Рубаи* — особая форма восточной лирической поэзии, состоящая из четверостишия, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки.

АБУ-ЛЬ-ХАСАН ФАРРУХИ

Абу-ль-Хасан Фаррухи (?—1038) — поэт, ученик и современник Унсури. Известен как автор многих касыд, которым предшествуют лирические вступления, приобретшие впоследствии характер самостоятельной

стихотворной формы — газели. Газель (газаль) — небольшое лирическое стихотворение, род европейского сонета, обычно содержит семь — одиннадцать бейтов (двустиший), в которых рифмуются две первые и все остальные четные строки.

Стр. 121. *Симург* — сказочная птица, обитавшая, по преданию, на краю земли на горе Каф. Люди ее не видят, поэтому в поэзии она служит символом невидимого, недостижимого. *Рейхан* (рехан) — базилик.

Стр. 122. *Иудино древо* — иначе козловое дерево, во время цветения покрывающееся багряно-лиловыми цветами.

Стр. 123. *Исфандиар* — легендарный богатырь, один из персонажей «Шах-наме» Фирдоуси. *Как будто жезлом Моисея ее превратили в змею.*— Намек на библейское сказание о превращении жезла Моисея в змею (см.: Библия, Исход, 4, 1—4). *Падишах* — титул монарха в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока.

Стр. 124. *Дирхем* (драхма) — серебряная монета. *Хоть райских садов и восемь...*— По представлению мусульман, в раю находится восемь садов. *Ковсар* — согласно верованиям магометан, река в раю.

АБУНАДЖМ МАНУЧЕХРИ

Абунаджм Манучехри (?—1041) — поэт, современник Унсури. Помимо панегирических писал и философские касыды.

Стр. 126. *Твоя золотая душа дрожит над твоей головой.*— Речь идет о свече.

Стр. 127. *Шамбалид* — цветок золотисто-желтого цвета. В классической восточной поэзии часто упоминается для сравнения с бледностью лица страдающего влюбленного по контрасту с алыми цветами аргавана. *Диван* — в классических литературах Ближнего и Среднего Востока сборник стихов одного поэта. В диван входили: касыды, газели, рубаи и т. д. Стихи в нем обычно располагались в алфавитном порядке. *И «клад, что ветра принесли...»* — Имеется в виду случай, когда во время одной из войн Ирана с Византией ветер пригнал к иранцам корабли с казной византийцев. Отсюда и идет это выражение, означающее нечто легко доставшееся.

АБУ МАНСУР АСАДИ

Абу Мансур Асади (начало XI в.— конец 80-х годов XI в.) — поэт, родился в городе Тус. Наиболее значительное произведение «Гершаспнаме» — эпико-героическая поэма, написанная в стиле «Шах-наме», сюжет которой восходит к древнеиранским сказаниям. Большую научную ценность представляет составленный Асади «Словарь персидского языка», самый древний из всех толковых персидских словарей, какими располагает ныне наука. В этом словаре сохранились отрывки из не дошедших до нас произведений: «Калила и Димна» Рудаки, «Вамик и Азра» Унсури и другие.

Стр. 128. *Мухаммад* (Магомет) (ок. 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, которого западные буржуазные востоковеды обычно считают основателем ислама и автором Корана, а мусульмане — величайшим пророком, посланником аллаха.

НОСИР ХИСРОУ

Носир Хисроу (1004 — после 1072) — поэт, проповедник исмаилизма — еретического учения, направленного против ортодоксального ислама. Кроме поэтического дивана, ему принадлежат философская поэма «Книга света», философские трактаты «Путевой припас странников», «Лик веры» и другие.

ФАХР АД-ДИН АСАД ГУРГАНИ

Фахр ад-дин Асад Гургани — поэт XI века. Жил в Горгане (Северо-Восточный Иран). Гургани — автор поэмы «Вис и Рамин», одного из первых памятников так называемого «романтического эпоса». В основе поэмы лежит сюжет не дошедшей до нас парфянской повести о любви царицы Вис и царского брата Рамина. Кроме того, в средневековых антологиях сохранились также и стихи Гургани.

МА'СУД САД САЛЬМАН

Ма'суд Саад Сальман (ок. 1046 — ок. 1121) — поэт, родился в семье выходцев из Хамадана (Иран). Занимал высокие должности при дворе газневидского принца-наместника в Северной Индии. По навету соперничавшего с ним поэта был арестован и около восемнадцати лет провел в заключении. В последние годы был виднейшим панегиристом газневидских султанов.

КАТРАН ТЕБРИЗИ

Катран Тебризи (1010—1080) — поэт, родился в городе Тавризе; в юности приехал в Гянджу, был приглашен во дворец, а впоследствии вернулся на родину, где и умер. В художественном наследии поэта большое место занимают касыды, посвященные правителям и историческим событиям (землетрясение в Тавризе 1043 г. и т. д.). Согласно некоторым источникам, Катран Тебризи создал поэму «Книга о луке» и словарь, которые не сохранились.

ЮСУФ ХАС-ХАДЖИБ

Юсуф Хас-Хаджиб — видный ученый и писатель XI века. Родился в городе Баласагуне (ныне Токмак, Киргизской ССР). При дворе Карахани-

дов (ханство Кашгар) занимал должность визиря. Юсуф Хас-Хаджиб известен как автор единственной дошедшей до нас дидактической поэмы «Наука быть счастливым», написанной в 1069 году.

АХМАД ЯССАВИ

Ахмад Яссави (ок. 1105—1166) — поэт и проповедник. Широким распространением пользовался сборник приписываемых ему духовных стихов, который дошел до нас с большими позднейшими дополнениями. Ценность сборника определяется народными формами вошедших в него стихов.

Стр. 148. *Муфтий* — духовное лицо, объясняющее правила шариата, религиозного закона мусульман. *Казий* — судья, разбирающий дела по мусульманскому религиозному закону. *Имам* — мусульманское духовное лицо, владетельный князь.

АХМАД ЮГНАКИ

Ахмад Югнаки — поэт XII века, родом из селения Югнак, близ Самарканда. Его назидательная поэма «Подарок истин» дошла до нас в двух рукописях, написанных двумя шрифтами: арабским и уйгурским.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

Ованес Саркаваг Имастасер (середина XI века — 1129) — поэт, философ, астроном. Автор многочисленных речей, хвалебных од, летописей. Прославился своей «Мудрой беседой, которую вел в час прогулки философ Ованес Саркаваг с птицей, именуемой «пересмешник». Саркаваг известен так же как основоположник армянского летосчисления, которое было введено с 1084 года. *Саркаваг* — дьякон.

Стр. 151. *Хоть не была ты в горнице на благовествовании.*— Согласно евангельской легенде, апостолы были крещены в горнице святым духом (см.: Евангелие, Деяния апостолов, 2, 3).

Стр. 152. *Орфей* — мифический фракийский певец, по наиболее распространенному мифу изобретший музыку и стихосложение. *Арион* (VII—VI вв. до н. э.) — греческий поэт и музыкант, с именем которого связана легенда о его чудесном спасении дельфином, зачарованным пением музыканта. *Амфион* (греч.) — сын Зевса и фиванской царевны Антионы, обладавший божественным даром игры на лире.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

Нерсес Шнорали (1102—1173) — поэт и общественный деятель. Родился в Киликии в замке Цовк, области Мараш, получил образование в

монастыре Кармир. Был епископом, в 1166 году стал католикосом. Он автор очень популярных духовных песен. Особенно известна «Элегия на взятие Эдессы».

Стр. 154. *Самаритянку тот «дай мне испить» просил, // Кто всю вселенную бессмертьем напоил.*— Имеется в виду евангельская легенда о самаритянке и Иисусе (см.: Евангелие от Иоанна, 4). *И сотник римских войск, желчь с уксусом смешав, // Чрез губку напоил царя небесных слав.*— Речь идет о страданиях распятого Иисуса, которые описываются в Евангелии от Матфея (см.: Евангелие от Матфея, 27, 34). *«Или, Или»,— воззвал и предал дух творцу.*— Имеется в виду обращение распятого Иисуса к богу-отцу: «Или́, Или́! Лама савахфани́?» — то есть «Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил?» (см.: Евангелие от Матфея, 27, 46).

Стр. 155. *На ночь великого пятка.*— Пяток — пятница страстной недели. *Эдем* — рай.

ЧАХРУХАДЗЕ

Чахрухадзе — поэт XII века, одописец, автор сборника «Тамариани», включающего в себя оды, написанные в честь царицы Тамар, и два стихотворения.

Стр. 158. *Тамар* — царица Грузии (ок. середины 60-х годов XII в.— 1213), дочь царя Георгия III. Продолжала деятельность Давида Строителя, царя Грузии из династии Багратионов, по укреплению и объединению страны. Ее царствование являлось временем экономического, политического и культурного подъема феодальной Грузии. В период правления Тамар границы царства простирались от Черного до Каспийского моря. *...ключ, текущий среди эдемовых дубрав.*— В Эдеме (см. прим. к стр. 155) по берегам реки жизни растут деревья жизни — эдемовы дубравы.

Стр. 159. *Троя тяжело страдает...*— Троянская война началась из-за похищения прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая троянским царевичем Парисом. *Почему Иудифью, не Тамарой // Я убит?..*— Имеется в виду библейское сказание о Иудифи, убившей ассирийского военачальника Олоферна (см.: Библия, Иудифь). *Голова Самсона безволоса.*— Намек на библейскую легенду о Самсоне и Далиле (см.: Библия, Судьи израилевы, 16). *Дебора* — мифическая героиня древних евреев, по библейскому преданию, руководившая завоеванием Палестины во времена борьбы с Ханааном (см.: Библия, Судьи израилевы, 4). *Эсфирь* (еврейск. «Звезда») — одна из знаменитых библейских женщин послевавилонского периода (см.: Библия, Эсфирь). *«Где ты, Вис?» — рыдал Рамин...*— Имеются в виду герои поэмы Гургани «Вис и Рамин». *От любви пылает Саль...*— Саль (Заль) — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Стр. 160. *А Меджнун, сравнив с Лейли...*— Меджнун — «одержимый от

любви», прозвище, данное арабскому юноше Кайсу за его безумную любовь к прекрасной Лейли. Легенда о Лейли и Меджнуне послужила материалом для многих поэтов-классиков Востока: Низами, Навои, Физули и других. Лейли — по-арабски «ночная».

Стр. 161. *«Ты полям подобна Елисейским!»* — Элизиум (греч.) — поля блаженства, загробный мир, куда попадают после смерти праведники.

Стр. 162. *Мосул* — главный город азиатско-турецкого региона, основанный в VI в. на берегу Тигра. В период правления Тамар крупный торговый центр Востока. *Рум* — Византия.

Стр. 163. *Ерзинджан* — город Северо-Восточной Турции. *Сигор* — по библейскому сказанию, город, избежавший участи Содома и Гоморры.

ИОАНН ШАВТЕЛИ

Иоанн Шавтели — поэт XII века, автор панегирической поэмы «Абдулмессия» (дословно означает: «Раб Христа»).

Стр. 164. *Так возвышен Сим благословенный, // И от Хама ты спасен дурного.*— По Библии, Сим и Хам сыновья Ноя, от которых произошли две большие группы рода человеческого — семиты и хамиты (африканские народы).

Стр. 166. *Силоам* — священный источник (см.: Библия, Евангелие от Иоанна, 9, 7). *Ритор* — оратор, с V в. до н. э. учитель красноречия в Древней Греции. *Горгаслан* (Вахтанг I; ?—502) — грузинский царь, возглавивший освободительное народное движение в Картли против персов и убитый в одном из сражений. *Ростом* (Рустам) — главный герой эпопеи Фирдоуси «Шах-наме».

Стр. 167. *Нимврод* (библ. Нимрод) — библейский персонаж, отличавшийся могучей силой. *Иосиф.*— Имеется в виду один из известных персонажей Библии Иосиф Прекрасный. *Самсон* — См. прим. к стр. 159.

Стр. 168. *Ахитофел* — по Библии, советник царя (см.: Библия, Вторая книга Царств, 16, 20—23). *Прокл Диадох* (410—485) — греческий философ-идеалист, был главой Афинской школы неоплатоников. Прозван Диадохом, то есть преемником в руководстве Афинской школой. *Эбеллиты* — христианская секта,возникшая среди поселенцев Северной Африки и исчезнувшая в V в. Название «эбеллиты» происходит от имени сына Адама Авеля. *Зенон* (ок. 336—264 гг. до н. э.) — философ, считается основателем стоической школы в Афинах. *Перипат* (греч.) — буквально: «любитель прогулок». Имеется в виду Аристотель (384—322 гг. до н. э.), основавший философскую школу в Афинах. Она называлась Перипатетической в связи с тем, что ее основатель имел обыкновение вести занятия во время прогулок в Ликее.

Стр. 169. *Кандагар* — город на юге Афганистана.

МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Мехсети Гянджеви — поэтесса XII века, жившая в Гяндже (ныне Кировабад). За свое вольнодумство и любовь к музыке и дерзкие четверостишия подвергалась нападкам со стороны реакционного духовенства. До нас дошло более двухсот семидесяти ее стихотворений — четверостиший, газелей и других.

МУДЖИРЕДДИН БЕЙЛАКАНИ

Муджиреддин Бейлакани — придворный поэт XII века. Его касыды, газели и рубаи пользовались большой популярностью.

Стр. 172. *Кыта* — короткое монорифмическое стихотворение, состоящее из двух — пяти бейтов, использовалось для выражения сокровенных мыслей и чувств. В отличие от касыды и газели, в кыта первые строки не рифмуются между собой.

Стр. 173. *Хырман* — гумно, ток, где обмолачивают зерно; груда зерна; отсюда переносное — множество, обилие. Здесь: неисчерпаемость творчества Хагани (см. ниже).

ЭФЗЕЛЕДДИН ХАГАНИ

Эфзеледдин Хагани (ок. 1120—1199) — поэт; родился в селении Мельгемлю, близ города Шемахи, столицы ширванского государства, в семье плотника. В молодые годы служил при дворе ширваншаха Манучехра II. Писал касыды, посвященные важнейшим событиям, происходящим в стране, воспевал свободу и разум, труд и любовь к науке и поэзии. Когда он тайно покинул родину, его поймали и по приказу шаха Ахситана I бросили в тюрьму. Между 1171—1179 годами получил свободу и совершил вторую поездку по странам Ближнего Востока. В преклонном возрасте покинул Ширван, переселился в Тебриз, где и умер. Похоронен на «Кладбище поэтов» в предместье Сухаб.

Стр. 173. *Медаин* — арабское название столицы Сасанидов Ктесифона. В эпоху Хагани Медаин представлял собой груду развалин. *Деджла* — название реки Тигр. Само слово «деджла» в переводе означает стрела, то есть быстротекущая, стремительная. *Зекят* — налог, десятая доля, собираемая в пользу мусульманского духовенства.

Стр. 174. *Куфа* — город в Месопотамии. Во времена Омейядов (661—750 гг.) Куфа была одним из крупных центров мусульманского Востока. Ныне это небольшая деревня. *Ормузд* — имя нескольких персидских царей из династии Сасанидов. *Нушируван* (Ануширван).— В истории известен как Хосров I Ануширван (531—579) — один из наиболее видных предста-

вителей династии Сасанидов, правившей в Персии в 226—651 гг. В VII в. государство Сасанидов было завоевано арабами. *Кесра* (Хосрой) — царь, с именем которого традиция связывает династию (X—XIII вв.) феодальных князей азербайджанской области Ширван, именовавшихся ширваншахами. Двор Кесры был центром средневековой культуры Азербайджана. *Парвиз* (Хосров II Парвиз) — один из наиболее видных представителей династии Сасанидов (590—628 гг.), на короткий срок захвативший у Византии Сирию, Палестину и Египет. Легенда о его любви к Ширин была поэтически обработана Фирдоуси, Низами и другими поэтами.

Стр. 176. *Новруз* — весенний праздник, который по персидскому календарю празднуется в первый день месяца фервердина (21 марта), был установлен, по преданию, мифическим царем Древнего Ирана Джамшидом (Джемшид). *Юсуф* — Иосиф (см. прим. к стр. 167).

Стр. 179. *Див* (дев) — злой дух, джинн. *Сулейман* — арабская форма имени «Соломон»; библейский царь Соломон почитается в исламе как пророк.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Низами Гянджеви (1138/1148—1209) — поэт и философ. Сведения о его жизни почти не сохранились. Известно, что в 1173 году он женился на тюркской рабыне, воспетой им в стихах. Низами никогда не был придворным поэтом и довольствовался лишь небольшими пособиями, которые ему назначали феодальные правители за посвященные им поэмы. Возможно, он преподавал в медресе. Основное сочинение Низами — знаменитые пять поэм «Хамса»: «Сокровищница тайн» (между 1173—1180 гг.), «Хосров и Ширин» (1181); «Лейли и Меджнун» (1188), «Семь красавиц» (1197) и «Искандар-наме» (ок. 1203 г.). Сохранилась также часть лирического дивана. Творчество Низами Гянджеви внесло огромный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Стр. 180. *Органон* — музыкальный струнный инструмент. *Аргаванное вино* — то есть багряное вино.

Стр. 181. *Гулам* — раб.

Стр. 182. *Зухра* — планета Венера; одна из богинь иранской домусульманской религии.

Стр. 184. *Зуннар* — волосяной пояс, который обязаны были носить иноверцы в мусульманских странах. *Гулистан* — розарий, цветник; название книги знаменитого персидско-таджикского поэта Саади.

Стр. 185. *Зульф* — локон. *Халил* — библейский пророк Авраам (Ибрагим), живший до Мухаммада. Будучи брошен тираном Немрудом в огонь, остался невредимым. Образ Халила в восточной поэзии является символом страдальца за веру.

Стр. 187. *Хума* (Хумай) — легендарная птица, приносящая счастье тому, на кого падает ее тень. *Айары* — представители особой организации неимущих слоев городского населения, выполнявшие различные поручения и принимавшие участие в борьбе против притеснителей.

Стр. 189. *Кей-Кубад* — один из древних иранских царей из династии Кейянидов в «Шах-наме» Фирдоуси. *Йемена светило* — звезда Сохейль (Конопус); в нарицательном смысле — «счастливый».

Стр. 192. *Надир* (арабск.) — точка, противоположная зениту.

Стр 193. *Иса* — Иисус Христос; в исламе почитается как пророк. *Хызр* (Хызыр) — легендарный пророк у мусульман, символ бессмертия и мудрости.

САБИР ТЕРМЕЗИ

Сабир Термези (?— убит в 1151 г.). Никаких сведений о его жизни не сохранилось.

АБУ-ЛЬ-МАДЖД САНАИ

Абу-ль-Маджд Санаи (1070 — ок. 1140) — сначала был придворным поэтом, потом покинул двор и посвятил себя религиозной и литературной деятельности. Его поэма «Сады истин» является своеобразной энциклопедией суфизма, в которой суфийская теория перемежается притчами, осуждающими тиранию и социальную несправедливость. Им написано также много лирических стихотворений.

Стр. 196. *Газна* — столица династии Газневидов в XI—XII вв.

Стр 198. *Забул* (Забулистан) — родина Рустама, героя «Шах-наме» Фирдоуси.

АВХАДАДДИН АНВАРИ

Авхададдин Анвари (?—1191) — поэт, о жизни которого сведения до нас не дошли. Известно лишь, что он находился при дворе султана Санджара (1086—1157).

Стр. 203. *Калам* — тростниковое перо. *Хырка* — рубище дервишей — суфиев.

ФАРИД-АД-ДИН АТТАР

Фарид-ад-дин Аттар (ок. 1119—?) — один из видных представителей суфийской поэзии. Основные его произведения: поэма «Язык птиц»

(ок. 1175 г.), а также «Мухтар-наме», «Книга назидания». «Книга восхождения», «Жизнеописание шейхов». Аттару принадлежит также большой лирический диван.

Стр. 207. *Айван* — галерея, портик, терраса перед домом.

АСИР-АД-ДИН АХСИКАТИ

Асир-ад-дин Ахсикати (1108/10—1196/98) родился в городе Ахсикати (Ферганская долина). Покинув родину, отправился в Западный Иран, где прожил около сорока лет. За критику феодально-деспотического режима неоднократно подвергался опале. В его творчестве легко уживаются мистические и чисто земные мотивы. Ахсикати — один из основателей так называемого иракского стиля, для которого характерна усложненность изобразительных средств.

САЙФИ ИСФАРАНГИ

Сайфи Исфаранги — поэт конца XII — начала XIII века. Никаких сведений о его жизни нет. Современники признавали его мастером касыды и подражали ему. Творчество Сайфи Исфаранги отображает передовые мысли и чаяния трудового народа, особенно ярко в его произведениях звучат гуманистические мотивы.

Стр. 215. *Заххак* — легендарный царь, из тела которого росли змеи. *Попугай* — символ красноречия; согласно распространенной на Востоке легенде, попугай раньше не умел летать, но был наделен крыльями в награду за красноречие.

Стр. 217. *Утарид* — Меркурий.

Стр. 218. *Али* — зять Магомета, канонизированный шиитами как имам.

САЙФИ ФАРГОНИ

Сайфи Фаргони — поэт XIII века. До наших дней дошел только диван его стихотворений. Поэзия Сайфи Фаргони проникнута острой критикой социальной несправедливости.

Стр. 221. *Корей* (Карун) — по преданиям, богач, обладающий несметными сокровищами. Проклятый за скупость пророком Моисеем (Мусой), он был поглощен землей со всем своим богатством.

ГАЛИ

Гали — поэт конца XII — начала XIII века, автор известной поэмы «Юсуф и Зулейха», в основу которой положена древняя библейская легенда о Иосифе Прекрасном (см. прим. к стр. 167). Поэма Гали — одно из первых любовно-романтических произведений, созданных на татарском языке.

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

Ованес Ерзнкаци Плуз (ок. 1230—1293) — поэт, ученый, философ, педагог и общественный деятель. Образование получил в городе Ерзнка, имел ученое звание рабунапета (глава учителей). Ованесу Ерзнкаци принадлежат многочисленные сочинения в прозе и в стихах. Большую известность получили его лирико-философские стихи, особенно четверостишия.

Стр. 225. *Что же значит яблоко это, // Наземь брошенное тобой?* — По старинному обычаю, яблоками кидают в жениха. *Гяур* — неверный. *Кади.*— См. Казий (прим. к стр. 148).

ФРИК

Фрик — поэт XIII — начала XIV века. По предположению ученых, он происходил из неимущих слоев и его неудовлетворенность жизнью нашла отражение в его поэзии.

Стр. 228. *Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон.*— Речь идет о завоевании Армении монголами в 1236—1243 гг.

Стр. 230. *Как Лазарь, я в бессилье.*— Намек на евангельскую притчу о больном бедняке Лазаре (см.: Евангелие от Луки, 16, 19—31).

Стр. 231. *Виссон* — тонкая пурпурная ткань, которая изготовлялась в Египте.

XIV—XVII ВЕКА

КОНСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

Констандин Ерзнкаци (ок. 1250 — начало XIV века) — поэт, философ. Сведения о его жизни почти не сохранились. Известно лишь, что он учился в одном из монастырей города Ерзнка.

Стр. 246. *Добрым будь, как Григор, в ком души не убила темница.*— Речь идет о первом католикосе Армении Григоре Просветителе (IV в.), которого преследовал армянский царь Тиридат.

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Хачатур Кечареци — поэт XIII — начала XIV века. Никаких сведений о его жизни нет.

ИЗЕДДИН ГАСАНОГЛЫ

Изеддин Гасаноглы — поэт конца XIII — начала XIV века. Считается одним из первых поэтов, писавших на азербайджанском языке.

АВХЕДИ МЕРАГАИ

Авхеди Мераган (1275—1338) — поэт, автор дивана, включающего в себя четырнадцать тысяч бейтов и широко известного произведения «Чаша Джемшида». Хафиз считал его своим учителем и подражал ему. Джем (Джамшид) — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси, царь мифической династии Древнего Ирана, обладавший, по преданию, волшебной чашей, глядя в которую, он мог видеть все, что происходит в мире.

ХАДЖУ КИРМАНИ

Хаджу Кирмани (1281/82—1352) — автор пяти оригинальных поэм, нескольких диванов газелей.

Стр. 260. *Гуль* — злой дух, нечистая сила, обитающая якобы в пустынях; роза.

Стр. 261. *Хакан* — государь; в персидской литературе так называется и китайский император. *Мобед* — зороастрийский жрец (см. Зороастр, или Заратуштра) (см. прим. к стр. 113). *Зенд* — комментарий к священной книге зороастрийцев «Авеста». *Нахид* — см. Зухра (см. прим. к стр. 182). *Бахрам* — планета Марс.

Стр. 262. *Дауд* — библ. Давид (см. прим. к стр. 61).

Стр. 263. *Муса.*— См. Моисей (см. прим. к стр. 64). *Рахш* — имя сказочного коня богатыря Рустама, одного из героев «Шах-наме» Фирдоуси. Нарицательное значение — «огненный». *Ты аромат рубашки доставил в Хаккан, // Ты прочитал Якубу Египта талисман.*— Намек на библейскую легенду о Иакове (Якубе) и Иосифе Прекрасном (см. прим. к стр. 167).

Стр. 264. *Чачван* — часть паранджи. *Дастан* — эпический жанр в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии, чаще всего литературная обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий. По форме — поэтический или прозаический сказ, а в тюркоязычных литературах — проза, перемежающаяся со стихами.

УБАЙД ЗАКАНИ

Убайд Закани (1270—1370) — поэт-сатирик, автор известных произведений: «Анекдоты и шутки», аллегорической поэмы «Мышь и кот», пародийного «Толкового словаря», сборника занимательных рассказов.

Стр. 265. *В Ширазе мудрый нищ, ему признанья нет.*— Речь идет о знаменитом поэте Хафизе, уроженце иранского города Шираза. *Рубаб* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 266. *Шейх* — старейшина арабского племени, деревни: глава мусульманской религиозной общины, секты, школы; почетный титул, дававшийся ученым, поэтам. *Рамазан* — девятый месяц мусульманского лунного календаря; месяц поста.

КАМАЛ ХУДЖАНДИ

Камал Худжанди (? — между 1390—1405) — поэт лирик, автор многочисленных газелей, получивших большую популярность в Средней Азии.

Стр. 269. *Дастархан* — скатерть с угощениями, накрытый стол.

НОСИР БУХОРОИ

Носир Бухороп — поэт XIV века. Никаких сведений о его жизни нет.

БУРХАНЭДДИН СИВАСИ

Бурханэддин Сиваси (1344—1398) — поэт-лирик. Впервые в поэзии на туркменском языке употребил метрическую систему аруза, широко применяемую в арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной письменной поэзии и основанную на чередовании долгих и кратких слогов. Диван его стихов хранится в Британском музее.

Стр. 275. *Нер* — верблюд-самец, предводитель каравана.

НЕСИМИ

Несими (настоящее имя — Сейид Имадеддин; ок. 1369—1417). Родился в Шемахе, в молодости жил в среде ремесленников. Изучал логику, математику и астрономию. Странствовал по странам Ближнего Востока, распространяя учение пантеизма. За ересь Несими был подвергнут в Алеппо страшной казни, с него содрали кожу. Сочинения поэта получили широ-

кую известность на Ближнем и Среднем Востоке. Писал Неспми на трех языках: азербайджанском, персидском и арабском.

Стр. 275. *Бахария* — песня весны.

Стр. 278. *Хашимиты* — известный в арабских странах феодальный род, представители которого с X в. до 1925 г. были шерифами (правителями) Мекки. *Корейшиты* — арабское племя так называемого мостерибского, или измаилитского, периода.

АССАР ТЕБРИЗИ

Ассар Тебризи (?—1390) — поэт и ученый. Родился в Тавризе. Был учеником тавризского астронома Абдулсамеда. Из его художественных произведений сохранилась романтическая поэма «Мехр и Муштари», написанная в 1376 году, в которой использованы мотивы народно-героических дастанов.

Стр. 281. *Муштари* — Юпитер, покровитель четверга.

РАБГУЗИ

Рабгузи Бурхан-оглы Казы Насыр — поэт и ученый конца XIII — начала XIV века, автор древнейшего произведения на узбекском языке «Предания о пророках» (1311). Подлинник книги не сохранился, все известные рукописи являются списками новейшего времени.

Стр. 283. *Минбар* — кафедра для проповедей в мечети.

ХОРЕЗМИ

Хорезми — поэт XIV века. Никаких сведений о его жизни не сохранилось. Как видно из отдельных намеков, имеющихся в сборнике его стихотворений «Книга любви», поэт много путешествовал и побывал в Золотой орде.

Стр. 285. *Джан* (джанья) — ласкательное обращение: «душа моя», «милый мой».

Стр. 286. *Ирем* — земной рай.

Стр. 288. *Оман* — область и государство в восточной части провинции Аравии, которое в VII в. было присоединено к Арабскому халифату, но не утратило независимость. В XI в. Оман освободился от фиктивной власти халифата.

ДУРБЕК

Дурбек — поэт конца XIV — начала XV века. Из его литературного наследия до нас дошла только любовно-романтическая поэма «Юсуф и Зулейха», написанная в осажденном городе Балхе во время междоусобных войн правителей. В основе сюжета поэмы лежит библейская легенда о Иосифе Прекрасном (см. прим. к стр. 167) и жене знатного египтянина Пантефрия, известная на Востоке через Коран и литературные обработки персо-таджикских поэтов IX—XI веков.

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Ованес Тлкуранци — поэт XIV—XV веков. Родился в Междуречье, в селе Тлкуран (близ Киликии). В основе его наиболее популярного произведения «Песни о храбром Липарите» лежит сказание о борьбе армянского военачальника против египетских мамлюков (1375) и его трагической смерти.

Стр. 291. *Ты пел златой ковчег чудес* — традиционный образ, символизирующий женскую грудь.

Стр. 292. *Шамам* — род маленьких ароматических дынь. *Миср* — Египет. *Абаш* — Абиссиния.

МКРТИЧ НАГАШ

Мкртич Нагаш (1393—70-е годы XV века) — поэт, живший в период распада Киликийского армянского феодального государства в результате татаро-монгольского нашествия. Поэзия Мкртича Нагаша продолжала свободолюбивые традиции поэзии Фрика.

Стр. 298. *Нагаш* — художник, живописец. Нагаши — поколение художников-миниатюристов средних веков.

Стр. 299. *У жадного и бога нет, апостол говорит святой* — имеется в виду апостол Павел.

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

Аракел Багишеци — поэт XIV—XV веков. Родился в городе Багеш (Турецкая Армения). Наиболее известные произведения: «История Ованапа», «История о семи мудрецах», «Взятие Константинополя турками».

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

Аракел Сюнеци (ок. 1350—1425) — поэт и философ. Воспитанник знаменитой в средневековой Армении школы Татева в Сюникской области. Написал обширное толкование к сочинению известного армянского философа VI века, представителя эллинистического направления в армянской филологии, Давида Анахта «Определенная философия». Автор поэмы «Адамова книга».

ХАКИКИ ДЖАХАНШАХ КАРА-КОЮНЛУ

Хакики Джаханшах Кара-Коюнлу — поэт XV века. Никаких сведений о его жизни до нас не дошло.

САККАКИ

Саккаки — поэт первой половины XV века. Он был родом из Мавераннахра и пользовался на родине большой популярностью. Навои писал о нем: «Сладкозвучные бейты Саккаки славятся в Самарканде».

АТАИ

Атаи — поэт-лирик первой половины XV века. Родился в Балхе в семье шейха Исмаила-ата. Служил при дворах Улугбека и других правителей. Поэтическое наследие Атаи дошло до нас не полностью.

Стр. 315. *Суймач* — название детской игры.

Стр. 316. *Савский удод* — по легенде, птица удод служила вестником савской царице Балкис.

Стр. 317. *Салсабиль* — ручей в раю. *Чин* — Китай. *Мачин* — Индокитай. Словосочетание Чин-Мачин обычно означает обширный территориальный комплекс стран Востока древнего мира. *Хотан* — некогда знаменитый город в восточном Туркестане.

Стр. 319. *...словно жемчуг аденский...*— Аден — портовый город в Южной Аравии. В древности славился добывающимися там жемчугами.

ЛУТФИ

Лутфи (1366/67—1465/66) — поэт-лирик. Одно время он состоял на службе у Шахрух-мирзы, затем отправился странствовать в Иран и Азербайджан. Вернувшись на родину, вел образ жизни нищего-дервиша. Из его литературного наследия сохранились диван газелей и касыд и романтиче-

ская поэма «Гуль и Новруз», «В персидской и узбекской литературе,— писал Алишер Навои,— не было ему равного».

Стр. 321. *Мухтасиб* — блюститель нравов в странах мусульманского Востока.

АЛИШЕР НАВОИ

Алишер Навои (1441—1501) — поэт-мыслитель, государственный деятель. Родился в Герате в семье тимуридского чиновника. Учился в Герате, Мешхеде, Самарканде. В 1469 году стал хранителем печати при султане Хусейне Байкаре, который был школьным другом поэта. Через три года был назначен визирем и получил титул эмира. В конце жизни отошел от государственной деятельности. Литературное наследие Навои составляет около тридцати сборников стихов, поэм, прозаических трактатов. Свод стихов «Сокровищница Мыслей» состоит из четырех диванов: «Чудеса детства», «Редкости юности», «Совершенства среднего возраста», «Полезные советы старости». Вершина творчества Навои — знаменитая «Пятерица» («Хамса»), включающая в себя пять поэм: «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет», «Стена Искандара». «Пятерица» Навои, по устойчивой восточной традиции, явилась поэтическим ответом на «Пятерицу» Низами и индийского поэта Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325). Кроме того, широкую известность получили аллегорическая поэма «Язык птиц» и философско-дидактическое сочинение «Возлюбленный сердец», написанная ритмической прозой, перемежающейся стихами.

Стр. 327. *С тем вином — Джамшида чашей...*— Намек на легенду о волшебной чаше Джамшида (см. прим. к стр. 176).

Стр. 331. *Ханака* — обитель дервишей.

Стр. 335. *Кипчак.*— Кипчак-орда — территория причерноморских степей между Дунаем и Волгой, место кочевья кипчаков (половцев). *Огар, кият* — названия древнетюркских племен.

Стр. 343. *Майхана* — кабачок.

Стр. 348. *Искандар* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Стр. 356. *Тарджибанд* — стихотворение из нескольких строф, в конце каждой строфы повторяется одна или две строки. *Пир* — наставник, учитель.

Стр. 359. *Туюги* (Туйук) — название четверостишия в узбекской поэзии с омонимическими рифмами и редифом.

Стр. 360. *Тун* — город в Кухистане, горной области южного Хорасана. *Сари* — древняя столица Мазандерана.

ЗАХИРЕДДИН МУХАММАД БАБУР

Захиреддин Мухаммад Бабур (1483—1530) — поэт, государственный деятель, полководец, основатель империи Великих Моголов в Индии. Главный труд Бабура его автобиография «Бабур-наме», которая содержит изложение различных исторических событий конца XV—XVI веков и является первым образцом подобного жанра в узбекской литературе.

Стр. 366. *Дутар* — двухструнный музыкальный инструмент.

Стр. 371. *Зиндон* (Диндан) — подземелье, темница. *Салам* (арабск.) — мир, благоденствие, приветствие.

Стр. 373. *Вассалам* (арабск.) — ответное приветствие: «И вам мир».

МУХАММАД САЛИХ

Мухаммад Салих (1445—1506) — сын влиятельного сановника Нурсаид-бека, придворный поэт и сподвижник узбекского хана Шейбани. Автор известной поэмы «Шейбани-наме», посвященной описанию походов хана и ряда лирических стихов, большая часть которых до нас не дошла.

Стр. 374. *Муамма* — стихотворение-загадка, поэтическая шарада. *Давид-кольчугодел.*— Имеется в виду Давид, с кораническим образом которого связывается ковка железа и кольчуг.

Стр. 375. *Джахангир* — завоеватель мира.

Стр. 377. *Барлас* — древнее узбекское племя.

МАДЖЛИСИ

Маджлиси — поэт XVI века. Жил в Хорезме и Бухаре. Летописец Нисари в «Записке о друзьях» дал высокую оценку газелям и касыдам Маджлиси, которые не сохранились. До нас дошла популярная на Востоке его поэма «Повесть о Сайфульмулюке», об одном из героев сказок «1001 ночи».

Стр. 383. *Танбур, мусикар, канун* — музыкальные инструменты.

ИСМАТИ БУХОРОИ

Исмати Бухорои (?—1426) — придворный поэт султана Халила, внука Тимура, диван которого содержит девять тысяч бейтов.

БАДРАДДИН ХИЛАЛИ

Бадраддин Хилали (? — казнен в 1529 г.) — поэт, автор лирического дивана, который содержит триста шестьдесят газелей, многих кыт и рубаи. Перу Хилали принадлежат также три поэмы.

АБДУРАХМАН МУШФИКИ

Абдурахман Мушфики (ок. 1538—1588) — поэт; происходил из бедной семьи; учился в медресе. До 1564 года жил в Бухаре, позднее служил при дворе Султана Сайди (1568—1572 гг.) хранителем книг. С 1578 года жил в Бухаре при дворе Абдуллахана, имея титул «царя поэтов». Литературное наследие Мушфики очень обширно: «Сатирический диван», два дивана газелей, касыды, «Поэма о красоте», «Поэма о вине».

Стр. 390. *В плен к Скорпиону попал небесный лал.*— Имеется в виду солнце.

ШАХ-ИСМАИЛ ХАТАИ

Шах-Исмаил Хатаи (настоящее имя Исмаил Гейдар-оглы; 1485—1524) — поэт, основатель династии Сефевидов, в 1502 году объявил себя шахом. Ликвидировав феодальную раздробленность, образовал огромное государство, столицей которого был Тавриз. Хатаи создал лирический диван, а также ряд других произведений назидательного и философского характера: поэмы «Десять писем» и «Книга нравоучений». Его поэма «Десять писем» — одна из первых, написанных на азербайджанском языке под влиянием народных дастанов.

Стр. 392. *Эйлаги* — горное пастбище.

Стр. 395. *Орел я, парящий над лезвием Кафа.*— Каф — по мусульманскому поверью, легендарный горный хребет, окружающий землю. *Хусейн-ибн-Мансур-ал-Халладж* — суфий, казненный в Багдаде в 922 г.

ХАБИБИ

Хабиби — поэт конца XV — начала XVI века. Родился в селении Бертюшад-Геокчая. По преданию, в детстве был чабаном. При дворе шаха Исмаила Хатаи получил титул «царя поэтов». В период царствования турецкого султана Явуза I Хабиби переселился в Турцию, где и умер. Из его поэтического наследия до нас дошла лишь незначительная часть.

Стр. 395. *Мусаддас* (арабск., букв.: «ушестеренный») — форма лирического стихотворения в классической поэзии Ближнего Востока и Средней Азии. Композиционно состоит из четырех — десяти шестистрочных строф. Мусаддасы могут быть оригинальным произведением одного поэта и компилятивным, состоящим из текста автора и другого поэта.

ФИЗУЛИ

Физули Мухаммад Сулейман-оглы (1498—1556) родился в иракском городе Кербала, близ Багдада. Физули создал три дивана газелей, касыд, рубаи, ряд поэм и философский трактат «Восход верований». Наибольшую популярность получила его поэма «Лейли и Меджнун». С именем Физули связано окончательное формирование азербайджанского литературного языка. Он является также основоположником азербайджанской прозы («Шикаят-наме», «Книга жалоб»). Физули жил в нищете и бедности и умер в Кербале от холеры.

Стр. 398. *Зулмат* — царство тьмы.

Стр. 399. *Тар* (тара) — музыкальный инструмент. *Меджлис* — собрание, общество.

Стр. 401. *Муэдзин* — духовное лицо, возвещающее с минарета мечети о времени молитвы.

Стр. 403. *Аят* — букв. означает «знак» и преимущественно понимается как знак предостережения с неба, отсюда — «чудо», «знамение». Здесь это слово обозначает стих из Корана, ибо каждый из них, являясь словом аллаха, считается чудом, предостережением. *Ибрагим-хан* — один из наместников Багдада, современник Физули, которого поэт часто называет Халилуллахом, то есть другом аллаха.

Стр. 405. *Нисар* — монеты, драгоценности, цветы, которыми осыпают невесту и жениха в день свадьбы.

МУХАМЕДЪЯР

Мухамедъяр Махмуд Хаджи-оглы — поэт середины XVI века. Никаких сведений о его жизни нет. Наиболее известны его поэмы «Подарок джигитов» и «Лучи души».

Стр. 412. *Ярмухаммед* — то есть возлюбленный друг Мухаммеда; яр — «возлюбленный», «друг».

ОВАНЕС

Ованес — поэт XV—XVI веков, о жизни которого никаких сведений нет.

Стр. 415. *...чтоб алый сок для ног найти...* — На Востоке женщины красят ноги хной.

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Григорис Ахтамарци — поэт конца XV—XVI века. Сведения о его жизни почти не сохранились, известно, что он был католикосом в 1512—1544 годах в Ахтамаре (Южная Армения). Григорис Ахтамарци был автором историко-житийных поэм, патриотических и любовных песен, многочисленных четверостиший (кафа).

Стр. 417. *Град Катай* (Хата, Хута) — см Хотан (прим. к стр. 317). *Мирт* — вечнозеленый кустарник с красными или белыми цветками. *Гамаспюр* — цветок; по народному поверью, тот, кто съест его или натрет им свое тело, приобретает богатые знания и возможность говорить на всех языках.

НААПЕТ КУЧАК

Наапет Кучак — поэт XVI века. Согласно преданию, он родился в селе Хараконис близ города Вана. О его жизни не сохранилось почти никаких сведений, однако популярность поэта была столь велика, что народ присвоил ему звание варпета — мастера, достигшего высокой степени совершенства, а его могила стала местом паломничества армян. Среди дошедших до нас стихов преобладают любовные и философско-правоучительные четверостишия-айрены.

Стр. 427. *Айрены* — моностроfа в армянской поэзии, лирическое стихотворение из четырех строк разнообразного содержания.

Стр. 437. *Гнома* — стихотворение, заключающее в себе оригинальную философскую мысль, выраженную в отточенной лаконической форме. Гномы встречаются чаще в литературах Востока.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ XVI ВЕКА

Армянский поэт XVI века. Никаких сведений о его жизни нет.

Стр. 440. *Крунк* — журавль.

Стр. 441. *Хариб* — человек, живущий на чужбине.

ОВАСАП СЕБАСТАЦИ

Овасап Себастаци — поэт XVI века, о жизни которого сведения почти не сохранились. Известно лишь, что он родился в Турецкой Армении. Овасап Себастаци — автор многочисленных лирических стихотворений и поэмы «О полководце Мушеге».

ДАВИД САЛАДЗОРЦИ

Давид Саладзорци — поэт XVI—XVII веков. Родился в Турецкой Армении, кроме этого никаких данных о его жизни нет.

В переводе стихотворения «Восхваление цветов» частично сохранены армянские названия цветов.

Стр. 447. *Гран* — мера веса, составляющая одну двенадцатую карата золота и одну четвертую карата драгоценных камней. *Унция* — мера веса, равная 27,166 г. *Кантар* — мера веса, распространенная в Италии, Турции и Египте.

СТЕПАННОС

Степаннос — поэт XVII века, о жизни которого никаких достоверных сведений нет.

ИЕРЕМИЯ КЕМУРДЖЯН

Иеремия Кемурджян (1637—1695) — поэт, прозаик, географ, переводчик античных классиков. Родился в Эгине (Турецкая Армения). Никаких иных данных о его жизни нет.

НЕРСЕС МОКАЦИ

Нерсес Мокаци — поэт XVI—XVII веков. Сведения о его жизни не сохранились. Известно лишь, что он родился в селе Аскнджав, а умер на острове Лим озера Ван.

ТЕЙМУРАЗ I

Теймураз I (1589—1663) — царь Кахетии (с перерывами 1606—1648 гг.), время правления которого отмечено подъемом освободительной борьбы против персо-турецкого господства. Попал в плен к персам и умер в Астрабадской тюрьме. Теймураз I — один из видных поэтов своего времени, он обрабатывал для грузин популярные восточные сюжеты о Лейли и Меджнуне, Юсуфе и Зулейхе и писал оригинальные произведения, среди которых наибольшую известность получила историческая поэма «Кетеваниани».

Стр. 454. *Маджама* (арабск. «собрание», «альбом», «коллекция») — один из жанров древней грузинской лирической поэзии, сборник лирических стихов, в которых каждая строфа рифмовалась омонимами. *Бадахшанские рубины.*— Бадахшан — область на северо-востоке Афганистана.

Стр. 455. *Тантал* — намек на трагическую участь древнегреческого мифического царя Тантала, который был обречен разгневавшимися богами на вечную муку. *Миджнур* — см. Меджнун (прим. к стр. 160). *Тариэл* — герой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Стр. 457. *Море Чермное* — то есть Красное море.

Стр. 459. *Да придет судить мессия, Михаилом возвещенный!* — В иудаизме мессия — спаситель, который якобы должен быть послан богом, чтоб уничтожить зло на земле и установить «царство небесное». Михаил — один из семи архангелов, вождь небесного воинства в борьбе с темными силами ада. *Вместо трепетной Рахили он мне Лию в жены дал.*— Намек на библейское сказание об обмане Иакова Лаваном, подменившим во время свадьбы его невесту Рахиль Лией (см.: Библия, Бытие, 29). *А ведь бог израильтянам манну ниспослал с дождем.*— Имеется в виду библейское сказание о том, как во время исхода евреев из Египта бог послал им «манну небесную», которая «была, как корнандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом» (см.: Библия, Исход, 16, 14—32). *К старцу Иоакиму, к Анне благодать сходила в дом.*— Речь идет о чудесном спасении от казни Сусанны, жены богатого купца Иоакима, пророком Даниилом (см.: Библия, Даниил, 13) и о чудесном рождении Анной будущего царя иудеев Самуила (см.: Библия, Первая книга Царств, I).

ГАРСЕВАН ЧОЛОКАШВИЛИ

Гарсеван Чолокашвили — поэт середины XVII века, упоминаемый в обзоре Арчила I «Древние и новые стихотворцы Грузии». Никаких биографических сведений о нем нет, известно лишь, что он был автором стихотворения «Восхваление плодов».

ИОСИФ ТБИЛЕЛИ

Иосиф Тбилели (?— погиб в 1688 г.) — тбилисский митрополит, известный политический деятель и поэт. Иосиф Тбилели был внуком (по другим источникам — правнуком) знаменитого полководца Георгия Саакадзе (ок. 1580—1629), которому он посвятил свою панегирическую поэму «Дидмоуравиани («Великий Моурави»). Моурави — административная должность в феодальной Грузии.

Стр. 465. *Ниаби* — селение в Картли.

Стр. 466. *Сардар* — полководец. *Татархан* — крымский полководец турецкого султана Ахмета, войска которого были разбиты в Ташискарской битве (1609 г.).

Стр. 467. *Навуфей погиб безвинно...*— Намек на библейское сказание о Навуфее и его безвинной гибели в результате навета жены царя Самарийского Ахава-Иезавель (см.: Библия, Третья книга Царств, 21). *И Ра-*

хиль рыдала горько, потеряв своих детей.— Имеется в виду библейское предание о матери Иосифа Прекрасного (см. прим. к стр. 167) Рахили, которая долго не могла иметь детей (см.: Библия, Бытие, 30).

Стр. 468. *Ностэ* — селение в Картли, где родился Георгий Саакадзе.

Стр. 469. *Голиаф.*— По Библии, филистимлянский великан, которого победил Давид (Библия, Первая книга Царств, 17, 23—54).

АРЧИЛ II

Арчил II (1647—1713) — грузинский царь, общественный деятель, писатель, переводчик. После безуспешной борьбы с агрессивной политикой Персии и Турции он по приглашению Петра I эмигрировал в 1699 году в Москву, где основал грузинскую колонию (село Всехсвятское). Похоронен Арчил II в московском Донском монастыре. Как поэт он получил известность, будучи автором сборника стихотворений «Арчилиани» (то есть принадлежащее Арчилу). Кроме того, Арчил II является первым переводчиком полного текста Библии на грузинский язык.

Стр. 471. *Аарон* — по библейскому сказанию, сын Авраама и Нохаведы, брат и сподвижник Моисея, первый первосвященник у евреев.

Стр. 472. *Только Тамар повинуясь, ты обращался к рассказу.*— Имеется в виду посвящение поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» царице Тамар.

Стр. 473. *В говор джавахский впадаешь...*— Джавахети — часть Западной Грузии. *Я возражу — по-кизикски.*— Кизики — юго-восточная часть Кахетии.

ВАХТАНГ VI

Вахтанг VI (1675—1737) — поэт, историк, государственный деятель. Был наместником, затем царем Картли в 1703—1711 и 1719—1724 годах. По его инициативе была создана грузинская типография, где был впервые отпечатан «Витязь в тигровой шкуре». В 1724 году в связи с осложнениями взаимоотношений с Ираном и Турцией эмигрировал в Россию. Умер в Астрахани.

КОВСИ ТЕБРИЗИ

Ковси Тебризи — поэт XVII века. Родился в Тебризе в семье городского ремесленника-поэта. Образование получил в Тебризе и Исфахане, где общался с известными поэтами и учеными. Сборник его лирических стихотворений сохранился в двух рукописях.

САИБ ТЕБРИЗИ

Саиб Тебризи (1601—1677). Поэт, продолжатель традиции Физули. Писал в основном газели, умело используя в своем творчестве богатую сокровищницу народной поэзии.

НИШАТ ШИРВАНИ

Нишат Ширвани — поэт конца XVII века. Родился в Шемахе, получил образование в медресе. Из литературного наследия поэта до нас дошло лишь несколько произведений.

Стр. 479. *Мурабба* — стихотворная форма восточной поэзии, четверостишия.

МЕХДЖУР ШИРВАНИ

Мехджур Ширвани — поэт XVII века. Никаких данных о его жизни нет.

ТУРДЫ

Турды (? — ум. ок. 1700 г.) — жил в годы правления Аштарханида Субханкули-хана (1680—1703). Рукопись стихов Турды, содержащая семнадцать стихотворений, найдена лишь в 1924 году. Некоторые стихи поэт подписывал псевдонимом — Фараги.

Стр. 482. *Бек* — правитель округа или города в период феодализма; почетный титул.

Стр. 483. *Абдулазиз* — хан из династии Аштарханидов, правивший в Бухаре в 1654—1680 гг. *Анашисты* — наркоманы; анаша — гашиш (наркотическое средство).

Стр. 484. *Уйгур, юз* — названия тюркских племен.

МАШРАБ БАБАРАХИМ

Машраб Бабарахим (1657—1711) Происходил из бедной семьи. Учился в Андижане. Изгнанный за вольнодумство, путешествовал по городам Средней Азии и Индии как странствующий дервиш-суфий. В своем творчестве Машраб обличал феодальную знать и мусульманское духовенство, за что правящая верхушка объявила поэта юродивым, и вскоре он был казнен по повелению правителя Балха. Из его литературного наследия сохранились образцы любовной и гражданской лирики, дошедшей до нас в сочинении анонимного автора «Повесть о Машрабе», где собраны полуле-

гендарные сведения о жизни поэта. Книга Машраба «Источник света» содержит назидательные притчи, а также толкования стихов Руми и Бедиля.

Стр. 490. *Намаз* — мусульманская ритуальная молитва, совершение которой входит в обязанность каждого верующего. *Как Мансур, я был повешен...*— См. прим. к стр. 395.

МЭВЛА КОЛЫЙ

Мэвла Колый — поэт второй половины XVII века. Сведения о его жизни почти не сохранились. Впервые отрывки из его произведений были опубликованы в «Вестнике научного общества татароведения» (1927, № 7). Свои стихотворения Мэвла Колый называл хикметами (форма древнего стихотворного изречения) и газелями. Всего из его литературного наследства до нас дошли одна газель и девяносто семь хикметов, в предисловии к которым поэт указал, что эти произведения создавались в 1677 году.

Стр. 490. *Хиджра* — мусульманское летосчисление. Стихотворение написано в 1088 г. по хиджри, что соответствует 1677 г.

БАЙРАМ-ХАН

Байрам-хан — поэт конца XVI — начала XVII века. Никаких сведений о его жизни нет.

САЛЫМ ТУРКМЕН

Салым Туркмен — поэт XVII века. Биографические сведения о нем до нас не дошли.

ВАРЛААМ

Варлаам (ок. 1590—1657) — молдавский митрополит, переводчик, основатель книгопечатания. В основанной Варлаамом типографии при Ясском университете были напечатаны книги «Евангелие учительное» — ценный памятник литературного языка того времени, «Уложение» — памятник феодального законодательства.

Стр. 497. *Князь наш Василе* — господарь (властелин) Молдавии, при котором вышло «Уложение».

ДОСОФТЕЙ

Дософтей (1624—1693) — церковный и политический деятель, митрополит Молдавии, зачинатель молдавского стихосложения. Им была переведена Псалтирь и напечатано четыре тома «Житий святых» в свободном изложении.

МИРОН КОСТИН

Мирон Костин (1633—1691) — писатель, летописец и политический деятель. Автор известных работ «Летописи земли Молдавской», «О происхождении молдаван». По мотивам народных легенд им написана «Поэма о молдавской и мунтянской землях», а также философская поэма «Жизнь мира».

Стр. 498. *Ксеркс* — древнеперсидский царь (486—465 гг. до н. э.) из династии Ахеменидов; был убит в результате дворцового заговора. *Артаксеркс* — имя трех царей из династии Ахеменидов. *Август* — римский император (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.), внучатный племянник Гая Юлия Цезаря. *Помпей Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. *Кесарь.*— Имеется в виду Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.). *Кир* — древнеперсидский царь (ум. в 530 г. до н. э.), основатель династии Ахеменидов.

ШАВКАТ БУХОРОИ

Шавкат Бухорои — поэт XVII века. Никакие сведения о нем до нас не дошли.

Стр. 500. *Кяфир* (кафир) — неверный, иноверец.

Стр. 502. *...в страну, где правит лунный свет.*— По древнему поверью, лунный свет отбеливает ткани.

XVIII ВЕК

ЗЕБУННИСО

Зебуннисо (псевдоним — Махфи; 1638—1702) — поэтесса, дочь императора Индии Аурангзеба Аламхира (1658—1707). Поэтическое наследие ее составляет около четырех тысяч бейтов: газели, семь касыд, пять тарджибандов, один мухаммас. Ей принадлежит также комментарий к Корану «Краса толкований». *Зебуннисо* (таджик.) — «красота женщины».

Стр. 510. *Нух* — мусульманский пророк (библейский Ной), по религиозному преданию, живший несколько столетий.

САИДО НАСАФИ

Саидо Насафи (? — между 1707—1711) — родился в Насафе (ныне Карши). Образование получил в Бухаре, где и жил до самой смерти. По профессии ткач, он короткое время был панегиристом Аштарханидов. Из литературного наследия Саидо Насафи до нас дошло семнадцать тысяч стихотворных строк. Особую популярность завоевала его поэма «Слово о тварях».

Стр. 516. *Архалук* — богатое цветное одеяние.

Стр. 517. *Потому что в книге этой...*— Имеется в виду «Астрономический свод», противопоставленный Корану. *Хатам* — один из предводителей арабского племени Тай (отсюда и его прозвище Хатам Тайский), легендарный бедуин, живший до возникновения ислама и прославившийся своей щедростью.

БЕДИЛЬ

Бедиль Мирза Абдулкадир (1644—1721) — поэт и мыслитель, родился в Бенгалии. Много странствовал по Индии, с 1685 года и до конца жизни проживал в Дели. Бедиль оставил богатое поэтическое и прозаическое наследие. Основные его произведения: «Талисман изумления», «Четыре элемента», философско-дидактическое сочинение «Познание», в которое включена его поэма «Комде и Модан».

Стр. 531. *Ирфон* — познание, название поэмы Бедиля.

Стр. 534. *Захид* — аскет, отшельник, подвижник.

МИРЗО СОДИК МУНШИ

Мирзо Содик Мунши (1753/58—1819) — родился в Бухаре. Состоял на эмирской службе. За смелость суждений подвергся опале и в возрасте шестидесяти трех лет был сослан в далекие горы Дарваза. Им написан диван газелей и сборник поэм. Произведения его не издавались и хранятся в рукописных фондах.

МУНИС

Мунис Шермухаммад (1778—1829) — поэт, историк и мыслитель. Жил в Хиве при дворе хивинского хана Ильтузара (1804—1806 гг.), а затем его брата Мухаммад Рахима (1806—1825 гг.). Имел придворное звание мираба — распределителя воды. Дошедший до нас его диван состоит из девяти тысяч пятисот бейтов; кроме того, получил известность его исторический труд «Сад очищения», являющийся официальной придворной хроникой.

УТЫЗ-ИМЭНИ

Утыз-Имэни Габдрахим (1756—1836) — учился в селе Каргалы, в Бухаре и других городах Средней Азии. Долгие годы путешествовал по Хорезму и Афганистану. В 1798 году вернулся в родные места в Чистопольский уезд, стал муллой и начал обучать деревенских детей. Утыз-Имэни написал более пятидесяти произведений. В 1870 году был издан сборник его стихотворений «Значительные дела современности».

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

Салават Юлаев (1752—?) — один из видных руководителей крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, народный поэт. Песни и стихи Салавата Юлаева в башкирском оригинале до нас не дошли. Сохранилась лишь часть его поэтического наследия в подстрочном переводе на русский язык.

ГАИБИ

Гаиби — поэт конца XVIII века. Никаких данных о его жизни нет.

АЗАДИ ДОВЛЕТМАМЕД

Азади Довлетмамед (1700—1760) — поэт и ученый, отец классика туркменской литературы Махтумкули. Азади Довлетмамед родился в семье батрака, был землепашцем, преподавал в мектебе. Основное его произведение — дидактическая поэма «Проповедь Азади».

Стр. 552. *Фирман* — приказ.

МАХТУМКУЛИ

Махтумкули (псевдоним — Фраги, дословно означающий: «разлученный, отстраненный» (ок. 1733—80-е годы XVIII века). Образование получил в сельской школе, где преподавал его отец, и в медресе Ширгази-хана в Хиве. Работал мастером по серебру, много странствовал, находился в плену у иранцев (см. стихотворение «Вдали от родины»). Из его литературного наследства до нас дошло десять тысяч строк. Махтумкули, один из первых отказавшись от арабо-персидской метрики, заменил ее народной силлабической системой.

Стр. 554. *Равен ты Сулейману? Склонись скорей: // Что-то хочет шепнуть тебе муравей!* — Намек на коранническую притчу о пророке Сулеймане (см.: Коран, Муравьи, 18—19).

Стр. 556. *Дейханин* — землевладелец, крестьянин. *Ходжа:* 1) духовное лицо; туркмен из племени, представители которого считают себя потомками пророка и халифов; 2) господин, хозяин. *Сеид* — потомок пророка Мухаммада; здесь: имя сородича Махтумкули.

Стр. 557. *Теке* (текинцы), *йомуд, языр* — туркменские племена. *Гоклен* — одно из туркменских племен, выходцем из которого был и сам Махтумкули. *Той* — празднество, пир, свадьба.

Стр. 559. *Чоудор-хан* — военачальник, друг Махтумкули.

Стр. 560. *Лукман* — легендарный мудрец и врач, упоминаемый в фольклоре и письменной литературе народов Востока.

Стр. 562. *Атрек* — название реки и района Западной Туркмении. *Брат Абдулла — зеница ока — // Исчез.*— Брат Махтумкули пропал без вести, вероятно, он был взят в плен иранцами. Некоторые стихи поэта адресованы к нему. *Мамед-Сапа* — второй брат поэта, погибший в бою с иранцами. *Мазар* — кладбище, гробница святого.

Стр. 565. *Кизылбаши* — дословно: «красноголовые». Так назывались тюркские воины династии Сасанидов, которые носили красные шапки с красными лентами в честь двенадцати имамов — мусульманских святых. Позднее это название было перенесено на все население Ирана.

Стр. 566. *Сонги-даг* — гора в южном Туркменистане, на родине Махтумкули.

Стр. 568. *Гурген* — название местности и реки в Западном Копет-Даге. *Майя* — верблюдица, в туркменской поэзии — образ красавицы.

Стр. 570. *Гёр-оглы* (Кёр-оглы) — герой одноименного эпоса, известного у многих народов Востока.

Стр. 571. *Субхан* — одно из имен бога. *Ильяс* — библейский Илья, как и Хызр — домусульманские святые-пророки, по восточным легендам, покровители пустыни и растительного мира. *Зикрия* — библейский Захария, отец Иоанна Крестителя, почитается у мусульман как один из древних пророков. *Коус* — мифический покровитель гор и озер. *Умран* — по преданию, отец Абу-Талеба, дяди Мухаммада, идолопоклонник. *Ибрагим* (Ибрахим) — библейский Авраам. По мусульманским преданиям, пророк, живший до Мухаммада. *Гозли* — дословно: «прозревший», эпитет представителей туркменского племени «ата», считавшего себя выходцами из Аравии. *Сельман* — друг халифа Али, ближайшего последователя и родственника Мухаммада.

Стр. 572. *Пеливан* — имя одного из учителей Махтумкули.

Стр 573. *Дехистан* (Дахистан) — «Страна духов», область на юге Туркмении.

Стр. 574. *Мир-Кулал* — известный мусульманский фанатик-мистик. *Арш* (арши) — по мусульманским представлениям, высшее небо, где находится престол аллаха.

Стр. 575. *Пир-заде* — потомок пира, то есть духовный наставник.

Стр. 576. *Увейс-Карани* — один из ближайших сподвижников Мухаммада. *Зенги-баба* — святой, покровитель коров. *Шахимердан* (Али-Шахимердан) — зять Мухаммада, четвертый мусульманский халиф (656—661 гг.), почитается всеми верующими как храбрый полководец; отсюда эпитет «Шахимердан» — «царь мужей отважных». *Омар* — второй мусульманский халиф (634—644 гг.), завоеватель Ирана. *Осман* — третий мусульманский халиф (644—656 гг.), при котором, по преданиям, был собран и отредактирован Коран.

Стр. 580. *Тахир* — герой известной на Ближнем и Среднем Востоке романтической повести «Зохре и Тахир».

Стр. 581. *Хум* — большой глиняный горшок, по форме напоминающий греческую амфору.

Стр. 582. *Неджд* (Нежд) — область в Аравии. *Стихотворение «Сын» написано Махтумкули на смерть своего сына.* Как видно, сын поэта умер в то время, когда Махтумкули был в Хиве. Автор стихотворения сравнивает себя с Якубом (библейским Иаковом), который, не поверив известию о смерти своего сына Юсупа (Иосифа Прекрасного), продолжал его ждать.

Стр. 585. *Кербала* (Кербела) — город в Ираке, где в 680 г. произошла битва между потомками Али-Шахимердана (см. прим. к стр. 576) и их противниками — омейядами. Мусульмане-шииты почитают Кербалу как святыню и совершают туда паломничество.

Стр. 590. *Духан* — торговое место, лавка.

Стр. 596. *Мары* (Мевр) — область и город в Туркмении; был столицей султана Санджара.

Стр. 597. *Сират* — по мусульманским поверьям, мост, висящий над адом.

Стр. 601. *Хазарские волны* — каспийские волны.

Стр. 604. *Хазан* — осенний ветер, символ беды.

Стр. 606. *Чарыки* — кустарная обувь из сыромятной кожи.

Стр. 611. *...семь поясов земли...* — По представлениям восточного средневековья, вся земля делится на семь климатических зон, или поясов. Править семью поясами земли — значит быть владыкой мира.

АНДАЛИБ НУРМУХАМЕД-ГАРИБ

Андалиб Нурмухамед-Гариб (ок. 1712—1780) — поэт, основоположник жанра дастанского эпоса в туркменской литературе. Используя традиционные литературные и фольклорные сюжеты, он создал ряд известных дастанов — «Лейли и Меджнун», поэмы «Огуз-наме» и «Несими», в последней он рассказал о трагической судьбе азербайджанского поэта XIV века. Многие стихи его дастана «Лейли и Меджнун» стали любимыми народными песнями.

Стр. 612. *Ахун* (ахунд) — духовное лицо, преподаватель. *Кайс.*— См. прим. к стр. 160.

Стр. 614. *Рагна* — название цветка, с которым в восточной поэзии часто сравнивают возлюбленную.

Стр. 618. *Яйла* — луг, горное пастбище.

Стр. 619. *Алиф* — первая буква арабского алфавита, представляющая собой вертикальную черту, в поэзии символ стройности. *Дал* — восьмая буква арабского алфавита, графически изображаемая в виде прямой линии, согнутой посредине под прямым углом; символ кривизны.

МАГРУПИ

Магрупи (настоящее имя Курбанали) — поэт XVIII века, родом из туркменского племени эмерли. Долгое время жил в Хиве. Магрупи приписывается авторство многочисленных лирических произведений и дастанов, в том числе: литературная обработка сказки о Сайфульмулюке из «1001 ночи», «Довлетъяр», «Юсуп и Ахмед», и другие.

ШАБЕНДЕ

Шабенде (ок. 1720—1800) — поэт, жизнь и творчество которого мало изучены. Ему приписывают ряд дастанов, некоторые из которых носят религиозно-фантастический характер. Наиболее известное произведение Шабенде: «Гюль и Бильбиль».

Стр. 625. *Зохре-звезда.*— См. прим. к стр. 182.

Стр. 626. *Пусть, как огню Халил-алла, своей любимой стану люб!* — Халил.— См. прим. к стр. 185. *Пусть, как Джерджис, исчезну я,— на сто частей разъятый труп!* — Джерджис — пророк, по мусульманским преданиям, подвергнутый язычниками страшным мукам.

Стр. 629. *Шасенем* — имя коня. *Дембермез* — легендарный меч. *Я семь иклимов повидал.*— См. прим. к стр. 611. *Кухи-Салар* — гора Салар. *Сеилгах* — место праздничного гуляния.

ШЕЙДАИ

Шейдаи — поэт второй половины XVIII века. Сведений о его жизни нет. До нас дошло лишь несколько стихотворений поэта.

БУХАР-ЖЫРАУ

Бухар-Жырау Калкаманов (1693—1787) — родился в местности Далба Баян-Аульских гор на северо-востоке Казахстана. Был певцом и советником

хана Среднего казахского жуза (орды) Аблая. Произведения Бухар-Жырау сохранились лишь в устной народной передаче.

Стр. 634. *Каз* — гусь, традиционный символ казахских племен.

ЖИЕН-ЖЫРАУ

Жиен-Жырау — поэт XVIII века, автор известной поэмы «Разоренный народ», в основе которой лежат подлинные исторические события, связанные с перекочевкой каракалпаков.

АГА МАСИХ ШИРВАНИ

Ага Масих Ширвани — поэт XVIII века, автор не дошедшей до нас поэмы «Шах-наме», множества гошм и газелей, написанных на историческую тему.

Стр. 638. *Ниқаб* — вуаль, закрывающая сверх чадры все лицо женщины.

ВАГИФ МОЛЛА-ПАНАХ

Вагиф Молла Панах (1717—1797) — поэт и государственный деятель. Родился в крестьянской семье в деревне Салахлы (ныне Казахский район Азербайджанской ССР). Учился у лучших ашугов-певцов музыке и пению. Был учителем, затем стал визирем — министром иностранных дел карабахского правителя. В 1797 году власть в Карабахе была захвачена племянником Ибрагим-хана Мамед-беком Джеванширом, по повелению которого Вагиф был убит вместе с сыном. Произведения поэта в рукописях не сохранились и были собраны позднее по отдельным записям со слов народных сказителей. Первый сборник его стихов был издан в 1856 году. Вагиф утвердил в азербайджанской поэзии ашугскую форму — гошма, хотя в своих газелях и мухаммасах, написанных в строго классической форме, отдал дань поэтической школе Физули.

Стр 642. *Гошма* — одна из силлабических форм азербайджанского стихосложения, одиннадцатисложник, которая состоит из трех и больше строф и отличается особым принципом рифмовки.

Стр. 647. *Чувал* — мешок *Мотал* — кожаный мешок, в котором хранят сыр; отсюда и название сыра.

Стр. 651. *К значенью посоха-змеи пера значенье приравнять...* — то есть сделать перо чудодейственным. Намек на библейскую притчу о посохе Моисея, который бог пожелал превратить в змею (см. прим. к стр. 123).

Стр. 652. *Яшмак* — повязка, прикрывающая нижнюю часть лица женщины.

ВИДАДИ МОЛЛА ВЕЛИ

Видади Молла Вели (1709—1809) — был писарем, затем учителем в селе Шихлы (ныне Казахский район Азербайджанской ССР). Некоторое время служил у грузинского правителя Ираклия II и по неизвестным причинам был заключен в тюрьму. После освобождения вернулся в Шихли, где и умер. Видади был последователем классической поэзии Физули, однако многие его стихи написаны в форме народной поэзии ашугов.

БАГДАСАР ДПИР

Багдасар Дпир (1683—1768?) — поэт, литературный деятель, композитор. Жил в Константинополе. Был редактором сочинений Григора Нарекаци, Аракела Сюнеци и других классиков древнеармянской литературы. Багдасар Дпир больше всего известен как поэт. Дпир — псаломщик, дьяк.

Стр. 662. *Сего числа, т. с. д. с.* — то есть 1727 год. *Мамона* (греч.) — бог богатства и сокровищ; обычно обозначение злого божества, олицетворяющего стяжательство и корыстолюбие.

ПЕТРОС КАПАНЦИ

Петрос Капанци (конец XVII века — 1784) — поэт, о жизни которого никаких сведений нет.

ГРИГОР ОШАКАНЦИ

Григор Ошаканци (1757—1799) — видный церковный и общественный деятель, получивший образование в Эчмиадзине. Из его литературного наследия до нас дошло немногим более двадцати стихотворений.

Стр. 670. *Ани* — столица армянских царей из династии Багратуни, расположенная на реке Ахуриян. С X по XIV в. Ани был центром торговли и культуры страны и известен своими памятниками старины. *Гусаны* — древние сказители, рапсоды.

НАГАШ ОВНАТАН

Нагаш Овнатан (1661—1722) — поэт-песенник и художник-миниатюрист. Жил в Тифлисе как придворный художник и поэт у грузинского царя Вахтанга VI. Нагаш Овнатан — автор более ста сатирических, застольных и назидательных песен, которые были популярны за пределами его родины, в частности, в Грузии.

Стр. 673. *Маза* — легкая закуска.

Стр. 675. *Майоран* — многолетний полукустарник с мелкими цветками белого или красного цвета, из листьев которого добывают эфирное масло.

Стр. 676. *Вахтанг.*— Имеется в виду карталинский царь Вахтанг VI.

Стр. 677. *Врастан* — по-армянски Грузия.

САЯТ-НОВА

Саят-Нова (настоящее имя — Арутин Саядян; 1712--1795) — видный ашуг. Родился в Тифлисе в семье ремесленника. Был ткачом. Завоевав славу поэта и музыканта, стал придворным поэтом грузинского царя Ираклия II. но скоро из-за дворцовых интриг порвал с феодальной знатью. Стал священником, а затем монахом Ахпатского монастыря и был зверски убит при взятии Тифлиса войсками Ага-Магомет-хана. Песни Саят-Новы, написанные на армянском, грузинском и азербайджанском языках, стали широко известны в народе и сохранили популярность до настоящего времени.

Стр. 681. *Залум* — безжалостная, злая.

Стр. 683. *Каманча* — восточный музыкальный смычковый инструмент.

Стр. 686. *Араз* (Аракс) — название реки, протекающей по территории Армении, Азербайджана и Ирана.

Стр. 687. *Пинджан* (финджан) — маленький сосуд для питья, чаша. *Пранги-атлас* (франги-атлас) — фряжская (франкская, заморская) ткань. *Сусамбар* — ароматическое растение.

Стр. 688. *Джаваир* — драгоценный камень, алмаз, бриллиант.

Стр. 692. *Сантур* — струнный ударный музыкальный инструмент.

Стр. 693. *Каламкар* — шелковая разрисованная ткань. *Маранд* — город в Персии.

Стр. 697. *Дошаб* — сваренный сок винограда.

Стр. 699. *Пшат* — южное дерево с пахучей листвой и съедобными плодами.

МАНАНА

Манана — поэтесса XVIII века. Предполагается, что она принадлежала либо к роду Зедгенидзе, либо Джавахишвили.

БЕСИКИ

Бесики (настоящее имя — Бесарион Габашвили; 1750—1791) — известный поэт. Родился в семье сановника царя Теймураза II. Получил хорошее для своего времени образование и воспитывался при дворе Ираклия II.

В качестве посланца он находился при ставке фельдмаршала Потемкина сначала на Украине, а затем в Молдавии, где умер; похоронен в Яссах. Бесики известен как поэт-лирик и автор патриотических од, среди которых выделяется ода «Аспиндза», посвященная победе грузинских войск в 1770 году у Аспиндзи (Южная Грузия) над вторгшимися турецкими полчищами.

Стр. 706. *О царевне Анне.*— Анна Карталинская, царевна, сестра Ираклия II. По другим сведениям, Бесики посвятил свои стихи имеретинской царевне Анне.

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Давид Гурамишвили (1705—1792) — поэт. Происходил из древнего княжеского рода. Спасаясь от нашествия врагов, семья Гурамишвили укрылась в горном ущелье, где поэт попал в плен. Вскоре Гурамишвили бежал на Северный Кавказ, где ему оказал помощь русский поселенец. В 1730 году он находился в Москве, в свите Вахтанга VI. Приняв русское подданство, Гурамишвили был зачислен в грузинский гусарский полк и получил земли на жительство в Миргороде и в селе Зубовка (Украина). Сохранился сборник автобиографических сочинений Давида Гурамишвили — «Давитиани», состоящий из двух поэм: «Бедствия Грузии» и «Пастух Кацвия» и лирических стихов, написанных в жанре народных романсов.

Стр. 715. *Чари* — область в восточной части царства Кахетии. *Ритор Шота.*— Имеется в виду Шота Руставели, автор «Витязя в тигровой шкуре».

Стр. 719. *Турки занимают Картли; Карталинский царь уезжает в Россию.*— Речь идет о подлинных исторических событиях, когда в результате захвата турками Картли Вахтанг VI вынужден был уехать в Россию. *Лицемера Иессея // И царевича Бакара.*— Иессей — брат Вахтанга VI, по приказу шаха царствовавший в Картли после отъезда Вахтанга; Бакар (1700—1750) — царевич, сын Вахтанга VI, вместе с отцом эмигрировавший в Россию.

Стр. 720. *Сераскир* — турецкий военачальник. *Рача* — горная область в Западной Грузии, через которую проходил один из путей на Северный Кавказ. *Пшавы* и *хевсуры* — племена, обитающие в горной области Восточной Грузии. *Тваливи* — село в Пшаво Хевсуретии.

Стр. 721. *Зедавельская долина* — местность близ города Гори, между селами Атени и Хидистави.

Стр. 727. *«Лазарь, дай-ка парню хлеба!»* — Эти слова написаны в грузинском оригинале по-русски.

Стр. 728. *Виршеплет Джавахишвили* — придворный поэт Вахтанга VI, из литературного наследства которого до нас ничего не дошло.

АНХИЛ МАРИН

Анхил Марин — поэтесса конца XVIII века. Никаких сведений о ней нет.

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

Патимат из Кумуха — поэтесса второй половины XVIII века. Известно, что она родилась в знатной ханской семье.

САИД ИЗ КОЧХЮРА

Саид из Кочхюра (1767—1812). В годы юности поэт в поисках заработка ушел из родных курахских нагорий Южного Дагестана в Ширван, где работал на беков и ханов. Саид часто встречался с азербайджанскими поэтами, сам слагал песни и на родину вернулся прославленным поэтом.

Стр. 735. *Мурсал-хан* — курахский властелин, от которого жестоко пострадал и сам Саид: по указанию хана он был ослеплен.

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

Сковорода Григорий Саввич (1722—1794) — философ, поэт-гуманист, демократ и просветитель. Родился в селе Чернухи на Полтавщине в семье малоземельного казака. Учился в Киево-Могилянской академии, в составе посольской миссии был в Венгрии. Вернувшись на родину, преподавал поэтику в Переяславском коллегиуме. Преследуемый светской и духовной властью, избрал образ жизни странствующего философа, выступая против официальной религии и церковной схоластики. Сковорода известен и как поэт, автор сборника «Сад божественных песен». Его сочинения распространялись главным образом в рукописях, так как поэт всю жизнь преследовался светской и духовной цензурой. Стихотворения Сковороды печатаются в подлиннике, без перевода.

Стр. 739. *Вольности отче, герою Богдане...*— Имеется в виду Богдан Хмельницкий (ок. 1595—1657) — гетман Украины в 1648—1657 гг., выдающийся государственный деятель и дипломат.

ИВАН КОТЛЯРЕВСКИЙ

Котляревский Иван Петрович (1769—1838) — первый классик новой украинской литературы. Родился в семье мелкого чиновника. Учился в духовной семинарии в Полтаве. В 1794 году начал писать поэму «Энеида». В 1796—1808 годах находился на военной службе и участвовал в русско-

турецкой войне. В 1798 году «Энеида» была издана в Петербурге без ведома автора, с посвящением «любителям малороссийского слова». Кроме своей знаменитой поэмы, написал две пьесы «Наталка Полтавка» (опубликована в 1838 г.) и «Солдат-чародей» (опубликована в 1841 г.). С 1818 года писатель был близок к декабристским кругам, хотя по своим общественным взглядам и стоял на позициях умеренного просветительства.

Стр. 740. *Эней* (греч. миф.) — сын Анхиса и Афродиты, герой Троянской войны, главный персонаж «Энеиды» Вергилия. *Юнона* (лат.) — богиня, жена Зевса, повелительница туч и бури, молнии и грома, дарует людям урожай, успех и победы. *Парис* (греч.) — троянский царевич, второй сын Приама и Гекабы, с помощью богини Афродиты похитивший прекрасную Елену, что и послужило причиной Троянской войны.

Стр. 741. Геба (греч.) — богиня юности, дочь Зевса и Геры. *Павлин* — у древних римлян был посвящен Юноне. *Эол* (греч.) — повелитель ветров. *Борей, Нот, Зефир, Эвр* (греч.) — мифологическое олицетворение ветров: Борей — северного, Нот — южного, Зефир — западного, Эвр — восточного.

Стр. 742. *Нептун* (лат.) — бог морей.

Стр. 743. *Шатнулись, как «до ляса» ляхи.*— «До лясу» — польская идиома, обозначающая бегство. (Ср. с русским «в кусты».) Можно полагать, что Котляревский намекает здесь на бегство польских панов в центр Польши, на Левобережье и в Новороссийскую губернию. Это бегство было вызвано небывалым размахом крестьянского восстания (так называемой колиивщины) на правобережной Украине в 1768 г. Восстание возглавляли Максим Железняк и Иван Гонта. *Лемешка* — кушанье из поджаренной гречневой муки, саламата. *Кунтуш* — верхняя мужская и женская одежда с разрезными и откидными рукавами или без рукавов. В XVII и в начале XVIII в. на Украине кунтуши носила казацкая старшина и шляхетство. *Люстрин* — шерстяная или полушерстяная материя с лоском. *Очипок* — головной убор замужней женщины, род чепчика. *Грезет* — старинная шерстяная ткань. *Точь-в-точь, как пану хану — Крыма.*— Намек на ликвидацию Крымского ханства и очага турецкой агрессии в Крыму, который был включен в состав Русского государства 8 апреля 1783 г.

Стр. 744. *Дидона* — одно из финикийских божеств. По римским сказаниям, у Дидоны после гибели Трои нашел приют Эней. *Попонедельничай...*— Понедельничать: 1) старинный обычай женщины на Украине в понедельник быть свободной от обязательного труда, 2) поститься по понедельникам.

Стр. 746. *Ратманы* — члены магистратов, ратуш и управ благочиния. *Бургомистры* — должностные лица магистратов. *Цехмейстеры* — старшины ремесленных цехов. Магистраты в России — установленные Петром I выборные городские управления, ведавшие судебно-административными и податными делами города; существовали до судебной реформы 1864 г. *Кру-*

топопы — насмешливое осмысление слова «протопоп» в духе народной этимологии. *Да в гречку с кем-нибудь скакали...*— «Скакать в гречку» — украинская идиома, означавшая нарушение супружеской верности.

Стр. 747. *Сбитень* — старинный горячий напиток на меду с пряностями.

Стр. 748. *Там страхолюдную фигуру...*— В этой строфе содержится выпад Котляревского против Максима Парпуры, первого издателя «Энеиды», выпустившего книгу в Петербурге без ведома и согласия автора. Исследователи, впрочем, полагают, что Парпура исходил не из коммерческих побуждений, и вменяют издание «Энеиды» ему в заслугу. *Нарушив заповедь восьмую...*— Восьмая из так называемых Моисеевых заповедей — «не укради».

Стр. 752. *Точь-в-точь как на святой неделе.*— Святая неделя — народное название православной пасхи.

Стр. 753. *Не те, что с четками в руках.*— По цензурным соображениям, в этой строке четки были заменены книгами. Восстанавливаем первоначальную редакцию. *Не те, что рявкают «и паки»...*— Имеются в виду дьяконы. *Попали в податной оклад.*— Речь идет о воспитанниках сиротских домов, которые, достигнув совершеннолетия, должны были приписаться к определенному сословию и платить налоги.

Стр. 754. *Латия* — Лациум. *Ардея* — город в Лациуме, столица рутулов, родина их царя Турна. *Мезентий впереди Тирренский.*— Мезентий Тирренский — легендарный царь Этрурии (провинции Италии), помогавший рутульцам. *Лубенский* — название казачьего полка, получившего это имя от города Лубны.

Стр. 755. *Авентий попадьич* — незаконный сын жрицы Леи («попадьи»). *Покотиллос и Караспуло* — имена близнецов Катилла и Коранта из города Тибурта, упоминаемых Вергилием; подверглись двойной шутливой переделке: из них образованы украинские фамилии — Покотило и Карась, к которым добавлены греческие окончания. Отсюда атаман Покотиллос и есаул Караспуло. *Цекул* — сын Вулкана, бога огня и кузнечного ремесла. *Сагайдачный* (Конашевич-Сагайдачный; ?—1622) — гетман украинского казачества, совершивший ряд успешных походов против турок. *Дорошенко* Михаил (?—1628) — гетман реестровых запорожских казаков, участник походов против крымских татар и турок. *Мезап* — предводитель ряда этрусских племен.

Стр. 756. *Агамемнóненко Галес* — украинизированное греческое имя. Галес — наследник царя Агамемнона, одного из главных героев легенд о Троянской войне. *Аврунцы, сидицяне, калесцы, ситикуляне* — наименования италийских племен. *Тезеевич пан Ипполит* (украинизирован.).— Ипполит — сын легендарного царя Тезея, основоположника Афинского государства. *Сиканцы, аргавцы, лабики, сакранцы* — древнеиталийские племена. *Камилла* — смелая охотница и воительница, по Вергилию, дочь царя Метаба.

Стр. 757. *Полкан* — герой сказочных повестей.

КРИСТИОНАС ДОНЕЛАЙТИС

Донелайтис Кристионас (1714—1780) — зачинатель литовской художественной литературы. Родился в крестьянской семье, учился в школе для бедных в Кенигсберге (ныне Калининград), там же в 1740 году окончил университет. Работал учителем в местечке Сталупенай, в 1743 году был назначен пастором-настоятелем лютеранского прихода в Тольминкемисе, где и оставался до конца своей жизни. Из литературного наследия Донелайтиса сохранились рукописи шести басен, двух фрагментов стихотворных повествований и поэмы «Времена года» (1765—1775).

Стр. 761. *Шульц* (нем.) — сельский староста.

Стр. 762. *Песенку в честь петуха затянули соседки другие.*— Речь идет об одной из свадебных песен.

Стр. 763. *Слункюс* — прозвище (по-литовски означает: «лентяй»). *Пеледа* — прозвище (по-литовски означает «сова»).

Стр. 764. *Кучу поганых жаб на блюдо вывалил разом.*— Речь идет об устрицах.

Стр. 765. *Ломбер* — карточная игра.

Стр. 766. *Ваушкус* — прозвище (по-литовски означает: «лоботряс», «бездельник»).

Стр. 767. *Шюпинис* — гороховая каша.

Стр. 769. *Солтыс* — сельский староста. *Амтман.*— Так в Восточной Пруссии называли управляющих королевскими имениями и арендаторов их.

Стр. 771. *Если захочет он лапти сплести из свежего лыка...*— По королевскому указу, строго запрещалось носить лапти. Крестьян, которые осмеливались показаться в городе в лаптях, секли в наказание розгами. *Одр* — телега.

Стр. 774. *Михайлов день* — 12 октября. *Мартынов день* — 24 ноября.

Стр. 775. *Доброго пива купив за немалую цену три бочки.*— Крестьянам разрешалось варить пиво только во время жатвы и в ограниченном количестве (в зависимости от величины их земельных участков). Ослушникам грозили телесные наказания, а пиво у них конфисковывалось. Таким образом, крестьяне были вынуждены покупать пиво в королевских пивоварнях. *Девясил* — растение с большими шершавыми листьями и крупными корзинками желтых цветов.

Стр. 776. *Клумпы* — деревянные башмаки.

Стр. 777. *Пайкюс* — прозвище (по-литовски означает: «дурак», «самодур»).

П. Катинайте

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Арутюнов и В. Таиеев. Пятнадцать веков поэзии народов СССР 5

IV—IX ВЕКА

МЕСРОП МАШТОЦ

«Море жизни всегда обуревает меня..» *Перевод В. Брюсова* 45
«Рано утром предстану пред тобой...» *Перевод В. Брюсова* 45
«Надежда моих младенческих дней...» *Перевод А. Сендыка* 45
«Вседержитель, греховность мою сокруши...» *Перевод А. Сендыка* 46

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Шаракан («Отец милосердный, заботливый...») *Перевод А. Сендыка* 46

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ

Шаракан («Свет, и света создатель, и первый светоч...») *Перевод А. Сендыка* 47

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ
Рождение Ваагна. *Перевод В. Брюсова* 48
О царе Арташесе. *Отрывки*
«Храбрый царь Арташес на вороного сел...» *Перевод В. Брюсова* 48
«К тебе обращаюсь, прославленный царь Арташес...» *Перевод А. Сендыка* 48
«Кто возвратит мне дым моего очага...» *Перевод А. Сендыка* 49
«Когда поскачешь ты на охоту...» *Перевод А. Сендыка* 49
О построении Вардгеса. *Перевод В. Брюсова* 49

ИОАНН МАНДАКУНИ
«Преображеньем твоим на горе...» *Перевод В. Брюсова* . . 49

КОМИТАС
«Жены, славны страной и народом своим...» *Перевод С. Шервинского* 50

ДАВТАК КЕРТОГ
Плач на смерть великого князя Джаваншира. *Перевод Н. Гребнева* 51

СТЕПАННОС СЮНЕЦИ
«Неувядаемый цветок, высот свободных светлый крин...» *Перевод К. Липскерова* 55

СААКДУХТ СЮНЕЦИ
Пресвятая Мария. *Перевод А. Сендыка* 56

ХАНЗАЛА БОДГИСИ
Перевод В. Левика
«Быть может, первенство и слава сокрыты...» 57
«Милая в костер бросала руту на закате дня...» 58

ФИРУЗ МАШРИКИ
«Злее птицы кровожадной эта хищная стрела...» *Перевод В. Левика* 58

АБУСАЛИК ГУРГАНИ
Перевод В. Левика
«Мой совет: в неравной битве лучше кровь свою пролей...» 58
«Ты сердце унесла своим единым взглядом...» 58

ГРИГОР НАРЕКАЦИ
Алмазная роза. *Перевод В. Брюсова* 61
Песнь на воскресение Христово. *Перевод В. Брюсова* . . . 62
Книга скорбных песнопений. *Отрывки. Перевод Н. Гребнева* 63

ШАХИД БАЛХИ
Перевод В. Левика

«О знанье мудрое, жемчужина жемчужин!..» 109
«Видно, знанье и богатство — то же, что нарцисс и роза...» 109
«Когда бы дым валил от горя, как от костра лесного...» . . 110
«Бродил я меж развалин Туса, среди обломков и травы...» 110
«Льет слезы туча, как влюбленный...» 110
«Есть два ремесленника в мире, у каждого своя забота...» 110

АБУ ШАКУР БАЛХИ
Перевод В. Левика

«Врагу пощады не давай, мой брат...» 110
«Кто посвящает жизнь свою ученью и добру...» 111
«В познаньях я достиг уже того...» 111
«Заблуждается, кто жемчуг выше всех искусств считает...» 111
«Томим разлукою с тобой, палим безмерною тоской...» . . 111

АБУ МАНСУР ДАКИКИ
Перевод В. Левика

«Есть два властителя — цари земных широт...» 111
«Как ты изменчив, мир,— ты суетой зачат!..» 112
«Облекая мир в праздничный наряд...» 112
«Ничтожен стал я в бытии застойном...» 113
«Когда бы все переменилось, и в мире вдруг ночей не стало...» 113

ИМАРО ХОРАСАНИ
Перевод В. Левика

«Я спрячусь тайно в эти строки, едва прочтешь мой звонкий стих...» 114
«В руке у пери сребролико̀й сверкает чаша — посмотри!..» 114
«Мир серебристым был от снега, и вдруг — какая перемена!..» 114

ХАКИМ ХАББАЗ НИШАПУРИ И ЕГО СЫН
Перевод В. Левика

Отец 114
Сын 115

АБУ-ЛЬ-ХАСАН КИСАИ
Перевод В. Левика

«Роза — дар прекрасный рая, людям посланный на благо!..» 115
«Трехсотсороковой к концу. Свершился дней круговорот.» 115

АБУ-ЛЬ-КАСИМ УНСУРИ
Перевод И. Гуровой

Отрывки из касыд 116

АБУ АЛИ ИБН СИНА

Рубаи. *Перевод С. Липкина* 118

АБУ-ЛЬ-ХАСАН ФАРРУХИ

Отрывки из касыд

«Встают облака голубые...» *Перевод А. Кочеткова* 120
«Так свежа земля родная...» *Перевод А. Кочеткова* . . . 121
«Когда в переливы атласа...» *Перевод А. Кочеткова* 122
«Я сказал: «Только три поцелуя...» *Перевод А. Кочеткова* . 123
«Я видел блеск Самарканда...» *Перевод И. Гуровой* . . . 124

АБУНАДЖМ МАНУЧЕХРИ

Отрывки из касыд. *Перевод И. Гуровой* 125

АБУ МАНСУР АСАДИ

Спор дня и ночи. *Перевод В. Левика* 127

НОСИР ХИСРОУ
Перевод А. Адалис

Спор с богом 130
«Вот взмыл орел с высоких скал. Он, по обычаю орла...» 134

ФАХР АД-ДИН АСАД ГУРГАНИ

Вис и Рамин. Отрывок. *Перевод С. Липкина* 134

МА'СУД СААД САЛЬМАН

Отрывок из «Тюремной касыды». *Перевод Н. Заболоцкого* 138

КАТРАН ТЕБРИЗИ

Касыда о тавризском землетрясении. *Перевод П. Антокольского* 139
Газель. *Перевод С. Гаврина* 140
Рубаи. *Перевод С. Гаврина* 140

ЮСУФ ХАС-ХАДЖИБ

Из книги «Наука быть счастливым». *Перевод Н. Гребнева* 141

АХМАД ЯССАВИ
Перевод А. Адалис

«Прежней щедрости в народе нашем нет...» 147
«Некто был к власти приучен...» 147

АХМАД ЮГНАКИ

Из поэмы «Подарок истин». *Перевод А. Адалис* 148

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

Мудрая беседа, которую вел в час прогулки философ Ованес Саркаваг с птицей, именуемой «пересмешник». *Перевод Н. Гребнева* 150

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

На распятие господне. *Перевод В. Брюсова* 154
На ночь великого пятка. *Перевод В. Брюсова* 155
Всем усопшим. *Перевод В. Брюсова* 156
При восходе солнца. *Перевод В. Брюсова* 156
Небо. *Перевод Н. Гребнева* 156
Солнце истины. *Перевод Н. Гребнева* 157

ЧАХРУХАДЗЕ

Тамариани

Ода вторая. *Перевод К. Бальмонта* 158
Ода пятая. *Перевод С. Липкина* 159
Ода двенадцатая. *Перевод С. Липкина* 161

ИОАНН ШАВТЕЛИ

Абдул-мессия. *Фрагменты. Перевод С. Липкина* 163

МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Рубаи. *Перевод В. Бугаевского* 170

МУДЖИРЕДДИН БЕЙЛАКАНИ
Перевод Дм. Голубкова

Кыты 172
Рубаи 173

ЭФЗЕЛЕДДИН ХАГАНИ

Развалины города Мадаин. *Перевод П. Антокольского* . . . 173
Жалоба на свое положение. *Перевод В. Державина* . . . 175

Газели. *Перевод В. Державина* 177
Кыта. *Перевод В. Державина* 178
Рубаи. *Перевод К. Симонова* 179

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Газели

«Готова молодость твоя откочевать...» *Перевод К. Липскерова* 180
«О кумир! Мне знак призывный...» *Перевод К. Липскерова* 181
«Мне ночь не в ночь...» *Перевод К. Липскерова* 181
«Спустилась ночь...» *Перевод П. Антокольского* 181
«В ночи я знаю: сердце мне...» *Перевод А. Тарковского* . . 182
«Мир покаянья моего разрушен...» *Перевод С. Шервинского* 182
«Спеши, о, спеши, без тебя умираю!.» *Перевод Ив. Бруни* 183
«Расступился черный мускус...» *Перевод А. Тарковского* . . 183
«Ты видишь: я твой давний друг...» *Перевод А. Тарковского* 184
«Лик покажи свой...» *Перевод О. Румера* 184
«Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь...» *Перевод Ив. Бруни* 185
«Другим знавала ты меня...» *Перевод Вс. Рождественского* 185
«О Луна, скажи...» *Перевод Ив. Бруни* 186
«Месяц неполный прошел...» *Перевод К. Липскерова* . . . 186
«Так роза на щеках вина смеется...» *Перевод Н. Асанова* 186
«Ты рукой мне сжала сердце...» *Перевод Ив. Бруни* . . . 186
«Друг, утешься...» *Перевод С. Абрамова* 187
«Жить в заботе и невзгодах...» *Перевод Ив. Бруни* . . . 187
«Где путь в кумирню? Где в мечеть пройти?..» *Перевод А. Жарова* 188
Рубаи. *Перевод О. Румера* 188

Касыды

«Царь царей в слаганье слов я...» *Перевод Е. Долматовского* 189
«Увы, на этой лужайке, где согнут страстью я...» *Перевод А. Кочеткова* 190

САБИР ТЕРМЕЗИ
Перевод М. Замаховской

«Лишь в странствиях себя мы познаем...» 195
«Ты к мыслям злым не обращай лица...» 195

АБУ-ЛЬ-МАДЖД САНАИ
Перевод А. Кочеткова

Притчи из поэмы «Сады истин» 196

АВХАДАДДИН АНВАРИ
Перевод А. Кочеткова

«О придворных поэтах речь мою разумей...» 201
«Влюбленный спросил меня: «Пишешь газели, как прежде писал?» 201
Ответ шаху на его приглашение явиться ко двору 202
«Четыре есть приметы у доблестных людей» 203

ФАРИД-АД-ДИН АТТАР
Перевод И. Гуровой

Отрывок из поэмы «Язык птиц» 204
Отрывки из «Божественной книги» 206

АСИР АД-ДИН АХСИКАТИ
Перевод Д. Самойлова

«Живу в разладе с милой,— о, аллах!..» 210
«Привык я на пути своем добро из горя извлекать...» . . 210
«Прекрасно с миром в мире быть по милости творца...» . . 211
«Зачем врачи, когда у них лекарства не найти?..» 211
«С тех пор, о господи, как мир ты справедливости учил...» 212
Рубаи 212

САЙФИ ИСФАРАНГИ
Перевод Д. Самойлова

«Нынче к ночи — вода от запруды иной...» 213
«Нет любимых, и в мире сближения нет...» 213
«Мир не трогай — свершенья из мира ушли...» 214
«Сад любви — в нем святыни цветка не найти...» 215
«Я сгорел на огне устремлений своих...» 216
«Пью я воду живую из моря стихов...» 217
«Я в союзе с любовью, всегда молодой...» 218
«С духом праведных не было б речи одной...» 218

САЙФИ ФАРГОНИ
Перевод Д. Самойлова

«Сахар пользы в солонке тщеты не найдем...» 219
Касыда 220

ГАЛИ
Юсуф и Зулейха. Отрывок из поэмы. *Перевод Р. Морана* . . 222

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ
Четверостишия. *1—4 перевод В. Брюсова, 5—6 О. Румера* 224
Ованес и Аша. *Перевод Н. Гребнева* 225

ФРИК

Колесо судьбы. *Перевод В. Брюсова* 228
Сердце мое, отчего ты забилось? *Перевод Н. Гребнева* . . 229
Цветок любви. *Перевод Н. Гребнева* 229
К богатым. *Перевод Н. Гребнева* 230

XIV—XVII ВЕКА

КОНСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

Отрывок. *Перевод В. Брюсова* 237
Весна. *Перевод В. Брюсова* 238
Борьба плоти и духа. *Перевод М. Лозинского* 239
Слово на час печали, написанное о братьях, обидевших меня. *Перевод М. Лозинского* 240
Песня чистой любви. *Перевод Н. Гребнева* 241
Я — твой пленник, сжалься надо мной. *Перевод Н. Гребнева* 242
Песня любви. *Перевод Н. Гребнева* 244
Поучение, нужное и полезное простым людям. *Перевод А. Сендыка* 245
Слово о злом товарище и о тех, кто верит врагам доброты. *Перевод А. Сендыка* 246

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Бренное тело корила душа. *Перевод Н. Гребнева* 249
Господь словам моим свидетель. *Перевод Н. Гребнева* . . 250
Я, смертный, сотворен из праха. *Перевод Н. Гребнева* . . 250
Жизнь на земле подобна морю. *Перевод Н. Гребнева* . . . 251
Я потерянный агнец. *Перевод А. Сендыка* 252

ИЗЕДДИН ГАСАНОГЛЫ

«Ты душу выпила мою...» *Перевод Н. Антокольского* . . . 254

АВХЕДИ МЕРАГАИ

Отрывки из поэмы «Джами-джем». *Перевод Г. Асанина* . . 255
«Кувшин с вином — мой верный друг...» *Перевод Д. Самойлова* 256
«Сердцу нечем дышать...» *Перевод Д. Самойлова* 257
«Гиацинта цветенье...» *Перевод Д. Самойлова* 257
«В сердце милой отыскивать...» *Перевод Д. Самойлова* . . 258
«Если вдруг говорящий...» *Перевод Д. Самойлова* 258
«Увяданью всегда...» *Перевод Д. Самойлова* 259
«О любимый мой враг...» *Перевод Д. Самойлова* 259
«Мое сердце любовью полно...» *Перевод Д. Самойлова* . . 260

ХАДЖУ КИРМАНИ
Перевод С. Шервинского

Из поэмы «Гуль и Новруз» 260
«Когда под сенью райских кущ собой украсила айван...» 264

УБАЙД ЗАКАНИ
Перевод В. Звягинцевой

«Спасенья на земле нам от страданья нет...» 264
«Встречать зарю в кругу друзей с фиалом хорошо...» . . 265
«Время настало, и снова мы пьем, как хотим...» 266
«У моря скорби берегов не видно...» 266

КАМАЛ ХУДЖАНДИ

Газели

Сказал. *Перевод В. Потаповой* 267
Прикажи отречься. *Перевод В. Потаповой* 267
Сначала посеять зерно. *Перевод В. Потаповой* 268
Будь осмотрителен. *Перевод В. Потаповой* 268
«Тропою мужества, друзья...» *Перевод А. Адалис* 269
«Эта шумная улица...» *Перевод И. Сельвинского* 269
«Где солнце дневное проходит...» *Перевод А. Адалис* . . . 270
Что за дар обольщенья сердец. *Перевод В. Потаповой* . . 270
«Я спросил: человек или ангел ты?..» *Перевод В. Звягинцевой* 271
«О, беспокойство снова и снова!..» *Перевод А. Адалис* . . 271
«Слезой кровавой плачу...» *Перевод А. Адалис* 272
«До чего противна мысль о монахе-изувере!..» *Перевод В. Потаповой* 272
Отшельникам нас не понять. *Перевод В. Потаповой* . . . 273

НОСИР БУХОРОИ
Перевод В. Звягинцевой

«Беседа с другом на пиру — вот радостная цель...» . . . 273
«И малого врага ничтожным не считай...» 274
«Храни достоинство свое повсюду, человек!..» 274

БУРХАНЭДДИН СИВАСИ

Рубаи. *Перевод А. Кафанова* 274

НЕСИМИ
Перевод К. Симонова

Бахария 275
Газели 277

АССАР ТЕБРИЗИ
Отрывок из поэмы «Мехр и Муштари». *Перевод С. Гаврина* 281

РАБГУЗИ
Перевод С. Сомовой

Весна 283
Четверостишие 283

ХОРЕЗМИ
Из «Книги любви». *Перевод В. Державина* 284

ДУРБЕК
Из поэмы «Юсуф и Зулейха». *Перевод В. Державина* . . 289

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ
Песня любви. *Перевод В. Брюсова* 291
Не убей меня любовью. *Перевод С. Спасского* 291
К смерти. *Перевод В. Брюсова* 293
Лик твой — солнце. *Перевод Н. Гребнева* 293
Встретил я красавицу нежданно. *Перевод Н. Гребнева* . . 294
«Земля подобна раю стала...» *Перевод Н. Гребнева* 295
Коль не было б мужей... *Перевод Н. Гребнева* 297

МКРТИЧ НАГАШ
Суета мира. *Перевод В. Брюсова* 298
О жадности. *Перевод П. Панченко* 299
Странник. *Перевод Н. Гребнева* 300
Плач об умерших. *Перевод А. Сендыка* 301

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ
Песня о розе и соловье. *Перевод В. Брюсова* 304

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ
Молитва. *Перевод М. Кузмина* 306
Из «Адамовой книги». *Перевод Н. Гребнева* 310

ХАКИКИ ДЖАХАНШАХ КАРА-КОЮНЛУ
Перевод А. Кафанова

«Ей, что сердце мне разбила равнодушьем...» 312
Рубаи 313
«Милость, явленная богом, красоте всегда важна...» . . . 313
«Стройней твоего кипарисного стана не видел...» 314

САККАКИ

Газели. *Перевод М. Зенкевича* 314

АТАИ

Газели. *Перевод А. Кочеткова* 315

ЛУТФИ

Газели

«Что же станет с душой...» *Перевод Т. Спендиаровой* . . . 320
«Птица души устремилась туда, где она...» *Перевод Л. Гумилева* 320
«Нежные! Взглядами нас...» *Перевод В. Державина* . . . 321
«Сердце мое, виночерпий...» *Перевод Н. Заболоцкого* . . . 321
«Скажи моей деве, что скоро я жить перестану, скажи!..» *Перевод Н. Заболоцкого* 321
«Где моя розоликая...» *Перевод В. Державина* 322
«Ты словно кипарис высокий...» *Перевод В. Державина* . . 322
«Когда кокетка на меня...» *Перевод Т. Спендиаровой* . . . 322
«Ах, поведай, девам рая...» *Перевод Т. Спендиаровой* . . 323
«Если б свет лица ее погас...» *Перевод Л. Гумилева* . . . 323
«Что равно твоим кудрям...» *Перевод С. Липкина* 323
«Доколь я луноликой буду мучим...» *Переевод Л. Гумилева* 324
«Красота твоя — светильник...» *Перевод С. Липкина* . . . 324
«Твой стан, твои уста увидев...» *Перевод С. Липкина* . . 325
«О красавица, напрасно...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 325
«В сеть волос меня поймала...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 326
«Моей любимой тонкий стан...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 326

АЛИШЕР НАВОИ

Газели

Чудеса детства

«Чаша, солнце отражая...» *Перевод Вс. Рождественского* 327
«В разлуке с любимой...» *Перевод В. Державина* 327
«Этот град опостылел в разлуке...» *Перевод В. Державина* 328
«В гневе ты — любой поступок...» *Перевод Г. Ярославцева* 328
«Коль пользы от людей все нет...» *Перевод Г. Ярославцева* 329
«С холодным вздохом...» *Перевод Т. Спендиаровой* . . . 329
«Весна без тебя — палача жгут...» *Перевод К. Симонова* . . 330
«Пользы мира ты не жаждай...» *Перевод А. Голембы* . . . 330

Редкости юности

«Лик твой зеркалом сверкая...» *Перевод Вс. Рождественского* 331
«Твоей неверностью...» *Перевод Г. Ярославцева* 332

«Двух резвых своих газелей...» *Перевод Вс. Рождественского* 332
«Осрамился я — но пьяный сок...» *Перевод С. Шервинского* 333
«Как меня б ты ни терзала...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 333
«Оттого, когда я в горе...» *Перевод А. Кронгауза* 334
«Весной страшна разлука...» *Перевод Г. Ярославцева* . . 334
«Двух зубов мне не хватает...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 335
«Огнем объяты небеса...» *Перевод Е. Аксельрод* 335
«Недруги меня чернят...» *Перевод Н. Ушакова* 336
«Во сне глаза из-за любви...» *Перевод Вс. Рождественского* 336
«Я хочу, чтоб был счастливым...» *Перевод Н. Ушакова* . . 337

Совершенства среднего возраста

«В огонь — зеленый кипарис!..» *Перевод Л. Пеньковского* 337
«Когда в тоске заговорю...» *Перевод Н. Лебедева* 338
«Всегда он в обуви грубой...» *Перевод С. Иванова* 338
«Занемог я...» *Перевод В. Звягинцевой* 339
«Странно мне: без нее...» *Перевод В. Звягинцевой* 339
«Отраду приносит роза...» *Перевод Вс. Рождественского* . . 340
«Кто дорог — мной не дорожит...» *Перевод Ю. Нейман* . . 340
«Сердце, столь злое со мной...» *Перевод Ю. Нейман* . . . 341
«Почему на лик прекрасный...» *Перевод Вс. Рождественского* 342
«Если нам сердце и разум...» *Перевод В. Потаповой* . . . 342
«О друзья, явите милость!..» *Перевод Ю. Нейман* 343
«Прилетел из сада ветер...» *Перевод П. Железнова* 343
«Кругом враги...» *Перевод А. Иванова* 344
«Друзьям, наперсникам случайным...» *Перевод А. Голембы* 344
«Красотой твоей, как солнцем...» *Перевод Ю. Нейман* . . . 345
«Только солнце помянув...» *Перевод Г. Ярославцева* . . . 345
«Меджнунам пылким каждый миг...» *Перевод Г. Ярославцева* 346
«Друзей, что нас утешат в горе...» *Перевод Г. Ярославцева* 346
«Тебя увидя в цветнике...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 347
«В разлуке телом я ослаб...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 347
«Пери, сжалься надо мною...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 348
«Связь с городами я порвал...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 348
«Я тыщу раз горел огнем...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 349
«О розе нежной и живой...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 349
«Не удивляйся...» *Перевод Т. Стрешневой* 350
«С кипарисом тонкостанным...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 350

Полезные советы старости

«Она ушла, покинув пир...» *Перевод С. Иванова* 351
«В мой дом, разгорячась...» *Перевод В. Звягинцевой* . . . 352
«Только ты взяла с улыбкой...» *Перевод Вс. Рождественского* 352
«Здоровым меня оставить...» *Перевод А. Сендыка* 353
«Я желтухой болен, кравчий...» *Перевод С. Шервинского* 353

«Улыбки всем расточая...» *Перевод А. Сендыка* 354
«От неверной сто горьких бед...» *Перевод С. Иванова* . . . 354
«Злее, чем измены мрак...» *Перевод С. Иванова* 355
«Кипарис розоволикий...» *Перевод П. Железнова* 355

Тарджибанд

«О, почему с тобой я не дружу, вино?..» *Перевод Л. Пеньковского* 356
«Я пью. Недуг любви меня скрутил опять...» *Перевод Н. Лебедева* 357
Кыта. *Перевод С. Иванова* 357
Рубаи. *Перевод Л. Пеньковского* 359
Тююги. *Перевод С. Иванова* 359
Фарды. *Перевод С. Северцева* 361

ЗАХИРЕДДИН МУХАММАД БАБУР
Перевод Л. Пеньковского

Рубаи 362
Газели 365
Письмо 368

МУХАММАД САЛИХ

Из поэмы «Шейбани-наме». *Перевод В. Державина* . . . 373

МАДЖЛИСИ

Повесть о Сайфульмулюке. *Перевод Б. Соловьева* 379

ИСМАТИ БУХОРОИ
Перевод В. Потаповой

«Если душа от рожденья не терпит насилья и зла...» . . 384
«Разум спросил я: «О мудрый, деяний творец...» 385

БАДРАДДИН ХИЛАЛИ
Перевод К. Липскерова

«Лишь приподнимешься, блестя, ты в ранний час на ложе...» 385
«Все, влюбленные в красавиц, к ним стремленьем полны...» 386
«Когда моя любимая в мой бедный дом приходит...» . . . 386
«Как недуг любви осилить? Где целительные травы?..» . . 387
«О луна! Сегодня праздник,— всем открыта взглядам ты...» 387
«Ах, дружна, моя подруга, ты с другим! Увы, увы!..» . . . 388

АБДУРАХМАН МУШФИКИ

«Кравчий-утро, наполнив свой кубок...» *Перевод А. Кочеткова* 388

«Кататься вздумала осень...» *Перевод А. Кочеткова* . . . 389
«Сестра, отец наш опочил...» *Перевод Т. Стрешневой* . . . 390

ШАХ-ИСМАИЛ ХАТАИ

Бахария. *Отрывок из поэмы «Дех-наме». Перевод В. Державина* 390
Газели
«До сотворения мира началом начал был я...» *Перевод Б. Лебедева, Л. Кацнельсона* 393
«Говорит: уходи!..» *Перевод Дм. Голубкова* 394
«Душа моя, жизнь моя...» *Перевод Дм. Голубкова* . . . 394
«Я ныне властитель державы любви!..» *Перевод Дм. Голубкова* 395

ХАБИБИ

Мусаддас. *Перевод Б. Лебедева, Л. Кацнельсона* 395
Газели
«Богиня! Если для тебя...» *Перевод П. Антокольского* . . . 396
«Утренний зефир мечтает...» *Перевод К. Симонова* . . . 397

ФИЗУЛИ

«Падишах золотой земли...» *Перевод В. Луговского* . . . 397
Газели
«О мой друг, если из-за тебя..» *Перевод А. Старостина* . . 398
«Бессилен друг, коварно время...» *Перевод П. Антокольского* 399
«Я горем сам горел...» *Перевод Е. Долматовского* 399
«Велишь мне ненавидеть жизнь...» *Перевод П. Антокольского* 400
«О душа моя, четок не трогай...» *Перевод В. Державина* . 400
«Печалью сердце сожжено...» *Перевод П. Антокольского* . 401
«Я жизнью жертвовал не раз..» *Перевод П. Антокольского* 402
«Я скован, я пленен...» *Перевод Е. Долматовского* . . . 402
Тарджибанд. *Перевод А. Старостина* 403
Мухаммас. *Перевод В. Луговского* 405
Рубаи. *Перевод 1—4 А. Старостина, 5—8 А. Адалис* . . . 405

МУХАМЕДЪЯР

Судьба девушки. *Перевод Р. Морана* 407
О доброте. *Перевод Р. Морана* 411
Беседа поэта со своим сердцем. *Из поэмы «Подарок джигитов». Перевод С. Липкина* 411
Лучи души. Отрывки из поэмы
О щедрости. *Перевод Р. Морана* 413
Справедливость и язык. *Перевод Л. Пеньковского* . . . 414

ОВАНЕС

Песня любви. *Перевод В. Брюсова* 415

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Песня. *Перевод В. Брюсова* 416
Песнь о розе и соловье. *Перевод В. Брюсова* 418
Песня о желанной. *Перевод С. Спасского* 422
Песня. *Перевод С. Спасского* 424
Песнь об одном епископе. *Перевод В. Брюсова* 425

НАПЕТ КУЧАК

Айрены любви

«Твоих грудей шамамы..» *Перевод В. Брюсова* 427
«О ночь, продлись!..» *Перевод В. Брюсова* 427
«Идя близ церкви...» *Перевод В. Брюсова* 427
«Когда умру я от любви...» *Перевод В. Брюсова* 427
«Ко дверям возлюбленной...» *Перевод А. Адалис* 427
«С той поры, как рожден на свет...» *Перевод А. Адалис* . . 427
«Не нужна ты мне, не нужна...» *Перевод Н. Гребнева* . . 428
«Пред тобою я, мой желанный...» *Перевод Н. Гребнева* . . 428
«Ах, случилась прорушка одна...» *Перевод Н. Гребнева* . . 428
«Ты смеешься, ты все не со мною..» *Перевод Н. Гребнева* . 428
«Милый мой, мне принесший зло...» *Перевод Н. Гребнева* . 429
«Я люблю, я огнем объята...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 429
«Я, как всякая птица, дика...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 429
«Я опился, но не вином...» *Перевод Н. Гребнева* 429
«Ловчий сокол я с красным кольцом...» *Перевод Н. Гребнева* 430
«Мы пылали с тобой огнем...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 430
«Эх, глаза, мне бы выжечь вас...» *Перевод Н. Гребнева* . . 430
«О, как много в гебе, вино...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 430
«Где была ты, откуда пришла?..» *Перевод Н. Гребнева* . . 430
«Я тебе надоел, ну что же!..» *Перевод Н. Гребнева* . . . 431
«Черноброва ты, тонкостанна...» *Перевод Н. Гребнева* . . 431
«Мне б рубашкою стать льняною...» *Перевод Н. Гребнева* . 431
«Совершая обычный свой путь...» *Перевод Н. Гребнева* . . 431
«Образумься, побойся бога..» *Перевод Н. Гребнева* . . . 432
«Вот красавица с грудью белой...» *Перевод Н. Гребнева* . . 432
«Ты не яблоко ли румяное...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 432
«Я в вечерний час, в час туманный...» *Перевод Н. Гребнева* 433
«Ты приди ко мне в час заката...» *Перевод Н. Гребнева* . 433
«Если в сад я твой попаду...» *Перевод Н. Гребнева* 433
«Твое ложе — мой храм и мой дом...» *Перевод Н. Гребнева* 434
«Видишь, яблоня на пригорке...» *Перевод Н. Гребнева* . . 434
«Там старушка живет у нас...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 434
«Целовал я красавиц мало...» *Перевод Н. Гребнева* 434
«Тонок стан твой, грудь высока...» *Перевод Н. Гребнева* . . 435

Айрены странствий и печали. *Перевод Н. Гребнева* 435
Гнома. *Перевод С. Шервинского* 437

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
«О злая! С черной красотой!..» *Перевод В. Брюсова* . . . 437

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
Песня о четырех элементах. *Перевод В. Брюсова* 438

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
Ноктюрн. *Перевод В. Брюсова* 439

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
«Как вам не завидовать...» *Перевод В. Брюсова* 440

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ
Крунк. *Перевод В. Брюсова* 440

ОВАСАП СЕБАСТАЦИ
Любовь монаха. *Перевод Вс. Рождественского* 442
«Сегодня в саду мне явилась она...» *Перевод А. Сендыка* 444
«Вся она как зацветший гранат...» *Перевод А. Сендыка* . . 445

ДАВИД САЛАДЗОРЦИ
Восхваление цветов. *Перевод С. Шервинского* 446

СТЕПАННОС
Песня любви. *Перевод В. Брюсова* 449

ИЕРЕМИЯ КЕМУРДЖЯН
Песня любви. *Перевод В. Брюсова* 451

НЕРСЕС МОКАЦИ
Спор неба и земли. *Перевод Н. Гребнева* 452

ТЕЙМУРАЗ I
Маджама. Отрывки из поэмы
Спор вина с устами. *Перевод Л. Пеньковского* 454
Красота твоя прелестна. *Перевод И. Гуровой* 455
Жалоба на жизнь. *Перевод И. Гуровой* 457

ГАРСЕВАН ЧОЛОКАШВИЛИ
Восхваление плодов. *Перевод С. Шервинского* 460

ИОСИФ ТБИЛЕЛИ
Дидмоуравиани. *Отрывки из поэмы. Перевод Г. Цагарели* 464

АРЧИЛ II
Спор Теймураза с Руставели. *Перевод К. Липскерова* . . 470

ВАХТАНГ VI
Перевод А. Кочеткова
Тбилиси 474
О, горькая смерть! 475

КОВСИ ТЕБРИЗИ
Газели. *Перевод П. Антокольского* 476

САИБ ТЕБРИЗИ
Газель. *Перевод Г. Асанина* 478

НИШАТ ШИРВАНИ
Мурабба. *Перевод П. Антокольского* 479

МЕХДЖУР ШИРВАНИ
Восхваление. *Перевод Д. Самойлова* 479

ТУРДЫ
Мухаммас. *Перевод Т. Стрешневой* 481
Газели. *Перевод Т. Стрешневой* 484

МАШРАБ БАБАРАХИМ
Газели. *Перевод В. Державина* 486
Мухаммасы
«К порогу любимой...» *Перевод Т. Спендиаровой* 487
«В любви признаюсь...» *Перевод Т. Спендиаровой* 487
«В горе я дни...» *Перевод В. Державина* 488
«Ждал всю ночь я...» *Перевод В. Державина* 489
«Я, рожденный для страданья...» *Перевод В. Державина* . . 489

МЭВЛА КОЛЫП
Хикметы. *Перевод Р. Морина* 490

БАЙРАМ-ХАН
Перевод А. Кафанова
Сгорит 493
Рубаи 493
О, если б! 494
Если я недостоин тебя 494

САЛЫМ ТУРКМЕН
Перевод А. Кафанова
Рубаи 495
Из поэмы «Юсуф и Зулейха» 495

ВАРЛААМ
Стихи к гербу Молдавского княжества. *Перевод Ю. Кожевникова* 496

ДОСОФТЕЙ
«Строя миром крепость мира...» *Перевод Ю. Кожевникова* 497

МИРОН КОСТИН
Жизнь мира. Суета сует и все суета. *Перевод Ю. Кожевникова* 498

ШАВКАТ БУХОРОИ
Перевод Д. Самойлова
Касыда 499
«Уходишь ты — и без тебя с вином враждует кубок мой...» 501
«В твоих глазах кувшин с вином и пьющий соединены...» 502
«К дверям кумиров я пришел, в оковы верности одет...» . . 502
«От зависти к твоим губам пить перестал росу бутон...» 503
«Тот, кто находит вкус в крови, тому убийство нипочем...» 503

XVIII ВЕК

ЗЕБУННИСО
«Когда рубины губ твоих...» *Перевод Н. Познанской* . . . 507
«К чему, к чему мои глаза...» *Перевод И. Сельвинского* . . 507
Мое имя. *Перевод Т. Стрешневой* 508
Суд сердца. *Перевод Т. Стрешневой* 508
Пламя. *Перевод Т. Стрешневой* 509
«От вздохов пламенных моих...» *Перевод Т. Стрешневой* . 509
Этой ночью. *Перевод Т. Стрешневой* 509
«Что значит жизнь? Среди цветов...» *Перевод Т. Стрешневой* 510
Тропа любви. *Перевод Т. Стрешневой* 510
«Летя на пламенный огонь...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 511
Идолопоклонница. *Перевод Т. Стрешневой* 511
«Аллах мой! Этот светлый луч...» *Перевод Т. Стрешневой* 512
«Мою единственную страсть...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 513
Памятник любви. *Перевод Т. Стрешневой* 513
Плачу. *Перевод Т. Стрешневой* 513
«Как Тигр-река из глаз моих...» *Перевод Т. Стрешневой* 514
«Забудет розу соловей...» *Перевод Т. Стрешневой* 514

Пальма мысли. *Перевод Т. Стрешневой* 515
Сгорели стоны. *Перевод Т. Стрешневой* 515

САИДО НАСАФИ
«Небеса вдалеке на горбатого, друг...» *Перевод И. Сельвинского* 516
Пятистишия. *Перевод А. Адалис* 516
«Я запятнан, как мака цветок...» *Перевод А. Адалис* . . 517
«Мне шапка странника родней...» *Перевод А. Адалис* . . 518
«Я птицу бескрылую видел и вспомнил...» *Перевод А. Адалис* 518
«Скорей, виночерпий, вина!..» *Перевод А. Адалис* 519
«Если сменишь гнев на милость...» *Перевод А. Адалис* . . 519
«Сдвигались брови,— и казалось...» *Перевод А. Адалис* . . 520
«Если бедность пришла...» *Перевод А. Адалис* 520
Касыда живописцу. *Перевод А. Адалис* 521
Касыда хлебопеку. *Перевод А. Адалис* 523

БЕДИЛЬ
Четверостишия. *Перевод Я. Козловского* 525
Из поэмы «Ирфон»
Восхваление пахарей. *Перевод Л. Озерова* 531
Против поэтов, восхваляющих шахов. *Перевод И. Гуровой* 533
Рубаи. *Перевод И. Гуровой* 533

МИРЗО СОДИК МУНШИ
Перевод Д. Самойлова
«Мою скорбную душу объяли огня языки...» 534
«Ароматен твой лик, он отмечен дыханьем красы...» . . . 534
«Если тем, кто не спит, ветерка не подарит восход...» . . 535

МУНИС
Слово. *Перевод В. Липко* 535
Поэты. *Перевод В. Липко* 536
Газели
«Великим шахом царства дум я Низами зову...» *Перевод С. Сомовой* 537
«Тоскою по тебе мой каждый вздох взмечен...» *Перевод С. Сомовой* 537
«Ужели к хижине смиренной...» *Перевод В. Звягинцевой* 538

УТЫЗ-ИМЭНИ
Изложения. *Перевод В. Журавлева* 539

САЛАВАТ ЮЛАЕВ
Перевод Б. Турганова

Родная страна 543
Мой Урал 544
Битва 544
Стрела 545
Юноше-воину 546
Соловей 546
Мой кош 546
Зюлейха́ 547

ГАИБИ

Перевод А. Кафанова

Моя Аннасолтан 547
Плачущий о розе 548
Над чашей светильника 549
Лужайки оживил 549
Что, святоши, с вас возьмешь? 550

АЗАДИ ДОВЛЕТМАМЕД

Притчи о шахах. *Перевод Г. Веселкова* 551

МАХТУМКУЛИ

Будь спокойным. *Перевод Ю. Валича* 554
Не пристало. *Перевод Ю. Валича* 554
Глядите. *Перевод Ю. Гордиенко* 555
Не будь! *Перевод А. Кронгауза* 556
Несокрушимое. *Перевод Н. Тихонова* 557
Вдали от родины. *Перевод А. Тарковского* 558
Возвращение на родину. *Перевод А. Тарковского* 558
Горы в тумане. *Перевод А. Тарковского* 560
Желание. *Перевод А. Тарковского* 560
Изгнанник. *Перевод А. Тарковского* 561
Ищу спасенья. *Перевод А. Тарковского* 562
Лебеди. *Перевод А. Тарковского* 563
Начала. *Перевод А. Тарковского* 564
Нашествие. *Перевод А. Тарковского* 565
Призыв. *Перевод А. Тарковского* 565
Светлое время. *Перевод А. Тарковского* 566
Тоска по родине. *Перевод А. Тарковского* 567
Гурген. *Перевод Г. Шенгели* 568
На себя взгляни. *Перевод Г. Шенгели* 569
Пощади! *Перевод Г. Шенгели* 569
Различия. *Перевод Г. Шенгели* 570

Растопчет. *Перевод Г. Шенгели* 570
Дай исцеленье мне. *Перевод Т. Стрешневой* 571
Пришлось. *Перевод Т. Стрешневой* 572
Беда. *Перевод А. Тарковского* 573
Дни. *Перевод А. Тарковского* 573
Желание странствий. *Перевод А. Тарковского* 574
Откровение. *Перевод А. Тарковского* 575
Плач. *Перевод А. Тарковского* 577
Путь. *Перевод А. Тарковского* 577
Пятидесятилетие. *Перевод А. Тарковского* 578
Смерть отца. *Перевод А. Тарковского* 580
Старость. *Перевод А. Тарковского* 582
Сын. *Перевод А. Тарковского* 582
Не знаю. *Перевод М. Тарловского* 586
Душа моя. *Перевод Г. Шенгели* 586
Не могу отличить. *Перевод Ю. Валича* 587
Владычица. *Перевод А. Тарковского* 588
Влюбленный скиталец. *Перевод А. Тарковского* 589
Глаза Менгли. *Перевод А. Тарковского* 591
Луна. *Перевод А. Тарковского* 591
Мольба. *Перевод А. Тарковского* 592
Ожидание Менгли. *Перевод А. Тарковского* 592
Певец. *Перевод А. Тарковского* 593
Поклонение. *Перевод А. Тарковского* 595
Сердцу. *Перевод А. Тарковского* 596
Из лучших лучший. *Перевод Ю. Нейман* 598
Не вечен ты. *Перевод Т. Стрешневой* 599
Безвременье. *Перевод А. Тарковского* 599
Добро и зло. *Перевод А. Тарковского* 601
Дождя, дождя, мой султан! *Перевод А. Тарковского* . . . 601
Изменило мне счастье... *Перевод А. Тарковского* 602
Мгновенье. *Перевод А. Тарковского* 603
Молва. *Перевод А. Тарковского* 604
Называйся Фраги отныне *Перевод А. Тарковского* . . . 605
Наставление. *Перевод А. Тарковского* 606
Не зная зависти... *Перевод А. Тарковского* 608
Несправедливость. *Перевод А. Тарковского* 609
Предостережение. *Перевод А. Тарковского* 610
Рука мира. *Перевод А. Тарковского* 611

АНДАЛИБ НУРМУХАМЕД-ГАРИБ

Лейли и Меджнун. *Отрывки из дастана. Перевод А. Кочеткова* 612

МАГРУПИ

Что нужно. *Перевод С. Липкина* 621
Довлетъяр. Песни из дастана. *Перевод Н. Вольпина* . . 621

ШАБЕНДЕ

Гюль и Бильбиль. *Отрывки из дастана. Перевод А. Кочеткова* 624

ШЕЙДАИ

Перевод В. Пермякова

Пришел Новруз 630
Прощание с сыном 631
Моей любимой не видал ли? 632

БУХАР-ЖЫРАУ

Обращение поэта Бухара к хану Аблаю. *Перевод Д. Самойлова* 632

ЖИЕН-ЖЫРАУ

Разоренный народ. *Из поэмы. Перевод В. Державина* . . 634

АГА МАСИХ ШИРВАНИ

Мухаммасы. *Перевод П. Антокольского* 638
Газели. *Перевод Д. Самойлова* 640
Пятистишия. *Перевод Д. Самойлова* 641
Заклинание. *Перевод Д. Самойлова* 641

ВАГИФ МОЛЛА-ПАНАХ

Г о ш м ы

«Душистые, нежные кудри твои...» *Перевод Т. Стрешневой* 642
«Женщина, что сердцем хороша...» *Перевод М. Петровых* . 642
«Чужими друг другу мы стали давно...» *Перевод Т. Спендиаровой* 643
«Темноглазая гонит меня в сердцах...» *Перевод М. Петровых* 644
«О Сафия, пою,— и голос тих...» *Перевод М. Петровых* . . 644
«О ты, что так же зла, как хороша...» *Перевод Т. Спендиаровой* 645
«На свадьбу, на веселый той...» *Перевод Т. Стрешневой* . 645
«Задержите в полете удар крыла...» *Перевод В. Луговского* 646
«Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!..» *Перевод В. Луговского* 646
«Наступил байрам. Как нам быть теперь?..» *Перевод Т. Спендиаровой* 647

«Забыл я бога, верой пренебрег...» *Перевод Т. Стрешневой* 647
«Если милая приходит...» *Перевод Т. Стрешневой* 648
«Ты нежнее всех красавиц...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 649
«Ты моешь волосы. От них...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 649

Газели
«Кто заболеет любовью...» *Перевод В. Державина* 650
«Своей весенней красотой...» *Перевод В. Державина* . . . 651
«Увидев лик твой...» *Перевод М. Замаховской* 651
«Кто в Джеваншире сочинит...» *Перевод Т. Спендиаровой* . 651

Мухаммасы
«Головой к груди прижаться...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 652
«Всю ночь мечтая о тебе...» *Перевод В. Потаповой* 653
«Нанесла ты мне много мучительных ран...» *Перевод В. Потаповой* 653
«Я правду искал, но правды снова и снова нет...» *Перевод К. Симонова* 654

ВИДАДИ МОЛЛА ВЕЛИ

Гошмы
«Ряд за рядом, поднявшись...» *Перевод В. Луговского* . . 656
«Там, где любви напрасно сердце ждет...» *Перевод К. Симонова* 657
«О друг души моей! Жду не дождусь...» *Перевод П. Антокольского* 657
Газели. *Перевод К. Симонова* 658
Первое письмо Вагифу. *Перевод К. Симонова* 659
Мусаддас. *Перевод К. Симонова* 660

БАГДАСАР ДПИР

«Беги с очей, царевнин сон!..» *Перевод С. Шервинского* 661
«Пришла весна, и меж ветвей — тиховей...» *Перевод С. Шервинского* 662
К Мамоне. *Перевод Н. Гребнева* 662
Не плачь, соловей. *Перевод Н. Гребнева* 664
Песня весны. *Перевод Н. Гребнева* 664
Свет очей моих. *Перевод Н. Гребнева* 665

ПЕТРОС КАПАНЦИ
Перевод Н. Гребнева

Стан 666
Народу моему любимому 667
Не осыпай, о роза, лепестки 667

ГРИГОР ОШАКАНЦИ
Перевод Н. Гребнева

Песня любви 669
Плач о городе Ани 670

НАГАШ ОВНАТАН

Песня любви. *Перевод В. Брюсова* 671
Нет покоя мне. *Перевод В. Брюсова* 672
Милая, сжалься! *Перевод В. Брюсова* 673
Моя возлюбленная. *Перевод С. Спасского* 674
Жестокий друг. *Перевод Вс. Рождественского* 675
Песнь о грузинских красавицах. *Перевод П. Панченко* . . 677
Песня весны и радости. *Перевод С. Спасского* 678

САЯТ-НОВА

«Ты, безумное сердце! Мне внемли...» *Перевод В. Брюсова* 680
«Твой волос — смоченный рейхан...» *Перевод С. Шервинского* 680
«Жив доколь я, джан...» *Перевод С. Шервинского* 681
«Ах, почему мой влажен глаз...» *Перевод В. Брюсова* . . 682
«Чужбина — мука соловья...» *Перевод В. Брюсова* 682
«Я был в Абаше, я весь мир прошел...» *Перевод М. Лозинского* 683
«Угодливо, народный раб!..» *Перевод В. Брюсова* 684
Каманча. *Перевод В Брюсова* 684
«Меня и милую мою година та ж родила, знай...» *Перевод В. Брюсова* 685
«Я — на чужбине соловей...» *Перевод В. Брюсова* 685
«Отраден голос твой, и речь приятна... *Перевод М. Лозинского* 686
«Я в жизни вздоха не издам...» *Перевод В. Брюсова* . . . 687
«О царь, люби закон и суд...» *Перевод С. Гайсарьяна* . . 687
«То, что бархат я, что шелк я...» *Перевод К. Липскерова* 688
«Твоему суду сердце будет радо...» *Перевод А. Тарковского* 689
«Ты — пенная Кура...» *Перевод В. Потаповой* 689
«Златые пуговки...» *Перевод В. Потаповой* 690
«Пусть попугай поет...» *Перевод В. Потаповой* 691
«Питомица розы...» *Перевод В. Потаповой* 691
«Полуночная звезда...» *Перевод В. Потаповой* 692
«Разве голоден был...» *Перевод В. Потаповой* 693
«Мало радости...» *Перевод В. Потаповой* 693
«Оставь меня!..» *Перевод В. Потаповой* 694
«Благословен строитель, возведший мост!..» *Перевод А. Тарковского* 694
«Невыносимым стал мне песенный мой дар...» *Перевод В. Звягинцевой* 695

«Смерть придет ко мне незванно...» *Перевод К. Липскерова* 696
«Ях, мук терпеть не стану, нету силы...» *Перевод В. Звягинцевой* 696
«В морях любви на дне есть жемчуг...» *Перевод В. Звягинцевой* 697
«В когтях тоски забыта жизнь моя...» *Перевод В. Звягинцевой* 698
«Мир — ничто», — мне кто-то шепчет...» *Перевод К. Липскерова* 698
«Из-за тебя, красавица...» *Перевод А. Тарковского* 699
«Да будут смертному слова мои ясны..» *Перевод В. Звягинцевой* 699
«Я лишь слуга ашугов искушенных...» *Перевод К. Липскерова* 700
«Весь этот мир — лишь суета..» *Перевод К. Липскерова* 700
«Твоих грудей гранат — что меч!..» *Перевод В. Брюсова* 701
«Наш мир — раскрытое окно...» *Перевод М. Лозинского* . . 702

МАНАНА

Разговор Мананы с лихорадкой. *Перевод В. Звягинцевой* 702

БЕСИКИ

О царевне Анне. *Перевод К. Липскерова* 706
Сад грусти. *Перевод М. Петросых* 708
Мне твои прегрешенья известны. *Перевод М. Петровых* . . 709
С плачем летит соловей. *Перевод М. Петровых* 710
Стройный стан. *Перевод М. Петровых* 711
Неодолимые думы. *Перевод М. Петровых* 712
Я думаю о тебе. *Перевод М. Петровых* 713
Черные дрозды. *Перевод М. Петровых* 714
Предутренний воздух прохладный... *Перевод М. Петровых* 714

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Перевод Н. Заболоцкого

Давитиани. *Отрывки из поэмы* 715
Бедствия Грузии. *Отрывки из поэмы* 719
Зубовка 728
«Одна красотка, встретившись со мною...» 730
Завещание Давида Гурамишвили 730

АНХИЛ МАРИН

Перевод Я. Козловского

Чтоб тебя поразила стрела 732
Приди, ясноокий 733

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

«За что меня винишь ты...» *Перевод Я. Муратова* 734

САИД ИЗ КОЧХЮРА

Перевод Н. Гребнева

Проклятье Мурсал-хану 735
Черна судьба 736

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

1. «Ах, поля, поля зелены..» 737
2. «Всякому городу нрав и права...» 737
3. «Ой ты, птичко желтобоко...» 739
De libertate 739

ИВАН КОТЛЯРЕВСКИЙ

Энеида. *Отрывки. Перевод В. Потаповой* 740

КРИСТИОНАС ДОНЕЛАЙТИС

Перевод Д. Бродского

Времена года. *Отрывки из поэмы* 757

Басни

Пиршество лисицы и аиста 780
Рыжка на ярмарке 782
Пес-голован 783
Волк-судья 784

Примечания *И. Катинайте* 789

На суперобложке:

Григор Нарекаци. «Книга скорбных песнопений». Портрет Григора Нарекаци. Художник Григор Мличеци. 1173 г. Матенадаран. Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца при Совете Министров Армянской ССР.

«Старый борец побеждает своего ученика». Бухара. XVI—XVIII вв. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Юноша с книгой у дерева». Миниатюра из мураккa. Султан Мухаммед. Тебриз. Первая половина XVI в. Дорн-489. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Лист рукописи. Гулани из Кайчасти. 1674 г. Институт рукописей имени К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР.

«Казак-бандурист». XVIII в. Днепропетровский исторический музей.

«Юсуф и Зулейха едут в сады». Назим Харави. «Юсуф и «Зулейха». Дарваз. 1797—1798 гг. Государственный Эрмитаж.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 55

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР IV—XVIII ВЕКОВ

*

Редактор Ю. Розенблюм
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Титова
Корректоры
Г. Сурис и Л. Фильцер

*

Сдано в набор 28/II 1972 г. Подписано к печати 21/VIII 1972 г. Бумага типограф. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 54 печ. л. 50,38 усл. печ. л. 41,83 уч.-изд. л. + + 7 нак.= 42,53. л. Заказ 2751
Тираж 300 000 экз.
Цена 2 р. 26 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
СССР. Москва, М-54, Валовая, 28

چوکانی شه که در تکاپوی